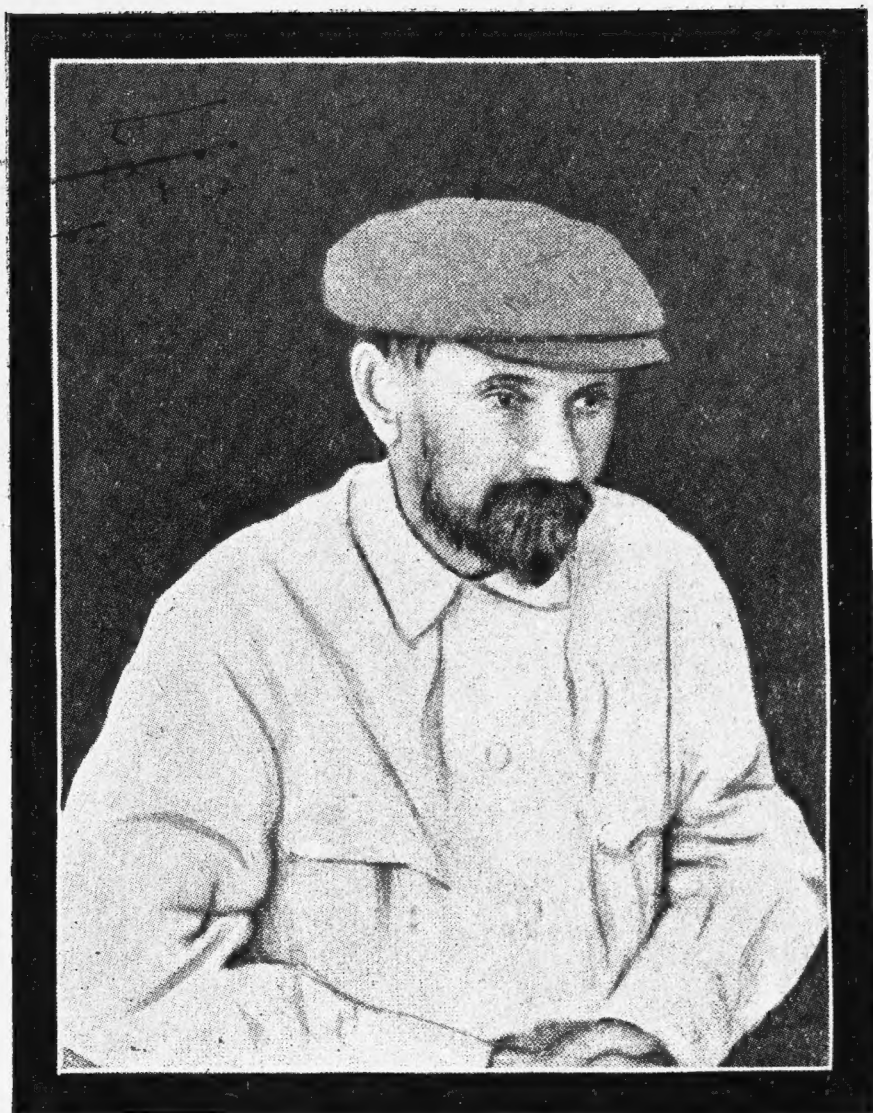

РН
65А
528

Н. Н. БАТУРИН

СОЧИНЕНИЯ

Н. Н. БАТУРИН

Фотография редакции „Правды“ к пятнадцатилетнему юбилею газеты — 1927 г.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

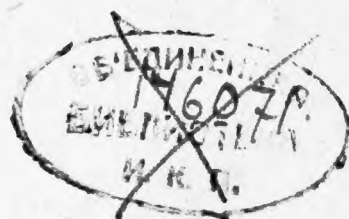
КН
65 А
528

Н. Н. БАТУРИН

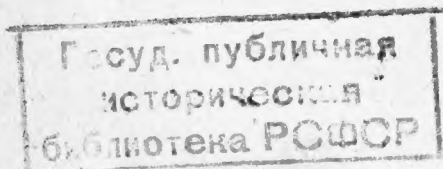
СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ, М. С. ОЛЬМИНСКОГО
и М. А. САВЕЛЬЕВА

ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ
М. М. МАЛЫТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

146041

Л, З. Гиз 35034/м.
Ленинградский Областлит № 37055
403/4 л. Тираж 3000. 7. I. 30.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все произведения Николая Николаевича Батурина собрать, к сожалению, оказалось невозможным. Некоторые безвозвратно погибли в недрах охранки, другие исчезли в последние годы, по совершенно случайным, непредвиденным причинам, третьи мы сами не сумели уберечь: в первые годы Октябрьской революции большевикам было не до писания истории своей партии и, следовательно, не до надлежащего хранения и собирания архивов.

К первым относятся три рукописи. Одна из них была написана в «Крестах» в 1907 г. и напечатана в тюремном журнале, под заглавием: «Господам тюремным критикам» (подробнее см. в биографическом очерке). Другие две: «Один из столыпинских законопроектов» на 41 листе и статья без названия на 21 листе были отобраны при обыске и аресте в 1912 г. Обе статьи предназначались к напечатанию в «Правде». В архивах охранки они только перечислены, как вещественное доказательство «преступной» деятельности тов. Батурина, но, к сожалению, не сохранены.

Ко вторым принадлежат две его больших работы, которым он отдал много времени: «История большевизма» и «Происхождение христианства». Они погибли, очевидно, в сгоревшем крымском санатории «Эриклик». Сохранились лишь краткие наброски конспектов, списки литературы и т. д. Там же, должно быть, пропали стенограммы лекций по «Истории ВКП(б) и основам ленинизма», прочитанных в Воронежском сельскохозяйственном институте. Эти стенограммы тов. Батурин предполагал сам исправить и издать. Из всего этого курса лекций в его архиве нашлись лишь две — вступительная и «Условия развития рабочего движения и марксизма в России».

Наконец, оказалось невозможным установить все его статьи из дореволюционной «Правды», «Звезды» и «Невской

звезды», шедшие без подписи, за исключением двух «Кто победил?» и «Рабочая газета». Не мало также передовых статей (без подписи) было написано тов. Батуриным и в «Правде» 1918-19 г. Но единственно-возможный путь для их определения — просмотр рукописей, оказался отрезанным: архив «Правды», помещавшийся в Брюсовском переулке в полуподвальном этаже, был затоплен в 1923 г. Совсем пропал для нас материал из «Роста». Статьи Н. Н. в «Бюллетенях» Роста носили преимущественно руководящий характер и перепечатывались провинциальными газетами, но все они шли без подписи. Архивов «Роста» этого времени (18-19 г.) нет.

В собрание работ тов. Батурина вошли следующие его произведения:

Во-первых, вышедшие отдельными изданиями: «Очерк по истории с.-д. в России», «Очерки из истории рабочего движения 70 и 80 годов» и «Борьба за советы как органы пролетарской диктатуры»; во-вторых, все те статьи, которые были напечатаны в дореволюционных и пореволюционных газетах и журналах, хрестоматиях, энциклопедиях; в-третьих, лекции по истории социализма, коммунизма и ВКП(б); в четвертых — немногие письма.

«Очерк по истории с.-д. в России» вышел в двенадцати изданиях. Первое — в 1906 г., последнее — в 1926 г. Девятое издание было заново пересмотрено и исправлено автором в 1925 г. Эта работа перепечатывается в настоящем сборнике с десятого стереотипного издания без изменений. Опущена лишь статья тов. М. С. Ольминского. Она печаталась в «Очерках», начиная со второго издания (1917 г.) в виде приложения и представляла собой краткий обзор истории партии с 1905 до 1917 г. Таким образом, она дополняла «Очерк» тов. Батурина, доведенный лишь до 1905 г.

При сопоставлении первого и девятого, — исправленного автором, изданий изменения обнаружились незначительные: большинство из них, главным образом, стилистические поправки и исправление некоторых дат. Все эти мелкие разночтения редакция не считает нужным приводить, тем более, что настоящий сборник является не академическим изданием, а популярным, предназначенным для широкой рабочей читательской аудитории.

«Очерки по истории рабочего движения 70 и 80 годов» перепечатываются со второго, исправленного автором, издания (Гиз. Москва. 1925 г.), также без изменений. Редакцией

выпущен лишь последний очерк «От народничества к марксизму», дословно напечатанный в «Очерках истории с.-д.» под названием «Группа «Освобождение труда». К «Очеркам» остается приложенной автобиография тов. П. А. Мосеенка, написанная по просьбе Николая Николаевича.

Брошюра «Борьба за советы как органы пролетарской диктатуры» вышла в 1925 г. До этого была напечатана вводной статьей в сборнике «Пять лет власти Советов» (Изд. ВЦИК. 1922 г.).

Статья «Голос из мусорного ящика русской революции» печатается впервые. Рукопись ее была найдена в личном архиве тов. Батурина и предназначалась для «Правды» в конце декабря 1918 г.

Все лекции, за исключением двух — «ВКП(б) и основы ленинизма» и «Условия развития рабочего движения» были прочитаны тов. Батуриным в 1919 г. в «Центральной школе советских и партийных работников» (первоначальное название Свердловского университета). Очевидно, были прочитаны три курса: по истории социализма, коммунизма и истории партии. На это указывает постановление президиума ВЦИК и ЦК ВКП(б) о распределении работ в Центральной школе (напечатано в «Известиях» 6 и 7 июня 1919 г.). Разработка плана и ведение курса по истории социализма в России и на Западе поручались гг. Н. Батурину, Ю. Каменеву, В. Невскому, М. Ольминскому, П. Орловскому (В. Воровскому), Д. Рязанову и Ю. Стеклову. По истории рабочего движения в России — Н. Батурину, В. Невскому, П. Орловскому, Е. Преображенскому. По истории коммунистической партии — Н. Батурину, Ю. Каменеву, М. Ольминскому, Д. Рязанову.

Чтение лекций было еженедельным; это удалось установить, сопоставив даты лекций с программой их. К сожалению, все попытки восстановить полный курс лекций оказались неудачными. В личном архиве тов. Батурина сохранились разрозненные лекции по всем трем темам: от 5 апреля, 22 мая, 5 июня, 23 июля, 27 августа, 10 и 15 сентября и лекция (без обозначения даты) о первобытном коммунизме. В библиотеке Свердловского университета нашлись еще лекции от 10 и 17 июля, 6 августа и 3 октября. В настоящее издание вошли все лекции, за исключением тех, которые почти дословно повторяют некоторые «Очерки» по истории с.-д. и рабочего движения.

Стенограммы лекций были получены в сыром виде (за исключением одной «о первобытном коммунизме», которую Н. Н., очевидно, выправил). При обработке их редакция старалась как можно больше сохранить, свойственный Н. Н., популярный язык лекций. В тех случаях, когда были очевидные пропуски слов и цитат, они вставлялись на основании протоколов соответствующих съездов партии (IV и V) и тех материалов, которыми пользовался тов. Батулин. Редакция не считала нужным для популярного издания оговаривать каждую такую поправку.

Письма Н. Н. не собраны, несмотря на просьбу к товарищам (через «Правду» и «Известия») прислать их. Поэтому этот отдел оказывается наиболее скудным.

Наконец, в приложении даны: статья «Единение пролетариата», написанная Н. Н. и А. Замятиным, протокол организационного заседания комиссии по изданию советского энциклопедического словаря и большая рукопись «История социализма». Последняя была найдена в личном архиве тов. Батулина. Окончательно установить ее авторство не оказалось возможным. Если судить по стилю и теме — она принадлежит перу Н. Н. Это предположение подкрепляется еще и следующим обстоятельством: первая половина статьи, по содержанию и изложению, очень схожа с лекциями Н. Н. о социализме и коммунизме. Возможно, что эта рукопись составляет начало пропавшей работы по истории большевизма. Написана она была, очевидно, до революции и за границей. На эти соображения наводят следующие данные. Во-первых, фраза: «В наши дни расхождение двух частей партии (т. е. большевиков и меньшевиков. *Ред.*) окончательно определилось, приняв острый характер». Для меньшевиков н а ш и х дней, давно перешедших в лагерь контр-революции, это сказано слишком мягко. Затем, перевод на русский язык цитат из Маркса, Энгельса, Лассалю и др. не совпадает дословно с текстом их произведений, изданных в СССР. Возможно, что автор пользовался непосредственно оригиналами, сам делая перевод на русский, или цитировал по дореволюционным изданиям. Листы рукописи — пожелтевшие.

Внутри каждого раздела материал помещен в хронологическом порядке.

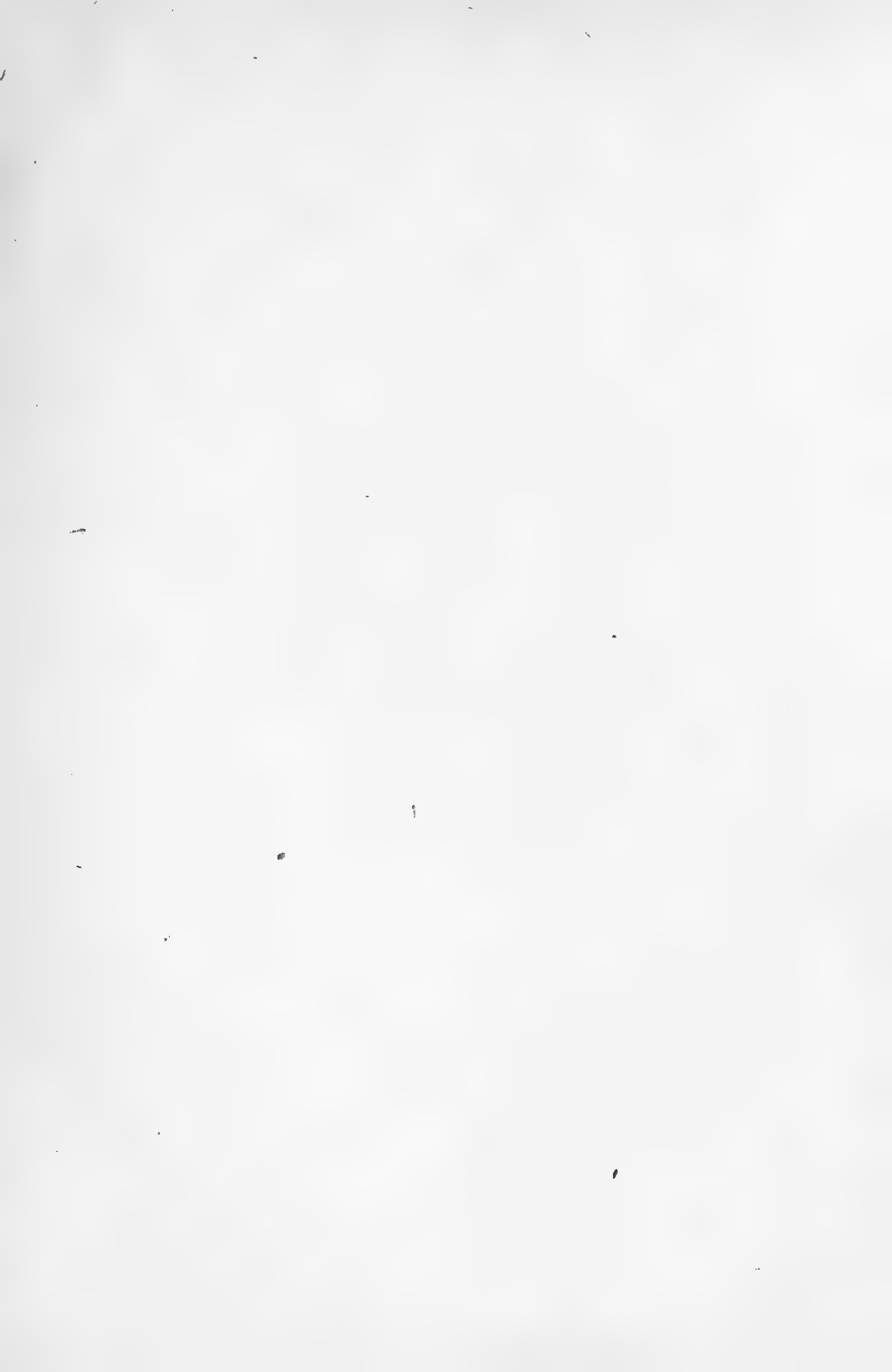
Биографический очерк составлен на основании: 1) краткой автобиографии (*Curriculum vitae*) и личного партийного дела, 2) дел охранного отделения департамента полиции и 3) вос-

поминаний товарищей, работавших с Н. Н. в различные периоды.

Даты событий до Октябрьской революции оставлены по старому стилю, после революции — приведены по новому.

Большинство примечаний под текстом литературных работ принадлежат тов. Батурину. Принадлежащие редакции оговорены. В лекциях наоборот: все примечания, за исключением двух-трех, принадлежат редакции и оговорены лишь примечания автора. Редакции принадлежат также и примечания к письмам.

Вся работа по собиранию материалов и подготовке их к печати сделана тов. М. М. Мальт под редакцией тт. А. И. Елизаровой, М. С. Ольминского и М. А. Савельева.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ БАТУРИН
(ЗАМЯТИН)

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

«У него было глубокое марксистское понимание, углубленный большевистский взгляд. Это стопроцентный марксист-большевик».

В. А. Шелунов.

Настоящий очерк дается на основании приложенной к нему автобиографии Николая Николаевича Батурина и ряда воспоминаний. Но несмотря на насыщенность работой и всем тем, что пришлось вынести в царских застенках этому «борцу за пролетарскую революцию, за социализм, этому сознательному и упорному ленинцу, не сворачивавшему ни разу с ленинского пути» (К. Еремеев), — описание его жизни получается менее богатым фактами, личность выступает менее выпукло, чем должно было быть. И это, главным образом, по двум причинам.

Во-первых, вследствие того, что Н. Н. был от природы слабым (в семье была туберкулезная наследственность): эта болезненная предрасположенность уже с молодых лет очень затруднила для него революционную работу и борьбу в условиях дореформенной России и всю жизнь не давала возможности работать в меру отпущенных ему сил и дарований.

Полуголодное существование в эмиграции и ссылке, бациллы в тюрьмах и на этапах и нагайки царских опричников снова и снова укладывали его в постель. Работать приходилось часто урывками с большим напряжением всех сил подорванного организма. Победоносная пролетарская революция застала тов. Батурина уже совсем больным, и врачи прямо поражались, как он мог жить и работать при таких скудных остатках своих больных легких. Но единственное, что было сильно в этом расшатанном организме, — крепкая воля и твердая убежденность коммуниста — продолжали еще давать результаты, творили почти чудеса.

Второй причиной, чрезвычайно затрудняющей сколько-нибудь яркое и соответствующее действительности изображение личности Н. Н., является его совершенно исключительная скромность, связанная с большой замкнутостью. Н. Н. Бату-

рин был из тех натур, для которых глубокая убежденность в тех или иных взглядах равносильна стремлению претворять их немедленно и безостановочно в жизнь. Для них это само собой разумеющаяся потребность и обязанность, а никоим образом не заслуга. Строго подготавливаясь ко всякой работе, постоянно проверяя свои знания, они не только не стремятся к более заметным и выдающимся ролям, но, наоборот, ставят себя всегда в более скромное, чем могли бы, положение. Словом, перед нами натура исключительно глубокая, сдержанная и скрытная, с большими требованиями к себе, щепетильная почти до болезненности. А такие натуры не только не выдвигаются вперед, но требуют для своей обрисовки исключительного внимания и вдумчивости.

Биография людей такого типа должна быть написана лицом, имевшим возможность наблюдать их жизнь во время разных этапов ее, чтобы наблюдениями близкого товарища возместить ту скудость сведений о пережитом и совершенном, которая дается нам самим автором.

В виду того, что подобного близкого, долгое время жившего и работавшего бок-о-бок с Н. Н. друга, который мог бы дать цельную биографию, у него не осталось, мы пытаемся восполнить это до некоторой степени выдержками из воспоминаний разновременно и при разных условиях встречавшихся с ним товарищей.

Настоящая фамилия Николая Николаевича — Замятин; Батури́н — его литературный псевдоним, которым он назвался в память офицера Батурина, москвича, первого революционера из интеллигенции, осужденного в конце XVIII века за пропаганду среди московских рабочих.¹

Н. Н. Батури́н рос в большой семье: у него было четыре брата и две сестры. Ко времени школьного возраста детей отец Н. Н. перешел на службу в Воронеж, в управление железных дорог. Николай был помещен в прогимназию и по окончании ее — в классическую гимназию. Сестра его, Мария Николаевна Ряховская,² рассказывает, что Н. Н. очень хотелось поступить в реальное училище, куда влекла его склонность к естественным наукам и недюжинные технические спо-

¹ См. книгу «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева.

² Жена Н. А. Ряховского, члена одного с Н. Н. с.-д. кружка в Воронеже, ныне преподавателя с.-х. академии имени Тимирязева.

собности, но отец настоял на продолжении образования в гимназии. Это было тяжелым горем для мальчика.

«С детства, — вспоминает сестра, — он был очень хрупким мальчиком, тихим, застенчивым и очень чутким. Он был, правда, шалуном, но шалости его никогда не задевали и не обижали нас, остальных детей, а носили часто характер занимательных приключений или «изобретений». Придумает, например, особым образом запускать змея и летит вместе с ним с крыши сарая. Или раз, во время большого половодья, когда часть усадьбы была тоже под водой, Николай спустил в воду чан, сел туда с братом Александром да еще трехлетнего братишку всунул. Импровизированная лодка перевернулась, и маленький братишка чуть не утонул. Подобных происшествий было с ним очень много. А в возрасте от 10 до 12 лет отчасти, вероятно, под влиянием приключенческой литературы он, подговорив следующего за собой брата, Александра, решил ехать в Америку. Услышав отрывки таинственных разговоров о том, что река Воронеж впадает в Дон, а Дон в Азовское море, о бурях в океане и Америке, я поняла, с ужасом, что они хотят бежать. Рассказала отцу, который долго наедине разговаривал с братьями и, очевидно, переубедил их. Но мне братья не могли простить «предательства», выражая это каждый по-своему: Николай более сдержанным и холодным отношением, Александр — насмешками и упреками.

Учился брат Николай до седьмого класса блестяще, но в этом классе он соприкоснулся с революционными идеями, что естественно пошло в ущерб гимназическим занятиям, хотя он все же оставался по успехам «в первом десятке». По окончании гимназии священник раздавал всем ученикам на память иконки; брат здесь же, в присутствии всего «синклита», отдал эту иконку подвернувшемуся швейцару со словами: «делайте с ней, что хотите». Это вызвало большой скандал. Отца призвали в гимназию, брату грозило лишение аттестата зрелости, а, следовательно, и возможности поступления в высшее учебное заведение.

Осенью 1896 г., Н. Н. вступил в марксистский кружок саморазвития. руководителями которого были И. К. Калмаков, доктор Исполатов и Н. А. Ряховский.

До вступления в кружок Н. Н. с увлечением читал историю философии, просвещая немного меня с Александром.

В декабре следующего года был арестован весь революционный актив, — в том числе и тогдашние марксисты: Н. Н.

Исполатов и Н. А. Ряховский. Я была невестой Ряховского, и у меня установилась тесная связь с тюрьмой. Жизнь дома стала совершенно невозможной, и я ушла из семьи. Заботился обо мне, главным образом, брат Николай и отчасти Александр».

В 1898 г. Н. Н. окончил гимназию и поступил на естественный факультет Петербургского университета, но через год был исключен за участие в студенческих «беспорядках» и выслан из Петербурга. Местом жительства он выбрал Воронеж. С этого времени до самой февральской революции он находился под гласным или негласным надзором полиции. В Воронеже работал в качестве статистика в губернском земстве. Скопив немного денег, он поехал за границу для продолжения своего образования.

За границей Н. Н. пробыл недолго¹ и весной 1901 г. возвратился в Воронеж, где тесно сошелся с кружком соц.-демократов, — Карповым Л. Я., Носковым В. А. и другими. Получив связь с Киевом, уехал туда работать, но скоро был арестован вместе со всей организацией и просидел около года в киевской тюрьме. По болезни (хронический катар легких) был выслан до приговора в Вятку. Летом ему было разрешено выехать на кумыс в Уфимскую губ. В январе 1903 г., получив приговор (три года Восточной Сибири), бежал за границу.

Там он работал в кружках содействия, примыкающих «к Искре» и по организации архива и библиотеки партии. Этому делу, — рассказывает в своих воспоминаниях Бонч-Бруевич, — Н. Н. много дал, уйдя в него с головой. Но долго оставаться вдалеке от живой работы в условиях тогдашней русской действительности Н. Н. не может. Он тоскует за границей. В одном из писем он определяет эту тоску словами Гейне: «постоянная зубная боль в сердце». И в 1904 г. возвращается нелегально в Россию.

Партия посылает его на работу в Тулу. «Весной и летом 1904 г., — пишет т. Минаев,² — Тульская организация была

¹ По данным охраны Н. Н. примкнул за границей к народо-вольцам. Это совершенно неверно. С народо-вольцами как в России, так и за границей он, конечно, встречался, но в их организации никогда не состоял. Плохо разбиравшаяся в то время во всех революционных направлениях охранка валила все в одну кучу.

² Тов. Н. И. Минаев — в 1904 г. член тульской организации — один из немногих, оставшихся после провалов. Работал вместе с тов. Батуриным. Ныне заведует полиграфическим отделом транспечати НКПС. По просьбе Института Ленина дал свои воспоминания о работе тов. Батурина в Туле.

дважды разгромлена: в первый раз была арестована вся ее головка, а во второй — почти вся периферия. Все явки были провалены, адреса ликвидированы. Н. Н., посланный для восстановления организации, попал в тяжелые условия. Связаться удалось только с двумя людьми: Плат. Вас. Луначарским, в то время больным, прикованным к креслу, и с неким Васильевским, уцелевшим среди немногих. Через него и удалось Н. Н. наладить связь с рабочими районами, распространить литературу и организовать квартиру для собраний в домике его отца, стоявшем на окраине. В хорошо законспирированной крохотной комнатке без окон, при крохотной коптилке происходили собрания, обсуждались планы работ, хранилась и распределялась литература. Тут же Н. Н. своим тихим, ровным голосом давал указания, которые всеми всегда беспрекословно исполнялись.

Одновременно Н. Н. вел занятия в рабочем кружке. Он сразу настолько сумел заинтересовать рабочих, большею частью новичков, что кружок быстро начал расти, и для безопасности пришлось разбить его на части. Все свободное время Н. Н. проводил в этой же сырой комнатенке за записками и заметками, готовясь к следующим занятиям в кружках.

Помимо отсутствия связей и квартир, и бедность в организации была отчаянная. Я не уверен, что Н. Н. мог каждый день обедать. А когда нужно было начинать работу в Чулкове,¹ в кружке рабочих, куда далеко было идти по грязным, темным улицам, то выяснилось, что у Н. Н. даже галош не было. А здоровье его уже и в то время было плохое.

Но вот единственный «надежный» человек — Васильевский — оказался провокатором.² Последняя квартира для нас пропадает. Местом для собраний избирается паперть одной из церквей, стоявшей в стороне от главной улицы. Там за оградой собирались по вечерам. Сидели на мокрой лавочке, тесно прижавшись друг к другу. Время было холодное, снизу грязно, сверху моросил мелкий дождик. Н. Н. сидел сгорбившись, подняв воротник своего жиденького осеннего пальто, и все тем же тихим голосом, часто покашливая, давал всегда точные указания и советы.

Несмотря на все невзгоды, никто из нас никогда не слышал

¹ Предместье Тулы, в котором жили рабочие тульского оружейного завода.

² Расстрелян после Октябрьской революции.

от Н. Н. ни единого слова неудовольствия или ропота. Мы молодежь, иногда впадали в мрачное настроение, опускали руки, начинали роптать. Но Н. Н. всегда был ровен и спокоен. И достаточно было его взгляда на такого «роптуна», сопровождавшегося еле заметной под усами улыбкой, как каждый чувствовал себя сконфуженным и замолкал.

Между тем, сведения о провокаторстве Васильевского подтверждались. Нужно было немедленно принять меры, замести следы. Мы видели, что Н. Н. угрожает несомненная опасность и начали уговаривать его уехать. Он ничего не ответил, но так посмотрел на нас, что мы замолчали. А при следующей встрече сказал уже спокойно: как мы можем говорить о его бегстве в такое время, когда работа только начала налаживаться, людей нет и сменить его некому. Мы больше не решались поднимать этот разговор».

Но бежать Н. Н. все же пришлось: было очевидно, что жандармерия медлила с арестом, чтобы дать «обрасти» организации и забрать побольше народу. Работать на руку охране никому бы не пришло в голову.

При помощи двух фельдшерниц из городской больницы, Н. Н. удастся, незаметно для полиции, скрыться из Тулы.

По постановлению восточного бюро ЦК Н. Н. отправляется для работы в Уральский комитет. Но и здесь работать пришлось очень недолго: 23 января (ст. ст.) 1905 г. он был арестован под фамилией Виктора Сомова, при провале Екатеринбургского комитета.¹ Провал был жесточайшим, серьезнейшие улики были налицо. Было арестовано большое количество прокламаций, нелегальной литературы, технических принадлежностей для печатания. Взяты были также шифрованные письма из Петербурга. Все арестованные были заключены в Николаевские арестантские роты, известные своим суровым, почти каторжным режимом, с которым им пришлось бороться. О совместной с тов. Батуриным жизни в николаевской тюрьме в 1905 г. рассказывает бывший пермский рабочий Кириллов.

«Мы, с приходом екатеринбуржцев, сразу добились многого: нам разрешили открыть камеры, дали возможность общаться, обсуждать разные вопросы. Стали пользоваться литературой, вплоть до «Капитала» Маркса, каковой оказался у екатеринбургской группы. Замятин читал нам лекции и вел

¹ Екатеринбург — ныне Свердловск.

беседы по рабочему вопросу. Но в ротах жилось тяжело. Особенно страдал Николай Николаевич. Надо сказать, что пища для нас, рабочего желудка, была ничего, а вот Николаю Николаевичу с его болезнью приходилось трудно, так как и тогда он выглядел плохо, а мы, рабочие, между собой называли его «чахоточным», таким он нам казался в то время».

У тов. Батурина к этому времени был уже, очевидно, туберкулез легких. Наследственное предрасположение к туберкулезу нашло прекрасную почву в напряженной работе и тюремной обстановке. Тяжелые тюремные условия, стремление скорее вернуться к прерванной работе вызвали мысль о побеге. План его был разработан пятеркой: Мих. Вилоновым, Як. Златкиным,¹ Наумом Кацнельсоном, Иван. Мавринским и Ник. Замятиным. Побег был организован через подкоп под внутреннюю и наружную стены тюрьмы и состоялся 10 июля 1905 г., но неудачно. Бежавшие были задержаны.

«Николая Николаевича взяли у самой тюрьмы, — говорит тов. Кириллов, в хлебах он не мог уйти далеко». ² Пойманных жестоко избили и полуживых бросили в одиночные темные и сырые карцеры. Для Батурина жестокие побои озверевших тюремщиков имели тяжелые последствия: начал быстро развиваться туберкулез легких. А за день до побега было вынесено постановление об отдаче его на поруки, вследствие окончания дознания, и, главное, — болезненного состояния. Но за побег он был заключен в пермскую тюрьму. Отсидка длилась до 21 октября, когда Н. Н. был освобожден по амнистии, вызванной событиями 1905 г.

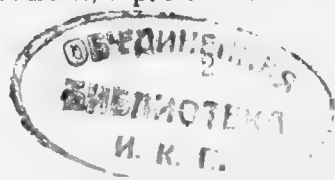
Выйдя из тюрьмы в самый разгар революции, тов. Батурин горячо принимается за дело. «В 1905 г. мы устроили, — вспоминает тов. Сыромолотов,³ — в Екатеринбурге наш первый, так сказать, коммунистический университет для рабочих партийцев. Учащихся партийцев было человек 50 — 60. Лекции читали Батурин, Чуцкаев, Бушен и другие. Эти лекции по определенной программе имели большое значение для рабочих Екатеринбурга, которые с жадностью воспринимали марксистскую науку. «Константин» ⁴ говорил тихо, спокойно шагая

¹ Оказался провокатором и расстрелян в 1918 г. (см. воспоминания С. Залкинда в «Пролет. Революция» № 4 (16) 23 г., стр. 125)..

² Тюрьма находилась по соседству с деревней и была окружена возделанными полями.

³ См. «Прол. революция» № 11 — 12 (82—83) 1928 г., стр. 312—315.

⁴ Подпольная кличка Н. Н.

по эстраде, внятно, выразительно, чрезвычайно популярно излагая и историю революционного движения и теорию Маркса, и в сжатых очерках давал необходимые знания. Еще в последнюю мою поездку в Свердловск, перед 15 съездом партии, некоторые товарищи уральцы вспоминали с большим удовлетворением этот «университетский» период работы нашей партии на Урале. «Константин» особенно хорошо умел объяснить, почему революция может быть победоносной только тогда, когда она осуществит диктатуру пролетариата под руководством большевиков. К красочной фигуре Свердлова, уверенной, крепкой и сосредоточенной — Чуцкаева — «Константин» был прекрасным дополнением. Такой состав руководителей организации успешно боролся с уральскими эсерами и анархистами разных мастей. Недаром меньшевики на Урале и вовсе не имели успеха, а эсеры утрачивали свое влияние на массы».

Тов. Сыромолотов отмечает дальше, что Н. Н. в этот период также деятельно готовил военную организацию: изучал военную технику, изготовление бомб, выработку для них взрывчатых веществ, способы получения гремучей ртути. На случай возможных военных событий в Екатеринбурге был составлен план наступлений и отступлений, защиты и нападения.

Но реализовать этот план в Екатеринбурге не пришлось. Пролетариат наносит царизму сильный, но не сокрушительный удар. Революция идет на убыль. Деспотизм начинает понемногу оправляться. Партия уходит в подполье копить новые силы для второго и третьего, последнего, удара.

Оставаться в Екатеринбурге тов. Батурину нельзя было. Начались массовые аресты, а его, благодаря частым и открытым выступлениям, так хорошо знали, что даже мальчишки при встречах с ним на улице говорили: «Вот идет товарищ Константин». Н. Н. уезжает в Воронеж. Но и здесь партийная организация разгромлена. «Сочувствующая» публика, напуганная арестами, сжалась и уклонялась от обычных услуг: предоставление нелегальным квартир, хранение литературы и проч. В тяжелых условиях Н. Н. вместе с несколькими уцелевшими, в том числе и Александром Замятиным, удается наладить работу и составить комитет. Однако, не надолго. Комитетчики принуждены разъехаться. Тов. Батурин едет в Москву, где вскоре же арестовывается, как нелегальный, сидит в Бутырках до весны (1906 г.) и, по выходе из нее, под-

дается уговорам сестры Марии ехать в Крым лечиться. Но весна в Крыму стояла сырая и холодная и, нисколько не поправившись, он через полтора месяца возвращается в Москву.

«Несмотря на подавление вооруженного восстания и массовое дезертирство интеллигенции, Батурин не обнаруживал никаких признаков растерянности. Скорее можно сказать обратное. Он думал, что заминка в революционном движении — кратковременная и что настоящая революция только начинается. На отступничество интеллигенции смотрел как на своеобразный процесс самоочищения партии».¹ И Н. Н. торопится использовать эту кратковременную «передышку» для обобщения первого революционного опыта; стремится сделать его достоянием вновь вливающихся в рабочий класс слоев; вскрыть ошибки, не допустить их повторения в будущих боях.

Работая в литературной группе при Московском областном комитете партии в качестве лектора-литератора, Н. Н. подготавливает к печати и издает свои лекции по истории партии, читанные им в разное время в рабочих кружках, объединив их общим названием «Очерк истории социал-демократии в России». Этот «Очерк», вышедший после революции еще в одиннадцати² изданиях, является наиболее ценным из всего, что до сих пор выходило из печати по истории партии. Написанный кратко, сжато, так, что «словам тесно, а мыслям просторно», простым популярным языком, он еще долго будет прекрасным учебным пособием для наших совпартшкол, рабфаков и наиболее доступным для широких рабочих масс. Все, что бы ни делал Николай Николаевич, он всегда имел перед собой ту рабочую массу, которой отдал свои силы и знания. Тщательно взвешивая каждое слово, кропотливо сверяя каждый описываемый факт, событие, дату с подлинными документами, он умел давать самое нужное, освещая все правильным марксистским анализом.

Но его тяготило незаконченное собственное образование, и осенью 1907 г. он вторично поступает в Петербургский университет на юридический факультет. Но и в годы учения Н. Н. активно работает в партийном подполье, как член литературной группы ПК, и упорно ищет пути по поднятию

¹ Из воспоминаний Н. А. Ряховского. См. «Пролет. Революц.» № 11 — 12, 1928 г., стр. 301 — 312.

² Первое вышло в 1906 г., второе — в 1917 г. и последнее — двенадцатое — в 1926 г.

образовательного и культурного уровня рабочих. Дать сразу большому количеству трудящихся как можно больше знаний, в наиболее доступной для них форме — эта идея никогда не оставяла Н. Н., и он всегда разными путями стремился ее осуществить. Так, он решил издать, под видом календаря, энциклопедию по рабочему вопросу и в издательстве «Зерно» вышел «Календарь для всех на 1908 год». Отдел по истории рабочего движения в России был написан самим Н. Н. В нем впервые были напечатаны статьи: «От народолюбия к марксизму», «Группа «Освобождение труда» и «Морозовская стачка». Статьи эти позднее вошли в сборник «Очерки из истории рабочего движения 70 и 80 годов». Кроме того Н. Н. составлен весь справочный отдел «Календаря». «Тов. Батурин возлагал, — сообщает в своих воспоминаниях тов. Чучин, — большие надежды на свой «Календарь». С беззаветной настойчивостью и невероятными трудностями ему удалось подготовить и выпустить в свет «Календарь», несмотря на то, что уже тогда он был совершенно больным. Но душа его была необыкновенно молодой и жизнерадостной, а глаза горели живым блеском. Мне он казался воплощенным противоречием: в больном теле здоровый дух и необыкновенная бодрость. Напечатанный в большом количестве «Календарь для всех» быстро разошелся; полиция не успела его конфисковать. Среди рабочих это издание пользовалось определенной симпатией и популярностью. Даже квалифицированные партийные работники частенько заимствовали из него необходимые им, прекрасно обработанные, цифровые данные по истории труда, социальному страхованию, рабочему движению и т. д. Николай Николаевич ходил именинником. Он носился с новой мыслью — издать уже более полную рабочую энциклопедию и организовать вечерние легальные рабочие курсы. Со свойственной ему устремленностью и проникновенностью в будущее, он развивал планы современных рабочих факультетов и «Рабфаков на дому». Но осуществить эту идею помогла ему лишь Октябрьская революция».

В самый разгар и работа и развитие дальнейших планов были прерваны новым ударом царизма. 10 ноября 1907 г. Н. Н. был арестован на заседании ПК вместе со всеми присутствовавшими на нем членами комитета.¹

¹ Землячкой, Томским, Чучиным и др. В числе арестованных был Коновалов («Николай»), впоследствии оказавшийся провокатором.

При аресте был захвачен текст воззвания ко всем рабочим и работницам Петербурга с призывом к однодневной забастовке-протесту в день суда над членами с.-д. фракции 2-й Государственной думы и др. партийные материалы и документы. Арестованные были отправлены в «Кресты». Улики были серьезны, и всем им грозили каторжные работы. Но настроение у всех было бодрое и деятельное.

«В тюрьме, — рассказывает тов. Чучин, — мы стали вскоре издавать нелегальный журнал на почтовой бумаге, носивший какое-то мистическое название «Крылатая душа». В журнале принял живое участие Николай Николаевич, руководивший критико-библиографическим отделом. Он же писал рецензии на книги и старые журналы богатой тюремной библиотеки, а иногда и общие критические очерки из тюремной жизни. Он решил, кроме того, изучить пометки, испещрявшие поля книг этой библиотеки, чтобы по ним судить о социальном, политическом и культурном составе тюремного населения «Крестов». В результате такого изучения в нашем тюремном журнале появилась его критическая сводка об этой «заборной литературе», как окрестил ее Николай Николаевич. Ну и здорово же от него досталось «господам тюремным критикам», кому была, в сущности, адресована эта статья. Заканчивалась она такой фразой:

— Тоже критики! Критиковали бы лучше баланду и горох!

Статья шла без подписи и направлена была, главным образом, против уголовных. Но многие из политических сочли себя также оскорбленными дерзким тоном статьи, и в редакцию посыпались протесты и опровержения».

Пекистам была предъявлена 126 ст. уголовного уложения, т. е. организация сообщества ниспровержения существующего государственного строя. В лучшем случае они могли рассчитывать на долгосрочную ссылку в Сибирь. Николай Николаевич в ожидании суда «добросовестно изучил материалы предварительного следствия и представлял из себя в этом отношении ходячую энциклопедию. Он всем нам доказывал, — говорит тов. Чучин, — необходимость единой тактики на судебном следствии, т. е. такого абсолютного молчания, какое мы провели, по его же настоянию, и на предварительном дознании. Благодаря его настойчивости и терпению мы сумели при скудости вещественных доказательств против каждого из нас в отдельности, значительно ослабить приговор суда».

Пекисты были приговорены особым присутствием петербургской судебной палаты, где дело разбиралось 23 — 24 мая 1908 г. — к одному году заключения в крепости, с зачетом пяти месяцев предварительного заключения. Оставшийся срок крепости Н. Н. отбывал на месте, т. е. в Петербурге.

Интересно, что сам тов. Батурин в своей краткой автобиографии (см. в конце биографии «*curriculum vitae*») об этом своем заключении говорит: «В петербургских тюрьмах» («Кресты» и Дом предварительного заключения) имел возможность много заниматься, главным образом по политической экономии и истории русского права, пользуясь довольно богатой библиотекой этих учреждений». Таких твердокаменных большевиков, каким был тов. Батурин, царская тюрьма не только не расслабляла, не только не убивала их революционности, но служила еще для них и университетом.

Выйдя на волю, Н. Н. в 1908 г. жил под партийной кличкой «Зимин»; был членом Исполнительной комиссии ПК. К этому времени в Екатеринбурге был назначен суд за побег из Николаевских арестантских рот, и тов. Батурин поехал на Урал. Но суд почему-то не состоялся, был отложен. В Екатеринбурге Н. Н. был выбран делегатом на Парижскую конференцию. По возвращении с конференции опять стал работать в Петербургском комитете и в с.-д. фракции Государственной думы.

Летом 1909 г. Н. Н. был вызван в Москву тов. Ногиным, который предложил ему работать агентом ЦК. Тов. Ногин также сообщил ему о решении ЦК кооптировать его в свой состав. Но ЦК, во время заседания, когда должна была состояться кооптация, был арестован, и Н. Н. возвратился в Петербург. В октябре следующего года он перешел на нелегальное положение, проживая по паспорту на имя киевского мещанина Коневского. 14 июня 1910 г. подвергся трехмесячному аресту за нелегальное проживание в столице и был выслан этапом на Урал по вторичному требованию прокурора окружного суда. На этот раз суд состоялся, Н. Н. был оправдан.

Цельный большевик, никогда не сбивавшийся с прямого пути, не поддававшийся никаким колебаниям в годы партийного разброда (годы реакции), тов. Батурин встретил годы революционного подъема в полном идеологическом вооружении, он оказался снова на самом нужном месте.

Рабочим нужна своя легальная газета. Ее создает 16 дек. 1910 г. соц.-дем. фракции 3-й Гос. думы. Газета «Звезда» сразу же отмежевывается и от отзовистов и от ликвидаторов,

и становится по своему направлению чисто большевистской.

Батурин начинает работать в «Звезде» и под конец один несет всю тяжесть редакционной работы, особенно в «Невской Звезде», сменившей «Звезду» 26 февраля 1912 г. и выходявшей до 5 октября того же года.

«Условия работы, — пишет в своих воспоминаниях тов. Ряховская, — были очень трудные: денег почти не было, сотрудников мало, а подчас и вовсе отсутствовали. В это время очень много поработал в газете брат Александр.¹ По рассказам братьев, иногда весь номер наполнялся ими. Нередко приходилось им одну статью писать вместе, «пополам». И некоторые читатели говорили им же (братьям): «удивительная сегодня передовая: точно писана двумя лицами».² Тов. Батурин прекрасно справлялся с редакторскими обязанностями, удачно посылая стрелы направо и налево. Напр., очередная вылазка «Нового времени» против общественных денежных сборов для голодающих, происходивших в форме продажи ржаных колосьев, была отпарирована Батуриным следующей ядовитой заметкой под заголовком «Колос ржи и голос лжи»:

«День «Колоса ржи» в общем имел большой успех. Многие жертвовали: кто рубль, кто гривенник, а Иудушка Меньшиков статью написал в пользу голодающих. По его мнению «Россия начала систематически голодать — не столько от засухи, сколько от пьянства»...

Марков 2-й обругал голодающих «лодырями» и прославил себя на всю Россию. Иудушке завидно. Чем он хуже? Валяй-Марков просто обругал голодающих, а Иудушка теорию голода сочинил.

Пусть же знают 20 миллионов голодных крестьян имена двух изуверов, «народного представителя» Валяй-Маркова и писателя Иудушку Меньшикова».³

Батурин первый четко формулировал, какой именно должна быть рабочая газета. Нам нужна газета рабочая, а не

¹ Александр Замятин с молодых лет был большевиком. В конце 1905 г. он организовал студенческий журнал «Молодая Россия». Журнал вышел 4 января 1905 г. (ст. ст.). В нем были напечатаны статьи Н. Ленина «Рабочая партия и ее задачи при современном положении», М. Ольминского «Политическая ловушка», А. Замятина «Политический пустоцвет» и другие. Журнал был прикрыт на первом же номере.

² Статья «Единение пролетариата», напечатанная в № 2 «Невской Звезды» за подписью «Двое», принадлежит перу обоих братьев. См. в приложении.

³ См. «Невскую Звезду» № 1, 26 февраля 1912 г.

газета для рабочих. Конечно, статьи должны быть написаны простым языком, но они должны касаться всех важных вопросов, и газета должна быть выразительницей классовой борьбы во всей ее полноте. Направление ее должно быть определено партийное. Идейные течения внутри самого рабочего движения должны получать определенное освещение. Оппортунизм и анархизм, как отклонение от правильного классового пути, должны подвергаться серьезной критике.¹ Статья Батурина нашла отклик среди рабочих. В редакцию стали поступать письма с указанием, что рабочая газета должна быть «последовательно-демократической»,² марксистской, «стоящей на строго классовой позиции». Предлагалось газету сделать ежедневной; «в редакцию стали поступать пожертвования на ежедневную рабочую газету».³

Небольшой, но очень характерный эпизод из жизни Н. Н. этого периода приводит тов. Савельев.

Весной 1912 г. происходит заседание «правдистской редакционной головки. Идут горячие споры о направлении газеты, прочитывается вновь полученное письмо Ильича, присланное из Крюкова. Товарищи берут слово, высказываются за и против. Доходит очередь до Батурина. Немного волнуясь, говорит он слегка иронически, иногда нарочито резко, но всегда глубоко убедительно, всегда, даже казалось, на небольшом вопросе, демонстрируя свою истинно-марксистскую революционность, когда нужно — и стальную непреклонность мысли».⁴

В редакцию потекли от рабочих не одни только копейки. Это действительно была подлинная рабочая газета. Сами рабочие в ней писали. В информации о жизни фабрик и заводов никогда не было недостатка.

«При его прямой поддержке, — пишет тов. А. Еремеев⁵ о Н. Н., — сильно расширился отдел «рабочее движение», который временами занимал две трети номера газеты, оставляя одну треть для статей. Этот отдел в стачечном рабочем движении сыграл колоссальную роль. Он был лучшим агита-

¹ Статью «Рабочая газета» см. на стр. 242 — 245.

² На тогдашнем полулегальном жаргоне это означало — революционно-социалистический.

³ См. ст. М. С. Ольминского «Общий очерк эпохи» в 1-м выпуске сборника Из эпохи «Звезды» и «Правды», стр. 39.

⁴ Из статьи тов. М. А. Савельева «Памяти товарища», напечатанной в «Правде» 24 ноября 1927 г.

⁵ Один из редакторов и постоянных сотрудников старой «Правды». В этом же номере «Правды» напечатана его статья «Старый правдист».

тором в рабочих массах, ибо каждая заметка, написанная рабочими зачастую коллективно, зажигала весь завод и ряд других предприятий. Но «Звезда» влекла к себе не одних только рабочих. Она способствовала также росту движения всех слоев трудящихся.

«Порешили и мы, — рассказывает тов. Буров, тогда активный работник профессионального союза приказчиков, — что следует связаться со «Звездой», чтобы на ее страницах отразилось начавшееся профессиональное движение торгово-промышленного пролетариата. Направили нас к редактору «Звезды» Н. Батурину, который принял меня с Михаилом¹ радушно и обещал помещать в газете материал из жизни и движения приказчиков. Тут же я сдал ему свою первую заметку. Батурин поместил наш материал, и это еще больше подтолкнуло нас, — несколько человек, — к усиленной организационной работе среди питерских приказчиков».

Особым подходом к людям, а, главное, к их идеям, Батурин умел привлекать их к работе. И сам радовался, когда революция из собственных рядов давала «те необходимые силы в области газетной работы, которые чрезвычайно нужны именно в эпоху развертывания легальной массовой работы нашей печатью. Каждый мало-мальски выделяющийся в то время партией в области печати давал «Константину» тихую радость внутреннего удовлетворения; он в этом отмечал пробуждение новых сил среди большевиков на разнообразных путях».²

Ценил и Владимир Ильич Н. Н., как работника большевистских рабочих газет. В одном из своих писем в «Правду», помеченном 26 ноября 1912 г., Ленин указывает на недопустимость отсутствия самой тесной связи между газетой и с.-д. думским депутатом. «Крайне необходимо, — пишет он, — уделить этому важному пробелу как можно больше внимания и со стороны всей редакции и Батурина (которому, кстати, прошу передать это письмо и от которого очень бы приятно иметь пару строк) и со стороны депутата».³

«И, несомненно, что большому такту, безграничной революционной преданности и основательным марксистским знаниям тов. Батурина прежде всего обязаны обе газеты, что путь был взят правильно, что рабочие почуяли в этих газетах свой дух, завязали с ними тесную связь и начали в них

¹ Михаил Сейфер — инициатор и организатор союза приказчиков.

² См. воспоминания тов. Сыромолотова в «Прол. револ.».

³ См. III выпуск «Из эпохи «Звезды» и «Правды», стр. 198.

сотрудничать. Его, незабываемой в истории нашей партии, заслугой было, что обе газеты явились «большевистской трибуной», революционным знаменем не только для петерского, но и для всероссийского рабочего движения. Раскусила это и охранка». ¹ Сам Н. Н. приводит в своих воспоминаниях об этом периоде следующий интересный диалог:

— Через две недели моего редакторства в «Правде» меня арестовали. На мой вопрос, за что я арестован, жандарм сказал: «за редактирование «Правды».

— Но ведь «Правда» — легальная газета, — возразил я.

— Знаем мы вашу легальную газету. Это — орган вашей большевистской партии, — отвечали охранники.

Я спорить не стал». ²

Арестован он был 14 ноября 1912 г. В вину ему ставилось редактирование «Правды» и устройство демонстрации 15 ноября. ³ При обыске, сопровождавшем арест, были взяты две рукописи. Одна из них на 41 листе под названием — «Один из столыпинских законопроектов», другая, с неуказанным названием, — на 21 листе. Эти, нигде не напечатанные, рукописи погибли в охранке.

Опять тов. Батурин попал в очень скверные тюремные условия: его бросили в камеру, где помещалось 60 человек заключенных. Лежать приходилось на мокром асфальтовом полу. И это тогда, когда сам тюремный врач обнаружил у него «крайнее истощение, малокровие, ослабленное дыхание в обеих верхушках и нижних долях легких, общую слабость, головокружение и одышку», т. е. полную картину развивающегося туберкулеза. 22 декабря состоялось постановление о высылке Н. Н. на два года в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции. Этот приговор особое совещание при министерстве внутренних дел мотивировало следующим:

«По сообщению С.-Петербургского градоначальника, с половины октября минувшего года среди рабочих города С. Петербурга стали циркулировать слухи о необходимости однодневной забастовки и демонстрации в день открытия Государственной думы 15 ноября, в целях выражения протеста против избирательного закона 3 июня 1907 г. и против давления,

¹ См. статью товарищей М. Ольминского и А. Елизаровой «Н. Н. Батурин в «Пролетарской Революции» № 12 (71) 1927 г., стр. 236 — 237.

² См. стр. 468.

³ См. ниже.

оказанного, якобы, правительством при выборах в Государственную думу. Однако, в ноябре рабочие, принадлежащие к местным группам социалистов-революционеров и ЦК фракции социал-демократов (читай: меньшевиков. *Ред.*), отказались от участия в каких бы то ни было выступлениях. Таким образом, сторонниками демонстрации остались только большевики местной социал-демократической организации во главе с руководящим центром — «Петербургским комитетом», из членов коего наиболее активно проявлял себя входящий в состав редакции газеты «Правда» студент Замятин». ¹ (Батурин вместе с Н. Н. Крестинским и Т. И. Поповым входил в центральную избирательную комиссию по выборам в IV Госуд. думу.)

Брат Александр Николаевич обратился после постановления суда в департамент полиции с прошением о замене Вологодской ссылки высылкой за границу. При этом он ссылался на медицинское свидетельство, говорившее «о необходимости пребывания Н. Н. в теплом климате и в хороших гигиенических условиях». Врач диагностировал еще неврастению. Но министр внутренних дел нашел, что для больных легких сухой, континентальный астраханский климат, насыщенный песком и солью, «не хуже» мягкого горного швейцарского.

Несмотря на протест Н. Н. против астраханской ссылки и просьбу оставить в силе вологодскую, он 30 января (ст. ст.) отправляется по этапу из Петербурга в Астрахань с несколькими остановками в пересыльных тюрьмах. Лишь 4 апреля Н. Н. прибыл в Астрахань, откуда был отправлен в Черный Яр под гласный надзор полиции. Очевидно, состояние здоровья делало совершенно невозможной для Н. Н. какую бы то ни было работу. В своей автобиографии он говорит, что во время путешествия по этапу зимою 12 — 13 г.г. получил туберкулез. В ноябре 13 года Александр Николаевич снова хлопочет о разрешении Н. Н. «лечиться в одном из русских или заграничных санаторий в виду обострившегося легочного процесса, сопровождающегося уже кровохарканьем». О том же сообщает в департамент полиции астраханский губернатор. 30 ноября Н. Н. было разрешено выехать за границу на срок ссылки. По амнистии же (300-летия дома Романовых) ссылка сокращалась на один год. Таким образом, за границу тов. Батурин выехал накануне окончания срока ссылки.

¹ Кроме Николая Николаевича были арестованы: тт. Шверник, Т. И. Попов, А. А. Сольц, Н. Н. Крестинский, М. И. Калинин, В. М. Скрябин и М. А. Савельев.

Годы 1914—15 Н. Н. жил в Давосе и Тессинском (Итальянском) кантоне Швейцарии; средства на жизнь высылал брат Александр. В этот период он изучал итальянский язык и работал над темой о происхождении христианства. Эта очень интересовавшая его работа, которой он отдал несколько лет, безвозвратно погибла для нас, очевидно, во время пожара Крымского санатория «Эриклик», в котором Н. Н. лечился в 1926 г. Вместе с ней погибла и другая ценная рукопись, «История социализма», также продукт долгого труда.

Считая себя излечившимся от туберкулеза, Н. Н. рвался в Россию, но вернуться на родину не мог из-за войны и оставался за границей, где приходилось жить в крайне бедственных условиях (особенно в Лозанне).

Несмотря на то, что Н. Н. долгое время был отрезан от партийной жизни, он поражал встречавшихся с ним товарищей пониманием русской действительности. Его марксистская мысль, работая в одиночку, неизменно приходила к тем же выводам, какие делала партия.

«Н. Н. Батурин, как последовательный большевик, понимал, что война — это новый фактор на пользу революции, что ее надо превратить в войну гражданскую и что этого нужно теперь работать. Он считал, что поражение России неминуемо, как и в японской войне, что революция после войны, а, возможно, и во время войны, неминуема, как и в 1905 г. Больше того. В одном письме (1915 г.) он прямо говорил: вследствие того, что война привела в движение многомиллионные массы, революционное движение также кончится взрывом миллионов. Дело нашей партии — не растеряться, не сдрейфить, а работать. Это была несомненная ленинская линия и дальнейшие события целиком эту линию подтвердили».¹

С весны 1918 г. Н. Н. работает при русской миссии в Берне, заведывая отделом печати. Одновременно он ведет большую работу среди военнопленных, а также среди французских солдат и не теряет в то же время своей постоянной связи с русским студенчеством за границей. В сентябре ему, наконец, удается вернуться на родину по дипломатическому паспорту.

Возвратясь из-за границы, Н. Н. с жаром весь отдается работе. Новые условия, столь отличные от прежних подпольных, дают ему возможность выбрать любую область. И Н. Н. снова ухватывается за нужное звено.

¹ Из статьи тов. Еремеева «Старый правдист».

1918 год. На окраинах всюду хозяйничают белые генералы. Москва, напрягаясь, героически борется с ними, с голодом, с холодом, в то же время укрепляет у себя завоеванные революцией позиции. Она является связующим звеном между разрозненными частями Союза. Через головы контр-революционных банд и армий ведет агитацию, пропаганду. Н. Н. работает в «Роста», руководит агитационным отделом. Пишет руководящие статьи и для местных провинциальных газет. Постоянно лихорадящий, кашляющий, он стойко борется в эти дни с голодом и своим личным примером не позволяет вырываться словам протеста у окружающих его беспартийных интеллигентов. В то же время только умелым подходом к этому интеллигенту указывает ему его место в жизни после Октября.

«Николай Николаевич, — пишет работавший с ним в Роста тов. Беляев (ныне писатель, а тогда врач), — с первого своего появления произвел на меня большое впечатление каким-то особым подходом к людям. Он не был, как начальник, требователен, но как-то вышло так, само собой, что все мы аккуратнейшим образом приходили в 9 часов в отдел. А ходить приходилось пешком, так как трамваи почти не работали. В те времена было очень голодно. Но пример того, как сам тов. Батурин относился к голодухе, никак не позволял вырываться словам протеста. С ним замечательно легко было говорить. Он терпеливо выслушивал собеседника, а потом отвечал очень проникновенно и так хорошо, что слова его надолго оставались в памяти. Ему первому я обязан тем, что он просветлил меня и указал путь советского писателя».

Одновременно Н. Н. работает в «Правде», состоя членом редколлегии. Но мысль просветить, дать необходимые знания строящему свою жизнь рабочему, охватить как можно большую массу рабочих, особенно молодняк, не оставляет его. Голод, холод, разруху, контр-революцию — все это можно победить острием марксистского знания. И Н. Н. стремится вооружить рабочих этим острием. Он снова возвращается к идее об издании для рабочих словаря. В его личном архиве сохранились материалы: протокол организационного заседания советского энциклопедического словаря, много заметок и статей с его редакционными поправками и пометками М. Н. Покровского, программы, планы и т. д. Не мало заметок принадлежат Н. Н. Но годы гражданской войны мало способствовали культурной работе, и советской энциклопедии тогда не суждено было появиться на свет.

В этот же период (1919 г.) Н. Н. является инициатором и первым организатором рабочего факультета, пустившего затем глубокие корни в системе рабочего образования. Первый такой факультет организуется им при Свердловском университете. Он подбирает руководителей, сам просматривает списки набираемых рабочих, программы по отдельным дисциплинам и читает лекции по истории партии. Отсутствие новых учебников, непригодность старых родит в нем мысль о создании для рабочих сборника арифметических задач. И обсудив это дело с математиками — гг. Кобозевым и Лепешинским — он начинает осуществлять его. Но большую часть времени он отдает лекциям по истории партии. Тов. В. И. Невский делится своими впечатлениями об этой его работе: «Нужно было посмотреть незаметно для него, со стороны, как он вел кружки по истории партии. Он весь выпрямлялся, он весь сиял, потому что вносил знания в рабочую массу. Он умел под простые практические события, мелочные факты подвести теоретический фундамент материализма».

Однако, скоро Н. Н. был вынужден прервать продуманную работу. «В худых сапогах он схватил плеврит и слег в постель, будучи признан врачами безнадежным».¹ Но и тут, несмотря на слабость, не переставал интересоваться оставленной работой и расспрашивал о ней посещавшего его тов. Кобозева, преподававшего на рабфаке математику.

«Рассказывая о наших работах, — говорит в своих воспоминаниях тов. Кобозев, — я вручил ему курс математики, план которого был разработан нами коллективно. Там была задача на тему производительности труда, где доказывалось, что высокая производительность и культурность С. Ш. Америки есть следствие механизации труда, в 14 раз превосходящей нашу: в Америке семь лошадиных сил стоит за плечами каждого рабочего, а у нас лишь полсилы. И вот Николай Николаевич тем же страстным больным шопотом нащупывает различные варианты такой же механизации труда и у нас. Тов. Батурин не раз выдвигал проблему снабжения трудящихся аэро-гидро-энергией так, чтобы им стала доступна в любом медвежьем углу та механическая сила, которой у нас не хватает в сравнении с С. Ш. Америки. Его неотступно сверлила мысль о невозможности создания коммунизма без электрификации».

Н. Н. сейчас же после революции и до конца своей жизни

¹ Воспоминания тов. Кобозева.

не перестает глубоко интересоваться вопросами восстановления хозяйства, подведения под него высокой технической базы.

«Я не помню ни одного, более или менее значительного разговора с ним, — вспоминает тов. Сыромолотов, — где бы он не поднимал в то время вопросов о способах восстановления разрушенного хозяйства. Помню, как после съезда советов народного хозяйства,¹ когда была принята предложенная Ильичем резолюция об электрификации,² часов в восемь вечера меня встретил у Александровского сада Константин. Он остановил меня и сказал:

— Вот видишь!

— Что видишь?

— Вот это дело!

— В чем дело?

— Как в чем? А постановление об электрификации. Вот теперь начинается совершенно новый поворот в хозяйстве нашей республики. Понимаешь, нам этого не хватало все время. Понимаешь, как трудно было сознавать, что мы еще чего-то не нашли.

Я, признаться, немного оторопел и удивился той горячности, с которой Константин говорит об электрификации, а он продолжал:

— Федич, ведь это все, ведь отсюда все качества. Как вы, хозяйственники, мало на это реагируете. Как это ваше сознание оступело за последнее время к новым мыслям, новым идеям!

После полуторачасовой беседы, говорит тов. Сыромолотов, заинтересованный ею настолько, что забыл даже, куда ему нужно было идти, он в еще большей степени почувствовал великую идею электрификации. При всех встречах с ним Н. Н. указывал на громадную роль тяжелой индустрии.

Н. Н. упорно работал над разрешением проблемы несыреющего пустотелого кирпича из смеси кварцового песка и негашеной извести для возведения сухих, здоровых жилищ, которые должен иметь победивший пролетариат.

«В 21 году, — рассказывает тов. Невский, — когда остро встал вопрос о жилищном кризисе, у Н. Н. уже работала мысль, как бы удешевить постройку для рабочих. Он начал

¹ В 1920 году.

² Резолюция была написана тт. Кржижановским, Сыромолотовым и Карповым по предложению тов. Ленина и окончательно отрецензирована тов. Рыковым.

интересоваться пустотелым кирпичом. Спросил у меня, как у естественника, что я знаю о пустотелом кирпиче. Я разузнал у Тимирязева и у других товарищей, как можно высасывать жидкость из кирпича и сообщил ему».

— «А не знаете ли что-либо о приборах, высасывающих сырость?» — спросил Н. Н.

— «Зачем это вам нужно?» Он просто ответил: «Я занимаюсь изобретением пустотелого кирпича для удешевления жилпостройки». И стал продолжать свои опыты в лаборатории, которую ему предоставил Н. А. Ряховский. В ней Н. Н. проводил много времени над наполненными опытным материалом ведрами, дыша крайне вредными испарениями. Но сил было слишком мало, и опыты пришлось оставить.¹

О «необычайной многогранности его ума, напоминающей Энгельса», говорит в своих воспоминаниях на вечере в Обществе старых большевиков и тов. Петропавловский. «Н. Н. интересовался математикой, физикой, новейшими изобретениями, сельским хозяйством. Это не был поверхностный интерес: он преломлялся в одном фокусе — пользе нашему социалистическому строительству. Он, например, одно время увлекся изучением искусственного орошения, применением рядовой сеялки, вычислял ее преимущества перед простой и начал писать в царцынскую газету «Борьба» статьи по данному вопросу».² Область искусства была также не чужда Н. Н. Он хорошо рисовал; всегда любил музыку, хорошо играл на скрипке. И тут также проявилась его изобретательность: в молодости он исполнял музыкальную партию на колокольчике в одном оркестре. Понимая, как много может дать изобретательство при должном к нему внимании со стороны общества, он пишет в «Правде» статью о самоучках-изобретателях,³ стремится создать общество помощи им, ставит этот вопрос в ВСНХ и собирает у себя на квартире молодежь.

Но сам Н. Н. не развивал свои разнообразные таланты; времени для этого не было: оно все отдавалось революции. «Бывали случаи, — рассказывает тов. Бонч Бруевич, — что кое-кому из нас мешало личное в работе (семейные обстоятельства, нездоровье и т. п.), мы в такие моменты отказывались от работы. Ник. Николаевичу личное никогда не мешало.

¹ Из воспоминаний М. Н. Ряховской.

² См. стр. 483 — 488.

³ См. стр. 336 — 337.

Он никогда не отказывался от дела, что поручала ему партия». Так, например, в 1920 г., во время войны с Польшей, он исполняет обязанность начальника военной цензуры. Эта работа, связанная с бессонными ночами, проходившая в крайне напряженной обстановке, очень изнуряла его. К тому же зима была лютая, «ходил он в драповом пальто и без галош. На предложение взять ордер на теплое пальто и галоши, отвечал: «Наша армия разута и раздета». Кончилось это крупозным воспалением легких. Выскочил из этой болезни чудом. Но по настоящему оправиться после нее уже не мог. К этому же времени окончательно стало известно о гибели брата Александра. «Удар был сильный. Николай очень любил его и ценил, как умного и хорошего человека, уже внесшего в жизнь часть и своего творчества — по исследованию нефтеносных земель, имел научные работы, — и способного еще много дать. При всей своей сдержанности Николай признавался, что приливы тоски о брате бывают нестерпимы».¹

Кончается война, и Н. Н. стремится к пропаганде и политпросвещению, которым он придавал большое значение. Он всегда верил, что у нас имеются огромные кадры живого материала, способного на второй день после гражданской войны организовать новое хозяйство. Но эти кадры необходимо вооружить марксизмом; только он один и может указать верный путь победоносной революции пролетариата.

Государственный ученый совет утверждает тов. Батурина профессором общественных наук при 1 Московском государственном университете. Но как всегда, так и теперь, постоянный тяжелый недуг, мешавший ему в работе, становится на его пути и в этом деле. Лекций в университете ему так и не пришлось читать. Несколько оправившись, Н. Н. приступает к работе в Истпарте, куда назначается членом коллегии с самого его основания.² Там Н. Н. замещает председателя, редактирует истпартовские издания, пишет статьи в «Пролетарской Революции».

«В качестве историка партии он отличается необычайной строгостью и требовательностью не только по отношению к другим своим собратьям по перу, но и по отношению к самому

¹ Из воспоминаний М. Н. Ряховской. По ее сведениям А. Н. Замятин трагически погиб в 1918 г. где-то в Закаспии, куда отправился во главе геологической экспедиции. Сам же Н. Н. говорил, что Александр был расстрелян колчаковцами.

² Истпарт основан постановлением СНК 21 сентября 1920 г.

себе. Это, воистину, был строгий судья, строгий критик, всегда стоявший на страже исторической истины. При самом тщательном просмотре всего того, что вышло из-под его пера, вы не найдете ни одного легкомысленного утверждения, ни одного не проверенного факта, ни одного случайного ляпсуса. В этом отношении Н. Н. Батурин является идеальным образцом честного историка и писателя».¹

Естественно, что эта добросовестность, эта «боязнь погрешить против исторической правды», при постоянной прикованности к постели, отражалась на темпе работы. Следующий эпизод, приводимый П. Н. Лепешинским, особенно характеризует эту черту Н. Н. — чувство глубокой ответственности за взятую на себя работу. Н. Н. было поручено проредактировать первый том Хрестоматии по истории партии и Октябрьской революции. «Я предполагал, что этот том готов и на его осмотр понадобится одна-две недели. Но проходят месяцы. К печати уже подготовлен второй том, а с первым что-то застопорило. Когда я стал приставать к Николаю Николаевичу с просьбой ускорить редакционный просмотр рукописи,² он сурово мне ответил: «Я не умею готовить книги к печати так, как блины пекут. По истории партии не прогуливаюсь, а серьезно прорабатываю ее. И куда вы так торопитесь, словно боитесь не поспеть на базар!» И только тогда возвратил рукопись, когда в ней каждая строчка была документально проверена и когда он смело мог поручиться за то, что самый придирчивый глаз не найдет там ни одной ошибки, ни одной погрешности».

Строгий к себе, он не менее строго судил и других. Против всяких неточностей, извращений, неряшливости он выступал в полном вооружении своего сарказма, своей логики. Особенно восставал он против появления непродуманных, наспех сколачиваемых книжек по истории партии, дающих неправильное толкование ее линии, тактики, стратегии. И не случайно он резко выступил в печати против книги В. И. Невского «Очерки по истории РКП».³ «Он был крайне требователен и жестоко критиковал всякое отступление от принципов большевизма», говорит в своих воспоминаниях тов. Шелгунов.

¹ См. статью «У гроба первого историка партии» в «Пролетарской Революции» № 12 (71), 1927 г., стр. 247 — 249.

² Тов. Лепешинский заведывал тогда издательской частью Истпарта. Эпизод относится к 1923 г.

³ См. стр. 380 и другие.

«На ряду с изумительной честностью строгого к себе историка, Николай Николаевич обладал еще чувством художественной меры и художественной композиции. Он умел прекрасно ориентироваться в гряде множества исторических подробностей и создавать из них целую картину, сохраняя полную пропорциональность частей. В то же время его манера письма импонировала чрезвычайно красивой простотой языка. Сравните, например, его точный, отчетливый, много говорящий уму и сердцу каждого пролетария стиль с блеском и треском туманной фразеологии Троцкого, и вы тотчас же отметите несомненное преимущество первого не только с точки зрения его понятности и доступности для широких масс, но и в смысле художественной красоты слога. Все то, что вышло из-под его пера, может быть отмечено как ценный по содержанию и художественный по форме продукт мысли одного из лучших историков нашей пролетарской партии».¹

Но Н. Н. не удовлетворяет одна лишь научная деятельность. Его тянет к непосредственному общению с рабочей массой и, несмотря на болезнь, после смерти Ленина, он берет руководство двумя ленинскими кружками на заводе. «С трудным кашлем, сплошь и рядом с температурой, он ездил туда обычно трамваем, избегая по своей большой скромности вызывать автомобиль».²

Неудивительно, что Н. Н. снова тяжело заболевает и вынужден слечь. У него возникает мысль: то, что невозможно для него по состоянию здоровья в Москве, может быть осуществимо в провинции при лучших климатических условиях. Встретив в этом поддержку у одного из лечивших его врачей, он окончательно решает переселиться в родной город — Воронеж. Выбор места он объясняет тем, что Сельскохозяйственный институт, где он предполагал работать, помещается за городом, на возвышенности и в сосновом лесу. В таких условиях он предполагал дольше сохранить поправку, полученную в санатории, и продлить возможность работать. В мае 1926 г. Н. Н. подает заявление в Воронежский с.-х. институт о допущении его к чтению лекций по истории рабочего движения и ВКП(б). Получив согласие, он к началу учебного года приступает к ведению курса лекций по истории партии и основам ленинизма. По ходатайству института Н. Н. назначается

¹ Из статьи тов. Лепешинского.

² Из ст. гг. Елизаровой и Ольминского.

Государственным ученым советом на должность профессора этой кафедры. Но надежды Н. Н. на провинцию не сбылись. Организм уже настолько сильно был надорван туберкулезом, что он не мог длительно работать и в тамошних условиях. И здесь ему все время, свободное от посещений института, приходилось проводить в постели. Один из студентов — тов. Соломин — староста курса по его предмету, рассказывает:

«Я пошел к Н. Н. договориться о времени чтения им лекций. Застал его в постели. На мой вопрос о дне первой лекции Н. Н. ответил — завтра. Я был удивлен: как может совершенно больной человек назначать завтра лекцию. Он, очевидно, заметил мое удивление и сказал: «Вы не сомневайтесь — это теперь мой обычный спутник» и указал на койку. Мое первое посещение, — пишет дальше тов. Соломин, — как и все последующие, оставили у меня самые лучшие воспоминания об этом неутомимом, до мелочей простом, внимательном, приветливом человеке. Несмотря на близкое расстояние от его квартиры до аудитории (100 саж.), он едва мог его переходить, но не требовал никогда извозчика. Лекции читал два раза в неделю по 2 часа, иногда, без перерыва. Аудитория всегда была полной. Несмотря на такую тяжелую болезнь, при которой он едва мог ходить, задыхаясь, Н. Н. находил силы для чтения курса и довел его до конца. На квартире у себя он принимал посетителей лежа в постели. На квартире он инструктировал кружководов по истории ВКП, принимал зачеты от студентов, устраивал собеседования. Мне лично приходилось часто навещать Ник. Ник. Во время каждого посещения он всегда старался рассказывать что-либо интересное о годах подпольной работы».

Читать лекции в больших аудиториях с больными легкими было трудно. Высокая температура все время не оставляла его. «С большими усилиями он, больной, подымался по лестнице во второй этаж, в аудиторию, а после лекций лежал в постели. Но, несмотря на болезнь, несмотря на советы товарищей прекратить чтение лекций, Н. Н. упорно продолжал работать».¹ И взял трехмесячный отпуск (с 15 янв. по 15 апр.) лишь тогда, когда закончил курс лекций по истории партии.

Этот курс лекций Н. Н. «хотел написать, но болезнь помешала выполнить это желание, так как прикованный к постели он не мог писать. Предполагалось, что лекции будут за-

¹ Из речи тов. Окулова на траурном заседании в С.-х. институте.

стенографированы, и он после обрабатывает их для печати. Однако, и это желание Н. Н. не удалось выполнить, так как стенографирование лекций было организовано очень плохо и неполно».¹

Получив отпуск, Н. Н. уезжает 29 декабря в Сухум. В этой поездке спутником его до Туапсе был студент С.-х. института тов. Чепурко. В своем коротеньком воспоминании Чепурко пишет: «Н. Н. был страшно слаб. Приступы мучительного кашля не оставляли его. Несмотря на это, во все время пути он живо интересовался отзывами студентов о его лекциях и на каждой станции, на ряду с центральными газетами, покупал и местные, внимательно прочитывая их. Что меня особенно поражало, так это его скромность и нетребовательность. Он категорически возражал против покупки для него чего-либо дорогого».

В феврале Н. Н. перекочевывает из Сухума в Ялту и в Воронеж больше не возвращается. В августе врачи категорически запрещают ему преподавательскую деятельность, предписав длительное лечение (примерно, до мая) в Крыму. Н. Н. решает поселиться в Ливадии, где предполагает получить квартиру, и выписывает из Воронежа свою библиотеку.

Но болезнь его, сверх ожидания врачей, стала усиленно прогрессировать, быстро приближая конец.

Сильный, стойкий в революционных боях, проникновенный в годы социалистической стройки, он таким остается до последних минут, минут поучительных для каждого, связавшего свою жизнь с огромным коллективом. Прекрасные черты его светлой личности сохраняются до последнего момента угасания жизни.

Одиннадцать месяцев туберкулез, осложненный плевритом, перебрасывает его из одного санатория в другой. И здесь проявилась прежде всего его необычайная скромность, забвение себя, забота о других. Он всячески избегал каких бы то ни было привилегий, выделения себя из общей массы больных, несмотря на то, что стремился встать поскорее на ноги для продолжения прерванной работы и что имел все права на особые заботы о нем. Следующий, рассказанный тов. Майзелем² эпизод как нельзя лучше характеризует Н. Н. и тут.

¹ Из речи тов. Окулова на траурном заседании в С.-х. институте.

² Представитель Наркомздрава РСФСР в Крыму, поделившийся своими воспоминаниями на торжественном траурном заседании в Ливадии.

«В один из ялтинских санаториев «Пролетарий» (по образному выражению тов. Петропавловского — санатори: не только «Пролетарий», но прямо-таки «нищий») пришел больной с путевкой, который все время говорил, что он доволен, не предъявлял никаких претензий ни главному врачу ни врачу его палаты. В палате же его помещалось еще четыре человека и это тогда, когда туберкулезный плеврит начал особенно обостряться. Чувствуя, что врачам не переубедить его в необходимости перехода в отдельную палату, я начал сам говорить об этом с Николаем Николаевичем. Дипломатично и тонко намекнул ему, что своим кашлем он мешает соседям. Но он понял меня:

— Дело не в этом — ответил мне Н. Н. — и остальные кашляют; я не хочу, чтобы меня выделяли».

И только после того, как перед врачами был поставлен вопрос о необходимости особой помощи Батурину, как борцу за дело рабочего класса, с большим трудом им удалось уговорить его перейти в лучший санаторий — Литкенса.

А с наступлением жаркой погоды его перевели в горный санаторий — Эриклик.¹

Во всех санаториях, где Н. Н. пришлось лечиться, он «поражал своей необычайной скромностью, выдержкой чуткостью. Постоянно требовал проверку счетов; не любил, чтобы на него много тратили денег. Очень сочувственно относился к больным. Он знал, что среди ухаживающих за ним есть больные, и не давал им никогда себя приподнять, говорил, чтобы кто-нибудь позвать».²

Перспектива быть надолго оторванным от работы и состояние полного бездействия тяготили его и вызывали стремление вернуться в Москву. Созванный консилиум врачей с трудом уговорил его полечиться; он согласился остаться только до сентября, чтобы затем вернуться в Москву, в «Серебряный бор», где надеялся, как и прежде когда-то, заниматься литературным трудом и хотя бы изредка видаться и сноситься по телефону с товарищами.

Несмотря на тяжелое состояние, Н. Н. живо интересовался всем окружающим. Особенно занимали его вопросы строительства всесоюзной здравницы, сильно пострадавшей от земле-

¹ Когда этот санаторий сгорел, Н. Н. перевели в Ливадию, в крестьянский санаторий.

² Из воспоминаний врача М. Ключевич, наблюдавшей за Н. Н. последние два месяца его жизни.

трясения. Между прочим, он обращал внимание на то, что на курортах плохо поставлены библиотеки.

— «Какая из курортных библиотек лучшая?» — спрашивает Н. Н. у тов. Майзеля.

— Крестьянского курорта.

— «А сочинения Ленина у вас есть?»

Узнав, что есть, он просит прислать ему, но через несколько минут говорит: — «Уж не надо, тяжело мне!»

Несмотря на то, что «тяжело», что ни одного здорового органа у него уже не было, он непрерывно продолжает рабывать над газетами и энциклопедией, интересуется жизнью санатории, отдыхающими крестьянами, особенно воронежскими.

Но болезнь делала свое. Высокая температура обессиливала, пульс слабел, одолевала страшная усталость. И Н. Н. очевидно, и сам чувствовал, что немного дней уже осталось ему. Он очень любил цветы; ему каждый день приносили букеты свежих роз; он тщательно рассматривал их строение, как бы изучая. Однажды, незадолго до смерти, сравнивая яркую цветущую южную природу со своей угасающей жизнью, он сказал: «цветы цветут как ни в чем не бывало... а, ведь, верно, вы знаете, к чему ведет моя температура и бессилие».¹ А они все быстрее и быстрее вели к неизбежному концу. Сила разума, воли, желания еще отдать себя, свои знания рабочим оказались побежденными ничтожным по величине, но страшным по действию микробом. В ноябре в состоянии здоровья Н. Н. произошло резкое ухудшение. За несколько дней до смерти в Наркомздраве Крыма была получена телеграмма, сообщавшая, что состояние его внушает серьезные опасения.

22 ноября тов. Батурин почувствовал себя плохо и потерял сознание.

В 11 час. 23 ноября 1927 г. Николая Николаевича не стало.

«У гроба собрались, прибывшие из Москвы, старые товарищи его, посланные Истпартом, Обществом старых большевиков и редакцией «Правды». Толпа окружала гроб, в котором лежал «неугомонный» революционер и воинствующий большевик, хорошо знакомый с тюрьмой, ссылкой, эмиграцией и со всеми прочими прелестями жизни подпольщика в «доброе» старое время.

¹ Из воспоминаний врача Ключевич.

Когда взгляд устремлялся на это мертвое лицо, в памяти вставал живой Николай Николаевич, с умными и вечно серьезными огненно-черными глазами, с печатью какой-то постоянной, упорной думы на лице, с медлительными движениями и с постоянной готовностью крепко и твердо стоять на своей тысячу раз продуманной и облюбленной позиции при разрешении не только общих проблем марксистской теории, но и частных вопросов большевистской тактики.

И когда над открытой могилой зазвучали прощальные речи, в них было много искренней грусти, несмотря на то, что каждый товарищ хотел закончить свое надгробное слово бодрым аккордом и призывом окружающих к новой борьбе, к новым актам того самого строительства, которому Н. Н. Батурин отдал все силы своей богатой натуры». ¹

¹ П. Н. Лепешинский.

CURRICULUM VITAE

Родился 6 декабря 1877 г. в Воронежской губ. (ст. Чартово) в семье ж.-д. служащего (конторщика). В 1898 г. окончил Воронежскую гимназию и в том же году поступил на естественный факультет Петербургского университета. Весною следующего года был исключен из университета за участие в «студенческих беспорядках». Летом 1898 и 1899 г.г. работал в статистическом отделе Воронежского земства. Осенью 1899 г. уехал за границу для продолжения образования и учился в Цюрихском и Лейпцигском университетах на философском факультете (естеств. отд.). Весною 1901 г. приехал в Киев, где вступил в организацию РС-ДРП и вскоре был арестован. После 10 или 11 месяцев тюремного заключения был сослан предварительно в Вятскую губ. По получении окончательного приговора в 1902 г., бежал за границу, жил в Цюрихе и Женеве, принимая участие в заграничных организациях РС-ДРП.

В 1904 г. вернулся нелегально в Россию, работал в Тульском, потом в Уральском комитете РС-ДРП. В конце января 1905 г. был снова арестован и просидел в уральских тюрьмах до 20 октября 1905 г., когда был освобожден по амнистии.

В 1905 — 1908 г.г. с небольшими перерывами работал в Екатеринбургском, Воронежском, Московском и Петербургском комитетах РС-ДРП. Осенью 1906 г. обработал и издал свои лекции по истории партии, читанные мною в разное время в рабочих кружках.

В 1907 г. поступил вторично в Петербургский университет, где до осени 1912 г. прослушал юридический факультет, сдав полукурсовые экзамены.

В Москве в 1906 г. и в Петербурге в 1908 и 1909 г.г. привлекался к жандармскому дознанию по политическим делам и по делу о побеге через подкоп из николаевского арестантского отделения Пермской губ. в 1905 г. и сидел в московских, петербургских и уральских тюрьмах, отбывая предварительное заключение и наказание по приговорам. В петербургских тюрьмах

(«Кресты» и Дом предварительного заключения) имел возможность много заниматься, главным образом по политической экономии и истории русского права, пользуясь довольно богатыми библиотеками этих учреждений.

В конце 1910 г., в 1911 и 1912 г.г. принимал участие, как сотрудник, а потом и как редактор, в легальных большевистских газетах «Звезда» и «Правда».

В ноябре 1912 г. был арестован Петербургским охранным отделением за участие в «Правде» и вскоре был отправлен по этапу в административную ссылку в г. Черный Яр, Астраханской губ., куда прибыл весной 1913 г.

В начале 1914 г., после сокращения срока ссылки по амнистии (300-летие дома Романовых), был освобожден из ссылки и выслан за границу. В 1914 и 1915 г.г. жил в Давосе и Тессинском (итальянском) кантоне, Швейцарии, где лечился от туберкулеза, полученного во время путешествия по этапу зимой 1912 — 1913 г.г. Здесь изучил итальянский язык (кроме раньше знакомых немецкого и французского).

Вылечившись от туберкулеза, я все же не мог вернуться в Россию из-за войны и продолжал жить в эмиграции. С весны 1918 г. работал в Советском посольстве в Берне, где заведывал бюро печати.

Осенью этого года я вернулся на родину, проехал через Германию по дипломатическому паспорту. В 1918 и 1919 г.г. состоял членом редакции «Правды» в Москве. Во время польской войны служил начальником военной цензуры при Полевом штабе.

С 1919 г. в разное время читал курсы лекций по истории партии в Университете им. Свердлова и в районных школах Московского комитета РКП(б). В январе 1921 г. был утвержден Гусом профессором факультета общественных наук 1-го Московского государственного университета, но в то же время заболел крупозным воспалением легких и в виду продолжительного лечения к чтению лекций в этом университете не приступал.

Со времени основания Истпарта (постановление Совнаркома от 25 сентября 1920 г.) и до настоящего времени я состою его членом (с марта сего года — заместителем председателя Совета Истпарта) и принимаю литературное участие в его изданиях.

22/V 26 г.

Н. Батурин
(Николай Николаевич).

ОЧЕРК ИСТОРИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРА-
ТИИ В РОССИИ

ВВЕДЕНИЕ

СОЦИАЛИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

«Современный социализм», — говорит Фр. Энгельс, — по своему содержанию представляет непосредственный продукт наблюдения, с одной стороны, над господствующими в современном обществе классовыми противоречиями между имущим и неимущим, капиталистом и наемным работником, с другой стороны — над существующей в производстве анархией».

Таким образом, современный социализм — это порождение современной хозяйственной системы — капитализма. Противоречия, свойственные капиталистическому строю, стали изучаться уже давно. Огромный рост производительных сил и небывалое накопление общественных богатств, которые принес с собою капитализм, не могли закрыть от людей, беспристрастных и наблюдательных, его оборотную сторону. Свобода, равенство и братство, провозглашенные буржуазной революцией, нашли своих беспощадных критиков тотчас же, как только эта революция проложила дорогу капиталу. Еще в конце XVIII века, на исходе Великой французской революции, небольшая группа коммунистов, во главе с Гракхом Бабефом, от имени всех неимущих обличает торжествующую буржуазию в своем «Манифесте Равных».

«Нам нужно не только это равенство, написанное в декларации прав человека и гражданина: мы требуем, чтобы оно существовало среди нас, под крышей наших домов...

«Мы заявляем, что не можем больше мириться с тем, чтобы огромное большинство людей в поте лица своего трудилось, создавая роскошь для ничтожного меньшинства».

Авторы манифеста с замечательной проницательностью разглядели ту пропасть, которая тогда уже отделяла «ничтожное меньшинство» от «огромного большинства», несмотря на формально провозглашенное равенство. И каким пророчеством звучат слова этого замечательного манифеста: «Великая

французская революция — это только предвестница другой, более крупной, более величественной революции, которая и будет последней».

Целый ряд глубоких мыслителей в начале XIX в. исследует новые общественные отношения, создает социальные системы, работает над переустройством человеческого общества. Особенно выдаются в этом отношении сочинения Сен-Симона, который впервые указывает, что как в Великой французской революции, так и во всей вообще истории человечества *движущей силой всегда была классовая борьба*.

Замечательно глубокая критика капитализма была дана другим писателем того времени Ш. Фурье. Анархия, царящая в производстве, и все происходящее из нее зло, а также все пороки разлагающегося буржуазного общества никогда еще так ярко и остроумно не изображались, как в сочинениях этого гениального человека.

В первой половине XIX века во Франции основываются многочисленные социалистические школы и общества, которые, однако, имеют немногих последователей и в лучшем случае не проникают дальше низов буржуазного общества.

На самом же дне этого общества, среди тех обездоленных рабочих масс, над положением которых задумывались великие мыслители, в интересах которых они сочиняли проекты всеобщего счастья, мы не находим пока никаких признаков сознательной жизни. Погруженные во тьму невежества, эти массы остаются совершенно равнодушными к великим творениям; и если они от голода и отчаяния приходят в движение, то разве лишь для того, чтобы предаться грабежу и разбою, разнести фабрику и машины. Первые пролетарские движения — это, по выражению Карлейля, «барахтанья несчастной, глубоко погребенной массы». Проходит немало времени, пока в этом стихийном пролетарском движении появляются проблески классового сознания.

В 1831 г., то есть на другой год после июльской революции, восставшие лионские ткачи написали на своем черном знамени: «жить работая или умереть в борьбе». Это была первая программа французских рабочих. Еще более определенно выступают эти классовые пролетарские требования в чартистском движении в 1837 — 48 г.г. в Англии.

«Вопрос о хартии (то есть конституции), — говорит один из вождей этого движения, — это не политический вопрос, а вопрос ножа и вилки; хартия означает хорошее жилище,

хорошую пищу и питье, хороший заработок и короткое рабочее время». «Политическая власть, — заявляют чартисты, — наше средство, социальное благополучие — наша цель».

Словом, повсюду, где пробуждается более или менее сознательное классовое движение пролетариата, он резко противопоставляет буржуазной свободе, свободе эксплуатации, свое собственное освобождение из-под ига капитала. Сначала его требования очень скромны и неопределенны. Но на протяжении всей истории XIX в. рабочий класс все более решительно переходит от смутно сознанных и неопределенных требований и лозунгов не только к оборонительной, но и наступательной борьбе против капитала. В противоположность буржуазным революциям, которые только упрочивали силу и господство имущих классов, в его стремлениях все более ясно выступает идея *социальной революции*. Но социализм, как полное выражение пролетарских стремлений, как законченная программа рабочего движения, появляется только после долгой и упорной классовой борьбы, после целого ряда побед и поражений.

Все социалистические учения начала XIX в. стояли совершенно в стороне от рабочего движения. Да и сами социалисты-реформаторы вовсе не думали, что их стремления скорее всего могут найти отклик в рабочем классе. Нет, они обращались со своей проповедью ко всем классам, и даже по преимуществу к богатым и сильным мира: ведь они-то прежде всего могут понять и осуществить их идеи. Вот почему этот социализм называют *утопическим*.

Рабочее движение шло мимо этого социализма, своими собственными путями.

Таким образом, можно сказать, что в первой половине XIX века существовал социализм и было социалистическое движение, но оно не распространялось на рабочий класс. В то же время существовало уже рабочее движение, но оно не было еще социалистическим.

«Для примирения рабочего и социалистического движения, — говорит Каутский, — требовалось, чтобы социализм вышел за пределы утопизма. Это великое всемирно-историческое дело было выполнено Марксом и Энгельсом, которые своим «Коммунистическим Манифестом» 1848 г. заложили научный фундамент современного социализма или социал-демократии».

Итак, современный социализм и современная социал-демо-

кратия появляются только тогда, когда социализм сливается с рабочим движением, когда он становится глубоким и научным обоснованием классовых интересов пролетариата.

Как в «Коммунистическом Манифесте», так и в позднейших сочинениях Маркс и Энгельс впервые доказывают, что социализм неизбежно явится результатом «развивающегося на наших глазах исторического движения», что в нем лежит единственное разрешение тех противоречий, которые все более обнаруживаются в капиталистическом производстве.

Мы уже видели, что в этом направлении социалистическая мысль работала еще задолго до появления «Коммунистического Манифеста», что такие мыслители, как С.-Симон и Фурье, указывали на существующую классовую борьбу и анархию производства. Но им и в голову не приходила мысль, что социализм вовсе не в интересах господствующих классов, что он может осуществиться только путем жестокой классовой борьбы пролетариата, который только и может решительно выступить на борьбу за социализм. Поэтому, в противоположность благодушным обращениям утопистов ко всем классам, «Коммунистический Манифест» указывает на неизбежную и непримиримую классовую борьбу. «Они (коммунисты), — говорится в манифесте, — обращают свой призыв к пролетариату. В грядущей борьбе пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, приобретут же они целый мир»...

«Коммунистический Манифест» открывает новую эпоху в развитии международного социализма, который с этого времени становится огромной силой по мере того, как он проникает в сознание рабочего класса. «История этой книги, — говорит Энгельс, — является в известной степени отражением истории современного рабочего движения, начиная с 1848 г. В настоящее время (1890 г.) это, без сомнения — истинно международное и самое распространенное из произведений социалистической литературы, общая программа миллионов рабочих всех стран от крайней оконечности Азии до Калифорнии».

Первой ячейкой, первым зародышем современной социал-демократии в Европе был «Союз Коммунистов» (1847 г.), по поручению которого был написан знаменитый «Коммунистический Манифест» и который признал этот манифест своей программой. Это было небольшое общество, в которое входили передовые рабочие разных стран. В то время члены этого Союза могли только тайно заниматься пропагандой

идей научного социализма и готовить пролетарскую организацию. Несмотря на то, что к концу своего существования (1850 г.) Союз имел отделения в разных государствах (в одной Германии их было 17), он был еще оторван от широкого движения европейского пролетариата. Союз просуществовал недолго. Он был разрушен реакцией, наступившей в Европе после революции 1848 г. Большинство его тайных отделений в Германии и других странах были открыты и разгромлены полицией, многие члены Союза попали в тюрьму. Но уже из этой первой социал-демократической организации вышло немало сознательных пролетариев-социал-демократов, которые потом стали видными участниками и руководителями рабочего движения.

Гораздо большую роль сыграла другая, возникшая позже, организация «Международное Товарищество Рабочих», или «Интернационал». Это общество было официально открыто на одном международном митинге в Лондоне, в 1864 г. Оно приняло устав, предложенный Марксом, который все время оставался его главным руководителем. Интернационал имел многочисленные разветвления почти во всех государствах Европы и Америки. Он поставил себе задачей на деле осуществить призыв, которым заканчивался «Коммунистический Манифест: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ему действительно удалось объединить передовых рабочих всех капиталистических стран и через свой, находившийся в Лондоне, «Генеральный совет» и местные отделения руководить классовой борьбой рабочих и распространять социал-демократическое учение в широких массах. Как и «Союз Коммунистов», он прекратил свое существование под ударами реакции, наступившей в 70-х годах, после поражения Парижской Коммуны. Упадок революционного духа всегда сопровождался также временным упадком «марксистского» направления и торжеством анархических и других мелко-буржуазных течений.¹ В течение своего десятилетнего существования Интернационал сыграл большую роль в развитии современного рабочего движения. Идея международной солидарности и основные социал-демократические положения не могли уже умереть в рабочей среде после его распада.

¹ Ближайшим поводом к распадению Интернационала был раскол, вызванный Бакуниным, увлекшим часть его организаций на путь анархизма.

Интернационал был большой международной социал-демократической школой, из которой вышло много выдающихся вождей и организаторов социал-демократических партий в разных странах (Ж. Гэд, П. Лафарг, В. Либкнехт, Грейлих и др.). Создание этих партий в отдельных государствах было новым могучим толчком в развитии международной социал-демократии. Отдельные национальные партии могли еще теснее объединить рабочий класс на почве общих политических интересов, захватить еще более широкие слои рабочих и еще успешнее «слить во-едино» рабочее движение с социализмом.

Начиная с конца 70-х годов, социалистические рабочие партии возникают почти во всех крупных капиталистических странах: в Германии (1875 г.), в Бельгии (79 г.), во Франции (80 г.), в Австрии (86 г.). Позднее они появляются уже во многих странах мира: в Англии, Венгрии, Италии, Болгарии, России, С.-Американских Соединенных штатах, наконец, в Японии, Аргентине и пр.

Когда социал-демократические партии повсюду значительно выросли и окрепли, идея международной солидарности и общности интересов и стремление к более тесному союзу пролетариев всех стран снова получили выражение в международных социалистических конгрессах. На первом таком конгрессе в 1889 г. в Париже один из участников старого Интернационала В. Либкнехт сказал: «Интернационал не умер! Он перешел в могучие рабочие организации и рабочие движения отдельных стран. Интернационал продолжает жить в нас, этот конгресс — его создание». И действительно, международный социалистический конгресс в огромном своем большинстве стоял на точке зрения социал-демократии, был как бы возродившимся новым Интернационалом.

Но какая огромная разница между этим новым и старым Интернационалом! В то время как Интернационал Маркса насчитывал в числе своих членов, быть может, несколько тысяч передовых рабочих во всех странах, новый Интернационал объединяет миллионы организованных на местах пролетариев. Значительная часть рабочих, входивших в старый Интернационал, еще далеко не отрешилась от буржуазных взглядов на свое собственное положение. Так, например, некоторые французские члены его (прудонисты) полагали, что следует стремиться не к уничтожению, а к «равенству классов», что женщина не должна вмешиваться в политику, так как ее место у домашнего очага; они восставали даже против

стачек, так как стачки нарушают «свободу договора», и против всеобщего обучения, законодательного сокращения рабочего дня и пр. Сознание пролетариев, объединенных новым Интернационалом, с тех пор выросло неизмеримо. Резолюции международных конгрессов и дружная поддержка их рабочими организациями показывают, что огромное большинство организованного пролетариата не только освободилось от идейного влияния буржуазии, не только проникнуто глубокой ненавистью к буржуазному миру и готово вести неустанную борьбу с капиталом, но и поняло конечную цель этой борьбы, усвоило идею социальной революции.

Уже парижский социалистический конгресс 1889 г., который впервые подсчитал силы международной социалистической армии и учел результаты долгой классовой пролетарской борьбы, внушил глубокое убеждение, что будущее международного социализма обеспечено.

Так, рост рабочего движения и «развитие социализма от утопии к науке» неизбежно привели к слиянию рабочего движения с социализмом, к созиданию той силы, которая называется социал-демократией.

Это слияние рабочего движения с социализмом, которое ни в одной стране, конечно, вполне не закончилось, а во многих только начинается, в каждой отдельной стране имело своеобразную историю. Так, рабочая партия в Бельгии сначала стояла очень далеко от научного социализма и только постепенно, в процессе борьбы, все больше приближалась к положениям «Коммунистического Манифеста». Во Франции одновременно возникает несколько партий с различными программами, и создание современной социал-демократической партии происходит путем усиления одной партии за счет другой, слияния нескольких партий в одну. Наибольший успех идеи научного социализма имели в Германской Социал-Демократической Рабочей Партии с самого ее возникновения, так что один из ее историков вполне справедливо говорит, что «Германия сделалась классической страной современного рабочего движения, духовным центром нового Интернационала».

Но, как бы ни были различны местные условия в каждой стране, они нигде не могли помешать возникновению социал-демократии, раз только было налицо одно общее условие: капиталистическое производство.

Развитие капитализма в России решило и здесь судьбу социалистического движения.

Уже давно прошли те времена, когда русские социалисты спорили о том, по какому пути пойдет экономическое и общественное развитие в России: разовьется ли она, по примеру Запада, капиталистическое хозяйство, или же пойдет своим собственным «самобытным» путем. Капитализм стал фактом русской жизни, и «самобытный» русский народ, по выражению Энгельса, «присоединился к семье прочих грешных народов Европы».

Пока же Россия оставалась «самобытной», т. е. экономически отсталой страной, в ней не было никакой почвы для развития современного социализма.

В 60-х годах на русский язык был переведен «Коммунистический Манифест». В то время как повсюду он имел огромный успех, в России он тогда не оставил никаких следов. И это понятно. Рабочего движения тогда у нас почти не существовало, а народолюбивая русская интеллигенция могла вычитать из него что угодно, кроме идей научного социализма. Как отзвук старого Интернационала, в 1869 году в России появилась Нечаевская анархическая организация: «Общество народной расправы или топора». В своих листках и брошюрах она призывала «примкнуть к миру работников». Это была жалкая пародия на современное социалистическое движение. Призванная играть роль «русской секции» Бакунинского «Аллианса»,¹ она объединяла несколько студентов в Петербурге, Москве и Ярославле и скоро была арестована. Это было все, чем Россия в конце 60-х годов отозвалась на возникавшее в Европе социал-демократическое движение.

Новый Интернационал уже на первом парижском конгрессе 1889 г. увидел в числе своих членов русских делегатов, от которых он узнал о существующем уже в России рабочем движении и о возникшей русской социал-демократии.

¹ Так называлась отколовшаяся вместе с Бакуниным анархическая часть Первого интернационала.

I

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

«Ближайшее знакомство с литературой марксизма покажет нашим социалистам, какого могучего орудия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя «пролетариев всех стран». Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не теряет, но, напротив, очень много выигрывает, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами».

Плеханов: «Социализм и политическая борьба».

Как в Западной Европе, так и у нас в России социалистическое движение должно было пережить детский, утопический период, прежде чем вступить на путь современного социализма. Но едва ли в какой-нибудь другой стране развитие научной социалистической мысли и современного социалистического движения было затруднено такими сложными и запутанными условиями, как у нас. В то время, как в Западной Европе самостоятельное рабочее движение возникает только после целого ряда буржуазных революций, утвердивших политическую свободу, в России сознательная борьба рабочего класса начинается под двойным гнетом капитала и до-капиталистической формы государственного строя. С другой стороны, наиболее революционная часть образованного русского общества, так называемая русская интеллигенция, выступая на борьбу против существующего строя, не довольствуется уже буржуазными идеалами западно-европейских революций. Опыт этих революций слишком ясно показал, что одна только политическая свобода не приносит освобождения народным массам. Поэтому запоздалое русское революционное движение почти с самого своего зарождения подхватывает современные социалистические лозунги Западной Европы, которые на почве отсталой экономической действительности перерабатываются в самобытные социалистические теории.

Неудивительно, что программы и теории старых русских социалистов оказываются так же далеки от современного социализма, как и все утопические учения Западной Европы. Таков был и «самобытный» русский социализм 70-х годов, который известен под именем народничества.

Сами народники указывали на свое отличие от западноевропейских социалистов в том, что они ищут своих союзников, борцов за социализм, не в рабочем классе, как в Западной Европе, а в русском крестьянстве, которое, благодаря самобытным устоям русской экономической жизни — общинному землевладению, способно скорее всякого другого класса осуществить социалистический строй. Правда, первые опыты социалистической пропаганды в деревне («массовое хождение в народ», 74 г.) дали ей неважные результаты. Крестьянин, который, по народнической теории, был насквозь пропитан социализмом, оставался равнодушен к этому учению. Но это не смущало народников. Они объясняли это равнодушие тем, что крестьянская община еще недостаточно высоко развилась, но дальнейшее развитие общины в будущем непременно приведет к социализму. Задачей революционной партии народники считали поэтому устранение всех препятствий к сохранению и дальнейшему развитию общины и вообще всех самобытных устоев русской экономической жизни. Но это вовсе не значит, что народники хотели бороться за политическую свободу, за установление свободного и демократического государственного строя. Как и теперешние анархисты, они призывали к изгнанию и истреблению властей и захвату земли. Народная революция должна уничтожить государство, на развалинах которого сами собой возникнут вольные социалистические общины. Политическая же свобода без социального переворота оказала бы плохую услугу народу. Она открыла бы простор для капитализма, который приведет к разрушению общины. Таковы были взгляды народников-социалистов, лежавшие в основе их программы.

Первой большой организацией, которая усвоила эту народническую программу, было общество «Земля и Воля», сложившееся в 1876 г. Сначала это общество вело лишь мирную пропаганду социализма в деревне и, согласно своей программе, воздерживалось от всякой «политики». В то время как народническая проповедь социализма не имела почти никакого успеха в крестьянстве, она скоро встретила к тому же большие препятствия со стороны правительства. Полицейские преследования,

а потом и жестокие расправы с арестованными стали все более наводить народников на мысль о борьбе с правительством своими собственными силами.

Еще раньше, чем созрела эта мысль, зверства и издевательства над заключенными побудили отдельных лиц взяться за оружие, чтобы отомстить насильникам. За покушениями на жандармов, шпионов, губернаторов, скоро последовали вооруженные сопротивления при арестах. Правительство отвечало на это смертными приговорами, и, таким образом, борьба все более ожесточалась. Среди народников, отвергавших до сих пор всякую политическую борьбу, все более горячо стал обсуждаться вопрос: не должна ли социалистическая партия последовать примеру этих отдельных лиц и посредством систематического и организованного террора нанести решительный удар своему ближайшему врагу? От решения этого вопроса зависело направление всей деятельности партии. Разумеется, что правоверные народники, не поступаясь своей теорией, не могли мириться с террором. Вот что писал по поводу происшедших покушений орган партии («Земля и Воля, № 1»):

Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс. С борьбой против существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только сам народ... Обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью — значило бы оставить свою прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной, временной.

Такое направление нашей деятельности было бы великой ошибкой еще с другой стороны — со стороны тактики... Самодержавие, поражаемое со всех сторон, падет, уступив место современному конституционному строю, который, как всякая конституция, выдвинет на первый план привилегированные сословия: помещиков, купцов, фабрикантов — всех владельцев капитала движимого и недвижимого, одним словом — буржуазию в экономическом смысле слова. В настоящее время они разрознены и поэтому бессильны. Конституциональная же свобода, как бы жалка она ни была, им-то, во всяком случае, даст возможность организовать в сильную партию, первым делом которой будет провозглашение крестьянского похода против нас, социалистов, как своих опаснейших врагов.

Так смотрели правоверные народники на выдвинутый вопрос о борьбе с правительством. Они составляли пока большинство, и еще зимою 1877 — 1878 г. общество «Земля и Воля», обсуждая свой устав, с негодованием отвергло всякие предложения ввести в свою программу какие бы то ни было политические требования. Но когда осенью 1879 г. собрался очередной съезд партии в Воронеже, число сторонников

политической борьбы и террора было уже очень велико. Взгляды нового направления сводились к следующему:

Социально-революционная партия не имеет своей задачей политические реформы. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и по каким бы то ни было причинам оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет идейная борьба.¹

Из приведенных здесь взглядов сторонников и противников террора не трудно заметить, что как те, так и другие, оставаясь народниками, противопоставляют социализм политической борьбе. Вопрос, который по-разному решался двумя спорившими фракциями, ставился таким образом: социализм или политическая борьба? Одни, желая остаться верными социализму, отвергали всякую политическую борьбу, как смертный грех; другие, убедившись в неизбежности политической борьбы, отодвигали на задний план задачи социализма.

Обе фракции землевольцев не могли прийти к соглашению, и вскоре после воронежского съезда «Земля и Воля» раскололась на две партии: «Народную Волю», в которую вошли сторонники нового, террористического направления, и «Черный Передел», к которому примкнули правоверные народники.

Приступив к террористической борьбе с правительством, «Народная Воля» открыла новую блестящую эпоху революционного движения в России. Всем известен исход этой борьбы.

Удавшееся, наконец, покушение на Александра II вовсе не означало ни торжества социализма, ни падения самодержавия; напротив, оно обнаружило все бессилие революционной партии, которая в течение нескольких лет наводила ужас на правительство и своей геройской борьбой приковала к себе внимание всего мира. В решительную минуту эта партия стояла

¹ Так передает автор биографии Желябова Л. Тихомиров те мысли, которые развивал Желябов на Липецком съезде землевольцев-террористов. Эти взгляды Желябова встретили всеобщее одобрение и защищались террористической фракцией «З. и В.» на Воронежском съезде. Народовольческая теория социального переворота, при помощи захвата власти временным революционным правительством, была разработана только позднее.

совершенно одинокой перед огромной силой правительства, которое быстро оправилось после первого смятения.

Убедившись, что за таинственным «Исполнительным Комитетом» «Народной Воли» не скрывается никакой серьезной силы, нет никакой широкой организации, правительство Александра III мало-по-малу старается свести на-нет все жалкие либеральные начинания так называемой «эпохи великих реформ». Искривляется суд присяжных, ограничиваются права земства, новым университетским уставом искореняется вольный дух учащейся молодежи, закрываются лучшие журналы и газеты, учреждается свирепая цензура, вводятся земские начальники. 80-е годы оставили по себе память, как эпоха худших времен самодержавия.

В то же самое время, когда в Западной Европе растет и развивается социалистическое движение, когда во Франции, в Бельгии, Австрии возникают сильные рабочие партии, — у нас, в России, с начала 80-х годов наступает упадок всяких общественных движений, а к началу 90-х годов политическая жизнь под ударами реакции почти совершенно замирает.

Уцелевшие остатки «Народной Воли» уже не могут снова организовать в сильную партию и оказать какое-нибудь противодействие всеобщей реакции. Напротив, с наступлением этой реакции сама «Народная Воля» неуклонно идет к своему разложению и, наконец, совершенно обессилев, сходит со сцены русской политической жизни.

«Народная Воля» потерпела поражение, потому что она не была поддержана народным движением. Но на эту опасность, как мы видели, указывали еще сами народники, боровшиеся против возникающего террористического направления, когда они говорили, что «с борьбой против существующего порядка терроризация не имеет ничего общего» и что «разрушить систему может только сам народ». И однако же полный упадок «Народной Воли» объясняется вовсе не тем, что она отступила от программы правоверного народничества. Лучшим доказательством того служит судьба другой народнической партии, которая, в противоположность «Народной Воле», стремилась отстаивать идеи народничества во всей их чистоте.

Одним из самых горячих защитников чисто-народнических взглядов на Воронежском съезде землевольцев выступил Г. В. Плеханов, редактор «Земли и Воли». Он страстно отстаивал старую землевольческую программу, доказывая, что

террор совершенно несовместим с задачами широкой агитации в народе. Когда же съезд большинством голосов решил оказать поддержку террористам, он вышел из общества «Земля и Воля», заявив, что «не желает иметь ничего общего с изменниками народному делу».

Приехав после съезда в Петербург, Плеханов встречается здесь с другими членами «Земли и Воли», прибывшими из-за границы: Л. Дейчем, Л. Стефановичем и В. И. Засулич, которые также оказываются сторонниками прежней народнической программы. Через месяц после съезда группа единомышленников окончательно выделяется в партию «Черный Передел» и приступает к изданию своей газеты под тем же названием.

Эта партия чистых и последовательных народников просуществовала недолго и успеха не имела. Первый же номер газеты «Черный Передел», изданный в России, был арестован в январе 1880 г. в тайной типографии партии. Арестованный по этому делу Жарков,¹ работавший в типографии партии, выдал своих товарищей. Редактор газеты Плеханов, вместе с другими чернопередельцами, спасаясь от преследований правительства, бежит за границу, в Женеву, куда переносится издание «Черного Передела».

За время (1879 — 1881), в течение которого были изданы все 4 номера этой газеты, взгляды заграничной группы чернопередельцев подверглись значительному изменению. «Опыт скоро показал нам, — рассказывает Плеханов,² — что идея хождения в народ, еще так недавно и так сильно увлекавшая наших молодых революционеров, утратила всякую серьезную власть над их сердцами. Очень значительная часть революционной молодежи сознательно становилась на сторону террористов и разделяла их мысль о том, что деятельность в крестьянстве, при существующих у нас политических условиях, заранее осуждена на полное бесплодие». Этот опыт революционного движения сильно поколебал веру чернопередельцев в жизненность и непогрешимость народнической теории и, прежде всего, того убеждения, что социализм несовместим с «политикой».

Решающее влияние на выработку новых взглядов заграничной группы оказало основательное знакомство с теорией

¹ Впоследствии он был убит народовольцами, как предатель.

² «Искра», № 54. Почему и как мы разошлись с «Вестником Народной Воли».

и практикой современного социализма в Западной Европе. Плеханов был знаком с учением Маркса еще раньше, когда он работал в партии «Земля и Воля». В своей статье в 3 и 4 №№ «Земли и Воли», под заглавием: «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», формулируя народническую программу, он указывает на важное значение учения Маркса, в исторической теории которого социалисты, по его мнению, должны искать разрешения задач своей практической деятельности. Редакция «Черного Передела» в своих статьях заявляла, что, согласно учению Маркса, она признает экономические отношения «основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни общества, но и умственного и нравственного склада его членов». Однако, повторяя этот взгляд Маркса, чернопеределъцы далеко не стояли на точке зрения научного социализма. Они принимали это учение в том искаженном виде, какой придавал ему Бакунин и некоторые современные анархисты. Из того положения, что экономические отношения общества лежат в основе всего политического строя, они делали вывод, что социалисты должны стремиться к экономической революции, отвергая всякую политическую борьбу.¹ Только в последнем, 4-м, номере «Черного Передела» (19 сентября 1881 г.) члены группы заявляют себя уже сторонниками политической борьбы, а также признают пользу террора. Не отрицая пользы политической свободы, чернопеределъцы, в своих спорах с народолюбцами, усиленно подчеркивали, однако, необходимость широкой агитации в народе, в противовес узкой заговорщицкой тактике народолюбцев. Только народные крестьянские организации, по их мнению, могут обеспечить народу экономические выгоды от революции. Эту мысль чернопеределъцы проводили в рабочей газете «Зерно», которую они издавали в 1881 г. (вышло 6 №№).

Дальнейшее знакомство с социал-демократической литературой и с практикой западно-европейского рабочего движения окончательно разрушило не только народническую программу практической деятельности, исключавшую всякую «политику»,

¹ Ср. предисловие Кропоткина к русскому изданию брошюры Бакунина: «Парижская Коммуна и идея государства», Женева, 1892, стр. V: «Желать достичь социализма или хотя бы аграрной революции посредством политической революции — чистая утопия, потому что история всюду показывает, что политические изменения являются последствиями великих социальных революций».

но также и самые основы народнической теории. Вооружившись теорией научного социализма, чернопередельцы подвергли беспощадной критике не только свои собственные, но и все вообще старые русские программы и теории. «В основу этой критики, — говорит Плеханов,¹ — был положен практический опыт, частью приобретенный нами самими, во время нашей народнической деятельности, частью завещанный нам социалистами первой половины того десятилетия» (т. е. 70-х годов). Большое значение для выработки новых взглядов Плеханова имело, конечно, его близкое знакомство с петербургским рабочим движением, вызванным к жизни народнической пропагандой. В результате предпринятой критики от народничества не осталось ничего. Бывшие чернопередельцы окончательно расстались с утопическими теориями общинного «русского» социализма и пришли к убеждению, что и в России социалистическое движение может идти успешно только под знаменем научного социализма и что единственной революционной силой, способной стать под это знамя, и у нас, как в Западной Европе, может быть только рабочий класс.

Таким образом, *опыт революционного движения в России* и основательное изучение теории и практики западно-европейского социализма привели передовую часть русских «самобытных» социалистов к усвоению учения современной социал-демократии.

Убедившись, что борьба за социализм вовсе не исключает политической борьбы, заграничная группа должна была теперь признать большую заслугу за «Народной Волей», которая, хотя бы и расходясь со своей народнической теорией, в своей практике вела упорную борьбу с правительством. Это значительно сближало практические цели как заграничной группы бывших чернопередельцев, так и «Народной Воли», и делало возможной совместную работу.

Начиная с 1880 года, Плеханов вместе с народовольцами участвует в издании «Социально-революционной библиотеки», сборника «На родине», биографий Желябова, Перовской, Кибальчича. Плехановым же был приготовлен для этого издательства перевод «Коммунистического Манифеста», который был напечатан в 1882 г., с предисловием Маркса к русскому изданию. «Исполнительный Комитет» предложил даже Плеханову принять участие в редакции своего заграничного

¹ Предисловие к «Истории рев. движ. в России» Туна.

журнала «Вестник Народной Воли». Плеханов принял это предложение и вместе с П. Лавровым и Степняком (Кравчинским) вступил в редакцию «Вестника».

Таким образом, русским социал-демократам представлялась возможность при помощи народовольческого издания подготовить русских революционеров к усвоению социал-демократического учения, в котором, по их мнению, «Народная Воля» только и могла найти оправдание своей практической деятельности. С этой целью Плехановым была написана для «Вестника Народной Воли» статья: «Социализм и политическая борьба». Почти уже состоявшееся соглашение было расстроено стараниями Л. Тихомирова, при ближайшем участии известного провокатора Дегаева. Тихомиров, заступивший место Степняка в редакции «Вестника Народной Воли», сначала очень примирительно относился к социал-демократическому направлению, которое хотел придать журналу Плеханов; приехавший за границу Дегаев, уже тогда находившийся в сношении с начальником департамента полиции Судейкиным, внушил Тихомирову, будто молодые товарищи очень не сочувствуют его сближению с бывшими чернопередельцами. Опасаясь потерять свою популярность среди революционеров в России, Тихомиров поспешил резко переменить свое отношение к социал-демократии, и Плеханову пришлось выйти из редакции.

Убедившись в полной невозможности совместной работы с «Народной Волей», бывшие чернопередельцы организовали самостоятельную группу под названием — «Освобождение Труда», в которую вступили 5 членов, принимавших деятельное участие в движении 70-х годов: В. Н. Игнатов,¹ Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. В. Аксельрод и Г. В. Плеханов.

Эта небольшая заграничная группа была первой русской социал-демократической организацией и вполне справедливо считается родоначальницей русской социал-демократии.

Самостоятельное выступление группы «Освобождение Труда» было встречено очень враждебно. Ее, между прочим, обвиняли в том, что она стремится расстроить организацию «Народной Воли». Такие нападки могли происходить только от грубого непонимания тех задач, которые поставила себе новая группа. Члены этой группы высказывали свое сочувствие практической деятельности «Народной Воли», но они

¹ Умер в 1885 г.

не могли согласиться с тем обоснованием этой деятельности, которое народовольцы попрежнему искали в старом народничестве. Несмотря на всеобщее несочувствие, социал-демократическая группа приступила к литературной пропаганде своих взглядов, в полной уверенности, что сама русская действительность рано или поздно подтвердит правоту этих взглядов.

Непринятая в «Вестнике Народной Воли» статья Плеханова «Социализм и политическая борьба» была теперь самостоятельно издана группой «Освобождение Труда».

Мы уже видели, какое важное значение имел вопрос об отношении социализма к политической борьбе в социалистическом движении 70-х годов. Брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» впервые дала в русской литературе блестящее разрешение этого вопроса, выдвинутого ходом революционного движения в России.

Вооруженный теорией современного социализма, которая учит, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», автор брошюры мог не только опровергнуть, но также исторически объяснить то народническое убеждение, что социализм несовместим ни с какой «политикой». Он показывает здесь, что в основе этого убеждения лежало прудоновско-бакунинское, т. е. анархическое, учение о государстве, которое покоилось на утопических представлениях русских народников-бунтарей (последователей Бакунина) о будущих коммунистических общинах. По мнению народников, коммунизм должен вырасти «сам собою» из условий крестьянской жизни, как только будут устранены препятствия к свободному развитию «народных идеалов», но господствующее внутри общины товарное хозяйство, — говорит Плеханов, — неизбежно должно привести не к коммунизму, а к капиталистической эксплуатации.

Анархистская тактика воздержания от политики, которую народники-бунтари рекомендовали, между прочим, и русским рабочим («Земля и Воля», «Зерно»), свелась бы на деле к тому, что лишила бы рабочих возможности объединить свои усилия в общей политической борьбе, направить свои удары на созданную их эксплуататорами общественную организацию. Следуя советам бунтарей, русские рабочие должны были бы вести разрозненную войну с отдельными эксплуататорами, на стороне которых всегда стояла бы организованная сила государства.

Итак, русские народники в своем отношении к политической борьбе повторяли заблуждения западно-европейских анархистов. Что касается народовольцев, то Плеханов признает их заслугу в том, что они открыли «новую эпоху в развитии нашей революционной партии — эпоху сознательной политической борьбы с правительством». Но он восстает против народовольческого понимания этой борьбы в форме заговора с целью захвата власти. Плеханов беспощадно критикует наивную веру народовольцев во всемогущество горсти заговорщиков, которая, по их мнению, захватив власть, может совершить не только политический, но и социалистический переворот даже «при отсутствии социально-революционной инициативы в самом народе».

Указывая на утопические предрассудки и заблуждения, которые мешали как народникам, так и народовольцам правильно понять вопрос об отношении социализма к политической борьбе, Плеханов определяет ближайшие задачи русских социалистов следующим образом: «Единственной нефантастической задачей русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* в России — с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая дала бы рабочим, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны».

Так решила вопрос о социализме и политической борьбе эта первая социал-демократическая книжка, изданная группой «Освобождение Труда». Огромным большинством тогдашних революционеров новая постановка вопроса была понята очень плохо и не встретила никакого сочувствия. Это первое издание группы не только не привлекло к социал-демократии симпатий революционной интеллигенции, но положило начало упорной борьбе с народничеством, борьбе, которая потом долгие годы велась группой «Освобождение Труда», прежде чем привела к торжеству идей научного социализма в России.

Еще раньше выступления группы «Осв. Труда» некоторые русские народники были знакомы с учением Маркса и Энгельса. Не оспаривая его правильности по существу, они решительно отвергли его применимость к программе своей партии на том основании, что это учение «явилось результатом наблюдения общественных отношений в капиталистических странах и не может иметь никакого значения для

земледельческой России». Напрасно возражали социал-демократы, что учение Маркса обнимает всю культурную историю человечества и поэтому может быть применено к России так же, как и к Греции и Риму, Индии и Египту. Устои русской экономической жизни казались народникам настолько самобытными, что развитие капитализма и создание рабочей партии они считали делом невозможным даже в будущем: развитие крестьянской общины к социализму должно предугадать у нас развитие капитализма. Вопрос о значении капитализма и развития его в России, на ряду с вопросом об общине, был долгое время предметом споров между социал-демократами и народниками. Этому вопросу и было посвящено *главным образом* другое сочинение Плеханова «Наши разногласия», изданное группой «Освоб. Труда» в 1884 г. Подвергнув обстоятельному разбору всех выдающихся представителей русского социализма — А. Герцена, Н. Чернышевского, М. Бакунина, П. Ткачева, — автор переходит к подробному рассмотрению русской экономической действительности, на почве которой выросли самобытные теории. При помощи обширной статистической литературы Плеханов обнаруживает всю вздорность народнических утверждений, будто капитализм не имеет у нас никакого будущего. Увеличение числа фабрик с миллионными оборотами, развитие кредита, вытеснение кустарных промыслов крупными предприятиями, наконец появление некоторых продуктов русской промышленности (как, например, рафинада) на иностранных рынках — все это показывает, что «не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит у нас капитализму».

Крестьянская община не только не может помешать дальнейшему росту капитализма, но сама развивает товарное производство, которое приведет к полному ее разложению. Общинное землевладение уже и теперь тяготит не только деревенских кулаков, но также и беднейшую часть крестьянства, которая, отправляясь на заработки, сдает свои наделы в аренду, приплачивая за них арендатору.

Подводя итог своей критике народничества с социал-демократической точки зрения, Плеханов устанавливает следующие «наши разногласия»:

1. Коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются почти все наши революционеры.

2. По внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

3. При переходе к этим последним ей принадлежит не активная, а пассивная роль; она не в состоянии двинуть Россию на путь коммунизма; она может только менее сопротивляться такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4. Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров, класс, освобождение которого может быть достигнуто лишь путем его собственных усилий.

Таким образом, революционная интеллигенция должна направить все усилия прежде всего на пропаганду в рабочей среде. Но тем самым она приобретает наилучшее средство для революционного воздействия и на крестьянство. Промышленный рабочий имеет много общего с деревней. Он-то и послужит связующим звеном между революционной интеллигенцией и крестьянством.

Несмотря на то, что книга Плеханова «Наши разногласия» дала уничтожающую научную критику народничества, она так же, как и предыдущее его сочинение «Социализм и политическая борьба», не могла похвалиться успехом среди русских революционеров, которые в большинстве продолжали упорно держаться народнической теории и не скрывали своего враждебного отношения к «освободителям труда».¹ Безграничное уважение к погибшим героям «Народной Воли» мешало русским революционерам внимательно и беспристрастно рассмотреть, что, собственно, представлял тот социализм, под знаменем которого боролась эта партия. Всякая критика народо-вольческой программы принималась, как оскорбление «великих теней».

Каково было научное значение этой книги, ясно обнаружилось 10—15 лет спустя после ее появления. Когда во второй половине 90-х годов в русской легальной литературе впервые возгорелась борьба с народничеством, которое все еще считалось передовым и преобладающим направлением русской интеллигенции, то так называемый «легальный марксизм» в своих спорах с народниками о капитализме и общине

¹ Так назвал членов группы П. Л. Лавров в одной заметке о ней в «Вестнике Народной Воли».

очень небольшое мог прибавить к той критике народничества, которая была дана в «Наших разногласиях».

«Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», а также переведенные на русский язык сочинения Маркса и Энгельса выполнили существенную часть той задачи, которую поставила себе группа «Осв. Труда». Познакомив передовую русскую интеллигенцию с научным социализмом, группа «Осв. Труда» дала в то же время обстоятельную критику теорий русского социализма и указала путь для решения практических вопросов русского социалистического движения.

Свои социал-демократические взгляды группа «Освобождение Труда» формулировала в «проекте программы русских социал-демократов», изданном в первый раз в 1885 г. В отличие от всех народнических программ, этот первый проект социал-демократической программы определял задачи русских социалистов следующим образом:

Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического накопления, а местами — в наших промышленных центрах — оно испытывает уже гнет капиталистического производства, не ограниченный еще ни сколько-нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает, как говорил когда-то Маркс о западе европейского континента, не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.

Одним из важнейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом.

Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты со своей стороны должны доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

- 1) Право быть избирателем и избираемым как в законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, позорные действия к потере политической правоспособности.

- 2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую избирать их из бедных классов населения.

- 3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

- 4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

- 5) Свободу передвижений и занятий.

6) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

7) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Но цель эта останется недостигнутой, политическая самостоятельность организации рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями.

Группа «Осв. Тр.» убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде.

...Гр. «Осв. Тр.» задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, гр. «Осв. Тр.» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Народной Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.

Гр. «Осв. Тр.» ни мало не игнорирует крестьянства, составляющего огромную часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде всего направлена на более развитой слой этого населения, коим и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собою разумеется, что распределение сил наших социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение, и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Гр. «Осв. Тр.» не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старание, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы.

Нетрудно отметить в этом проекте места, которые не соответствуют ни духу социал-демократического учения вообще, ни общим социально-политическим взглядам самой группы «Осв. Труда» — в частности. Прежде всего бросается в глаза, что группа отводит такое важное значение «социалистической интеллигенции», которое не согласуется с классовой теорией

научного социализма. Далее, признавая «необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства», группа «Осв. Труда» склоняется, хотя и с большими оговорками, к тактике «Народной Воли», совершенно несвойственной социал-демократии. Наконец, в своей программе группа выставляет два требования (непредвиденные в тексте), которые не поддерживаются в настоящее время социал-демократическими партиями: 1) государственная поддержка производственным ассоциациям и 2) непосредственное народное законодательство. Словом, весь проект в целом нельзя было бы признать вполне выдержанной социал-демократической программой.

Не нужно, однако, забывать, что группа, очевидно, и не ставила себе целью дать программу с.-д. партии, для создания которой не было тогда налицо необходимых условий. Проект программы имел в виду только подготовительную деятельность революционной интеллигенции в интересах будущей рабочей партии.

К тому же, проект этот составлялся в то время, когда «Народная Воля» была еще достаточно сильна и исход борьбы ее с правительством еще далеко не был выяснен. Не разделяя утопических надежд народовольцев на социалистический переворот путем захвата власти временным правительством, члены группы «Осв. Труда» считали, повидимому, возможным, что самодержавие под ударами организованного террора пойдет на уступки и даст либеральную конституцию еще прежде, чем революционное движение распространится на широкие народные массы. Такой исход борьбы революционной интеллигенции имел бы, конечно, большое значение для рабочего движения. Это значение и учитывалось в проекте программы, которая, на ряду с подготовкой рабочего класса к социально-политическому движению, «признает необходимость террористической борьбы». При таких обстоятельствах члены группы «Осв. Труда» считали себя вынужденными сделать даже сознательные уступки народовольцам, применяясь к господствующим взглядам среди русских революционеров.¹ Такими со-

¹ «... Ей (группе «Осв. Тр.») невозможно было не считаться с народническими симпатиями — скажем откровеннее: предрассудками — тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально единственной русской социал-демократической группой, а число возможных русских социал-демократов казалось очень большим, так как

знательными уступками Плеханов объясняет два места программы, которые «не выдерживают критики с точки зрения «ортодоксального» марксизма»: государственная помощь производительным товариществам рабочих во всех отраслях народного хозяйства и очень неопределенная формулировка ее аграрных требований. Весь проект таким образом, излагая основные социал-демократические взгляды, представлял не только с.-д. программу, как мы понимаем ее в настоящее время, но и растворенные в ней тактические соображения.

Однако эта тактика, рассчитанная почти исключительно на деятельность «социалистической интеллигенции», оказалась бесплодной. Это вполне ясно обнаружилось к концу 80-х годов, когда «Народная Воля» почти уже прекратила свое существование, и тем не менее остатки разбитых организаций революционной интеллигенции в огромном большинстве оставались попрежнему глухи к социал-демократической пропаганде. Вольные и невольные отступления проекта программы группы «Осв. Труда» от социал-демократических взглядов были значительно исправлены группой во втором издании этого проекта в 1888 г. То место, где говорится о «необходимости террористической борьбы», было выпущено. «Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма, — говорится во втором проекте, — русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций». За «социалистической интеллигенцией» уже не признается такого самостоятельного и решающего значения в деле завоевания политической свободы. Во втором издании проекта говорится, что «завоевание демократической конституции... является целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом».

Второе издание проекта программы отличается от первого еще тем, что оно более сжато и точно формулирует положение

все старые революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах группа «Осв. Тр.» поневоле должна была, по крайней мере, *попытаться* быть осторожной, мягкой и уступчивой... На деле такая осторожность ни к чему не привела, потому что споры эти (т. е. по аграрному вопросу) все же пришлось начать очень скоро после составления проекта программы; доказательство — книга «Наши разногласия», представляющая собою резкий ответ на ехидные литературные выходы ныне благополучно юродствующего г. Л. Тихомирова против социал-демократической ереси». «Заря», № 4. Stuttgart, 1902 г., ст. Плеханова: «Проект программы РС-ДРП», стр. 18 — 19.

научного социализма и таким образом по форме изложения более приближается к программе. Все же практические требования остались в нем без изменения. В своем переработанном виде проект попрежнему имеет в виду лишь подготовительную деятельность русских социал-демократов.¹

Если группа «Осв. Труда» своими изданиями много сделала для распространения социал-демократического учения в среде революционной интеллигенции, то ее собственные силы оказались недостаточными для того, чтобы понести это учение в рабочую среду. Попытка создать популярную рабочую литературу успеха не имела, так как, оставаясь за границей, группа скоро потеряла связь с Россией. В 1884 г. Л. Дейч, пытавшийся перевезти первые издания группы в Россию, был арестован в Фрейбурге германскими властями и выдан русскому правительству. За свою прежнюю революционную деятельность в партии «Земля и Воля» он был приговорен военным окружным судом в Одессе к 13 г. 4 м. каторги. Только в 1901 году ему удалось бежать из Благовещенска в Западную Европу (через Америку) и снова принять участие в социал-демократическом движении.

После ареста Дейча группа «Осв. Тр.» лишилась своего главного организатора, через которого она поддерживала связи с Россией. Потеряв эти непосредственные связи, она должна была отказаться на некоторое время от издания рабочей литературы и ограничиться печатной и устной пропагандой среди революционной русской молодежи за границей. Из готовившейся к печати «рабочей библиотеки» появилась только книжка П. Аксельрода: «Рабочее движение и социал-демократия».

В 1888 г. группа «Осв. Труда» издает сборник «Социал-демократ», который с 1890 г. превращается в социал-демократический журнал (вышло 4 номера). В целом ряде статей

¹ Объясняя неясность и неправильность с с.-д. точки зрения некоторых практических требований своей программы уступками народническим предрассудкам, гр. «Осв. Тр.» признала свою ошибку в вопросе о непосредственном народном законодательстве: «Насчет представительной системы и прямого народного законодательства надо прямо сказать, что в этом отношении гр. «Осв. Тр.» находилась тогда под влиянием идей Риттинггаузена и что прекрасная работа Каутского: *Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie* (Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия), Stuttgart, 1893, заставила ее значительно изменить свой взгляд». «Заря», № 4, ст. Плеханова о программе, стр. 19.

члены группы знакомят русского читателя с успехами западно-европейского рабочего движения (ст. П. Аксельрода о германской социал-демократии) и освещают с социал-демократической точки зрения выдающиеся явления русской и заграничной общественной жизни и литературы (ст. Плеханова: «Н. Г. Чернышевский», «Русский рабочий в революционном движении», В. Засулич: «Революционеры из буржуазной среды» и др.).

Исключительно тяжелые условия, созданные реакцией 80-х годов, были причиной того, что деятельность членов первой социал-демократической организации свелась, главным образом, к литературной пропаганде за границей,¹ откуда эта пропаганда распространялась очень медленно в России. Впоследствии русской социал-демократии бросали упрек в том, что ее первая программа была выработана за границей и потому должна страдать оторванностью от русской жизни. Поскольку дело идет о научном обосновании классовых интересов пролетариата, то подобный упрек с одинаковым правом можно отнести ко всякой социалистической рабочей партии, которая усвоила идеи «Коммунистического Манифеста», написанного немцами Марксом и Энгельсом. Но таким патристическим упреком менее всего могут смущаться «пролетарии всех стран», у которых «нет отечества». В свое время некоторые «истинно-немецкие» люди упрекали и самого Маркса в том, что он придумал свою программу за пределами Германии.

Однако заграничное пребывание Маркса, остававшегося почти всю жизнь в изгнании, не только не помешало, но значительно помогло ему в выработке теории современного социализма, так как оно дало ему возможность близко наблюдать развитие капитализма и рабочего движения в передовых капиталистических странах, а не только в отсталой Германии.

Заграничное пребывание членов группы «Осв. Труда» дало им возможность близко познакомиться с теорией и практикой современного социализма в Западной Европе, опередившей нас по пути развития общественных отношений и социалистической мысли, и усвоить идеи научного социализма, которые лежат в основе всей современной социал-демократии.

Что же касается практических задач русских социал-демократов, то они требуют, конечно, глубокого знания своеобразных

¹ Заметим, что Дейч, Засулич и Аксельрод неоднократно приезжали нелегально в Россию.

экономических и общественных условий России. Но все члены группы «Осв. Труда» принимали деятельное участие в русском революционном движении, как члены «Земли и Воли», и в ответ на упомянутые доводы противников они с полным правом могли сослаться на свой революционный опыт: «За границей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России. И во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1884 г. и напечатанном в 1885 г., нет ни одной строчки, которая не имела бы в виду того или иного «проклятого вопроса» нашей революционной практики и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики».¹

И действительно, не что иное, как неудачи революционной практики привели к полному крушению старых утопических теорий заграничной группы бывших чернопеределцев. Эта же практика должна была показать, насколько далеки или близки к условиям русской жизни новые социал-демократические взгляды группы «Освобождение Труда».²

II

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 70-Х И 80-Х Г.Г.

В то время, как революционная интеллигенция возлагала все свое упование на русскую общину и бесплодно растрачивала свои силы на социалистическую пропаганду в деревне, в недрах промышленной России быстро развивалась новая революционная сила — рабочий класс. Правда, он был еще очень невелик по числу в сравнении с огромной массой земледельческого населения. Эта-то малочисленность городского пролетариата и внушала народникам уверенность в том, что капитализм не имеет в России никакой почвы и что у нас невозможно рабочее движение в том виде, как оно существует

¹ Плеханов, предисловие к «Истор. револ. движения в России».

² Очерк этот, помещенный в «Очерках из истории рабочего движения», заканчивается так:

«Мы видели, что уже «Северный Союз Русских Рабочих» пробил первую большую брешь в учении социалистов-народников. Группа «Освобождение Труда» не оставила в этом учении камня на камне. Эта маленькая группа открывала собою новую эпоху. Когда в 90-е годы рабочее движение разлилось широкой волной по России, оно шло уже под знаменами марксизма, ярко освещавшего дорогу к пролетарской революции».

Редакция.

на Западе. «Но если у нас мало рабочих, — писал Плеханов в 1893 г., — то из этого еще не следует, что у нас должно быть много утопических предрассудков». ¹ И действительно, только народнические предрассудки мешали русской интеллигенции разглядеть общее направление нашего экономического развития и действительные размеры уже существующего капитализма.

Еще накануне освобождения крестьян, в 1860 г., в Европейской России, кроме Финляндии и Польши, считалось, по сведениям департамента торговли и мануфактур, 15 388 фабрик и заводов и 565 142 рабочих. С падением крепостного права капитализм стал развиваться гораздо быстрее, а вместе с тем возрастало и число фабричных рабочих. Но огромное большинство фабрично-заводского населения сохраняло тесную связь с земледелием, покидая фабрику на время полевых работ. Эта связь русского рабочего с землею казалась народникам тем преимуществом России перед Зап. Европой, которое должно предохранить нас от «язвы капитализма». На самом же деле такой порядок вещей еще более ухудшал положение наших наемных рабочих, и без того очень тяжелое в период первоначального накопления капитала. Привязанные к своим ничтожным наделам, обложенные к тому же непосильными податями, работавшие на фабриках крестьяне из всех сил стремятся поддержать свое падающее хозяйство и на фабричную работу смотрят, как на подсобный промысел. Понятно, что при таких обстоятельствах они соглашались на самые тяжелые условия найма и гораздо менее способны оказывать сопротивление эксплуатации, чем профессиональные пролетарии.

Но всякой эксплуатации бывает предел. Волнения и стачки на фабриках начались у нас еще при крепостном праве. Правда, бесправное положение крепостных рабочих делало почти безнадежной всякую борьбу с предпринимателями, которые были в то же время «господами». Волнения крепостных рабочих мало чем отличаются от крестьянских бунтов.

Более или менее сознательное стачечное движение появляется у нас к началу 70-х годов. В мае 1870 г. забастовали все 240 прядильщиков Невской бумагопрядильни в Петербурге, требуя повышения заработной платы. Стачечникам впервые пришлось испытать на себе тяжелую руку русского

¹ Плеханов: «О русской социал-демократии в России», 93.

правосудия, которое с самого начала рабочего движения выступило могучим покровителем капитала. 57 человек были приговорены окружным судом к аресту на разные сроки. Но русский закон, каравший за всякую мирную стачку, как за «бунт», показался перепуганному правительству слишком слабым средством для охраны «общественной безопасности» и предпринимательских интересов. После этой петербургской стачки был издан указ, который давал губернаторам право высылать забастовщиков за пределы губернии без всякого судебного разбирательства. Этот указ был применен задним числом к «зачинщикам» на Невской бумагопрядильне.

В 1872 году вспыхнула забастовка на огромной Кренгольмской мануфактуре в Нарве.¹ Она кончилась так же неудачно, как и петербургская. Депутаты рабочих были арестованы, а для усмирения «бунтовщиков», требовавших освобождения товарищей, были высланы войска.

Более или менее крупные забастовки происходили в 1874 г. в Москве на суконной фабрике Лазарева, в 1875 г. на заводе Юза и на строившейся Оренбургской железной дороге. В 1876 г. бастуют 500 прядильщиков Никольской фабрики в Орехове-Зуеве, в 1878 г. была стачка в Новой бумагопрядильне в Петербурге и пр. Только некоторые из стачек этого времени привели к незначительным уступкам со стороны предпринимателей. Но зато всякая забастовка сопровождалась массовыми расчетами рабочих, арестами и высылкою сколько-нибудь заметных участников.

Несмотря на жестокие преследования со стороны властей, борьба рабочих 70-х годов была направлена исключительно против предпринимателей. Предъявляя во время стачки требования к хозяевам, рабочие нередко обращаются с жалобами и ходатайствами в полицейский участок. Даже после того, как они убеждались, что полиция — плохой защитник рабочих, они все же надеялись на заступничество высшего правительства, которое непременно должно притти к ним на помощь. Так, петербургские рабочие во время стачки на Новой бумагопрядильне в 1878 г. обратились с ходатайством о защите прежде всего к приставу. Но тот, после некоторой проволочки, по внушению высшего начальства, стал угрожать ходакам от рабочих наказанием и потребовал, чтобы рабочие приступили к работе на старых условиях.

¹ Хлопчатобумажная и ситценабивная фабрика. Находилась в Эстляндской губ., близ гор. Нарвы. Ныне в Эстонии. Ред.

«Снюхался с управляющим», — решили рабочие и пошли просить защиты у градоначальника. Когда же и градоначальник не оказал никакой поддержки, было решено обратиться за помощью к самому наследнику престола. Сочинив соответствующее прошение, забастовщики торжественно отнесли его всей толпой к Аничкову дворцу. Не дождавшись ответа на свое прошение, забастовщики вынуждены были скоро стать на работу. Они не добились почти никаких уступок, но зато пришли к убеждению, что им не на кого надеяться, кроме как на самих себя. У тогдашнего рабочего, недавно вышедшего из деревни, очень сильна была вера в заступничество высшего начальства.

Практика пролетарской борьбы скоро должна была вытравить эту веру. Когда в следующем же году повторилась стачка на Новой бумагопрядильне, то рабочие только смеялись, вспоминая о своих ходатайствах. Умудренные горьким опытом, они пишут уже не прошение к начальству, а воззвание ко всем петербургским рабочим.

«Братья! У нас на Новой канаве¹ стачка уже не в первый раз.

«Каждый раз мы писали просьбы, обивали пороги у всякого начальства; теперь мы видим, что начальство стоит за хозяев, а не за рабочих, и никогда хозяина на рабочих не сменяет!

«Что же нам делать? Неужели позволять хозяевам мудрить над нами, как им вздумается?

«Оттого над нами и брали верх, что не дружно мы стояли. Не только с разных мастерских, с разных фабрик должны помогать друг другу. Поддержите нас, соберите у себя сбор, кто что может».

Такое же воззвание было распространено от бастовавших в то же время рабочих на фабрике Шау.²

Несмотря на беспримерные преследования, стачечное движение мало-по-малу распространилось по всей России. В 1882 году, когда разразился сильный промышленный кризис, проис-

¹ «Новая бумагопрядильня» находилась на Обводном канале и в простонаречии называлась Новой канавой. В настоящее время прядильно-ткацкая фабрика имени Петра Анисимова (Петра Анисимовича Мосенко). *Ред.*

² Фабрика братьев Шау — великобританских подданных. Сейчас не существует. *Ред.*

ходили крупные стачки в Петербурге, Нарве, Перми, Иваново-Вознесенске и других городах.

Возникнув помимо всякого постороннего влияния, рабочее движение, особенно в Петербурге, неизбежно должно было встретиться с народническим социалистическим движением. Но что могли дать рабочему классу социалисты-народники, которые возлагали все свои надежды на крестьянскую общину и не придавали никакого значения рабочему движению в России? Они не понимали его и не верили в его будущее.

По поводу первой же стачки 1870 г. орган передовой русской интеллигенции — «Отечественные Записки» писал: «Настоящее значение стачки у нас неизвестно и неподходяще к характеру (!) русских рабочих».

Но, не признавая никакого самостоятельного значения за рабочим классом, народники, однако, не упускали случая устраивать кружки из городских рабочих. Они делали это лишь с тою целью, чтобы выработать из рабочих пропагандистов в крестьянской среде. Не интересуясь рабочим движением, народники не могли, конечно, своей пропагандой удовлетворить самых основных запросов пролетария.

«Идя к рабочим, не то чтобы против воли, — рассказывает один бывший земледелец,¹ — а так сказать, *против теории*, мы, разумеется, не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл *идеей четвертого сословия*. Мы проповедывали им не социализм и даже не либерализм (это было бы еще победы), а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» политическую свободу и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться глубокой ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в коем случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария».

И однако же народническая пропаганда принесла немалую пользу рабочему движению. Правда, само по себе народническое учение могло скорее только затемнить классовое со-

¹ Плеханов: «Русский рабочий в революционном движении». Изд. «Пролетариат», стр. 18.

знание рабочих. Но пропаганда народников несомненно дала им некоторые полезные сведения¹ и вообще способствовала их умственному развитию. Но самое главное — это то, что сближение с революционными организациями интеллигенции помогло организовать самим рабочим. Созданные народниками рабочие кружки скоро пришли к мысли о самостоятельной рабочей организации, которая, не только наперекор теории, но и помимо воли народников, пришла к идее четвертого сословия.

В 1875 г. на юге возникла первая большая рабочая организация: «Южно-Русский Рабочий Союз». Но она очень скоро распалась, так как в том же году было арестовано большинство ее членов вместе с ее основателем Заславским. На суде, разбиравшем дело Ю.-Р. Р. Союза, было прочитано письмо Союза к северным товарищам. В этом письме южные рабочие заявили, что они своей ближайшей задачей считают завоевание политической свободы. «Не думайте, однако, — писали они, — что мы отказываемся от великой конечной цели переустройства всего общественного строя и перехода орудий труда в руки трудящихся. Мы только считаем, что этой цели всего легче добиться уже по завоевании политической свободы».

Таким образом, мысль передовой части рабочих, затронутых революционной пропагандой, еще в половине 70-х годов пришла к идее «буржуазной» политической свободы, от которой отреклись интеллигенты-народники.

После распада Ю.-Р. Р. Союза это «политическое» направление продолжало делать успехи в наиболее сознательной части рабочего класса, несмотря на упреки со стороны народников, считавших это направление буржуазной ересью. Еще более определенно была разработана мысль о необходимости политической свободы северными рабочими.

Начиная с 1877 г., из отдельных кружков, примыкающих к обществу «Земля и Воля», стала складываться самостоятельная рабочая организация, которая окончательно была основана в 1879 г. под названием «Северного Союза Русских Рабочих». В первое же время после своего основания Союз

¹ В этом отношении более полезной была пропаганда не «землеольцев», а так называемых «лавристов», которые были тогда в значительном меньшинстве и не пользовались большим влиянием в революционном движении. Особенно ценными были те сведения, которые лавристы сообщали в своих лекциях о западно-европейском рабочем движении.

насчитывал больше 200 членов. Его отделения с особыми комитетами, кассами и конспиративными квартирами были рас-
сезаны по всему Петербургу. Руководство всеми делами Союза принадлежало центральному кружку, в распоряжении которого находилась центральная касса Союза и его библиотека. Душою Союза и главным его организатором выступил столяр Халтурин.¹ Объединившись в самостоятельную рабочую организацию, «Северный Союз Русских Рабочих» изложил свою программу в «Воззвании ко всем русским рабочим».

«Северно-Русский Рабочий Союз», — говорилось в этом воззвании, — тесно связанный в своих задачах с западно-европейскими рабочими партиями, выставляет следующую программу:

- 1) Уничтожение существующего политического и экономического строя.
- 2) Основание вольного народного союза (федерации) общин на основании полного равноправия при полном внутреннем самоуправлении.
- 3) Отмена частной собственности на землю и замена ее общинным землевладением.
- 4) Организация рабочих ассоциаций, передача всех средств производства и орудий труда в руки производителей.

Изложив эти социалистические требования, программа Союза продолжает:

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

- 1) Свобода печати и слова.
- 2) Свобода собраний и союзов.
- 3) Отмена тайной полиции и преследований за политическую деятельность.
- 4) Отмена сословных прав и привилегий.
- 5) Уменьшение постоянного войска или же его полная замена всеобщим народным вооружением.
- 6) Всеобщее бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.
- 7) Право сельских обществ свободно заведывать своими делами.
- 8) Отмена паспортов.
- 9) Отмена косвенных налогов и замена их прямым налогом на доходы и наследства.
- 10) Ограничение числа рабочих часов на фабриках и заводах и запрещение детской работы.
- 11) Основание производительных артелей и товарищеских касс с беспроцентным кредитом от казны.

Такова была первая программа русских рабочих. Она была совершенно самостоятельно выработана рабочими, ко-

¹ Очерк о Халтурине см. на стр. 169 — 173. Ред.

торые ревниво оберегали Союз от всякого вмешательства интеллигенции. По уставу членами Союза могли быть только рабочие. Однако же, не трудно разглядеть в этой программе влияние народничества, которое сказалось в требовании федерации общин и государственной поддержки артелей. Основатели Союза вполне усвоили взгляды на будущее общество социалистов-народников, понимавших это общество в духе анархического коммунизма.

Кроме отсутствия научного обоснования социалистических требований, можно указать еще на другой недостаток этой программы: перечисляя в своих ближайших требованиях отдельные свободы, программа совершенно умалчивает о самом главном — замене существующей самодержавной власти народным представительством, которое только и может обеспечить все перечисленные свободы.

Но, при всех этих недостатках, эта замечательная программа сделала огромный шаг вперед в сравнении с народничеством. Она впервые неразрывно связывает дело социализма с борьбою за политическую свободу. За «Северным Союзом Русских Рабочих» нужно признать, таким образом, огромную заслугу в том, что в истории нашего социалистического движения он первый отделался от утопических представлений «самобытных» русских социалистов о социалистическом перевороте, который должен совпасть с предстоящей политической революцией. Заявляя в своей программе, что «решение социального вопроса прежде всего обеспечивается политической свободой», Союз написал на своем знамени то самое требование, в защиту которого через 4 года выступила группа «Освобождения Труда» во всеоружии научного социализма.

Однако, успехи «Сев. Союза Русских Рабочих» не изменили взглядов народников на рабочее движение, а его программа встретила решительное осуждение на страницах «Земли и Воли».

Отстаивая свою программу, Союз продолжал развивать свою деятельность. Еще при самом его возникновении явилась мысль об издании рабочей газеты. Редактором единогласно был выбран Халтурин. В газете предполагалось, главным образом, помещать сообщения самих рабочих об их положении на фабриках и заводах. Передовицы же должны были обрабатывать и освещать этот материал. Союзу удалось издать в собственной типографии 1-й № газеты «Заря

Рабочего». Но этот № был арестован тотчас же по отпечатании в феврале 1880 г., и потом уже возобновить издание газеты не удалось.

«Сев. Союз Русских Рабочих», как показывает его название, вовсе не хотел ограничиться одним Петербургом; с самого начала своего существования он стремился завести связи с рабочими в провинции с тем, чтобы потом устроить всероссийскую рабочую организацию.

Однако, обстоятельства сложились очень неблагоприятно для неокрепшего еще Союза. Хотя он и стремился к полной самостоятельности, но на практике ему еще трудно было обойтись без помощи революционной интеллигенции, когда нужны были квартиры, паспорта или нелегальная литература. А между тем эта интеллигенция уже ко времени основания Союза все более вовлекалась в террористическую борьбу. Когда же образовалась партия «Народной Воли» — террор поглотил почти все силы революционеров, и рабочие организации были предоставлены самим себе. Кроме того, террор «Народной Воли» создавал еще большие затруднения для деятельности самих рабочих. Каждое новое покушение вело за собою усиленные репрессии, которые отзывались гораздо тяжелее на рабочих организациях, чем на террористах.

К тому же все больше ожесточавшаяся террористическая борьба с правительством стала мало-по-малу увлекать также и передовых рабочих. Доведенные до отчаяния постоянными «провалами», они решили примкнуть к народолюбцам, надеясь, что удачное покушение на царя принесет с собою политическую свободу и, таким образом, откроет простор для рабочего движения.¹

Мы видели, что передовая часть сознательных рабочих сумела не только взять из революционной пропаганды народников все то, что она могла им дать, но смогла также самостоятельно переработать заимствованное у народников учение и внести в него те поправки, которые подсказывались им нуждами рабочего движения. Точно так же сумели оценить некоторые рабочие и террор «Народной Воли», справедливо полагая, что этот способ борьбы совершенно непригоден для рабочего класса. Но разгоревшаяся террористическая борьба

¹ Так рассуждал, например, Халтурин. Из этих рассуждений мы можем заключить, что примкнувшие к террористам рабочие вовсе не разделяли их утопических надежд на социалистический переворот, который должен последовать за покушением и захватом власти.

подавала слишком большие надежды на скорую победу. Эти надежды и побуждали рабочих, скрепя сердце, оставить свое рабочее «дело», чтобы оказать помощь «Народной Воле», с которой они и разделяли ее ошибки заговорщицкой террористической тактики.

Лишившись не только поддержки со стороны революционной интеллигенции, но также и своих лучших сил из рабочей среды, «Северный Союз Русских Рабочих» стал быстро клониться к упадку и скоро должен был прекратить свое существование. Наступившая же после разгрома «Народной Воли» реакция наложила свою руку также и на рабочее движение.

Правда, промышленный кризис 1882 года вызвал повсеместные волнения и стачки рабочих в промышленных центрах. Но к этому времени прежние рабочие организации были уже совершенно обессилены. Они лишились самого сознательного своего ядра и не могли придать стихийному движению сознательную форму, не могли оказать никакого противодействия тем темным силам, которые толкнули озлобленный народ на еврейские погромы, сопровождавшиеся убийствами, грабежами, столкновениями с войсками...

При таких тяжелых условиях приходилось продолжать дело «Северного Союза Русских Рабочих» первым последователям социал-демократического учения, которые, в противоположность народникам, стремились направить все свои силы на пропаганду социализма среди промышленных рабочих. Отдельные сторонники социал-демократии из революционной интеллигенции стали появляться в России почти одновременно с группой «Освобождение Труда». Но в общем идеи научного социализма в течение 80-х годов пролагали себе дорогу в России очень медленно.

Первая социал-демократическая организация, занявшаяся пропагандой научного социализма среди рабочих, появилась в Петербурге в 1884 году. Она возникла совершенно независимо от группы «Освобождение Труда», с которой, однако, скоро вступила в тесные сношения. Одним из ее основателей был болгарский студент Благоев, приехавший учиться в Петербург в 1880 г. Здесь он познакомился со многими народо-вольцами и чернопередельцами, но взгляды обоих этих фракций его не удовлетворяли, и после долгих споров с ними он обратился к изучению «Капитала» Маркса и сочинений Лас-саля. Ознакомившись с этими сочинениями, Благоев уже в

конце 1883 г. приступил к пропаганде научного социализма среди петербургской интеллигенции. Наибольший успех он имел, по его рассказам, среди чернопередельцев. В 1884 г., благодаря его усилиям, сформировалась социал-демократическая группа, которая, выработав свою программу, приступила к практической деятельности. Группа вела пропаганду среди рабочих, а также среди интеллигенции, главным образом, в студенческих кружках.

Первоначальные взгляды группы, как вспоминал потом Благоев, значительно отличались от взглядов современной социал-демократии. Они представляли смесь научного социализма с лассалианством и «лавризмом». «В основе наших взглядов и программы,—писал Благоев к одному товарищу,—лежал общий принцип социал-демократии — а именно, что рабочий класс России должен выделиться в самостоятельную политическую партию, конечная цель которой должна состоять в преобразовании общества на социалистических началах, на коллективном владении средствами производства, что для приближения к этой цели рабочему классу России необходимо прежде всего добиться конституции и что в России конституционное управление останется мечтой до тех пор, пока не явится сильная рабочая партия с самостоятельными от буржуазии задачами. Политическую свободу мы считали первым необходимым условием для того, чтобы можно было бороться для социалистического переворота. А этот последний мы представляли себе по Лассалю, т. е. через рабочие ассоциации, субсидируемые государством».

В духе этой программы петербургская социал-демократическая группа стала издавать в 1885 г. газету «Рабочий» — орган партии русских социал-демократов.

Но вскоре после своего возникновения петербургская группа завела сношения с гр. «Освобождение Труда», с которой она долго вела переписку о программе. Эти сношения окончились тем, что петербургские социал-демократы окончательно приняли программу группы «Освобождение Труда». Уже в № 2 «Рабочего» была напечатана статья Плеханова: «Современные задачи русских рабочих» («Письма к петербургским рабочим кружкам») и статья П. Аксельрода о западно-европейском рабочем движении. В своем письме к петербургским рабочим Плеханов развивает, главным образом, ту мысль, что борьба за экономическое освобождение неразрывно связана с борьбой за политическую свободу. Задачи

рабочих кружков сводятся, по мнению Плеханова, к тому, чтобы: 1) развивать сознательность в среде товарищей, 2) организовать и сплачивать их силы, 3) направлять эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а, главное, облегчили бы окончательную победу рабочих в будущем.

Эта первая социал-демократическая организация в России просуществовала недолго. Уже в марте 1885 г. один из главных ее деятелей, Благоев, был арестован и выслан из России, как иностранец.¹

27 января 1886 г. группа подверглась полицейскому разгрому, от которого она уже не могла оправиться. Были арестованы: Харитонов, Бутков, Теселкин, кн. Кугушев, бр. Ка-таевы, Артаумов. Была взята также типография группы, печатавшая газету «Рабочий». Оставшиеся члены поддерживали начатую работу до следующего года, когда они подверглись участи своих товарищей.

Последовательно возникшие потом социал-демократические группы в общих чертах повторяли историю своей предшественницы. Аресты выметали обыкновенно без остатка всю организацию, не оставляя непосредственных преемников.

Организованный Брусневым социал-демократический кружок студентов-технологов должен был заново устанавливать связи с рабочими, прежде чем приступить к пропаганде. Эта новая группа стремилась расширить свою организацию и установила связи с некоторыми провинциальными городами. Аресты 1892 г. прекратили ее существование. В 1888 г. небольшая социал-демократическая организация была основана д-ром Абрамовичем в Киеве, где ему удалось организовать до 30 рабочих. Эта организация была уничтожена арестами в следующем же году. К началу 90-х годов отдельными последователями научного социализма социал-демократическая пропаганда заносится почти во все крупные промышленные города: Петербург, Киев, Харьков, Казань, Ростов-на-Дону, Тулу, Минск, Вильну.

Несмотря на все неблагоприятные условия 80-х годов,

¹ Возвратившись к себе на родину, Благоев поддерживал некоторое время связи с петербургской социал-демократической группой. Потом он принял деятельное участие в болгарской с.-д. партии, как депутат болгарского Народного Собрания и редактор научного социалистического журнала.

идеи современного социализма, хотя и очень медленно, все же прокладывают себе дорогу в рабочей среде. Сторонников нового учения было еще очень мало, а затишье, наступившее в рабочем движении, не позволяло даже и думать о широкой политической борьбе или хотя бы о такой широкой рабочей организации, какою был «Северный Союз Русских Рабочих». Единственной возможной задачей для немногочисленных с.-д. групп, затерявшихся на огромном пространстве Российской империи, была неустанная пропаганда в тесных рабочих кружках, которые, в свою очередь, должны были вербовать и объединять все новых сторонников социал-демократии, новых сознательных товарищей.

Невелики были эти кружки, и незаметна была работа первых социал-демократов в России. Но в безотрадные времена 80-х годов, когда прекратилось всякое организованное революционное движение, уступая дорогу торжествующей реакции, а хранители «славных традиций» «Народной Воли» вырождались в самых плоских либералов, — эти небольшие рабочие кружки были единственным залогом лучших времен, зародышем будущей рабочей партии.

III

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 90-Х ГОДОВ

«Она — РС-ДРП — хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс».

Манифест РС-ДРП 1898 г.

90-е годы принесли с собою новый, небывалый подъем общественной жизни. После долгих лет застоя «вековые устои качнулись», наконец, для того, чтобы никогда уже не прийти в равновесие.

Так называемая «эпоха великих реформ» была выражением очень мелкого общественного движения, которое не шло дальше образованных либеральных помещиков. 70-е годы вывели на сцену еще разночинную интеллигенцию, но и этот общественный слой, принявший участие в сознательной политической жизни, был очень невелик и оказался тем более ничтожной политической величиной, чем грандиознее были его благие пожелания. Считая свои собственные утопические идеалы выражением интересов крестьянства, социалисты-

народники хотели построить здание социализма на том самом основании, которое на самом деле было самой прочной опорой старого режима. В этом заключается утопизм народнического революционного движения, которое было обречено на неудачу политической неподвижностью того класса, на который оно хотело опереться. Вместе с упадком движения рушились и самые утопические теории, по мере того, как после опыта революционной борьбы исчезала вера в революционные силы «народа», т. е. крестьянства. Горькое разочарование в «народе» звучит в тоскливой интеллигентской «дубинушке» — этом истинном произведении 80-х годов:

«...завещает родному он сыну
Лишь слепую покорность судьбе роковой»...

Совсем иную картину представляет движение 90-х годов, которое, раз начавшись, продолжало расти и усиливаться, захватывая все более и более широкие слои народа, пока, наконец, не потрясло старый режим до самого основания.

Первым сильным толчком, всколыхнувшим стоячее болото реакции, был голод 1891 — 92 г.г. Разразившийся неурожай окончательно разорил хозяйство «податного сословия», благосостояние которого и раньше не поднималось выше уровня нищеты, благодаря финансовой политике, откровенно покровительствовавшей помещному дворянству и крупнейшей буржуазии. Но само по себе крестьянство и теперь еще, на краю голодной смерти, не представляло для правительства опасной силы. Если прежде нищета и бесправие не могли одолеть «слепой покорности» забитой крестьянской массы, то теперь голод и последовавшая за ним холера могли породить только стихийные холерные бунты, сопровождавшиеся избиением земских врачей, разгромом больниц и т. п.

Но либеральную буржуазию этот голод пробудил от долгой политической спячки. Передовая печать указывала, что голод — не случайное бедствие, а результат многолетней политики правительства, подкопавшей основы народного хозяйства. Самодержавие, которое еще недавно казалось огромной силой, опиравшейся на устойчивое и выносливое крестьянское хозяйство, теперь было объявлено «колоссом на глиняных ногах».

Но ни крестьянские бунты, ни либеральное движение не представляли большой опасности для самодержавия. Все это было у нас и раньше. То, что вносило совершенно новый

смысл в движение 90-х годов, что придавало ему особую силу и в конце концов должно было сыграть решающую роль, — это было поразительно быстро растущее рабочее движение, которого не знали предыдущие десятилетия.

Неурожай 91 — 92 г.г. не только произвел опустошение в деревне, но и сильно подорвал уже значительно развитую фабричную промышленность. Разорив крестьянство, он лишил наши фабрики главного рынка и привел к сильному промышленному кризису. Неизбежные при всяком кризисе понижение заработной платы и массовая безработица вызвали повсеместные волнения рабочих. В 1892 г. были крупные беспорядки в Юзовке, окончившиеся военным усмирением. В 1893 г. происходят забастовки и волнения рабочих в Петербурге, Харькове и Ростове-на-Дону. В следующем году забастовки распространяются почти на все промышленные центры России.

Широко развернувшееся рабочее движение привлекает к себе внимание передовой русской интеллигенции. Присматриваясь к русской действительности, эта интеллигенция скоро должна была порвать с традициями народничества, которое было совершенно бессильно объяснить новые явления русской экономической жизни и согласовать с ними свои прогрессивные стремления. Бьющие в глаза успехи капитализма и широко распространившееся рабочее движение сделали то, чего не могла достигнуть литературная пропаганда группы «Освобождение Труда» в 80-е годы. Те самые мысли, которые высказывались в «Наших разногласиях» и приобретали в свое время лишь единичных сторонников, теперь быстро усваивались передовой русской интеллигенцией, так как находили блестящее оправдание в русской экономической и общественной жизни. Спор о значении капитализма и развитии его в России скоро перешел на страницы легальной печати и стал предметом ожесточенной борьбы между отживающим свои дни народничеством и сторонниками учения Маркса. В 1894 г. появляются в печати «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» П. Струве, это первое крупное произведение русского легального марксизма. Огромную роль в распространении новых взглядов сыграла книга Плеханова, изданная легально, под псевдонимом Бельтова, в 1895 г.: «К вопросу о монистическом понимании истории». Она сводила окончательные счеты с народничеством в лице его самого популярного представителя Н. Михайловского. С 1894 г. мар-

ксистами стал издаваться журнал «Новое Слово», который с большим успехом продолжал начавшийся в легальной литературе поход против народников. Эта марксистская критика развенчивала народничество, как «передовое направление» русской интеллигенции, в котором видели продолжение «славных традиций Народной Воли», и привела к тому, что к концу 90-х годов марксизм стал господствующим направлением в среде революционной молодежи.

Впоследствии обнаружилось, что далеко не все представители этого «легального» марксизма остались в то же время сторонниками русской социал-демократии. В то время, по цензурным условиям, в легальной печати было невозможно изложить учение Маркса во всей полноте. Пока дело шло о значении капитализма, о роли внутреннего и внешнего рынков и т. п., в среде «легальных» марксистов, дружно борющихся против народников, не замечалось никаких разногласий. Научные взгляды народничества в этих вопросах не выдерживали критики даже с точки зрения современной буржуазной политической экономии. Неудивительно поэтому, что в лагере «легального» марксизма, под которым понимали все то, что боролось против народнических теорий, не замедлили обнаружиться крупные разногласия, как только споры с народниками приходили к концу. По мере того, как даже сквозь цензурные перегородки все яснее выступало революционное содержание марксизма, как теоретического обоснования современной социал-демократии, многие из прежних его сторонников стали один за другим перебегать в лагерь либеральной буржуазии. Это случилось прежде всего с тремя наиболее популярными из «легальных» марксистов — Струве, Туган-Барановским и Булгаковым, выступавшим с критикой «ортодоксального», т. е. революционного марксизма. В этом и заключается пресловутый «кризис марксизма», который доставил столько удовольствия и утешения нашим народникам, потерпевшим полное поражение от марксистов.

Массовое увлечение марксизмом русской интеллигенции, т. е. демократической и либеральной буржуазии, и не могло, конечно, создать из этой буржуазии социал-демократических кадров. Но учению Маркса суждено было сыграть у нас ту роль, какую оно не играло, кажется, ни в какой другой стране. Оно помогло русской интеллигенции освободиться от тяготевших над нею традиций народничества, которое, при данном уровне производительных сил, становилось все более

реакционным. В учении Маркса прогрессивная буржуазия нашла то оружие, с помощью которого она с успехом боролась против реакционной мелкобуржуазной идеологии. Подобно тому, как «Северный Союз Русских Рабочих» сумел значительно переработать народнические теории в духе социал-демократии, так и русская буржуазная демократия, воспользовавшись для своих целей революционной социал-демократической теорией, сумела переработать эту теорию «критикой» и приспособить ее к своим либеральным идеалам.

Но если революционный характер «ортодоксального» марксизма оттолкнул от него широкие слои «интеллигенции», то тем более крепко стала держаться этого учения революционная часть интеллигенции, которая теперь стала быстро пополнять ряды социал-демократии.

Рост рабочего движения и широкое распространение учения Маркса среди интеллигенции впервые создают у нас благоприятные условия для развития современной социал-демократии.

Однако, в первой половине 90-х годов социал-демократическая работа почти не изменила своего характера и ограничивалась, как и в 80-е годы, кружковой пропагандой. Она только увеличивается количественно и из главнейших промышленных центров — Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Киева, Екатеринослава — распространяется на новые местности. Особенно быстрые успехи с.-д. пропаганда делает в Северо-Западном крае среди еврейского пролетариата. Главнейшим центром движения и рассадником социал-демократии здесь явилась Вильна, где первые социал-демократические кружки из еврейской интеллигенции появляются одновременно с петербургскими еще в половине 80-х годов.

Но повсюду работа социал-демократов попрежнему носит пока только подготовительный характер. Она ставит себе задачей выработать из рабочей среды достаточное количество сознательных социал-демократов, которые могли бы в будущем оказать личное влияние на рабочие массы и руководить их борьбой. Как смотрели на свои ближайшие цели небольшие социал-демократические кружки, мы лучше всего поймем из речей сознательных рабочих на тайном собрании 1 мая 1891 г. в Петербурге:

«...Чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, — говорил один оратор, — нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развивать

себя и других, и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей умных, честных и сильных, и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас в пример себе и другим».

«Следовательно, успех развития и организации рабочих зависит исключительно от наших знаний и нашей энергии; и потому, товарищи, наш долг, как честных и развитых людей, приготовить из себя и из подходящих для того людей опытных пропагандистов и организаторов в социально-революционном деле и энергичных борцов за право человека и светлое будущее». ¹

Так же точно смотрят на свои ближайшие задачи и еврейские социал-демократы. На тайном первомайском собрании 1892 г., где присутствовало около 100 человек сознательных рабочих, один из них говорил:

«Мы не можем сидеть сложа руки и ждать помощи сверху: только от нас самих зависит наше освобождение и спасение. По мере возможности, каждый должен стараться учить себя и других и таким образом способствовать образованию на первых порах хоть маленьких кружков».

Этот узкий, кружковый характер работы был неизбежным до тех пор, пока ничтожное количество сознательных социал-демократов-рабочих тонуло в море темной рабочей массы. Понятно, что в период кружковой пропаганды социал-демократия остается в стороне от рабочего движения, на которое она еще бессильна оказать влияние. Как и знаменитая Морозовская стачка 1885 г., ² так и широкое стачечное движение начала 90-х годов происходит без всякого участия социал-демократов, которые, при слабости своих сил, не рассчитывают оказать влияние на рабочие массы и не рискуют разбить те небольшие социал-демократические рабочие кружки, которые им удастся создать путем долгих усилий.

Но по мере того, как расширялись с.-д. кружки и стихийно развивалось рабочее движение, одна только пропаганда перестала удовлетворять сознательных рабочих, которые стремятся принять участие в пролетарской борьбе.

«Чаша переполнилась, — говорит одна еврейская работница на том же первомайском собрании 92 г., — дальше продолжаться так не может. Наша покорность и безропотность

¹ Первое мая 1891 г. «Четыре речи рабочих». Женева. 1892 г.

² См. стр. 174 — 182. *Ред.*

ни к чему не поведут; мирным путем мы ничего не сделаем. Мы должны бороться с нашими врагами. Но, конечно, каждый человек должен измерять свои силы... Поэтому мы должны бороться с нашими ближайшими врагами, с которыми нам приходится сталкиваться каждый день, а именно с нашими хозяевами.

«...Чтобы не было между нами такой разрозненности, чтобы объединиться, — мы должны устраивать частые сходки... Все должны стараться основать кассы и заботиться об их расширении. Мы должны устраивать стачки».

Но прошло немало времени, пока эти новые пути и способы борьбы преодолели все сомнения и проложили себе дорогу в социал-демократической практике. По мере расширения работы возникает борьба против «кружковщины» и созревает мысль о необходимости перейти от выработки отдельных социал-демократов путем пропаганды к широкой агитации в рабочих массах на почве повседневных нужд и требований. В первый раз эта мысль была обстоятельно развита в брошюре «Об агитации». Эта брошюра появилась в Вильне в 1894 г. и долго ходила по рукам в рукописи, пока не была издана в Женеве в 1896 г.

«Как бы хорошо ни было рабочее движение, — говорится в брошюре, — успех его не обеспечен до тех пор, пока рабочий класс не станет твердо на почву политической борьбы». «Как ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притом еще в стране политически отсталой, рабочий класс не может до тех пор, пока не перестанет задыхаться в данной политической атмосфере, пока удовлетворение ставших для него необходимыми потребностей не будет возможным в пределах существующих политических условий. Задачей социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и, в конце концов, поставит перед ними более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный, таким образом, к более серьезной борьбе, рабочий класс приступает к решению своих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна иметь целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом более сознательном виде создает почву для политической агитации, целью которой будет изменение суще-

ствующих политических условий в пользу рабочего класса... Тот не социал-демократ, кто своей деятельностью не содействует росту классового сознания и революционных требований пролетариата».

Стремясь расширить социал-демократическую работу, брошюра создавала, таким образом, целую «теорию» агитации. Приступая слишком осторожно к новой задаче, автор, в целях сближения социал-демократии с массой, суживает самые задачи социал-демократии, рекомендуя ограничиться чисто экономической агитацией в течение целых двух «стадий», пока рабочий класс не будет подготовлен к политической борьбе. Грубая ошибка этой теории заключалась в том, что она предполагала для политической борьбы политическую зрелость всего рабочего класса, а не передовой его части, хотя бы и очень немногочисленной, и таким образом откладывала политические задачи социал-демократии в долгий ящик.

Несмотря на эти недостатки, брошюра «Об агитации» имела большое значение для расширения социал-демократической работы. Большую пользу нашему движению она принесла не своей доктринерской теорией, а той практикой, которую она настоятельно рекомендовала. Практика же сводилась к широкой агитации в массах и руководству экономической борьбой рабочих. Такая практика была большим шагом вперед в сравнении с «кружковщиной», которая оставляла социал-демократов в стороне от рабочего движения. Борьба с «кружковщиной» стала настоящей необходимостью не только потому, что при изменившихся условиях она стала отсталой формой, не позволяла придать работе более широкий размах, но также и потому, что она местами вырождалась в уродливые формы. Нередко спропагандированные рабочие, всецело погружаясь в науку, становились менее чутки к повседневным злобам окружающей их «серой массы», становились чуждыми этой массе, на которую они смотрели свысока. Из среды этой отсталой части социал-демократов, потерявшей чутье к вопросам жизни и твердо державшейся раз выработанных приемов борьбы, и выступили, главным образом, противники массовой агитации, когда возникли горячие споры по поводу выдвинутого вопроса. Как это всегда бывает, новые взгляды окончательно восторжествовали только тогда, когда они наглядно были подтверждены опытом.

В самых старых центрах движения устная агитация в кружках и небольших собраниях ведется уже в 1893 — 94 г.г. Но скоро могучим агитационным средством становятся социал-демократические прокламации, которые дают возможность захватить самые широкие массы неорганизованных рабочих. В Петербурге гектографированные с.-д. листки появляются уже в январе 1895 г. по поводу стачки на заводе Семянникова.¹ После этого первого опыта, оказавшегося очень удачным, петербургские социал-демократы издали целый ряд печатных прокламаций в течение этого года, который был богат стачками (в порту, на суконной фабрике Торнтонна,² на табачной фабрике Лаферм³ и др.). В Москве агитация посредством прокламаций начинается еще раньше. После целого ряда гектографированных листков, социал-демократам удалось, наконец, в конце 1894 г. распространить печатную прокламацию, которая имела огромный успех. Какой дружный отклик в самых широких массах рабочих встречала социал-демократическая агитация, — совершенно неожиданно показала первая маевка в Москве в 1895 г. Хотя, по примеру петербургской маевки 91 г., она была отпразднована на тайном собрании, на котором приняли участие всего 250 человек, но слухи об этом собрании распространились по всей Москве. Выпущенные организацией первомайские листки с величайшим интересом читались всем рабочим населением, а участники тайного собрания выступили на другой день истолкователями этих листков и передавали собиравшимся повсюду группам рабочих содержание произнесенных речей. Таким образом, в более старых организациях и вместе с тем в крупнейших центрах рабочего движения, как Петербург и Москва, социал-демократическая агитация, наряду с пропагандой, входит в практику местной работы, как только оказывается достаточное количество сознательных социал-демократов из рабочей среды, которые и являются необходимыми проводниками этой агитации в массах. «Кружковщина» оказывается более живучей в городах со слабо развитой промышленностью или же там, где поздно занесенная пропаганда не

¹ Невский судостроительный и механический завод. Теперь Невский машиностроительный завод имени В. И. Ленина. *Ред.*

² Ныне фабрика шерстяных изделий «Красный Ткач». *Ред.*

³ В настоящее время — Первая Государственная фабрика имени М. С. Урицкого. *Ред.*

успела еще подготовить достаточного количества рабочих для агитации.

Начало широкому применению агитации, даже в более отсталых центрах движения, положила знаменитая стачка петербургских ткачей и прядильщиков в 1896 г. Небывалая по своим размерам (более 30 000 чел.) и по своей стойкости и выдержанности, эта стачка имела большое значение не только для Петербурга, но и для всей России, так как повсюду встретила огромное сочувствие и будила классовую солидарность в рабочих массах. Зараженные этим боевым настроением, забастовали московские железнодорожные рабочие, которые, вслед за петербургскими ткачами, выставили неприятное для правительства требование уплаты за коронационные дни. О русском рабочем движении заговорили во всем мире; правительство не может уже замалчивать «рабочий вопрос» и в своем «Правительственном Вестнике» в первый раз сообщает во всеобщее сведение о деятельности с.-д. организаций. Оно горько жалуется на социал-демократов, которые стараются «придать стачкам социальный характер и в этом смысле руководить забастовщиками». И действительно, петербургская и московская с.-д. организации, еще раньше пустившие корни в рабочие массы, теперь успешно вели усиленную агитацию, так что во время стачки, по правительственному сообщению, появилось «25 различного содержания подметных листовок».

Петербургская стачка окончательно рассеяла сомнения некоторых социал-демократов в том, что стачки, при наших полицейских порядках, могут оканчиваться успешно и приносить какую-нибудь пользу рабочему движению. Опыт этой стачки ясно обнаружил, каким могучим средством воспитания классового сознания может стать руководство социал-демократов экономической борьбой рабочего класса и агитация на почве этой борьбы, при наших политических условиях.

Эти новые приемы массовой агитации получают теперь всеобщее признание и скоро повсюду входят в практику социал-демократической работы.

Применяясь к новым задачам, складываются новые, более сложные организации. На ряду с пропагандистскими кружками организуются кассы для поддержки стачек, помощи заключенным, покупки нелегальной литературы и т. п. Вокруг этих касс группируются более широкие слои сознательных рабочих, а руководителями и организаторами выступают все

более сами рабочие. Если в первой половине 90-х годов социал-демократическая работа по необходимости ограничивалась, главным образом, пропагандой и отливалась в форму «кружковщины», то, начиная со второй половины этого десятилетия, вместе с поразительно быстрым ростом рабочего движения и расширением практической деятельности социал-демократов, стали быстро вырастать прочные социал-демократические организации. В 1895 г. в Петербурге все местные социал-демократические группы объединяются в С.-Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», за подписью которого и распространяются прокламации. В этом же году образовался «Иваново-Вознесенский Рабочий Союз», который оказался, однако, на первых порах слишком слабым для широкой агитации и, опасаясь разгрома неокрепшей еще организации, не решился принять участия в крупной стачке, которая возникла в этом году на Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуре. В 1894 г. в Москве с.-д. группы объединились в «Московский Рабочий Союз», который, несмотря на ряд крупных провалов, в скором времени насчитывал уже до 1 000 рабочих. В 1896 г. «Московский Союз» послал В. Засулич своим представителем на Лондонский международный социалистический конгресс, на котором нашей делегацией было подробно доложено о только что минувшей стачке петербургских ткачей, о росте рабочего движения и успехах социал-демократии в самодержавной Российской империи. В следующем, 1897, году «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» возникают в трех крупнейших промышленных центрах Юга: в Киеве, Харькове и Екатеринославе. В этом же году были основаны еще две крупные с.-д. организации: «Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Польше и Литве» (Бунд) и заграничный «Союз Русских Социал-Демократов».

Окрепшие социал-демократические организации повсюду ведут широкую агитацию, как печатную — посредством своих листов, так и устную — через своих организованных рабочих, которые все более тесно связывают организацию с рабочей массой и дают возможность чутко прислушиваться к интересам рабочего движения. Но скоро стали обнаруживаться и недостатки этой работы. У более сознательных рабочих, не входивших в организацию, эти листки только разжигали любознательность, но не могли ее удовлетворить. Создать же популярную литературу было делом гораздо более трудным, чем печатать небольшие листки. Дело в том,

что тесно сплоченные на местах Союзы были совершенно оторваны друг от друга и должны были самостоятельно обслуживать все свои потребности. А между тем издание брошюр было не под силу ни одной из отдельных организаций. Единственным источником, который обслуживал общие потребности в литературе, была заграничная группа «Освобождение Труда». В начале 90-х годов этой группой были изданы брошюры Плеханова: «Всероссийское разорение» и «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России». На ряду с прежними изданиями группы «Осв. Тр.» эти брошюры, попавшие в соц.-демокр. кружки, имели большое значение для теоретического развития первых наших социал-демократов, только что приступавших к практической работе. Но они не были доступны широким слоям рабочих. А те немногие популярные брошюры, которые были изданы группой «Осв. Тр.» («Речь Петра Алексеева», «4 речи русских рабочих», «Наемный труд и капитал» Маркса, а позднее «Машина» Кольцова, «Десятилетие морозовской стачки» и др.), далеко не могли удовлетворить огромный спрос со стороны рабочих. Поэтому на ряду с печатными книжками в это время в большом ходу были рукописи переведенных сочинений Энгельса, Лассалю, Бебеля и проч. С 1896 г. группа «Осв. Тр.» стала издавать популярный журнал «Работник» и «Листок Работника». По богатству материала эти издания были ценным вкладом в социал-демократическую литературу, но они попадали в Россию слишком в небольшом количестве и притом неаккуратно. Только с 1897 г., когда образовался за границей «Союз русских социал-демократов», в который вошла и группа «Осв. Тр.», издательство популярной литературы и доставка ее в Россию приняли большие размеры, хотя, конечно, никогда не могли вполне удовлетворить все возраставший спрос.

Подпольные социал-демократические типографии до самого последнего времени не могли подняться выше уровня «кустарного» производства. Они превосходно приспособились к изданию прокламаций, распространение которых непрерывно возрастало и, несмотря на частые «провалы», достигло огромных размеров. Но издание брошюр было редким исключением.¹ Потребность в живом печатном слове была

¹ Самой большой книгой, изданной социал-демократами в России, была, насколько нам известно, «Эрфуртская программа» Каутского, отпечатанная в типографии ЦК в 1905 г., накануне появления ее в легальном издании «Буревестника».

так велика, что некоторые организации скоро приступили к изданию своих печатных органов. С конца 1896 г. стала издаваться в Киеве «Рабочая Газета», а в 1897 г. в Петербурге — «Рабочая Мысль». В этом же году в Варшаве вышел № 1 «Голоса Рабочего» (на еврейском жаргоне), изданный группой рабочих без ведома организации. Эта газета стала центральным органом «Бунда». Но регулярное издание газеты оказалось не под силу даже самым сильным организациям. Номера появлялись очень редко и обыкновенно отставали от текущей жизни. Только «Бунду» удалось издать с 1897 по 1901 г. 25 номеров «Голоса Рабочего». Из русских социал-демократических газет дольше других просуществовала «Рабочая Мысль», закончившая существование на 16-м №. Но, уже начиная с 3 №, издание ее пришлось перевести за границу.

Поразительно быстрый рост социал-демократических организаций в 94 — 97 г.г. закончился первым социал-демократическим съездом, провозгласившим о существовании Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Когда отдельные организации в крупнейших промышленных центрах развили широкую деятельность и когда они настолько упрочились, что никакие аресты не могли уже остановить работу, мысль об объединении всех организаций в единую рабочую партию возникла сама собою.

Весною 1898 г. в Минске собрались представители всех крупных соц.-демократических организаций России. Съезд был созван по почину редакции киевской «Рабочей Газеты», которая разослала приглашения во все организации, с которыми она имела связи. На съезде были представлены следующие организации: Петербургский, Киевский, Екатеринославский и Московский «Союзы борьбы», группа, издававшая «Рабочую Газету», и «Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в России и Польше». ¹ Ни одна из этих организаций до сих пор не называла себя официально социал-демократическим именем. Они делали это для того, чтобы не отпугивать массы непонятным иностранным словом. Точно также предпочла избежать этого названия и группа «Освобождение Труда»,

¹ Примечание к 9 изд.: На съезде присутствовали: от «Рабочей Газеты» — Б. Эйдельман и Н. Вигдорчик, от Петерб. Союза — С. Радченко, от Московск. — А. Ванновский, от Киевского — П. Тучапский, от Екатериносл. — К. Петрусевич, от Бунда — А. Кремер, Мутник (Глеб) и (единственный на съезде) рабочий Ш. Кац.

считаясь с предрассудками русской «социалистической интеллигенции». Первый съезд закрепил это название за нашей партией, когда самое учение социал-демократии стало уже достаточно популярно среди рабочих. С мнением же народнической интеллигенции при таких обстоятельствах считаться не приходилось, да притом же русские социал-демократы были достаточно ненавистны ей и в качестве марксистов.

Положив основание партии, первый съезд не объявил, однако, вполне разработанной партийной программы. Проект программы русских социал-демократов, выработанный группой «Освобождения Труда», не мог, конечно, быть принят в качестве программы партии, так как он, как мы уже видели, имел в виду только подготовительную деятельность русских социал-демократов и не отвечал бы современному положению вещей в России. Переработать же этот проект или выработать новый, как это и предполагалось некоторыми инициаторами съезда, не успели. Съезд ограничился опубликованием «Манифеста Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», в котором он указывает на развитие в России капитализма, на неизбежно возникающее отсюда освободительное движение пролетариата. В самых общих чертах манифест определяет цели и средства социал-демократии и указывает ближайшую задачу партии. «Ставя главной из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, — говорится в манифесте, — социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые выбирает социал-демократия, — иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс».

Для дальнейшего развития социал-демократии этот съезд имел большое значение. Хотя он и не принял полной и законченной социал-демократической программы, но в опубликованном «Манифесте Партии» он выразил основные взгляды российской социал-демократии, которые коренным образом отличают ее от древнего народничества, как партию рабочего класса. Этот 1-й съезд укрепил, таким образом, идейную связь между отдельными организациями, которые возникли и развивались до сих пор почти независимо друг от друга.

Для руководства и объединения деятельности всех отдельных с.-д. организаций, переименованных теперь в комитеты

партии, съездом был выбран центральный комитет¹ и редакция центрального органа партии, которым была объявлена киевская «Рабочая Газета». Но эта первая попытка установить прочное организационное единство партии не удалась. Единственным общепартийным делом, кроме «Манифеста», было издание общей первомайской прокламации 1898 г.

Тотчас же после съезда начались повсеместные аресты, которыми руководил киевский жандарм Новицкий (еще раньше прославившийся удачной охотой на народовольцев). Разъехавшиеся по разным городам делегаты 1-го съезда были выслежены сыщиками и дали, таким образом, возможность жандармам в разных местах почти одновременно арестовать до 500 человек. В руки жандармов попали почти все участники съезда (со всеми документами) и в том числе члены только что выбранных ЦК² и редакции ЦО. Арестована была также и типография «Рабочей Газеты». Этот массовый разгром разрушил общепартийную организацию в самом зародыше. Однако, местные организации очень скоро оправились после арестов. Так, в Киеве, где было арестовано в это время 176 человек, вскоре после арестов были распространены первомайские прокламации, и работа пошла попрежнему. Местные организации пустили такие глубокие корни и были так прочны, что остановить их работу нельзя было уже никакими арестами. А если так, то ничто, повидимому, не мешало восстановить общепартийные органы. Однако же, несмотря на то, что работа на местах продолжала развиваться, восстановить общепартийную организацию не удавалось в течение 5-ти лет после 1-го съезда. К концу 90-х годов организационная разрозненность и разброд, существовавшие до 1-го съезда, не только не прекратились, но значительно увеличились. Так, с осени 1897 по 1900 г. в одном только Петербурге, на ряду с «Союзом борьбы» — комитетом партии, одновременно существуют следующие самостоятельные с.-д. организации: группа «Рабочей Мысли» (с 1897 г.), группа «Рабочего Знамени» (с 1897 г.), группа «Самоосвобождения рабочего класса» (с 1897 г.), группа 20-ти (с 1899 г.), «Социалист» (с 1900 г.).

Что же разъединяло эти организации? Мы видели, что

¹ Примечание к 9 изд.: В ЦК были выбраны С. Радченко, Б. Эйдельман и А. Кремер.

² Примечание к 8 изд.: Кроме С. Радченко.

1-й съезд не дал партии подробно выработанной программы. Но основные положения этой программы были ясны как из манифеста партии 1898 г., так и из всей социал-демократической литературы. Этот же манифест вполне правильно определил общий характер социал-демократической тактики, указав, что средства и пути, которые избирает социал-демократия, должны согласоваться с «классовым движением организованных рабочих масс». Массовая борьба и широкая агитация всегда были могучим средством социал-демократии, отличительной чертой ее тактики. Но вопрос о том, что должно быть предметом этой агитации, социал-демократами конца 90-х годов решался не одинаково и в большинстве случаев уже не так, как решали его деятели 1894 — 1897 г.г. Массовые аресты хотя и не могли уже остановить социал-демократической работы, но, при частой смене работников, не давали возможности сохранить прочную преемственность этой работы. Возникшее в конце 90-х годов направление в среде «молодых» деятелей, пришедших на смену «старым», значительно отличалось от взглядов «старых» на ближайшие задачи агитации. В то время как «старые» полагали, что «борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения»,¹ «молодые» объявили, что «рабочий класс в массе еще не созрел для политической агитации», и поэтому, в интересах сближения с массой, считали нужным ограничиться агитацией на почве сознанных массой экономических интересов. Это направление и стало известно под именем «экономизма». Хорошо усвоив не только практику, но и теорию брошюры «Об агитации», «экономисты» полагали, что в настоящей «стадии» развития рабочие массы могут интересоваться только событиями и явлениями их повседневной фабричной жизни. Самым ярким выразителем «экономического» направления была газета «Рабочая Мысль», которая поставила себе задачей быть «лишь отражением мысли рабочих масс». Следуя правилу — вести агитацию лишь на почве «непосредственных столкновений», «Рабочая Мысль» заполняет свои страницы исключительно сообщениями об условиях труда, о повседневной жизни рабочего и борьбе его с предпринимателем и усердно обходит все другие вопросы общественной и политической жизни. Даже такие крупные по тому времени

¹ «Рабочая Газета», № 2, 1897 г.

события, как всеобщая студенческая забастовка 1899 г., не удостоились внимания этой газеты. Это направление стало господствующим почти во всех с.-д. изданиях.

В то самое время, когда в легальной печати горячо обсуждались вопросы текущей жизни, когда велся ожесточенный бой с народниками, когда в широких кругах интеллигенции велись горячие споры о значении капитализма и роли рабочего класса, — нелегальная литература, предназначенная для рабочих, отличалась поразительной скудостью материала и отсутствием живой политической мысли. «Экономическая борьба, — рассуждали «экономисты», — рано или поздно приведет рабочих к непосредственным столкновениям с полицией и другим начальством, и только тогда можно будет приступить к политической агитации». Из отчета Екатеринославского комитета ¹ 1900 г. мы узнаем, что местная организация все еще не может приступить к политической агитации, так как полиция пока не вмешивается в борьбу рабочих с капиталистами. Работа социал-демократов этого времени сводится, главным образом, к организации стачек, устройству фабричных касс, — словом, не идет дальше программы профессиональных союзов в свободных странах. В эти годы выработался тип «практика», который только в такой деятельности видел настоящее «рабочее дело».

Отказываясь идти в своей агитации дальше «сознанных массов интересов», «экономисты» принижали, таким образом, сознание социал-демократии до уровня стихийного рабочего движения. «Мы свою программу, свою тактику, свою борьбу приспособили к массе», ² — похвалился один еврейский социал-демократ на майском собрании агитаторов в Вильне, в 1895 г.

Чтобы понять это направление социал-демократической мысли, нужно иметь в виду, что целое поколение русских социал-демократов конца 90-х годов воспиталось под влиянием «легального» марксизма, который по цензурным условиям не мог изложить теорию научного социализма во всей полноте. Но этого мало. «Легальный» марксизм, из недоговоренного до конца учения социал-демократии, трудами «критиков» скоро превратился у нас в идеологию прогрессивной буржуазии. И если незрелая часть социал-демократов-практиков

¹ Екатеринослав — ныне Днепропетровск.

² «Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения».

могла по недоразумению, или, лучше сказать, по неразумию, подпасть под влияние этого «легального» марксизма, то некоторые вполне зрелые представители этого «марксизма» сознательно развивали оппортунистическую сторону «экономизма», желая видеть в рабочем движении простой прида-ток к либеральному освободительному движению. В «экономическом направлении» сказалось, таким образом, влияние *буржуазного либерализма*, который всегда и везде, а не только у нас в России, стремился сузить задачи рабочей партии, свести рабочее движение к чисто экономической борьбе, лишить ее революционного, классового характера. Большую смуту должна была вносить буржуазная идеология таких, например, «теоретиков» социал-демократии, как Петр Струве, который не только своими легальными произведениями, но также и личным участием в делах социал-демократических организаций оказывал влияние на взгляды молодых.¹

С другой стороны, укреплению «экономического» направления способствовали внешние условия. Наша промышленность в конце 90-х годов переживала лучшие времена. Зава-ленные заказами фабриканты гораздо охотнее, чем в другое время, шли на уступки, и стихийное рабочее движение, есте-ственно, направлялось в сторону наименьшего сопротивления, т. е. борьбы с отдельными предпринимателями за улучшение условий найма. Руководство с.-д. организаций экономической борьбой рабочего класса много содействовало росту классо-вой солидарности и сознательности рабочих масс. Благодаря этому руководству, стачки нередко носили такой организо-ванный и выдержанный характер, который без этого руко-водства был бы немыслим при наших полицейских порядках. Но эти же быстрые и видимые успехи помешали социал-де-мократам правильно отнестись к самой главной ближайшей задаче рабочего движения — завоеванию политической сво-боды, без которой непрочны и экономические завоевания ра-бочих.

Как бы то ни было, в 90-е годы социал-демократия сде-лала большие успехи. Пропаганда в начале этого десятиле-тия дала немало вполне сознательных социал-демократов из рабочей среды. Социал-демократическая агитация середины 90-х годов находит дружный отклик в рабочих массах и будит

¹ В Киеве принимали участие в делах местного комитета В. Водо-возов и Бердяев.

в них классовое сознание. Из тесных кружков вырастают организации, которые становятся во главе рабочего движения. В период «экономизма» эта связь социал-демократии с рабочей массой и ее руководство рабочим движением еще более упрочиваются. Но влияние социал-демократов на ход рабочего движения происходит уже на счет революционного содержания социал-демократии. Поразительно быстрый рост стихийного рабочего движения опередил развитие нашей социал-демократии и увлек ее за собою. И к концу 90-х годов, несмотря на огромный рост рабочего движения и быстрое развитие социал-демократии, мы не находим еще широкого и организованного социал-демократического движения. С.-д. организации не могли вызвать к жизни такого движения до тех пор, пока они отодвигали на задний план политические задачи социал-демократии. Именно по этой причине (а не вследствие случайных арестов первых ЦК и ЦО) не удалось упрочить организационное единство партии. Прочною связью всех с.-д. организаций могли быть только общие политические задачи рабочего класса, а не разрозненная экономическая борьба с отдельными предпринимателями. К концу 90-х годов русская социал-демократия оказалась еще не в силах на практике разрешить тот вопрос, который давно был решен ею в теории: вопрос об отношении социализма к политической борьбе.

IV

«ИСКРА» И II СЪЕЗД ПАРТИИ

«Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом; ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом».

„Искра“, № 1.

«Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки; теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать».

Из письма рабочего к товарищу, 1901 г.

Когда «экономизм», распространившийся в большинстве социал-демократических организаций, вполне ясно определился как отсталое и оппортунистическое направление в социал-демократии, то революционному меньшинству ничего не

оставалось больше, как начать открытую борьбу с этим направлением. Первою выступила в поход группа «Освобождение Труда». Еще в 1898 г. на съезде заграничного «Союза Русских Социал-Демократов», в Женеве, она вышла из союза, состоявшего почти целиком из «экономистов», и вскоре объявила о возобновлении самостоятельного издательства.¹ Союз, состоящий теперь исключительно из «молодых», издает популярный журнал «Рабочее Дело», который является в это время единственным общепартийным органом. Хотя и не так последовательно, как «Рабочая Мысль», этот журнал стоял на точке зрения экономизма, которую его редакция впоследствии пыталась обосновать теоретически.² Однако, даже значительно позже, в разгаре борьбы с гр. «Освоб. Тр.», Союз видел в этой борьбе только организационный спор и неоднократно заявлял, что у него нет с группой серьезных принципиальных разногласий.

Первая основательная критика «экономизма» была дана Плехановым в брошюре «Vademecum» (путеводитель) для редакции «Рабочего Дела», появившейся в 1899 г. Плеханов убедительно доказывает здесь, что вся литературная и практическая деятельность «экономистов» слишком далеко отошла от задач революционной социал-демократии, что уклонение от политических задач на практике неизбежно ведет к политическому порабощению пролетариата демократической буржуазией. Брошюра эта, написанная в очень резком тоне, встретила целую бурю негодования со стороны «молодых», очень плохо понимавших опасность той позиции, которую занял «экономизм». Особенно нападали на автора за то, что он опубликовал частные письма некоторых лидеров «экономизма» с такими откровенными оппортунистическими признаниями, что уверения «экономистов», будто у них нет принципиальных разногласий с группой «Осв. Тр.», становились явно нелепыми.

¹ Столкновения группы с «молодыми» за границей начались еще раньше. «Молодые» обвиняли ее в том, что она в своих изданиях не удовлетворяет спрос на популярную рабочую литературу, и требовали участия в редакции. «В то же время, при постоянных практических столкновениях между «молодыми» и «старыми» членами союза, начали выясняться и различия их взглядов на характер массового рабочего движения и ближайшие задачи Российской социал-демократии. Группа «Освоб. Тр.» решительно отказалась от всякого участия в редакции и администрации союза, предоставив его «молодым». Акимов: «Оч. разв. с.-д. в России», стр. 154.

² См. бр. Мартынова: «Социал-демократия и рабочий класс», 1902 г.

Из заграничных социал-демократов к группе «Осв. Тр.» примкнула только небольшая часть, образовавшая организацию «Социал-Демократ». В России только очень немногие организации не мирились с узостью «экономизма». Так, в Петербурге, возникшая почти одновременно с группой «Рабочей Мысли» группа «Рабочего Знамени» стала издавать с 98 г. под этим названием свою газету с ярко политическим характером.¹ Позднее, в 1900 г., сложилась организация «Социалист», которая в своей «Социал-Демократической Рабочей Библиотеке» и в своих прокламациях ведет политическую агитацию. На юге отдельной группой была основана в 1900 г. газета «Южный Рабочий», которая в своих интересных и популярных статьях очень живо отзывалась на текущие политические вопросы и имела большой успех среди рабочих. Но огромное большинство работавших в России социал-демократов крепко держалось выработавшейся «экономической» практики. Погруженные в эту практику «экономисты» не придавали значения борьбе группы «Осв. Тр.» с заграничным Союзом, видя в этой борьбе лишь личные раздоры.

А между тем, в это самое время в России политическое возбуждение быстро росло не только среди рабочего класса, но и в широких слоях демократической буржуазии. Начинаясь демократическое движение все более вступало на революционный путь и угрожало оставить позади себя рабочие массы, руководимые «экономистами». Во время возникших в 1900 — 1901 г.г. студенческих волнений рабочие, независимо от с.-д. организаций, дружно поддерживают студентов, принимают участие в их демонстрациях и тем самым как нельзя лучше опровергают то мнение, что «рабочий класс не созрел для политической агитации». Но это стихийное вовлечение рабочих масс в политическую борьбу все более угрожает превратить их в орудие демократической буржуазии.

При таких обстоятельствах борьба группы «Осв. Тр.» против «экономизма» скоро находит сильную поддержку со стороны наиболее сознательной и революционной части социал-демократии.

¹ Кроме Петербурга, эта группа имела свои отделения в Киеве и Белостоке. Она пользовалась поддержкой «Польской Социалистической Партии». В газете «Рабочее Знамя» помещались боевые революционные статьи; но ее политическая агитация велась очень неумело, нередко переходила в простую брань по адресу правительства. Прочных связей с рабочими эта группа никогда не имела.

В конце 1900 г. возвратившаяся из ссылки группа социал-демократов, вместе с группой «Освобождение Труда», основала за границей газету «Искра», которая сыграла крупную роль в дальнейшем развитии русской социал-демократии. В состав редакции, кроме всех членов гр. «Осв. Тр.» (за исключением Л. Дейча, вступившего в администрацию «Искры»), вошли: Ленин (Вл. И. Ульянов), Мартов (Цедербаум) и Старовер (Потресов), все трое — участники «С.-Петербургского Союза Борьбы» 1895 г.

Начав свою деятельность в то время, когда в рядах русских социал-демократов царили теоретическая смута, посеянная «легальным» марксизмом, и организационный разброд, — группа «Искра» поставила себе задачей — подготовить идейное объединение революционной социал-демократии как в области теории, так и на почве практических задач политической борьбы и, таким образом, создать условия для прочного организационного объединения партии.

В декабре 1900 г. вышел первый № «Искры», в передовице которого говорилось: «Задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить политические идеи и социалистическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную со стихийным рабочим движением». Политические задачи социал-демократии усиленно подчеркиваются редакцией, в противоположность «экономизму». «Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача».

Сосредоточив в себе крупные литературные силы, «Искра» с первых же номеров стала выполнять намеченную программу. В противоположность агитации «экономистов», не выходящей за пределы «непосредственных столкновений», «Искра» отзывалась на все важнейшие вопросы текущей общественной и политической жизни. В нашей партийной практике это был первый опыт большой социал-демократической газеты.

Для защиты теоретических позиций революционной социал-демократии та же группа стала издавать научно-политический журнал «Заря». После того как были закрыты в России «Новое Слово» и «Жизнь» и легальную печать снова заполнили выродившиеся потомки старого революционного народничества в роде Южакова, Кривенки и пр., а также необыкновенно расплодившиеся «критики» Маркса, — «ортодоксальный» марксизм нашел теперь на страницах «Зари» свое

блестящее выражение. Не стесняясь цензурными рамками, «Заря» обличает истинную природу «критиков», в роде Струве, Булгакова, Бердяева, Прокоповича и др., которые только в мутной воде «легального» марксизма могли скрывать свой подлинный буржуазный облик и оказывать даже известное идейное влияние на некоторых малоопытных практиков социал-демократии.¹

Теоретическая разработка вопросов программы и тактики социал-демократии, предпринятая «Зарей», имела большое значение еще в виду того, что, на ряду с либеральной буржуазией, на сцену политической жизни выступила революционная мелкобуржуазная партия так называемых «социалистов-революционеров». Воскресившая в своей расплывчатой и туманной «социалистической программе» старое народничество, подновленное ревизионистскими теориями, эта партия ищет опоры для своего политического радикализма во всех общественных классах и группах и, под флагом социализма, не прочь использовать революционное настроение пролетариата. Идейная борьба с этим архаическим социализмом и защита классовой точки зрения пролетариата становятся теперь необходимыми для охраны политической независимости рабочей партии.

Организационному разброду и «кустарничеству», которое, собственно говоря, нисколько не мешало «экономической» практике, группа «Искры» и «Заря» противопоставили свой план организационного объединения партии. Этот план, изложенный в первый раз в статье: «С чего начать?» в одном из первых номеров «Искры», был потом подробно развит Лениным в брошюре «Что делать?».

«Кружку кустарей, — говорится в брошюре, — недоступны политические задачи, пока эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились от него». Начать организационное строительство нужно с прочной постановки крепкой организации революционеров, с помощью которой «мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить и социал-демократические и собственно тред-юнио-

¹ Критика ревизионизма была дана в следующих статьях «Зари»: Плеханов — «Критика наших критиков» (разбор критических произведений П. Струве); Ленин — «Гг. критики в аграрном вопросе» (разбор книги Булгакова «Капитализм и земледелие»); Засулич — «Элементы идеализма в социализме» (против Бердяева); Ортодокс — «О некоторых философских упражнениях» (против Струве).

нистские (т. е. экономические, профессиональные) цели» (стр. 91). «Ядром будущей единой партии должна стать общерусская центральная организация, объединяющая в одном общем натиске все и всяческие проявления политической оппозиции, протесты и возмущения, — организация, состоящая из революционеров по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа» (стр. 75). Центром, вокруг которого должна сплотиться эта общерусская организация, и являлась «Искра». Объединяя все партийные комитеты и группы на почве выдвинутых жизнью общих политических задач социал-демократии, «Искра» должна была все теснее связывать их между собою и, таким образом, положить начало действительному идейному и организационному единству партии, которое окончательно закрепит будущий партийный съезд.

Брошюра «Что делать?» появилась в марте 1902 г., т. е. после более чем годовой деятельности «Искры», и к тому времени имела уже большой успех. В борьбе с «экономизмом» она имела приблизительно такое же значение, как в свое время брошюра «Об агитации» — в борьбе с «кружковщиной». Но первые номера «Искры» в большинстве с.-д. организаций были встречены враждебно. За границей к ней прикнула одновременно с нею основанная «Лига Революционной Русской Социал-Демократии», которая взяла на себя материальную поддержку газеты и доставку ее в Россию. Эта же организация стала издавать, на ряду с заграничным «Союзом Русских Социал-Демократов», популярную литературу. В России «Искра» имела в более крупных городах своих представителей, которые поддерживали ее связи с местными с.-д. организациями, доставляли материал для редакции, распространяли газету на местах и пр. Но резкая критика «экономизма» сильно вооружала большинство местных социал-демократов, и представителям «Искры» нередко было очень трудно добиться даже распространения «Искры» в организациях.¹ Позднее, на ряду с местными «экономическими» комитетами партии, в некоторых городах возникли «организации

¹ Насколько затруднительно бывало иногда положение представителей «Искры», можно судить по примеру ее киевского представителя, тов. К., который, чтобы поладить с враждебно настроенными «экономистами» Киевского комитета партии, прибегал даже к таким чрезвычайным средствам, как вырезывание «нетактичных» статей и оставление под спудом целых номеров.

Искры», которые самостоятельно вели местную работу в духе новых взглядов. Эти организации поставили в России несколько подпольных типографий, в которых, кроме прокламаций, было издано несколько брошюр и некоторые статьи из «Искры» и «Зари».

Борьба «искровцев» с «экономистами» (или «рабочедельцами») в 1901 — 1902 г.г. велась очень упорно. Но по мере того, как стихийно росло политическое возбуждение в рабочих массах, «экономизм» стал терять одну позицию за другою. Дольше всех отстаивал свои «экономические» взгляды заграничный «Союз Русских Социал-Демократов». Но к началу 1903 г. он уже утратил в России всякое влияние и, лишенный поддержки, должен был прекратить свои издания, уступив место «Лиге Рев. Р. С.-Д.». Полный успех «Искры» был обеспечен самым ходом событий в России.

Начало 900-х годов, которое ознаменовалось новым затяжным промышленным кризисом, было новым этапом в развитии рабочего движения. Стачки перестали уже быть единичными фактами и стали распространяться на целые производства и целые области. С ростом же классового сознания русские полицейские порядки дают себя знать с небывалой остротой, и рабочее движение все более решительно вступает на революционный путь. При таких обстоятельствах вопрос о расширении политической агитации, о самостоятельной политической организации рабочего класса становится вопросом жизни и смерти для российской социал-демократии.

Как быстро нарастало революционное настроение в Петербурге и насколько отсталой и устарелой оказывалась уже «экономическая» практика, показали петербургские события весною 1901 г. Еще в первых числах мая, в связи с маевкой этого года, вспыхнули волнения на Выборгской стороне, которые окончились кровавым столкновением с войсками. 7 мая на Обуховском заводе¹ возникла стачка по поводу увольнения рабочих, праздновавших 1-е мая. Несмотря на то, что в день маевки на работу не явилось до 1 000 человек, администрация уволила только немногих, которых считала зачинщиками. Объявив забастовку, рабочие выставили требования: возвращение уволенных товарищей, 8-часовой рабочий день, вежливое обращение и др. В то время как рабочие мирно обсуждали свое положение во дворе завода, из Пе-

¹ Ныне — государственный сталелитейный завод «Большевик». Ред.

тербурга появляется отряд казаков, и, после отказа рабочих разойтись, происходит жаркая битва. Градом камней казаки обращаются в бегство и, отступив на почтительное расстояние, открывают огонь. Обуховцы, несмотря на большие потери убитыми и ранеными, продолжают дружно защищаться и строят баррикады. Только после 9-часовой героической обороны, в которой приняли участие дети и жены рабочих, они были окончательно разбиты, и тогда вступило в свои права русское правосудие, отправившее на каторгу и в тюрьму многих оставшихся в живых обуховцев.

И сражение на Выборгской стороне и знаменитая Обуховская оборона, оставившая по себе неизгладимую память, не были случайными вспышками. Чувство горечи и обиды, накопившееся за долгие годы притеснений, теперь ждало только первого случайного повода, чтобы вырваться наружу, вывести протест за стены фабрики, на широкий простор уличной массовой борьбы, где рабочий не чувствует себя одиноким. «Вы не знаете, — писала одна работница после выборгской истории, — вы не знаете, как мне обидно, и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройти на Невский или в город — уж очень горько умирать, как собакам, в углу, чтобы никто не видел даже... Вот что еще хотела я сказать вам, хоть и очень многих у нас взяли, может, их нет больше совсем, а все-таки мы твердо стоять будем. Вы не смотрите, что за работу взялись; теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет: теперь всем нужно больше, всем на улицу хочется. Б. (один рабочий) говорит, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет и пи-столетов достанут»...

Понятно, что при таком настроении рабочих попадавшая к ним «Искра» производила сильное впечатление и имела несравненно больший успех, чем «экономическая» «Рабочая Мысль». Один петербургский рабочий, вскоре после обуховских событий, пишет своему товарищу по поводу прочитанного им номера «Искры»: «Я многим товарищам показывал, и весь номерок истрепался, а он дорог, много дороже «Мысли», хоть и нет там наших строк. Там про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь. Рабочий народ теперь легко может загореться: уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень. Раньше каждая стачка была событием, а теперь всякий видит, что

одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь уже нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать».

Таково было настроение рабочих не только в одном Петербурге. Мысль о том, что теперь «свободы нужно добиваться, грудью брать ее», проникала уже в широкие массы, и рабочий народ «загорался» то здесь, то там.

Но о том, чтобы нанести «экономической» практике окончательный удар, чтобы скорее вывести рабочих на путь политической борьбы, — на ряду с «Искрой» позаботилось русское правительство. После жестоких расправ с рабочими за самые мирные экономические забастовки, оно должно было убедиться, что ему не только не удалось задуть рабочее движение, но что это движение становится все более грозным для самодержавия. Министр финансов, г. Витте, почуввав опасность, готов даже позавидовать Зап. Европе, где, как ему думается, пропаганда ведется исключительно на экономической почве и в движении принимают участие ученые, государственные деятели, члены парламентов и др., тогда как у нас «пропагандисты принадлежат к подонкам анархизма и нигилизма».¹ И вот, чтобы показать рабочему движению настоящую дорогу, на сцену выступает «государственный деятель», начальник московского охранного отделения г. Зубатов.

Правительства всех стран всегда старались утихомирить рабочее движение, свести его с революционного пути. Но едва ли в какой-нибудь стране эта правительственная политика принимала такой гнусный, провокаторский характер, как российская «зубатовщина».

Как горячий сторонник «рабочего дела», Зубатов начинает свою агитацию прежде всего среди политических заключенных, с которыми ему приходится сталкиваться «по делам службы». Он старается внушить сознательным рабочим, что, борясь за политическую свободу, они только играют на руку буржуазии и не приносят пользы рабочему классу и что, в своей мирной экономической борьбе с капиталистами, рабочие найдут поддержку в самодержавном правительстве. При помощи небывалых льгот и обещаний ему удастся соблазнить некоторых неопытных или запуганных заключенных и привлечь их на свою сторону. Новообращенные зуба-

¹ См. «Материалы по изданию закона 2 июня 1897 г.».

товцы, после своего освобождения, не за страх, а за совесть берутся организовать всевозможные рабочие союзы под общим руководством охранного отделения и при благосклонном покровительстве высших властей (моск. обер-полицмейстера Трепова, московского генерал-губернатора и, наконец, министра вн. д. Плеве).

В 1901 г. в Минске зубатовцами была основана «независимая рабочая партия», поставившая целью только «экономическую» борьбу и объявившая войну социал-демократам.

В Москве в этом же году охранным отделением было основано «общество взаимопомощи механических рабочих» и «общество взаимопомощи ткачей». На зубатовских собраниях ораторы из охранного отделения, а также убежденные зубатовцы из рабочих распинаются перед темной массой о вреде «политики» и громят социал-демократию как «буржуазную» партию. Само собой разумеется, что наиболее горячие из сознательных рабочих, пытавшиеся возражать зубатовцам, попадали потом в тюрьму.

19 февраля 1902 г. зубатовцам удастся даже привлечь рабочие массы к патриотической манифестации перед памятником Александра II. Рабочий Слепов перед тысячной толпой раскрывает здесь широкие горизонты полицейского социализма: «Правительство обещает нам 8-часовой рабочий день. Оно заберет со временем все фабрики в свои руки и отдаст их вам. Для этого не нужно конституции — наоборот, только самодержавное правительство может это сделать; конституция же нужна интеллигенции, а не вам» и пр. и пр.

Эти успехи зубатовской провокации не могли быть прочными и в конечном счете должны были обрушиться на голову самодержавия. Экономическая агитация зубатовцев вызвала ряд забастовок и сообщила, таким образом, толчок рабочему движению, которое неизбежно должно было выйти за пределы, предусмотренные и разрешенные полицией. Озлобленные же московские фабриканты стали угрожать правительству, что, в случае дальнейшего вмешательства охранного отделения в дела промышленности, они вынуждены будут добиваться ограждения своих прав конституцией.

Самые тяжелые удары зубатовская провокация нанесла социал-демократическим организациям Москвы. После поразительно быстрых успехов, которые сделала здесь социал-демократия в середине 90-х годов, со времени основания «Мо-

сковского Рабочего Союза», организованная социал-демократическая работа в конце 90-х и начале 900-х годов в Москве сильно отстает даже от второстепенных центров, а временами почти прекращается. При помощи огромной армии шпионов и провокаторов, рассеянных на заводах, Зубатову удавалось выслеживать и подавлять с.-д. организации в самом зародыше. Частые провалы, а также необыкновенно развившаяся среди социал-демократов осторожность и подозрительность делали совершенно невозможной сколько-нибудь широкую постановку работы, и, тем не менее, эта работа, хотя потерявшая планомерность и организованность, никогда совершенно не прекращалась. Попытка же Зубатова одурачить широкие массы полицейским социализмом, — кроме Москвы, Одессы и района деятельности Бунда, — нигде не имела даже временного успеха. Вскоре после московской манифестации 19 февраля Зубатов был переведен в Петербург чиновником особых поручений при министре внутр. дел, чтобы и здесь применить свою политику по «рабочему вопросу» — политику, которую правительство хотело уже возвести в государственную систему. Но, благодаря неустанной агитации, которую вели «Искра» и Петербургский Комитет Партии, первые же шаги зубатовцев в Петербурге встретили дружный отпор со стороны рабочих.

«Зубатовщина» пришла слишком поздно, чтобы вывести рабочее движение из революционного русла. Школа стачечной борьбы 90-х годов не прошла даром. Те времена, когда рабочие искали заступничества у начальства и подавали прошения в участок, отошли в область преданий. Зубатовские общества скоро распались или же были закрыты самим правительством, которое обожглось на «рабочем вопросе». Временный же успех зубатовщины только помог даже самой отсталой части социал-демократов окончательно освободиться от «экономических» предрассудков и вступить на путь широкой политической агитации. Дальнейшее воздержание от этой агитации не только способствовало бы обращению рабочего класса в орудие либеральной буржуазии, но давало бы возможность правительству использовать «рабочий вопрос» в интересах самодержавия.

Впрочем, огромное большинство с.-д. организаций приступает к широкой политической агитации еще раньше, в 1901 г. После обуховской обороны даже заграничный «Союз

Русских Социал-Демократов» признал устаревшей обычную «экономическую» тактику.¹

По мере того, как политические задачи социал-демократии настоятельно выдвигались самой жизнью, «Искра» стала пользоваться все большим успехом, и с.-д. комитеты один за другим приступают к массовой политической агитации. Руководя попрежнему экономической борьбой, они стараются не только каждое отдельное столкновение рабочих с предпринимателями и администрацией, но также всякое выдающееся явление общественной жизни ставить в связь с общим политическим режимом. Благодаря этой агитации политические требования социал-демократии популяризируются в самых широких слоях не только рабочих, но и всего городского населения. Нужно заметить, что социал-демократы не сразу применились к своим новым задачам, и эта агитация нередко носила слишком отвлеченный характер.

Успеху политической агитации социал-демократов в самых широких слоях пролетариата в это время много содействовал ход развития экономической жизни. В то время как в период расцвета промышленности, даже при русских полицейских порядках, рабочие могли успешно вести стачечную борьбу, — теперь, с началом промышленного кризиса, путем стачки нельзя было даже удержать за собою завоеванные улучшения. При таких условиях гнет капитала, полная невозможность организовать и вести хотя бы оборонительную борьбу, наконец, произвол администрации над личностью рабочего (как, напр., насильственная высылка безработных на родину) — все это, помимо всяких прокламаций, должно было уяснить самому темному рабочему связь между его бедствиями и общими политическими условиями. И это смутное сознание своего политического бесправия объединяет

¹ Нужно заметить, однако, что заграничные теоретики «экономизма», признав нужным изменить «экономическую» тактику, вовсе не считали ее ошибочной по существу. В обуховских событиях они видели лишь такой момент, когда партийная работа должна вступить в новую «стадию». Статья Кричевского в «Рабочем Деле» — «Исторический поворот», написанная по поводу обуховской истории, призывала «изменить нашу тактику в 24 часа» и «вести рабочие массы на штурм самодержавия». В этой стремительной перемене фронта сказалась вся незрелость с.-д. мысли у представителей «экономизма». С одной стороны, для политической агитации представлялись, конечно, тысячи поводов и до обуховской истории, с другой — призыв вести рабочих на штурм самодержавия был лишь противоположной и еще более вредной крайностью.

одинаково рабочих всевозможных фабрик и профессий, будит дух солидарности еще больше, чем стачечная, экономическая борьба. Вот почему стихийная революционная вспышка на этой почве находит дружный отклик в широких массах, с поразительной быстротой распространяется на большую округу.

Но такие неорганизованные вспышки, как обуховская, как бы ни революционизировали они сознание рабочих и как бы ни обостряли их ненависть к своим врагам, все же неизбежно должны оканчиваться кровавыми поражениями, должны надолго истощать и обессиливать ряды наиболее сознательных и революционных пролетариев. Новой задачей социал-демократии было не только будить и углублять политическое сознание, но также руководить стихийно прорывающимся наружу революционным возбуждением, придать ему характер осмысленного и организованного политического протеста. Очень удачная форма такого организованного протеста была найдена в демонстрациях, которые стали могучим средством политической агитации и придали широкий размах всей партийной работе.

Первый пример демонстраций в 1901 г. показали студенты в Петербурге (4 марта), Харькове (19 февраля) и в Москве (23 — 26 февраля); уже эти первые демонстрации дружно были поддержаны рабочими, хотя с.-д. организации не решались еще принять в них участие. Начатые студентами, демонстрации скоро привились в практике рабочего движения, которое все более стремилось выступить на путь открытой политической борьбы. Самый почин демонстраций скоро перешел от студентов к с.-д. комитетам. И по мере того, как ряды демонстрантов все более заполняются рабочей массой, демонстрации приобретают внушительный вид и ярко выраженный политический характер. Робкие лозунги студенчества («академическая свобода») сменяются революционными пролетарскими требованиями, а полиции уже не удастся превратить демонстрации в боины. Первые опыты имели большой успех, и скоро с.-д. организации повально стали увлекаться демонстрациями и отдавать им все свои силы.

Так, Киевским комитетом была организована большая демонстрация 2 февраля 1902 г. Она продолжалась два дня подряд. Число демонстрантов, вместе с сочувствующей публикой, доходило до 1 500 человек. Рассеянные в одном месте, демонстранты скоплялись в другом; были выкинуты 3 красных знамени с надписями: «8-часовой рабочий день», «свобода»,

«долгой самодержавие». До поздней ночи раздавались революционные песни и возгласы: «Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социал-демократия!» Подавляющее число демонстрантов, особенно на второй день, состояло из рабочих.

В этом году демонстрации обошли все крупные центры рабочего движения: Петербург, Москву, Екатеринослав, Одессу, Ростов-на-Дону, Харьков, Н.-Новгород (Сормово). Каждая с.-д. организация спешила применить эту новую форму протеста и с увлечением отдавалась организации демонстраций. В следующем году волна демонстраций прокатилась уже по всей России не исключая Сибири и Кавказа, и захватила даже такие мелкие и глухие городки, как Клинцы,¹ Чахатуры (Кутаисск. губ.), Александровск² и пр.

Нетрудно понять, почему с.-д. организации отдавались с таким увлечением устройству демонстраций, несмотря на большие потери, которыми неизбежно должно было сопровождаться всякое открытое выступление. Они выводили революционную работу из подполья и давали выход революционному чувству рабочих масс. Открытое заявление революционных требований социал-демократии и громкое провозглашение анафемы всем вражьи́м силам в огромной степени поднимало дух организованных рабочих, которые в то же время находили здесь приложение своей революционной энергии. Наконец, демонстрации будили политическую мысль в самых широких кругах обывателей, куда никогда не доходили с.-д. прокламации.

Как только демонстрации вошли в практику рабочего движения, они стали на ряду с забастовками, неизбежными спутниками 1-майского праздника, который получает теперь массовый пролетарский характер. В Северо-Западном крае 1-майские демонстрации начались еще с 1898 г. В остальной России раньше других, именно в 1900 г., удалось устроить открытую маевку Харьковскому комитету партии. В первомайских листках и брошюрках, заранее изданных и распространенных комитетом, выставлялись требования: 8-часовой рабочий день, повышение платы, свобода стачек и союзов, свобода слова и печати, участие народа в управлении страной. Маевка сопровождалась забастовкой, демонстрацией и многолюдным митингом.

¹ Московской области. Ред.

² Ныне Запорожье. Ред.

В 1901 и 1902 г.г. первомайские демонстрации и забастовки устраиваются уже многими с.-д. организациями, и повсюду к этому дню приурочивается массовая агитация как за международное пролетарское требование 8-часового рабочего дня, так и за основные политические требования российской социал-демократии — коренное изменение всего политического строя. Только Петербургский «экономический» комитет в 1901 году ограничился в своей первомайской прокламации неопределенным требованием «политической свободы».¹ Но, на ряду с этой прокламацией Петербургского комитета, в это же время были распространены первомайские листки «Рабочего Знамени» и группы «Социалист», в которых политические требования были сформулированы более определенно.

На почве все возрастающего революционного настроения политическая агитация дает возможность оказывать влияние на широкие массы еще больше, чем то было возможно при «экономической» практике. В то время как агитация на почве профессиональных интересов объединяла рабочих одной фабрики или одной профессии, теперь удачно выпущенный листок или хорошо организованная демонстрация объединяли во всеобщий протест революционное настроение рабочих всевозможных фабрик и профессий. До каких огромных пределов могло расширяться влияние с.-д. организации на массы населения, скоро показали ростовские события, разыгравшиеся в ноябре 1902 года.

4 ноября в мастерских Владикавказской железной дороги была объявлена стачка. С первого же дня забастовки рабочие стали собираться во дворе мастерских для обсуждения своих требований. К ним скоро присоединились и забастовавшие рабочие других производств (железодельательные заводы Пастухова, Токарева и Дутикова, пекарни, табачные фабрики и др.), и комитет стал посылать на собрания забастовщиков своих агитаторов. Собрания разрослись до громадных размеров и были перенесены за город, на так называемый

¹ Нужно заметить, что «экономисты», следуя «теории стадий», в своей агитационной практике считали нужным сперва выставлять лишь требования «ближайших политических прав», в которых масса непосредственно «заинтересована», как, например, свобода стачек, союзов, собраний. Они считали преждевременным выдвигать вопрос об общем политическом режиме, покоящемся на всеобщем бесправии, так как массы могут-де не понять такого требования.

Темерник. Вначале обсуждались лишь общие требования, и попытки говорить на политические темы встречали ропот, особенно со стороны стариков, но через некоторое время огромное большинство собрания стало требовать именно таких речей и выражало ораторам большое сочувствие. В течение целой недели на глазах у полиции ежедневно происходили, таким образом, огромные митинги (20 — 30 тыс. чел.), которые, по своей обстановке, живо напоминают октябрьские дни 1905 года. Комитет ежедневно выпускал прокламации, которые совершенно открыто распространялись тут же на собрании. Растерявшаяся администрация не принимала никаких мер.¹ За эти дни комитетская типография отпечатала более 30 000 листов. Всякие воззвания, не снабженные красной печатью Донского комитета, упорно бойкотировались. Явившегося на собрание жандармского офицера толпа слушать не пожелала. Все это движение носило замечательно организованный характер, и попытки провокаторов вызвать драки и буйство встретили дружный отпор со стороны рабочих.

Ростовские события произвели глубокое впечатление во всей России. Они совершенно неожиданно обнаружили, как сильно выросло политическое сознание широких «серых» масс рабочего народа, а пример Донского комитета открывал социал-демократам новые способы и приемы агитации.

То, что было в Ростове в 1902 году, повторилось на следующий год уже в громадных размерах. Еще весной 1903 г., под влиянием предмайской агитации социал-демократов, во многих городах возникли стачки и демонстрации. Революционное настроение рабочих непрерывно росло, и скоро отдельные вспышки слились в один могучий поток, в одно общее движение, небывалое по своим размерам и по своему характеру. То была всеобщая политическая стачка, охватившая весь промышленный юг России. 1 июля одновременно начались забастовки в Баку, на керосиновых промыслах, и в Одессе, в порту и на Большом вокзале. При том напряженном, боевом настроении, в котором рабочие повсюду находились уже с весны, эти забастовки в двух различных, далеких друг от друга местах быстро распространились не только на все производство Одессы и Баку, но перекинулись в целый ряд южных промышленных центров: Киев, Елисаветград,²

¹ Дело в том, что в это время казаков в городе почти не было, а черная сотня, очевидно, еще не была изобретена.

² После революции переименован в Зиновьевск (Украина). Ред.

Николаев, Керчь, Екатеринослав, Тифлис, Батум. Общее количество бастовавших достигло небывалых размеров — 225 000 человек. Бастовали рабочие решительно всех профессий: машинисты и стрелочники, типографщики и дворники, приказчики и извозчики. Промышленная и торговая жизнь в таких крупных городах, как Одесса и Киев, совершенно замерла. Рабочие тысячными толпами ходят по городу и зовут присоединиться ко всеобщей забастовке, которая повсюду вызывает сочувствие: «Не хотим работать, когда другие бастуют!» — говорили даже массовые рабочие. Столкновения с полицией и войсками только подливали масла в огонь и делали забастовку всеобщей там, где она еще не стала такою. Так, в Киеве, после залпов, рабочие говорили: «Вчера на вокзале стреляли, а сегодня мы не будем работать; как не бунтовать? На фабриках прижимки и обирательство, кругом — всякое нахальство».

Объявляя стачку, рабочие выставляли экономические требования, в большинстве случаев одинаковые: 8-часовой рабочий день, повышение платы, отмена штрафов и проч. Но повсюду они уже ясно сознавали недостаточность одних этих требований, и все это движение резко отличалось от прежних обычных забастовок. Здесь сказались уже результаты предыдущей политической агитации социал-демократов. Это особенно ясно обнаружилось, например, в Одессе, где попытка зубатовцев свести движение к чисто экономическим требованиям встретила отпор даже со стороны наиболее серых масс, ими же, зубатовцами, организованных в «независимую партию». «Долой обман, долой мелкие требования, хотим большего!» — говорилось в одном листке, написанном самими рабочими.

Это «большее» формулировали и разъясняли социал-демократические прокламации, которые распространялись в эти дни десятками тысяч совершенно открыто: «Свобода стачек и союзов, свобода слова и печати, свобода совести, неприкосновенность личности, наконец, созыв народного законодательного собрания» — вот те требования, которые теперь распространялись в самых широких массах и вносили в смутное чувство политического гнета ясное политическое сознание.

Рабочий класс своим массовым выступлением отвоевал себе на эти короткие дни полную свободу действий. Во многих городах происходили демонстрации и многотысячные митинги, на которых раздавалось свободное слово ораторов со-

циал-демократов, в числе которых выступало уже много рабочих.

Во время всеобщей забастовки, как и в период демонстраций 1902 г., социал-демократам пришлось вести упорную борьбу с социалистами-революционерами, которые призывали к вооруженным выступлениям. При полной неподготовленности к открытому вооруженному восстанию, было необходимо во что бы то ни стало предотвратить подобные попытки, которые могли привести к кровавому подавлению всего движения.

1903 год был настоящим предтечей 1905 года. Всеобщая стачка затихла сама собою. Она не принесла никаких непосредственных результатов. Но она сплотила рабочие массы, далеко подвинула вперед политическое сознание рабочего и упрочила его связь с социал-демократией. Наконец, она сбнаружила всю огромную силу всеобщей политической забастовки, указала и дала возможность испробовать то оружие, которым через два года рабочий класс нанес решительный удар самодержавию.

Переход к усиленной политической агитации по необходимости сопровождался ломкой внутренней организации. Старая организация местного комитета, унаследованная от «экономистов» и приспособленная к профессиональной борьбе, совершенно не отвечала новым усложнившимся задачам работы. Прежде социал-демократический (интеллигентский) комитет был, собственно, исполнительным органом местной рабочей организации, по заказу которой он составлял листки, заведывал техникой, сбором денег, доставкой литературы, сношениями с другими организациями и т. п.; всею же непосредственной работой организации руководил «рабочий комитет», который выбирался организованными рабочими. Теперь же, когда работа значительно усложнилась, большинство членов этих рабочих комитетов оказались недостаточно подготовленными к руководству этой работой. Теперь во главе всей местной работы становилась одна центральная группа — комитет, которая руководила как идейной, так и технической стороной работы. А так как лиц, вполне подготовленных для такого руководства, вообще было слишком мало, то выборы теряли всякий смысл. К тому же, эти выборы не могли гарантировать не только подготовленности, но и революционности кандидата, так как выбирать могло лишь небольшое ядро организованных рабочих,

которое при «экономической» практике составлялось, главным образом, из обученных и лучше оплачиваемых слоев рабочего класса, руководившихся профессиональными интересами.

Борьба «экономистов» с «искровцами», проникавшими в комитеты, в области организационных вопросов сводилась, главным образом, к борьбе за «демократическое» или за «выборное» начало и нередко приводила к разрыву комитета со старыми рабочими организациями.

По мере того, как рабочее движение вступало на путь политической борьбы, партия стала расти несравненно быстрее, чем прежде. В 1900 г., в своем докладе Парижскому международному социалистическому конгрессу, она насчитывала всего 6 комитетов (Петербургский, Московский, Киевский, Харьковский, Екатеринославский и Иваново-Вознесенский) и три группы (Одесская, Николаевская и Саратовская). Со времени 1-го съезда число организаций увеличилось, таким образом, на 4. С 1901 по 1903 год число местных организаций возросло до 36. Из крупных промышленных центров социал-демократическое движение распространилось на второстепенные; из Европейской России проникло в Сибирь и на Кавказ.

О количественном росте движения дает также представление статистика арестов. За трехлетие 1898 — 1900 г.г. было арестовано 385 человек, тогда как с 1901 по 1904 г. число арестованных равняется 1 203.

Было сослано в Сибирь в отдаленные губернии за первое трехлетие 454 чел., за второе — 1 783 чел.¹ Из общего числа арестованных значительное большинство составляют социал-демократы, из которых большая половина приходится на рабочих.²

Но один только количественный рост социал-демократии вовсе еще не выражал ее действительной силы, как политической организаций пролетариата. Такая организация нуждалась прежде всего в тесном идейном и организационном объединении всех своих частей — объединении, которое должно придать планомерность всему социал-демократическому дви-

¹ Вычислено по данным «Доклада Амстердамск. соц. конгрессу» 1904 г.

² Так, например, в киевской тюрьме за 1903 г., из общего числа всех политических заключенных (600 чел.) рабочие составляют 60%.

жению в целом и тем в огромной степени содействовать его успешности.

До сих пор объединяющим центром была «Искра». Ее идейное руководство, признанное почти всеми комитетами, сказалось в единообразном направлении работы всех разрозненных сил социал-демократии. Прочно выработавшееся, по-видимому, единство взглядов на общие ближайшие задачи партии казалось теперь достаточно прочным основанием для создания единой и сильной партийной организации.

Еще в марте 1902 г. на конференции представителей «Искры» и нескольких местных с.-д. комитетов было решено основать «Организационный Комитет», который должен подготовить и организовать II съезд партии. До этого съезда «Орг. Ком.» брал на себя выполнение функций будущего центрального комитета партии по отношению к тем местным организациям, которые выразили на это согласие. К осени этого года возникший «Орг. Ком.» развил уже большую деятельность по транспортировке и изданию в собственной типографии общепартийной литературы. Одна только первомайская прокламация 1903 г. была издана им в количестве 300 000 экземпляров.

Летом 1903 г. за границей собрался II съезд РС-ДРП. На нем были представлены: 36 местных комитетов и групп (по 1 гол.), организация «Искры» (2 гол.), группа «Южного Рабочего» (2 гол.), Центральный Комитет «Бунда» (3 гол.), группа «Освобождение Труда» (2 гол.), «Лига Революционной Русской Социал-Демократии» (2 гол.), «Заграничный Союз Русских Социал-Демократов» (2 гол.), «Заграничный Комитет Бунда» (2 гол.). Всех делегатов было 42 чел., с 51 решающим голосом. Кроме того, на съезде присутствовало 14 лиц с совещательным голосом.

Одним из важнейших дел съезда было принятие партийной программы. Группой «Искры» и «Зари» еще задолго до съезда был выработан проект программы, который был опубликован в № 21 «Искры». Немногочисленные представители «экономического» направления, испытавшего, как мы видели, влияние «ревизионизма», безуспешно боролись против «ортодоксальной» редакции программы. Все 22 оппортунистические поправки, предложенные делегатом заграничного «Союза Русских Социал-Демократов», были отвергнуты. После долгих прений съезд утвердил в качестве партийной программы

проект «Искры» с некоторыми незначительными изменениями.

На II съезде российская социал-демократия впервые дала, наконец, в своей программе полную и точную формулировку своих конечных целей и ближайших требований. В противоположность старым социалистическим учениям, проникнутым духом анархизма, эта программа с особенной полнотой развивает ближайшие политические требования. В истории революционного движения в России российская социал-демократия первая выставила в своей программе требование демократической республики и созыва учредительного собрания, как единственного пути к полному осуществлению ближайших политических и социальных преобразований.

Закрепив в партийной программе принципы революционного марксизма, съезд перешел к организационному строительству партии. В интересах объединения партийной работы на местах, съезд распустил те организации, существование которых, на ряду с официально признанными партийными органами, становилось излишним. Так, были распущены за границей: группа «Освобождение Труда», «Союз Русских Социал-Демократов» и группа «Борьба».¹ Единственным партийным органом за границей была признана «Лига Революционной Русской Социал-Демократии», в которую должны были войти члены распущенных организаций. В России была распущена группа «Южного Рабочего», деятельность которой по существу не отличалась от деятельности местных комитетов партии. Для объединения и руководства всех местных партийных организаций были созданы два самостоятельных учреждения: Центральный Комитет и Центр. Орган партии,² которым была признана «Искра». Согласовать деятельность обоих этих руководящих органов должен был «Совет Партии» из 5 членов, причем 2 члена должны

¹ Эта небольшая заграничная группа образовалась почти одновременно с гр. «Искры» и «Зари» и занималась исключительно литературной деятельностью. Ею были изданы: критический этюд Рязанова, «Проект программы «Искры» и задачи русских социал-демократов», «Социал-демократический календарь 1902 г.», брош. Невзорова: «Отказываемся ли мы от наследства?» и несколько популярных брошюр. На II съезде она представлена не была.

² Примеч. к 9 изд.: В ЦК были выбраны: Кржижановский («Травинский»), Ленгник («Васильев») и Носков («Глебов»); в редакцию ЦО: Плеханов, Ленин и Мартов.

выбираться ЦК, 2—ЦО и один — съездом, который является высшей инстанцией партии.

В то время как программа партии была принята, в общем, очень единодушно,¹ вопросы организации вызвали упорную борьбу различных течений, причем возникла довольно сложная группировка фракций («большинство» и «меньшинство», «искровцы», «экономисты», группа «Южного Рабочего» и, наконец, «дикие»). Совершенно особую позицию заняли на съезде делегаты Бунда, в котором ко времени съезда уже резко определились националистические стремления. Они не соглашались на признание Бунда автономной частью партии (по решению 1-го съезда) и требовали, чтобы II съезд признал его единственным представителем еврейского пролетариата и чтобы Бунд был объединен с партией лишь на федеративных началах. Когда съезд не согласился на эти требования, делегаты Бунда ушли со съезда, и, таким образом, Бунд откололся от партии.

Наконец, в целом ряде резолюций (о либералах, о соц.-революционерах, о профессиональной борьбе, о фабричных старостах и проч.) II съезд впервые выработал руководящие указания для всей партии по вопросам партийной тактики.

V

«БОЛЬШИНСТВО» И «МЕНЬШИНСТВО»

«На долю русской социал-демократии выпала своеобразная, беспримерная в истории социализма задача: в самодержавном государстве выработать тактику социал-демократическую, т. е. соответствующую классовой борьбе пролетариата».

Р. Люксембург. («Neue Zeit».)

II съезд Р. С.-Д. Партии, который подвел итоги 5-летнему развитию русской социал-демократии после I съезда, был новым этапом в развитии партийной жизни. Уже во время ноябрьских событий в Ростове-на-Дону и особенно во время всеобщей стачки на юге ясно обнаруживалась невозможность для партии овладеть ходом событий и руководить рабочим движением в целом, несмотря на рост с.-д. организаций.

¹ Окончательная редакция программы была принята всеми решающими голосами при одном воздержавшемся (Акимов).

Стремление отрешиться от организованного разброда и «кустарничества», сплотить разрозненные силы социал-демократии на почве выясненных политических задач рабочего класса — словом, создать единую и централизованную рабочую партию — стало всеобщим среди социал-демократов. II съезда ждали с нетерпением, на него возлагали большие надежды. И съезд, действительно, имел большое значение для развития социал-демократии.

«Наш партийный съезд, — писал Ленин весной 1904 г., — был единственным в своем роде, невиданным явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход нашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей партии и каждой ее сколько-нибудь заметной части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распушенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идей и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой обособленностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами целого: партии».

Однако этот съезд далеко не оправдал тех надежд, которые на него возлагались, не дал тех результатов, которые рисовались в представлении большинства социал-демократов. Прежде всего, на съезде не обнаружилось того единства во взглядах на ближайшие задачи партийной работы, которое, казалось, так прочно установилось за почти трехлетний «искровский» период. Но самое главное препятствие по пути к действительному и полному объединению партии, которому съезд стремился положить прочное основание, заключалось в тех традициях «кружковой распушенности и революционной обывательщины», которые прочно укоренились за период разброда и, конечно, не могли быть ликвидированы съездом, несмотря на все воодушевленные объединительные стремления.

Разногласия, начавшиеся на съезде, скоро проникли во все партийные организации. Разделив сплоченное до сих пор ядро «искровцев» на «большинство» и «меньшинство», они еще на съезде положили начало жестокой фракционной борьбе из-за состава центральных учреждений партии, а по-

том, распространившись на всю партию, привели к полному расколу. К чему же сводились эти разногласия? Как на самом съезде, так и долго после съезда они не выходили за пределы организационных вопросов.

Главным предметом споров на съезде был § 1 партийного устава, определявший принадлежность к партии. В проекте, предложенном Мартовым и защищавшемся «меньшинством», этот § гласил: «Членом Р. С.-Д. Партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». Проект Ленина, который поддерживался «большинством» искровцев, отличался от проекта «меньшинства» тем, что требовал от члена партии (кроме признания программы и материальной поддержки) «личного участия в одной из партийных организаций». Сам по себе этот § устава, вызвавший горячие споры на съезде, практического значения в жизни партии никогда не имел. Но большое значение имели разногласия, обнаружившиеся при его обсуждении.

Практический вопрос о членстве партии вырос до принципиального вопроса о том, какова должна быть сама партия, ее характер, ее состав, ее отношение к окружающей неорганизованной массе. И при решении этих вопросов уже на съезде более или менее ясно определились два направления в русской социал-демократии, которые существуют в ней до настоящего времени.

«Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, — говорит Аксельрод, защищая взгляды «меньшинства»: — но мы должны, раз мы — партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя, быть может, и не совсем активно примыкающих к этой партии». Мартов доказывает, что вовсе не нужно, чтобы всякий член партии непременно входил в партийную организацию, так как контроль над его деятельностью «возможен, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней». ¹ «Заговорщицкая организация, — говорит он, — для меня имеет смысл постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая партия. ² Чем шире будет распространено название партии,

¹ Протоколы II съезда, Женева, 1903 г., стр. 245.

² Там же, стр. 239.

тем лучше. Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии». ¹ Эти же взгляды развиваются и обосновываются «меньшинством» после съезда в «Искре» и отдельных брошюрах.

Иначе смотрит на задачи организации «большинство»:

«Чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себе действительных социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет *внутри* партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих масс». ² «К рабочей партии, как к передовому отряду — особенно в революционные периоды — примыкает весь или почти весь рабочий класс. Но именно потому, что мы — партия класса, мы должны делать различие между *входящими* в партию и *примыкающими* к ней. От широкого распространения названия партии нет никакой пользы. Мы прекрасно знаем, что каждый стачечник не может *быть* социал-демократом. Контроль за деятельностью не входящих в партийную организацию лиц, которые получали бы лишь отдельные поручения от комитета, есть фикция. К тому же такие специальные поручения никогда, конечно, не будут иметь места по отношению к массе рабочих. Необязательность участия в партийных организациях открыла бы только широкий доступ в партию интеллигентам одиночкам, которые, в общем, как особый общественный слой, невыгодно отличаются от пролетариата тем, что менее его способны к организации и дисциплине». ³

В тесной связи с этими организационными взглядами обнаружились также разногласия между «большинством» и «меньшинством» по вопросу о централизме партии. Говоря вообще, «большевики» требовали большей централизации и потому настаивали на больших полномочиях ЦК, который, сосредоточивая в себе лучшие силы партии, мог бы придать всей партийной работе большую выдержанность и продуктивность. Они подчеркивали поэтому необходимость строгой партийной дисциплины и разделения труда как в каждой отдельной организации, так и во всей партии в целом. Напротив, «меньшевики» полагали, что эта централизация может

¹ Там же, стр. 229.

² Ленин, «Шаг вперед, два шага назад», Женева, 1904 г., стр. 42.

³ См. там же, стр. 42 — 48.

совершаться лишь медленно и постепенно, и видели опасность для самостоятельности местных организаций в наделении ЦК большими полномочиями по уставу партии (право ЦК распределять силы партии, обязательность всех постановлений ЦК для всех партийных организаций и пр.). Они хотят, чтобы ЦК мог «влиять на местную деятельность только с согласия местных комитетов», так как местные комитеты, даже в том виде, в каком они существовали до сих пор, гораздо ближе к рабочей массе и гораздо меньше способны, чем всемогущий ЦК, «совлечься» с пути социализма». ¹

Таковы были организационные разногласия между «большинством» и «меньшинством». Несмотря на то, что обоими фракциями они признавались слишком незначительными, чтобы помешать совместной работе, фракционная борьба возгорелась с такой силой, что затормозила не только объединение партии, но и работу отдельных организаций. Групповая «обособленность» сказалась тотчас же после съезда в бойкоте центральных учреждений партии, состав которых был проведен «большинством». Один из трех выбранных съездом редакторов Ц. Органа Мартов отказывается от участия в редакции, а бывшие редакторы старой «Искры», Аксельрод, Старовер и Засулич (сторонники «меньшинства»), отказываются от сотрудничества в газете. Между оставшимися в редакции Плехановым и Лениным возникают разногласия по вопросу о соглашении с «меньшинством», которые приводят к выходу Ленина из редакции. Плеханов кооптирует в редакцию весь прежний состав «Искры». «Меньшинство», овладев ЦО, открывает кампанию в защиту своих организационных взглядов. Сторонники «меньшинства» в России, объединенные «Искрой», бойкотируют «большевистский» ЦК и обособляются в партии организационно: устраивают самостоятельный транспорт литературы, организуют «Бюро Меньшинства», которое заменяет для южных меньшевистских комитетов партийный ЦК, и проч. При таких обстоятельствах деятельность ЦК и местных организаций с первых же шагов по пути к организационному объединению встретила огромные препятствия. Вот как описывает ЦК в своем отчете III съезду положение вещей в партии после II съезда:

«Раскол, происшедший в конце съезда, вызвал всеобщее разочарование его результатами. Настроение за границей

¹ Череванин, «Организационный вопрос», Женева, 1904 г., стр. 44.

было подавленное. Это отразилось на извещении ЦК о III съезде, написанном за границей. С объявлением съезда шла канитель. Отсутствие протоколов крайне вредно отразилось на смуте. В общем, нужно констатировать отсутствие малейшего энтузиазма после II съезда. Между тем, в России началась агитация меньшевиков. Передача связей от Организационного Комитета шла туго. Всем известна кампания «Искры» против ЦК. На него сыпались обвинения в бездеятельности, формализме, бюрократизме. Кругом создавалась атмосфера всеобщей апатии, недоверия, скептицизма, обструкции.

«К центру предъявлялись преувеличенные требования. II съезд не создал центра: партия на нем лишь пожелала, чтобы он был создан, и дала ему некоторые указания и права, причем большая часть последних почти никем не признавалась.

«Прежде всего ЦК пришлось констатировать недостаток людей. Предыдущий кустарный период нашей истории не подготовил достаточного числа специалистов. Не было опыта по ведению общепартийного дела. Не было, наконец, чисто технических навыков. Приходилось людей вырабатывать, создавать. Интеллигентский характер партийных организаций обуславливал недостаток деловитых людей. Во всем сказывалась интеллигентская небрежность, отрывка нигилизма».¹

При всех этих неблагоприятных условиях, фактически начавшийся уже раскол вносил в партию большую дезорганизацию. Весь 1904 г. проходит в ожесточенной борьбе фракций как в России, так и за границей, где эта борьба особенно обостряется в атмосфере эмигрантской жизни.² Летом этого года ЦК, состав которого значительно обновился вследствие ареста и устранения от работы некоторых наиболее непримиримых («твердых») его членов — «большевиков», делает попытку примирить борющиеся фракции и путем взаимных уступок восстановить единство партии. В своей июльской

¹ Протоколы III съезда С.-Д. Р. Партии, Женева, 1905 г., стр. 374 — 375 (стр. 469 — 470 «Протоколов», переизданных Истпартом в 1924 г. Ред.)

² Заграничные междоусобия, особенно в центре скопления русских эмигрантов — Женеве, очень напоминают в этом отношении положение вещей в Союзе Коммунистов в Лондоне в 1850 г., когда возникшие там раздоры и дразги Маркс и Энгельс объяснили тем, что «были революционеры, но не было революции».

декларации он извещает о состоявшемся соглашении с меньшинством,¹ призывает организации к совместной работе. Но эта попытка не удалась. Тотчас же после июльской декларации ЦК выделяет непримиримое («твердое») «большинство», которое восстает против уступчивости ЦК по отношению к «меньшинству», считая требования последнего (кооптация представителей м-ства в Центр. К.) резко противоречащими партийному уставу и духу организации. «Твердые» большевики начинают в Женеве самостоятельное издательство в защиту принципиальной позиции большинства и ведут агитацию за созыв III съезда партии, видя в нем единственный нормальный выход из того положения, в которое попала фактически расколовшаяся партия с центрами, не соответствующими ее настроениям и желаниям. Возникает «борьба за съезд». Совет партии, редакция «Искры» и все «меньшинство» в России ведут кампанию против съезда. Против съезда высказывается также и ЦК, который все еще надеется восстановить единство путем соглашения с меньшинством.

В конце 1904 г. комитеты «большинства» на 3-х конференциях — Южной, Кавказской и Северной — организуют «Бюро комитетов большинства», которое ведет агитацию за съезд, а потом, опираясь на многочисленные голоса комитетов, приступает к созыву III партийного съезда «революционным путем».

Так разгоралась борьба внутри партии, поглощавшая массу сил. А между тем надвигались события, которые скоро должны были потребовать от всей партии напряженной работы. Уже осенью 1904 г. необыкновенно оживилось либеральное движение, открылась эпоха съездов и банкетов. Либеральная буржуазия организовалась, формулировала свои конституционные требования и скоро, устами г. Струве, заявила, что она готова «стать во главе революции». Тактика по отношению к либералам стала практическим вопросом дня.

9 января открывает новую эпоху революционного движения и ставит на очередь такие вопросы, решение которых еще недавно казалось делом отдаленного будущего. Рабочий класс неудержимо стремится к массовому революционному выступлению. Каковы должны быть ближайшие задачи этого выступления? Что должно стать лозунгом предстоящей борьбы?

¹ ЦК согласился на кооптацию нескольких меньшевиков, а меньшинство передало Ц. К-ту свой транспорт литературы из-за границы.

Как придать этим выступлениям наиболее организованный и вместе с тем самостоятельный, классовый характер? — вот вопросы, которые партия должна была решить немедленно, чтобы не быть подавленной ходом событий буржуазной революции. Эти новые, вставшие перед партией задачи вызвали новые, более глубокие разногласия между «большинством» и «меньшинством». В октябре 1904 г. редакция «Искры» предложила организациям свой «план земской кампании», в противовес либеральному движению. В этом плане «Искра» советовала социал-демократам устраивать рабочие демонстрации в земских собраниях, произносить речи, заявлять революционные требования, призывать земцев присоединиться к социал-демократическим резолюциям. Представляя себе русскую буржуазию, как единственную вершительницу судеб русской буржуазной революции, меньшевики предлагали рабочим, с одной стороны, «толкать» эту буржуазию «влево», а с другой — стараться не запугать ее слишком революционными выступлениями, не вызывать паники и т. п.

Этот план был решительно отвергнут большевиками, которые указывали на то, что революционные демократические требования рабочих совершенно неприемлемы для земских либералов, что в борьбе за эти требования, за программу-минимум социал-демократии, рабочий класс должен выступить самостоятельно, не обманываясь надеждами на союз с либералами. Своим самостоятельным и решительным выступлением, говорили большевики, пролетариат в то же время скорее побудит и либералов «полеветь», насколько они вообще на это способны. Так возникли первые тактические разногласия, выяснением которых скоро занялась основанная большевиками газета «Вперед».

Весною 1905 г. делегаты от 29 комитетов прибыли за границу на III партийный съезд. Он был созван «Организационным комитетом», который составил из «Бюро комитетов большинства» и присоединившегося к нему в марте месяце Центрального комитета партии. Приехавшие делегаты «меньшинства» (оказавшиеся снова в меньшинстве)¹ не приняли

¹ На III съезде приняли участие делегаты следующих 20-ти организаций: Совет партии (2 члена по 1 гол.), Центральн. Ком. (1 чл. с 2 гол.), Кавказский Союз (5 делег. с 8 гол.), комитеты: Воронежский, Курский, Московский, Николаевский, Нижегородский, Орловский, Одесский, Полесский, Петербургский, Рижский, Самарский, Саратовский, Северный, Северо-Западный, Тверской, Тульский, Уральский (по 2 гол.).

участия в съезде и удалились, чтобы устроить, вместе с редакцией «Искры» и делегатами «Лиги», «I конференцию партии». III съезд и «I конференция» самым фактом своих одновременных и отдельных заседаний как бы закрепили и узаконили раскол в партии. В то же время, в своих дебатах и резолюциях, они подвели итоги и дали более или менее полное выражение двум направлениям в российской социал-демократии и, главным образом, двум тактическим взглядам. Центральным пунктом разногласий между «большинством» и «меньшинством» явился теперь вопрос об отношении к Временному правительству. В резолюциях III съезда и I конференции о Временном правительстве наиболее полно выражены взгляды «большинства» и «меньшинства» на роль социал-демократии в демократической революции. Поэтому мы приведем здесь эти резолюции целиком.

РЕЗОЛЮЦИЯ I КОНФЕРЕНЦИИ О ЗАВОЕВАНИИ ВЛАСТИ И УЧАСТИИ ВО ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

«Решительная победа революции над царизмом может быть ознаменована либо учреждением Временного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего под непосредственным давлением революционного народа организовать Всенародное учредительное собрание.

«И в том и в другом случае такая победа послужит началом новой фазы революционной эпохи.

«Задачей, которая стихийным образом ставится этой новой фазе объективными условиями общественного развития, является окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества за осуществление своих социальных интересов и за непосредственное обладание властью.

«Поэтому и Временное правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историческому характеру, буржуазной революции, должно было бы, регулируя

Из прибывших на съезд не приняли в нем участия делегаты 9-ти комитетов: Донского, Горнозаводского, Киевского, Кубанского, Тверского, Харьковского, Смоленского, Екатеринославского, Сибирского. Не получено было ответа Орг. к-том на приглашение на съезд от 2-х комитетов; Астраханского и Крымского союза.

взаимную борьбу между противоположными классами освобождающейся нации, не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех его факторов, которые угрожают основам капиталистического строя.

«При таких условиях социал-демократия должна стремиться сохранить на всем протяжении революции такое положение, которое лучше всего обеспечит за нею возможность двигать революцию вперед, не свяжет её рук в борьбе с непоследовательной и своекорыстной политикой буржуазных партий и предохранит ее от растворения в буржуазной демократии.

«Поэтому социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во Временном правительстве, а должна оставаться партией революционной оппозиции.

«Эта тактика, конечно, нисколько не исключает целесообразности частичного, эпизодического захвата власти и образования революционных коммун в том или другом городе, в том или другом районе, в исключительных интересах содействия распространению восстания и дезорганизации правительства.

«Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и, по возможности, дольше удерживать ее в своих руках: именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которой достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований.

«Строя свою тактику на расчете сохранения за социал-демократической партией в течение всего революционного периода положения крайней революционной оппозиции ко всем сменяющимся в ходе революции правительствам, социал-демократия всего лучше может подготовиться и к использованию правительственной власти, если она попадет в ее руки».

РЕЗОЛЮЦИЯ III СЪЕЗДА О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

«Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют

возможно более полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится Временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России при данном общественно-экономическом ее строе не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у русского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода, —

III съезд РС-ДРП постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления Временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программа-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во Временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во Временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на Временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата, в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции».

Взгляды обеих фракций на ход и исход буржуазной революции и на роль в ней социал-демократии тесно связаны с их отношением к непролетарским классам и партиям. Обе фракции признают, что демократический переворот не может быть совершен силами одного пролетариата, что социал-демократия, руководя политической борьбой рабочего класса и отстаивая его интересы в этой борьбе, должна поддерживать всякое оппозиционное и революционное движение буржуазии, направленное против существующего строя. Но далеко не одинаково оценивается ими революционное значение союзников пролетариата.

Нужно заметить, что во всей обширной литературе меньшинства, посвященной вопросам тактики, вопрос о значении в революции различных общественных классов и групп в России и их взаимном отношении остается мало разработанным. Свой взгляд на роль социал-демократии в буржуазной революции меньшинство основывает лишь на тех общих истинах, что буржуазия, как класс, необходимо должна бороться против самодержавия, но что революция должна упрочить классовое господство буржуазии, и делает отсюда тот вывод, что пролетариат не должен играть руководящей роли в буржуазной революции. В подтверждение этого вывода меньшинство ссылается также на опыт прежних европейских революций (1848 и 1871 г.г.), когда пролетариат, желая играть такую роль, потерпел поражение.¹ Но в политической практике меньшинства его отношение к различным непролетарским классам и партиям выступает вполне определенно. Оно придает гораздо большее значение в ходе революции не крестьянству, а либеральным партиям (прежде — земской, а потом — конституционно-демократической), т. е. партиям городской и, главным образом, помещичьей буржуазии. В них видит меньшинство наиболее передовую и активную силу на политическом горизонте; с их стремлениями оно находит нужным считаться; их оно прежде всего хочет поддерживать.² На

¹ Обоснование тактических взглядов м-ства см. в статьях «Искры»: Мартов, «Рабочая партия и захват власти» (№ 93); Плеханов, «К вопросу о захвате власти» (№ 96); Мартынов, «Революционные перспективы» (№ 90). Эти статьи перепечатаны в «Искре» за два года, СПб., 1906 г.

² Более определенно, чем в прежней литературе меньшинства, эти взгляды развиваются в последнее время в «Нашем Деле», особенно в передовицах Череванина в №№ 1 и 3. Указывая на невежество, политическую отсталость и неподвижность крестьянства, тов. Череванин, для осу-

этом отношении к либералам был построен «план земской кампании», а также и вся позднейшая тактика «меньшинства» — тактика «толкания либералов влево». Отсюда же и представление меньшинства о вероятном исходе победоносной революции не только путем народного восстания и Временного правительства, но также и путем «решения того или иного народного представительства созвать Учредительное собрание под непосредственным давлением революционного народа».

«Большинство», указывая и критикуя неустойчивость либеральной буржуазии, всегда готовой вступить в сделку с реакцией, видит наиболее надежного союзника пролетариата в крестьянстве. В данный момент оно не столько заинтересовано в охране частной собственности, сколько в отнятии у помещиков земли, одного из главных видов этой собственности. Не переставая, конечно, быть мелкобуржуазным, крестьянство может выступить, однако, самым решительным сторонником полного демократического переворота, так как только полное народовластие может закрепить за ним земельные реформы, которые ему необходимы и которых оно добивается.¹ На это обстоятельство большевики указывают, как на существенное отличие русской революции от прежних европейских революций, на опыт которых ссылается «меньшинство».

Отсюда практический лозунг «большинства»: *революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в интересах полного демократического переворота, для проведения в жизнь нашей программы-минимум.*

С развитием революционного движения главные пункты разногласий и споров между «большинством» и «меньшинством» передвинулись из области организационных вопросов в область тактики. Но нетрудно заметить, что и так называе-

ществования ближайших задач партии (избирательной борьбы против реакционных сил), зовет к соглашению с буржуазными партиями в роде кадетов (№ 1). «Кадеты — говорит т. Ч., — в своих политических стремлениях стоят пока не позади большинства крестьянства, а впереди его» (№ 3). Противопоставляя «кадетов» «большинству крестьянства», автор, конечно, сравнивает вещи совершенно несравнимые и ни на шаг не подвигается вперед в деле сравнительной оценки революционного значения разных классов. Почему он, говоря о «кадетах», умалчивает о трудящихся и соц.-рев. и, говоря о «большинстве крестьянства», не упоминает о большинстве помещиков, которые ведь также остаются позади кадетов и интересы которых так резко сталкиваются с интересами крестьянства, — остается его секретом.

¹ См. Ленин: «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Москва. 1905 г.

мые организационные разногласия выражали, в сущности, различные взгляды на те же самые тактические вопросы. Формы движения и партийной организации определялись различным пониманием ближайших задач партии и ее роли в рабочем движении и буржуазной революции.

«Меньшинство», усиленно подчеркивая, что «российская социал-демократия — партия пролетарская по своей теоретической основе и программе — далеко еще не такова по своему социальному составу и характеру своей организации»,¹ — в своей практике стремится расширить рамки партийной организации, проводит в жизнь демократическое начало, борется против централизма большевиков. В этом отношении она близко примыкает к «экономистам», от которых ведет свое историческое происхождение. Эти организационные взгляды «меньшинства» могли иметь в виду лишь общее идейное влияние социал-демократии на рабочий класс, как единственно-возможную задачу партии.

«Большинство», настаивая на необходимости большей принципиальной выдержанности и активности членов партии, большей сплоченности и централизации партийной организации, считает задачей партии не только идейно, но и практически руководить борьбой рабочего класса, считает необходимым, например, во время революции взять на себя инициативу, организацию и руководство вооруженным восстанием, в то время как «меньшинство» ограничивается агитацией в пользу «самовооружения» масс. Приспособление к массовому характеру движения приводит «меньшинство» так же, как и «экономистов», к широкому применению способа «наглядного обучения» в своей тактике. Бойкоту Думы 6 августа, выдвинутому «большинством», «меньшевики» противопоставляют параллельные выборы на основе всеобщего и т. д. права. Бойкоту Думы 1 декабря, как протесту против подделки народного представительства и стеснения свободы выборов — участие в выборах, чтобы «повести массу в избирательные собрания, дать ей самой наткнуться на все те препятствия, которые ставит закон»² и пр.

Таковы, в общих чертах, разногласия по вопросу о тактике социал-демократии в буржуазной революции. Мы видим, что

¹ «Искра», № 55, ст. Аксельрода: «Объединение российской социал-демократии».

² Дан, «Госуд. Дума и пролетариат», 1906 г., стр. 13.

разногласия внутри партии росли вместе с партией по мере того, как расширялось и обогащалось содержание партийной жизни. О сколько-нибудь серьезных разногласиях на I съезде нам неизвестно. Участники этого съезда, как и все работавшие в то время социал-демократы, могли быть единодушны на почве общих принципов с.-д. учения и несложных в то время практических задач, т. е., главным образом, пропаганды этого учения. Разногласия на II съезде ограничивались организационными вопросами, но лишь потому, что политическая жизнь не выдвинула еще таких практических вопросов, на которых существующие в зародыше тактические разногласия могли бы вполне ясно определиться. III съезд и I конференция, состоявшиеся в разгаре революционного движения, дали полное выражение двум тактическим взглядам в российской социал-демократии. На IV съезде возникли даже некоторые разногласия по вопросам программы (аграрная программа партии).

Сами по себе эти разногласия и идейная борьба внутри партии не только не препятствуют развитию российской социал-демократии, но, напротив, служат показателем этого развития. Ни одна из существующих сколько-нибудь крупных и жизненных партий не развивалась иначе, как путем внутренней борьбы всевозможных направлений и оттенков мысли и настроения. Но в условиях русского подполья, при отсутствии открытой дискуссии и даже простого своевременного осведомления о сути разногласий (например, запоздание с изданием и распространением протоколов II съезда), внутрипартийная борьба переживалась особенно тяжело.

Действуя самым угнетающим образом на сознание даже передовых рабочих, она вносила большую дезорганизацию в партию.

«Слыханное ли дело, товарищи, — пишет один рабочий вскоре после III съезда, — имело ли место в истории пролетарских партий других стран, чтобы вожди разорвали партию из-за разногласий такого рода?!!!»

«...И особенно теперь, когда близкий конец самодержавной России логикой событий заставляет новую «буржуазную Россию» различных оттенков и взглядов сгруппироваться, сплотиться в единую силу для того, чтобы занять себе подобающее место в будущем свободном российском государстве, — ту буржуазную Россию, которая, наверно, не преминет, в интересах своих, уже теперь же взять под свое

буржуазное крылышко революционно-настроенные рабочие массы».¹

Как самые разногласия, так и те «неслыханные» формы, в которых нередко отливалась фракционная борьба, носят на себе печать тех исторических условий, при которых приходилось развиваться российской социал-демократии.

В самом деле, с самого своего возникновения российская социал-демократия должна была приспособляться к условиям азиатского деспотизма, чтобы выработать формы европейского рабочего движения. Массовый характер этого движения не мог мириться с тесной «заговорщицкой» организацией, которая до самого последнего времени была необходима для того, чтобы обеспечить революционное содержание социал-демократической работы.

В узких рамках подпольной кружковой пропаганды и агитации, при случайном составе рабочих кружков, в которые не всегда попадали наиболее способные рабочие, наконец, при отсутствии того широкого поля открытой практической деятельности, какое имели перед собою, например, «Международное Общество Рабочих» или любая из возникших западноевропейских рабочих партий, — только очень медленно могли вырабатываться из рабочей среды организаторы и вожди движения, стоящие на уровне современного социализма. Состав руководящих с.-д. организаций по необходимости ограничивался почти исключительно «интеллигенцией». Близкое участие и идейное руководство этой интеллигенции рабочим движением имеет свое оправдание в том, что она обогащала содержание этого движения, внедряла рабочему классу идеи научного социализма. Вольное и невольное устранение с.-д. «интеллигенции» от рабочего движения всегда сопровождалось упрощением с.-д. программы, понижением сознательности движения.

В то же время все условия подпольной работы — невозможность постоянного и тесного общения руководителей движения с рабочей массой, частое изменение состава организаций, наконец, необходимость сосредоточить издание руководящей литературы за границей и отсюда — отчуждение «теоретиков» от «практиков», — все эти условия очень мало могли способствовать воспитанию партийных навыков и духа дисциплины у руководителей движения, которые по своему

¹ «Рабочие о партийном расколе», Женева, 1905 г., издание Партии,

социальному происхождению обладали этими качествами в гораздо меньшей степени, чем пролетарии. Самые горячие стремления к единству действий часто разбивались о политическую невоспитанность работников, выросших в удушливой атмосфере подполья.

И только постепенно, применяясь к этим условиям и преодолевая их, развивалась более широкая партийная деятельность, складывалась партийная организация. Как бы то ни было, партийная работа со времени II съезда значительно выросла. Избранному съездом ЦК, несмотря на все неблагоприятные условия, удалось многое сделать для объединения практической деятельности партии. Он установил прочные и постоянные связи с местными комитетами; распределение сил партии стало совершаться более планомерно через его центральные и районные бюро. Особенно большую деятельность ЦК развил по части снабжения местных комитетов «нелегальной» литературой. В течение года (с апреля 1904 г. по март 1905 г.) им было издано в России и перевезено из-за границы около 300 пудов литературы. Только в собственных типографиях ЦК издал на русском, армянском и грузинском языках всего 69 названий брошюр и прокламаций в количестве более миллиона экземпляров. В сравнении с периодом «кустарничества» конца 90-х и начала 900-х годов это было, конечно, огромным шагом вперед, и делегат ЦК на III съезде мог с полным правом сказать, что «в деле печатания и распространения нелегальной литературы в России ЦК нашей партии сделал больше, чем было сделано какою бы то ни было нелегальной организацией, не исключая «Народной Воли» с ее громадными материальными средствами, с ее строго централистической организацией».¹ Если прибавить сюда издания «Бюро Меньшинства», которое также отпечатало в своих типографиях огромное количество прокламаций, а также издания всех местных комитетов, то общая сумма распространенной в России социал-демократической литературы с 1903 по 1905 г. должна достигнуть таких размеров, которые еще до революции завоевали уже значительную «свободу печати».

Но дальше объединения общепартийных технических предприятий, укрепления связи между отдельными организациями и более регулярного распределения сил объединение

¹ Протоколы III съезда, стр. 378. (В издании «Протоколов» 1924 г., стр. 474. Ред.)

«нелегальной» РС-ДРП не подвинулось. ЦК не удалось осуществить самой главной функции, возложенной на него съездом: общего политического руководства партией. В своей непосредственной политической деятельности местные организации оставались попрежнему связанными лишь «силой идей». Но эта сила была велика.

Несмотря на отсутствие деятельного и единого руководящего центра и на раздиравшую партию фракционную борьбу, можно отметить одно общее дело, которое дружно велось всеми организациями независимо от фракций; это — агитация по поводу японской войны. Патриотической агитации правительства — демонстрациям во славу русского оружия, социал-демократия противопоставила свою революционную агитацию против войны и правительства. Устная и печатная агитация социал-демократов достигла огромных размеров. ЦК и все местные комитеты распространили сотни тысяч прокламаций не только среди рабочих, но также среди «общества» всех степеней, крестьянства, новобранцев и солдат.¹

Социал-демократические прокламации скоро появились даже в действующей манчжурской армии и, вместе с русскими неудачливыми генералами, революционизировали целые полки, превратили их в скопища «политических преступников», одно возвращение которых на родину внушало страх правительству. В своей массовой агитации во время войны социал-демократы впервые стали усиленно проводить свое требование: созыв Всенародного учредительного собрания. При росте политического сознания в широких массах народа эта восточная авантюра самодержавия не прошла уже для него безнаказанно, и японская война стала прологом к русской революции.

¹ Одной только редакцией «Искры» до июля 1904 г. были изданы следующие прокламации: 1) «За что должен умирать русский солдат?»; 2) «Война против войны»; 3) «Ко всему рабочему народу»; 4) «Международный жандарм»; 5) «Ко всем запасным рядовым»; 6) «Патриотический грабеж»; 7) «Жертвуйте, русские люди!»; 8) «К обществу»; 9) «Кому помогать?»; 10) «Правдивое слово министра финансов»; 11) «Зачем нужны еврейские погромы?»; 12) «Кризис, безработица, война»; 13) «Уроки войны»; 14) «К солдатам»; 15) «Пора!»; 16) «Кто должен победить?»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Российская революция — самая поздняя из буржуазных революций Европы. Российская социал-демократия — самая молодая из европейских рабочих партий. Но «великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным», как говорит наша программа.

Этот международный характер пролетарского движения сближает и уравнивает пролетариев всего мира, сглаживает разницу между старыми и молодыми рабочими партиями — подобно тому, как и международный капитал вводит повсюду единые способы производства, повсюду с одинаковой силой обобществляет труд и выжимает прибавочную стоимость.

Поэтому российский пролетариат, который борется в этой поздней революции под знаменем социал-демократии, оказывается почти ровесником своих западных собратьев, переживших уже не одну революцию. Поэтому поздняя русская революция так сильно отличается от прежних революций в Европе.

Во время Великой французской революции 1793 г., как и во время июльской революции 1830 г., рабочие массы шли послушно за буржуазией, боролись под ее знаменем: тогда буржуазия была революционна, а пролетариат был бессознателен.

В мартовские дни 1848 г. в Германии революция остановилась на полдороге, чтобы заключить договор с реакцией и помириться на жалкой конституции: тогда буржуазия была уже менее революционна, а пролетариат был недостаточно сознателен и совершенно неорганизован.

Наконец, во время Парижской коммуны 1871 г. пролетариат пытался выступить как самостоятельная революционная сила, но он потерпел поражение: тогда буржуазия была уже реакционна, но буржуазная реакция была лучше организована, чем социалистическая революция.

С тех пор классовое сознание рабочих выросло не в одних только старых промышленных странах. Опыт пролетарской

освободительной борьбы не прошел бесследно и для русского рабочего класса.

В настоящей революции он не становится послушным орудием буржуазии, но в то же время не питает и социалистических иллюзий.

Но чем сознательнее и решительнее выступает рабочий класс, тем неподвижнее и боязливее становится буржуазия. Порабощенная политически, она мечется между революцией и реакцией. И в борьбе за свои классовые интересы рабочий класс, больше чем когда-либо, берет на свои плечи дело политической свободы, дело буржуазной революции.

Еще в недрах самодержавной России рабочий класс выступил самой крупной политической силой. Молодая российская рабочая партия — самая старая из современных партий России.

Еще задолго до революционных дней и до образования буржуазных партий сознательный пролетариат громко требовал Учредительного собрания. Опираясь на успехи своей борьбы, он вынудил принять это «неумеренное» требование даже более умеренные слои буржуазии.

Самое средство политической борьбы — всеобщая стачка была в руках только рабочего класса; она доставила победу революции в октябре и вызвала сочувствие и подражание.

Но уже требование 8-часового рабочего дня и революционное проведение его в жизнь оказалось достаточно «неумеренным» для того, чтобы отпугнуть «красным призраком» даже самых крикливых друзей свободы.

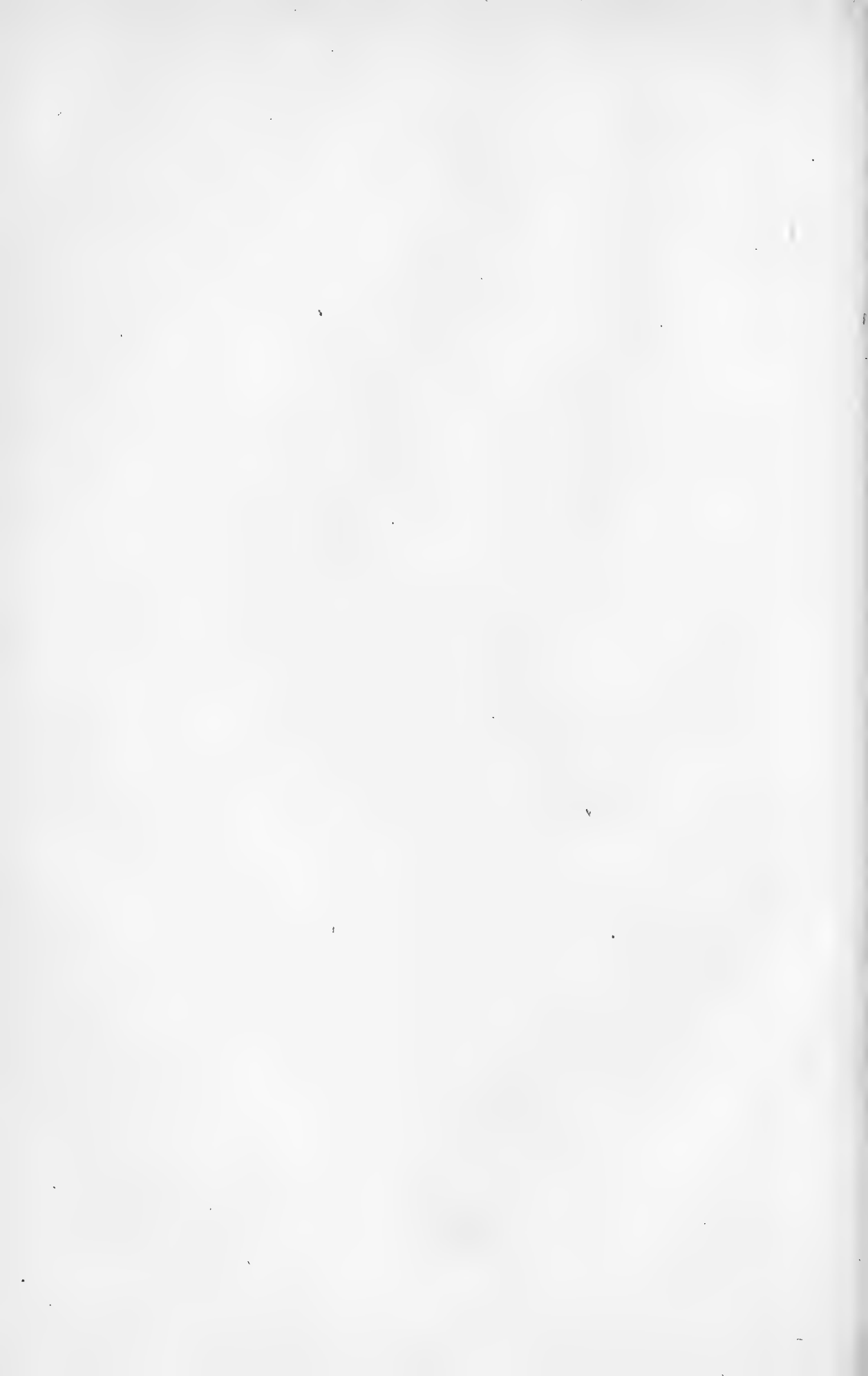
Это мощное и сознательное участие в революции пролетария, который видит в политической свободе не «увенчание здания», а лишь средство к дальнейшей борьбе, и потому предъявляет к ней «свои неумеренные» требования — так сильно отличает нашу революцию, придает ей такой упорный, затяжной характер.

Такова роль рабочего класса в русской революции. В росте его классового сознания, в успехах его борьбы сказались результаты многолетней работы российской социал-демократии.

С началом революции и массовых выступлений рабочего класса на путь открытой политической борьбы оканчивается первый, «заговорщицкий», период ее истории.

Идеи современного научного социализма, насаждавшиеся из подполья, еще задолго до революции распространились далеко за пределы подпольной организации. В течение же

революционного года они сделали больший успех, чем за все предыдущие годы, стали достоянием широких рабочих масс, которые проводили их в жизнь и, таким образом, взяли дело своего освобождения в свои собственные руки. И сама российская социал-демократия из «заговорщицкой» и по преимуществу «интеллигентской» организации превращается в действительную рабочую партию, которая не только по своей программе, но и по своему составу и характеру своей организации является современной социал-демократией, т. е. соединением рабочего движения с социализмом.

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ 70-Х И 80-Х ГОДОВ

ПЕРВАЯ СТАЧКА¹

В конце мая 1870 г. все газеты облетела весть о необыкновенном происшествии: в С.-Петербурге забастовали 800 рабочих на Невской бумагопрядильне.² Что, собственно, случилось на этой фабрике — об этом еще толком не знали, но все говорили: стачка. Слово это было еще малоупотребительно, а в применении к рабочим и совсем не употреблялось, так как о рабочих стачках никогда не было слышно. И когда распространилось известие о петербургской стачке, газеты в длинных передовицах объяснили публике, из-за чего и каким образом происходят за границей рабочие стачки, а некоторые газеты (ради большей популярности) заменяли даже это малоупотребительное слово иностранным: грэв. Но ведь то за границей, а какие же грэвы возможны у нас, когда всем известно, что русский рабочий — тот же крестьянин, человек смиренный и ни на какие грэвы не пойдет.

На Невской бумагопрядильне работали 15 часов в сутки. На обед полагался 1 час; по 2 раза в неделю нужно было чистить машины во время обеденного перерыва. Плата у прядильщиков была задельная. За черную работу, которую они должны были исполнять в рабочее время, не платили ничего. А такой работы было много: таскали железо на фабрику, мыли полы, вставляли и выставляли рамы и проч. Расчет производился один раз в месяц, причем платили только за предыдущий месяц, не раньше 15 числа текущего месяца. Задерживая плату, фабрика всегда держала рабочего в страхе быть выгнанным без расчета. Такие порядки не были исключением и существовали на фабриках повсюду. Никакого рабочего

¹ Статья эта была впервые напечатана в «Календаре для всех на 1908 г.» под заглавием: «Стачка на Невской Бумагопрядильне в С.-Петербурге в 1870 г.». *Ред.*

² Ныне прядильно-ниточная фабрика имени Степана Халтурина. *Ред.*

законодательства тогда еще не было.¹ Законом для рабочих служили обыкновенно «правила», составленные фабричной администрацией. Для некоторых больших фабрик такие правила утверждались обер-полицмейстером. Правила состояли, главным образом, из расценки штрафов за всевозможные провинности. Вот, например, один из параграфов таких правил на чугуно-литейном заводе с.-петербургского купца П. К. Е — ва:² «За грубости, дерзости, ослушание против хозяина, конторы, мастеров, приказчиков или же сторожей виновный подвергается штрафу, по усмотрению конторы, в размере 1 — 10 руб. За более же важные беспорядки и проступки виновные исключаются из завода без всякого расчета или же, по усмотрению конторы, передаются в руки полиции». «Оскорбления» и «дерзости» переводились, таким образом, на рубли и составляли статью дохода. Существовали «правила» и на Невской бумагопрядильне. Они были изданы еще в 1835 г. и после того только один раз, в 1860 г., были незначительно изменены и утверждены обер-полицмейстером. Прядильщики должны были нанимать на свой счет мальчиков и подручных, и, согласно правилам, фабрика не должна была вмешиваться в их расчеты. Несмотря на это, администрация бумагопрядильни требовала, чтобы прядильщики, получавшие задельную плату, сами платили подручным и мальчикам ежемесячно. Это было очень выгодно для фабрики.

Но положение прядильщиков могло иногда оказаться хуже положения подручных. Так именно и случилось в апреле 1870 г., когда было много нерабочих дней. При расчете за этот месяц, 16 мая, прядильщики, за вычетом месячного жалованья мальчикам и подручным, получили так мало, что не хватило на харчи. Некоторым пришлось получить даже меньше своих мальчиков, которым платили по 5-6 р. в месяц. Хотели было прядильщики рассчитаться со своими подручными и мальчиками по числу рабочих дней, но этого им не разрешили и даже пригрозили выгнать всякого, кто не расплатится ежемесячно.

Целую неделю после расчета среди прядильщиков шло

¹ Единственное, кажется, обязательство для хозяев по закону (66 г.) предупреждать рабочего за 2 недели о расчете — при полном отсутствии контроля никогда не соблюдалось. Примеч. Н. Батурина к статье, напечатанной в «Календаре на 1908 г.». Ред.

² Чугуно-литейный завод наследников Павла Ершова. Находился на Выборгской стороне. Ныне не существует. Ред.

брожение. Полученные деньги были на исходе, до следующей получки не дотянуть — это было всем ясно. Что было делать? Все знали хорошо, что ожидало всякого, кто ходил заявить жалобу или просить прибавки: того немедленно выгоняли без расчета, удерживая все оставшиеся за фабрикой деньги. Действовать всем заодно приучила сама фабрика. И вот сговорились итти просить прибавки всем вместе, и если откажут — на работу не итти. Так и сделали. 22 мая все 62 прядильщика одного отделения вышли из мастерской в коридор и обратились к главному мастеру англичанину Бэку с просьбой о прибавке. Мастер с ними объясняться не стал. Он только спросил через сторожа, чего им нужно. Когда ему доложили, что рабочие просят прибавки, он велел отворить двери и выгнать их вон. Они ушли. А на другой день вместе с ними не явились все 240 прядильщиков, и вся фабрика, на которой работало 800 человек, стала.

Это была стачка. Но по своему характеру, по всей обстановке она была мало похожа и на заграничные «грэвы» и на русские стачки последнего времени.

Прекратив работы, прядильщики выбрали трех человек и отправили их в участок заявить жалобу на притеснения фабрики. Стаечники хотели этим показать, что «бунтовать они не хотят», и в то же время надеялись, что начальство поддержит их справедливые требования. В участке депутатам сказали, что разбирать такие дела полиция не обязана, и что они могут подавать об этом прошение мировому. Но судиться у мирового рабочие не пожелали. Решено было дожидаться ответа от самого директора фабрики, и если в прибавке платы откажут — обратиться с жалобой к высшему начальству, которое стоит и над ними и над фабрикой. Уже выделившиеся из рабочей массы агитаторы и вожаки стачки собрались в трактире, где по их просьбе хозяин заведения переписал составленный ими проект нового расценки и прошение на имя с.-петербургского обер-полицмейстера. 25 мая на фабрику прибыл директор; рабочие подали ему новый расценки через уполномоченных, и когда тот ответил, что никакой прибавки платы не будет, в тот же вечер заготовленное прошение от имени 700 рабочих на имя обер-полицмейстера было отнесено и опущено в почтовый ящик около его дома.

Ходатайство по начальству при столкновении с фабрикой еще долго после этой стачки было обычным явлением в рабочей жизни. Этот обычай, несомненно, укоренился еще с давних

времен, когда не было не только фабричной инспекции, но и мирового суда, и полицейская власть ведала «рабочим вопросом» не только в технической области (например, утверждение «правил»), но и в правовой. И мы знаем примеры такого полицейского суда. Так, еще в 1861 г. на той же Невской бумагопрядильне были остановлены работы по случаю ремонта. Рабочим обещали уплатить за время остановки, и когда возобновились работы, им надлежало получить по 45 руб. Но фабрика не заплатила ничего. Рабочие подали жалобу генерал-губернатору Суворову, который расследовал дело и присудил заплатить рабочим, правда, не всю сумму, которая следовала, а только по 15 руб. Чинившая суд полицейская власть могла, конечно, делать это только по-своему, по-полицейски, и даже такие случаи, как приговор генерал-губернатора Суворова, были редким подарком для рабочих. Но важно было то, что эта самая власть, при всяком крупном столкновении, должна была не только усмирять, но и вникать в суть дела. А так как такие столкновения вообще были редки, то естественно, что не только высшее начальство, но даже участок представлялся рабочему, по крайней мере в возможности, его защитником и покровителем. Короче, отношения были далеко не те, что теперь: рабочий народ и полицейская власть не только не стояли еще лицом к лицу в непрерывной обостренной борьбе, но даже могли иногда поддерживать мирные деловые отношения.

28 мая, вследствие поданной жалобы, на Невскую бумагопрядильню явился, по поручению обер-полицмейстера, полковник Козлов. Во дворе фабрики собрались рабочие. Полковник начал с того, что предложил выбрать депутатов для переговоров. Рабочие выбрали 5 человек, конечно, из числа тех, которые более смело ратовали за общее дело и пользовались общим доверием. Это были: С. Владимиров, Ф. Петров, Б. Потапов, В. Иванов и В. Акулов. Выборным предложили подписать проект расценки в знак того, что он действительно составлен рабочими, и один из них (С. Владимиров) подписался. Оказалось, что это была провокация. Нужны были «зачинщики» и вещественные доказательства для суда над ними. Полковник Козлов вместе с директором долго убеждал депутатов в конторе прекратить стачку и не подвергать себя ответственности по закону (1866 года). От имени рабочих депутаты приступить к работам отказались. Тогда Козлов вышел во двор и обратился к собравшейся толпе рабочих, помимо

депутатов. Он прочитал закон о стачках и уговаривал их приступить к работе. Но рабочие стояли на своем: пока не получат прибавки, на работы не станут. Кроме того, рабочие в ответ на все доводы полковника ссылались на своих выборных и говорили, что будут делать то, что они. Выбор депутатов с разрешения начальства послужил, таким образом, на пользу организованности забастовки. Вся масса стачечников дружно держалась за требования, предъявленные их вожаками, авторитет которых еще более усилился выбором их.

Итак, запугать рабочих законом не удалось. Оставалось применить к ним закон. В конце мая в «Ведомостях с.-петербургского градоначальства» появилось краткое извещение о стачке и сообщалось о том, что по распоряжению судебной власти о ней начато уже предварительное следствие. Благодаря широкой огласке, которую получило это дело в печати, невские стачечники выступили перед судом русского «общества». Первые, смутные еще вести о большой рабочей забастовке не на шутку встревожили не только реакционную, но и либеральную печать. И любопытно было и боязно. Вот что писала, например, под свежим впечатлением первого известия о стачке, одна из самых либеральных газет того времени — «Русские Ведомости»: «Прямое призвание власти — ограждать личность, семью и достояние насилуемой партии рабочих,¹ а также иметь вдвойне бдительный надзор за сохранением общественного порядка в том пункте, где произошла стачка, так как этому порядку в период забастовки грозит более нарушений от праздной толпы людей, нежели в обычное время. Местных полицейских средств в подобных случаях бывает недостаточно, а потому в те пункты, где произошла забастовка, в помощь полиции посылаются войска. Такова, нам кажется, роль, подobaющая власти при стачках».²

Таков был привет от русских либералов пробуждающемуся к борьбе рабочему классу. Еще на заре рабочего движения они имели случай засвидетельствовать ему свои волчьи зубы.

Но когда выяснились все обстоятельства стачки, интерес к ней и вообще к «рабочему вопросу» значительно ослабел. Наиболее ученые и передовые современники заявили даже, что и «рабочего вопроса-то» у нас никакого нет и быть

¹ «Р. В.» представляли себе стачку не иначе, как в виде насилий одной части рабочих над другой.

² «Русские Ведомости», 1870 г., № 115 (передовица).

не может, так как русская общественная жизнь стоит выше западно-европейского капитализма с его классовой борьбой. На страницах «Отечественных Записок» — самого радикального народнического органа — мы находим следующее рассуждение по поводу Невской стачки:

«Отчет процесса (т. е. судебного процесса по делу стачки — Н. Б.) раскрыл кое-что, и мы полагаем, что с устранением некоторых причин неудовлетворительного состояния рабочих, последние, всего вероятнее, не обратились бы к стачке с требованием противоусловленного повышения задельной платы, и Александровская (Невская) мануфактура, всего вероятнее, также была бы избавлена от потерь и неприятного положения подарить историю развития нашей промышленности, если не ошибаемся, первым гласным процессом о стачке, — что с большим для себя успехом мы могли бы и не заимствовать от Западной Европы, создавшейся на деспотической почве капитализма, перерядившегося в новейшей истории во фрачный буржуазный деспотизм капитала, несвойственный основным началам общественного быта России, минуя крепостное право, занесенное, как эпидемия, из той же рабской истории Европы».¹

Так судила о «рабочем вопросе» передовая народническая «интеллигенция». Вооруженная (вернее, обезоруженная) своей теорией, она не могла понять смысла явлений нарождающейся общественной жизни, в которой быстро растущий «деспотизм капитала» должен был играть решающую роль. Один писатель из тех же «Отечественных Записок», по поводу незначительной стачки в Кронштадте в том же году, прямо заявил, что «настоящее значение стачки у нас неизвестно и неподходяще к характеру русских рабочих».² Но люди, которые так смело судили о характере русских рабочих, не хотели понять, что стачка неизбежно вытекала из положения рабочих и в ходе экономической борьбы должна была все больше определять их характер. Стачка на Невской мануфактуре не была новостью в рабочей жизни. Один старый рабочий, Цыганов, работавший на этой фабрике 14 лет и потом уволенный, рассказал на суде, что за время своей работы он помнит 5 — 6 стачек, совершенно подобных настоящей. Когда собирались

¹ «Отечественные Записки», 1871 г., март. Ст. Троцкого: «Договоры личного найма».

² «Отечественные Записки», 1870 г., № 250.

просить прибавки, то всегда шли всей толпой, так как одиночек выгоняли.¹ Оказывается, что как ни смирен был русский рабочий, но к тому времени, о котором идет речь, он давно уже привык действовать солидарно. И когда приходилось «просить» предпринимателя, то он действовал «всей толпой», причем не останавливался ни перед стачкой «с противоусловными требованиями заработной платы», ни перед «потерями», которые происходили от такого способа «просить».

Невская стачка была первым случаем, когда «по рабочему вопросу» должна была высказаться не только наша печать, но и новый реформированный суд. Этот суд, который, кстати сказать, целиком был позаимствован «из той же рабской истории Европы», нельзя было, конечно, сравнить с судом полицейским, который знали до сих пор рабочие. Судили не всех стачечников — это было невозможно — а только 62 прядильщиков, которые начали стачку прежде других. Рабочие держались перед судом так же дружно, как и перед хозяевами. Показывали, что все действовали с обоюдного согласия, никто главным не был. На суде обнаружилось, что администрация фабрики сама не исполняла правил, за нарушение которых судили прядильщиков. Как свободно чувствовала себя администрация, можно судить по тому, что главный управляющий бумагопрядильней Ландезен признался, что он даже не знал о существовании закона, по которому фабрика при расчете рабочего должна была предупреждать его за две недели. Защитники (Турчанинов, Герке, Герард) пытались доказать, что и стачки-то никакой не было, так как разрешение уйти было дано администрацией (мастером Бэком). Это было, конечно, неверно, так как, если даже стачка и началась по принуждению мастера, то продолжалась она по доброй воле рабочих. Суд прежде всего установил, что «правила» Невской бумагопрядильни являются частным договором, а не законом, а потому нарушение их не может преследоваться в уголовном порядке. Все-таки прядильщики были признаны виновными по 1358 ст. (зак. 66 г.), воспрещавшей стачки, и приговорены к аресту от 3 до 7 дней. Что же касается попытки обвинить депутатов, выбранных по настоянию полиции, и вообще поделившихся чем-либо рабочих, как «зачинщиков» стачки, то

¹ Здесь под словом «стачка» свидетель, очевидно, понимал только действие скопом. До прекращения работ, т. е. до стачки в позднейшем смысле, как видно из слов самого свидетеля, дело не доходило.

суд это обвинение отверг и признал, что стачка была делом всех. Они были, однако, присуждены к высшей мере наказания, т. е. к семидневному аресту, как более деятельные участники стачки.

Такой милостивый приговор стачечников, а главное, широкая гласность суда, которая должна была будить сочувствие к рабочему движению, вовсе не входила в расчеты правительства, и милость суда снова была заменена ежовыми рукавицами администрации; 6 июня, т. е. еще до окончания процесса, был издан циркуляр министра внутренних дел: «Государь император повелеть соизволил предоставить губернаторам, при первом известии о стачке рабочих, не доводя дела до судебного разбирательства, немедленно, по обнаружении главных зачинщиков между фабричными, высылать таковых в одну из назначенных для того губерний».

Так Невская стачка послужила поводом к разъяснению одной из «великих реформ». Правительство не смотрело так благодушно на «рабочий вопрос», как народники, и оно имело к тому свои основания.

П. А. АЛЕКСЕЕВ ¹

1849 — 1891

21 февраля 1877 года царские сенаторы надели мундиры для очень важного заседания. Судили «политических преступников», которых было 50 человек. То были больше студенты, курсистки, разночинцы. На теперешних коммунистов они были мало похожи. Это были революционеры-народники, которые стояли за народ, старались поднять всенародное восстание против царя и помещиков. Но что из этого восстания должно выйти — в этом они плохо разбирались. Будущий коммунистический строй они представляли себе, как союз отдельных самостоятельных крестьянских общин.

Суды над революционерами бывали и раньше. И немало было их уже осуждено в тюрьмы, в Сибирь и даже на смерть. Но то были все люди из среднего и высшего класса, и притом больше одиночки.

Суд над 50-ю народниками был первым, небывалым еще в России, судом не только по числу подсудимых, но еще и потому, что царским судьям пришлось в первый раз столкнуться с вполне сознательными, смелыми революционерами из самых низов народа. В числе 50 подсудимых было несколько человек московских фабричных рабочих. Самым выдающимся из них был ткач Петр Алексеевич Алексеев.

Он уже по наружности резко отличался от прочих подсудимых - разночинцев. Вот как описывают его наружность знавшие его люди. Невысокого роста, коренастый, могучего телосложения; крупная голова с крупными чертами смуглого лица, с шапкой густых, черных, волнистых волос и с такими же, несколько курчавыми усами и бородой; ясные пламенные глаза, открытое и добродушное лицо.

По своему происхождению П. А. Алексеев был выходцем из самой темной и обездоленной деревенской бедноты. Он родился в 1849 г. в деревне Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губернии. Земля в той местности очень неплодо-

¹ Очерк напечатан впервые в «Рабоче-крестьянском календаре на 1923 год». Ред.

родная, и бедные родители привезли Петра еще маленьким мальчиком в город и отдали на фабрику. Самым правдивым и самым ярким описанием его собственной горькой фабричной жизни с самого малолетства может служить та знаменитая речь, которую он произнес на этом суде. Вот что рассказывал он жирным царским сенаторам о положении русских рабочих:

«Мы, миллионы рабочего населения, чуть только станем на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. С девяти лет — мальчиками — нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и палками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим где попало, на полу, без всякой постели и подушек в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством всяких паразитов».

Таково было детство П. А. Алексеева. Таково же было положение миллионов рабочего люда, бежавшего из разоренной «реформой» голодной деревни в город. Чем же отличался П. А. Алексеев от миллионов?

«В таком положении, — говорил он, — некоторые навсегда затупляют свои умственные способности». И действительно, трудно было среднему рабочему того времени устоять против одуряющей рабочей кабалы, не погрязнуть на всю жизнь во тьме невежества, нищеты и пьянства.

Но П. А. Алексеев был человек особенный. Сильный телом и душой, этот богатырь сумел не только устоять на ногах, но нашел в себе силы развить свои умственные способности, пробиться к свету политического сознания, какое только было доступно в то время самым передовым людям, стать в ряды самых смелых революционеров.

Из деревни пришел П. А. Алексеев, конечно, неграмотным. В городе, работая с малых лет по 17 часов в сутки, он нашел время научиться грамоте самоучкой. Но одна только грамота в то время еще ничего не давала. «Разве у нас есть свободное время для каких-нибудь занятий? — спрашивает он в своей речи на суде. — Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для

работника?» И он перечисляет тогдашние ходовые книги для народа: «Бова-Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька-Каин», «Жених в чернилах и невеста во щях». «Оттого-то, — говорит он, — в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно забавное, другое божественное. А если и попадалась книжка интересная, в особенности книжка о положении рабочих, то она была малодоступна даже и хорошо грамотному рабочему, да и говорила-то далеко не обо всем, что было интересно, потому что вся печать была под цензурой».

Нелегко было разбираться в книжках П. А. Алексееву. Но судьба столкнула его с революционерами-народниками, которые много помогли ему уяснить и осмыслить те вопросы, на которые в цензурной печати никаких ответов найти было невозможно. Жадно слушал он речи народников, а по ночам, после долгого трудового дня, читал их книжки, отпечатанные на тайном станке. Народническая пропаганда расширила его прежние познания, укрепила в нем ненависть к правительству и ко всем дармоедам и кровососам трудящихся масс.

Живой и деятельный характер Алексеева не мог удовлетвориться одной книжной мудростью. Он спешил немедленно приложить свои знания к собственной революционной работе. Он сам становится пропагандистом и, не переставая работать на фабриках, устраивает кружки среди своих товарищей, распространяет среди них книжки. Оставаться долго на одной фабрике ему было невозможно, так как его легко могли бы выследить и арестовать. Поэтому, наладив кружок в одном месте, он спешил перейти на другое, чтобы там приняться за ту же работу.

Вести революционную работу среди фабричных рабочих П. А. Алексеев мог только при помощи народнической организации и народнических подпольных книжек, так как других революционных организаций тогда не было. Но народники и сами до настоящего коммунизма еще не доросли. Успех их «всенародного восстания» должен был зависеть от крестьянства, как главной массы населения, а основой будущего коммунистического порядка должна была служить крестьянская земельная община. Короче, только крестьянство было у народников настоящим народом, городской же рабочий должен был, так сказать, равняться на мужика.

Понятно, что при такой «программе» широкая пропаганда среди рабочего класса не могла вестись вполне сознательно и

планомерно, не могла освещаться ясной, конечной целью. «И вот П. А. Алексеев (как рассказывает народник Ф. Волховский) порою допытывается у своих учителей-народников: «Скоро ли будет назначено восстание?» И когда получал в ответ или сам убеждался, что народ не был готов к такому шагу, он впадал в уныние, почти в отчаяние.

И действительно, всякого сознательного рабочего народническая программа могла приводить только в отчаяние, так как зарождавшееся в России рабочее движение с этой программой совсем не вязалось. Нужно, однако, думать, что П. А. Алексеев жил больше рабочим движением, чем программой своих учителей, так как, по свидетельству того же Ф. Волховского, его «отчаяние продолжалось, обыкновенно, недолго, и он снова с головой уходил в революционную работу среди рабочей братии».

Это была самая счастливая пора в жизни П. А. Алексеева. Ему было в это время 25 — 26 лет; все свои силы и все знание, которое стоило стольких трудов и лишений, он спешил отдать целиком своему темному, но родному рабочему классу. Едва ли был в то время человек, который принес больше пользы рабочему делу.

Эта кипучая работа московского ткача-революционера, как и всех подпольных работников революции, продолжалась недолго, всего несколько месяцев. 4 апреля 1875 г. он вместе с другими восемью товарищами был арестован в Москве, в доме Корсакова. Целых 2 года просидел он в тюрьме до суда, и за это время много перечитал книг, так как досуга для чтения было в тюрьме больше, чем на воле. Но вернуться к своей прежней работе ему уже было не суждено.

Улик против него у суда было мало, и он мог бы отделаться легким наказанием, если бы старался оправдаться и просто промолчал на суде. Но царский суд он презирал, от защитника отказался, заявив, что этот суд — одна комедия, так как приговор заранее приготовлен. Но и сам защищаться не хотел. Он словно ждал случая, чтобы громко, в упор выложить все накопившееся негодование против правительства и капиталистов, чтобы бросить им в лицо вызов от лица всего рабочего класса, едва только пробуждавшегося.

Отчитывал он царское правительство и всех эксплуататоров так основательно и так смело, что обозленный председатель суда много раз его прерывал и едва дал закончить. По словам свидетелей, впечатление от этой громовой речи

было в суде такое, что если бы П. А. Алексеев тотчас по окончании ее попытался уйти из зала суда, никто бы его не остановил, — так были огорошены все присутствовавшие, не исключая стражи.

За эту смелую речь П. А. Алексеев поплатился 10 годами каторги. По отбытии срока в Карийской каторжной тюрьме в 1884 году, он был сослан на поселение в глухой улус Якутской области, в 200 верстах от Якутска. Здесь прожил он еще семь лет, занимаясь земледелием. Он дожил, таким образом, до начала 90-х годов и мог скоро вернуться на родину в то время, когда уже широко разлилось по России рабочее движение, когда появились уже в рабочих центрах кружки пропагандистов, которые несли рабочим не доморощенные народнические теории, а настоящий научный коммунизм.

Но не суждено было П. А. Алексееву вернуться из гиблой Якутской ссылки. В 1891 г. летом поехал он из своего улуса в город на ярмарку. В пустынной дороге на него напали якуты-разбойники, ограбили его и зверски убили. Только через несколько дней был найден в лесу его полуистлевший труп, брошенный в яму и прикрытый листьями.

Прошло 30 лет со дня смерти знаменитого ткача-революционера, но в памяти трудящихся масс П. А. Алексеев никогда не умрет.

Уже бывшие учителя П. Алексеева, народники, очень гордились своим выученником и последователем из «народа» и добродушно хлопали по плечу мужика «Петруху». Но они никогда не могли понять его роли в истории, как провозвестника могучего рабочего движения, потому что сами этого движения не понимали.

Народники совершенно не понимали классовых различий в народе. Идя в народ, надевая грязные рубахи, они никогда не могли порвать духовного родства с буржуазной средой, из которой сами вышли.

П. А. Алексеев, конечно, не имел еще научного понятия о классах. Но, плоть от плоти рабочего класса, он сумел так близко подойти к живому рабочему движению, так хорошо понять его нужды и его задачи, что, например, в его замечательной речи на суде мы не находим и следов надуманных народнических теорий. Своим пролетарским чутьем он верно угадывал силу своего класса и его будущую великую роль в деле освобождения.

Теперь, когда судьба русской революции указала настоящее

место всем классам и их теориям, интересно сравнить два пророчества, высказанные на суде представителями двух общественных классов столь неравной мощности.

Народница Софья Бардина в конце своей речи предсказывала:

... «Наступит день, когда даже и наше сонное и ленивое общество (то есть буржуазия — Н. Б.) проснется и стыдно ему станет, что оно так долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своих братьев, сестер и дочерей и губить их за одну только свободную исповедь убеждений. И тогда оно отомстит за нашу гибель»...

Петр Алексеев в конце своей речи горячо превознес революционную молодежь, как просветительницу рабочих, и предсказал, что она, эта молодежь, «неразлучно пойдет с нами (т. е. рабочими) до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионного рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

Могучее рабочее движение, выросшее на костях его первых борцов, действительно смело царский трон. Оно отомстило не только за своих погибших, но и за старых революционеров из буржуазной среды. А что же случилось с образованным буржуазным «обществом»? Оно, конечно, проснулось от громов двух революций. Но когда ярмо царского деспотизма разлетелось в прах и затрепало от мускулистой рабочей руки ярмо капиталистической эксплуатации, тогда выявилась истинная, классовая природа образованного, буржуазного общества и вся фальшь мещанского народолюбия. Сонное и ленивое при царизме, это общество яростно и дружно выступило против власти рабочих и крестьян. А самые левые его выходцы, последыши и вырождаки старого народничества, социалисты-революционеры, оказались в рядах врагов рабочей революции. До сих пор не могут они примириться с истинной властью трудящихся масс, до сих пор они мутят и бунтуют против нас тайно и явно. И вот только руки у них не мускулистые...

Н. Н. БАТУРИН

1905 г.

СОЦИАЛИСТЫ НАРОДНИКИ И СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ

Большая стачка на Невской бумагопрядильне в 1870 г., о которой мы рассказали выше, возникла и протекала совершенно самостоятельно, без всяких посторонних внушений. По крайней мере начальник охранного отделения, известный сыщик Путилин, который вел дознание об этой стачке помимо суда, не мог открыть никаких следов крамолы и никакого политического дела не возбудил. Но уже с начала 70-х годов среди петербургских рабочих последовательно ведут пропаганду революционеры-народники: «чайковцы», «лавристы», «землевольцы».

Кружок «чайковцев» успешно ведет пропаганду уже в 1872 — 1873 г.г. в разных частях Петербурга; Кравчинский и Клеманс — в «Клочках»;¹ Синегуб, Стаховский, Рогачев, С. Перовская — за Невской заставой; Н. Чарушин, Л. Шишко, кн. Кропоткин — на Выборгской стороне. Под влиянием этой пропаганды из рабочей среды выделяется ряд сознательных революционеров, из которых некоторые впоследствии становятся организаторами и вожаками рабочего движения. Из рабочих, примыкавших к «чайковцам», выделялись М. Орлов, В. Обнорский, С. Виноградов, Ст. Зарубаев. М. Орлов бросил даже работу на заводе и жил на средства кружка, занимаясь исключительно пропагандой. Некоторые из них (Обнорский и Виноградов) побывали за границей и имели тесные сношения с революционерами-эмигрантами.

В половине 70-х годов движение революционной интеллигенции «в народ» достигло самых широких размеров. Большинство направилось в деревню, к настоящему «народу», т. е. к крестьянину. Но появились также пропагандистские группы в целом ряде промышленных городов: в Москве, Иваново-Вознесенске, Туле, Одессе, Киеве, где пропаганда ведется среди фабрично-заводских рабочих. Из двух народнических фракций того времени — «лавристов» (мирных пропагандистов)

¹ Деревня «Клочки», на правом берегу Невы, недалеко от Шлиссельбурга, Петербургского уезда. Ныне входит в черту Ленинграда. Ред.

и «бакунистов» («бунтарей») — на практике, особенно в городах, преобладали «лавристы». Более энергичная, революционная часть народников шла в деревню, хотя, впрочем, и она ограничилась пока мирной пропагандой. Несмотря на то, что пропагандой среди городских рабочих занялись незначительные и далеко не лучшие силы народников, эта пропаганда повсюду дала очень скоро заметные результаты. Рабочий народ жадно ловил новое слово, которое помогало ему скорее разобраться в причинах своего тяжелого положения и проникаться ненавистью не только к хозяину-капиталисту, но и к стоящему за его спиной начальству.

Широкая волна революционного народнического движения много способствовала пробуждению сознания рабочих масс. Но народники никогда не могли понять особых интересов рабочего класса и самостоятельных задач рабочего движения. Поэтому тот идейный разлад между революционерами-народниками и передовыми рабочими, увлеченными этим движением, разлад, который едва намечался в половине 70-х годов, с ростом рабочего движения скоро должен был обнаружиться гораздо яснее.

При той неопытности, которой отличались первые молодые пропагандисты-народники, полиции удалось довольно скоро поймав их из «народа». Многие из уцелевших, спасаясь от преследований, бегут из деревни в города, где им легче укрыться. Здесь в городах народники невольно стали уделять пропаганде среди городских рабочих больше сил, чем полагалось по их теории. Когда в 1876 г. разрозненные кружки народников-бунтарей тесно сплотились в партию «Земля и Воля», они развили пропаганду среди петербургских рабочих значительно шире, чем это делали прежние кружки «чайковцев» и «лавристов». К этой работе они скоро привлекли такие крупные свои силы, как А. Михайлов и Г. Плеханов. Но что особенно важно, революционная пропаганда народников дала толчок к первой самостоятельной организации рабочих в Петербурге. Передовые рабочие Питера, побывавшие в кружках народников, объединившись между собою, составили центральную рабочую группу. Эта группа, сносясь с организацией «Земля и Воля», организовала местные рабочие кружки в разных частях города. «Интеллигенция» не вмешивалась в дела этих местных кружков, а только обслуживала их, через центральную рабочую группу, пропагандистами, книгами, конспиративными квартирами и пр.

К концу 76 г. революционная пропаганда среди рабочих сильно разрослась. Рабочие кружки существовали в это время в Галерной гавани на Острове, на Петербургской и Выборгской сторонах, за Невской и за Нарвской заставами, а также в Колпине, на Александровской мануфактуре, в Кронштадте и пр. Когда к концу 70-х г.г. в Петербурге возникло широкое стачечное движение, эти рабочие кружки при помощи землевольцев могли развить уже широкую агитацию в рабочих массах. В 78 и 79 г.г. на петербургских фабриках был целый ряд забастовок: на Новой бумагопрядильне (2 000 чел.), на фабрике Беккера, на бумагопрядильне Кенига, на табачных фабриках Мичри и Шапшал. Землевольцы приняли в этих стачках деятельное участие: собирали и распределяли деньги, печатали в своей тайной типографии требования и воззвания стачечников и пр. Агитация, которую они развили в это время, имела большой успех и упрочила авторитет революционеров не только на тех фабриках, где у них были свои кружки, но и там, где у них не было никаких связей. Пущенный в это время лозунг — «все за одного и один за всех» был дружно подхвачен рабочими массами и осуществлялся на деле: во время стачки на одной фабрике распространялись воззвания и делались сборы на других.

Между тем, как раз в это время рабочее движение в Петербурге переживало тот кризис, который ясно обнаружил отчуждение передового рабочего авангарда от народнической интеллигенции. Это было неизбежно. Выросшее классовое сознание передовых рабочих не могло удовлетворяться тем идейным багажом, при котором оставалась революционная интеллигенция. Если народники могли еще будить революционную энергию у темных рабочих масс, то более сознательный пролетарий в программе общества «Земля и Воля» не мог уже найти приложения для этой энергии. «Земля» все больше отходила для него на задний план. Необходимость «воли», т. е. политической свободы, он уже чувствовал не хуже народника. Но этого мало. Здравый смысл и жизненные потребности рабочего движения помогли ему понять значение этой свободы гораздо правильнее, чем понимали его народники. Землевольцы, как и все наши старые социалисты-народники, как и все нынешние анархисты, возмущая народ против властей, призывали его к уничтожению государства, и только таким путем считали возможным освобождение трудящегося народа от социального гнета. «Конституция» же,

по их мнению, могла бы только испортить все дело, так как темный рабочий народ ею воспользоваться не сумел бы; она пошла бы на пользу только богатым классам. Тут, конечно, возникает вопрос: каким образом этот темный народ может осуществить социалистический строй, если он неспособен воспользоваться политической свободой? Но для народников способность русского народа к социализму не подлежала сомнению. Уже готовым зародышем социалистического строя они считали крестьянскую общину, которой только государственная власть мешает развиться до полного социалистического общества. Поэтому-то они и видели главную задачу своей пропаганды в деревне, отводя городскому рабочему лишь второстепенную роль, роль будущего агитатора в той же деревне.

Вот почему сознательные петербургские рабочие, не разделяя этих предрассудков революционной интеллигенции, не могли примириться и с той фальшивой ролью, которую она им навязывала. В задачах и потребностях рабочего движения они видели больше жизненного смысла, больше самостоятельного значения, чем в утопических теориях революционной интеллигенции. И вот среди рабочих кружков, объединенных и организованных революционерами-народниками, начинает падать авторитет их идейного руководства, возникает мысль о создании самостоятельной рабочей организации с своей собственной рабочей программой.

Эта организация стала складываться еще в конце 1877 г.¹ Стачки 78 года подвинули дело вперед. 23 и 30 декабря рабочие кружки устроили два генеральных собрания, на которых были приняты устав и программа новой организации. Она назвала себя «Северным Союзом Русских Рабочих», который возвестил о своем существовании в особом воззвании ко всем русским рабочим.

... «Северный Союз Русских Рабочих, — говорилось в этом воззвании, — тесно примыкая к социал-демократической партии Запада, выставляет следующую программу:

1) Уничтожение существующего политического и экономического строя; 2) основание вольного народного союза (федерации) общин на основании полного равноправия при полном внутреннем самоуправлении;

¹ П. А. Мосеенок, один из участников этого движения, сообщает, что разговоры о самостоятельной рабочей организации начались еще до Казанской демонстрации, т. е. до 1876 года. (См. ниже его автобиографию).

3) отмена частной собственности на землю и замена ее общинным землеванием; 4) организация рабочих ассоциаций; 5) передача всех средств производства и орудий труда в руки производителей.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий, так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраний и сходок; 2) уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям; 3) уничтожение сословных прав и преимуществ; 4) обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях; 5) уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением; 6) право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления; 7) уничтожение паспортной системы и свобода передвижения; 8) отмена косвенных налогов и установление прямого, согласно доходу и наследству; 9) ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда; 10) учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Социалистические требования этой программы находятся в полном согласии с народническим учением, но в постановке ближайших политических задач Северный союз совершенно разошелся с «землевольтцами». Он прямо заявляет, что для успешной борьбы за социализм необходимо сперва добиться политической свободы. Землевольтцы, отпечатавшие программу Союза в своей типографии, тотчас же выступили с ее критикой в № 4 своего органа «Земля и Воля». Они вполне одобряли, конечно, первые, народнические, пункты программы, которые, по их мнению, обнаруживали в членах Союза добрых «социалистов-революционеров». Зато следующие, «политические» пункты встретили решительное осуждение. Эти «последующие» параграфы, говорила «Земля и Воля», прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов. «Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами посвящается слишком много времени и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле».

На эти упреки Союз отвечал письмом в редакцию «Земли и Воли» (№ 5). «Если мы разбираем какое-нибудь суждение, — говорили члены Союза, — то нам нужно обратить внимание только на то, есть ли в нем логика, а не на то, из чьих мыслей и слов это суждение. Между тем многие, как видно, именно и обращали свое внимание только на последнее, и потому в своих замечаниях доходили до того, что требование политической свободы нами, рабочими, считали просто нелепым

и не вяжущимся с вопросом об удовлетворении желудка. Вот здесь-то, признаться, мы и не видим никакой логики, ничего, кроме недоумения. Ведь, высказать подобное соображение, значит, прямо отказывать нам даже в малейшем понимании окружающих явлений, значит, прямо глумиться над нашими мозгами и приписывать разрешение социального вопроса одним только желудкам». То же самое чувство обиды по отношению к суждениям о рабочем классе, как о темной и невежественной массе, выражал еще Петр Алексеев в своей речи, но он не мог еще заметить такого же, в сущности, отношения к рабочему у революционной интеллигенции. Более чуткое классовое сознание членов Союза пошло дальше. Они протестуют против этого обидного отношения к себе народников, которые их политические требования готовы приписать незрелому подражанию чужим программам. В чем же заключалась та «логика», которая заставила рабочих резко разойтись с народниками в вопросе о политической борьбе? «Мы сплываемся, организуемся, — говорил Союз в своем письме, — берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы, но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильное развитие свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды, и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены стеснительных «положений» и «уложений».

Так народническое учение, посеянное в рабочей среде, было переработано в головах передовых петербургских рабочих, основателей Союза. В числе его участников мы находим старых «чайковцев»: В. Обнорского, С. Виноградова, Д. Смирнова, Бачина. Из других участников известны: А. Петерсон, Мясников, Бамбин, И. Гусев, Павлов, Чуркин, Гаврилов, Волков. Самыми деятельными организаторами «Северного Союза» были В. Обнорский и, особенно, С. Халтурин, появившийся в Петербурге с 1875 года.

Характерной особенностью Союза был тот пункт его устава, по которому членами Союза могли быть только рабочие. Здесь оказалось стремление к полной самостоятельности рабочих и недоверие их к народникам, которые не могли понять самостоятельных задач рабочего движения.

Дела Союза пошли очень успешно. Уже в первые недели своего существования он насчитывал больше 200 членов, к которым примыкало еще много сочувствующих. Союз разде-

лялся на местные кружки в разных частях города. Каждый местный кружок выбирал свой местный комитет, имел свою кассу, библиотеку и конспиративную квартиру. Члены местного комитета входили в то же время в центральный рабочий кружок, который собирался раза два в неделю и управлял всеми общими делами Союза. В распоряжении центрального кружка находилась общая касса Союза и довольно богатая союзная библиотека. Центральная и местная кассы составлялись из членских взносов. Когда в январе 1879 года возникла вторая стачка на Новой бумагопрядильне, Союз успешно ею руководил. К этому времени в его кассе было 150 — 200 руб., которые и ушли на поддержку стачки.

Однако «Северный Союз» просуществовал недолго. Не успев еще окрепнуть, он скоро должен был лишиться всякой поддержки революционной интеллигенции, которая сосредоточивала все свои силы на терроре. Осенью 79 года Халтурин жалуется Плеханову, что у Союза почти совершенно прерваны связи с революционной интеллигенцией, и он не может достать шрифта для подготовленной уже тайной типографии Союза, в которой предполагалось издавать рабочую газету. Усилившиеся, благодаря частым покушениям, репрессии наносили рабочей организации еще больший ущерб, чем террористам. В этой напряженной политической атмосфере террор увлекает некоторых передовых рабочих и прежде всего Степана Халтурина, который скоро отдает ему все свои силы и невольно отходит от рабочего движения. Примкнув к народо-вольцам, Степан Халтурин принял участие в двух громких террористических выступлениях: взрыв Зимнего дворца (5 февраля 1880 г.) и убийство одесского прокурора Стрельникова. Схваченный при этом последнем покушении, он был через несколько дней казнен в Одессе 22 марта 1882 г.

Еще раньше Северный Союз лишился другого своего деятеля — В. Обнорского. Проживавший уже около двух лет «нелегально», Обнорский был арестован еще в 1879 году, и в следующем году осужден на каторгу.

При постоянных арестах, при отсутствии всякой поддержки со стороны революционной интеллигенции, дела Союза скоро пришли в упадок. Отпечатанный с величайшими усилиями в собственной типографии Союза № 1 рабочей газеты «Рабочая Заря» был целиком арестован вместе с типографией в феврале 1880 г., и после этого издание возобновить уже не удалось. Союз скоро распался. При тогдашних неблагоприятных усло-

виях это было неизбежно. Обширная по тому времени рабочая организация не могла долго устоять против тех отчаянных полицейских преследований, при которых едва выжили тесные и замкнутые террористические организации революционеров.

Так была разрушена эта первая большая классовая организация русских рабочих. Но пережитый опыт и славные традиции «Северного Союза» не пропали даром не только для петербургского, но и для русского пролетариата. Правда, еще долго русским рабочим не удавалось создать такой большой и сильной организации, какой был «Северный Союз». Но уцелевшие участники его внесли свой опыт в рабочее движение, и этот опыт был тем дороже, чем яростнее преследовало правительство всякую рабочую организацию.

С. Н. ХАЛТУРИН¹

1857 — 1882

Не успело еще правительство царя законопатить в Сибирь ткача Петра Алексеева, как из народной массы выступил другой, еще более видный революционер — столяр Халтурин.

Степан Николаевич Халтурин родился в 1857 году в деревне Большие Журавли, Орловского уезда, Вятской губ. Его родители были зажиточные государственные крестьяне. Будущему вождю рабочих посчастливилось получить довольно хорошее образование, какое не выпадало на долю среднего рабочего или крестьянина в то время. Отец Степана Николаевича сам был хорошо грамотный и любознательный человек и не пожалел денег на учение детей. Он отдал Степана для обучения местному дьячку, потом в уездное училище, затем отправил его для учения в губернский город — Вятку. Здесь была как раз в то время очень хорошая земская школа для подготовки техников, агрономов и учителей. Помещиков в Вятской губернии было мало, и в земстве хозяйничали сами крестьяне. Они-то и устроили для своих детей эту школу, которая по постановке дела была даже лучше гимназий. Особенное внимание было обращено в вятской школе на естественные науки (физика, химия и пр.). Изучались также сельское хозяйство и ремесла. Весь курс продолжался четыре года, но Степан вышел из школы на третьем году. Он успел, однако, получить основательные познания и хорошо изучил столярное ремесло.

В Вятке жило тогда несколько политических ссыльных. Ссыльные устраивали кружки из учеников школы, которые и распространяли среди своих товарищей подпольные книжки. В один из таких кружков попал Степан, когда ему было 15—16 лет. Революционная молодежь в то время очень увлекалась мыслью об организации коммун, т. е. небольших трудовых общин на началах полного равенства и братства. Были попытки основать такие коммуны и в России, например, в Уфимской губернии, на Кавказе и пр.

¹ Очерк этот впервые был напечатан в «Рабоче-крестьянском календаре на 1923 год». *Ред.*

Но в царской России такие коммуны были, конечно, совсем не ко двору, и основатели коммун стремились в далекую свободную Америку. Это юношеское увлечение захватило и Степана.

И вот, в 1874 году, 17-летний Степан Халтурин, оставив школу, вместе с небольшой юной компанией отправляется в путь-дорогу. До Америки доехать ему не пришлось. В Москве он отбился от товарищей, которые послали его в Рязанскую губернию, чтобы достать денег и паспорт для одного из них, а сами, не дождавшись Степана, уехали.

Вернувшись в Москву и оказавшись почти без денег, Степан поспешил в Петербург, рассчитывая там еще догнать путешественников. Но это ему не удалось. Земляки успели уехать, и Степан оказался в огромном городе без денег, без родных и знакомых, без приюта.

Так жестоко были разбиты незрелые коммунистические затеи молодого Халтурина. Приходилось думать о куске хлеба. А для этого был один путь: замешаться в толпу питерских пролетариев и пустить в оборот единственное богатство — рабочие руки. Некоторое время Халтурин перебивался случайной работой, перевозкой через Неву и т. п. Изученное в вятской школе ремесло пригодилось теперь как нельзя лучше (Халтурин уже тогда был искусным столяром-полировщиком). Скоро отыскиались в Питере вятские знакомые из бывших его учителей, которые помогли ему поступить столяром на железную дорогу. Через этих же знакомых Халтурин заводит знакомство с питерской революционной интеллигенцией (Чарушиным, Морозовым, Нагорским, Блиновым и др.). Народники много содействовали развитию Халтурина, так же как П. А. Алексеева. А мы уже видели на примере П. А. Алексеева, как зарождавшееся рабочее движение обособлялось от народничества, пробивалось на самостоятельную дорогу. В Питере, где издавна скопились громадные заводы, рабочее движение было уже более зрелым и сильным. Да и сам Халтурин приехал в Питер далеко не таким темным мужичком, как П. А. Алексеев и огромное большинство московских рабочих. Знания, полученные в вятской земской школе, приближали его по развитию скорее к интеллигенции, чем к серой рабочей массе.

Вот почему Степан Халтурин, так же как и ткач П. А. Алексеев, отдавший все свои силы рабочему движению, так же как московский ткач, бывший выученником народников, мог

гораздо более самостоятельно разбираться в учении тогдашних пропагандистов.

В 1874 — 1875 г.г. Халтурин, которому было в то время 18 — 19 лет, оказывается уже деятельным пропагандистом и организатором рабочих кружков. В 1876 г. окончательно сложилась народническая партия «Земля и Воля». С этого времени питерские землевольцы стали вести довольно широкую пропаганду среди рабочих. К концу 70-х годов, когда в Питере поднялось стачечное движение, эта работа народников в рабочей среде еще более усилилась, а рабочие кружки, в которых вели пропаганду народники, стали обособляться в самостоятельную тесную организацию. В это именно время Степан Николаевич Халтурин, сам побывавший в лучших народнических кружках, выступил одним из главных организаторов рабочего движения.

Георгий Валентинович Плеханов, который в то время был землевольцем и вел пропаганду среди питерских рабочих, хорошо знал Степана Халтурина. В своих воспоминаниях он оставил нам подробную характеристику тогдашних передовых рабочих и в особенности Степана Николаевича, хотя и перепутал некоторые сведения о его происхождении и молодых годах. По словам Плеханова, это был высокий, стройный парень с хорошим цветом лица и выразительными глазами. В своих сношениях с людьми он казался очень мягким, скромным и даже застенчивым человеком, что мало подходило к рабочему. Но близко сойтись с ним было нелегко. Душевных излияний с знакомыми он не любил, и близко узнать его можно было только на деле. Тогда оказывалось, что под скромной внешностью этого молодого рабочего скрывалась очень сильная воля, беззаветная преданность рабочему делу и несокрушимое упорство. Он отличался большой начитанностью и не упускал случая заводить знакомства среди студентов, чтобы пополнить свои знания и раздобыть книжек. Но у Халтурина мы уже не замечаем того безграничного доверия и восхищения перед революционной молодежью, какое обнаруживал П. А. Алексеев. Заимствуя при всяком случае свои сведения у интеллигенции, он, однако, понимал неустойчивость и непрочность этого слоя, как революционной силы.

Халтурин отлично умел разглядеть разницу в классовом положении интеллигенции и рабочих: ведь студент из буржуазной среды охотно приставал к революционному движению, пока находился в учебном заведении. Окончив курс, получив диплом

и хорошее место, обзаведясь семьей, он все больше втягивался в мирную обывательскую обстановку и скоро начинал смотреть на свои студенческие революционные похождения, как на грехи молодости. Другое дело — рабочий. С малолетства и до смерти он остается в кабале у капитала и не может изменить свое положение иначе, как путем революции.

Поэтому-то Халтурин нередко подшучивал над своими просветителями из интеллигенции, а к достоинству своего брата-рабочего относился очень ревниво, несмотря на его темноту.

Благодаря своему высокому уровню сознания и своей преданности рабочему делу, Халтурин пользовался в рабочей среде таким уважением и доверием, какого не мог бы получить тогда ни один интеллигент. Деловой и практический склад ума, как у всякого рабочего, превосходное знание своей родной рабочей среды и, главное, несокрушимая вера в силу рабочего движения — все это давало Халтурину возможность гораздо успешнее вести работу по организации рабочих, чем то делали до сих пор народники, и выступить главным организатором «Северного Союза Русских Рабочих».

Увлечение террором и поставленная на очередь террористами задача цареубийства не прошли мимо Халтурина, и организатор рабочего движения оказался в первых рядах террористов.

Скоро ему представился случай поступить столяром в Зимний дворец. Такая возможность была очень соблазнительна. Революционер мог проникнуть в самую берлогу лютого зверя в то самое время, как шпионы и жандармы, не смыкая глаз, шныряли далеко вокруг берлоги, хватая всех «подозрительных». Халтурин не долго раздумывал и поступил во дворец. С твердым намерением добиться той цели, какую поставили себе террористы, — покончить с царем, — он вошел с сношения с руководителями народовольцев, которые хорошо его знали и охотно приняли его предложение. Было решено взорвать дворец из подвального помещения, где жил Халтурин. Задача была нелегкая и чрезвычайно опасная. Рабочий-революционер и здесь обнаружил столько отваги, хладнокровия, настойчивости и смекалки, сколько было далеко не у каждого террориста из интеллигенции. Каждую минуту он мог провалить все дело и поплатиться головой. Народоволец Квятковский доставлял Халтурину динамит, который он постепенно скоплял в своей подвальной комнате. Но скоро Квятковский был арестован, и у него нашли план Зимнего дворца, на котором царская столовая, которую собирались

взорвать, была отмечена крестом. Царские охранники переполошились и поставили дворец вверх дном. Только по счастливой случайности Халтурин не был арестован, но принести динамит во дворец стало еще труднее. Приходилось брать его самыми маленькими порциями, засовывая в уши, в волосы и т. п. Все препятствия и опасности обошел Халтурин и 5 февраля 1880 г. подвал был взорван. Весть об этом новом покушении разнеслась по всей России, но царь и на этот раз уцелел. Затравленный террористами и окруженный своими телохранителями, он, приговоренный к смерти «Народной Волей», прожил еще около года, когда, наконец, этот приговор был исполнен (1 марта 1881 года).

Халтурин окончательно примкнул к народолюбцам и скоро вошел в их центральную организацию «Исполнительный Комитет Народной Воли». По поручению Исполнительного Комитета он работал сперва в Москве, среди фабричных рабочих, но скоро ему вместе с другим народолюбцем, Желваковым, было поручено убить одесского прокурора Стрельникова. Этот прокурор, по поручению царя Александра III, занимался в Одессе охотой на революционеров. Охраняя шкуру царя, этот негодяй не знал никакого удержа. Он хватал направо и налево всех «подозрительных», а при ведении следствий не стеснялся самым подлым вымогательством, чтобы выслужиться: запугивал, особенно молодежь, читал подложные показания, подсылал провокаторов.

18 марта 1882 года Халтурин и Желваков убили Стрельникова в Одессе на городском бульваре среди белого дня, но за это смелое покушение они оба должны были поплатиться жизнью. Собравшейся толпой они были окружены и связаны. В переполохе никто из сбежавшихся не знал, кто именно был убит, а когда стало известно, что убийство было политическое и что убили негодяя Стрельникова, некоторые из принимавших участие в задержании террористов раскаивались.

Из Питера пришел приказ судить арестованных военным судом и повесить в 24 часа. Разумеется, что суд был только пустой комедией. Одесские власти торопились исполнить приказ и не успели установить личности Халтурина, так как проживал он по подложному паспорту. С большим трудом удалось отыскать среди уголовных арестантов в тюрьме одного пьяницу, взявшегося исполнить приговор суда.

22 марта 1882 года Степан Николаевич Халтурин, всего 25 лет от роду, но уже чахоточный, погиб на царской виселице.

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА

80-е годы прошлого столетия оставили по себе память, как о самой черной полосе царского самодержавия. Никогда царское правительство не издевалось так грубо и так безнаказанно над всем, что напоминало свободу личности, слова, печати.

Подпольные революционные организации были разгромлены, а в легальной общественной жизни могло подавать голос только махровое черносотенство и холопство.

Именно про эти времена писал поэт Некрасов:

Вихри злобы и бешенства носятся
Над тобою, страна безответная.

Но не в одном только полицейском разгроме организаций революционной интеллигенции коренились причины упадка революционного движения. Сама эта интеллигенция, после неудач «хождения в народ» (т. е. мирной социалистической пропаганды в деревне) и после тяжелых уроков геройского, но безуспешного заговорщицкого террора, переживала величайший кризис. Рушились старые революционные теории и на смену погибшим борцам «Народной Воли» новые силы не появлялись, а многие из старых участников этой партии, потеряв веру в успех, уходили из рядов революции в мирную обывательскую среду. Правда, из рядов тех же народников (партия «Черный Передел») уже в 1883 г. образовалась первая социал-демократическая организация, группа «Освобождение Труда», решительно отбросившая народнические предубеждения и примкнувшая к международному рабочему движению. В конце того же 1883 года появилась первая социал-демократическая организация и в самой России, в Петербурге (группа Благоева). Но эти первые революционные организации, понявшие роль и значение рабочего класса в России, были еще очень малочисленны и делали только первые, подготовительные шаги. А начинать им приходилось при самых тяжелых политических условиях, при том разгуле реакции и политического гнета, какого не знали ни предыдущие, ни последующие поколения революционеров.

Политическое лихолетье 80-х годов отразилось и на рабочем движении. Первые зачатки рабочих организаций —

«Северный Союз Русских Рабочих», как и его предшественник, «Южно-Российский Союз Рабочих» (1875 г.), были скоро сметены. Передовые рабочие, не получая поддержки ни старых, разгромленных организаций, ни новых, едва зарождавшихся, были предоставлены самим себе. Наконец, вся рабочая масса, под гнетом промышленного застоя и политического бесправия, была отдана на полный произвол эксплуататоров.

Но «чем ночь черней, тем ярче звезды», — говорит пословица. Такой яркой звездой в беспросветной ночи 80-х годов была знаменитая Морозовская стачка 1885 г.

Долгое время эта стачка казалась нам стоящей особняком, без всякой связи с революционной пропагандой среди рабочих, со всем предыдущим и последующим рабочим движением. Только недавно мы узнали, что главный организатор и руководитель Морозовской стачки П. А. Мосеенок прошел революционную выучку «Северного Союза», побывал в революционных кружках Петербурга, был учеником землевольца Плеханова и Степана Халтурина. Об этих двух своих учителях, виднейших русских революционерах, он выражается в своих воспоминаниях так: один научил его понимать, другой — действовать. Таким образом, оказалось, что революционная пропаганда среди питерских рабочих в 70-е годы и кратковременная деятельность «Северного Союза» успели посеять семена, которые дали богатые всходы далеко от столицы, в подмосковном текстильном районе.

Рабочие текстильной промышленности, несмотря на свою сравнительную отсталость и некультурность, в первую половину рабочего движения (примерно, до 900-х годов) вступают первыми в классовую борьбу, неизменно оказываются впереди.

Это кажущееся противоречие легко объясняется той чрезмерной эксплуатацией, какой подвергалась именно эта, наиболее обездоленная часть пролетариата.

О степени этой эксплуатации текстильщиков можно судить по тем условиям и порядкам, которые существовали на фабрике Саввы Морозова в местечке Никольском Владимирской губернии (в одной версте от станции Орехово и рядом с большим фабричным селом Зуево, находящимся уже в Московской губернии). Заработная плата здесь была постепенно доведена до нищенского уровня. С 1882 по 1884 год расценки были понижены пять раз, а в 1884 г. плата была понижена сразу на одну четверть. Для некоторых категорий рабочих эта плата сводилась до невероятного уровня. Так, по показанию

самого хозяина, Тимофея Морозова, по выработке молескина ткач мог заработать за две недели только 1 р. 25 к. Так как в Никольском частных домов совсем не было, то все рабочие жили в хозяйских казармах, и это давало повод для всевозможных поборов и вычетов. Плата взималась не только с рабочего, но с каждого живущего в хозяйской казарме члена его семьи, даже с новорожденного ребенка. Но самым главным средством для обирательства рабочих служили непомерные штрафы, налагавшиеся в то время хозяином в каком угодно размере и шедшие в его пользу. За курение штрафовали на 3, на 4 и даже на 5 руб. За прогульный день вычитали трехдневную плату и еще 50 коп. Даже в день похорон близких родственников рабочий мог не работать только половину дня, а за «прогул» второй половины должен был платить штраф. Вычитали даже за простой по вине фабрики. Чтобы скрыть от посторонних глаз это обирательство, если штрафов набиралось слишком много, их хотя и взимали, но в расчетную книжку записывали не полностью. Но даже по фальшивым конторским книгам выходило, что с каждого заработанного рубля с рабочих, в среднем, вычитали по 25 коп., т. е. $\frac{1}{4}$. На самом деле вычитали гораздо больше, и бывали случаи, что весь заработок уходил на штрафы.

В ноябре 1884 года на фабрику Морозова поступил ткачом П. А. Мосеенок, только недавно вернувшийся из сибирской ссылки, куда он попал за свое участие в петербургском рабочем движении. Опытный агитатор и бывалый забастовщик, он мог без труда заметить недовольство рабочих морозовскими порядками, и немедленно принялся за дело. Революционная выучка питерского рабочего оказала неоценимую услугу отсталым и темным орехово-зуевским текстильщикам. Они прозвали П. А. Мосеенка «студентом» и охотно слушали его речи о необходимости борьбы, его призывы к забастовке. Стачку сперва хотели было начать еще перед Рождеством 1884 года, но, не желая остаться на праздник без получки, отложили на пару недель. 5 января 1885 г. состоялось первое небольшое собрание, посвященное стачке. Оно происходило в ренковом погребе Коншея, в селе Зуеве. Говорил, главным образом, П. А. Мосеенок. Присутствовало человек 20 ткачей, в том числе ближайший соратник Мосеенка, выдающийся агитатор, Василий Сергеевич Волков. За свою преданность рабочему делу он был прозван рабочим «адвокатом».

Окончательное решение было принято только на следую-

щем расширенном собрании, которое состоялось на другой день в трактире Трофимова на «песках» (на песчаном берегу Клязьмы). Здесь присутствовало уже около 50 человек рабочих. Говорили Мосеенок и Волков. Это был, таким образом, нелегальный забастовочный комитет, который рабочее движение выдвинуло и ввело в обиход, как боевой орган, при отсутствии профсоюзов и свободы собраний. Было решено начать стачку на следующий день. В 5 час. утра 7 января рабочие, подходя к фабрике, стали было задерживаться у ворот, как было условлено. Но пронюхавшая об этом администрация организовала стражу из чернорабочих торфяников, которые стали загонять рабочих в корпуса. Работа началась обычным порядком, но уже в 6-м часу утра в новоткацком корпусе раздался громкий призыв: «Бабы, выходите вон, гасите газ, все кончайте работу, сегодня праздник». Рабочие дружно стали гасить газ, с криком «ура» высыпали на улицу. Начавшие стачку ткачи без труда сняли и прядильщиков, которые охотно примкнули к забастовке. Для того, чтобы снять красильщиков, пришлось остановить паровую машину. А когда они попытались работать на другой день, то им пригрозили, что уничтожат их имущество, и те, испугавшись, бросили работу. Таким образом, все отделения стали.

Толпа в несколько тысяч человек, вырвавшись из морозовского ярма, дала волю своей ненависти и злобе, накопившейся за много лет. Напрасно Мосеенок и Волков призывали рабочих воздержаться от всяких насилий. Слишком долго подавляли в себе морозовские текстильщики свой протест против непосильного гнета, а тут еще подоспела бездомная голытьба, прозывавшаяся «золоторотцами». Были разгромлены квартиры директоров Лотарева и Дианова, старшего мастера Шорина и бухгалтера Анофриева. Разнесли также хлебопекарню, харчевую лавку, побили стекла в конторе.

Этот разгром, происходивший, впрочем, только в первый день забастовки, конечно, не помог, а повредил успеху стачки. Но мы знаем, что такие разгромы были неизбежным явлением в начале рабочего движения не только у нас, но и в Англии и других капиталистических странах, пока рабочие не приобрели на опыте достаточной выдержки и дисциплины.

Морозову учиненный рабочими разгром был только на-руку. Напирая на «бунт», он бомбардирует телеграммами губернатора и министра внутренних дел и просит их об усмирении. Долго ждать ему, конечно, не пришлось. Царская

власть, много лет ничего не имевшая против хозяйского грабежа, теперь появилась перед морозовскими забастовщиками, как из земли. Уже вечером с первого же дня забастовки в Никольское прибыл сам владимирский губернатор с двумя батальонами пехоты, а через несколько дней из Москвы прислали целый полк казаков.

На другой же день утром, 8 января, вызванные от рабочих депутаты объяснили губернатору, что причиной забастовки служат непомерные штрафы, которые свели заработок к таким размерам, что даже на харчи не хватает. В тот же день было устроено совещание с приехавшим из Москвы Морозовым, который, по настоянию губернатора, согласился на некоторые уступки. Но расклеенные объявления с этими уступками были сорваны рабочими и они выставили свои требования: 1) установить расценки, существовавшие до Пасхи 1884 г. (т. е. те, которые после Пасхи были понижены на целую четверть), 2) чтобы штрафы не превышали 5 коп. с заработанного рубля и 3) в случае расчета кого-либо выдать расчет по Пасху. На эти требования Морозов не пошел, и его отказ еще больше взволновал рабочих.

Утром 11 января в присутствии губернатора и войск забастовщики устроили настоящую демонстрацию с красным знаменем. Под предводительством В. С. Волкова, державшего знамя, толпа в несколько тысяч человек двинулась к фабричным корпусам, но была оттеснена войсками. В 10 часов утра явился губернатор, прокурор окружного суда и прочие власти. Состоялось торжественное объяснение. Губернатор предложил приступить к работе на объявленных Морозовым условиях или взять расчет. Рабочие кричали: «Не согласны работать, расчет по Пасху!» От толпы отделился уполномоченный рабочими депутат Федор Авдеевич Шелухин и вразумительно объяснил властям, что на условия Морозова рабочие не согласны. К Шелухину подошел В. С. Волков, подал знак толпе, чтобы она стихла, подтвердил заявление Шелухина и, подав прокурору тетрадь со списком выставленных стачечниками условий, потребовал, чтобы эти условия были тут же оглашены. При крайнем возбуждении многотысячной толпы и при отсутствии навыков в открытых организованных выступлениях, морозовские стачечники проявили здесь, как видим, большую выдержанность и дисциплину. Но всякая организованность и «парламентаризм» в рабочем движении бесили русское начальство еще больше, чем «бунт», так как оно хотело

видеть в рабочем только бесправную и безгласную рабочую скотину. Поэтому владимирский губернатор в ответ на организованное выступление стачечников велел немедленно арестовать рабочих уполномоченных — Шелухина и Волкова, бросая таким образом, наглый вызов рабочей массе, вызывая ее на бунт.

В. С. Волков, уже арестованный и окруженный войсками, поистине геройски, до конца продолжал свое дело агитатора и рабочего вождя. Он крикнул рабочим: «Мы перед капиталистами говорить не можем! Пропадать — так пропадать всем! Я за всех или все за меня?» «Все, все!» — отвечала ему толпа. При попытке отбить арестованных депутатов были пущены в дело казаки, и господин губернатор распорядился арестовать еще несколько человек. Большую часть этих арестованных рабочие все-таки отбили, выломав двери казармы, в которой они были помещены, так что в руках властей осталось только 12 человек. При этом произошла жестокая схватка с вооруженным караулом.

Возбуждение рабочих достигло крайних пределов. Они вызвали губернатора и потребовали освобождения арестованных, а в особенности «Васьки — нашего человека», т. е. своего любимого «адвоката», В. С. Волкова. Губернатор, конечно, отказал, но ему пришлось выдержать форменную осаду и пустить в ход всю вооруженную силу, которую он имел в распоряжении.

Многотысячная толпа грозно наступала на главную контору, где сидели власти и содержались под стражей арестованные. Спасая контору, губернаторские казаки устроили жестокое побоище, и, тем не менее, рабочие и на другой день продолжали свой натиск и вступали в схватки с войсками, пуская в ход камни.

Тогда губернатор применил то средство, которое по телеграфу ему рекомендовал министр внутренних дел. Он арестовал и выслал на родину больше 600 человек, наиболее активных и видных забастовщиков. Эти массовые аресты сломили стачку, и 14 января 800 человек из 8 000 приступили к работе, согласившись на те незначительные уступки, которые были даны Морозовым.

Так протекала эта бурная неделя в глухом местечке Никольском. Весть об этих событиях проникла, конечно, даже и в тогдашние подцензурные газеты и замутила тихие воды политической жизни 80-х годов. Но из тогдашних газет и даже от самих участников стачки можно было узнать далеко не все. Та тревога и та возня, которая была вызвана этой стачкой

в высших правительственных кругах, осталась надолго скрытой в тайниках секретных архивов. Только Октябрьская революция вскрыла секретную переписку, и мы узнали, какого страха нагнали на центральную власть морозовские ткачи.

Царь Александр III, страдавший медвежьей болезнью еще со времени народовольческого террора, на первом же докладе министра о начавшейся стачке отметил: *«Я очень боюсь, что это дело анархистов»* (т. е. народовольцев) и приказал подробно сообщать ему о ходе стачки.

Министр внутренних дел граф Д. Толстой по телеграфу приказывает командующему Московским военным округом послать побольше войск для умирения.

Владимирский губернатор откровенно телеграфирует министру, что причиной бунта является бессовестное обирательство рабочих на фабрике и что для прекращения волнений он требует от Морозова уступок рабочим, но что Морозов ничего существенного в облегчение рабочих сделать не желает.

На докладе об этом мнении владимирского губернатора царь оставил злую надпись: *«Какие облегчения еще?»*

Тимофей Морозов, дрожавший за свои барыши, прекрасно воспользовался страхом правительства и царя перед «бунтом» и «анархистами» и в своих телеграммах министру просит о решительных «мерах», т. е. о военной расправе, и доказывает, что его уступки были бы чуть ли не государственным преступлением, так как они только поощряли бы «бунтовщиков». И он, как мы видим, добился своего. Владимирский губернатор, по указаниям свыше, должен был признать необходимыми для прекращения волнений не уступки Морозова, а казацкие нагайки.

Месть правительства не ограничилась одним полицейским погромом. Арестованных забастовщиков привлекли к суду. Одну партию из 19 человек судили в феврале того же года во Владимирском окружном суде без присяжных заседателей. Этой группе предъявили сравнительно легкое обвинение: в буйстве и стачке. Главные обвиняемые: Мосеенок, Волков и Шелухин были приговорены к аресту на 3 месяца; остальные: Козлов, Титов, Яковлев, Чугунов, Кузнецов и др. — к аресту от 10 дней до 2 месяцев.

Зато на другую группу в 33 человека, в которую входили частью и обвиняемые из первой группы, постарались взвалить все грехи смертные. Обвиняли, например, в «разрушении зданий», хотя кроме побитых стекол и выломанной двери никакого «разрушения» не было. Эту группу судили только в мае 1886 г.

с присяжными и обвиняли по каторжным статьям. На суде раскрылась картина такого обирательства рабочих, какое даже с точки зрения буржуазного права являлось прямой уголовщиной. И хотя главный грабитель Морозов и его подручные остались безнаказанными, но и забастовщиков присяжные осудить не решились. Оправдательный приговор морозовским стачечникам вызвал возмущение в черносотенной печати. Правительство сорвало свою злобу на главных руководителях стачки Мосеенке и Волкове, которых жандармы тут же в суде арестовали и отправили в административную ссылку — одного в Архангельскую, другого в Вологодскую губернии.

Прибыв в Вологодскую ссылку уже с надорванным в тюрьме здоровьем, В. С. Волков там скоро умер еще совсем молодым человеком.

Хотя морозовские ткачи, понеся большие жертвы, добились на первое время незначительных уступок, но значение этой стачки было громадно не только для них самих, но и для всех рабочих России. Эта стачка означала целый этап в рабочем движении. Фабриканты всего Орехово-Зуевского района, не дожидаясь той встряски, которую дали морозовцы своему хозяину, поспешили без всяких стачек и волнений на своих фабриках улучшить условия найма. Так же благоразумно поступило, в конечном счете, и правительство. После первых страхов и свирепого усмирения оно должно было признать, что безграничный произвол Морозовых будет неизбежно порождать и морозовские стачки по всей России. И вот 3 июня 1886 г. появился на свет фабричный закон, запрещающий целый ряд вопиющих злоупотреблений на фабриках и заводах. Этот закон был прямым результатом Морозовской стачки, что видно уже из того, что целый ряд его статей почти целиком списан с той тетради, которую В. С. Волков передал прокурору при объяснении стачечников с начальством. Вот несколько важнейших статей этого закона, повторявших почти дословно требования морозовцев.

Ст. 145. Для рабочих, получающих задельную плату, взыскание за прогул определяется в размере не свыше 1 руб. за прогульный день.

Ст. 95. При найме на срок неопределенный, каждая из договаривающихся сторон может отказаться от договора, предупредив другую сторону о своем намерении за 2 недели.

Ст. 97. Выдача заработной платы должна производиться не реже одного раза в месяц, если наем заключен на срок

более месяца, и не реже двух раз в месяц при найме на срок неопределенный.

Статья 98 давала право рабочему в случае неаккуратной расплаты расторгнуть договор найма и требовать особого вознаграждения в размере двухнедельного заработка при найме без срока и двухмесячного — при найме на срок. Но самым важным пунктом этого закона была статья 152, устанавливавшая, что самые штрафы должны идти не в карман фабрикантов, а на нужды самих рабочих. Этот пункт закона настолько отбил у фабрикантов охоту к штрафам, что в одной только Владимирской губернии за первый же год после издания закона общая сумма взимаемых штрафов сократилась почти на 200 000 р.

Нужно заметить, что закон был издан не для предупреждения каких-то возможных злоупотреблений фабрикантов, а для прекращения или изменения тех порядков, которые, как общее правило, представляли прямую противоположность этим статьям. Для того чтобы представить себе эти обычные порядки, нужно только прочитать все приведенные выше статьи наоборот.

Самый факт издания этого закона был выполнением того пункта требований морозовских стачечников, который говорил о необходимости государственного вмешательства и законодательного регулирования условий найма.

Вмешательство государственной власти в стачку и непосредственная передача ей морозовскими ткачами своих требований только подчеркнули тот огромный *политический смысл*, который эта стачка получила. Тетрадь с требованиями, торжественно врученная властям В. С. Волковым от имени морозовских стачечников, вернулась к ним в виде закона, ограждавшего интересы всех русских рабочих.

Напрасно, таким образом, царь Александр III боялся участия «анархистов» в Морозовской стачке. (Не пройдя курса политграмоты, он не знал, что анархисты именно требуют государственного невмешательства в борьбу рабочих с капиталистами.)

Морозовской стачкой руководили простые рабочие, без посторонней помощи каких бы то ни было революционных организаций. Но это не мешало морозовским забастовщикам стать в авангарде рабочего класса и одержать блестящую победу в то время, когда черная реакция торжествовала свою победу над «анархистами».

ПЕТР АНИСИМОВИЧ МОСЕЕНОК

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Эта автобиография написана по моей просьбе Петром Анисимовичем Мосеенком в 1923 году, вскоре по приезде его в Москву. Сообщая интересные и до сих пор не известные нам данные о жизни и деятельности патриарха русского рабочего движения и организатора знаменитой Морозовской стачки, этот ценный документ особенно интересен тем, что впервые выясняет нам живую преемственную связь между петербургским рабочим движением 70-х годов и Морозовской стачкой.

Примечания, кроме последнего, написаны мною; последнее же принадлежит автору.

Н. Батурин.

Родился я в 1852 г. в маленькой деревушке Обыденной, Сычевского уезда, Смоленской губернии. Детство прошло в самых тяжелых условиях. Перенес оспу и другие болезни. 4—5 лет остался сиротой. Почти самоучкой научился грамоте и 13-летним мальчиком был отдан присучальщиком на фабрику, а потом в ученье по торговой части. 18-ти лет меня женили и пришлось опять идти на фабрику, но уже ткачом. 20-ти лет, работая на фабрике Зимина в Орехово-Зуеве, впервые познакомился с нелегальной (народнической) литературой: «Хитрая механика», «Сказка о четырех братьях» и др. В 1873 г. я попадаю в Петроград, становлюсь членом кружка Нарвского района, посещаю студенческие собрания, втягиваюсь все больше в подпольную работу, знакомлюсь с передовыми работниками того времени: Пресняковым, Квятковским, Плехановым, Обнорским, Халтуриным, Поповым, Перовской, Парфеновым, Осинским, Густовым, Рогачевым, Клейном и др. — всех не помню. Самым важным для меня было знакомство с Г. В. Плехановым и со Степаном Халтуриным. Первый научил понимать, второй — действовать. Эти заслуги никогда не забываются; эти лица навсегда останутся в памяти. На собраниях студентов и курсисток мне не раз приходилось говорить: «Ваша задача — научить нас, передовых рабочих. Нам приходится работать среди совсем сырых, серых, некультурных рабочих, к вам же мы приводим уже мало-мальски обработанных; вот с этими-то и надо подзаниваться».

Когда зародилась мысль обособиться и заняться созданием исключительно рабочей партии, то мы не знали, как к этому делу подойти; все кончалось одними разговорами. Разговоры эти начались еще до Казанской демонстрации, с Пресняковым. Казанская демонстрация 1876 г. показала нам, что мы не организованы, и если остались целы, то благодаря случайности. В 1878 г. Обнорский и Халтурин окончательно решили основать

«Северный Русский Рабочий Союз». Этот вопрос обсуждался на собраниях. Вырабатывался план, а также программа, но это были пока только наброски.

Нарастала стачечная волна, захватившая нас, ткачей, целиком. Стачка 1878 г.,¹ прошла очень успешно, и все требования были удовлетворены.² — не потому, что мы ходили к наследнику с прошением, а потому, что, отпущенный после ареста в Аничковом дворце, П. Мосеенок подлил масла в огонь. Придя на фабрику, он сказал, что будет комиссия, которая это дело разберет. Стачка окрепла. Ее успеху содействовало еще одно обстоятельство. Хотя в газетах раньше и после этой стачки ничего не писали о забастовках, но об этой стачке была статья в газете «Новости». Акции Новой бумагопрядильни стали падать, и это побудило хозяев пойти на уступки. После стачки полиция стала усиленно разыскивать передовых рабочих. Произведены были аресты, и один из арестованных ткачей (которому было вручено прошение) указал на меня, как на главного виновника. Переодевшись посыльным, я некоторое время скрывался от полиции. Зайдя однажды в сапожную мастерскую к Парфенову,³ я застал там компанию студентов и рабочих (Гласко, Дробыш-Дробышевский и др.). Поговорив о делах, стали расходиться. Но при выходе всех арестовали. Меня, в форме посыльного, сперва не тронули, и я беспрепятственно прошел шагов двести. И только тогда меня догнал городской и позвал к приставу. Никакие мои объяснения не помогли. Меня направили в участок, оттуда в Александро-Невскую часть, где посадили в одиночку. Через неделю повели в сыскное отделение, оттуда в Казанскую часть тоже в одиночку. В сыском я встретился с Парфеновым и Казаковым. Решили не признавать друг друга. После допроса меня, Казакова и Парфенова продержали в Спасской части 3 — 4 месяца и потом административно выслали без права въезда в столицы. Меня выслали на родину, Казакова и Парфенова — в Костромскую губернию, но Парфенов в тюрьме заболел. Когда нас с Казаковым отправляли из пересыльной тюрьмы, на Николаевском вокзале собралось около 150 рабочих, чтобы нас проводить. Расстались с криком «ура». С Казаковым распростились в Москве на Коломажном⁴ и с тех пор не видались.

В том же 1878 году я бежал из-под надзора и, переехав в Петроград, стал снова работать в кружках за Нарвской заставой и на Обводном канале. При деятельном участии рабочих: Федота Лазарева, Алешки «Рыжего», Шилова и др., моя жена сняла конспиративную квартиру, но здесь нам дело испортили интеллигенты Виноградов и Благовещенский, введя к нам шпионов. Халтурин об этом ничего не знал. Он появился у нас опять в разгар стачки 1879 г.⁵ Незадолго до стачки «Северный

¹ На Новой бумагопрядильне.

² Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях считает, напротив, исход стачки неудачным, хотя и упоминает о «новых правилах», суливших «новые уступки». См. «Русский Рабочий», Госиздат, 1922 г., стр. 44 и 45.

³ Сопоставляя описание обстоятельств стачки у П. А. Мосеенка и Г. В. Плеханова, можно установить, что под фамилией Парфенов проживал в то время в Петрограде нелегально Гобст, казненный в Киеве в 1879 г.

⁴ Бывшая пересыльная тюрьма на Пречистенке.

⁵ На той же Новой бумагопрядильне и на примкнувшей к ней фабрике Шау.

Союз» уже организовался. Мне, как нелегальному, приготовили паспорт, которым воспользоваться не пришлось. Халтурин дал мне свой небольшой кинжал, с которым я был арестован. Нас, арестованных на время стачек, причисляли к тайному сообществу. Меня, Абраменкова и Кожанова сослали в Восточную Сибирь, а остальных — по разным местам. С этим арестом у меня была порвана всякая связь с Петроградом.

Пробыв в ссылке в Казанском округе Енисейской губернии до августа 1883 года, мы вместе с Лукой Абраменковым, возвратились на родину. Когда я брал паспорт, писарь написал в нем мою фамилию Моисеенко (вместо прежней Мосеенок), и с тех пор я так и числюсь. Я поступил на фабрику Тимофея Саввича Морозова, и здесь, после больших усилий, мне удалось провести стачку в 1885 году, заставившую русское правительство издать закон о труде.

Я не буду описывать этой стачки, так как она и так всем известна. Скажу лишь одно, — что эта стачка дала толчок рабочему движению. Суд нас всех оправдал, но меня и тов. Волкова отправили в административную ссылку: меня — в Архангельскую губернию, в г. Мезень, Волкова — в Вологодскую, в Усть-Сысольск. С этой ссылкой кончилась моя работа, как текстильщика, и началась новая работа, как плотника и столяра.

Прибыв в Мезень с женой, мы застали там ссыльных: Петра Самсоновича Кравченко, Александра Николаевича Шепицына. Мы, ссыльные, задумали заняться столярным ремеслом на коммунистических началах и начали это дело втроем. Потом прибыл А. Серафимович¹ — стало четверо. Кравченко скоро взяли в солдаты, а Шепицын перевелся в Пинегу. К нам из Пинеги приехал Петр Тихомиров. Из села перевели Исаака Гуревича, потом Серафимович перевелся по болезни глаз в Пинегу. Коммуна наша в 1888 году стала хромать. С весны я тоже перевелся в Пинегу. Здесь были Александр Машицкий, Анна Захарова, Клеопатра Серафимович и мы с женой и девочкой, еще грудным младенцем.

В конце августа оканчивался срок моей ссылки, и я надумал ехать в Челябинск, где тов. Михаил Николаевич Попов и Максим Юльевич Гофман основали займку и где я мог быть полезен, как работник. Но из Челябинска меня выслали на родину. С трудом удалось выхлопотать паспорт и уехать. И вот я попадаю сперва в Торопецкий уезд, где жил тов. Балиев, потом в Воронежскую губернию, в Екатеринодар и, наконец, в Ростов н/Д., где снова в декабре 1893 года попадаю в тюрьму.

Здесь работали в то время: Машицкие — муж и жена, Алабышев, Васильев, Дымков, Перегудов, рабочие: Ананьев, Рудометов, Солдатов, Коваленко, Шамуров, Болдырев и др. Я открыл столярную и работал на Владикавказскую железную дорогу. В моей мастерской было удобно всем нам собираться. Собирались также и у Ананьевой. Но Ананьев и Рудометов скоро должны были уехать. Чаще же всего собрания происходили на Темернике. Провалил нашу организацию рабочих Ветров, который потом отравился.

Из Ростова меня выслали в Вологодскую губ., в г. Вельск, где и пришлось прожить изолированным от товарищей до 1898 г. По окончании этой ссылки мне было запрещено проживать во всех промышленных

¹ См. воспоминания Серафимовича о Мезенской ссылке и о П. А. Моисеенке в статье Матвеева «Отец стачки», в сборнике «Морозовская стачка», Изд. «Московский Рабочий», 1923 г.

губерниях и в Области Войска Донского. Пришлось уехать в Мариуполь, где у меня был произведен обыск, как у поднадзорного. По окончании срока негласного надзора я переехал на рудники, где продолжал заниматься подпольной кружковой работой. Был в Юзовском районе, потом на Щербиновских рудниках, отсюда бежал в Павловский район. В 1905 г. пришлось бежать и отсюда от черносотенцев. С 1905 по 1912 год мне пришлось побывать в следующих местах: на французских рудниках под Юзовкой (рудник Рудченкова), на Калачевских рудниках, на Алмазной, снова в Мариуполе, на рудниках Макарьевских, на марганцевых рудниках под Никоподем, в Нахичевани н/Д., в Баку, в Большом Токмаке. За это время я не раз выступал агитатором, принимал участие в проведении первомайской забастовки (1906 г.) и предвыборных собраний в I и III Государственную Думу. С 1912 г. я поселился в Горловке, где пробыл до 1916 года. Здесь я выступал агитатором и руководителем забастовки¹ и только по случайности спасся от расстрела. Из Горловки бежал на Кавказ, где и застала меня Февральская революция 1917 г.

В марте 1917 года меня послали на Персидский фронт для извещения армии о перевороте и проведения выборов военных комитетов. Жил в Баку, Тифлисе, Кизляре и на Северном Кавказе, служил санитаром в Красной армии, потом инструктором по созданию больничных касс во Владикавказе и Пятигорске — по Наробразу.

В 1922 году жил в Харькове, работая при Истпарте.

¹ Десяти рудников, как-то: Горловских, Никитовских, Царев-Байрак, Ртутных и др. Забастовка была грандиозная. Собиралось тысяч до 30 человек. Войска, присланные из Бахмута, отказались разгонять рабочих; расстрел учинили полицейские стражники и урядники под командой пристава.

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ КАК ОРГАНЫ
ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

«Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики».

Н. Ленин, «Письма о тактике».

Вопрос о диктатуре пролетариата был четко поставлен в старой программе нашей рабочей партии. В этой программе, принятой на 2 съезде 1903 г., говорилось:

«Необходимое условие... социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров».

Теперь, после пережитой социальной революции в России разгоревшихся в связи с нею споров о диктатуре и демократии, небезынтересно отметить, что это «необходимое условие» нашей программы (так же, как и ясное требование демократической республики) совершенно отсутствует в программе руководящей партии II Интернационала, германской социал-демократии. Мы не будем здесь останавливаться на вопросе, правильно или неправильно было это умолчание, та несомненная, с точки зрения революционного марксизма, недоговоренность программы германской рабочей партии 1891 г. — партии, едва вышедшей из подполья, ожидавшей и действительно получившей огромные преимущества в легальной и широкой организации, в открытой агитации и пропаганде среди рабочих масс. Но эта маленькая справка может яснить нам одну характерную черту в развитии нашей партии: не выходя фактически из подполья за все время своего существования (за вычетом немногих революционных дней) до момента завоевания ею государственной власти, она имела то несомненное преимущество, что могла говорить рабочим о целях борьбы, не заикаясь, и писать свои самые революционные требования всеми буквами.

Само собой разумеется, что «буквы» программы, составлявшейся в начале девятисотых годов, могли выражать только самые общие задачи движения, могли дать только голые формулы классовой борьбы, успешность которой в ее дальнейшем развитии все больше требовала «самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента». Именно на судьбах русской революции можно в особенности хорошо разглядеть, как самые лучшие революционные «формулы» не только оказывались недостаточными для решения конкретных революционных задач, но и прямо становились поперек дороги революции.

Конкретной исторической формой пролетарской диктатуры, выдвинутой уже первой русской революцией 1905 г., были советы рабочих депутатов. Непосредственным предшественником Петроградского совета рабочих депутатов, этого все-русского образца, считают обыкновенно «совет депутатов от типографий» в Москве, возникший 25 сентября, когда бастовавшие московские типографщики в первый раз сошлись на открытое собрание, чтобы выработать свои требования. Этот московский образец вспоминается, главным образом, потому, что он был ближайшим предшественником Петроградского и притом в крупнейшем после Петрограда центре. На самом же деле возникновение подобных организаций и при таких же обстоятельствах можно проследить еще раньше в других городах, под другими названиями, например: «собрание уполномоченных» в Одессе, «стачечные комитеты» в Саратове и т. д.

Но это были самые зачаточные, мимолетные формы советской организации.

Первым типичным образом всех позднейших советов р. д. был Иваново-Вознесенский совет, возникший в середине мая 1905 г. и просуществовавший $2\frac{1}{2}$ месяца, т. е. дольше всех прочих советов 1905 г. Об этой замечательной организации иваново-вознесенских текстильщиков особенно уместно вспомнить теперь, тем более, что ни в свое время (в 1905 г.), ни позже она не только не получила надлежащей оценки, но даже была мало известна.

Как и прочие советы 1905 г., Иваново-Вознесенский совет возник по поводу всеобщей (поместной, иваново-вознесенской) стачки. Эта стачка ярко выражала революционный подъем, начавшийся после 9 января, и была несколько запоздавшим

отзвуком январских событий. Тщательно подготовленная работой с.-д. организации, она оказалась небывало дружным, организованным и грандиозным выступлением ивановцев. 13 мая на главной площади города рабочий-большевик Дунаев¹ открыл многотысячный митинг поголовно забастовавших текстильщиков, и с этого момента начались на глазах бессильных властей ежедневные открытые митинги, начались «дни свободы», завоеванные, таким образом, ивановцами гораздо раньше петроградских, московских и других рабочих. Подготовившая эту забастовку и руководившая ею с.-д. организация пользовалась в рабочей массе огромным авторитетом. Однако, для непосредственного руководства движением, для более тесной и правильной связи и, наконец, в интересах возможно большей самостоятельности масс, этого общепризнанного идейного руководства с.-д. (большевистской) организации было, конечно, недостаточно. При таких обстоятельствах, в среде социал-демократов, так же, как в среде самой рабочей массы, естественно зарождалась идея той беспартийной, но строго классовой и притом самой широкой, объемлющей поголовно весь местный пролетариат, организации, которая получила название советской. Посмотрим, как зародился первый совет в Иванове:

«Бастующими рабочими, — рассказывает т. Самойлов, — было избрано около ста депутатов для переговоров от имени всех бастующих как с хозяевами, так и с представителями власти, а также для руководства стачкой. Так образовался совет рабочих депутатов города Иваново-Вознесенска — первый в России совет рабочих депутатов. Это было между 13 и 15 мая 1905 г.»²

На первом же собрании совет выработал и предъявил ряд требований, во главе которых стояли: учредительное собрание и 8-часовой рабочий день. Это выступление означало гигантский шаг всего русского рабочего движения. Выдвинутые им революционные требования, уже давно пропагандировавшиеся подпольной социал-демократической партией, впервые открыто и сознательно предъявлялись широкой пролетарской организацией. По своим размерам эта организация превосходила в одном Иванове всю РС-ДРП. По своей сознательности

¹ Умер от тифа в 1919 г. в Н.-Новгороде.

² Ф. Н. Самойлов, «Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении 1903 — 1905 г.г.». Изд. Истпарта, стр. 44.

и организованности иваново-вознесенские текстильщики далеко опередили выступление 9 января петроградских рабочих. Наконец, по времени этот первый советский образец предупредил на несколько месяцев октябрьские советы 1905 г. передовых центров рабочего движения — Петрограда и Москвы.

Несмотря на мирный характер иваново-вознесенской забастовки, оказавшейся притом обособленной и изолированной в общероссийском рабочем движении 1905 г., мы все же можем заметить в деятельности первой советской организации ту особенность, которая в ходе революции превращала советы в органы революционной классовой диктатуры. С первых же дней забастовки, руководимой советом, владельцы предприятий из города исчезли. Напротив, по отношению к трудящимся совет обнаружил притягательную силу даже за пределами города Иванова. «Популярность совета, — рассказывает Самойлов, — росла с каждым днем не только среди избирателей; она распространялась далеко за пределы города. К нам, в совет, через некоторое время после его избрания, начали поступать самые разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек о притеснениях со стороны хозяев; были жалобы и от крестьян на притеснения со стороны помещиков и разного сельского начальства».¹

С первых же дней существования совета власти вступили с ним в сношения через фабричных инспекторов, обыкновенно присутствовавших на собраниях, и нередко исполняли его требования. Так было, например, исполнено требование совета о закрытии всех винных лавок на время забастовки.

Особенностью Иваново-Вознесенского совета была его чрезвычайно прочная спайка с избирателями, что легко объясняется скученностью однородного пролетарского населения русского «Манчестера». По окончании пленума совета на речке Талке, тут же происходили ежедневные рабочие митинги, собиравшие иногда до 40 — 50 тыс. рабочих. Выступавшие на этих митингах члены совета и с.-д. организации, помимо докладов о ходе забастовки и о постановлениях совета, вели неустанную пропаганду и агитацию по самым разнообразным вопросам, и «Талка, — как говорит т. Самойлов, — превратилась в полном смысле в университет политического воспитания бастующих».² «За 2¹/₂ месяца» университет на Талке

¹ Ф. Н. Самойлов, «Воспоминания», стр. 52.

² Там же, стр. 49.

«настолько двинул вперед классовое самосознание широких рабочих масс, что они в этом отношении стали совершенно неузнаваемыми». ¹

Однако же, первым советом, если не по времени возникновения, то по своей руководящей роли в революции, был все же совет Красного Петрограда.

Петербургский совет рабочих депутатов возник 13 октября 1905 г., на другой день после того, как сюда докатилась волна знаменитой октябрьской забастовки. Он начал свое существование собранием в технологическом институте рабочих депутатов от 40 бастовавших предприятий.

Вот как описывает первое заседание Петербургского совета один из деятельных его участников и организаторов тов. Сверчков:

«Открылось собрание. Каждый сделал доклад о ходе забастовки. Было принято воззвание об избрании депутатов от всех фабрик и заводов Петербурга. Решили весь завтрашний день посвятить таким избирательным собраниям. Мы, конечно, не предвидели, что советы явятся впоследствии новой, невиданной нигде формой государственного устройства рабоче-крестьянской России, что знамя совета соберет вокруг себя пролетариат всего мира, что под кличем: «Да здравствуют советы» будет дан последний и решительный бой всемирной буржуазии». ²

И действительно, предугадать в этом собрании прообраз будущего советского строя было нелегко.

«Вся власть» этого зарождавшегося совета распространялась только на 40 избравших его предприятий, да и то лишь в области руководства стачкой. По своим формальным признакам, по своей непосредственной задаче это был только стачечный комитет. И однако, в силу особых политических условий, эти «стаечные комитеты» стали усваивать характерные черты тех советов, с которыми мы теперь успели сродниться, как с органами пролетарской диктатуры. В чем же заключались эти особые политические условия?

Уже давно было сказано, что в царской России обыкновенная стачка была политическим событием. Октябрьская стачка 1905 г. была революционным событием огромной важности. Подготовленная всеми бурными и кровавыми, но разрознен-

¹ Ф. Н. Самойлов, «Воспоминания», стр. 66.

² Д. Сверчков, «На заре революции», 1922 г., изд. Истпарта, стр. 99.

ными выступлениями рабочих этого года, она сливала усилия рабочих масс в общий поток, давала первый генеральный бой царизму. Руководить этой стачкой — значило руководить русской революцией.

Октябрьская стачка, вместе со всеми предыдущими событиями, разбудила и поставила на ноги весь рабочий класс вплоть до самых отсталых его слоев, и возникшие по поводу этой стачки советы явились таким полным представительством рабочих, такой широкой классовой организацией трудящихся, какой никогда еще не удавалось создать не только в России, но и на Западе, после многих лет легальной работы политических партий, профессиональных союзов и более или менее «демократического» парламентаризма.

Несмотря на свою небывалую в истории широту и официальную беспартийность, советы с первых же шагов постарались закрепить в своей организации ее классовый состав и отмежеваться от чуждых, непролетарских элементов. Тот же тов. Сверчков рассказывает о возникновении «советской конституции» 1905 г. следующее:

«Кем и как был выработан порядок избрания в совет? Мы бросили только призыв: 1 на 500. В дальнейшем дух революции разработал избирательную основу, согласно которой от участия в совете были устранены все либерально-буржуазные организации и все непролетарские союзы. Напрасно «союз союзов»¹ стучался в наши двери, прося допустить его представителей хотя бы с совещательным голосом. Совет рабочих депутатов категорически отказал им в этом. Мы хотели избавить себя от присутствия в наших рядах элементов, чуждых пролетарскому духу, а также чувствовали физическое отвращение к либеральной болтовне. Мы знали, что, когда настанет пора выйти на улицу, господа из «союза союзов» будут путаться у нас под ногами и с жалким лепетом уговаривать нас не идти на восстание, убеждать, что наши жизни нужно сохранить для России и т. д.»²

Петроградский совет знал, что делал, не давая даже совещательного голоса либеральной интеллигенции. Но ведь это было не только с точки зрения, например, эс-эров в высшей

¹ Организация, объединявшая отдельные, возникшие в 1905 г., союзы адвокатов, врачей, учителей и прочих свободных профессий, явно копировавших формы рабочего движения.

² Д. Сверчков, «На заре революции», стр. 99.

степени «недемократично», но, поскольку советы признавали свои общенациональные задачи, поскольку они усваивали руководящую роль в революции, — это плохо вязалось с формулой «буржуазной революции».

Как показал 1917 год, история не только простила это нарушение «формулы», но и ввела эту ересь в кодекс позднейшей победоносной борьбы пролетариата. «В результате, — говорит тов. Сверчков, — порядок выборов в первый Петербургский совет рабочих депутатов лег ныне в основу избирательного закона советской России».

В дни октябрьской забастовки 1905 г. советы росли в своем значении пропорционально упадку в деморализации старой власти. Их авторитет, их фактическая власть, несмотря на классовый состав, расширялись далеко за пределы рабочего класса. Роль рабочего класса, как главного борца против царизма, была очевидной для всех классов и партий. Бесхитростное признание этой роли (у большинства «реальных» буржуазных политиков молчаливое или косвенное) мы находим, например, в горячей речи присяжного поверенного Мандельштама на съезде адвокатов:

«... В эту великую историческую минуту поклянемся никогда не забывать той громадной роли, которую сыграл рабочий в нашем общем деле политического освобождения».

Этот, правда, ни к чему не обязывавший любезный кивок либерала в сторону рабочего находил свое объяснение в его несокрушимом взгляде на русскую революцию: как бы труслива и косна ни была русская буржуазия, как бы ничтожна ни была ее роль в революции, она целиком должна воспринять из рук пролетария все завоевания революционной борьбы. Такое приятное для либерала понимание русской революции было для него тем более простительно, что оно усердно распространялось меньшевистскими теоретиками «буржуазной революции» с Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом во главе.

Чтобы судить, насколько почтенна была роль даже более передовой столичной буржуазии в первой нашей революции, приведем только один пример. Вводя революционным путем свободу печати, Петроградский совет рабочих депутатов должен был прибегнуть к угрозе забастовкой и «диктаторскими» репрессиями не против правительственных учреждений, а против объединявшего всю буржуазную печать «союза для защиты свободы печати». Соответствующий декрет совета от 19 октября 1905 г. гласил:

«Совет р. д. постановляет, что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих номеров в цензуру, вообще поступают так, как совет при издании своей газеты. Поэтому наборщики и другие товарищи-рабочие печатного дела, участвующие в выпуске газет, приступают к своей работе лишь при заявлении о проведении редакторами свободы печати. До этого момента газетные товарищи-рабочие продолжают бастовать... Газеты, не подчиняющиеся настоящему постановлению, будут конфискованы».¹

Таковы были непримиримые противоречия своеобразной «буржуазной» революции в России. Для введения свободы печати советы должны были совершать насилие над печатью. «Буржуазную» революцию рабочим приходилось вершать не только без буржуазии, но в значительной степени и против буржуазии, приемами классовой диктатуры.

Таким образом, над формулой «буржуазной» революции издевалась сама жизнь, и пролетариат имел менее всего оснований свято чтить эту формулу. Именно потому, что это был подлинный, живой пролетариат (а не «формула» пролетариата), с определенными классовыми нуждами и интересами, он неизбежно должен был, в процессе борьбы, остро выдвигать свои классовые требования. Так, Петроградский совет р. д. уже в октябре выставил требования 8-часового рабочего дня и стал проводить его в жизнь революционным путем. Много своего времени он должен был посвящать организации помощи безработным. Городским думах в Питере и др. городах советами предъявлялось требование о вооружении рабочих.

Если в достижении демократических свобод буржуазия, хотя бы на аркане, могла следовать за рабочими, то понятно, что эти «эгоистические» требования рабочих встречали уже яростное сопротивление.

Не подлежит никакому сомнению, что в случае дальнейшего победоносного развития революции 1905 г. рабочий класс и его революционные органы, советы, пошли бы в своих классовых требованиях гораздо дальше и сделали бы не один шаг по пути первых советских декретов 1917 г.

Это очень скоро поняли наиболее трезвые и реальные политики буржуазии. Учитывая лучше других «соотношение классов и конкретные особенности момента», они, эти боль-

¹ «Известия Сов. Р. Д.», 1905 г., № 4.

шевики буржуазных партий, своевременно бросили трезвый лозунг в ряды своих партий. Уже в начале ноября на земском съезде в Москве Гучков заявил: «Пора остановиться. Мы своими руками подкладываем хворост в костер, который сожжет нас всех».

Опыт русской революции 1905 г. обнаруживал новое, небывалое в прежних революциях соотношение классов и потому поставил в порядок дня основательный пересмотр давно установившихся тактических взглядов и даже ближайших целей движения не только в русской, но и во всех прочих рабочих партиях. Вот как характеризовала, например, нашу первую революцию Роза Люксембург еще в то время, когда эта революция не вполне была закончена:

«... Нынешняя революция в России по своему содержанию заходит гораздо дальше прежних революций, и в отношении приемов она не может принять ни методов прежних революций, ни методов борьбы современного пролетариата, парламентарных. Она создала новый метод борьбы, соответствующий ее пролетарскому характеру, равно как и сочетанию борьбы за демократию с борьбой против капитала — революционную массовую забастовку. Следовательно, и по содержанию и по методам это совершенно новый тип революции. Буржуазно-демократическая по формам, пролетарски-социалистическая по существу, она как по своему содержанию, так и по методам представляет собою переходную форму от буржуазных революций прошлого к пролетарским революциям будущего, в которых речь будет идти уже о диктатуре пролетариата и об осуществлении социализма.

«Таковой она является не только логически, как определенный тип, но и исторически, как исходная точка определенного соотношения в обществе классовых сил».

В таком же роде на основании опыта русской революции высказались о задачах международного социализма все виднейшие теоретики и вожди германской социал-демократии: Каутский, Бебель, Гильфердинг и др. Последний, например, заявил, что «социализм перестает быть отдаленным идеалом, перестает быть даже той «конечной целью», которая просто указывает общее направление «текущих требований». Социализм становится существенным элементом в непосредственной практической политике пролетариата»...

В то время как на Западе наша революция вызывала такое «движение воды», встречая более или менее единодуш-

ную оценку, — у нас, в России, оценка опыта этой революции послужила исходным пунктом для ожесточенной идейной борьбы внутри партии.

Выдвинутой большевиками «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства» меньшевики, вопреки всем историческим фактам 1905 г., противопоставили свой «хвостизм». Уже на 4 («Объединительном») съезде партии, подводившем первые итоги 1905 г., главный теоретик и философ «хвостизма» П. Б. Аксельрод поучал:

«Общественные отношения в России созрели еще только для буржуазной революции, и историческая стихия толкает самих рабочих и революционеров с гораздо большей силой в сторону буржуазного революционизма, превращающего тех и других в невольных политических слуг буржуазии, чем в сторону революционизма, принципиально социалистического, тактически и организационно подготавливающего пролетариат к политическому господству».¹

Самостоятельные классовые выступления рабочих, в роде проведения 8-часового рабочего дня, меньшевики, вслед за буржуазией, подвергли жестокому суду и усмотрели в них «переоценку» пролетариатом своих сил, причину его «самоизоляции». Делая логические выводы из своей критики русской революции и увидев в столыпинской России «принципиальный разрыв» с царизмом, меньшевики докатились до ликвидаторства и принципиально разорвали со старой подпольной партией.

Ожесточенная идейная борьба с меньшевиками в годы реакции, центральным пунктом которой был вопрос о гегемонии пролетариата, была такой же боевой подготовкой перед новой революцией, какой была борьба старой «Искры» за идейное отмежевание от «экономистов», «освобожденцев» и эс-эров перед революцией 1905 г. В этих спорах о «гегемонии» в эпоху реакции прочно сложились тактические взгляды большевиков и меньшевиков на вопрос о диктатуре, ребром поставленный новой революцией.

Не малое значение для грядущей революции имела и развязка этой идейной борьбы с ликвидаторами. На Пражской конференции в начале 1912 г. меньшевики были окончательно формально исключены из партии. Конечно, идейная борьба

¹ «Протоколы Объединительного съезда 1906 г.», стр. 207. В «протоколах», переизданных Истпартом в 1926 г. стр. 170—171. Ред.

с меньшевиками, как и с эс-эрами, велась не менее ожесточенно с наступлением нового революционного подъема. Но большевики, как партийная организация, имели то огромное преимущество, что, развязавшись со своим оппортунистическим хвостом, могли выступать гораздо более дружно и организованно, чем в 1905 г.

Новая русская революция, зарождавшаяся в 1914 г., была задержана разразившейся империалистической войной. Но та же самая война, временно задержавшая революцию, чрезвычайно обострила классовую борьбу, ускорила темп развития революционных событий 1917 г. и крепче, чем когда бы то ни было, связала русское рабочее движение с международным.

В ночь на 27 февраля 1917 г. организовался временный исполнительный комитет Государственной думы; через несколько дней из недр той же Думы появилось на свет октябристско-кадетское временное революционное правительство. Но одновременно с буржуазным правительством в Петрограде появился и его двойник — совет рабочих депутатов. В несколько дней советы организовались во всех более или менее крупных городах. Перешедшие на сторону революции войска немедленно примкнули к рабочим советам, найдя в них и готовую форму организации и наиболее стойкого и надежного союзника. Значительно позже советы рабочих и солдатских депутатов могли включить в свой состав крестьянских депутатов. Но уже объединение в советах рабочих и солдат устанавливало прочную спайку пролетариата с крестьянством, составлявшим подавляющее большинство многочисленной армии. Война, таким образом, не только идейно, но и организационно помогла революции.

Образовавшееся в самом начале революции «двоевластие» необыкновенно ярко выражало основную классовую группировку, созданную всей предыдущей историей. В быстрой мобилизации борющихся сил и занятии ими позиций сказался революционный опыт 1905 г.

Пролетариат, а за ним и крестьянство сразу ухватились за советы, как готовую испытанную организацию революционной борьбы. Не менее быстро ухватились буржуазия за старый аппарат государственной власти.

Захватывая власть на глазах своего «двойника» — Петроградского совета и учитывая всю мощь его революционной силы, буржуазные политики делали все возможное, чтобы

усыпить его сознание. Принимая название «временного революционного правительства» и включая в его программу, по требованию совета, созыв учредительного собрания, первое октябристско-кадетское министерство облачалось в старые революционные формулы социалистических партий с явным расчетом показать на словах свою уступчивость этим партиям. Но в первые же дни революции эта думская клика показала свою «революционность» тем, что, идя в интересах войны на устранение Николая II, она не пожелала расстаться ни с монархией вообще, ни с Романовым в частности. Г. Милюков в своей «Истории второй русской революции» раскрывает теперь самым циничным образом роль «временного революционного правительства» и свою собственную в судьбах царизма. Уговаривая 3 марта Михаила Романова, после отречения Николая, принять корону, он ободрял его, между прочим, тем что. . . «вне Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты великого князя».¹

Подписывая 2 марта обязательство подготовки учредительного собрания, буржуазное правительство наперед рассчитывало вести эту подготовку при наличии монархии, господство которой обеспечено военной силой, не затронутой еще революцией.

Проиграв ставку и на Михаила, монархическая буржуазия в самом акте его отречения, тонко составленном кадетскими юристами, пыталась найти «высочайшую» поддержку своей революционной власти. «Призывая благословение божие, — гласил акт, — прошу всех граждан державы российской подчиниться временному правительству, по почину государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти». . . Глубокомысленные юристы буржуазии хотели укрепить и расширить захваченную ею государственную власть силою авторитета только что свергнутой монархии.

Полной противоположностью этому бессильному, но повелевающему буржуазному правительству были первые советы. Избранные в самом спешном порядке, под гром революции, они состояли почти сплошь из эс-эров и меньшевиков. Если рабочая и в особенности солдатская масса не могла в первые дни революции быстро разобраться и политически определиться в сложной обстановке войны, то проникшие в первые

¹ Милюков. «История второй русской революции», т. I вып. I, София, 1921 г., стр. 54.

советы мелкобуржуазные депутаты вносили в политику этих советов добрую долю своей мещанской половинчатости и нерешительности. То благодушное отношение к буржуазному правительству, которое проявили первые советы под влиянием своих мелкобуржуазных вождей, можно было бы обозначить лозунгом «вся власть кадетам». Петроградский совет, имевший полную возможность захватить власть в свои руки, сознательно предоставил Государственной думе организовать временное правительство, решив «действовать на него извне». Такая позиция в точности проводила тактические взгляды меньшевиков, высказанные ими еще на конференции 1905 г.: «социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции». Эта меньшевистская линия советов наперед предполагала не полное торжество революции, а постоянные сделки революции с реакцией. И это обнаружилось уже в первом этапе революции, при ликвидации царизма. Протестуя против монархических происков временного правительства, вожди Петроградского совета не потребовали немедленного провозглашения демократической республики, а только «уговорили» монархистов не провозглашать монархии. Один из важнейших вопросов революции, таким образом, оставался «открытым».

Если первый этап революции 1917 г. все же завершается фактическим падением царизма, то лишь с той оговоркой, что возможность его восстановления исключалась всеми последующими этапами.

Быстрая ликвидация царизма ставила русскую буржуазию в небывало трудное положение. Впервые в истории она получила государственную власть, никем и ничем не ограниченную *сверху*. Но именно эта-то сторона «полноты власти» и таила в себе величайшие затруднения и опасности, что отлично понимали умные буржуазные политики, так цепко державшиеся за падавший трон. Революция неожиданно и беспощадно сорвала с государственных органов золотую крышку «внеклассового» и «надклассового» господства монархической власти и впервые показывала народу власть эксплуататоров во всей ее грязной «чистоте».

Организованная в те дни, когда судьба монархии не была еще решена, буржуазия подчеркивала «чистоту» этой власти отборным, «махровым» составом первого министерства.

Не было ограничено юридически это правительство и

снизу. Но севшая рядом с этим правительством власть, в лице советов рабочих и солдатских депутатов, таила в себе непримиримо враждебную силу, которую Гучков, например, верно угадывал даже в советах 1905 г.

При таких трудных обстоятельствах и зловещих предзнаменованиях утлая ладья первого буржуазного правительства вышла в океан революции. Оно прежде всего стало щедро проводить те реформы, которые были уже осуществлены революционным путем: амнистия политическим преступникам (уже по большей части освобожденным из тюрем), упразднение охраны и жандармских управлений (разгромленных в первые же дни революции), отмена празднования царских дней (за которые пришлось бы зря платить рабочим) и т. п. Ликвидация даже самых отвратительных «устоев» царизма, как религиозные и национальные преимущества и привилегии, носила яркую печать либерально-монархической половинчатости и урезанности: реформы сохраняли в неприкосновенности церковь, как государственное учреждение, сословия, титулы, чины и проч. Такой же половинчатостью и торгашеским духом была проникнута национальная политика первого министерства.

Его воззвание к полякам, обещавшее национальную независимость Польши, уже завоеванной немцами, было продиктовано не признанием права самоопределения, а простым расчетом русских империалистов нагадить Германии и Австрии. Воззвание великодушно провозглашало воссоздание Польши из всех трех, ныне разрушенных частей ее. Эта скрытая в великодушном воззвании ложь немедленно выступила наружу.

В вопросе о независимости Финляндии, исторически обособленной гораздо более, чем Польша, правительство Милюкова-Гучкова уже не хотело быть «великодушным» и открыло длинные торгашеские споры с финляндскими представителями. Попытки же других поработанных царизмом народностей (латышей, эстонцев и проч.) поднять вопрос о своей самостоятельности встретили определенно враждебное отношение министерства.

Правда, требование национального самоопределения не включает в себе ничего социалистического. Но неспособность русской буржуазии революционно разрешить национальный вопрос означала одно из многих противоречий нашей буржуазной революции, одну из предпосылок пролетарского переворота. Вот почему настоящий пятилетний юбилей советской

власти¹ вместе с нами должны праздновать буржуазные классы соседних западных республик от Финляндии до Польши, поскольку они дорожат своей национальной независимостью.

Но революционное решение вопросов революции оказалось не по плечу и первым советам. При энергичном нажиме со стороны рабочих масс и вопреки собственным социал-патриотическим сомнениям и предрассудкам («ослабление фронта» и т. п.), советы все же должны были поставить на очередь и более или менее полно провести 8-часовой рабочий день. Явным вмешательством Петроградского совета в дела «полновластного» буржуазного министерства, и притом совсем уже не по «рабочему вопросу», было закрытие им (советом) 7 марта ряда черносотенных газет («Земщины», «Русского Знамени» и др.) и приостановка «Нового Времени» за выход без предварительного разрешения совета. Печальники демократии, поднявшие шум после октябрьского переворота, могли бы таким образом усмотреть нарушение свободы печати советами еще задолго до их большевистского грехопадения.

Первым политическим экзаменом совета было решение вопроса об отношении к войне. 14 марта Петроградский совет издал воззвание «Народам всего мира», в котором призывал «начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительства всех стран», «взять в свои руки решение вопроса о войне и мире» и обещал, что «в сознании своей революционной силы... российская демократия... будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов»...

Вопиющим противоречием этого выступления Петроградского совета был тот факт, что «российская демократия», даже «в сознании своей революционной силы», оставляла действительную государственную власть в руках шайки отъявленных империалистов, сохранявшей в силе и скрывавшей от народа захватнические договоры царя с союзниками.

Несмотря на эту непоследовательность и социал-патриотический уклон, голос Петроградского совета все же был первым освежающим и бодрящим призывом посреди дикого патриотического воя, первым тяжелым ударом империалистам обоих лагерей. После этого воззвания, частью под его же влиянием, частью под влиянием непосредственной агитации большевиков

¹ Статья эта была написана для сборника «Пять лет власти Советов». См. предисловие. *Ред.*

в войсках, на фронте начались «братания», приводившие в бешенство наших и союзнических империалистов и положившие начало разложению германской и австрийской армий.

По мере того как в Петрограде стягивались из ссылки и эмиграции более крупные силы большевиков, меньшевиков и эс-эров, борьба политических течений в советах и вне советов все более обострялась.

Однако большевики, даже по прибытии их лучших сил, были сильны не численным составом, а той принципиальной выдержанностью революционно-пролетарской линии, которая не считалась с успехом сегодняшнего дня ни в эпоху реакции, ни в дни революции. Бюро ЦК большевиков еще в своих мартовских резолюциях (4 и 26 марта) решительно высказалось за недопустимость соглашений с «временным правительством, по существу контр-революционным», «неспособным разрешить задачи революции» и призывало к сплочению вокруг советов, как зачатков революционной власти. Но в вопросе о значении этих «зачатков революционной власти» большевистскую «точку над и» поставил товарищ Ленин немедленно по своем приезде. В своих «тезисах», прочитанных 4 апреля, он впервые указал на советы 1917 г., как на такие органы классовой диктатуры, которые должны не завоевать «демократическую», т. е. парламентскую республику, а заменить ее. Резкость и новизна этой постановки вопроса о советах, конечно, не прибавила сторонников большевистской тактики и даже вызвала на некоторое время разногласие в среде большевиков.

Находясь в незначительном меньшинстве в самих советах, большевики не могли и думать о влиянии на массы через советы. Напротив, поскольку старый состав советов все больше отставал от революции, они должны были все больше действовать на советы через массы. Это воздействие на советы они могли проводить двумя путями: или вынуждая их вступать на революционный путь под давлением масс (например, проведение 8-часового рабочего дня), или же проводя революционную линию через массы, помимо советов, вызывая отчуждение старого состава советов от масс, подготавливая таким образом его обновление. Этот последний способ воздействия становился неизбежным и единственным по мере того, как позиция мелочного большинства советов становилась все более безнадежной.

Трещина между Петроградским советом и его избирате-

лями ясно обозначилась уже к концу второго, мартовско-апрельского, периода, который привел к первому крупному выступлению революционного Петрограда против «министров-капиталистов», несмотря на поддержку министерства со стороны совета.

В конце марта, под влиянием широко уже распространившегося лозунга «мир без аннексий и контрибуций», вожди совета потребовали от Милюкова, чтобы он формулировал свои цели войны (заведомо империалистические) в согласии с этим лозунгом. В этом нелепом требовании, как в капле воды, отразился весь мелкобуржуазный утопизм советских лидеров.

Г. Милюков, как он сам рассказывает, «согласился на опубликование заявления о целях войны, но не в виде дипломатической ноты, а в виде воззвания к гражданам, и притом в *«таких выражениях, которые не исключали его прежнего понимания задач внешней политики и не требовали от него никаких перемен в курсе этой политики»*.¹

Другими словами, г. Милюков предупреждал, что он не может дать революции больше, чем у него есть, и что поэтому его заявление будет только «для внутреннего употребления» и притом двусмысленной или прямой ложью. Когда представители совета («контактная комиссия») указали на эти двусмыслицы милюковской ноты от 28 марта, то находчивый коллега г. Милюкова, г. Некрасов, объяснил им, «что для них же выгоднее истолковать уклончивые выражения автора в своем смысле, как уступку правительства, и на этом основании поддержать заявление». Сам же г. Милюков выговорил себе право «толковать его в своем смысле».²

Так в постыдной закулисной сделке был разрешен, к обоюдному удовольствию, вопрос о целях войны. Беда была только в том, что этот добрый парламентский обычай мирного времени оказывался бесплодным в революционное время.

В день международного пролетарского праздника (18 апреля по старому стилю) большевики на бесчисленных митингах могли особенно широко развернуть свою агитацию против империалистической войны, против куцых, половинчатых и противоречивых социал-патриотических лозунгов. Но 20 апреля, через два дня после Первомайского праздника,

¹ Милюков, «История второй русской революции», стр. 86.

² Там же, стр. 87.

Милюков послал прямой вызов революции. В этот день он опубликовал ноту (помеченную 18 апреля), в которой он, с согласия всех министров (а также с одобрения и даже при некотором редакционном участии гостившего тогда в России г. Альберта Тома — французского социал-патриота и министра), разъяснял «в своем смысле» все прежние двусмысленности о целях войны.

Застигнутые врасплох этой наглой выходкой, Церетели и К^о просили его издать «новую ноту», но получили отказ и добились только «разъяснения» изданной ноты. Это «разъяснение», опубликованное 22 апреля, своим выворачиванием смысла прежних выражений отдавало уже прямым шарлатанством. 21 апреля, по почину и под руководством большевиков, из рабочих кварталов, главным образом с Выборгской стороны, двинулись в центр длинные колонны рабочих, частью вооруженные, неся на знаменах и плакатах своих требования: «Долой министров-капиталистов», «Долой войну», «Вся власть советам». Вожди совета и участники закулисных сделок попытались остановить и успокоить демонстрантов тем, что правительство уже согласилось «разъяснить» свою ноту. Их не слушали. Демонстрация рабочих была настолько внушительна, что ее нельзя было заглушить ни жалкими контр-демонстрациями городской буржуазии, ни заседанием совета, на котором его лидеры провели резолюцию, заявлявшую, будто заведомо для них лживое и шарлатанское «разъяснение» Милюкова «кладет конец возможности истолкования ноты 18 апреля в духе, противоположном интересам и требованиям революционной демократии».

Результатом апрельской демонстрации был уход наиболее ненавистных министров: Милюкова и Гучкова.

Это первое поражение буржуазного правительства имело большое принципиальное значение. Революция решительно отказывалась признать его членов бессмысленными помазанниками Государственной думы до учредительного собрания. Шаткость положения буржуазной власти обнаруживалась в двух отношениях. Во-первых, от первого министерского кризиса не спасал «вотум доверия» совета. Во-вторых, и самое доверие совета вовсе не шло так далеко. Это неожиданно обнаружил исход маленькой «корниловщины», которая заботливо предусматривалась даже в медовый месяц революции. Части гарнизона, вызванные командующим Петроградским округом Корниловым для охраны правительства и порядка от демон-

странтов, отказались выступить, заявив, что они подчиняются только совету. Совет же в вызове войск генералу отказал. Понятно, что такое «доверие» совета оскорбляло правительство в самых лучших чувствах и сводило на-нет всю действительную «полноту» его власти.

Первый этап революции, ликвидировавший царизм, был пройден в несколько дней. Но прошло целых два месяца, пока революция привела широкие массы к первому крупному столкновению с буржуазной властью и принудила эту власть к первому отступлению.

При всей ничтожности непосредственных результатов, апрельское выступление имело то огромное значение, что обнаруживало первый сдвиг «двоевластия» и расчищало дорогу дальнейшей классовой борьбе, как борьбе за власть. Успех этого первого массового выступления в значительной мере обуславливался тем, что русская буржуазия, еще мало искушенная, выступила перед народом слишком прямолинейно и цинично, как классовая власть.

Но буржуазия первая вынесла ценный урок из своего поражения. Дело было еще не в том, чтобы во-время убрать слишком прямолинейных и наиболее ненавистных министров-капиталистов. Буржуазия поняла, что под своими собственными знаменами она будет скоро разгромлена и что лучшей защитой ее классовых позиций против натиска рабочих масс может быть теперь только заслон из министров-социалистов. Она тем более смело могла решиться на этот шаг, что за короткий период своего нераздельного господства в закулисных сделках с социалистическими вождями Петроградского совета она могла хорошо узнать цену их социализма.

В этом заключается смысл и значение «коалиции». Эс-эры и меньшевики, которые только что провели в совете «доверие» старому буржуазному правительству, были вынуждены подкрепить это непризнанное доверие своим собственным вхождением в министерство. Это поражение советского большинства они постарались теперь расславить, как его победу над буржуазией.

«Не в плен к буржуазии идут они, — говорил г. Гоц про новых министров-социалистов, — а занимать новую позицию выдвинутых вперед окопов революции». Так думало и большинство Петроградского совета, и так, несомненно, думало большинство рабочих и солдат России. И в этом заключалась

главная трудность преодоления массами этого нового этапа революции.

Но что министры-соглашатели попадали именно в плен к буржуазии, видно было уже из того, что коалиционное министерство, в котором буржуазии было обеспечено прочное большинство, в своей программе даже по главному вопросу о целях войны, вызвавшему устранение Милюкова, ссылалось только на ноту того же Милюкова.

Таким образом, как справедливо замечает бывший министр, «выдавалась советами лишь личность П. Н. Милюкова, а не его политика».¹

Не уступив соглашателям ровно ничего в вопросе о целях войны, буржуазия именно для защиты этой главной империалистической позиции поставила «социалиста» Керенского. Лучшим защитником ее интересов на взбудораженном фронте не мог быть ни старый царский генерал, ни Гучков. Вместо них эту защиту взял на себя пресловутый социалистический «главноуговаривающий», призывавший «самых свободных солдат мира» продолжать самую отвратительную и преступную в истории бойню, но при этом божившийся революцией, республикой, социализмом и... даже своими собственными подвигами борца, «умиравшего» за свободу.²

«Коалиция», сваливая впервые часть ответственности буржуазного правительства на «советы», была в то же время внешним символом идеологической связи империализма с широкими кругами мещанской демократии, которая во всех воюющих странах была главным проводником военно-патриотического угара. Запоздалой подготовкой этого угара и занялось, в первую очередь, «коалиционное» правительство, впервые мобилизуя те наиболее подходящие элементы населения, которые в начале войны были придавлены тяжелой рукой царизма.

¹ Там же, стр. 112.

² Из речи Керенского на рижском фронте 23 мая: «Когда мы, кучка революционеров, бросились на борьбу с сложным механизмом старого режима, мы никогда не оглядывались назад — на тыл, не ждали резервов, мы шли на борьбу без оглядки, и, если надо было, умирали». Не все, конечно, знали на фронте, что А. Ф. Керенский до самой революции принадлежал не к кучке революционеров, а к кучке мирных обывателей — трудовиков Государственной думы. Когда же он записался в эс-эры, то умирать в борьбе со старым режимом ему уж потому не представлялось возможности, что к тому времени сам старый режим уже умер.

В то время, как с объявлением войны даже кадетская «Речь» была закрыта царской цензурой, коалиционное правительство имело к своим услугам не только гораздо более близкую к массам социал-патриотическую печать, но и высоко официальную устную пропаганду министров-социалистов.

Задуманная и приведенная в исполнение «коалиционным» правительством авантюра июньского наступления, помимо властного давления кредиторов-союзников, диктовалась именно этим расчетом — сплотить патриотическое мещанство и в атмосфере военного угара бросить его навстречу все разрастающемуся движению рабочих и солдатских масс, терявших терпение и веру в хитро-сплетенные декларации.

Состоявшийся в июне первый съезд советов не только не ослабил, но еще больше упрочил связь советов с «коалицией». И тем самым он не только не укрепил, но ослабил власть советов.

Опираясь на старый состав Петроградского совета и на еще более отставших от революции делегатов провинции, соглашатели могли провести этот съезд под общим лозунгом: «Объединение масс вокруг советов, поддерживающих правительство». Но именно во время этого первого съезда обозначившаяся уже глубокая трещина между соглашательской линией советов и революционной массой петроградских рабочих еще больше увеличилась.

Этот первый съезд советов как нельзя лучше показал, как умело использовала буржуазия «коалицию» как средство для проведения буржуазного влияния на советы. Усиление этого влияния на советы помогло буржуазной власти перейти от обороны к наступлению как на внешнем, так и на внутреннем фронте. «Революционное оборончество» советского большинства, со вступлением его представителей в «коалицию», все более вырождалось в мещански-патриотический угар, искусно раздуваемый вождями буржуазии. «Завоевав» министерские портфели, меньшевистско-эсеровские соглашатели не только уже сознательно мирились с тайными захватническими договорами, но оказались вынужденными, хотя с ужимками и оговорками, поддержать и преступную авантюру наступления (защищая, например, не «наступление», а «подготовку к наступлению»).

Грубым нарушением этой патриотической идиллии на съезде советов была демонстрация петроградских рабочих 18 июня. Разрешенная самим съездом, эта демонстрация

глубоко оскорбила патриотические чувства съехавшихся депутатов своими лозунгами: «Долой тайные договоры!» «Долой политику реакции!» «Долой десять министров-капиталистов!» «Вся власть советам!»

Начавшееся в тот же день наступление на фронте послужило сигналом к мобилизации патриотического мешанства в тылу, к наступлению контр-революции. И наступление на фронте, послужившее началом разложения армии, и мобилизация патриотов Невского проспекта были не чем иным, как началом гражданской войны, разжигавшейся притаившейся контр-революцией. Съезд советов, заглушая немногие голоса большевиков, не только не сумел дать отпор выползавшей на свет контр-революции, но и сам, видимо, поддался влиянию военно-патриотического угара, когда он, по поводу первых известий об успехах наступления, посылал «горячий привет наступавшим».

Первый съезд советов обнаружил глубочайшее расхождение с петроградским пролетариатом и гарнизоном. В рабочих кварталах его называли «съездом земских начальников». Делегатов съезда, при их попытках войти в сношения с массой, нередко выпроваживали за порог. Избранный этим съездом ЦИК, в который вошло руководящее меньшевистское ядро Петроградского совета: Церетели, Либер, Дан и К^о, после съезда еще дальше отошел от рабочей массы. Но этот новый советский центр дал возможность советским прислужникам буржуазии в передовом центре революции до самого октябрьского переворота выступать против рабочих и солдат Петрограда «именем советов».

В атмосфере тупой злобы патриотического обывателя против большевиков, как виновников несостоявшихся побед, и крайнего возмущения петроградского пролетариата и гарнизона, июньское наступление на фронте подготовило «июльские дни», поставившие новую веху в истории борьбы за советскую власть.

Враги советской власти обыкновенно изображали события этих дней, как неудавшуюся попытку октябрьского переворота, «обвиняя» большевиков в вооруженном восстании против временного правительства. Нисколько не пытаясь скрыть большевистскую неблагонамеренность по отношению к буржуазной власти, так определенно доказанную через несколько месяцев, можно установить, что эти обвинения тогда были еще неосновательны. Зато можно считать вполне доказанным,

что июльские дни были наполовину удавшимися «июньскими днями» 48 года.

Исполнительный комитет советов, уже давно «творивший волю буржуазии», благодаря стихийно возникшему возмущению, должен был выдержать очную ставку с пославшим его пролетариатом и гарнизоном. Осажденный бесчисленными депутациями, требовавшими перехода власти к советам, он отсиживался в Таврическом дворце в ожидании «надежных» войск с фронта, так как в Петрограде таковых уже не было. Окруженный прибывшими, наконец, с фронта полками, он мог, под защитой штыков, громко разразиться «промеж себя» обвинениями и проклятиями против большевиков и объявить их «контр-революционерами». В эти дни таврического заключения исполнительный комитет исчерпал до конца свой «революционный» авторитет. Зато после освобождения началось его особенно усердное прислужничество настоящей контр-революции.

Разгром вооруженной, но мирной демонстрации прибывшими войсками только подтвердил то общее мнение большевистских организаций, что вооруженное восстание против временного правительства вполне созрело в красном Петрограде, но было преждевременно в общероссийском масштабе. Блок эс-эров и меньшевиков с черной сотней ставил себе, как непосредственную задачу «прорыв фронта Ленина». Мобилизация патристического мещанства, начатая «коалицией» в июне, в атмосфере военного угара, теперь была искусно и умело использована для бешеной атаки на фронте революции.

В более «демократических» формах эта погромно-патристическая волна повторяла события начала империалистской войны при царизме.

Но какая разница, какой прогресс! Тогда под лозунгом «защиты отечества» громили германское посольство хулиганы «союза русского народа». Теперь под тем же лозунгом, «революционно» и «социалистически» углубленным социал-патриотами, работали, кроме тех же, впервые спущенных с цепи громил, — офицеры, юнкера, студенты, гимназисты и прочая демократия. Врагами отечества, на которых бросились погромщики, были прежде всего «Правда» и большевики — «германские шпионы», а вместе с ними все шедшие за ними рабочие. Однако и эта демократическая мобилизация, так же, как и царская, отбрасывая революцию временно назад, могла только обострить ее развязку.

После июльских событий борьба за советы вступила в новую полосу. Собравшийся в конце июля съезд РС-ДРП (большевиков) в своей резолюции о политическом положении (п. 7) выразил новое положение вещей следующим образом:

«Лозунг передачи власти советам, выдвинутый первым подъемом революции, который пропагандировала наша партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам, постепенного изживания мелкой буржуазией ее иллюзий.

«В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контр-революционной буржуазии.

«Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контр-революционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема».¹

Советы первого состава дошли до крайнего предела прислужничества буржуазии и не только отстали от революции, но, особенно своей верхушкой, основательно присохли к контр-революционной буржуазной власти. Если бы советы были по своей организации буржуазными парламентами или «учредительным собранием», забронированным хотя бы на минимальный срок (например, на один год) составом, то они в течение этого срока имели бы достаточно времени, чтобы окончательно предать и своих избирателей и революцию. Но советская организация, зародившаяся еще в 1905 г. и выработанная условиями позднейшей пролетарской борьбы и духом революционного времени, при всей ее внешней грубости исключала такую возможность. Ибо, в отличие от норм избирательного права буржуазных законодательных учреждений, она: 1) прочно связывала депутата с однородной и тесно сплоченной избирательной единицей (фабрикой, заводом, полком) и 2) с самого начала установила обычай переизбрания депутата в любое время. А сливая воедино в советах законодательство с исполнительными функциями,² эта организация

¹ Протоколы 6 съезда РС-ДРП (большевиков), стр. 220. (В издании Испарта 1927 года, стр. 225 — 256. *Ред.*)

² Эту черту нынешней советской организации можно проследить в практике как дооктябрьских советов 1917 года, так и кратковременных советов 1905 г. Не говоря уже о том, что исполком мог переизбираться на каждом пленуме советов без всякого «парламентского кризиса», члены

гарантировала революцию от обмана трескучих деклараций и декретов, остающихся на бумаге.

Вот почему г. Милюков, в котором России суждено было потерять блестящего министра парламентского режима, уже после образования первой «коалиции» стал терять нить, руководящую министерской политикой. Оценив первую «коалицию», как такое правительство, «которое действительно вполне заслуживало полного «доверия» и «поддержки» умеренных социалистических групп, к которым принадлежало большинство в совете р. и с.-д.», он наивно добавляет: «Беда была лишь в том, что, чем эта поддержка становилась тверже и основательнее, тем более само большинство совета теряло поддержку в массах и таяло».¹

Таяние меньшевистско-эс-эровского большинства советов, едва наметившееся при первой «коалиции», после июльских дней пошло ускоренным ходом. Авторитет и влияние большевистских организаций, имевших за собой при первых выборах в советы ничтожное меньшинство, вырастали теперь в огромную силу. Разгром этих организаций и аресты или уход в подполье их вождей только влекли к ним сочувствие, как и во время царизма. То обстоятельство, что эти аресты производились «именем революции», уже никого не смущало, а только еще больше возмущало. Даже необыкновенно наглое опубликование «документов» о подкупе большевистских вождей Германией, вызывавшее временное замешательство в нескольких революционных полках и решившее исход июльских дней в самую критическую минуту, не могло упрочить позиции временного правительства. Ведь это было старое, давно известное средство царских охранников против «японских шпионов» в 1904 — 1905 годах.

Июльская «коалиция» отразила новое соотношение сил. Уход кадетов из министерства и затягивание ими переговоров

совета занимались не только и даже не столько дискуссиями и голосованиями, сколько личной пропагандистской, организационной и прочей работой в массах, большей частью не отрываясь от профессиональной повседневной работы.

Так, Петроградский совет 1905 г. не ограничивался постановлением о стачке, но и проводил эту стачку на заводах через депутатов от этих заводов. Этой существенной жизненной стороны советской организации не понимали меньшевики, предлагая советам «давить» на временное правительство; не понимал и Чернов, когда, вступая в «коалицию», радостно возвещал в совете: «Совет р. и с. д. будет в сущности решать государственные дела, а министры только исполнять».

¹ Цит. кн., стр. 122.

о новом министерстве перепугали меньшевистско-эс-эровских советских главарей еще больше, чем вооруженная демонстрация. Убедившись, что эти господа больше всего на свете боятся «всей власти», кадеты своей забастовкой могли угрожать им, как светопреставлением: попробуйте-ка делать буржуазную революцию без буржуазии. И забастовщики при новой сделке обеспечили себе «полноту власти» больше, чем когда-либо. По требованию кадетов меньшевики и эс-эры не только отказались от ответственности новой «коалиции» перед советами, но освободили от этой ответственности даже министров-социалистов.

Порывая всякую связь советов с временным правительством, соглашатели расчищали дорогу уже обозначившейся буржуазной диктатуре. Оправдывая по-своему этот блок с контр-революцией необходимостью прорыва «Ленинского фронта», они давали этой грядущей буржуазной диктатуре титул «революционной». Этой новой революционной формулой соглашатели прикрывали свой безнадежный отход от масс.

Совсем иначе смотрела на дело буржуазия. С самого начала революции она старалась сохранить монархию, как символ «внеклассовой» власти. Но это была для нее не голая формула, а реальная сила, опирающаяся на штыки. После того, как вслед за министрами-капиталистами быстро израсходовали свой авторитет министры-«социалисты», буржуазия призвала на защиту своих позиций генералов-черносотенцев.

Подготовка почвы для военной диктатуры началась на московском «государственном совещании». Уже на подготовительном «малом» совещании буржуазии, состоявшем из промышленников, профессоров и генералов, помимо соответствующих речей и резолюций, был совершен как бы обряд посвящения в диктаторы. «В грозный час тяжелого испытания, — телеграфировало генералу Корнилову совещание, — вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой». По прибытии на самое совещание (15 августа), избранный буржуазией, диктатор был встречен таким триумфальным шумом, какой только можно было поднять при помощи юнкеров, прапорщиков и всех буржуазных членов Государственной думы. Ему говорили приветственные речи, его вынесли на руках, служили молебен, кричали ура. Словом, генерала встречали так, как будто он уже спас Россию от революции. При бешеных криках одобрения хорошо спевшейся буржуазии генерал Корнилов и еще лучше генерал Каледин более или менее

прозрачно излагали программу будущей диктатуры: восстановление палочной дисциплины в войсках, упразднение «советов» и «комитетов» и твердая государственная власть в опытных, умелых руках лиц, не связанных узко-партийными групповыми программами. Под умелыми беспартийными лицами тут разумелись старые царские генералы.

В конце августа генерал Корнилов двинул на Петроград свои войска, чтобы разогнать не только советы и комитеты, но и временное правительство, и установить самолично «твердую власть», т. е. покончить с революцией. Меншевики и эс-эры, только что благополучно прорвавшие «фронт Ленина», в результате этой победы оказались перед фронтом Корнилова.

И только тогда визгливые крики о «контр-революционерах большевиках» должны были застрять у них в горле. На красный Питер надвигалась подлинная контр-революция, с копытами и рогами, не прикрытая никакими революционными формами и демократическими приличиями.

На кого же могли теперь опереться наши рыцари буржуазной революции? Было до очевидности ясно, что и та почтенная рать из юнкеров, офицеров, профессоров и прочей «демократии», которая прорывала «фронт Ленина», была на стороне Корнилова и только ждала момента, чтобы ударить в тыл. Так как никакого третьего фронта соглашатели сами по себе не представляли, то свое спасение они могли найти только под защитой только что прорванного ими «Ленинского фронта». «Корниловщина» послужила сигналом к дружной мобилизации и вооружению революционных сил, при полной растерянности и попустительстве соглашателей.

Петроградский совет, уже значительно обновленный большевистскими членами, впервые за всю свою историю 1917 г. выступил активной революционной силой и вписал славную страницу в эту историю. Встряхнулись и другие советы. И тогда обнаружилось, каким мыльным пузырем была в сущности «корниловщина» и как мало силы таила в себе грозная фигура боевого генерала, на которого «с надеждой и верой» взидала вся притаившаяся контр-революция. Наступающая армия Корнилова разложилась раньше, чем вплотную подошла к Петрограду. Контр-революционным полководцам оставалось только задним числом записать простое объяснение их неудачи, которая почему-то не приходила им в головы

раньше: если солдаты братались на фронте с немцами, то почему бы им не побрататься с русскими рабочими?

«Корниловщина» была последней ставкой контр-революции, открыто попытавшейся водворить буржуазную диктатуру. И уже из подавления корниловского мятежа было очевидно, что единственной революционной силой, способной противостоять этой буржуазной диктатуре, может быть только классовая диктатура, — диктатура рабочих и крестьян, в виде прочно сложившейся, окрепшей организации советов р. и с. д. Но соглашатели не исполнили бы до конца своей исторической роли, если бы даже теперь, после «корниловщины», не попробовали примирить непримиримое. Их последним очередным номером было так называемое «демократическое совещание» и выделенный им «демократический совет». Так же, как и московское совещание, оно было искусственно и произвольно надергано из всевозможных организаций и партий, с таким расчетом, чтобы, обеспечив цензовым элементом солидное число голосов, дать большинство промежуточным, мелкобуржуазным элементам, становящимся поперек дороги и революции и реакции. Полная непримиримость между двумя основными классовыми группировками как нельзя лучше выявилась на судьбе этого последнего демократического эксперимента — этого «совета рабочих и буржуазных депутатов». Буржуазия не согласилась на ответственность правительства перед «демократическим совещанием» и его «советом», а в качестве своих представителей в новое коалиционное министерство, вопреки резолюции «совещания», преспокойно послала кадетов, т. е. заведомых корниловцев. Большевистская же фракция этого учреждения, воспользовавшись своим присутствием там для заявлений о нелепости и преступности всякой «коалиции» с контр-революцией, кончила тем, что 7 октября объявила ему бойкот, встретив поддержку и одобрение и в Петроградском совете и на заводах. Таким образом, справа и слева «демократическому совету» было внушительно доказано: «не демократия, а диктатура». Последняя «коалиция», составленная после подавления корниловщины, но с участием явных и тайных корниловцев, потеряла всякую тень поддержки рабочих и солдат. Но наступал момент, когда критики негодования и бойкота было недостаточно. Петроградский совет, уже с 3 августа окончательно ставший на большевистскую платформу, теперь осаждался бесчисленными депутациями от рабочих и солдат и ходоками

от крестьянских комитетов, заявлявшими о невыносимом положении на фронте и в стране. Как на корниловщину смотрела буржуазия «с надеждой и верой», так смотрели теперь трудящиеся массы на советы. Ставилась на очередь дня прямая и непосредственная задача: свержение временного правительства, свержение власти буржуазии. Такое завершение «буржуазной революции» не только ломало все меньшевистские формулы, но не входило также в задачи и планы большевиков в начале революции. Но оно с железной необходимостью вытекало из положения вещей, созданного ходом революции в условиях империалистической войны.

И, прежде всего, вопрос о новом перевороте вовсе не ставился так: созрело ли экономическое развитие России для социалистического производства? Такую постановку навязывали ученые лакеи буржуазии, обвинявшие и обвиняющие большевиков в перевороте «именем марксизма». В центре всех вопросов, ждавших немедленного разрешения и уже порождавших стихийные взрывы гражданской войны на фронте и в тылу, стояли вопросы о ликвидации империалистической войны и о земле. Вот почему и партия большевиков и Петроградский совет, призывая массы к борьбе за «всю власть советам», в то же время указывали массам на разрешение этих вопросов (на ряду с другими, как-то: осуществление на деле права самоопределения наций, отмена сословий и проч.), как на первую и неотложную задачу Советской власти. Не трудно видеть, что эта программа советов после завоевания власти предreshала судьбу Учредительного собрания.

Не только вопрос о земле, но и вопрос о мире непосредственно касался больше крестьян, чем рабочих (рабочие крупнейших отраслей промышленности: металлической, каменноугольной, железнодорожной и др. не были мобилизованы). Но вопрос о мире был в то же время важнейшим экономическим вопросом, ибо Россия раньше и больше других воюющих стран была истощена до крайних пределов. В этом отношении ее экономическое положение «созрело» до такой степени, что дальнейшее промедление было смерти подобно. И здесь, как во всех вопросах революции, диалектика фактов оказалась убедительнее метафизики книжных формул. Не социалистические эксперименты, а революционная ликвидация дальнейших империалистических экспериментов ставила на очередь новый переворот.

Не вводя социализма, советы, завоевав государственную

власть, могли, конечно, провести целый ряд мер для его приближения. Уже 31 августа в оглашенной большевистской фракцией резолюции на заседании ЦИК в числе таких мер намечались: введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением, национализация важнейших отраслей промышленности, как-то: нефтяной, каменноугольной, металлургической.

Во главе решительного боя с последним коалиционным правительством стал Петроградский совет р. и с. д. В начале октября, по поводу попытки Керенского вывести из Петрограда несколько революционных полков, при Петроградском совете возник военно-революционный комитет. В насыщенной революцией атмосфере Петрограда, при неограниченном доверии к Петроградскому совету, его военно-революционный комитет стал тем органом, который своевременно заменил «оружие критики» «критикой оружия». Быстро объединив через своих комиссаров и подчинив своему руководству все вооруженные силы и военные склады Петрограда, В.-Р. К. в сущности уже решил исход переворота. Вооруженное восстание 24 — 25 октября, свергнувшее власть буржуазии, было полной противоположностью бланкизма. На глазах у врагов Петроградский совет и его В.-Р. К. приводили в боевую готовность свои силы, делали им смотр, отдавали боевые приказы и с 24 октября стали планомерно и почти беспрепятственно занимать одно за другим правительственные учреждения.

Днем 25 октября, на собрании Петроградского совета, его председателем тов. Троцким было доложено, что временного правительства больше не существует. Эта дата поставила веку между двумя тысячелетиями. Вечером этого же дня заседал второй съезд советов. На другой день был избран Совет Народных Комиссаров и были изданы первые декреты о мире и о земле.

Так советы из органов борьбы за власть превратились в органы власти.

Г. Керенский и все прочие корниловцы с первых же дней существования Советской власти изо всех сил старались напомнить и подтвердить, что эта власть должна ежечасно быть готовой «подавить всякое сопротивление эксплуататоров», т. е. быть органом классовой, пролетарско-крестьянской диктатуры.

А Учредительное собрание?

Эта тень буржуазной революции, никогда не омрачавшая мысли «временного правительства», своим запоздалым появле-

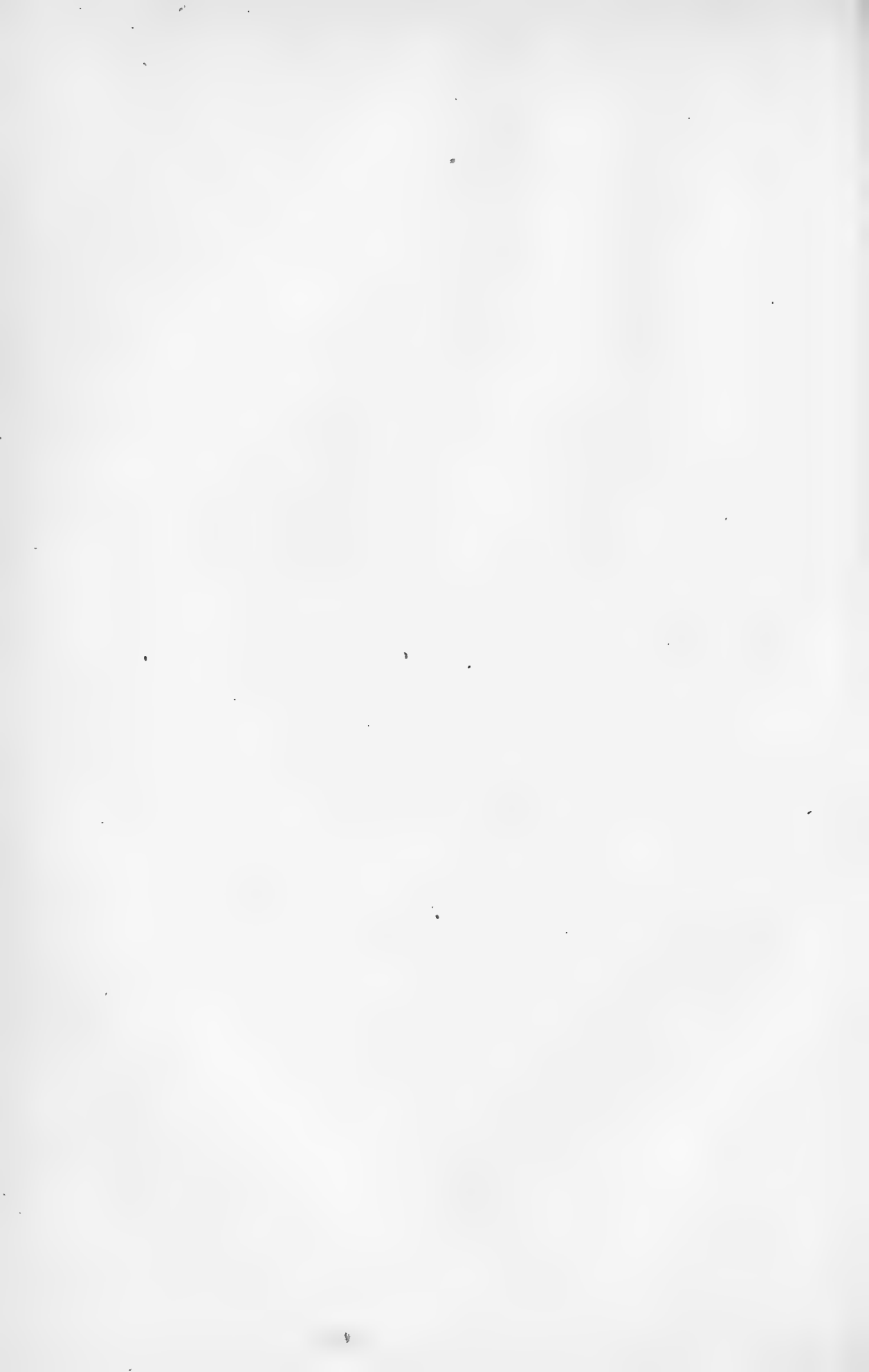
нием в Советской республике могла служить только горьким укором низвергнутой власти, как состарившаяся в девицах невеста.

В свое время оно могло бы стать лучшим украшением короткого века буржуазной власти и, быть может, даже продлить этот век.

Теперь же ему делать было нечего. Учреждать крепко стоявшую на ногах Советскую республику было не нужно. Возродить же старую низвергнутую власть оно уже не могло.

СТАТЬИ ИЗ «ЗВЕЗДЫ», «НЕВСКОЙ ЗВЕЗДЫ»
И «ПРАВДЫ»

1910 — 1912^{гг.}

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

ИТОГИ СЕССИИ

«ВЕРМИШЕЛЬ»

Если присмотреться ближе к законодательству, заслужившему в газетных отчетах это презрительное название, то окажется, что из 60 с лишним проведенных (или отклоненных) за сессию законопроектов этого рода не менее 40 представляют не что иное, как внесметные ассигновки. Здесь мы находим законопроекты: об ассигновании дополнительного кредита по смете морского министерства на 1910 г., о покрытии перерасхода сметы м-ва иностранных дел, о продлении действия закона о добавочных пенсиях офицерским чинам, об отпуске средств на вознаграждение разных чинов за особые труды и пр. и пр. Сюда же относятся ассигновки на полицейскую охрану, на поддержку дворянству, на субсидии промышленникам, как, например, законопроекты: о продлении действия некоторых узаконений об усилении полиции; об отпуске кредита на пособие пострадавшим от политического террора; об увеличении содержания заседателям дворянских опеки; о содержании срочных пароходных сообщений; о выдаче Добровольному флоту беспроцентной ссуды в 2 800 тыс. руб. и т. д.

Все 40 ассигновок этого рода, отпущенных в одну только 1-ю половину 4-й сессии, должны составить значительную часть годового бюджета, которая, таким образом, оказывается изъятой из общих и постатейных бюджетных дебатов. Избегая, при таком порядке, беспокойной «агитации» с «думской трибуны», представители думского большинства, разумеется, сохраняют за собою полную возможность вступать в соглашения с представителями ведомств.

Больше половины остальных законопроектов из так называемой «вермишели», не представляя непосредственного политического интереса для широких масс населения, являются

весьма существенным, иногда прямо таки «шкурными» вопро-¹ учреждения новых и упразднении старых промышленников. Сюда нужно отнести, напр., законопроекты: о предоставлении Крестьянскому банку продолжать покупку земель за свой счет (операция, вздувающая цены на помещичьи земли), о пересмотре некоторых временных тарифов, о делопроизводстве, о товарных знаках, об учреждении новых и упразднении старых таможенных застав, об отмене и изменении некоторых постановлений уставов об акцизных сборах и т. д.

Если в старой, дореволюционной России, наиболее полно выражавшей интересы «зубров», все вопросы отечественной промышленности решались не без влияния (а иногда и прямого участия) крупной буржуазии, то в России «обновленной» это влияние стало, конечно, сильнее. Уже одно перемещение этих деловых решений из министерских передних в кабинеты Таврического дворца может служить внешним показателем роста этого влияния. «Вермишельная» практика законодательства 3-й Думы, с перенесением центра тяжести в негласные заседания думских комиссий, как нельзя лучше показывает, что и в новой обстановке «народного представительства» это возросшее влияние нашего торговопромышленного класса сохраняет старый антидемократический характер, характер соглашений.

Повторяем: «вермишельное» законодательство 3-й Думы за истекшую сессию является весьма важной и чрезвычайно богатой по содержанию положительной работой 3-й Думы.

Этого нельзя сказать о трех законопроектах, занявших почти все время пленарных заседаний: о начальных училищах, о ве² застройки и о нормальном отдыхе служащих.

ЗАКОНОПРОЕКТ О НАЧАЛЬНЫХ УЧИЛИЩАХ

Этот законопроект был внесен министерством народного просвещения еще 3 года тому назад под названием: «Введение всеобщего образования в России». Дума ответила на него в свое время субсидией в 6 900 тыс. руб. земским школам. Самый же законопроект она забраковала «в виду его несовершенства». И вот, он вернулся в Думу в новой министерской

¹ Так в оригинале; несколько слов, очевидно, выпало из набора. *Ред.*

² То же. *Ред.*

редакции, исправленной думской комиссией. Согласно духу времени, он носит более скромное название и, кажется, все сделано для того, чтобы придать ему тот же «вермишельный» характер очередной ассигновки.

Эта маленькая бумажная история законопроекта в 3-й Думе, столь работоспособной в иных сферах, служит только слабым отражением судеб народной школы в России за многие годы. «Ровно 50 лет тому назад, рассказывал в Думе докладчик, главнейшие основания этого законопроекта, даже многие детали его были уже разработаны и были предметом обсуждения в правительственных сферах, — это были законопроекты, выработанные министром народного просвещения Ковалевским, но... дело остановилось только на бумажной разработке». 3-я Дума прибавила, таким образом, к 50 годам бумажной истории всеобщего народного образования 3 года, но на случай осуществления его в жизни (в более или менее отдаленном будущем) она сделала все возможное, чтобы в самой постановке начального обучения укрепить старую, «русскую» точку зрения.

Главными пунктами при обсуждении законопроекта были: задачи начального обучения, применение русского языка в инородческих окраинах и положение церковно-приходских школ. Последний вопрос был расширен до вопроса о роли и значении церкви и религии вообще для народного образования.

«Русскую» точку зрения наиболее определенно выразили, конечно, *правые*. Правое духовенство выразило желание «полного сближения церковной школы с народом», выставляя эту школу с ее церковно-славянской грамотой, псалтырем и клиросным пением идеалом начального образования. «И ни за что другое, как именно за это церковное направление, любит русский народ эту свою родную церковно-приходскую школу», — уверял Думу еп. Евлогий.

Целый ряд правых ораторов развивал мысль, что главной задачей начальной школы должно быть религиозно-нравственное воспитание, укрепление духа смирения, повиновения властям и пр.

Насколько далеко, однако, стоит не только церковная, но и министерская начальная школа от самых элементарных задач начального образования — это наглядно показал в самой Думе один из правых ораторов, защищавших церковную выучку, г. Сушков:

«Вы знаете, — говорил этот питомец низшей министерской школы, — Пушкин, Лермонтов, Жуковский — это великие люди, они были преобразователями России, они заботились о том, чтобы устроить школу»...

Точку зрения центра обстоятельно развил проф. Капустин. Во всем существенном это была та же «русская» точка зрения. Религиозно-нравственное воспитание поставлено комиссией во главу угла потому, что государственная школа «должна иметь известное направление». Школа должна быть русской, национальной. Он также горой стоит за церковную школу и превозносит ее заслуги. Но задачу «полного сближения церковной школы с народом», т. е. передачу всех школ в руки батюшек, он все же считает невозможной, впрочем, по весьма уважительной причине: батюшек во всей России около 50 000, а начальных школ уже теперь более 100 000.

Он против обязательного обучения потому, что это — только подражание Западу, что в этом нет «сознаваемой необходимости».

Кадеты высказались против чрезмерного влияния современной казенной церкви на народное образование, по той причине, что эта церковь все равно не может удержать народ от революции. «Где был церковный авторитет тогда, — говорил деп. Караулов, — когда пылали усадьбы, когда рубились леса... когда помещики, как во времена пугачевщины, наполняли города».

Социал-демократы, выступавшие многократно с критикой законопроекта, его защитников и противников, формулировали свое отношение к законопроекту в предложенной формуле перехода... «рассматриваемый законопроект не только не удовлетворяет общедемократическим требованиям в деле начального обучения, но явно стремится превратить начальную школу в орудие господствующей реакционной и антинародной политики, вопиюще нарушает самые элементарные права населяющих Россию народностей».

О ПРАВЕ ЗАСТРОЙКИ

Меньше чем в одно заседание Дума приняла, наконец, давно внесенный законопроект о праве застройки. В первых двух чтениях он был рассмотрен еще в прошлую сессию. Его сущность сводится к тому, что он устанавливает право владельцев недвижимого имущества, находящегося на чужой

земле, свободно распоряжаться (продавать, завещать и пр.) своим имуществом и освобождает, таким образом, мелких домовладельцев от кабалы у собственников арендованной земли. Насколько настоятельна была необходимость этого закона, регулирующего запутанные земельные отношения, — это доказывали те тучи писем, запросов и ходатайств из разных концов, которыми завалена была с.-д. фракция еще в прошлую сессию. Обширные рабочие поселки и даже целые города (Бердичев) на арендованных землях, дождались, наконец, решения своей участи от нового закона, так основательно вылежававшегося в думских канцеляриях.

Третьим законопроектом, проведенным в эту сессию Думой (принят только во 2-м чтении) и имевшим большое значение для очень многочисленного слоя трудящихся масс, был законопроект *о нормальном отдыхе торговых служащих*. Его разбору была посвящена особая статья в предыдущем № «Звезды» («Рождественский подарок торговым служащим»), к которой мы и отсылаем читателя.

Запросы.

Вечерние заседания по средам были наиболее «неработоспособными». Они были посвящены запросам. Через 3 заседания на 4-е Дума обрекала себя на занятия, заведомо бесплодные с точки зрения «вермишельной» положительной работы. Но как раз во вторую половину сессии, когда подготовленная в комиссиях «вермишель» требовала от Думы особых усилий, — события внешней жизни все больше заставляли ее отрываться от повседневных интересов «очередных ассигновок».

Истекшая сессия была богата запросами. Небольшая часть этих запросов, внесенная думским большинством, носит солидный, деловой характер и стоит в самой тесной связи с «положительной» работой Думы.

Сюда надо отнести запросы:

1. О нарушении министерством путей сообщения положения о казенных подрядах при заказе на рельсы.

2. Об убытках для государственного казначейства, вызванных покупкой у иностранных фирм кардифского угля для нужд владивостокского порта.

3. О броненосце «Слава», застрявшем по дороге вследствие порчи всех котлов.

Нетрудно видеть, что все эти вопросы стоят в тесной связи с прибылями и убытками для отечественной промыш-

шленности и с обостренным отношением к ненавистному ведомству, не считающемуся с ее интересами. Но даже здесь до открытого признания «незакономерности» дело не дошло. Дума ограничилась выражением соответствующих пожеланий.

Другую группу составляют те запросы, самое обсуждение которых является для делового большинства или просто «пропащим» временем, или даже досадной помехой. Сюда относятся запросы соц.-демократов:

4. О поранении часовым в Ярославской тюрьме ребенка.

5, 6. О действиях председателя новочеркасской судебной палаты Хлодовского (мир. судья Пальчиковский и др. свидетели по делу подвергались административной каре) и о действиях властей при рассмотрении дела о так называемой «Новороссийской республике».

7. Об известных циркулярах главного присутствия по фабричным делам, «разъяснивших» некоторые статьи фабричных законов, устанавливающие судебную ответственность промышленников.

8. О «незакономерных действиях» провокатора Хорольского, выразившихся в провокации.

9. О действиях военных и гражданских властей в Прибалтийском крае (убийство стражником и урядником крест. Двелиса и мещ. Палишевского, задержанных при ловле дичи в помещичьем лесу при попытке их к бегству).

Из всех этих запросов посчастливилось только одному запросу о провокаторе Хорольском, провокация которого твердо установлена военным судом. Все же прочие запросы, внесенные в эту сессию, были отвергнуты. При обсуждении внесенные еще в прошлую сессию Дума удовлетворилась объяснениями правительства.

Последние думские дни были омрачены крупными общественными событиями, давшими повод к новым запросам соц.-демократов.

10. О событиях в Вологодской и Зарентуйской каторге (смерть Сазонова) и

11. О насилиях над учащимися в высших учебных заведениях и запрещении сообщать об этом сведения в печать.

12. Наконец, в последнюю среду кадетами был внесен запрос о действиях городской и университетской администрации при одесском погроме.

События последних дней бурно врывались в стены Думы,

выбывая «народное представительство» из проторенной «вермишельной» колеи. Не даром так богато представленная в Думе черная Россия доходила в эту сессию до необычайного даже для нее бешенства и цинизма, договаривалась до удивительных — даже в третьей Думе — заявлений (Крупенский о смерти Толстого, Марков 2 о смерти Сазонова, Шульгин об одесском погроме). Недаром Гучков горько сетовал, что с.-д. мешают Думе работать.

Поскольку эти события и взволнованные ими общественные слои вставали перед судом думского большинства, заваленного «положительной» работой, — они неизменно вызывали его осуждения и проклятия.

Тем ярче должна выступить «положительная» работа третьей Думы перед судом этих общественных слоев.

«Звезда» № 3, 30 декабря 1910 г.

ДВИЖЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ПРИСЛУГИ В ЕВРОПЕ

Движение среди женской прислуги началось очень поздно, что объясняется условиями, очень мало благоприятными как для развития классового сознания в отсталой среде, так и для организационного выступления ее на защиту своих интересов.

Широкое развитие чисто женского рабочего движения выдвинуло целый ряд женских агитаторш, пропагандисток, организаторш, которые уже в силу того, что они женщины, сумели подойти к этим крайне неразвитым и пропитанным часто самыми грубыми предрассудками элементам рабочего класса.

В Германии дело настолько продвинулось вперед, что в будущем 1912 году состоится уже конгресс женской домашней прислуги. Организация последней примыкает к всегерманскому союзу всех профессиональных союзов. Основана она была женщинами социал-демократками.

Раньше всего в Нюрнберге, где по инициативе рабочей секретарши Гринберг, к которой поступало много жалоб, было созвано специальное собрание с тем, чтобы обсудить некоторые особенно возмутительные случаи жестокого обращения. Зал оказался малым и не мог вместить всех желавших по-

пасть на собрание. На нем был сделан призыв к организации и был основан первый союз женской прислуги. За Нюрнбергом последовали другие города.

Профессиональные союзы поддерживали движение не только морально, но и материально: они давали средства, необходимые для создания организаций, секретари профессиональных союзов читали рефераты на собраниях. На съезде профессиональных союзов в Гамбурге в 1908 году основательница движения Елена Гринберг прочитала доклад об агитации среди служанок. 17 января 1909 г. заседала в Берлине конференция домашней прислуги; на ней решено было основание центрального съезда для всей Германии.

В данный момент почти в каждом большом городе Германии существует ферейн служанок. Некоторые местные группы, как, например, Гамбург, насчитывают значительно больше 1000 членов. В Берлине выходит собственный центральный орган, который начал издаваться по инициативе генеральной комиссии, — представительного органа германских профессиональных союзов.

В Швейцарии, равно как и в Голландии, существуют в данный момент союзы служанок.

Однако все внимание обращено теперь на страны севера. В Швеции, Дании и Норвегии разворачивается широкое движение. Женская прислуга в этих 3 странах выставляет свои требования, и мы стоим, вероятно, накануне серьезной борьбы ее союза с хозяевами. Выставлены следующие требования:

- 1) Отмена всякого рода ночной работы. Ночью считается время между 9 часами вечера и 7 часами утра.
- 2) Особая плата за всякого рода сверхурочную работу, в особенности за ночную работу.
- 3) Ежедневно с 5 часов служанка освобождается от всяких обязательных работ, в воскресенье же через каждые 2 недели еще раньше — с 10 часов утра; кроме того еще каждое лето двухнедельный отпуск с сохранением содержания и жалования.
- 4) Постепенное повышение жалования в соответствии с работоспособностью девушки. Помещение для жилья должно быть светлое и теплое. Солнце не должно постоянно отсутствовать.

Мы имеем здесь дело с вполне целесообразной программой, тенденция которой сводится к тому, чтобы содействовать переходу служанки на положение работницы в домашнем хозяйстве.

Даже хозяйки северных стран объявляют требования своих служанок справедливыми. На больших собраниях женской прислуги говорили также и их хозяйки. Они выразили готовность вести с девушками переговоры относительно выставленных последними требований.

Представительница хозяек, жена датского президента суда, опубликовала в газетах деловой ответ на программу девушек; она считает ее вполне справедливой и требует лишь, чтобы начало работы было определено не в 7, а в 6¹/₂ час. утра, так как во многих домах дети уже в 7¹/₂ ч. должны отправляться в школу.

За работу позже 8-ми вечера она предлагает вознаграждение 15-20 пфеннигов в час. Летний отпуск тоже считает справедливым; она предлагает лишь, чтобы девушка получал в это время одно жалование без содержания.

Что касается свободного послеобеденного времени в течение недели, то представительница хозяек полагает, что большинство последних с удовольствием согласятся на эту уступку.

О повышении жалованья она думает, что хозяйка, которая хорошо платит, может претендовать и на лучше обученные силы, она надеется, что организации домашней прислуги перейдут к тому, что будут основывать специальные профессиональные школы для своих членов.

Конечно, барыня либералка немного розово смотрит на готовность женщин ее круга идти на уступки своим служанкам, но, как бы то ни было, тон, в котором она отзывается о движении женской прислуги, ясно говорит, что по крайней мере в северных странах это движение уже стало некоторой силой, и наиболее дальновидные представительницы господствующего класса сочли необходимым пойти на известные уступки.

«Звезда» № 19, 23 апреля 1911 г.

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Бумажная борьба с холерной эпидемией недавно вступила в новую стадию. Вместо благодушного воззвания городской думы: «не пейте сырой воды» был выдвинут весьма решительный, по видимости, правительственный законопроект «о при-

нудительном оздоровлении Петербурга». Его сущность сводилась к передаче всего дела оздоровления в ведение бюрократической комиссии.

Маленькая глазуновская дума заволновалась. На собрании 10 декабря эта дума бесконтрольного самоуправления, дума городских панам решила выступить с энергичной защитой идеи самоуправления. При этом любопытно отметить ту позицию, которую заняла так называемая «обновленческая партия городской думы». Всякий, кто знаком с этой партией по «Биржевым Ведомостям», мог, конечно, ожидать, что указание министерской объяснительной записки на домовладельческий состав думы и на явно корыстное отношение его к вопросу о сооружении канализации, указание, оставшееся, впрочем, без всяких практических выводов, будет подхвачено ею, как лозунг дня, как основной вопрос обновления, станет в центре борьбы ее с стародумцами. Однако, как отметила газетная хроника, именно на этом собрании «все выступавшие представители обеих думских партий проявили редкое единодушие». Это «редкое единодушие» показало цену того «обновления», которое стоит на знамени партии.

В результате единодушного собрания маленькой думы было решено обратиться за защитой к думе большой. И расчет был совершенно правильный. Большинство 3-й Г. думы выступило на защиту петербургской городской думы не менее энергично и единодушно.

Было время, когда грехи земского и городского хозяйства всячески замалчивались в «прогрессивной» печати. Это делалось для того, чтобы сохранить «престиж» самоуправления, чтобы спасти от реакции последние остатки «великих реформ». Нечто подобное мы наблюдаем теперь и в известной части печати, и в Г. думе. Но действительный смысл этой тактики совершенно обратный. В настоящее время, несмотря на все неистовства реакции, едва ли кто-нибудь станет утверждать, что местному самоуправлению в его современном виде, в виде «остатков великих реформ» угрожает серьезная опасность сверху. (Даже в данном, исключительном вопросе об оздоровлении Петербурга правительство быстро пошло на уступки и согласилось на думскую редакцию законопроекта, по которому дело оздоровления снова передается в руки городской думы с известными ультимативными требованиями. Бюрократическая же оздоровительная комиссия остается лишь в виде угрозы.) Напротив, эти жалкие «остатки», превосходящие по своей пер-

вобытности даже избирательный закон 3 июня, имеют все основания опасаться покушений снизу, со стороны демократии. Это отлично понимают современные «общественные деятели». И если тайные либералы прежнего времени лезли из кожи, чтобы прикрыть себя личиной благонамеренности и подхалимства, то нынешние защитники «идеи самоуправления» в его первобытном виде смело и уверенно становятся в позу «оппозиции». Превосходным примером этой тактики может служить та «оппозиция», которая недавно была разыграна сперва в петербургской, а потом и в Государственной думе, и все назначение которой сводилось к тому, чтобы шумом либеральной контр-атаки прикрыть монопольное и бесконтрольное хозяйничанье крупной буржуазии, чтобы как-нибудь отвертеться от того единственного способа оздоровления, который громко был указан в Г. думе депутатом Белоусовым, — расширение избирательного права.

Уже по самым способам защиты «идеи самоуправления», которые были пущены в ход в Г. думе, нетрудно заметить, кого именно защищали «народные представители». Так, г. Годнев пытался уверить, что санитарное состояние Петербурга лучше, чем всей остальной России. В доказательство приводилась статистика: при общей смертности для всей России в 30 на тысячу, смертность Петербурга составляет в последнее время 28 на тысячу. Почтенный депутат упустил только из виду, что $\frac{2}{3}$ петербургского населения состоит из пришлых жителей, переживших критический (в смысле смертности) детский возраст в провинции, и что туда же, в провинцию, отправляется умирать огромная часть этого населения. Желая прикрыть такой «статистикой» банкротство петербургского городского хозяйства, ученый специалист только подкрепил давно известные данные об ужасающей смертности и безобразнейших санитарных условиях Петербурга в сравнении со всей остальной Россией.

Но такова уж обязанность «специалистов» думского большинства. Если проф. Капустин, как представитель науки, восстал против обязательного начального образования, то г. Годнев, как врач, должен был засвидетельствовать об относительном санитарном благополучии холерной столицы.

Благодушное отношение к холере отцов города и просвещенных «специалистов» Г. думы легко найдет себе объяснение, если мы обратимся к статистике другого рода. Из общего числа (21 048) заболевших холерой в Петербурге (с авг. 1908 г.)

самую большую группу заболеваний дали чернорабочие и фабрично-заводские рабочие (5 491). За ними следуют: прислуга (1 958), строительные рабочие (1 308), извозчики (816), портные и сапожники (790), судорабочие (441) и т. д. Заболевания среди состоятельных слоев населения случались только в виде весьма редких исключений.

Этот «демократический» характер болезни, определившийся уже после первой вспышки эпидемии, рассеял первые страхи городских заправил, которые скоро стали обнаруживать к ней даже некоторое презрение. Он же объяснит нам и ту мерку, которую предлагает большинство 3-й Думы к оценке городского хозяйства:

Петербург, — говорил Годнев, — дает большие удобства жизни, сравнительно с другими городами, и в то же время несет такие тяготы, которые другим городам неизвестны. Не говоря уже о том, что все действительные преимущества Петербурга (казенные и частные театры, музеи, библиотеки и пр.) не имеют никакого отношения к городскому хозяйству, — какой смысл, казалось бы, имеют все эти удобства жизни при наличии такого распространенного неудобства, как смерть от холеры. Но ведь в том-то и дело, что гг. Годневых это неудобство беспокоит меньше всего.

Что Петербург несет такие тяготы, которых не знают другие города, — с этим мы согласимся. Нужно только точнее определить: какой «Петербург» и какие «тяготы». Действительно, ни один, может быть, город в мире не знает тягот городского обложения, падающего на *рабочее население* Петербурга. Прибывший в столицу, хотя бы на неделю, рабочий должен немедленно уплатить при прописке (кроме адресного и других сборов) 1 рубль городского больничного сбора. Такого рода *принудительное оздоровление* петербургская дума не стесняется применять к городской бедноте, лишенной права какого бы то ни было участия в городских делах. Но верх цинизма петербургского «прогрессивного подоходного налога» заключается в том, что от городских поборов избавляется тот, кто может прописаться: «живу с капитала».

Радетели бумажного оздоровления и защитники «идеи самоуправления» могут не торопиться. Стародумцы и обновленцы, бюрократы и «специалисты» думского большинства могут еще долго спорить о том, кто должен распоряжаться 100-миллионным займом на сооружение канализации и водопровода. Действительное же оздоровление (а вместе с тем и осуще-

ствление идеи самоуправления) наступит только тогда, когда оно перейдет, наконец, в руки тех, для кого оно составляет в буквальном смысле вопрос жизни и смерти.

«Звезда» № 4, 6 января 1911 г.

КАДЕТЫ ОБ ОЗДОРОВЛЕНИИ ПЕТЕРБУРГА

В предыдущем номере «Звезды» мы постарались охарактеризовать ту «оппозицию», которая была разыграна нынешними печальниками оздоровления: городскими наемщиками и их защитниками из центра Г. думы. За истекшую неделю предпринятый оздоровителями поход сделал большие успехи и ознаменовался решительным присоединением к «оппозиции» кадетов.

Кадетское отношение к нынешним хозяевам оздоровления, по крайней мере на словах, до сих пор не грешило неопределенностью. Так, по словам «Речи», большинство городской думы — это:

«Стародумская партия вольного обращения с городскими средствами, где искони и бездействовали, и взятки и промессы брали, и просто воровали и подбирали, где что плохо лежит». («Речь», 6 янв.)

Не менее определенно высказывалась «Речь» и о перспективах бюрократического оздоровления. Так недавно г. Вл. Цед-м, упомянув о толках насчет «министерства здравоохранения», заметил:

«Это наплодит еще сотни две-три чиновников, которые успешно будут поглощать ассигнуемые на холеру деньги, как в Петербурге их поглощали лошади и извозчики». («Речь», 29 дек.)

Но, переходя от слов к делу, гг. кадеты должны были, в вопросе оздоровления, еще и еще раз обнаружить все неприглядное содержание своей «реальной политики».

Совершенно ясно определил линию «этой кадетской политики» г. Милюков на состоявшемся 10 января совещании гласных городской думы, с участием депутатов Г. думы. Старо-

думцы убеждали там «народных представителей» отвергнуть правительственный законопроект «во имя уважения к великим принципам самоуправления и во имя интересов народной экономики и народного здоровья». Г. Милюков успокоил гласных, сообщив им, что первоначальный правительственный законопроект давно снят самим правительством. Что же касается нового думского законопроекта, то кадеты будут голосовать только за первую его половину, согласно которой 1) устройство канализации и нового водопровода возлагается на с.-петербургское городское самоуправление, с установлением определенных сроков; 2) расширяются полномочия этого старого управления и 3) учреждается особая смешанная комиссия из правительственных чиновников и выборных от гласных для надзора за работами.

Другими словами, кадеты предоставляют дело оздоровления той самой компании, где по их словам «и бездействовали и взятки и промессы брали, и просто воровали». Для надзора же за этой компанией они считают достаточным приставить тех самых чиновников, которые, опять-таки по их собственным словам, «успешно будут поглощать ассигнуемые на холеру деньги».

Захваченные «оздоровительной» горячкой, гг. кадеты засуетились и заговорили уже языком самих севрюжников:

«Сейчас не время, — говорил на совещании Милюков, — для пререканий о том, кто виноват в отсталости, — город (?) или условия жизни. Следует сосредоточить внимание на вопросе о предоставлении городу тех прав, которые ему необходимы для осуществления проекта канализации и на которые указывается в записке товарища гор. головы».

Еще бы! Именно в настоящий момент, когда затихла эпидемия, когда встал более важный вопрос о миллионах, именно теперь нужно помолчать о «причинах отсталости», именно теперь, в роковую для панамщиков минуту, кадетам нужно присоединить свой голос к хору той «оппозиции», которая «во имя великих принципов самоуправления и во имя интересов народной экономики и народного здоровья» добивается, под шум «оппозиции», решить вопрос в пользу городской панамы и холеры.

Гг. панамщики могут торжествовать полную победу. Пусть их ругают кадеты ворами и взяточниками. Они, при поддержке тех же кадетов, попрежнему остаются господами города.

Но и кадеты большого ущерба не понесут. Для сохранения

политической репутации им только нужно снова перейти от дела к слову от «реальной политики» к пошлой и лживой либеральной фразе.

«Звезда» № 5, 13 января 1911 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА. — «ИДЕЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ» И «ИДЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ». — СТАВКА НА ГОРОДСКУЮ БЕДНОТУ. — ПАРТИЙНЫЕ ГРУППИРОВКИ.

Истекшую думскую неделю можно назвать неделей о чуме и холере. Перед 3-й Думой встала неотложная задача «оздоровления» столицы, за которой ждет своей очереди целый ряд российских городов и местностей.

Борьба кровно заинтересованных в этом вопросе сторон завязалась гораздо раньше, за стенами Г. думы. В самой же Думе мы наблюдаем, вероятно, уже финал этой борьбы.

С одной стороны эта борьба велась под флагом «идеи самоуправления». Защитники этой идеи, как уже было отмечено в предыдущих номерах «Звезды», за последнее время сделали большие успехи и перешли от обороны к нападению. Их энергичная атака на правительство была, несомненно, причиной последнего выступления в Г. думе г. Столыпина, речь которого внесла большое оживление в думские дебаты и стала центральным пунктом всей думской недели.

В защите позиций правительства и в обосновании его притязаний председатель совета министров последовал примеру своих противников. Защитники обанкротившейся петербургской думы, как известно, всеми силами старались отвлечь внимание от городского хозяйства и его результатов. Они взывали к «принципу», к «идее самоуправления».

Противопоставить городскому хозяйству хозяйство казенное г. Столыпин, конечно, не мог. С этой стороны защитники «самоуправления» были безопасны. Но председателю совета министров это и не нужно было.

— Чиновник, — говорил в своей речи г. Столыпин, — может быть плох, может быть и хорош. По его, собственному мнению, чиновник скорее хорош, чем плох. Но дело даже не в этом. Для того, чтобы законодательствовать и управлять, нужно ве-

рить силам государства и силам государственности. Вот чем оправдывается вмешательство государства в дела города, и вопрос об оздоровлении Петербурга, этот частный вопрос местного самоуправления, вырастает до крупнейшего вопроса «социальной политики».

Но, развивая свою точку зрения «социальной политики», председатель совета министров пошел гораздо дальше, чем можно было ожидать. Доказывая необходимость государственного вмешательства в дело «оздоровления», он напомнил об интересах «столичной бедноты», «о бедном рабочем люде», о котором, по его словам, вспоминают, главным образом, как о козыре в политической игре.

Насколько справедливо последнее указание, можно судить уже потому, что, например, само правительство, в лице г. Столыпина, находит возможным козырять столь различными принципами «социальной политики», как его недавняя «ставка на сильных» и эта новейшая ставка — на столичную бедноту.

Но, несмотря на провозглашение с обеих сторон столь высоких принципов, этот законопроект, в процессе борьбы, должен был потерять к себе всякий кредит.

Правительство своей, далеко не строгой критикой городского хозяйства, простым указанием на факты, совершенно разрушало его первую часть, которая предоставляла дело «оздоровления» старой городской думе.

Городская дума и «оппозиция» в Г. думе своей критикой казенного хозяйства разрушали его 2-ю часть, предусматривавшую, в виде угрозы городской думе и гарантии успешного «оздоровления», организацию дела «средствами правительства».

Отстоять поэтому весь проект в целом или, хотя бы одну из его частей, не увязнув в вопиющих, непримиримых противоречиях, было делом совершенно невозможным.

Самые верные сторонники правительства, в Гос. думе — *правые и националисты* — должны были топить защитников «идеи самоуправления», нисколько, однако, не спасая «идею государственности».

Но и от защиты *октябристов*, самых усердных защитников городской думы, «идея самоуправления» выиграла немного. Так, г-ну Лерхе пришлось отмахиваться от ребром поставленного вопроса о реформе избирательного права такими доводами, как необходимость скорых мер против холеры, в то время, как всем известно, что срок «оздоровления», предоставлен-

ный городской думе, равен 15 годам. Пришлось сослаться на то, что Гос. совет все равно такую реформу провалит, — в то время как все еще помнят, как гг. октябристы обещали «сосчитаться». Но самым интересным было признание этого оратора, что в нынешней городской думе он допускает возможность «страшного шантажа», допускает возможным, что даже небольшая часть ее может и теперь умышленно затормозить сооружение канализации.

Кадеты более ярко представляли «оппозицию». И тем более жалким оказалось их положение. Отстаивая 1-ю половину законопроекта, т. е. предоставляя «оздоровление» городской плутократии, ими самими столько раз ошельмованной, они должны были много и до тошноты либерально говорить об истинном представительстве народных масс, о реформе городского самоуправления. Отклоняя 2-ю половину во имя «оппозиции», они побивали себя тем самым оружием, которое поднимали против правительства.

«Не давайте. . . доверия тем, кто до сих пор в хозяйственном деле не оправдал его», — ораторствовал г. Родичев. — Почему же эти слова нельзя отнести к городской думе? Эту задачу г. Родичев, от имени кадетов, разрешил фразой, в которой тонкие соображения «реальных политиков» граничат с полным тупоумием: «То доверие, которое незаслуженно выражается теперь петербургскому городскому самоуправлению, обязывает за отклонение второй части проекта возложить величайшую моральную (!) ответственность на городское самоуправление.

Неудивительно, поэтому, что *трудовики* должны были возмутиться этой позицией представителей «народной свободы».

Наконец *социал-демократы*, совершенно определенно высказавшиеся по существу законопроекта еще до каникул (Белусов), ответили вчера от имени рабочих масс г. Столыпину.

Самое голосование в конце вчерашнего собрания было чрезвычайно характерно. Оно показало, что переварить этот законопроект 3-й Думе не легко.

Господа октябристы и кадеты, горячо выступавшие против 25 статьи и ее защитника Столыпина, не имели мужества голосовать против нее и предложили голосовать поправку статьи, предоставляющую правительству право в законодательном порядке испросить передачу дела осуществления канализации правительству в случае неисполнения ее в срок городским управлением.

Справа указывают, что в таком указании правительство не нуждается, это право ему всегда принадлежит по закону.

Соц.-дем. и трудовики заявляют о своем решении голосовать против поправки, так как они желают, чтобы Дума голосовала непосредственно ст. 25, чтобы ее отклонить.

Голосованием поправка отклоняется большинством 4-х голосов левыми и правыми против октябристов и кадетов.

Председатель Гучков, кадеты и октябристы неприятно поражены. Все дружно атакуют с.-д. и трудовиков, прося, умоляя, угрожая и бранясь голосовать за, или хотя воздержаться.

Для чего? Для торжества октябристов, кадетов, трудовиков, либералов, отвечают им слева. Законопроект, после заявления Столыпина, все равно не пройдет через Гос. сов. как с поправкой, так и без ст. 25.

«Звезда» № 6, 22 января 1911 г.

ОЧЕРЕДНОЙ ВОПРОС

Вот уже несколько месяцев в профессиональной печати и в союзах, в столицах в захолустьях горячо обсуждается вопрос о ежедневной рабочей газете.

Можно себе представить, как сильно должна давить на сознание рабочих масс современная русская печать, которая даже по свидетельству писателя из «Биржевки» выражает не что иное, как «распад».

Современный, «познавший себя», интеллигент, который еще издавна валом-валил в рабочее движение, может спокойно довольствоваться этой литературой. Даже больше. Ведь он сам в значительной мере был ее создателем. Если не писал, то позировал перед писателем и, так или иначе, мог излить в нее, наконец, всю дрянь своего собственного «я».

Впрочем, о вкусах не спорят. Если же говорить объективно, то умственные интересы интеллигенции, даже не носящей печати ренегатства, с 1905 — 6 г.г. все больше врастают в круг идей буржуазной культуры, по существу своему враждебной рабочему движению.

Наше образованное общество стало более зрелым. Дни бесплодного и беспочвенного народолюбия — всевозможных (в том числе и «марксистских») оттенков — отлетели далеко. Де-

ло, конечно, не в том, что «рабочий вопрос» вышел из моды в литературных течениях новейшей интеллигенции. Гораздо важнее та политическая дифференцировка, которая, несмотря на давящую атмосферу умственной и нравственной тупости, сделала в последние годы огромный шаг вперед.

Что же может дать рабочим массам ежедневная политическая пресса, к которой волей-неволей приходится им обращаться, хотя бы ради простой осведомленности?

«Уже одно то обстоятельство, что хроника рабочей жизни давным давно исчезла со столбцов буржуазных газет, что речи наших депутатов в Думе коверкаются и сокращаются, что даже такие «левые» газеты, как «Совр. Слово», дают место штрейк-брехерским объявлениям — само говорит за себя.

Так писал «Наш Путь» еще в августе. И подобные жалобы слышатся отовсюду.

Доказывать теперь полезность ежедневной рабочей печати, это значило бы ломиться в открытую дверь. «Газета является венцом политической литературы. Приходится ли удивляться тому, что потребность в ней ощущается все больше» (Н. Печ. Дело № 3). Впрочем, польза собственной рабочей газеты никогда не оспаривалась и прежде. Но очень важно отметить, что в тех дебатах, которые ведутся о газете теперь, дело идет не о том, что было бы очень хорошо и полезно, если бы ежедневная рабочая газета издавалась, но о том, что *сами рабочие должны ее издавать*. Обсуждается поэтому не столько полезность, сколько возможность такого издания. Учитывая неизбежные полицейские препоны, все известные нам отзывы рабочей печати сходятся на том, что они такой возможности все же не исключают. И мы с ними вполне согласны.

Однако, мы полагаем, что главная трудность лежит в преодолении не столько внешней, сколько внутренней реакции, — реакции в настроении самих рабочих, которая все еще дает о себе знать.

Что самостоятельные органы рабочей печати возможны при существующих условиях, — об этом говорит наличие издающихся профессиональных журналов. Ведь и создание этих органов стоило не малых трудов, материальных жертв и полицейских репрессий.

То обстоятельство, что именно в этих органах ведется теперь агитация за ежедневную газету, как нельзя лучше показывает, что этих органов недостаточно. В самом деле, стоит только присмотреться к положению проф. союзов, стоит подумать о

тяжких поражениях недавних петербургских стачек, при наличности промышленного подъема, — чтобы убедиться в том, что даже вопросы чисто профессионального движения, не говоря уже о новых задачах, не могут найти разрешения в пределах одного этого движения, в рамках существующей практики.

Вопрос о ежедневной рабочей газете, в той постановке, какая дается ему в передовых рабочих кругах, по существу сводится к расширению этих рамок. В этом смысле он является самым насущным, очередным вопросом рабочего движения.

Ежедневная рабочая газета должна привлечь к общему делу широкие неорганизованные массы рабочих, вынужденных теперь довольствоваться «Копейками» и «Современниками».

Она может и должна расширить самые задачи движения, связывая временные задачи отдельных разрозненных групп с постоянными общими задачами рабочего класса, неустанно развивая идею «четвертого сословия».

«Звезда» № 28, февраль 1911 г.

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

В последних номерах «Звезды» напечатан целый ряд писем со всех концов России о рабочем доме и рабочей газете. Еще больше таких писем лежат в редакции и не могут быть напечатаны, главным образом, потому, что авторы в значительной степени повторяются. Пора подвести итоги тому, что сказано, и, вместе с тем, выяснить точку зрения «Звезды».

Прежде всего нужно отметить, что вопрос о том, что собственно разумеется под рабочей газетой, каковы должны быть ее задачи, — этот вопрос в дискуссии дружно замалчивался и подводить итоги тут почти нечему, если не считать некоторых замечаний о том, что газета должна быть возможно более популярной, должна возможно более печатать все речи рабочих депутатов в Думе и т. п., указывая на всю остроту назревшей потребности в ежедневной газете, на приближающиеся выборы и проч. Огромное большинство авторов берет рабочую газету, ее содержание, ее направление, как нечто готовое, само собой разумеющееся. Между тем, именно в этом пункте, т. е. в содержании, направлении «рабочей газеты» и ее задачах нужно,

прежде всего, дать себе совершенно ясный отчет, прежде чем «немедленно приступить к повсеместным сборам в фонд рабочей прессы», — как этого настоятельно требуют наши корреспонденты.

Ведь только в связи с этим основным вопросом можно говорить о том, как осуществить издание такой газеты при существующих политических условиях и где гарантия в том, что газета, основанная усилиями рабочих, на их деньги, останется именно той рабочей газетой, которая им нужна. Ведь если в Псковском народном доме, выстроенном на народные пожертвования, бегают теперь интендантские крысы, то разве не может нечто подобное случиться и с рабочей газетой? Кто поручится в том, что в редакции этой газеты не заведутся, напр., крысы кадетские?

Еще совсем недавно идея «рабочей газеты» в рабочих массах была бы неизбежно понята, как газета «чисто рабочего» типа, где пишут, издают и читают только рабочие, где говорят только о своей рабочей жизни, а всякая «политика» принимается за буржуазную ересь. За последние 5 — 6 лет политическое сознание русских рабочих сильно возросло, но понимание «рабочей газеты», более или менее приближающееся к вышеуказанному, несомненно живо и теперь. Далее, ясно, что «рабочая газета», о которой идет речь теперь, не может быть типа местных проф. органов, только в несколько расширенных размерах, т. е. представлять из себя орган всех профессий и местностей. *Рабочая газета должна быть органом всего рабочего класса*, ее близость к рабочей жизни должна не только не препятствовать, но способствовать ей быть политической выразительницей классовой борьбы всего русского пролетариата. А это значит, что она должна трактовать не только «рабочий вопрос», но и все вопросы национальной политики, не только, напр., рабочее законодательство, но и государственные финансы, иностранную политику и проч.

Но, подходя ближе к такому типу «рабочей газеты», который диктуется потребностями времени, нам хотелось бы отметить, что этот тип должен дать нечто новое, по сравнению с тем, что давала нам прежняя литературная практика, которую нельзя не помянуть лихом. Все существовавшие до сих пор марксистские издания более или менее резко делились на «интеллигентские» и «для рабочих». Ни те ни другие не отвечали запросам, которые настоятельно предъявляются в настоящее время, не создали типа издания, которое нужно теперь и

которое должна будет осуществить рабочая газета. «Интеллигентские» издания слишком часто не в меру уходили к вопросу *кружковой* фракционности, удалялись от рабочей жизни. Издания «для рабочих» слишком далеко отставали от политических задач рабочего класса, слишком упрощали и урезывали эти задачи.

Мы отлично знаем, что это явление глубоко коренится в самих условиях русской политической жизни и благими пожеланиями его не устранить. Но мы хотели бы указать, что эти условия теперь значительно изменились. В настоящее время рабочий класс слишком вырос для того, чтобы довольствоваться литературой «для рабочих». А свежий ветер рабочего движения, снова потянувший над Россией, не оставит места для атмосферы кружковщины.

Но даже при самых благоприятных условиях вопрос о характере рабочей газеты вовсе еще не решается требованием популярности во что бы то ни стало и безусловного уклонения от всяких «фракционных дрызг».

В более счастливых странах такого рода рабочие газеты существуют уже давно. Нам прежде всего рисуется немецкий «Vorwärts» («Вперед»). Это орган самого передового, самого сознательного пролетариата в мире. Он достаточно популярен для того, чтобы его ежедневно читали свыше сотни тысяч германских пролетариев. И тем не менее это газета не «для рабочих», в нашем российском смысле. Это, прежде всего, боевой политический орган, всесторонне освещающий политическую жизнь, ничего не упрощающий и не урезающий ради большей популярности.

Если же мы внимательно присмотримся к этому органу, то — увы! — мы найдем там и «фракционные дрызги». Идеиная борьба внутри рабочей партии не прекращается с самого ее возникновения и находит себе яркое выражение на столбцах ее органа, причем и сам орган не раз переходит из рук одной фракции в руки «противного лагеря». Эта борьба не помешала, однако, тому, что «Vorwärts» был и остается идейным руководителем и могучим политическим орудием всего передового германского пролетариата. И такого значения германская рабочая газета достигла менее всего благодаря искусству и благоумию руководителей, умевших «избегать» крайностей, находить «золотую середину».

Вот почему нам хотелось бы особенно подчеркнуть, что требования популярности, предъявляемые к рабочей газете,

должны иметь строго определенный смысл. В рабочей газете нужно писать обо всем возможно более простым и понятным языком, как можно ближе держаться сути дела. В этом отношении наши марксистские органы оставляют желать многого. Но эту популярность не следует смешивать с упрощением и замалчиванием. Рабочая печать вообще, а ежедневная рабочая газета в особенности, должна постоянно втягивать рабочего в круг новых понятий и идей, не должна замалчивать острых, хотя бы и мало-понятных вопросов.

В числе этих вопросов неизбежно должны оказаться, между прочим, и идейные течения внутри самого рабочего движения. Два главных направления, отклоняющих его от классовой позиции — оппортунизм и анархизм — существуют, как общее правило, во всяком рабочем движении. Многочисленные виды и разновидности этих главных течений существовали и будут существовать и у нас.

Уклоняться от серьезной и деловой критики этих течений, избегать «фракционной полемики» в интересах все той же популярности, — это значило бы отказаться от прямой задачи рабочей газеты, идти по пути той литературы «для рабочих», из которой они давно уже выросли.

«Звезда» № 1 (37), 6 января 1912 г.

3-Я ДУМА ПЕРЕД СУДОМ ПРОМЫШЛЕННИКОВ

ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ СОВЕТА СЪЕЗДОВ: «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ 1907 — 1912 ГГ.»

В самом начале этой солидной книги ее авторы заявляют, что они оценивают 3-ю Думу «не с точки зрения той или другой политической партии, но с точки зрения интересов широко понимаемого развития производительных сил страны и роста народного богатства».

Из дальнейшего изложения оказывается, что широкое понимание производительных сил начисто сводится к требованию самого широкого покровительства промышленника насчет разорения страны. Ничего новенького наши промышленники не придумали. Они со злобой записали в свою памятку такие грехи 3-й Думы, как «крушение попытки распространения

покровительства на сельскохозяйственные машины, полную невозможность планомерного осуществления возврата пош-лины», провал законопроекта о легализации съезда муко-молотов и тому подобные маленькие неудачи «планомерно» раз-работанной в Совете съездов программы.

Подходя ближе к жгучим вопросам интересов промышлен-ников, наши авторы уже не могут удержаться на солидной точке зрения беспартийной деловитости и неожиданно за-являют о другой, классовой точке зрения. Так (на стр. 89), они говорят: «При всех рассуждениях о торгово-промышлен-ных организациях Гос. дума не сумела и не смогла взглянуть на вопрос шире, поставить его по существу с точки зрения *представительства интересов торгово-промышленного класса*».

3-я Дума была Думой черносотенных помещиков по пре-имуществу. Однако, обвинять эту Думу в угнетении нашего торгово-промышленного класса, — это значило бы взводить на нее сущую напраслину. Интересы нашего ростовщического ка-питала слишком тесно сплетены со всем укладом нашей обще-ственной жизни. Это понимают, конечно, и авторы названной книги, говоря, что «острая идейная противоположность сель-скохозяйственных и торгово-промышленных интересов вовсе не соответствует русской действительности, но представляет не-удачное заимствование из западно-европейской практики» (стр. XVII).

Однако же расхождение (хотя бы и не острое) наших про-мышленников с помещиками в 3 Думе дает себя знать уже и у нас. С течением времени оно все больше будет усиливаться, приближаясь к «западно-европейской практике».

Уже теперь в 3-й Думе, когда сталкивались интересы агра-риев (помещиков) и промышленников, мы наблюдали злобные взаимные обвинения, беспощадные разоблачения классовой природы домогательств противной стороны.

Печать классовой розни промышленников и аграриев ле-жит на каждой странице книги Совета съездов и составляет ее главный интерес.

Они постоянно жалуются на «аграрные вождедения», ко-торые давали себя знать в 3-й Думе, и приводят к тому много-численные доказательства.

Несмотря на все эти «аграрные» неприятности, помянуть 3-ю Думу лихом наши промышленники не желают. Подводя итоги всей ее работе, они говорят:

«Непосредственного вреда 3-я Дума торговле и промыш-

ленности не нанесла и не разрушила основ, на которых зиждется весь наш торгово-промышленный строй».

Это правильно. Но вот вопрос: охраняя основы нашего торгово-промышленного строя, — какую пользу принесла эта Дума стране? Каковы экономические результаты ее 5-летнего «хозяйничанья»?

Сами того не ведая, наши промышленники дали ясный ответ на этот вопрос, а вместе с тем — и оценку своему «широкому пониманию развития производительных сил страны и роста народного богатства».

«Г. дума — пишут они в своей книге — начала свою деятельность с ассигнований сотен миллионов на борьбу с народным голодом и после двух лет исключительных урожаев кончает свою законодательную работу тем же»...

Так вот они, эти основы нашего торгово-промышленного строя! Вот итоги трудов 3-й Думы, охранявшей эти основы по свидетельству ее дружественных, хотя и ворчливых, критиков. На смену «бюрократическому строю» она дала стране «голодное» представительство.

«Невская Звезда» № 17, 15 июля 1912 г.

РЫНОК ТРУДА В РОССИИ В 1911 Г.

Подъем промышленности, продолжающийся уже два с лишним года, оказал свое влияние и на рынок труда. Повышение спроса на все товары не могло не коснуться и товара живого — «рабочих рук». Этот живой и самый беспокойный из всех товаров в конечном счете расценивается, как и всякий товар на капиталистическом рынке, под влиянием внешних объективных условий капиталистического производства.

ЧИСЛО ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И РАБОЧИХ

За 1911 год число промышленных заведений увеличилось на 879, или на 5,6 процента, а число рабочих — на 99 243, или на 5,2 процента. Прирост числа заведений и рабочих был меньше, чем в 1910 г., в течение которого заведений прибавилось на 988, а рабочих на 119 172. Но, за исключением 1910 года, этот прирост был наибольшим за предшествующее

десятилетие. Значительно большая часть всего прироста рабочих, 71 945 чел., придется на заведения, действовавшие уже раньше, и только 27 298 чел. — на вновь открытые предприятия.

По числу рабочих вновь открытые предприятия были значительно меньше. На каждое из них приходится по 31 рабочему, на каждое из старых в среднем — по 124 рабочих.

Улучшение условий рабочего рынка под влиянием общего промышленного подъема оказалось для отдельных профессий далеко не одинаково.

ТЕКСТИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Эта отрасль оказалась в наихудшем положении.

Неблагоприятное влияние на условия рабочего рынка оказали: неурожай на Востоке России и в Сибири, политические смуты в Персии (главной потребительнице наших вывозных ситцев) и отчасти — итальянско-турецкая война. Прирост числа рабочих был в этой отрасли меньше среднего. Так, для самой большой группы текстильного производства, обработки хлопка, он составлял 3,5 процента (против сред. 5,1 процента). Процент безработных (1 процент) был здесь больше, чем в 1910 г. (0,9%).

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Это производство, как известно, оправилось после кризиса значительно позже текстильного. Зато оживление его в 1911 г. было еще сильнее, чем в предыдущем. Металлическое производство у нас гораздо меньше зависит от благосостояния крестьянства, а следовательно, от урожаев. Число рабочих в этой отрасли увеличилось на 25 254 чел. или на 9%.

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА, МИНЕРАЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ И ДР.

Наиболее интенсивно развивались производства, связанные со строительной промышленностью, в связи с огромным ростом числа построек. Спрос на строительных рабочих местами даже превышал наличное число всех рабочих этой отрасли. Наибольший процент увеличения числа рабочих дала обработка дерева — 12%. Наконец, в сравнительно благоприятных условиях оказались производства по обработке минеральных веществ (кирпичн., цементн. и др.).

Но самым важным показателем условий рабочего рынка служит, конечно, движение заработной платы. Вот таблица, показывающая изменение заработной платы за 1911 г. (эти данные фабр. инспекции относятся только к тем пром. заведениям, где практиковались денежные штрафы. Всех рабочих в таких заведениях оказалось 1 480 тыс. из общего числа 2 051 тыс., подлежащих надзору фабричной инспекции).

Годовая заработная плата 1910 и 1911 г.г.
(в рублях)

Производства:	1910 г.	1911 г.	Увеличение (+) или уменьшение (—) про- тив 1910 г. В %
Обработка металлов	380	397	+ 4,5
Добыча нефти	370	369	— 0,3
Обработка животн. прод.	294	296	+ 0,7
„ хлопка	—	218	—
„ шерсти	239	246	+ 2,5
„ шелка	218	212	— 2,8
„ льна, пеньки и джута	169	170	+ 0,6
Смеш. текст. произв.	285	276	— 3,0
Бумажное и полигр.	277	283	+ 2,2
Обработка дерева	250	256	+ 2,4
„ минер. веществ	224	233	+ 4,0
„ пищ. „	149	159	+ 6,7
Химич. произв.	260	268	+ 3,0
Прочие произв.	424	438	+ 3,3
Средн. годов. зар. плата для всех произв.	243	251	+ 3,3

«Невская Звезда» № 27, 5 октября 1912 г.

ВЕЛИКАЯ ПИТЕЙНАЯ РЕФОРМА

Наше «финансовое благополучие», о котором неустанно толкует г. Коковцев, покоится в значительной мере на питейном доходе.

Наш государственный бюджет получил наименование «пьяного бюджета». Валовой доход от винной монополии составляет более 700 миллионов, т. е. больше четверти всех обыкновенных доходов. Чистый доход за 1911 г. составлял 583 милл. руб.

Особенно быстро питейный доход стал возрастать с введением винной монополии, и истинный творец этой реформы, гр. Витте, справедливо заявил в Гос. Совете, что «доход этот приобрел особое значение в государственном хозяйстве».

В Гос. Думе специалистом по этому вопросу считается г. Челышев. Но от длинных и безнадежно-пустопорожних речей этого трезвенника, как говорили думские остряки, можно было с горя запить.

Речь гр. Витте имела то несомненное преимущество, что она была много короче. По искусству же обходить самую сущность вопроса бывший министр думского горе-трезвенника и подавно превзошел.

«Цель введения монополии», — говорил гр. Витте, — «заключалась в упорядочении потребления вина населением, а средством для сего — устранение от продажи вина законного частного интереса, интереса столь могущественного в некоторых великих странах, что представители этого интереса (кабатчики) имеют часто решающее влияние на парламентские выборы».

Насколько достигнута эта цель? По признанию автора монополии «пьянство у нас не уменьшилось», а, следовательно, и «упорядочение потребления вина населением» не состоялось.

И, тем не менее, мы не поверим гр. Витте, будто цель великой реформы не достигнута. Эта истинная цель монополии лежит в том, что он называет «средством». Устранение от доходного дела мелкого кабатчика, торгующего водкой в розницу — вот что было задачей государственной монополии и желанной целью крупных кабатчиков — помещиков-винокуров. Эта цель блестяще достигнута.

Но мы не согласимся с гр. Витте и в том, будто при монополии, хотя бы ценою усиления пьянства, государственные интересы восторжествовали над частными. Эти частные интересы, интересы помещиков-винокуров, не только не пострадали, но значительно выиграли. Именно в этих интересах и в интересах казны и проведена была реформа.

При частной торговле водкой винокур производил на рынок, а, следовательно, должен был считаться с конкуренцией, понижавшей цену. Теперь этому помещику дает заказ правительство, и, конечно, по ценам, сходным не только для государственных, но и для «частных» интересов.

Ведь казна хорошо умеет различать не только свои интересы от частных, но также и частные интересы одних от интересов других.

Крестьянские общества, лишившиеся огромного дохода от содержателей питейных заведений в деревнях, не получили с введением монополии никакого вознаграждения.

Зато прибалтийским помещикам только недавно отвалили несколько миллионов в вознаграждение за так называемое «пропинационное право» т. е., за убытки от той же монополии.

Итак, крупные кабатчики-зубры при введении монополии своими интересами не поступились. Что же касается «парламентского влияния» этих кабатчиков, то оно гарантировано законом 3 июня.

В обиходе «кабацкого духа» произошла разве только одна важная перемена.

Раньше говорили: «ругается, как в кабаке». Теперь: «ругается, как Пуришкевич».

«Правда» № 21, 24 мая 1912 г.

ПРОФЕССОРА И КАЗЕНКА

На-днях перед Гос. Думой предстанет спешно выработанный питейным ведомством, вкуче с проф. Бехтеревым, законопроект об ассигновании около 500 000 руб. на учреждение при психоневрологическом институте г. Бехтерева алкогольного института.

Г. Бехтерев давно известен, как учредитель «единственных в мире учреждений». Несколько лет назад, основанный при псих.-невр. институте приют на 3 — 4 детей — приют самого невысокого качества — был объявлен «единственным в мире». Таким же «единственным» должен быть и проектируемый пьяный институт.

У Бехтерева, как у Януса, два лика: один — либеральный — обращен к слушателям псих.-невр. института, а другой — к подлежащим сферам, с которыми г. Бехтерев при всяком случае обменивается приветствиями и которые могут быть полезны по части выдачи пособий на «научные предприятия» Бехтерева. На этот раз таким злополучным предприятием является алкогольный институт.

Наше питейное ведомство всегда, как известно, скорбит о спаиваемых жертвах; скорбел о них и Бехтерев. Теперь они слились в своей скорби, и министерство финансов испрашивает несколько сотен тысяч рублей для пьяного «научного» института Бехтерева.

Цели этого института весьма просты — это «оправдание зла»; он докажет миру, насколько «питательна» казенка, имеющая к тому же «развлекающее действие на северянина». Так говорится в записке, поступившей в Думу. По вычислениям авторов записки, обыватель должен выпивать по стакану в день водки, чтобы ощутить всю пользу от алкоголя. Достигнуть такого полезного действия... для своей казны — давно стремится питейное ведомство, и теперь оно нашло хорошего попутчика в деле, как справедливо замечает проф. И. И. Павлов, «укрепления вящего господства алкоголя над русской землей».

Удастся ли подвести Коковцову, вкуче с Бехтеревым, «научный» фундамент под казенку?

Рабочие депутаты в Думе должны, во всяком случае, сорвать тот фиговый лист, которым ведомство Коковцова стремится прикрыть свою наготу. И да будет стыдно гг. «профессорам» психо-неврологического института, идущим на службу к казенке.

«Правда» № 22, 25 мая 1912 г.

РОСТ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА РАБОЧЕГО В РОССИИ ЗА 1900 — 1908 ГГ.

Производства:	Годовая средняя заработн. плата 1 рабочего (в рублях)		На какую сумму произведено 1 рабочим (в рублях в год)	
	1900	1908	1900	1908
Хлопчатобумажное	165	214	1329	1763
Шерстяное	168	227	1320	1619
Шелковое	155	195	970	1169
Обработка пеньки, льна и джута	130	169	843	1043
Смешан. (текстильн.) произв. . .	214	267	1224	1895
Бумажное и полиграфическое . .	204	229	1112	1508
Обработка дерева	207	266	1323	1654
Обработка металлов и машиностроение	338	378	1551	1775
Обработка минеральных веществ	204	217	630	751
Обработка животных продуктов	191	214	2195	2609
Обработка питательных веществ	181	219	5137	7465
Химическое производство	251	320	3047	4045
В среднем по всем производствам	207	250	1525	1969

Таким образом средняя заработная плата русского рабочего составляла весьма жалкую сумму — 250 р. в год, или 20 р. 83 коп. в мес. Самыми «богатыми» оказываются металлисты. Их годовой заработок составлял 378 р., месячный — 31 р. 50 к. Самая меньшая плата оказывается у рабочих пеньковых, льняных и джутовых фабрик. Она равняется 169 р. в год, или 14 р. 9 к. в месяц.

С 1900 г. средняя годовая зараб. плата увеличилась на 43 рубля, или на 20 проц. Наибольшего увеличения заработной платы добились рабочие бумажного и полиграфического производств — на 47 проц. Если бы можно было выделить из этой общей группы типографских рабочих, то процент увеличения у них заработной платы оказался бы еще больше. Это вполне понятно, так как процент организованных в профессиональные союзы у типографских рабочих был и остается больше, чем во всех других производствах. И сейчас, насколько можно судить по рабочей хронике, наиболее сильное и наиболее успешное стачечное движение происходит у типографов, так что можно ожидать дальнейшего повышения их заработной платы.

Что касается производительности труда, то приведенные цифры можно сравнить только по годам, а не по производствам. Дело в том, что эти цифры показывают стоимость годового продукта одного рабочего, включая сырье.

А так как стоимость сырья, обработанного одним рабочим за год, в разных производствах очень различна, то и суммы годового производства сильно различаются.

Так, например, 1 пуд ржи дешевле 1 пуда муки всего копеек на 5, а машина весом в 1 пуд может стоить во много раз дороже 1 пуда железа. Поэтому, например, сумма годового производства рабочего по обработке питательных веществ (7 465 р.) в несколько раз превышает таковую рабочего металлиста (1 775 р.), хотя действительная производительность труда первого едва ли выше.

Зато в одном и том же производстве эти цифры за разные годы вполне сравнимы.

Вздорожание цен за последнее время коснулось, главным образом, жизненных продуктов, а на сырье почти не отразилось. Некоторые виды сырья даже подешевели.

В среднем, по всем производствам стоимость годового продукта одного рабочего увеличилась за 8 лет на 444 рубля.

В то время как заработная плата за 8-летие увеличилась

только на 20 процентов, увеличение производительности труда рабочего за то же время составляет 29 проц.

На 1 рубль заработной платы в 1900 г. рабочий вырабатывал товаров на 7 р. 36 коп., а в 1908 г. — 7 р. 88 коп.

«Правда» № 26, 30 мая 1912 г.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ

«... Недалеко уже то время, когда представители нашего общественного мнения, еще недавно смотревшие на промышленность и торговлю исключительно с точки зрения *потребительских интересов*, поймут, что единственная спасительная для России точка зрения есть точка зрения *производителя*, и пойдут рука об руку с нами».

«Промышленность и торговля» № 10.

Гр. Витте, упомянув в Гос. совете о низкой заработной плате рабочих и огромных прибылях отечественного капитала, так разобидел наших промышленных китов, что они до сих пор не могут успокоиться. И вот их журнал, чтобы другим не повадно было ссылаться на низкую заработную плату, как на «лишний довод в пользу большей доходности наших фабрично-заводских предприятий», взялся доказать, что «рабочие руки» у нас обходятся капиталистам дороже, чем в Соединенных Штатах.

Для сравнения берется американский стальной трест, с одной стороны, и Южно-Русское Днепро-Донецкое Металлургическое общество — с другой.

Приведя целую грудку цифр, автор этого «доказательства», г. Гливиц, устанавливает следующее. Металлургический рабочий крупного завода Юга России получает в среднем 434 р. в год, в Америке же 820 долларов (около 1 640 р.). Однако в России на рубль заработной платы в железоделательном предприятии падает 34 коп. прибыли, а в Америке — 88 коп.

Вывод для нашего экономиста из Совета съездов ясен: «наш рабочий», «заработная плата коего в 3,8 раза ниже заработной платы американца, дает в результате предприятию в 2,6 раза меньше прибыли».

Другими словами — наш рабочий дает прибыли почти в два с половиной раза меньше американца, а зарабатывает почти в четыре раза меньше.

Приведенное «доказательство» может служить прекрасным образцом той «учености», с помощью которой наши крупные промышленники завоевывают «общественное мнение».

Г. Гливиц сравнивает прибыль с той частью капитала, которая идет на заработную плату.

Но ведь для того, чтобы судить о доходности предприятия, нужно сравнить прибыль не с заработной платой, а со всем капиталом этого предприятия. Но как раз эти-то данные о размерах всего капитала того и другого предприятия наш автор оставляет в стороне.

Попробуем восполнить это маленькое упущение. Как нам известно, капитал американского стального треста в последнее время (не позже 1910 г.) составлял 1 миллиард 200 миллионов долларов, что составляет около 6 100 долл. (т. е. около 12 100 руб.) на одного рабочего. Основной капитал Днепровского о-ва равняется 13 125 000 р., или около 760 р. на одного рабочего.

Отсюда мы можем видеть, чем объясняется сравнительно низкая производительность труда русского рабочего, на которую жалуются наши промышленники. Ведь если американский рабочий чуть не в 20 раз лучше вооружен техническими средствами, то его производительность должна быть гораздо выше. Личные качества рабочего играют тут ничтожную роль. Но эта огромная затрата капитала на 1 рабочего, повышая производительность его труда, в огромной степени понижает прибыль предприятия. Вот это-то обстоятельство и стараются из всех сил скрыть наемные «экономисты» «Совета съездов».

Заканчивая свою статью, г. Гливиц вздыхает: «При американском соотношении прибыли к заработной плате Южно-Русское Днепровское о-во... дало бы че 16,7 миллионов руб. прибыли, а 43 милл. руб... Другими словами... можно было бы создать чуть ли не второе такое же предприятие, как Южно-Русское Днепровское о-во».

При истиннорусском покровительстве промышленности и бесправном положении русских рабочих можно понижать заработную плату до минимума и, не затрачивая больших денег на технику, получать огромные барыши. Но получить при этом «американское соотношение» — это так же затруднительно, как напр. голыми руками заменить паровую машину.

Нам думается, что это прямо-таки невозможно даже в том случае, если весь рабочий класс «станет на точку зрения производителя» и «пойдет рука об руку» с «Советом съездов».

«Правда» № 27, 31 мая 1912 г.

ВОИНСТВУЮЩИЙ КАПИТАЛИЗМ

Всероссийская организация наших крупных капиталистов, «Совет съездов», не перестает журить русское общество за «безучастное» отношение к интересам промышленности и торговли.

Так, в недавно появившемся издании этой организации: «Вопросы промышленности и торговли в законодательных учреждениях», между прочим, говорится:

«В умственной атмосфере русского общества все осталось по-старому, и признание «Государева дела» в торговле и промышленности, которым так сильна была Московская Русь, настолько нам чуждо, как и экономический патриотизм и империализм современного европейца».

С «экономическим» патриотизмом наших промышленников читатели «Правды» знакомы достаточно хорошо. Он целиком сводится к сугубому покровительству и к обиранию русского потребителя. О таком «экономическом патриотизме» мы давно уже слышали во всех перепевах экономической печати нашей крупной буржуазии.

Но, вот, что касается «империализма современного европейца», то это — песня новая, и к ней следует внимательно прислушаться.

Самое слово «империализм» в нашем политическом обиходе и в нашей печати употребляется редко, да и то лишь в тех случаях, когда речь идет о других государствах.

Наши «экономические патриоты», повидимому, поставили на очередь дня ввести в «умственную атмосферу русского общества» это новое понятие, которое означает не что иное, как политику захватного кулачного права крупных капиталистических государств по отношению к государствам слабым, с мало развитой промышленностью, и насильственное расширение рынка на их счет.

Проявлением этого «империализма современного европейца» является, например, разбойничий набег Италии на Триполи.

А вот наглядный пример пропаганды империализма нашими отечественными «европейцами». «Голос Москвы», т. е. голос крупных московских фабрикантов и заводчиков, указывая на политическую слабость Китая в настоящее время, бросает боевой клич: «пользуйтесь моментом!»

«Китай запутался прочно и надолго. Ему долго еще нельзя будет обратить свои взоры к границам. Таким моментом преступно было бы не воспользоваться для обеспечения России на будущее время от всяких неприятных неожиданностей: они так редко повторяются. Мы думаем, что тут не может быть места колебаниям и нерешительности. Россия должна показать, что она очнулась от летаргии, что у нее есть и опытная дипломатия и возможность сказать свое слово и сделать свое дело».

Новая восточная авантюра не была бы, конечно, новостью в нашей иностранной политике. Завоевательные войны, особенно в Азии, Россия вела уже много раз. Но побуждения к этим прежним войнам у наших господствующих классов, землевладельцев-крепостников, были существенно иные и в печати об этих побуждениях никогда не говорилось.

Нынешняя открытая проповедь разгрома Китая характерна именно тем, что она исходит из среды того общественного класса, который в последнее время все более успешно домогается признания «Государева дела» в торговле и промышленности».

Однако, по себе ли выбрали кусок московские акулы? И взявшись за пропаганду «империализма современного европейца», не упустили ли они из виду, что на ряду с этим империализмом крупной европейской буржуазии существует организованная, упорная борьба против этого империализма.

Так, итальянские патриоты должны были встретить не мало огорчений со стороны итальянской рабочей партии, неустанно ведущей «войну против войны».

Мы не сомневаемся, что и русский рабочий класс, в ответ отечественным империалистам и «экономическим патриотам», сумеет «сказать свое слово и сделать свое дело».

«Правда» № 31, 5 июня 1912 г.

ДОХОДНОСТЬ ЮЖНО-РУССКИХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ

Наступивший подъем промышленности дает о себе знать в двух направлениях: в повышении и без того высокой в России прибыли предприятий и в приливе новых капиталов в нашу промышленность.

По опубликованным отчетам 11 наших южных доменных заводов за последний операционный 1910—11 г. эти заводы получили чистой прибыли 17 200 000 руб., что составляет около 15 (14,9) процентов на основной капитал (100 800 000 р.). В предыдущем году прибыль этих заводов составляла около 10¹/₂ процентов. Следовательно, за истекший год прибыль увеличилась в полтора раза.

По отдельным предприятиям прибыль составляла:

Южно-русское Днепр. метал. общество	30 ⁰ / ₀
Акц. об-во желез.-прок. зав. в Константиновке . . .	31,6 ⁰ / ₀
Об-во Сулинского завода	18,5 ⁰ / ₀
Акц. об-во Криворожских железн. руд.	17,6 ⁰ / ₀
Русско-бельгийское металлург. общество	16,6 ⁰ / ₀
Никополь-Мариупольское горное и металлург. об-во	15,1 ⁰ / ₀
Донецкое об-во в Дружкове	13,3 ⁰ / ₀
Таганрогское металлург. об-во	13,0 ⁰ / ₀
Донецко-Юрьевское металлург. общество	11,8 ⁰ / ₀
Об-во Брянского рельсопрок. завода	10,0 ⁰ / ₀
«Русский провиданс» в Мариуполе	8,2 ⁰ / ₀

Отсюда видно, какую цену имеют жалобы наших промышленников на будто бы малую доходность русских промышленных предприятий. Нужно заметить, что действительные размеры прибыли наши промышленники часто стараются скрыть тем, что выдают в дивиденд только некоторую часть этой прибыли.

Остальную же часть (а иногда и всю прибыль) расписывают по другим статьям и, главным образом, на погашение имущества.

Так, например, Южно-Р. Днепровское о-во из 3 милл. 900 тыс. р. прибыли списало на погашение полтора миллиона. Так как весь основной капитал о-ва составляет 13 с небольшим милл. руб., то понятно, что эти полтора милл. идут не на восстановление изношенного за год имущества, а на увеличение его, на расширение производства.

Это подтверждается статистическими и другими данными о нашей промышленности.

1) Огромным ростом капиталов старых акционерных предприятий и возникновением новых.

2) Усиленным приливом за истекший год иностранных капиталов в русскую промышленность. Но об этом мы поговорим в следующий раз.¹

«Правда» № 34, 8 июня 1912 г.

ПРИЛИВ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗА 1911 ГОД

В одном из предыдущих номеров «Правды» мы отметили, что оживление промышленности сказалось в значительном повышении прибыли промышленных предприятий за 1911 г. сравнительно с предыдущим.²

В капиталистическом производстве предпринимательская прибыль никогда не потребляется целиком классом капиталистов, как бы роскошно они ни жили. Часть этой прибыли всегда идет на образование новых капиталов, на расширение производства в старых предприятиях, на образование новых, точно так же, как зерно прежнего урожая на посев.

Как хорош был «урожай» для русских промышленников за 1911 г., это мы видели на примере южно-русских металлургических заводов, получивших за прошлый год до 30 проц. чистой прибыли.

Понятно, что и «посев», сообразно с этим, увеличился.

В 1911 г. утверждены уставы 262 новых акционерных компаний с основным капиталом в 321 милл. рублей. Открыли же действия 161 компания (в 1910 г. — 104 комп.). Основной капитал новых компаний равняется 177 милл. (в 1910 г. — 108 милл. рублей).

Огромные прибыли русских капиталистов соблазняют иностранных предпринимателей. Прилив иностранных капиталов в 1911 г. продолжается попрежнему.

Этот прилив лучше всяких рассуждений опровергает жалобы наших промышленников на малую доходность русских предприятий сравнительно с иностранными.

¹ Статья подписана инициалами «Н. Б.». Ред.

² См. предыдущую статью. Ред.

Вот цифры, показывающие распределение всех вновь открытых предприятий по производствам и иностранным — по странам:

Наименование групп:	Число компаний		Сумма их основного капитала	
	1911	1910	1911	1910
Обработка волокнистых веществ . .	17	10	21 585 000	9 712 500
Бумажно-полиграф. производство . .	4	8	5 900 000	4 350 000
Механич. обработка дерева	—	5	—	1 475 000
Выпл. и обработка металлов	18	9	18 290 000	26 512 000
Обработка:				
минеральных веществ	6	1	4 403 250	150 000
животных продуктов	7	2	2 800 000	500 000
питательн. и вкусов. веществ . .	26	17	23 360 000	20 600 000
Химические продукты	6	11	3 450 000	5 079 400
Горное дело	28	9	53 059 150	15 880 000
Предприятия:				
торговые	28	15	25 660 000	8 878 090
перевозочные	5	7	6 293 200	9 630 000
по благоустройству	5	8	8 437 500	4 590 000
Общая смешанная группа	16	2	3 975 000	1 300 000
Итого	161	104	177 213 140	108 856 900

В том числе следующие компании иностранные:

американские	1	1	200 000	15 534 700
английские	5	3	13 504 150	726 900
бельгийские	3	2	4 253 250	2 775 000
германские	—	2	—	1 896 250
итальянские	—	—	—	—
французские	7	2	14 062 500	1 631 250
швейцарские	1	2	225 000	1 125 000
Итого	17	12	32 244 900	30 211 400

Любопытно отметить, что, в то время как капитал новых русских компаний увеличился сравнительно с предыдущим годом почти вдвое (145 милл. р. против 78 милл. р.), капитал иностранных предприятий возрос незначительно (32 милл. р. против 30 милл. р.).

Это объясняется двумя причинами:

1) На основание новых компаний пошли, главным образом, прибыли предыдущего года, который был чрезмерно «урожайным» только в России.

2) Прилив иностранных капиталов к нам задерживается

тем, что капиталистическое производство в развитом, европейском виде требует более культурных порядков общественной и экономической жизни. А эти порядки за 1911 г., конечно, не улучшились.

«Правда» № 40, 15 июня 1912 г.

ОТВЕТ Д. БЕХТЕРЕВУ.

В своем письме проф. Бехтерев указывает, что в заметке «Профессора и казенка» неверно освещено его отношение к вопросу об алкоголизме, что на самом деле он «неоднократно» и «категорично» заявлял о своем отрицательном отношении к пьянству. Это так. Быть может, не изменил своих убеждений проф. Бехтерев и тогда, когда составлялась записка «известного профессора», но в самой-то записке черным по белому написано о допустимости для организма потребления 1 грамма водки на 1 килогр. веса человека, что и составляет около стакана в день. Проф. Бехтерев говорит, что записка составлена «неудачно». Но ведь эта «неудачная» записка являлась оправданием полумиллионной ассигновки для психоневрологического института. Если ни г. Бехтерев, ни г. Гервер, ни вообще ни один из врачей «алкогольного института» не принимали участия в составлении записки «известного (кому?!) профессора», то зачем же г. Бехтереву так защищать составителей ее и в печати, и в собраниях «общества охранения народного здоровья?» На этом собрании профессора псих.-невр. института не отрицали того, что записка вышла из недр института, а заявлением в печати г. Гервера такое предположение как бы и санкционируется. Да это и естественно — ведь субсидия выхлопывалась для псих.-невр. института. Не важно, кто писал и кто редактировал записку — Гервер, Михайлов, Бехтерев или Горелов. Важно то, что в ней изложено и что она исходила из недр института. Пускай г. Бехтерев «неоднократно» и «категорично» заявляет себя противником пьянства, но ведь ведомство казенной продажи питей, поддерживая ходатайство об отпуске полумиллиона руб. народных денег психоневрологическому институту, имело в виду не эти заявления и убеждения г. Бехтерева, а блестящие перспективы и «науч-

ные» авансы довести потребление алкоголя до стакана водки на душу, — авансы, данные в записке «известного», а отныне и «знаменитого» профессора.¹

«Правда» № 53, 30 июня 1912 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. Г. г. редактор! Не откажите дать место следующим немногим строкам.

Сотрудничая в нашей газете и просматривая, в интересах этого сотрудничества, экономическую литературу, я с удивлением прочел в 24 № журнала «Биржа» свою собственную заметку: «Доходность Южно-Русских метал. заводов», перепечатанную целиком из «Правды» без указания источника и подписанную моими инициалами (Н. Б.).

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько прилично столь солидному изданию, рассчитанному на «чистую» публику, черпать материал из пролетарской газеты, скрывая это от своих почтенных читателей, я хотел бы настоящим письмом заявить на столбцах вашей газеты свой протест против насильственного зачисления меня в число сотрудников «Биржи» и заявить, что эта честь оказана мне без моего ведома и согласия.

Н. Батурин.

«Правда» № 54, 1 июля 1912 г.

ПЕРЕЛИЦОВКА

Последнее время руководящие лица совета объединенного дворянства усиленно перетаскиваются в Гос. совет.

В самом деле: кто был самым видным членом совета объединенного дворянства? — Граф А. А. Бобринский.

Граф А. А. Бобринский состоит теперь членом Гос. совета по назначению.

Кто был после графа А. А. Бобринского виднейшим деятелем совета объединенного дворянства? — Между прочим, А. П. Струков.

¹ «Ответ» напечатан за подписью «Б.». Ред.

А. П. Струков является теперь членом Гос. совета по назначению.

К объединенному дворянству принадлежит О. Р. Экеспарре. Он является теперь тоже членом Гос. совета по назначению.

Действительные вожаки совета объединенного дворянства сохранили и даже улучшили, развили, усилили свое положение. Произошла и происходит перелицовка совета объединенного дворянства. Не в названии же дело, разумеется! Не в том же суть, чтобы называться непременно дворянской организацией, — это даже не так удобно, когда организация эта получает «общегосударственное» значение, играет руководящую роль, является командующей силой. Гораздо удобнее для нее действовать от имени высшего государственного учреждения.

А. П. Струков и О. Р. фон-Экеспарре были и раньше членами Гос. совета по выборам. Они были выбраны дворянством. Теперь они являются членами по назначению.

«Вслед за этими двумя ожидается еще несколько подобных же назначений, отсрочка которых вызывается только неимением свободных вакансий среди членов по назначению. Итак, наш Гос. совет все больше и больше делается филиальным отделением всероссийской дворянской организации.

Перелицовка совета объединенного дворянства идет весьма успешно.¹

«Правда» № 65, 14 июля 1912 г.

МАЛЕНЬКАЯ СПРАВКА

Вопрос о том, демократы ли наши кадеты или они партия либерально-монархической буржуазии, представляет большой научный интерес.

Напомним, что даже трудовик (буржуазный демократ) Водовозов обнаружил колебания по этому вопросу.

Касаясь этого вопроса, «Правда» сослалась на недавние заявления г. Гредескула, повторенные в «Речи».

«Речь» отвечает: «о каких заявлениях г. Гредескула говорит «Правда», мы не знаем».

Неправда ли, как это мило? «Правда» сказала ясно и точно, что говорит о заявлениях, повторенных в «Речи». Что же? Или «Речь» не знает того, что печатается в «Речи»? Но

¹ Подписано инициалом «Б.». Ред.

не естественнее ли предположить, что либералам ради предвыборной игры в демократизм хочется позабыть кое-что из своего недавнего прошлого?

Во всяком случае ради выяснения важного научного вопроса, я приведу слова г. Гредескула, которые он говорил в ряде публичных лекций и повторил, без единой оговорочки редакции, в № 117 (2071) «Речи»:

«В самом конце своей лекции, писал г. Гредескул, полемизируя с утверждением «Вех» о том, что русское освободительное движение (по вине будто бы интеллигенции) не удалось, и сопоставляя его с мнением тех, кто стоит гораздо левее П. Б. Струве, но кто также думает, что движение не дало нам решительно ничего, я, в противоположность этому защищал тезис, что наоборот сделано очень много, что заложен самый фундамент будущей конституционной постройки, и притом крайне глубоко и прочно, в самую толщу народной массы. Чтобы дать критический перекресток для этих двух утверждений, и вместе с тем высказать мысль, которую я также считаю политически чрезвычайно важной для нашего времени, я оба эти утверждения ставил лицом к будущему и говорил, что с точки зрения первого из них (если в 1905-6 г.г. не сделано ничего) надо все начинать сначала, т. е. иными словами надо устраивать второе движение, тогда как с точки зрения второго утверждения (что в 1905-6 г.г. заложен фундамент русской конституции) наоборот второго народного движения не требуется, а нужна лишь спокойная, настойчивая и уверенная конституционная работа.

«Вот тут-то и прервал меня либавский (дело было в Либаве) полицеймейстер. Таким образом, в Либаве последовала демонстрация полиции против публичного отрицания надобности в новой революции в России» («Речь», 1912 г., № 117 (2071)).

Г. Гредескул вполне доказал, что г. либавский полицеймейстер ошибся. Но кроме того г. Гредескул доказал еще две важные вещи: 1) что полемика г. Гредескула и К^о с «Вехами» — притворная, пустая вещь. На деле во всем существенном вся к.-д. партия — «веховская», 2) что марксистская характеристика к.-д. партии по научным, экономическим и политическим признакам безусловно правильна.¹

«Правда» № 85, 8 августа 1912 г.

¹ Статья напечатана за подписью «Н. Б.». Ред

КТО ПОБЕДИЛ?

После кассаций, разъяснений и иных препон, которые встретила рабочая курия, выборы выборщиков состоялись вторично. Из 6 подлежащих избранию выборщиков выбрано 5, и все выбранные оказались, конечно, с.-д. В этом смысле выборы рабочих выборщиков являются вполне достойным ответом рабочих на предвыборные препоны.

И однако же влияние внешних условий и некоторой растерянности внутри рабочей курии отразилось весьма ярко. Уже один факт недовыбора одного из 6 выборщиков указывает на неподготовленность, стихийность в действиях выборщиков, раздробивших свои голоса по многочисленным спискам.

Но еще более эта стихийность обнаруживается в составе выбранных выборщиков. Из 5 выбранных двое прошли по списку «Правды» и 3 по списку ликвидаторов.

Что оказало решающее влияние на этот результат выборов? Стоит только сопоставить с ним результаты первых, разъясненных выборов по рабочей курии (5 окт.), давших большинство сторонников «Правды», чтобы убедиться в том, что состоявшиеся выборы, как показатель борьбы направлений внутри рабочей демократии, носят более или менее случайный характер.

Развернуть в рабочей курии избирательную кампанию во всю ее ширь, выяснить перед широкими рабочими массами не только основные задачи классовой борьбы, но и наиболее последовательный и принципиальный способ достижения своих целей, эта главная цель избирательной кампании далеко не достигнута.

Да и мудрено было бы ожидать иного. Перетасовка уполномоченных, запрещение предвыборных собраний уполномоченных делали свое дело по части внесения стихийности. Но объяснить эту стихийность одними «независящими обстоятельствами» невозможно.

Нет ни малейшего сомнения, что исход выборов в значительной степени является результатом тактики «параллельных» социал-демократов, тактики, сознательно рассчитанной на принижение принципиальной позиции, приспособление к более отсталым, беспартийным элементам рабочей курии. Ведь они в конце концов решили судьбу этих выборов.

Усвоить себе в полтора-два часа сущность принципиальных разногласий и оценить всю важность их значения для этой

более отсталой части уполномоченных, приехавшей из заолустий губерний и подчас даже не издавшей до сих пор рабочей печати, конечно было невозможно. А ликвидаторы приложили все усилия к тому, чтобы свести эту задачу собрания уполномоченных на более доступную для массы почву — выборы «подходящего» депутата. Их главными аргументами были нападки на определенных членов нашей фракции 3-ей Думы (противного им лагеря) и восхваление депутатских достоинств своих сторонников.

Если сторонники «Правды» не смогли развернуть свою избирательную платформу, то ликвидаторы сознательно уклонились от борьбы платформ.

Не приняв принципиального боя на выборах, они выдвинули перед неподготовленной массой «платформу хорошего человека».

Если можно говорить о победе, то лишь о победе обывательщины над принципиальной позицией, стихийности над сознательностью.¹

«Правда» № 146, 18 октября 1912 г.

НА «ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ ПОЗИЦИИ»

Редакция «Луча» поместила письмо в редакцию «Речи». Редакция ликвидаторской газеты жалуется на страницах газеты кадетской на газету суворинскую.² Дело в том, что один из нововременных молодцов, приводя выдержки, характеризующие варшавские выборы из газ. «Правда», приписывает их «Лучу».

«Во избежание недоразумений» — жалуются лучисты, — мы должны заявить, что «Луч» в отношении к варшавским выборам и депутату Ягелло стоит как раз на позиции, противоположной газете «Правда».

¹ Статья напечатана в «Правде» без подписи, но она безусловно принадлежит тов. Батурину. Об этом говорят следующие данные: во-первых, ее стиль; во-вторых, Н. Н. работал в то время в избирательной комиссии по проведению думских выборов; в-третьих, она найдена в его личном архиве перепечатанной на машинке в нескольких экземплярах, что является обычным для автора. *Ред.*

² Газета Суворина — «Новое Время». *Ред.*

Это письмо, очевидно, рассчитано на ту публику, которая читает кадетскую газету и не читает ни «Луча» ни «Правды». Но случилось так, что как раз в том же № «Речи», где напечатано это письмо, кадеты нашли нужным познакомить своих читателей с позицией «Правды», перепечатав из нашей газеты чуть не целиком статью о выборах. Таким образом читатель «Речи» из одного № этой газеты мог составить себе понятие как о позиции «Правды», так и «о противоположной».

Каковы же эти позиции?

«Правда» в приведенной «Речи» выдержке пишет:

Польским националистам прекрасно известно, что между их отношением к избранию Ягелло и отношением польских социал-демократов нет ничего общего.

Таково отношение «Правды». Какова же позиция «Луча»? «Как раз противоположная»...

В чем же именно разница между польскими националистами и «Правдой».

Националисты предают Ягелло проклятиям и обвиняют в измене польскому народу за его последовательный демократизм в еврейском вопросе. Социал-демократы, будучи искренними и решительными борцами за равноправие евреев, нападают на Ягелло за недостаточно выдержанную тактику по отношению к партиям еврейской буржуазии.

Так рассуждает о варшавских выборах «Правда». Какова же позиция «Луча»?

«Как раз противоположная»...

Гм... Кто же вы такие будете гг. «лучисты»?!

Так жестоко высекла себя редакция ликвидаторской газеты на страницах газеты кадетской. И это не простая случайность. Бросая почти ежедневно бесцеремонные огульные обвинения против «Правды», стараясь в то же время замазывать самую суть принципиальных разногласий с нею, не останавливаясь перед сплетней и клеветой, лицемерные «сторонники объединения» в борьбе против рабочей газеты добились... «как раз противоположного»...

Р. С. Во избежание недоразумений мы должны заявить, что как выдержки из газеты «Правда», так и название этой газеты приведены в «Речи» совершенно правильно.¹

«Правда» № 166, 11-ноября 1912 г.

¹ Подписано «Н. Б.». Ред.

СТАТЬИ ИЗ «ПРАВДЫ»

1918 — 1926 Г.Г.

ПИСЬМА ИЗ ШВЕЙЦАРИИ

ПИСЬМО ВТОРОЕ ¹

ДЕМОНСТРАЦИИ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ГОЛОДНОГО РЕЖИМА

В прошлом письме я старался показать, как местная и международная империалистическая спекуляция на нейтральном швейцарском рынке создает необыкновенно выгодные условия для крупного швейцарского промышленного капитала.

Разумеется, что мелкий, даже мельчайший, капитал в деле спекуляции не отстает от крупного. Бешеный круговорот спекуляции и темной наживы, в который втянуты имущие классы, от фабриканта до мелкого лавочника, создает и обостряет до крайних пределов голодный режим для владельцев единственного товара, не подлежащего спекуляции: рабочей силы.

«Государственному социализму» буржуазной демократии предоставлено имущими классами регулировать этот режим, т. е. организовать равномерный голод среди голодающих, ограждая интересы сытых в борьбе против голодных.

«Когда я смотрю, — пишет один рабочий в «Basler Vorwärts» ², — на выставленные в витринах вкусно выпеченные торты и пирожные, с надписями на них: «продажа без хлебных карт», и когда примериваю их цены, во мне закипает подавленная ярость. Часто я спрашиваю себя почему эти так называемые бескарточные печенья так дороги; ведь они приготовлены в огромном большинстве из наших швейцарских продуктов? И всегда я прихожу к одному и тому же ответу: цены на эти превосходные вещи для того так и взвинчены, чтобы обеспечить их для клики собственников».

На этой почве, прекрасно организованного голодного режима в июне возникло здесь сильное движение. Почин был сделан с.-д. Союзом женщин в Цюрихе. 9 июня они устроили

¹ Первое письмо редакцией не получено. Примеч. редакции «Правды».

² «Базельский Вперед», Ред.

женскую демонстрацию перед цюрихским парламентом (Кантональным советом). Эта демонстрация произвела большое впечатление среди городского населения. Но меньше всех на нее обратил внимание цюрихский парламент. Окончив в обычное время свои занятия, депутаты, на глазах у демонстрантов, расходились по шикарным ресторанам.

Демонстрация голодных перед сытыми превратилась таким образом в вызывающую демонстрацию сытых перед голодными. Это подлило масла в огонь, и 14 июня, по призыву цюрихского рабочего союза, на Мюнстерплац состоялась рабочая демонстрация, собравшая от 15 до 20 тыс. чел. Ораторами выступали Роза Блох, редактор «Народного Права» Нобс и др. На митинге была принята резолюция, которая приветствует инициативу женского с.-д. Союза, заявляет о солидарности с их требованиями и *«считает безусловно необходимым ввести в существующие органы контроля над продовольствием выборных представителей от рабочих и работниц и приступить к описи по кварталам запасов в квартирах и магазинах».*

И эта резолюция и вся программа демонстрации были предусмотрены, разработаны и по возможности проведены при ближайшем руководстве оппортунистических верхов рабочего движения, больше всего на свете боящихся слишком острого оборота дела и всякого рода революционных затей. На практике, она, конечно, является попыткой бесполезного соглашательства с буржуазными органами. Но и в этом, компромиссном виде она интересна тем, что делает видимую уступку вождям повышенному настроению масс и в частности тем рабочим кругам, где, как я раньше писал, ставится на очередь вопрос об организации Советов рабочих депутатов. Бесполезная на практике, она, на зло не только буржуазным, но и социалистическим теоретикам и защитникам старой швейцарской демократии (как Грейлих и пр.), наносит в глазах масс сильный удар буржуазному парламентаризму, торжественно заявляет о недостаточности, о банкротстве этого парламентаризма с его всеобщим и т. д. избирательным правом в деле защиты интересов рабочих масс.

Со всех сторон Швейцарии посыпались приветствия почину цюрихского женского с.-д. Союза и цюрихской демонстрации.

17 июня цюрихский парламент уже благосклонно согласился выслушать делегацию женщин. Заявления этой делегации были совсем непохожи на «парламентские петиции». Это была новая, еще более внушительная демонстрация. Это пре-

красно понимали власти, и потому здание парламента с утра охранялось сильными нарядами полиции. У входа в парламент собралась огромная толпа, с нетерпением ожидавшая ответа народных представителей.

В 8^{1/2} часов утра, в переполненном зале, но при гробовой тишине, одна из делегатов, А. Робман, с протоколом в руках, начала свою обвинительную речь. Она напомнила, сколько раз парламент, всегда ссылающийся на закон, сам нарушал законы в интересах имущих. Она заявила, что женщины не верят больше Кантональному совету и правительству. С.-д. депутаты предлагали, например, уже прежде постановить о необходимости описи продуктов. Парламент отказал «после справки с законом». В то же время он без всякого закона, или против закона, увеличил жалованье чиновникам, поставил на принудительные работы дезертиров и пр. и пр. В заключение делегатка поблагодарила парламент за ту агитацию, которую он вел всем своим поведением в пользу требований женского Союза.

Вторая делегатка т. Герри, напомнила, как 8 дней назад собравшиеся женщины 2 часа мокли под дождем у парламента, ожидая ответа, и как сытые депутаты, в ответ на упования голодающих, расходились по ресторанам к «изысканному меню» (движение). «Не мешало бы, говорит она, декретировать одинаковый стол для всех; это произвело бы успокаивающее действие». (Аплодисменты.)

Третья делегатка, Роза Блох, изображает нужду рабочих кварталов. На основании 50 ученических письменных работ она показывает, что даже у детей весь круг мыслей вращается вокруг голода.

Следует заявление солидарности с демонстрацией женщин и с их требованиями от 3-х рабочих организаций.

Так же, как, по французской пословице, самая красивая девушка Франции не может дать больше, чем имеет, — самый демократический буржуазный парламент не мог дать, очевидно, никакого иного ответа на все эти заявления голодающих, кроме ответа чисто «парламентского».

По предложению председателя дело передается правительственному совету «для изучения» и выработки соответствующего предложения, а также — парламентской комиссии из 15 лиц, с правом приглашать сотрудниц из среды женщин. Затем открылись дебаты. Депутаты поговорили о том, что положение действительно скверно; представитель министерства

сообщил, что правительство делало все возможное. Словом, как во всех хороших парламентах.

Но не сделав ровно ничего положительного для облегчения голодного режима, ограничиваясь пока «изучением вопроса», правительство тотчас же поспешило сделать практические шаги, чтобы обезвредить не голод, а опасное движение голодающих. Роза Блох была назначена членом продовольственной комиссии соответствующего кантонального присутствия.

Оказав такую честь одному из лидеров женского с.-д. Союза, правительство в то же время *арестовало* лидеров союза молодых, слишком революционно (и вопреки программе устроителей) выступавших на рабочих демонстрациях и митингах, Герцога и Арнольда. Еще дальше оно «интернировало» одного из самых деятельных политических агитаторов этого союза т. Мюнценберга. Последний заключен теперь в каторжную тюрьму в Вицвиле, в ту самую тюрьму, куда без всякого суда, по самоличному распоряжению военного начальства, заключено было за забастовки и прочие «нарушения военной дисциплины» столько наших русских солдат, бежавших из Франции и Германии и зачисленных здесь в «дезертиры».

Средства борьбы швейцарского правительства, самого демократического в Европе, против нарастающего народного возмущения не отличаются, как видим, ни оригинальностью, ни особым демократизмом. Гораздо оригинальнее в Швейцарии та роль, которую играет в союзе с буржуазной демократией оппортунистическая рабочая бюрократия.

Этим вопросом мы займемся в следующем письме.

«Правда» № 143, 13 июля 1918 г.

ВСЕОБЩАЯ «ГОЛОДНАЯ» ДЕМОНСТРАЦИЯ.—ВЕРХИ И НИЗЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Голодные демонстрации женщин и рабочих в Цюрихе и Базеле в половине июня возникли помимо высших инстанций швейцарской с.-д. партии. Но, ревниво оберегая свое право на руководство рабочим движением, рабочие верхи по необ-

ходимости должны были оторваться от повседневного партийного делопроизводства и так или иначе вмешаться.

18 июня Ольтенский исполнительный комитет партии, «для поддержки цюрихских товарищей, а также, чтобы заставить считаться с серьезными требованиями в борьбе народных масс против голодовки», призвал швейцарских рабочих ко всеобщей демонстрации и выставил требования:

Продолжение сессии Союзного собрания (которое собиралось разойтись).

Более строгое и равномерное распределение всех необходимых жизненных продуктов.

Единообразная организация продовольственного дела в кантонах.

Реквизиция и закупка всего сбора картофеля Швейц. Союзом.

Развитие общественной помощи.

Полное восстановление права убежища (иностранцев).

Самым характерным требованием, выставленным на рабочем митинге в Цюрихе 14 июня, было, как мы видели, требование участия *выборных от рабочих и работниц* в Кантональных органах распределения продуктов. В куче благих пожеланий Ольтенского исполнительного комитета, характерное требование рабочих, это «большевистское» знамение империалистского времени, *исчезло*. Мало того. Делегация женщин в Цюрихском Кантональном Совете заявила, что женщины не верят больше ни парламенту, ни правительству. Ольтенский Комитет, требуя продолжения парламентской сессии, явно внушает и навязывает рабочим надежды на разрешение вопроса о голоде «парламентским путем».

Самая демонстрация, назначенная на 20 июня, прошла под руководством опытных партийных вождей почти повсюду чинно и гладко. Впрочем, благочиние официальных партийных выступлений гарантируется уже тем, что органы официального швейцарского социализма не только по духу сроднились с буржуазными партиями «порядка», но нередко даже персонально сливаются с буржуазными органами порядка, не исключая самых деликатных органов этого рода: органов полиции.

Демонстрация в Берне была, может быть, самой выразительной демонстрацией этого, бьющего теперь в глаза, совместительства, этого проституированного социализма верхов рабочего движения.

Дадим здесь место наивному восторгу одного из видных партийных органов, «La Sentinelle» («Страж»), при описании этой демонстрации.

Вспомнив, к случаю, о знаменитой манифестации старых политических борцов Юры, манифестации, окончившейся настоящим сражением и арестами в Валлоне, газета, при созерцании бернской демонстрации, размышляет вслух:

«Времена изменились. Ни полиции, ни войск. Национальные советники и один федеральный советник смотрят и слушают. Митинг открывает директор бернской полиции, наш товарищ Шнееберг, и это уже говорит многое о высоте развития социализма. Затем следует Дюби, секретарь федеральных чиновников, — это также указывает на фазу социалистической эволюции».

Прослушав и одобрив речи высокопоставленных ораторов, «большая толпа расходится, ожидая, что народные представители поняли, наконец, серьезность момента».

Именно в виду этого, столь благополучного, окончания, партийные газеты единодушно выразили свое удовольствие. Тучу пронесло. Революционное настроение масс удалось разболтать водой социалистического красноречия. При этом «вожди» сохранили подобающее место «во главе» движения и благополучно свели его к шагу на месте.

Общее благочиние было нарушено, однако, в Базеле, где социалистическая молодежь, не довольствуясь предусмотренным и заготовленным вождями расписанием «классовой борьбы», пожелала выступить самостоятельно. Ораторам молодых не дали говорить на общем митинге, и они устроили параллельные митинги в разных местах города. Так как органы молодых закрыты, а официальные органы партии не пожелали поместить сколько-нибудь толкового отчета о митингах молодых и их речах, то сведения об этих митингах, случайные и отрывочные, приходится черпать, главным образом, из *буржуазной печати*.

Молодые критиковали поведение парламентской фракции и исполнительного комитета партии, пели революционные песни, вели агитацию за всеобщую стачку. Поливавший улицы гражданин «оказал целую услугу» республике своим инструментом, начав «разливать» митинг. Произошли столкновения с гражданином и с полицией. Пострадали стекла шикарных ресторанов. Наконец, произведены были аресты, что дало повод к новым столкновениям при попытке отбить арестованных.

Демонстрация продолжалась до ночи перед тюрьмою, куда водворили арестованных. Словом, фаза развития социализма, если судить по роли полиции, оказалась в Базеле, несмотря на его промышленное развитие, гораздо ниже, чем в захолустном Берне.

Как и следовало ожидать, солидные верхи рабочего движения, особенно в центрах наивысшего развития швейцарского социализма, обеспокоенные и озлобленные нарушением предусмотренного ими расписания, оказались на стороне полиции. Первым открыл поход против молодых орган Гримма «*Berner Tagwacht*» («Бернский Ежедневный Страж»). За ним последовали партийные организации, осудившие молодых и заявившие, что они слагают с себя ответственность за них. Вся «большая» с.-д. печать Швейцарии, т. е. четыре ежедневных с.-д. газеты, начали настоящую травлю социалистической молодежи.

Все неприличие этой травли со стороны «большой» печати выступает особенно ярко в виду закрытия органов молодых и арестов среди их организаций, т. е. тех репрессий, в которых «товарищи полицейские» должны принимать самое непосредственное участие.

При таких обстоятельствах сближение официальных с.-д. органов с органами «порядка» все яснее должно выступать перед рабочими массами не как высокая ступень швейцарского социализма, а как незаконное сожительство этого социализма с полицией.

«Правда» № 163, 4 августа 1918 г.

БИЛЬСКИЕ БЕСПОРЯДКИ

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Банкротство швейцарского оппортунистического социализма, черпавшего силу в буржуазном демократизме страны, подготавливается двумя путями: 1) банкротством самого буржуазного демократизма, совершенно бессильного не только устранить, но даже сколько-нибудь смягчить, затушевать чудовищные противоречия интересов богатеющей от мировой войны буржуазии и разоряющихся, голодающих народных масс, и 2) все больше усиливающейся политической реакцией, превращающей

эту демократию, под страхом растущего возмущения масс, в самое обыкновенное полицейское государство.

За одну только последнюю неделю обострение классовой борьбы показало глубочайшие трещины в социальной жизни Швейцарии. События последних дней слишком ясно обнаружили, что время превосходно организованных (в смысле полицейского благочиния), но неизменно оканчивающихся «в ничью» выступлений, время звонких, но ничего не говорящих резолюций, прошло.

8 июля в городе Биле произошли «беспорядки», оставившие кровавый след. Это были одни из тех беспорядков, которые при назревших в известной политической обстановке условиях, без всяких видимых причин и нарочитых поводов, вдруг вырастают в крупные политические события.

«Зачинщиком» была социалистическая молодежь, как и в предыдущих беспорядках в Цюрихе и Базеле. В полдень были распространены летучие листки с призывом к демонстрации против голодного режима. Собравшихся на демонстрацию молодых было очень мало. Если верить солидным партийным газетам («Volksrecht», «Berner Tagwacht»),¹ то демонстрация состояла всего из 12 человек. Остальные были «любопытные». Если это так, то тем более очевидно, что ненавистные «зачинщики» тут не при чем.

Манифестанты с красным знаменем направились к городской думе и пожелали послать на ее заседание делегацию. Дело шло о том же «надоедливом» вопросе: о голоде и продовольствии населения. Дума отказала принять делегацию. Между тем, толпа «любопытных» перед думой увеличивалась. Полиция, согласно обязательным постановлениям, предложила манифестантам очистить площадь. Но тут именно обнаружилось, что вопросы голода не разрешаются полицейскими предписаниями, и что «любопытные» были слишком заинтересованы в вопросе. Толпа встретила распоряжение полиции свистом и криками. Тогда пожарные стали поливать бунтовщиков за благовременно подготовленными гидрантами. Этого было достаточно, чтобы началось настоящее восстание. Толпа стала разбирать мостовую и камни полетели во всех направлениях. Гидранты вырвали из рук пожарных и стали окатывать их самих. Начали уносить первых раненых. Разъяренная толпа разрушила пожарные трубы, сбросила два пожарных экипажа

¹ «Народное право», «Бернский Страж». Ред.

в реку. Был опустошен заготовленный городом воз картофеля.

С 9 часов вечера уже действовали вызванные войска, но они также не могли восстановить порядок. Тогда последовали залпы. По официальным газетным сведениям было двое убитых и 15 раненых, из которых несколько уже умерло. Число жертв, по слухам, гораздо больше, но в точности неизвестно. «Беспорядки» продолжались до 5 час. утра.

С разбитыми стеклами посреди развороченной площади стояла бильская городская дума, как печальная свидетельница того, что социальному миру в демократической республике пришел конец.

Кровавые события в Биле поразили и перепугали не только буржуазные круги, но и солидные верхи рабочего движения. Швейцарские с.-д. газеты и партийные с.-д. организации поспешили отказаться от всякой солидарности с молодыми, снять с себя ответственность за бильскую демонстрацию и призывали население не участвовать в таких демонстрациях.

Такое усиленное умывание рук было, пожалуй, излишним. Всякий, кто сколько-нибудь знаком с официальным социализмом Швейцарии, не подумает заподозреть его в солидарности с каким-либо решительным революционным шагом. Вопрос об ответственности партии в свете создавшихся политических отношений и, в особенности, последних бильских событий стоит совершенно иначе. В виду этих событий перед рабочими массами все более ясно и ярко вырисовывается двусмысленность позиции партии, встает вопрос об ответственности ее верхов за солидарность с буржуазными органами порядка, доходящего до совместимости социалистических и полицейских постов.

Такая постановка вопроса, на ряду с беспощадной отповедью «вождям» швейцарского социализма, совершенно неожиданно появилась на столбцах той самой газеты «Sentinelle» («Страж»), которая только недавно выразила свой телячий восторг по поводу чинной бернской демонстрации с участием «нашего товарища директора полиции».

Автор этой критики тов. Г. Дроз — противник всяких восстаний и бунтов, так как подобные средства должны применяться против рабочих. Он пацифист до конца и в свое время сурово осудил русских большевиков за их решение организовать красную армию. «Когда такое восстание разразилось в народной массе, я полагаю, — говорит тов. Дроз, — что было бы

трусостью и подлостью отказываться от солидарности с ним. Оно возникает непроизвольно, вызванное ходом вещей»...

«Народ страдает и находит, что главы партии не были достаточно тверды в своих требованиях. Они говорили, хорошо говорили, но они вступали в сделки, они уступали слишком скоро, прежде чем сделать призыв к народу о поддержке их требований. Они не рассчитывали на усилие народа. Народ достаточно угощали бессодержательной агитацией, манифестациями, резолюциями, предлагавшимися Ольтенским Комитетом. Он чувствует, что над ним издеваются, но, тем не менее, он чувствует себя сильным».

«Позавчерашние известия (о бильском бунте) показывают, что наша партия больна. Она обнимает слишком расходящиеся течения. Оппортунистическая правая и революционная левая удаляются друг от друга, и центр, которому удавалось балансировать, опираясь на оба крыла, проводя на деле оппортунизм и говоря революционным языком, не сможет уже дальше проделывать эквилибристику».

«Правда» № 164, 6 августа 1918 г.

ИСПЫТАНИЯ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.—БОЛЬШЕВИЗМ ИДЕТ! — «ШВЕЙЦАРСКИЙ ЗАКОН ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ»

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Старая швейцарская демократия дожила, на старости лет, до небывалых испытаний. Втянутая в круговорот империалистской индустрии и империалистической спекуляции, она, несмотря на свой скромный нейтралитет, должна испытывать все последствия империалистической разрухи. Не воюя, она по мере сил способствовала этой разрухе, сосредоточив средства производства и «рабочие руки» на производстве амуниции для воюющих и предметов роскоши для невоюющих, но жиреющих от войны. Промышленность выросла, но производительный труд сократился. Большие площади земли можно было бы еще засадить и засеять, но «рабочие руки» бегут с полей на фабрики амуниции, так как там платят больше. В стране почти нет картошки, но зато продаются превосходные кружева.

Отсюда — давно небывалое и конфузное явление: ни одна

буква в конституции демократической республики не изменилась, но народ начинает бунтовать, как при царском самодержавии.

Рабочее движение достигло крайнего напряжения и принимает все более революционный характер. В отсталом Тессинском кантоне, где средняя заработная плата составляла всего 150 фр. в мес. для женатых рабочих, возникшая стачка скоро обратилась во всеобщую забастовку в Кантоне, оставив обывателей без хлеба, газет, трамвая. Забастовка сопровождалась митингами и демонстрациями, причем требования предъявлялись не только предпринимателям — об улучшении условий труда, но и к кантональным властям — об улучшении распределения продуктов. Кантональное начальство было вынуждено печатать свои распоряжения на гектографе. Пришлось даже вызвать войска, — так было жутко. Стачка была выиграна.

Но даже успешные стачки за повышение платы не могут угнаться за стачками торговцев, повышающих цены, и потому растет народное возмущение, проявляясь иногда открытой крамолой.

Сознавая свое полное банкротство перед запросами рабочих масс и предвидя дальнейшее обострение борьбы, буржуазная демократия ударила в набат. Вместо причин народного возмущения, она ищет его «зачинщиков». Оказалось, что зло идет от русского большевизма. Буржуазия и раньше об этом догадывалась, и теперь, перетрусив после бильских событий, открыто указывает пальцем на этого врага.

«Не нужно сзбя обманывать», пишет «Союз», орган «свободомыслящих демократов», — «большевизм идет по стране. Мы неоднократно и настойчиво обращали внимание на то, что он придет, и вот теперь у нас достаточно указаний на то, что он здесь. Сперва — молодые в Цюрихе, в последние дни — крамола в Биле. Когда в России демократия была задушена и установлена диктатура пролетариата, можно было предположить, что повсюду, по собственному побуждению, выступят элементы, которые пожелают пойти по их стопам. В Биле мы их видели за работой, причем нельзя было не признать постороннего влияния. Там оказались юноши из разных концов Швейцарии, между прочим, и иностранцы, а между арестованными были такие, которые заявили, что будут продолжать свое дело, как только их освободят, — так сильно они воодушевлены».

Из этой полицейской философии «свободомыслящих» явствует, что, не случись русской революции, швейцарские массы так и перемерли бы с голода, под игом буржуазной диктатуры.

И вот, для предупреждения этой грядущей диктатуры пролетариата, буржуазная демократия, махнув рукой на свой старинный демократизм, все равно потерявший кредит, спешит усилить диктатуру буржуазии.

Борьба с «большевизмом» началась, прежде всего, в войсках. Как я писал раньше, молодыми была основана солдатская социалистическая организация в Цюрихе. К ней прикнула подобная же организация, основанная в Люцерне. Эти организации ставили, между прочим, своей задачей сопротивляться посредством военной забастовки применению войск против граждан. Во время тессинской генеральной стачки вызванные туда войска открыто заявили населению, что они ни в каком случае употреблять оружие против населения не будут. И вот 7 июля опубликован приказ швейцарского генерала Вилле, воспрещающий всякие организации в войсках. Швейцарскому гражданину, — говорит генерал, — не воспрещается объединяться в союзы, но швейцарские солдаты не должны знать иных организаций, кроме рот, батальонов и т. д.

Однако же экономические и грютлианские¹ организации до сих пор терпелись. Буржуазная печать облегченно вздохнула, выразив только удивление, как это военное начальство до сих пор терпело солдатские советы. Теперь социалистическая пропаганда среди войск может существовать только в нелегальных кружках.

Но этот генеральский приказ был только прологом к новому политическому курсу, который должен показать миру всю суету конституционных гарантий и прав человека и гражданина, если только эти права и гарантии мешают богатой «демократии» продавать товар по хорошей цене.

Указом от 12 июля Союзный Совет (т. е. состоящее из 7 лиц правительство Швейцарской Федерации) поставил крест над самыми элементарными политическими свободами всех граждан республики. Вот этот знаменитый указ:

1) Кантональные правительства уполномочиваются, для охраны спокойствия и порядка, принимать чрезвычайные меры, и в особенности — ставить в зависимость от полицейского раз-

¹ Грютлианский союз — политическая организация с.-д. направления. Объединяет вокруг себя швейцарское рабочее население. Ред.

решения и повергать полицейскому контролю публичные собрания и процессии, запрещать сходки и скопища и, в случае надобности, распускать таковые.

2) Нарушающий предписания кантональных правительств, изданные на основании этого указа, или призывающий к их нарушению, карается, если не подлежит более строгому наказанию, тюрьмою до 2-х лет или штрафу до 5 000 франков; оба наказания могут быть применены одновременно.

3) Против иностранцев может применяться изгнание из страны, сроком до 20 лет.

Преследование и осуждение за эти проступки предоставляется кантонам.

Далее следуют ближайшие указания для применения этого постановления вообще, и в частности — против его нарушения путем печати.

4) Это постановление вступает в силу немедленно. Союзный Совет определит срок, когда оно прекратит действие.

Партийная с.-д. печать назвала это произведение Союзного Совета «исключительным законом», «законом против социалистов». Такое уподобление его германскому закону 1878 года вдвойне неверно. Знаменитый закон Бисмарка должен был все же пройти через парламент, и в этом смысле был «законом», хотя и исключительным. Произведение же Союзного Совета, это — только «правительственное распоряжение», напоминающее времена русского самодержавия, времена «исключительного беззакония».

Во-вторых, закон Бисмарка был направлен против всей германской социал-демократии и, в особенности, против ее вождей, стоявших тогда не позади, а впереди движения и бывших самыми опасными врагами Бисмарка. Поэтому германский исключительный закон покончил, прежде всего, с организациями и с печатью социал-демократии. Исключительное правительственное распоряжение Союзного Совета, очевидно, ни в грош не ставит «вождей» швейцарского официального социализма. Поэтому оно оставило в покое его организации и его газеты. Больше того: как и в современной Германии, реакция создала этим органам *монопольное положение*, разгромив организации и закрыв газеты революционного крыла социал-демократии.

Правительственное распоряжение Союза направлено, прежде всего, против всяких массовых революционных выступлений рабочего класса, возникающих все чаще помимо партии или

даже против нее. Поэтому оно говорит не только о собраниях, но и о процессиях, сходках и скопищах, т. е. самых примитивных формах организованности, которые неорганизованные массы применяют для единства действий.

Обострившаяся классовая борьба и усилившаяся политическая реакция окончательно выбивают почву из-под ног оппортунистических вождей швейцарского рабочего движения, до сих пор благополучно балансировавших между социализмом и полицией.

Исключительное правительственное распоряжение Союзного Совета поучительно не для одних швейцарских рабочих. Оно учит уму-разуму и весь европейский пролетариат, показывая, с какою легкостью буржуазная демократическая республика, в минуту жизни трудную, превращается в полицейское государство. Оно дает, между прочим, и русским рабочим новое предостережение против всех, тоскующих теперь по Учредительному собранию и интригующих против Советской республики. Оно говорит: поскобли буржуазную демократию, и она окажется диктатурой буржуазии. Борьба диктатур — вот единственный путь, который указывает классовой борьбе современный империализм.

«Правда» № 168, 10 августа 1918 г.

«ВСЕОБЩИЙ РАБОЧИЙ СЪЕЗД». — СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМ ИЛИ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Как бы в доказательство того, что швейцарский «исключительный закон против социалистов» не помышлял покушаться на «легальные возможности» социал-демократического швейцарского болота, партийное начальство «под самым носом» швейцарской реакции устроило парад, который нельзя назвать революционным парадом только потому, что он устами своих лидеров открыто высказался против революции. Всеобщий рабочий съезд, созданный в ответ на зло новому политическому курсу, был продолжением тактики «всеобщей демонстрации протеста» 20 июня, тактики разбалтывания революционного настроения и «организованной» борьбы против

возможных революционных поползновений неорганизованных масс.

22 июля партийный «Комитет Действия» (буду дальше называть его кратко: К. Д., но прошу не смешивать его с нашими кадетами), извещая Союзный Совет о предстоящем рабочем съезде, предъявил ему следующие требования.

1. Отмена постановления Союзного Совета от 12 июля 1918 года относительно подчинения права союзов, собраний и демонстраций, а также пользование свободой печати, полицейскому контролю кантонов.

2. Отмена постановления Союзного Совета относительно высылки за границу иностранных дезертиров.

3. Учреждение федерального (т. е. общего для всей швейцарской федерации. Н. Б.) органа продовольствия с состоящим при нем советом, в котором был бы представлен, соответственно его значению, класс.

4. Лучшее рационарование и распределение жизненных продуктов, отвечающее особым затруднениям в питании трудящегося населения.

5. Регулирование запасов пищевых продуктов и других предметов потребления путем установления единства сортов и цен товаров.

6. Концессионирование частной оптовой торговли и контроль над установлением цен при участии рабочего класса.

7. Снабжение населения топливом при посредстве подлежащего учреждению рабочего органа ввоза и распределения.

8. Организация арбитражных судов для определения заработной платы (*Paritätische Lohnämter*), которые регулировали бы заработную плату в важнейших отраслях фабричного и ремесленного производства.

9. Сокращение рабочего времени постановлением С. Совета, в виду понижения физической работоспособности вследствие затруднений в питании.

10. Содействие Швейцарского союза (т. е. союзной или федеративной швейцарской республики. Н. Б.) коммунальному или артельному строительству жилищ путем авансирования капитала за умеренный процент. (По справедливой оценке? Н. Б.)

11. Прибавки жалованья на дороговизну жизни федеральным служащим и выдача им авансов, а также введение 8-часового рабочего дня в государственных производствах и путях сообщения.

Социал-демократический К. Д., понимал, что созвать и воодушевить под таким знаменем рабочие массы, призвать их на *борьбу* с буржуазией нельзя. Поэтому, он прежде всего стремится *убедить* буржуазное правительство, апеллируя к его буржуазному демократизму, и обращает его внимание на то, что будущий съезд будет представлять около 180 000 членов профессиональных союзов и около 35 тысяч членов с.-д. партии.

Оценка самых требований, выставленных воинственным К. Д., была дана уже буржуазной печатью. «Сравнительно с прежними требованиями, — говорит «Национальная Газета» (№ 348), — требования Ольтенского К. Д. умеренны. Это, главным образом, — экономические требования. Разного рода политические претензии, которые раньше разделяли умы, как, например: освобождение немецкого рефрактера Мюнценберга, отмена запрещения трех органов социалистической молодежи, уже не предъявляются». Что же касается отмены «исключительного закона», то ведь он мотивирован охраной тишины и порядка. Этот мотив звучит убедительно, и насчет конституционных гарантий, при добром желании, можно было бы столковаться.

Эта убийственная характеристика верхов швейцарского рабочего движения буржуазной газетой лучше всего обличает всю фальшь воинственной шумихи социалистической бюрократии по поводу «закона против социалистов».

Но поладить рабочему классу с буржуазией на почве самых умеренных требований нелегко, если он начнет с уступок.

На воинственное прошение Ольтенского К. Д. Швейцарский С. С. отвечал отказом в примирительном духе. Этот официальный отказ С. Совета сопровождался бесчисленным множеством оговорок, обещаний, ссылок на практические затруднения, несмотря на «принципиальное согласие» и пр. Особенно характерны оговорки С. Совета по поводу участия рабочих в распределении. Он, конечно, готов идти навстречу желаниям рабочих, но обращает внимание на то, что при этом «не должно возникнуть представление, будто промышленные круги в вопросе распределения ввозимых товаров несправедливо оттерты на задний план, так как подобное сознание их отстранения оказало бы неблагоприятное влияние на национальное производство и доставку швейцарских продуктов».

Буржуазия показала «вождям» рабочего класса, что она не

склонна подобно им сдавать позиции без боя. И вождям ничего не оставалось, как обратиться к армии, продолжая, впрочем, и здесь держаться своей старой тактики, — тактики воинственного соглашательства.

26 июля партийный К. Д. постановил предложить будущему съезду следующую резолюцию:

1. Ответ С. Совета во всех отношениях неудовлетворителен.

2. К. Д. уполномачивается немедленно вступить в переговоры еще раз с Союзным Советом и в этих переговорах поддерживать также требования ж.-д. рабочих.

3. В случае, если не будут немедленно даны надлежащие уступки, съезд постановляет всеобщую забастовку.

Созыв с.-д. партии и профессиональных союзов на «всеобщий рабочий съезд» был непосредственным ответом на швейцарский «закон против социалистов». Воззвание Ольтенского Комитета Действия к организациям было составлено в самых воинственных выражениях, от которых «пахло порохом». Этот закон С. Совета был назван «провокаторским», — рабочие призывались встать на защиту своих интересов всеми средствами.

Эти дерзкие выражения и, главным образом, условный призыв к всеобщей стачке вызвали бурю негодования черносотенной печати против Ольтенского Совета.

Однако, уже из самого воззвания Ольтенского К. Д. и установленной им конституции съезда было ясно, что не только Ольтенский К. Д., но и созывавшийся «всеобщий рабочий съезд» были полной противоположностью советам, как организациям рабочих масс.

К. Д. видел опасность «провокаторского» закона в том, что он «лишает элементарнейших прав весь организованный рабочий класс».

Мы уже видели (см. предыдущие письма), что пресловутый «закон» был вызван к жизни не организованными выступлениями партии, а именно массовым народным движением, идущим вразрез с партией. Против этого движения, против элементарнейших форм его организованности, против митингов, демонстраций, сборищ и скопищ был направлен этот закон, главным образом.

Воззвание К. Д. возводит поэтому такую же напраслину на постановление С. Совета, какую возводят черносотенные газеты на Ольтенский Совет.

По соглашению К. Д. с Ц. К. профессиональных союзов съезд должен состоять из членов:

1. Комитета Действия.
2. Центр. К-та объединенных проф. союзов.
3. Секретариата с.-д. партии Швейцарии.
4. С.-д. фракции Национального Собрания.
5. Из делегатов по 1 на 500 зарегистрированных членов объединенных проф. союзов или организаций, принадлежащих с.-д. партии Швейцарии.

Выборы делегатов должны происходить для профессиональных союзов, согласно распоряжениям союзных правлений, а для партийных секций — согласно предписаниям партийного секретариата.

Мы не знаем, как далеко простирались «распоряжения» и «предписания» вождей рабочих организаций при выборах на местах. Но уже бесперевыборное участие в съезде высшей рабочей бюрократии, недавние аресты, разгром левых социалистических газет, отсутствие дискуссий в печати по платформе выборов, краткий срок этих выборов при новом политическом курсе, наконец, неподготовленность и неприспособленность проф. союзов к решению политических вопросов, все эти приемы и расчеты *буржуазного парламентаризма* должны были не только отгородить «всеобщий рабочий съезд» от широких рабочих масс, но и обеспечить на этом съезде преобладание наиболее консервативных верхов рабочих организаций.

Уже по своему составу это был скорее «божьей милостью», а не волею рабочего класса избранный его руководитель. И это тем более характерно, что на съезде ставился на очередь вопрос о всеобщей стачке, успешность которой обуславливалась участием всего рабочего класса.

Но, окопавшись от рабочих масс входным билетом, вожди постарались придать своему съезду исключительное значение и авторитет. В партийной печати его называли «рабочим учредительным собранием». Ольтенский К. Д. заявил, что этот съезд должен «решить историческое будущее швейцарского рабочего движения».

Посмотрим, как решались эти судьбы на съезде.

Съезд начался докладом двух лидеров: Гримма — лидера немецкой Швейцарии и Грабера — романской.

Нужно отдать им справедливость: они на редкость определенно и отчетливо охарактеризовали позицию мещанского социализма применительно к швейцарским условиям.

Поговорив о народных бедствиях, обругав реакционную буржуазию, они, в своей оценке политического положения, добросовестно старались в то же время обосновать невозможность серьезной борьбы с буржуазией и с реакцией. Они, главным образом, напирали на экономическую и политическую зависимость Швейцарии от соседей, т. е. на те самые аргументы, что выдвигаются буржуазной печатью против требований рабочих, против всеобщей забастовки и в защиту «исключительного закона».

Несмотря на всю остроту вопроса о продовольствии, на свирепствующий уже голод и эпидемии, они старались отстоять свою прежнюю обанкротившуюся тактику мелкого социал-реформаторского крохоборства.

Характерно, что к числу успехов этого крохоборства (хотя и частичных) Гримм не постеснялся отнести даже результаты пресловутой «молочной революции», состоявшейся весною под его ближайшим руководством. Успех этой «революции» заключался в том, что государство, под угрозой всеобщей забастовки, согласилось доплачивать Союзу молочников ту сумму, на которую Союз хотел повысить цены на молоко. Цена, правда не повысилась. Но нужно представить себе восторг от такого «успеха» той безработной и голодающей бедноты, которая не может мечтать о такой роскоши, как молоко, и в то же время, путем бесчисленных, главным образом, косвенных налогов, должна уплачивать дань молочникам. На успех такого «социализма» в этом рабочем парламенте можно было рассчитывать, только опираясь — или на более сытый состав «организованного рабочего класса», или на его очень низкую сознательность.

Но самым важным, самым поучительным моментом в речи Гримма, — этого главного лидера съезда, «решившего историческое будущее рабочего движения», было его отношение к *русской революции*.

Гримм решительно ополчился «против того направления, ослепленного русской революцией, которое мечтает о возможности установить на территории Швейцарии, как бы в оазисе посреди великих капиталистических государств, социализм.

Структура Швейцарии совершенно отлична от структуры России. Различен и состав населения. Мы не можем делать одно дело с крестьянами, как рабочие России. Наши крестьянские хозяйства делают то же, что и каждый торговец, каждый банкир, каждый капиталист: они используют конъюнктуру.

В России крестьянин ждет от революции, что она даст ему землю, — у нас он боится ее потерять. Таким образом — крестьяне против нас, и это основное различие нужно иметь в виду. Нельзя слепо переносить цели и средства из одной страны в другую. Нельзя также упускать из виду положение вещей за границей. Страна, как наша, которая не может существовать экономически сама по себе, которая зависит от заграницы, — такая страна рискует вызвать репрессии иностранных государств, и даже Ленин усматривает зависимость поведения от состояния международного революционного движения (!) и должен признать, что русская революция может выдержать только в том случае, если революция охватит прочие государства».

Не будем останавливаться на этой философии невежества швейцарского лидера. Чем больше будет развиваться капитализм, тем больше будут развиваться условия для социализма, тем больше будут бояться социальной революции — не городская и сельская беднота Швейцарии, а лидеры мещанского социализма. В этом — основное сходство «социальной структуры» всех капиталистических стран! Они, конечно, не дождутся, пока Швейцария станет экономически самодовлеющей, — как всякое капиталистическое государство, она все больше будет втягиваться в международный обмен. Не дождутся они и российских, хотя более отсталых аграрных отношений, и только именно слепое и глупое перенесение всех несущественных, случайных условий и обстоятельств дает им предлог для антиреволюционной философии.

Еще более отчетливо и строго высказался против революции другой лидер — Грабер. Ссылаясь на ту же зависимость от заграницы и на *слишком поспешное развитие швейцарского капитала*, за которым не может угнаться рабочее движение, Грабер сообщил рабочему съезду, что Швейцария *«лишена всякой возможности мечтать о движении революционного характера»*.

«Нужно думать только о требованиях практических, возможных, действительных и избирать средства, которые подготавливают путь к более широким движениям будущего».

Эта музыка будущего и практицизм лидеров встретили оппозицию даже на таком невсеобщем съезде. Впрочем, серьезной критики — по существу — тактика вождей не встретила. Сказывалось больше раздражение.

Один из молодых (Арнольд) резко нападал на бессодер-

жительность громких фраз Гримма: «Так можно бы говорить в Национальном Совете, а не здесь. Если уж предъявлять требования, то нужно требовать также отмены запрещения органов молодых, освобождения Гильбо и других товарищей. Пора действовать решительно и оставить пустую игру».

Другие ораторы сравнивали речи лидеров с театральными громами, говорили, что рабочий класс должен потерять интерес к таким конгрессам. Один предлагал объявить стачку, но избрать другой комитет для ее проведения. Нашелся такой, который (после речей Гримма и Грабера!) выразил удивление, почему комитет не подготовил в умах революционной борьбы. Цюрихский металлист, недовольный своим союзом, пообещал «навести порядок в Ц. К. союза посредством рабочих советов».

Большинство ораторов-рабочих настаивало на 2 пунктах: 1) на 8-часовом рабочем дне для всех рабочих, а не для одних только государственных служащих (как предлагал Ольтенский К. Д.) и 2) на объявлении всеобщей стачки без дальнейших переговоров с Союзным Советом.

Оппозиция была слаба и Ольтенский К. Д. остался победителем. Съезд настоял только на присоединении требования о 8-часовом рабочем дне для всех рабочих.

Подавляющим большинством голосов (277 против 4) была принята следующая Комитетская резолюция:

«Всеобщий Швейцарский рабочий съезд, созванный на Чрезвычайное Собрание, соглашаясь с требованиями, предъявленными Ольтенским Комитетом Действия 22 июля 1918 г. Союзному Совету, объявляет ответ Союзного Совета от 26 июля во всех отношениях неудовлетворительным.

Он уполномачивает Комитет Действия немедленно вступить еще раз в переговоры с Союзным Советом, чтобы добиться положительных уступок. Комитет Действия уполномачивается, в согласии с правлением объединенных проф. союзов, поддерживать также требования государственных служащих.

В том случае, если Союзный Совет не даст незамедлительно удовлетворительных уступок, Съезд постановляет начать всеобщую забастовку. Проведение забастовки поручается Комитету Действия совместно с Правлением объединенных проф. союзов и секретариатом с.-д. партии Швейцарии. Руководиться следует постановлениями Бернской конференции от 1 — 3 марта. Организации должны немедленно получить директиву для подготовки всеобщей стачки».

После доклада и дебатов о средствах борьбы была единогласно принята также резолюция комитета:

«Съезд объявляет свою волю проводить всеобщую стачку со всей решительностью и без всяких эксцессов. Он призывает персонал милитаризированных производств и солдат, получивших приказ применять силу, отказываться повиноваться. Что касается остального, то центральная руководящая организация уполномочивается принимать надлежащие меры».

К этой резолюции о средствах борьбы была принята дополнительная резолюция Грейлиха:

1. К участию в стачке никто не должен принуждаться физической силой.

2. Следует всеми силами препятствовать злоупотреблению стачкой для особых целей, не означенных в требованиях Комитета Действия или для бунтовщической тактики.

Были приняты и еще резолюции... Мы не будем их приводить. Скажем только, что «всеобщий рабочий съезд» почел долгом вежливости выразить свое сожаление побежденному социализму Финляндии и сочувствие победившему социализму России. Был, наконец, выражен протест против ареста революционных товарищей (курсив подлинника) в Швейцарии и «требование» их освобождения.

Заметим, что по точному смыслу резолюции Грейлиха, принятой съездом, — осуществлению этого последнего «требования», как не означенного в требованиях Ольтенского К. Д., при проведении всеобщей стачки *«следует препятствовать всеми силами, как «злоупотреблению стачкой».*

Интересно сравнить этот «всеобщий швейцарский рабочий съезд», как тактический прием приспособляющегося к новым обстоятельствам швейцарского оппортунистического социализма, с нашим «широким рабочим съездом», который затевали меньшевики с П. Аксельродом во главе. Цель обоих съездов была одна и та же: *борьба с революционным социализмом.*

Наши подпольные партийные с.-д. организации, вкрапленные в широкие рабочие массы, были тесно сплоченными, замкнутыми «ячейками», хранившими чистоту и революционность программы и тактики, стоявшими всегда впереди отсталой рабочей массы.

С.-д. партия Швейцарии и, в особенности, ее проф. союзы по своему составу представляют скорее рабочую аристократию, которая тянет к буржуазной демократии. По своим многолетним традициям открытой и широкой, но по существу не

революционной, социал-реформистской и мирно-соглашательской деятельности, особенно теперь, при обострении классовой борьбы, они стоят, несомненно, не впереди, а позади движения. Они давят на развитие этого движения всем мертвым весом своей организованности.

Широкий рабочий съезд наших меньшевиков означает не что иное, как растворение наиболее сознательных и революционных элементов движения среди широких отсталых масс.

«Всеобщий швейцарский рабочий съезд», даже в виду подготовки всеобщей стачки, очень резко отмежевывается от некоторых неорганизованных масс. Это понятно; действительно всеобщий рабочий съезд, т. е. слияние организации с широким рабочим движением, означал бы растворение оппортунистических организаций в массовом революционном движении.

Наши меньшевики, в борьбе с революционным социализмом, выставили формулу «буржуазной революции».

Швейцарский оппортунизм решительно отказывается даже «мечтать о движении революционного характера». Но, по счастью, историческое будущее этого движения определяется не мечтами его вождей.

Рабочее движение Швейцарии, на почве все возрастающих народных бедствий, порожденных империалистической разрухой, явно вступает в полосу революционного развития. Оно неизбежно должно сдвинуть партию с мертвой точки, снять ее с гвоздя социал-реформаторства.

А с другой стороны, политическая реакция объявляет самые «практические» и «возможные» требования вождей «бессмысленными мечтаниями».

Наши меньшевики, путем буржуазной революции, устремлялись, конечно, не к социализму, а к социал-реформизму.

Длинный путь социал-реформистского крохоборства приводит швейцарских «не революционных товарищей» к задаче «буржуазной революции».

Как в Швейцарии, — в стране самой старой в Европе демократии? . . .

Но почитайте воззвание Ольтенского К. Д.: постановление Союзного Совета «лишает рабочий класс элементарнейших прав», «оно предоставляет кантональным властям упразднить коалиционное право, — это единственное оружие трудящегося населения, борющегося против эксплуататоров». «Это — провозглашение грубого насилия на место права, узаконение

абсолютного, диктаторского полицейского произвола» и пр. и пр.

Разве это не прокламация нашего дореволюционного комитета против царского самодержавия?

«Правда» №№ 169 и 171, 11 и 14 августа 1918 г.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Последние 2 недели принесли, несомненно, роковой поворот в ходе событий. Присматриваясь к новому положению вещей по ту и по эту сторону траншей единого революционного фронта, мы должны констатировать колоссальное изменение.

Еще недавно Советская Россия была осаждена со всех сторон. Брест-Литовская «передышка» дала ей возможность не отдыхать, а только дышать. Она неустанно боролась с врагами внутренними и внешними, и не только ее врагам, но и многим друзьям казалось, что она находится при последнем издыхании.

И если друзья шептались о неизбежной ее кончине в тесном кругу, то враги кричали об этом на всех крышах и во все горло. Иногда они сообщали даже о ее гибели, как о совершившемся факте.

«Ленин и Троцкий бежали в Стокгольм». «Петербург взят немцами». «Правительство переехало во Владимир и Нижний» и т. д.

Насколько успешно велась такого рода «информация», можно судить по следующему характерному факту: Русский Красный Крест в Швейцарии отказался передать свое хозяйство уполномоченным Советской власти. Ставленники Керенского при этом откровенно объясняли: «мы ждем со дня на день падения большевистского правительства».

Но время шло. Советская власть не падала и благополучно «додышала» до того дня, когда душивший ее империализм центральных держав стал сам задыхаться.

Прорыв Болгарского фронта. Революция в Болгарии. Развал Турции. Ожесточенная национальная и гражданская война в Австро-Венгрии. Непрерывное отступление немцев на Западном фронте, бунты в германском флоте, открытые рево-

люционные восстания германских полков в оккупированных областях, — вот события последних дней. Крах германского империализма налицо.

Означает ли он торжество империализма союзников?

Распространяющаяся стачка в Англии, охватившая уже до 300 000 текстильщиков, резолюция съезда французской социалистической партии, требующей немедленных мирных переговоров, успешная борьба итальянских товарищей с их социал-патриотами, — все это показывает, что в стане победителей не так уж благополучно. Сами победители не скрывают от себя возможности самого скверного оборота дела.

Недавно один английский министр, осматривая политический горизонт, наблюдал зловещие тучи, предрекая громы и молнии. Французская газета «Пэи» разрешилась неожиданным признанием, что настоящая война означает революцию. Торжество победителей отравлено самыми скверными предчувствиями.

Ничего особенного не случилось по нашу сторону траншей. Взятие Сызрани и Самары служит только внешним показателем того, что Советская Республика пережила лихолетие разрухи, саботажа, острой голодовки и шарлатанских бунтов и предательских покушений. Она устоялась и окрепла. Громы и молнии на зап.-европейском горизонте угрожают не ей, а ее врагам.

Прислушиваясь к суматохе и возне, поднявшейся во вражьем стане, там, где только вчера сочинялись телеграммы о падении Советской власти, мы с полным правом можем утверждать, что *в настоящий политический момент Советская власть стоит тверже, чем какая бы то ни была из буржуазных властей Европы.*

Учитывая этот несомненный факт настоящего момента, мы можем сделать из него выводы для ближайшего будущего. У себя дома мы можем свободнее вздохнуть и заняться более энергичным и планомерным строительством. Теперь даже маловерные должны проникнуться убеждением, что мы смеем и должны устраиваться, как в собственном доме, а не как во временной наемной квартире.

Нужно возможно скорее починить пробойны в нашем доме, сделанные как вражеской, так и нашей собственной артиллерией. Нужно выбросить последний мусор, оставшийся в нем со времени Николая 2-го и Керенского.

Это тем более необходимо, что изменившееся соотношение

сил на фронте революции возлагает на нас новые задачи. С того момента, как германский империализм подал в отставку, нужно со дня на день ожидать падения не Советской власти, а буржуазных правительств центральных держав. А это значит, что границы социалистического отечества раскинутся от Волги до Рейна и Дуная.

Советская Россия должна готовиться стать укрепленной базой грядущей европейской революции.

«Правда» № 223, 16 октября 1918 г.

ЛИГА НАРОДОВ ИЛИ 3-Й ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Подавая прошение о перемирии г. Вильсону, этому «мировому судье», судье Старого и Нового Света, молчаливо утвержденному в этой должности международной биржей, дипломаты кайзера не преминули указать на новый, «демократический» состав германского правительства.

Ответ г. Вильсона показал, что «этот номер не прошел». Дипломатии придется изыскать новый способ «демократизации», и она уже приступила к работе.

Но шейдемановцы, вступившие в безответственное министерство Вильгельма, были предназначены не только для наружного, но также и для внутреннего употребления.

Обанкротившаяся военная партия, державшая в железном кулаке всю страну, эта партия генералов армии и биржи, приведя страну на край гибели, хочет теперь улизнуть от народного гнева, вылезти сухой из воды, или, лучше сказать, мокрою из огня.

Изменники рабочему классу, предатели социализма взяли на себя эту задачу — выполнить последнюю военную хитрость разбитых германских генералов.

Правда, рабочие требуют переизбрания Шейдемана и Эберта как парламентариев, ведущих такую политику, о которой и не снилось их избирателям. Но буржуазный парламентаризм, вместе с применением осадного положения, сохраняет за ними с незапамятных времен «социалистические» мандаты и звание «лидеров».

Об идейном же влиянии шейдеманов на рабочий класс хлопочет теперь буржуазная печать.

«Вожди рабочего класса и новое правительство, — говорит пангерманская «Tägliche Rundschau» («Ежедневное Обозрение»), — должны знать, что от способа организации национальной защиты, после отклонения германского мирного предложения, зависит существование государства. Если она (эта защита) не будет удовлетворительно выполнена, то возникает большая опасность, что нынешнее правительство потеряет столь ценимую им опору в рабочем классе, а Шейдеман теряет господство над своими приверженцами».

Сама газета не указывает способа спасения отечества. Мало того, она сама как нельзя лучше показывает, — а г. Вильсон это подтверждает своей последней нотой, — что при сохранении господства над рабочим классом Шейдеманов, а через их посредство, — Вильгельма, — такого способа нет и быть не может.

В самом деле, продолжать войну — значит довести начавшееся поражение до полного разгрома.

Итти на милость мировому судье, который так много говорил о честности, высокой международной справедливости и союзе народов?

Но не только воинствующие пангерманисты, но даже смущенный буржуазный пацифист, депутат рейхстага Гойтан, должен признать, что этот апостол международной справедливости, в качестве председателя победившего империализма союзников, говорит теперь языком бронированного кулака.

«Если дошедший до нас текст ноты Вильсона действительно правилен, — говорит г. Гойтан, — то Вильсон убил свою собственную идею союза народов. Эта точка зрения грубой силы, а не равноправия, требование, чтобы мы дали всевозможные гарантии мира в то время, как нам не дают ни малейших, чтобы мы сдались на их милость. Это такая чудовищность, что даже у каждого самого честного и убежденного пацифиста кровь закипает».

Английская газета «Манчестер Гардиан» требует в виде гарантий временного занятия союзниками Эссена, этого центра германской металлической промышленности с знаменитыми заводами Круппа и выдачи германского подводного флота.

Наконец, французская печать попросту отклоняет всякое соглашение, предоставляя решение дела «мечу Фоша».

Итак, попытка германских дипломатов провести правительство кайзера, при помощи демократического переодевания, хотя бы на задворки «союза народов», который займется делением

всемирной добычи и спасением буржуазного порядка, эта попытка провалилась.

Несомненно, что недостаточная демократизация германского правительства в ноте Вильсона служит только пустым формальным отводом, той дипломатической игрой, которая имеет в виду окончательный, полный разгром Германии. Несомненно, что союзники готовят ей еще горший Брест-Литовск, чем тот, что устроила России Германия. От этого Брест-Литовска ее не спасет не только парламентаризация, но и настоящий буржуазный парламент.

Ведь давнишнее существование этих «настоящих» парламентов у победивших союзников нисколько не мешает «убивать идею союза народов». А если так, то где же выход?

Обанкротившиеся империалисты не без основания обращаются к рабочему классу Германии. Только этот класс может спасти теперь страну. Но, получив уже столько наглядных уроков, он не только должен будет отказаться от предлагаемой ему чести быть опорой «нового» правительства Вильгельма, но решительно восстать против этого обанкротившегося правительства. Только правительство рабочего класса может избавить страну от неизбежного хулиганского разгрома, потому что только оно может рассчитывать на искреннюю и дружную поддержку рабочих воюющих стран, на заключение действительно демократического мира. Только оно способно бесстрашно отвергнуть подсудность международного ханжи, диктующего теперь условия мира согласно вожделениям биржевых королей и передать дело мира в руки нового 3-го Интернационала.

Образование новой коммунистической партии в Германии внушает нам лучшие надежды на такой исход. Мы имеем все основания предполагать, что именно эта партия станет во главе революционного движения германского пролетариата.

В этом убеждает нас заявление новой партии, которая, вступая на путь борьбы, желает решительно отмежеваться не только от шейдемановцев, но и от этого болота из «независимых», к которому с успехом могли бы быть применены слова автора «Комедии всемирной истории»: ¹ «Мы, немцы, по части революции всегда были глухими».

«Правда» № 226, 19 октября 1918 г.

¹ Шер, «Комедия всемирной истории»; переведена на русский язык.
Ред.

ИЗ МИЛАНА В КИЕВ.

Телеграф принес известие, что германское правительство делегирует на Украину правительственного социал-демократа Зюдекума с широкими полномочиями.

Г-ну Зюдекуму уже не в первый раз исполнять дипломатические поручения самого деликатного свойства. Еще когда социал-предатели не были министерской партией, они состояли уже на службе правительства. В самом начале войны г. Зюдекум приехал вместе с правым швейцарским с.-д. Грейлихом в Италию, тогда еще не вступившую в войну. Итальянская социалистическая партия вела отчаянную агитацию против войны вообще и против присоединения Италии к союзникам — в частности. На собрании правления итальянской соц. партии г. Зюдекум доложил о желании передать очень крупную сумму денег в фонд партии. На вопросы итальянских товарищей, кто и с какой целью жертвует эти деньги, г. Зюдекум не мог дать толковых объяснений. Он мог только сообщить, что этот крупный куш поступил от какого-то таинственного американского дядюшки. Старик Грейлих знал об этом еще меньше. Он был, очевидно, прихвачен г. Зюдекумом только для придания миссии «международного» характера.

Дело было слишком ясно. Крупный куш шел из темного фонда империалистов, заинтересованных в антимилитаристской пропаганде в Италии. Оскорбленные итальянские товарищи торжественно попросили Зюдекума и Грейлиха немедленно покинуть собрание.

Своей последующей деятельностью итальянская социалистическая партия показала, что она может бороться за дело социализма и против войны не только без темных денег, но и не останавливаться перед жертвами.

Но эта история с темным фондом навсегда заклеила социал-предателя Зюдекума.

Четыре года прошло с тех пор. Итальянские товарищи, выгнавшие в Милане г. Зюдекума, сидят по тюрьмам. Они вели антимилитаристскую пропаганду, так добросовестно, как не могли бы вести ее наймиты г. Зюдекума.

А г. Зюдекум эти 4 года служил делу германского империализма и дослужился до «новой правительственной миссии с широкими полномочиями». И вот теперь он едет в Киев. Мы еще не знаем, в чем именно состоит его миссия,

кому везет он сребренники. Но мы не сомневаемся, что темный делец германского правительства Зюдекум едет для темного, грязного дела на Украину.

С презрением выгнали г. Зюдекума итальянские товарищи в Милане.

С почетом встретят его в Киеве социал-предатели, кадеты и вся российская контр-революция.

«Правда» № 227, 20 октября 1918 г.

ВИЛЬГЕЛЬМ ПОСЛЕДНИЙ.

«Ответственность за войну для правителя — вещь очень серьезная. Я знаю по опыту моего покойного деда, который мне об этом рассказывал.

Из письма Вильгельма II к Николаю Последнему.

Вильгельм II принадлежал к разряду тех наименее счастливых монархов, которые не только царствуют, но и управляют. Он был преемником не своего отца, а князя Бисмарка, который, оставив бразды правления, сказал, что новый император будет сам своим собственным канцлером.

Внешняя политика германского империализма тесно связывается с фигурой германского императора. Этот «средневековый рыцарь», при своей внешней несовременности, на самом деле сумел сочетать в себе те качества и идеалы, которые как нельзя лучше пришлись ко двору не столько юнкерству, сколько гигантскому капитализму Германии. Честолюбивые завоевательные замыслы рыцаря Вильгельма и насаждаемый им культ военщины счастливо сочетались с расчетами и выводами конторских книг крупнейших торговых домов Германии. Молох германского империализма в конечном счете превратил даже значительную часть привилегированного германского дворянства в квалифицированное пушечное мясо.

Мощное развитие германского капитала диктовало ему новые исторические задачи. Ему все более становилось тесно в пределах отечества. Между тем, выступив на путь всемирной конкуренции, он застал уже мир разграбленным и разделенным на колонии и сферы влияния. В то время как даже маленькая Голландия владела богатейшими, без особого

труда захваченными колониями, огромная промышленная Германия должна была довольствоваться жалкими клочьями в Африке, не окупавшими даже расходов по управлению. Естественно, что она, в семье счастливых соседей, должна была себя чувствовать обойденной и обиженной.

Ее «средневековый» император совершенно правильно и даже художественно выразил исторические задачи и стремления национального германского капитала, когда он в одной из своих бесчисленных речей заявил миру, что Германия должна «искать себе место под солнцем».

Но кто же отдаст это место добровольно, да еще такому сильному конкуренту? И Вильгельм добросовестно стремится выполнить свою историческую миссию.

В 1905 г. предприимчивый коронованный поборник германских капиталистов неожиданно появляется в гавани Танжера и выражает желание вступить в сношения с мароккским султаном, как с «независимым государем» «для успешной защиты германских интересов».

Это было, конечно, явным покушением на чужое добро, на колонию Франции, которая вынуждена была, однако, дать Германии некоторые уступки. Молодецкий набег в Марокко встревожил Англию, обладательницу самых обширных и самых доходных «мест под солнцем».

С 1911 г., когда Германия, подкрепив свои претензии военным крейсером, добилась окончательных результатов в мароккском вопросе, европейская война уже висела в воздухе. Германский империализм в лице Вильгельма нашел не только идеолога и оратора, но и недурного организатора своих замыслов и вождедений.

Неустанно готовил он могучую армию для неизбежной империалистической войны. Расцвет германской науки и промышленности создал последнее слово германской военной техники. Духовное же воспитание «пушечного мяса», выработка «железной дисциплины» в войсках нашли себе лучшего вдохновителя и поборника в лице «средневекового рыцаря».

Так создалась чудовищная сила германского империализма, которая железом и кровью готовилась завоевать себе место под солнцем. Этой силе, ее технике, ее организации и ее вдохновителю и руководителю могли бы позавидовать ее враги.

Теперь, когда эта сила сломлена, победители требуют, между прочим, отставки германского императора. Холопская

буржуазная печать Германии, пресмыкавшаяся перед своим кайзером во время его побед, теперь готова принести его в жертву победившему Молоху. Она нагло намекает, что император должен исполнить свой долг и уйти для спасения отечества. Вильгельм II — обречен.

Как враги, так и бывшие его холопы хотят сделать его единственным виновником и ответчиком за все ужасы войны. Отвести громы народного гнева на «прусский милитаризм» и на его вождя и вдохновителя, — в этом теперь спасение империализма от надвигающейся революции.

Но эту империалистическую ложь обличает судьба другого последнего императора. Николай Последний пал, как известно, если не при участии, то при благосклонном содействии наших «союзников». Его единственной виной в глазах англо-французских империалистов была его неспособность вдохновлять и организовать войну. Про Вильгельма II этого, во всяком случае, сказать нельзя, хотя оба они оказались обреченными историей. Примирить эту историческую несправедливость, разрешить это противоречие может, очевидно, только европейская революция, которая рассудит, что, если плохой и хороший империалисты должны одинаково подавать в отставку, то... тем хуже для империализма.

«Правда» № 231, 25 октября 1918 г.

АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.

«Как Соединенные Штаты не вмешиваются ни в войны, ни в иные отношения европейских государств между собою, так и европейские государства не должны вмешиваться во взаимное отношение американских государств», — так говорил в знаменитом президентском послании конгрессу — не г. Вильсон, а его предшественник — г. Монроэ около 100 лет назад. Так называемая «доктрина» Монроэ, выражавшаяся коротко словами: «Америка для американцев», означала оборонительную позицию самих Соединенных Штатов по отношению к Европе и их претензии на монопольное господство в Северной и Южной Америках.

Но, развиваясь по-американски, капитализм Соединенных Штатов скоро обогнал старую Европу, создав новейший

тип капиталистической организации, — американский трест, как орудие монопольного господства над рынком и, вместе с тем — политического господства миллиардов в буржуазно-демократической среде. Не только изобретения Эдиссона, но также изобретательность по части политической техники, техники подкупов печати, парламентариев, судей, политических лидеров, — составляют славу Нового Света. Власть денег в ее чистейшем виде могла расцвести только в демократической Америке.

Американские миллиардеры давно поработили экономически и политически не только свою собственную страну, но и республики Северной и Южной Америк. Но Америка уже давно стала тесна для американцев, т. е. для финансового капитала Соединенных Штатов, и «доктрина» Монроэ стала слишком пресной.

Между тем, старый свет был отгорожен от «демократического» американского капитала китайской стеной европейских (и азиатских) предрассудков, национальной склоки, дипломатических, династических и прочих интриг, таможенных ставок и прочих препятствий для хозяйничанья финансового капитала в огромном мировом масштабе.

Вот почему, напр., полуазиатская Россия Николая II была гораздо более удобным рынком для «монархического» германского капитала, чем для проникновения «демократических» американских миллиардов. По той же причине Соединенные Штаты гораздо решительнее своих союзников шли на «демократизацию» России при февральском перевороте, и теперь выступают главными радетелями демократизации Германии.

Что именно к буржуазно-демократической обстановке американские миллиарды приспособлены как нельзя лучше, что именно тут они, как рыба в воде, — это лучше всего показывает не демократизация побежденного германского империализма, а мирное порабощение союзной демократической Франции. Под шум торжествующей французской печати, американский капитал пожинает на французской земле аннексии и контрибуции, правда, в самой законной и демократической форме. Он усиленно скупает французские земли. Французские банки, обанкротившиеся после уничтожения русских займов, перешли в руки американцев. Целый ряд крупнейших французских фирм перешли в американские руки. Все это, вместе с дружеской оккупацией французских городов американскими войсками, ведет к политической и даже полицейской

опеке, сильно напоминающей опеку французов и англичан над Россией при Керенском. В южных французских портах, в Бордо, в Марсели, американцы поставили свою полицию, которая добросовестно обыскивает французскую демократию, — совершенно так же, как французские и английские офицеры и солдаты бдели в свое время на нашей финляндской границе. Совершенно так же, конечно, они, неся полицейскую службу, покровительствуют только отечественным контрабандам, спекулянтам и шпионам. Словом, мирное завоевание Франции американским капиталом идет полным ходом, в доказательство чего над парижской ратушей развевается гордый американский флаг.

Не подлежит сомнению, что менее дружественная оккупация Германии и ее союзников будет не менее успешной. Для придания этой оккупации демократического вида и наибольшей успешности необходима и политическая демократизация этих стран (конечно, не на российский манер). Капиталистическое нивелирование старой пестрой Европы составляет необходимую предпосылку для торжества новейшего, американского империализма. В этом отношении самым характерным из 14 пунктов Вильсона нам кажется его 3-й пункт:

«Уничтожение, насколько возможно, всех экономических перегородок и установление равных коммерческих условий для всех наций, которые сочувствуют миру и обязуются его поддерживать».

Это означает прежде всего — открытие европейских застав для проникновения американских миллиардов, для монопольного господства над рынками сырья, над производством и обменом Европы всего мира.

Вот почему пресная «доктрина» Монроэ не соответствует духу времени. Она защищает теперь не столько Америку от Европы, сколько Европу от Америки. Она заменяется теперь новой «доктриной» г-на Вильсона, которая с «демократического» языка американского империализма коротко может быть переведена так:

И Америка и Европа для американцев, т. е. для американских трестов.

«Правда» № 232, 30 октября 1918 г.

ПОСЛЕДНИЕ ХОЛОПЫ ВИЛЬГЕЛЬМА
ПОСЛЕДНЕГО

Начав «демократизацию» в угоду г. Вильсону, империалистская Германия вынуждена ее продолжать под давлением внутренних сил, и притом с такою быстротой, которая не могла входить в расчеты ни «демократического» правительства, ни самого г. Вильсона.

Период реформы прусского избирательного права и «парламентаризации», из которого отступающая германская реакция пыталась сделать «эпоху великих реформ», этот период уже безвозвратно изжит. Но отступающая реакция, как всегда и повсюду, немножечко опаздывает. Буржуазная печать уже не довольствуется отставкой Вильгельма. Между тем, эта отставка, во время и «добровольно» принятая, могла бы увеличить шансы на спасение, если не династии Гогенцоллернов, то, по крайней мере, германской монархии. Запрещение обсуждать в печати вопрос об отречении императора возымело только то последствие, что вопросом дня стала «непопулярность» не монарха, а монархии. Согласно немецкой пословице, Германия хочет теперь выкинуть вместе с водою и ребенка. Произнесено страшное для немецкого филистера слово: «республика».

В буржуазно-демократической «Вельт ам Монтаг» г. фон-Герлях констатирует, что «момент, когда можно было говорить о бесполезном переходе германской формы правления из абсолютной в конституционную монархию, — миновал навсегда. Теперь встал уже вопрос об изменении всего государственного строя — о замене монархии республикой».

На неизбежности этого рокового этапа обновления сходятся даже такие ветхозаветные люди и закоренелые монархисты, как граф Ревентлов. Эта титулованная опора престола без колебания заявляет в «Дейтше Тагесцейтунг», что «идею монархизма в Германии вырвут с корнем и почти уже вырвали».

Но в то же время, как прозревает либеральная буржуазия и консервативное юнкерство, ренегатов и предателей социализма все больше поражает куриная слепота. «Форвертс» продолжает хлопотливо суетиться вокруг «парламентаризации». По поводу опубликованных писем Вильгельма II к Николаю он утешает обновленную Германию тем, что впредь за подобные письма императора будет нести ответственность

канцлер. Будущий золотой век министерских социалистов оказывается позади буржуазной прозы сегодняшнего дня.

Социалисты императора продолжают пресмыкаться и перед его генералами. Осудив ушедшего Людендорфа, как «политического» генерала, «Форвертс» усердно расхваливает Гинденбурга, как «солдата», который-де политикой не занимался и заниматься не будет.

Столь великое усердие шейдемановцев в защите падающей монархии не внушает даже консервативной буржуазии больших надежд на их успехи как во внутренней, так и во внешней политике. Оно кажется ей усердием не по разуму.

Что касается заключения мира, то г. ф.-Ревентлов не без основания предполагает, что новое министерство пойдет на самый тяжелый, самый позорный мир, что оно будет министерством реакционного пораженчества. А чем тяжелее будут условия мира, тем неустойчивее будет гражданский мир и общественный строй, для спасения которого это министерство и призвано. Опасность этому строю, говорит граф, угрожает со стороны тех сил, которые можно назвать большевизмом. Большевизм, заключает наш автор, является таким образом продуктом шейдемановской политики.

Бывшие вожди рабочего класса и считающие себя таковыми по сей день оказываются в хвосте отступающей реакции. Они берут на себя роль последних холопов падающего, последнего Вильгельма.

Несомненно, что при отступлении они окажутся и наиболее потрепанными. Шейдемановщина неизбежно окажется изжитой вместе с германской монархией. Это тем выгоднее для германских рабочих, что грядущая буржуазная республика будет последней и самой сильной позицией германской буржуазии, и, при взятии этой последней позиции, они не будут иметь путающихся под ногами друзей-предателей. Тем легче они справятся с врагом.

«Правда» № 237, 1 ноября 1918 г.

ГЕРМАНСКАЯ КОРНИЛОВЩИНА

Германия, служившая позвоночным хребтом Централь-ных держав в империалистской войне, оказывается более крепкой и устойчивой также и на революционном фронте. В

то время как правительства Болгарии и Австро-Венгрии уже официально пали, империя Гогенцоллернов продолжает оставаться официально империей.

Но Вильгельм II уехал в ставку, — сообщают телеграммы. Вопрос об отставке императора стоит на очереди. Газета «Германия» опровергает «неверные слухи», будто вопрос об отставке императора обсуждался в военном кабинете, но опровергает так, что отставка все же оказывается возможной и вероятной. Обсуждалось, говорит она, не предложение об уходе кайзера, а последствия возможного ухода. Возможно, что поездка Вильгельма в ставку будет его последней поездкой.

Но возможно и другое. Назревающая германская революция, повидимому, совершенно не намерена копировать этапы русской революции. Весьма вероятно, что германская контр-революция совершенно не пожелает переряживаться в республику Львова-Керенского, республику, неуклонно тянувшую к реставрации царизма путем военной диктатуры. Ставка германской армии, как и в России, будет генеральным штабом империализма не столько в оканчивающейся военной, сколько в разгорающейся гражданской войне.

Общественные отношения в Германии и ход событий в окружающих ее государствах будут диктовать и революции и реакции более определенную и решительную тактику.

Пример не только России, но и бывшей Австро-Венгерской империи должен показать германской контр-революции, что падение трона при нарастающей большевистской опасности означает только первоначальный роковой сдвиг, остановить который на желательном этапе невозможно, так как имеются все основания предполагать, что международный «большевизм» пожелает перешагнуть через этап даже самой «демократической» республики.

Вот почему, как нам кажется, в недрах подгнившей германской империи, не приступившей еще, как будто, к своей февральской стадии, созревают уже события, напоминающие позднейшие стадии нашей февральской «республики». Зерно германской контр-революции, ее военная партия, собирается в возникающую гражданскую войну вбить осиновый кол военной диктатуры, подготавливает свою *корниловщину*.

Недавно ген. Гинденбург разослал циркуляр, извещавший, что в то время, как германское правительство капитулировало перед врагом, германская армия и флот будут сражаться до

конца. Очевидно, что при начинающемся развале армии германские корниловцы находят своевременным сплотить достаточное количество «диких» дивизий. А консервативная печать, для продолжения «борьбы до конца» призывает сплотиться вокруг императора. Ставка может играть, таким образом, роль и новой, более безопасной резиденции императора, отстаивающего «до конца» свой трон, и штабом диких дивизий, центром контр-революции.

Так же, как и перед корниловской авантюрой в России, в Германии началась отчаянная травля большевиков, — российских и германских. Российское посольство в Берлине объявлено рассадником большевистской заразы. Германские «независимые» — пособниками большевиков. Против них уже решено принять самые решительные меры.

В то же время похвалы, расточавшиеся «солдату» Гинденбургу газетой социал-предателей «Форвертс»'ом, заставляют предполагать, что шейдемановцы без обиняков и колебаний примкнут к германской корниловщине.

Положение выясняется. Минуя медовый месяц освобождения от самодержавия, империалистическая Германия сползает, под официальным флагом империи, под уклон октябрьского переворота.

«Правда» № 239, 3 ноября 1918 г.

НОВАЯ КАРТА ЕВРОПЫ

Октябрьский переворот в Германии еще не завершился. Старая власть уже пала. Но новая пролетарская власть еще только формируется. Окончательное ее образование является может быть делом завтрашнего дня. Но сегодня она переживает еще неизбежный период колебаний и неуверенности в своих силах.

Но уже в настоящий момент германская революция «изменила карту Европы» так радикально и так быстро, как этого не могли сделать во время войны самые головокружительные победы империалистских генералов.

Трагизм погибающего империализма заключается именно в том, что самым талантливым его стратегам, самым хитрым дипломатам и политикам никогда не будет дано постигнуть «логику революции».

Не только поражения, но и победы путают все расчеты стратегов, смешивают карты политических шулеров.

Разгромив, наконец, ненавистный «прусский империализм», союзники были, казалось, у самой цели. Они написали уже солидный счет, составили список аннексий и контрибуций, но предъявлять этот счет приходится не побежденному германскому империализму, а духу германской революции, который, по примеру Советской России, и по старым то векселям платить не желает.

Еще до окончательной победы над Гинденбургом союзники были вынуждены предпринять поход против Советской России. В этой борьбе против засевшего в России «международного большевизма» они до сих пор не преуспели. А разгром германского империализма тотчас же превратился из их победы в их поражение. Не побежденный в России, большевизм перекидывается в Германию и Австро-Венгрию. Советы рабочих и солдатских депутатов покрывают теперь всю центральную Европу.

Конечно, союзники попытаются тушить пожар революции где только возможно; они попытаются оккупировать новые очаги «большевизма», как это они уже сделали в Болгарии и отчасти в Австро-Венгрии.

Но не говоря уже о том, что оккупация всех очагов, т. е. большей части Европы, вещь невозможная, — их победа над Германией освобождает от германских кандалов оккупированные уже области, развязывает революцию в этих областях, дает большевизму множество союзников.

Уже после революции в Австро-Венгрии австрийские войска тотчас же перестали быть опорой скоропадского режима на Украине. Их тотчас же поспешили заменить германскими войсками. Теперь, после революции в Германии, немецкие войска, так же как и австрийские, не только перестают быть защитой Скоропадии, но и превращаются в силу для нее опасную.

То же самое нужно сказать о всех оккупированных немцами областях: Польше, Литве, Прибалтийских областях, Финляндии.

Наконец, красновские, деникинские банды и псковская «серверная армия», собиравшиеся задушить Москву в своих черносотенных объятиях, оказываются на мели.

Разгромив германский империализм, союзники в борьбе с

большевизмом, лишились сильного союзника, их победа обрушивается на их голову.

Директива, данная союзниками украинской контр-революции о создании единой России, гораздо ближе к осуществлению, чем они сами думали. Но после германской революции это объединение должно означать не всероссийскую Скоропadiю, а объединение или, по крайней мере, теснейший союз с Советской Россией всех оккупированных раньше областей.

Стратегическая карта Европы, карта войны против «международного большевизма», изменяется радикально.

Империализм союзников, выиграв все сражения, неизбежно должен проиграть войну. Но это не отличительное свойство англо-германских империалистов. Они сделали все возможное и были «на высоте положения» и не их вина в том, что «логика революции» не преподается в академиях генерального штаба и дипломатических лицеях и что им приходится повторять ошибки побежденных ими империалистов Германии. Англо-американский империализм, как и всякий другой, может достичь своей цели, может укунить локоть не иначе, как только свернув себе шею.

«Правда» № 244, 12 ноября 1918 г.

УКРАИНА НА РАСПУТЫИ

Германская революция широко развернула горизонты международной пролетарской революции. Она укрепила в нас уверенность в окончательное торжество всемирного пролетариата над империализмом.

Но эти широкие перспективы международного коммунизма и полнейшая уверенность в окончательной его победе нисколько не умаляют опасности завтрашнего дня. Сокрушенный германский империализм не угрожает нам ни войной, которую он фактически продолжал вести против нас за спиной красновских и прочих армий, ни Брест-Литовским миром.

Но в то время, как Советская Германия переживает еще междумочный период и не спешит заключить теснейший союз с «азиатским социализмом» Советской России, наш старый враг, союзнический империализм, не хочет дать нам ни отдыху, ни сроку.

Опасность нападения союзников с юга из области предположений и ожиданий превращается в действительность. Из всех оккупированных областей положение Украины, в связи с германской революцией, выступает на первый план.

Из сводки телеграмм, полученных киевским правительством, оказалось, что в большинстве немецких гарнизонов образовались Советы солдатских депутатов.

В Одессе в число депутатов избираются исключительно рядовые солдаты. Некоторые из этих Советов отправили приветственные телеграммы в Берлин.

Это означает, что на всем огромном протяжении Украины как украинская, так и скопившаяся там великороссийская контр-революция повисла в воздухе.

Сознавая неудобство и опасность такого положения, главари контр-революции уже спасаются в более надежное место. Они бегут, главным образом, в Румынию, навстречу новым защитникам украинской буржуазии, англо-французским войскам.

Цвет киевской контр-революции в настоящий момент в значительной степени перекочевал в Яссы. Этот румынский город превратился сейчас в великое торжище, на котором союзнические генералы и дипломаты ведут переговоры и заключают сделки не только с киевскими министрами, но и с офицерами добровольческой армии и представителями «все-великого войска Донского», «хлеборобов» и Протофиса.

Здесь в спешном порядке заканчивается новая украинская «ориентация», а также «самоопределяется» будущая единая Россия, освобожденная от большевиков. Объединение должно свершиться при помощи новой «учредилки», которой союзники наперед уже предписывают отвергнуть «принцип централизации» и принять федеративное начало.

Здесь же создается план будущих совместных операций против Советской России, намечаются базы этих операций.

В то время как германская революция далеко отодвинула от нас западный фронт защиты против империализма, южная опасность приближается. Украина в ближайшие дни должна стать главным узлом всего революционного фронта. Союзники спешат туда через Румынию. По сведениям, полученным киевским министерством иностранных дел, линия Джуржево. Бухарест занята двумя дивизиями колониальных англо-

французских войск. По последним известиям, эти войска приближаются к украинской границе. Когда эти войска придут в Украину, они должны будут уже своим появлением показать миру, что при создавшемся положении вещей самыми надежными защитниками новейшего империализма от большевиков могут быть только африканские варвары.

Союзники спешат в Украину, так как отлично понимают, что она находится сейчас в самом критическом положении. Немецкие и австрийские гарнизоны, призванные спасти ее от советского режима, сами превратились в Советы солдатских депутатов. Но эти Советы являются пока как бы отзвуком германской революции, ее продолжением за пределами Германии. Они существуют пока, так сказать, на началах экстерриториальности. Германские и австрийские солдаты ставят пока своей единственной целью возвращение на родину.

Наши украинские товарищи должны позаботиться о том, чтобы эти отзвуки германской революции стали элементом революции на Украине. Именно теперь, в этот критический момент Скоропавии, перед украинскими коммунистами встает задача связать революционное движение среди оккупационных гарнизонов с общим дружным натиском на украинскую контр-революцию, выяснить общность условий и задач революционных солдатских советов с восстановлением задуманной этими солдатами советской Украины. Это тем более необходимо, что наступление союзнических войск на Украину со стороны Румынии угрожает отрезать путь для возвращения на родину австрийских солдат. Великое переселение солдатских масс, начавшееся стихийно, сопряжено с неизбежными затруднениями в транспорте и продовольствии. На этой почве легко могут возникнуть столкновения солдат с местным населением. Такие столкновения уже происходят в Польше и Литве. Возникновение Советов рабочих и крестьянских депутатов, объединенных с революционными Советами солдатских депутатов, могло бы в данный момент не только успешно устранить эти затруднения и предупредить столкновения, но и придать стихийному движению организованность, спаять воедино и укрепить фронт европейской революции.

«Правда» № 248, 16 ноября 1918 г.

СОВЕТСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ И ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ровно месяц тому назад меньшевики порадовали нас своими «тезисами и резолюциями». В этих тезисах они заявили, что признают совершенный в октябре 1917 г. большевистский переворот «исторической необходимостью». Они окончательно «расплевались» с «хозяином земли русской», — всероссийской учредилкой, объявив этого «хозяина» контр-революционным мошенником, состоящим притом же на службе у иноземного империализма.

Объективно эти тезисы меньшевистского ЦК, уже давно утратившего влияние на рабочие массы, были выражением общего повального явления последних месяцев — тяги российской интеллигенции к Советской России. Но в то время, как рядовой, массовый интеллигент, примкнув к советскому режиму, примиряясь с ним, остается политически нейтральным, становится, так сказать, советским обывателем, меньшевистский ЦК, переходя на советскую платформу, пытается установить свою собственную линию, выявляет свое «меньшевистское лицо».

Революция в Германии дает повод нашим меньшевикам более определенно развить свой новый взгляд на большевистский переворот в резолюциях ЦК своей партии (от 14 ноября). Остановимся только на некоторых, наиболее характерных положениях этого документа.

ЦК меньшевиков устанавливает, что вызванная всемирной войной германская революция появляется как нельзя более кстати для революции русской, так как она совершается в такой момент, когда русская революция, осуществив свержение политической власти имущих классов, оказалась явно не в состоянии справиться собственными силами с задачей восстановления народного хозяйства, а тем более перестройки его на новых началах, и запуталась в противоречиях между утопическими тенденциями и хозяйственной отсталостью страны.

Уже одно это рассуждение чрезвычайно характерно для меньшевистского понимания большевистского переворота.

Большевики, совершившие переворот в Октябре, ни на минуту не сомневались в том, что капиталистическое, а тем более социалистическое народное хозяйство, совершенно невозможно поддерживать в течение очень долгого времени «собственными силами» одного народа, осажденного со всех сторон.

Надежда на одни только собственные силы для упрочения переворота была бы не только «утопической тенденцией», но даже очень вредной и опасной утопией. И большевики указывали на неосновательность такого рода надежд бесчисленное множество раз.¹ Кого же поучает меньшевистский ЦК своей резолюцией?

Но надежда на одни только собственные силы при создании социалистического хозяйства была бы утопической и вредной авантюрой не только в хозяйственно отсталой стране, но также, — и еще в большей степени, — в передовых капиталистических государствах, так как хозяйство именно таких государств, еще больше, чем отсталых, зависит от международного обмена.

Противопоставляя «утопические тенденции» большевиков «хозяйственной отсталости страны», наши меньшевики совершенно не попадают в цель. Напротив, признанный ими, «исторической необходимостью», Октябрьский переворот оказался бы действительно утопией, если бы большевики, на основании относительной хозяйственной отсталости страны, оставили бы имущим классам их имущество, т. е. их капиталы. Это значило бы, — победив врага, оставить ему его оружие, т. е. продолжать гражданскую войну без конца. Это значило бы превращать историческую необходимость в игру случайностей.

Но особенно интересна для нас меньшевистская оценка соотношений сил между русской и германской революциями в их взаимной связи.

Германская пролетарская революция едва только разворачивается. Она не дошла еще до своего Октября. Стоящие у власти шейдемановцы пытаются «углубить» содержание русского Октябрьского переворота, объявляя, что вся власть должна принадлежать не только Советам, а всему народу, т. е. не только (и не столько) пролетариату, сколько буржуазии.

Действительное и полное завоевание власти германским пролетариатом стоит еще на очереди. От разрешения этой ближайшей задачи германской революции зависит прежде

¹ Большевики и сейчас стоят на той точке зрения, что полная победа социализма в одной стране невозможна. Об этом говорят резолюции последних съездов и конференций партии: см. в стенографическом отчете XV партконференции резолюцию «об оппозиционном блоке в ВКП(б)»; см. также речь тов. Сталина на XIV съезде партии в стенографическом отчете, стр. 54. Ред.

всего прочность завоеваний русской революции, успех революции всемирной.

Наши меньшевики думают иначе. «Отстаивая хозяйственно-политическое объединение революционных республик», партия меньшевиков находит своевременным «указать рабочему классу Советской России на то обстоятельство, что как задача совместной обороны от англо-американской империалистической контр-революции, так и сотрудничество революционной России с социалистической Европой в деле творческих задач социального строительства могут быть осуществлены сколько-нибудь полно, последовательно и прочно лишь при том условии, если в самой России будет на деле осуществлена власть трудящихся классов, написанная на знамени нынешнего режима, но фактически не проведенная в жизнь».

Если в этой меньшевистской оценке международного положения и задач европейской революции «Советскую Россию» заменить «Советской Германией», то оценка была бы на редкость удачной и правильной. Именно рабочий класс Германии, написавший на своем знамени социалистическую республику, а на деле плетущийся пока на поводу у продающих его шейдемановцев, нуждается сейчас в том указании, которое дают меньшевики русским рабочим. Но такое замещение — не «досадная опечатка», а самая суть меньшевистской оценки.

Окончательно отвергнув «учредилку», как реакционную затею, меньшевики тем самым пришли к признанию диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты, но они в то же время не хотят безоговорочно признать эту диктатуру, как единственное средство освобождения от ига отечественной и иноземной буржуазии. Ибо «политическая свобода» и «полная демократизация государства и общества», которые они рекомендуют в дополнение и исправление нынешнего большевистского режима, слишком сильно смахивают на «углубление» русской революции шейдемановцами.

Ведь, если говорить не о частностях, а только об общей линии «утопических тенденций» большевиков, то их нужно будет признать прямым и логическим продолжением октябрьского переворота, т. е. такой же исторической необходимостью. Но признание этой необходимости мы дождемся от меньшевиков (судя по старому опыту) через год.

КРАСНО-БЕЛАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Только теперь, после года диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты, мы можем видеть, насколько велика руководящая роль «выварившегося в фабричном котле» рабочего и насколько отстает от него деревенская беднота. Рабочий класс мобилизуется в первую голову и дает самые крепкие батальоны красной армии.

Рабочего мы зовем в деревню для пропаганды и организационной работы. Рабочего же мы отрываем от работы на фабрике для организации и контроля в деле внутреннего строительства, там, где эта работа «налаживается», т. е. слишком долго хромает.

Экономическая отсталость России, ставшей по причинам, «от нее независящим», во главе европейского революционного движения, дает себя знать, между прочим, в относительной немногочисленности городского пролетариата.

В гораздо лучших условиях, в этом отношении, находится германская революция, где городской пролетариат составляет больше половины всего населения. Вот почему мы ждем, что после окончательного и полного завоевания власти германским пролетариатом организующий центр европейской, а, следовательно, и русской революции переместится из Советской России в Советскую Германию.

Но пока этого еще нет, европейская революция должна считаться с тем фактом, что в странах, освобождающихся сейчас от германской оккупации, экономические условия для развития революции в пролетарском духе хуже, чем в России.

На Украине империалистская разруха промышленности пошла особенно быстро после Брестского мира, под руководством, восстановленной немецкими штыками, украинской буржуазии. Металлургическая промышленность Донецкого бассейна, дававшая 60% всего российского производства, совершенно разрушена. Все 65 доменных печей стоят. Добыча руды в Кривом Роге прекратилась. Производство прочих предприятий составляет от 5 до 20% прежней нормы. Пролетариат Украины частью растворился в деревне, частью перекочевал из Украины в Россию.

Еще хуже, может быть, положение в Польше. «Польша, — писал недавно т. П-ий, — некогда самый промышленный уголок России, обладающая миллионным промышленным пролетариатом, была превращена войной и оккупацией в земле-

дельческую страну. Промышленность оказалась разрушенной; сырье и машины вывезены в Россию или в Германию; пролетариат силою и нуждой выгнан за пределы Польши. Промышленных рабочих осталось во всей Польше не более 15% бывшего до войны количества».

Это разрушение промышленности и распыление городского пролетариата, как самого передового элемента, должно, конечно, наложить печать на весь характер и темп развития возникающей на Украине и в Польше революции. Оно сказывается.

Кошек нет — мыши танцуют, — говорит французская пословица. На Украине «танцует» теперь украинский эсер Петлюра, в Польше социал-патриотический генерал Пилсудский. Оба они — самые типичные представители городской мелкобуржуазной интеллигенции, оба — красно-белые демократы, опирающиеся не на пролетарские, а на более отсталые крестьянские массы, провозглашающие во главе своей программы самостийность и демократическую республику, пытающиеся лавировать между двумя главными воюющими сторонами: пролетариатом и крупной буржуазией.

Красно-белая демократия Украины и Польши может казаться (и в известной мере действительно оказывается) революционной, поскольку она ведет борьбу за национальное освобождение от иноземного империалистического ига. Но ее патриотизм очень легко и скоро превращается в националистическую склоку. Это легко наблюдать уже теперь, в тех пунктах, где украинская и польская мелкая буржуазия ведет борьбу не с германским империализмом, а между собой. Польские мещане дерутся с украинскими из-за Львова и других спорных пунктов национального господства. Эта мещанская карикатура на современный империализм способна разжигать звериные шовинистические инстинкты несколько не хуже настоящего империализма. Доказательством тому служат еврейские погромы, разразившиеся по всей Галиции.

Политическое положение Польши и Украины в настоящий момент, после германской революции, в высшей степени неустойчиво. Почти не существует городского пролетариата, этого авангарда революции. Но зато не существует и сильной государственной машины, как орудия господства *крупной буржуазии*. В Польше самостоятельной национальной машины не существовало и раньше.

На Украине главная часть этой машины, армия (а отчасти

и бюрократия), была вывезена из Германии и после революции в Германии пришла в негодность. Обессилены, таким образом, обе главные борющиеся силы: пролетариат и крупная буржуазия.

Но даже в земледельческой Польше и в земледельческой Украине положение вещей слишком революционно для того, чтобы мелкобуржуазные мыши могли надолго удержать руководящую роль. Недаром, как было уже отмечено в газетах, и эсер Петлюра и социал-патриот Пилсудский «полевели». Это «полевание» мелкобуржуазного социализма только в слабой степени выражает революционность положения вещей, остроту классовых противоречий. За год оккупации эти противоречия ушли гораздо дальше, чем в России во время февральской революции.

Наши эсеры, Керенские, Авксентьевы, Черновы, находили возможным откладывать решение земельного вопроса до Учредительного собрания, а Учредительное собрание — до второго пришествия. Украинский эсер Петлюра провозглашает немедленное отобрание земли у панов. Об учредилке же в его воззвании не говорится ни слова. И это вполне понятно, так как под знаменем учредилки соединились теперь все враги трудящихся масс и в первую голову — те самые паны, у которых Петлюра призывает отбирать землю.

Самым темным и подозрительным пунктом украинских и польских социал-патриотов является их отношение к союзническому империализму. Они, несомненно, попытаются добиться, если не поддержки западных «демократий», то, по крайней мере, их благожелательного нейтралитета. Они усердно отрешиваются от «большевизма», которому союзники объявили войну. Но г. Вильсона и К^о они не надуют. Вильсон обещал свое невмешательство польским националистам, если они будут устраивать еврейские погромы. Он был вполне последователен, так как такого рода «революция» и господам империалистам не угрожает. Но отобрание земли у панов, хотя бы в самом мирном благопристойном порядке, это уже настоящий погром для всякой порядочной «демократии», это большевизм, с которым г. Вильсон в мире жить не может.

Красно-белая демократия не сможет сохранить невинности нейтралитета. Она очень скоро должна будет выбирать между красным и белым, между пролетариатом и крупной империалистической (главным образом, иностранной) буржуазией.

Ей предстоит та же участь, которая недавно постигла в Вене, вывешенный на крыше городской ратуши, новый «национальный» флаг: революционные массы бурно приветствовали этот флаг, так как видели одну красную его часть (может быть флаг был нарочно так искусно подвешен?). Но, разглядев его хорошенько, народ разорвал его на части, оставив одну красную половину.

И как ни слаб пролетариат на Украине и в Польше, он должен будет и там сыграть руководящую роль. За него не только «большевизм» общественных отношений на Украине и в Польше, но и весь круговорот европейской революции.

«Правда» № 261, 1 декабря 1918 г.

НА УКРАИНЕ

На Украине происходит в настоящее время то, что мы предвидели еще несколько недель тому назад. Самостийная «держава» гетмана Скоропадского в роковой промежуток между двумя «ориентациями», немецкой и союзнической, — рушится.

Немецкие войска после германской революции не только перестают быть защитниками украинской буржуазии, но и сами все больше превращаются в революционную бациллу. А союзники еще не пришли. Украина сейчас фактически свободна от иноземной оккупации, но именно это и должно означать провал «самостийного» правительства, которое, не продавшись одной из воюющих стран, само по себе существовать не может.

При этом обнаруживается крупная разница между промышленным востоком и «хлебобобным» торговым западом. На востоке уже торжествует революция. В крупнейших промышленных центрах в Харькове и Екатеринославе власть находится в руках Советов рабочих депутатов.

Жестокий урок получила при этом красно-белая петлюровская демократия, пытавшаяся и здесь, как всегда и повсюду, занять межеумочную позицию, лавировать между союзниками и большевизмом. Г. Балбачан успешно мог разогнать Харьковский Совет рабочих депутатов, но харьковский пролетариат мог выдвинуть против «демократического» сатрапа свое старинное пролетарское средство, которое оказалось гораздо

революционнее и действительнее революционного краснобайства манифестов Петлюры. Дружная забастовка произвела огромное впечатление на немецких солдат и сыграла решающее влияние на их поведение. Эти реальные политики, единственной «программой» которых пока служит стремление вернуться поскорее домой, сообразили, что ладить с немецким рабочим, хотя бы в интересах одного беспрепятственного возвращения, для них гораздо важнее, чем с петлюровскими краснобаями. В результате петлюровцы оказались «выставленными» из Харькова на расстояние 24 верст, а сам маленький диктатор г. Балбачан — арестован, как заложник, за недоставку подвижного состава.

Его пример — другим наука. И прежде всего это новое предостережение против политической мудрости украинских меньшевиков, которые, как известно, по старой привычке, хлопчут об организации «всех живых сил страны» для борьбы против гетмана и против большевиков.

Победа революции в промышленных центрах восточной Украины привела в ужас киевское правительство и всю реакционную богему украинской столицы, которая и без того уже нервничала в ожидании союзных войск. Кто спасет эту богему от надвигающейся революции? Политически она уже давно «ориентировалась», т. е. продалась союзникам. Но фактической опорой ее существования и здесь служат пока только немецкие войска.

Но отсутствие мощного пролетарского движения и близость к будущему союзническому фронту, очевидно, оказывают огромное решающее влияние на политическую позицию немецких гарнизонов и тем самым решают пока судьбы западной Украины. Киевский солдатский Совет действует в полном согласии со своим высшим командованием. Вернее, действует это высшее командование, а солдатский Совет его только одобряет. Попавший к нам случайно номер «Киевской Мысли» очень ярко рисует положение вещей в западной Украине, которая еще до прибытия союзнических войск уже пресмыкается у ног союзников, уже попала в сферу их политического господства.

Французский консул в Одессе г. Энно посылает строгие и подробные инструкции не только киевским министрам, но и германским войскам. Так, напр., представители от солдатского Совета Ризенфельд и от высшего командования, майор Ярош

манских революционных пролетарских масс так же не победа
на, как и у нас, что мы, ~~даже более~~ ^{даже более} ~~на~~ ^{на} ~~продвинутой~~ ^{продвинутой} ~~на~~ ^{на}
революции много на опыте, и что 1-й германский съезд
Совенов не мог оказаться ~~нашим~~ ^{нашим} ~~и~~ ^и ~~вторым~~ ^{вторым}
съездом. Но ваврон 1-на Шендмана на 4-м съезде,
ме другом, очевидно опять нашим российским соглашательским
меншевики.

Признав Октябрьский переворот, (готовый рожа не
приним.) меншистская ^{всё еще} ~~дур~~ ^{дур} ~~меншевики~~ ^{меншевики} ~~продвинутой~~ ^{продвинутой}
мкать того ^{наши меншисты} ~~пристанники~~ ^{пристанники} ~~между~~ ^{между} ~~революции~~ ^{революции} ~~и~~ ^и ~~контр-~~ ^{контр-}
революции. В России ~~так~~ ^{наши меншисты} ~~такого~~ ^{такого} ~~пристанника~~ ^{пристанника} ~~не~~ ^{не} ~~нашли~~ ^{нашли}
Победившая пролетарская революция, уничтожив
диктатор, выбросила меншевицкую "двоякраную"
в мусорный ящик, ~~на~~ ^{на} ~~ряду~~ ^{ряду} ~~вместе~~ ^{вместе} ~~с~~ ^с ~~иными~~ ^{иными} ~~контр-рево-~~ ^{контр-рево-}
люционными силами. Но как думать? Не окажутся
ли такие пристанищем германское "Национальное Собрание"?
~~4-й съезд отвергнет соглашательские надежды наших мен-~~
~~шевики, так же, что разбитие русской революции~~

И в мусорном ящике русской революции ~~внезапно~~ ^{внезапно}
расцветают надежды на соглашательские ~~идеи~~ ^{идеи} ~~идеи~~ ^{идеи}
~~1-го германского съезда~~ ^{1-го германского съезда} ~~в~~ ^в ~~Германии~~ ^{Германии}.

Московская ~~и~~ ^и ~~Собрание~~ ^{Собрание} ~~руководящих~~ ^{руководящих} ~~органов~~ ^{органов} ~~Мос-~~ ^{Мос-}
Ковской организации ~~имеет~~ ^{имеет} ~~Р.С.Д.Р.П.~~ ^{Р.С.Д.Р.П.} ~~имеет~~ ^{имеет} ~~живёт~~ ^{живёт} ~~гер-~~ ^{гер-}

получили 29 ноября следующий приказ по телеграфу от г. Энно:

«Воля союзников сводится к тому, чтобы порядок в Киеве и стране был поддержан, чтобы высшее командование и солдатский совет германцев, даже с оружием в руках, противились угрозам восставших большевиков и всех элементов, вносящих беспорядок, чтобы до прибытия союзнических войск был поддержан *status quo*» и т. д. Особенно настаивает французский консул на поддержании порядка на ж. д. Киев — Одесса и требует, чтобы перемирие с Петлюрой, если оно состоялось, отвечало известным условиям, т. е. не было в ущерб «порядку».

Германское командование обещало беспрекословно повиноваться и сообщило, что оно, ради порядка, уже применило оружие против петлюровцев. Киевский солдатский Совет одобрил действия своих командиров.

Любопытно, что французский консул, в случае неисполнения его приказаний, угрожает возложить ответственность за это на германское правительство.

Мы не сомневаемся, что нынешнее германское правительство Шейдемана-Гаазе постарается с честью нести эту ответственность перед новыми грабителями Украины, перед новыми палачами украинской революции и даст от себя соответствующие инструкции высшему командованию на Украине. Это правительство, только что заявившее перед всем светом, что оно признает право «военной добычи», только недавно обличенное в том, что оно сеет вражду между немецкими солдатами и населением западных оккупированных областей, окажется, конечно, и здесь «на высоте положения». Нити контрреволюции на Украине проходят, таким образом, и через Берлин.

Но судьба петлюровцев да послужит примером для германских социал-предателей. Лавируя между большевизмом и союзниками, они потерпели поражение от тех и других.

«Правда» № 269, 10 декабря 1918 г.

СВОБОДА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ЕДИНЫЙ ФРОНТ

Каторжный Брест-Литовский мир с аннексиями и контрибуциями германского империализма перестал существовать

тотчас же после крушения этого империализма. Но только теперь, после двух с лишним месяцев, мы присутствуем при ликвидации одного из гнуснейших наследий этого гнусного мира, при ликвидации его аннексий.

Декретом Совета Народных Комиссаров Советские республики Латвии, Литвы и Эстонии объявлены независимыми и в то же самое время гражданским и военным органам Советской России предписано оказать энергичную поддержку освобождающимся от оккупации республикам для окончательного утверждения (вернее восстановления) власти Советов рабочих и батрацких депутатов и установить с ними самую тесную хозяйственную связь.

Принцип самоопределения народов, смело провозглашенный русской делегацией на Брестской конференции пред лицом подавляющей силы врага, оказал дипломатам кайзера — как им казалось — неоцененную услугу и нанес Советской России, как воображали господа дипломаты, величайший удар. Понятно, что в торжество советского режима и долговечность Советской республики господа Кюльманы могли верить еще меньше, чем г. Каутский, и, ухватившись за самоопределение, они надеялись создать ряд мелких *буржуазных государств*, — вассалов Германии.

Ухватились за самоопределение и украинская буржуазия, которая воспользовалась им для того, чтобы «самостийно» продаться германскому империализму, чтобы спастись от российской пролетарской революции.

Но с победой союзников эта подлая дипломатическая игра на «самоопределение» сменилась не менее подлой и лживой игрой — на «единство России». Бедным украинским самостийникам, самоопределившимся после стольких хлопот, было дано понять, что союзники желают видеть на будущей мирной конференции представителей от «единой России». Как защитники мелких национальностей господа союзники должны бы, казалось, ратовать за «самоопределение» по крайней мере не меньше, чем дипломаты «прусского милитаризма». Но беда союзников была в том, что Советская Россия со времени Брестского мира оказалась гораздо более живучей и сильной, чем могли предполагать господа Кюльманы. А окружавшие ее буржуазные республики и «державы» были тем бессильнее в борьбе с российской революцией, чем больше их «самоопределилось».

«Единство России», провозглашенное мошенниками союз-

нического империализма, означает не что иное, как объединение белогвардейского фронта всех самостийных контр-революционных окраин против все больше разрастающейся, все больше угрожающей революции.

Политика Советской России, провозглашающей теперь, так же, как на Брестской конференции, свободу самоопределения, независимость новых Советских республик, так же далека от дипломатических хитросплетений немецких, как и союзнических империалистов. Она так же против насильственных аннексий, как и против насильственного единства старой царской России. Лучшей дипломатией для пролетарских правительств может быть только отсутствие всякой дипломатии. Вот почему Советская Россия, провозглашая полное и действительно свободное самоопределение, в то же время открыто выражает свою полную уверенность в том, что свободно самоопределившиеся Советские республики будут тем больше тяготеть к Советской России, чем больше будет им угрожать союзнический империализм.

Германские империалисты, играя на «самоопределении», в свое время раздробляли и ослабляли окружавшие Советскую Россию белогвардейские «державы».

Господа союзники, которые хлопочут о возрождении единой белогвардейской России, позаботятся о теснейшем единении действительно свободных Советских республик, о создании действительно единой, но не белогвардейской, а Советской России.

«Правда» № 261, 25 декабря 1918 г.

ГОЛОС ИЗ МУСОРНОГО ЯЩИКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Советская власть или Национальное Собрание? Либкнехт или Шейдеман? — вот вопрос, за который запнулась сейчас не только германская, но и вся мировая революция.

Собравшийся 1-й всегерманский съезд совдепов показал, что время окончательной победы революционного коммунизма в Германии еще не пришло. Победил Шейдеман. Мы знаем, что соглашательская стадия для германских пролетарских масс так же неизбежна, как и у нас, что массы проходят

науку революции только на опыте, и что 1-й германский съезд совдепов не мог оказаться нашим вторым съездом. Но лавры г. Шейдемана на первом съезде не дают, очевидно, спать нашим российским соглашателям меньшевикам.

Признав Октябрьский переворот (против рожна не попрешь!), метущийся дух меньшевизма все еще продолжает искать тихого пристанища между революцией и контр-революцией. В России наши меньшевики такого пристанища не нашли. Победившая пролетарская революция, установив диктатуру, выбросила меньшевистскую «демократию» в мусорный ящик, вместе с прочим контр-революционным хламом. Но как знать? Не окажется ли таким пристанищем германское «Национальное Собрание»?

И в мусорном ящике русской революции расцвели надежды на соглашательские перспективы в Германии.

Собрание руководящих органов Московской организации Р. С.-Д. Р. П. шлет привет германскому съезду. Но это не только привет, это своего рода дипломатическая нота, должествующая уязвить большевизм. Приветствуя этот съезд, наши «советские» меньшевики верят, что «революционный пролетариат Германии не повторит ошибок русской революции и избегнет губящих революцию путей отказа от последовательно-демократической политики».

Русская революция наделала, конечно, тысячи ошибок, и мы вместе с меньшевиками, от души желаем германскому пролетариату их избежать. Но кому же теперь не известно, что «последовательный демократизм» — это то знамя, под которым стояли наши соглашатели, прикрывая собою российскую контр-революцию.

Совершенно то же самое повторяют германские шейдемановцы, прикрывающие теперь ставку генерала Гинденбурга. В своей черносотенной прокламации этот генерал заявил, что даже он стоит за «Национальное Собрание», что он, черносотенник, за «последовательный демократизм» Шейдемана и К^о.

Но шейдемановскую клику, дурачащую массы «последовательным демократизмом», шаг за шагом обличает группа революционных коммунистов с Либкнехтом во главе. Эта группа открыто провозглашает не демократизм, а диктатуру пролетариата. Она открыто зовет германских рабочих избежать ошибки соглашательства и громко провозглашает не «демократизм», а диктатуру рабочих.

Либкнехт или Шейдеман? — этот вопрос, поставленный на

очередь германской революцией, дипломатическая нота наших «последовательных демократов» решает совершенно определенно, — против диктатуры, против Либкнехта. Они за шейдемановскую клику, а, следовательно, и за стоящую за спиной этой клики германскую контр-революцию.

И напрасно господа меньшевики вздыхают о тех «условиях», в которых им приходится работать. Условия, что и говорить, неважные. Но ведь эти условия определяются направлением их «работы»... против революции.

Мы вполне допускаем, что социал-обыватели, загнанные революцией в мусорный ящик, имеют обывательское право полагать, что эта революция нехорошая, гадкая революция, утешаться тем, что эта гадкая революция «попала в тупик». Но почему же они, в таком случае, берут на себя смелость говорить от имени этой революции, а не от того мусорного ящика, в котором они обретаются?

Мы также, вместе с меньшевиками, сожалеем, что германский съезд советов не может познакомиться с опытом русской революции. Познакомившись с этим опытом и в частности с той малопочтенной ролью, которая выпала на долю наших соглашателей, немецкие рабочие скорее поняли бы всю безнадёжность соглашения. Но разве неизвестно нашим меньшевикам из истории с нашей делегацией, что виною этого несостоявшегося общения и отсутствия того «тесного и братского союза между германской и русской революцией», на который они надеются, служат условия не русской, а германской революции, происки и интриги германских меньшевиков?

НОВАЯ СКОРОПАДИЯ

Из Киева сообщают, что Англия и Америка признали правительство Винниченки.

Это коротенькое сообщение говорит нам очень многое и, прежде всего, оно окончательно разъясняет нам создавшееся положение вещей и характеризует нынешнее соотношение сил на Украине.

Падение правительства Скоропадского, несомненно, не входило в расчеты союзников. «Немецкое происхождение этого правительства в виду разгрома германского империализма,

потеряло уже всякую соль. А режим «державной варты», режим ежовых рукавиц получал в глазах союзников тем большее значение, чем больше обнаруживались успехи революции на Украине.

Не имея фактической возможности заменить немецкого Скоропадского своим собственным, союзники довольно долго и не без успеха оказывали дипломатическое влияние для поддержки Скоропадии посредством всяческих угроз, давлений и запугиваний. Падение правительства Скоропадского обнаруживает прежде всего отсутствие у союзников материальной возможности поддержать это правительство и полнейшую невозможность дальнейшего шарлатанства с предстоящими десантами и дипломатическими давлениями в кредит.

Разоблачив свое бессилие перед местным населением, союзники оказались бессильными подчинить своему влиянию и немецкие войска, эту единственную опору державного гетмана, — угрожая возложить ответственность за неповиновение на германское правительство. Правда, высшее немецкое командование изъявило полную готовность подчиниться распоряжениям французского консула г-на Энно, и еще недавно могло доложить, что оно, во исполнение приказа г-на консула, уже применило оружие против петлюровцев. Но революция, как в Германии, так и на Украине, уже успела оказать свое влияние на немецких солдат, которые, очевидно, еще меньше склонны «применять оружие» в интересах г-на Клемансо, чем в интересах отечественных империалистов.

Исчерпав свои кредиты дипломатических влияний и став перед необходимостью вести свою украинскую политику «на наличные», господа союзники должны были примириться с торжеством той самой петлюровской «демократии», с которой они готовы были воевать «до последнего немецкого солдата».

Падение правительства Скоропадского и официальное признание петлюровской «демократии», в лице правительства г-на Винниченко, нужно прежде всего рассматривать, как поражение черносотенной союзнической политики на Украине. При этом, «в дураках» оказался в особенности представитель самого необузданного по своей черносотенности французского империализма г-н Энно, так нагло и так не кстати кричавший в Одессе, что никакой демократии, хотя бы в виде выборной городской думы, союзники не потерпят. И, может быть, в связи с этой необузданностью империализма республиканской

Франции, сообщение из Киева гласит, что новое правительство г. Винниченко признано только Англией и Америкой, обнаруживая, таким образом, некоторое разномыслие по части разбойничьих планов между союзниками.

Расчеты союзников вполне понятны. Став перед фактом победы петлюровской «демократии», они, хотя и без особого удовольствия, хотят временно «ориентироваться» на эту «демократию». Но свое официальное признание этой «демократии» они продали, конечно, не дешево. Они хорошо знают цену этой «демократии» и приложат теперь все усилия, чтобы обработать ее, как орудие борьбы против революции.

Пробираясь к власти, гг. петлюровцы должны были начать с «революционных» манифестов, с провозглашения отобрания земли у помещиков, и даже с освобождения из тюрем большевиков. Но, столкнувшись с подлинной пролетарской революцией, политические пройдохи очень скоро раскрыли природу своей «демократии», разогнав рабочие советы, вызвав стачки, поссорившись даже с не очень революционно настроенными немецкими гарнизонами.

Понятно, что чем больше петлюровские «демократы» теряют кредит у революции, тем скорее они должны попасть на аркан союзнического империализма. Признав правительство петлюровского демократа г. Винниченко, союзники в конце концов ничего не потеряли, кроме фальшивых векселей. Но, г. Винниченко, получив «признание» от союзников, несомненно заключил невыгодную сделку. Он, конечно, должен был дать обязательства союзникам по части поддержания «порядка» и борьбы с большевизмом. Шарлатанить насчет конфискации помещичьей земли и тому подобных «большевистских» затей ему, конечно, не позволят, и ему очень скоро придется раскрыть карты перед деревенской беднотой, как он уже раскрыл их перед украинскими рабочими.

Новое правительство г. Винниченко, возникшее под флагом англо-американского империализма, по своей беспочвенности в народных массах и по иностранному происхождению своей «самостийности», так резко подчеркнутому англо-американским признанием, очень скоро обрисуетя перед массами, как та же самая «Скоропадия», с новой союзнической ориентацией, но с прежней контр-революционной природой.

Существенная разница, однако, между ними заключается в том, что старая Скоропадия имела вполне реальную опору:

немецкие штыки. Новая — этой опоры не имеет и пытается утвердиться насчет других, мошеннических векселей гг. союзников. Этим предрешается ее участь.

«Правда» № 278, 21 декабря 1918 г.

МЕНЬШЕВИСТСКАЯ ДВУСМЫСЛИЦА

Мадам Спиридонова ведет в настоящее время по районам отчаянную травлю большевиков. Свою черносотенную агитацию мадам Спиридонова ведет, как и прежде, от имени «социалистов-революционеров», от имени части той «революционной демократии», которая явно или тайно, открыто или из-за угла, боролась против пролетарской революции.

В тесном союзе с мадам Спиридоновой выступает теперь и другая, меньшевистская, часть этой малопочтенной демократии, загнанной победой пролетариата в мусорный ящик революции.

И вот, в то самое время, когда, под натиском белогвардейской сволочи, происходит усиленная мобилизация коммунистов, когда поредели наши районные организации, в это самое время мобилизуется и мусорный ящик.

Всероссийское совещание меньшевиков имело суждение о германской революции. Интересное и само по себе, это суждение о революции в Германии дало повод нашим «советским» меньшевикам пожаловаться на нашу нехорошую, гадкую революцию, которая загнала их в ящик и которую они, несчастные, все-таки признали «исторической необходимостью» (против рожна не попрешь!).

Либкнехт или Шейдеман? Диктатура пролетариата или учредилка? — вот вопрос, за который запнулась сейчас не только германская, но и мировая революция, вопрос, который волнует теперь не только всех сознательных рабочих, но всех сознательных буржуев. Как же решают этот вопрос меньшевики?

Они желают германской революции очень многого и дают массу советов: пролетариат охваченный революцией стран должен: «добиться расширения арены революции»; противодействовать изоляции Германии и Австрии; привлекать на сторону социального преобразования широкие слои непролетарского населения, бороться против анархизма и пр. Вся эта куча благих пожеланий, пустых фраз и никчемных советов служит

только для отвода глаз от самого главного, коренного вопроса германской революции: диктатура или учредилка? Пролетарский переворот или старое корыто буржуазного ига?

Но отговориться пустой революционной фразеологией уже нельзя. Вопрос о диктатуре слишком остро стоит в Германии. Партия пролетарской диктатуры и буржуазной «учредилки» уже на «ножах».

Результаты только что окончившегося 1-го германского съезда советов означают, по крайней мере, по внешности, победу клики 6 декабря, то есть правительства Шейдемана-Гаазе. Торжествуя эту победу, газета независимцев, «Фрейгейт», этот «жалкий орган политической двусмыслицы», как назвала его тов. Роза Люксембург, писала: «диктаторы не желают ничего знать о диктатуре, которую им предлагают».

Еще недавно «руководящие центры» московских меньшевиков, приветствуя германский съезд, уклонялись от прямого и ясного признания той или иной партии. И только выпады против уклонения от «последовательного демократизма» говорили об их симпатиях.

Всероссийское совещание решилось, наконец, открыто признаться в любви. Оно постановило: «выразить свою солидарность с направлением политики германской независимой рабочей партии».

Итак, наши меньшевики в коренном вопросе германской революции определились: они определенно стоят... за политическую двусмыслицу.

Еще больше политической двусмыслицы таится в другом пункте резолюции «совещания»:

«Содействовать созыву международной конференции». О какой конференции говорят меньшевики? О конференции социалистов, тех, которые, подобно германским независимцам, «не хотят ничего знать о диктатуре», о конференции покойного 2-го Интернационала, которой «содействует» сейчас Гендерсон, Брантинг и К^о, или же о другой, на которую соберется 3-й Интернационал?

Или, наконец, они хотят созвать на конференцию 2-й и 3-й Интернационалы вместе, от Либкнехта до... мадам Спиридовой? Не знаю, солидарны ли с такой двусмыслицей независимые, но уж Либкнехт то наверное в мусорный ящик не полезет.

«Правда» № 287, 1 января 1919 г.

НАШИ ПОБЕДЫ

За последние несколько дней наша Красная армия одержала ряд побед, которые должны быть отмечены, как выдающийся, давно небывалый успех. На востоке нужно прежде всего отметить взятие Оренбурга.

Значение этой победы трудно преувеличить. Она замечательна не только по героизму наших красноармейских частей, которым пришлось совершить свой быстрый победоносный марш при дьявольски трудных условиях, на 30-градусном морозе. Она замечательна еще и потому, что «железное кольцо», замыкавшее Советскую Россию, в одном месте разорвано, и мы снова соединяемся с огромным Туркестанским краем, который может снабдить нас сырьем для текстильной промышленности. Пробитая на Оренбурго-Ташкентской дороге пробка не только увеличивает, но и укрепляет Советскую Россию. Последний черносотенный оплот в Уральской области, гор. Уральск, пал.

На уральском фронте наши успехи не так заметны. Однако и здесь нужно отметить довольно быстрое продвижение наших войск к Красноуфимску и Кунгуру. Это продвижение не только угрожает колчаковским войскам потерей только что взятой ими Перми, но, что еще важнее, оно, в виду быстрого наступления нашей армии на восток от Уфы, создает серьезную угрозу главному уральскому центру — Екатеринбург. Нужно иметь в виду, что в голодающем Урале операции колчаковцев и чехословаков чрезвычайно осложнены трудностью продовольствия. А так как естественные богатства Урала едва ли могут быть для ближайшего будущего соблазнительны для сибирских мародеров, то можно без большого риска предположить, что еще до наступления весны колчаковцы предпочтут распространиться с Уралом и искать более безопасного и сытного убежища в Сибири.

Но особенно радуют нас огромные успехи Красной армии на южном фронте. После долгих месяцев застоя и даже неудач, когда даже Воронеж готовился к эвакуации, здесь наступил за последнюю неделю решительный перелом. Наш Красновский фронт долго «танцовавший» около Лисок, Новохоперска, Боброва, сразу переброшен на юг. Вся Воронежская губерния очищена. Наши красные отряды подходят к ст. Чертково (на границе Донской области и Харьковской губернии и на полдороге от Воронежа до Ростова) и быстро продвигаются к ст.

Миллерово. В то же время занятие Луганска и Бахмута означает не только глубокий обход Красновской армии, но угрожает лишить ее главной питающей ее железнодорожной артерии Зверев-Калач-Царицын. Потери Красновым станции Зверев, которому наши войска угрожают теперь с севера и с запада, означает самые катастрофические последствия для красновских банд. Лишенный прямого железнодорожного сообщения не только в северной, но и в центральной части Красновии, он должен будет быстро очистить добрую половину Донской области и отступить далеко на юг, к нижнему течению Дона.

Неудивительно, что боевое настроение падает не только у красновских казаков, но и у самого воинственного генерала. Отдавая самые решительные приказы о расстреле дезертирующих массах казаков, генерал, в сношениях с союзниками, обнаружил не только не боевое, но прямо-таки «кислое» настроение. На приеме главы английской миссии г. Пуля он изобразил положение своей армии в самых мрачных красках и закончил свою невеселую речь меланхолическим приветствием Англии: «Morituri te salutant» (умирающие тебя приветствуют). Таким образом, по признанию самого генерала, британский лев скоро не будет иметь других союзников в России, кроме дохлых собак.

Но настроение генерала только отражает положение дел на наших фронтах и разложение белогвардейских банд. И если гг. союзники так неожиданно изменили по отношению к нам свой дипломатический фронт и обнаружили «надежду» сговориться с большевиками, то эту сговорчивость нужно прежде всего приписать героическим усилиям нашей Красной армии.

«Правда № 17, 25 января 1919 г.»

РАЙОННАЯ САМОСТИЙНОСТЬ НА МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

На последнем собрании московской городской конференции был целиком принят проект устава московской организации РКП. Я хотел бы обратить внимание товарищей на одно новшество этого проекта, имеющее огромное принципиальное значение. Согласно проекта, руководящая коллегия московской организации МК отныне должна не избираться всей коммуни-

стической Москвой, в лице городской конференции, а механически составляться из представителей районов, избранных на районных делегатских собраниях. Правда, в проекте говорится, что избранные районами члены МК «утверждаются» городской конференцией и тем как будто сохраняется единство воли всей городской организации. Но нетрудно разглядеть, что это утверждение должно свестись к пустой формальности, что оно служит только фиговым листком для проводимой на деле районной самостоятельности. Роль городской конференции сведена к нулю. Она не только не может сама выставлять кандидатов, но и всех выбранных районами будет вынуждена, во избежание волокиты, утверждать беспрекословно, так как неутверждение связано с необходимостью повторения (может даже неоднократно!) как районных делегатских собраний, так и самой конференции.

Непонятно, почему авторы проекта не распространяют такое федеративное устройство и на районные комитеты? Уж не потому ли, что область действия МК гораздо обширнее, что его роль много ответственнее? Но в таком случае следовало бы прежде всего «составлять» ЦК партии из представителей от областей Республики и «утверждать» их на съезде. Не внесут ли защитники московского устава такой проект на предстоящий партийный съезд? Из всех попыток протащить в организацию нашей партии федеративное начало эта попытка авторов московского проекта самая беспочвенная, так как она не может опираться ни на особенности Бутырской национальности, ни на культурное своеобразие Плющихи. На что же она опирается? Единственным защитником проекта МК выступил тов. Беленький. Его доводы сводились к необходимости связи МК с рабочей массой: нельзя-де поручать избрание комитета конференции, на которой будут проходить оторванные от масс «краснобаи». Связь комитетов с массой должна быть самая тесная, что и говорить. Но беда в том, что в постановке районных самостоятников эта связь принижается до личного обывательского знакомства. Отвергая выборы комитета на городской конференции по широко развернутой платформе, они резонно опасаются, что «свой», местный, человек может провалиться на конференции, или потому, что его местная районная платформа окажется неприемлемой, или по той причине, что, не будучи «краснобаем», он воздержится от обсуждения всяких платформ. И в том и в другом случае у «своего» человека не окажется никакой связи с конференцией, т. е. с большинством

всех других районов. МК, молчаливо «утвержденный» конференцией, как целое, будет очень плохо связан с районами, а районы — между собой. Установить эту связь не может и городская конференция, так как хотя она и именуется в проекте «высшим партийным органом», который должен «определять линию поведения Московской организации», но заставить МК проводить эту линию она не будет в состоянии по той простой причине, что избранный ею комитет фактически перед нею и не ответственен. Если и раньше, во времена подполья, когда установление всяческой связи было неизмеримо труднее, мы все же боролись против всякого рода самостийности и «федеративного начала», то тем более это нужно делать теперь. Но еще не поздно. Еще не кончилась городская конференция, и она может еще взяться за ум. И даже окончательно принятый конференцией устав может войти в силу только по утверждении ЦК партии. Наконец, если и ЦК этот устав не опротестует, то им может и должен заняться предстоящий съезд партии. Ни ЦК, ни съезд, я уверен, не пойдут навстречу районной самостийности, не дадут превратить крупнейший политический центр в ряд провинциальных захолустий.¹

«Правда» № 64, 24 марта 1920 г.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФУТУРИЗМ И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

«Двухлетний опыт Наркомпроса показал, что перейти сразу от старой школы к идеальной трудовой — невозможно по целому ряду причин, главные из которых — ненормальные условия жизни в момент обостренной гражданской войны и отсутствие достаточного кадра преподавателей, подготовленных к проведению в жизнь трудовой школы идеального типа. Кроме того, полный синтез науки и труда не мог быть, конечно, найден теоретически и в сравнительно короткий срок».

Так определяются отделом единой школы причины, по которым введение у нас идеальной школы до сих пор еще не состоялось. (См. «Вводную статью», «К программам по естествознанию»). И вот, после двухлетнего опыта Наркомпрос пришел к убеждению, что «в настоящий момент необходимо стре-

¹ Печатается в дискуссионном порядке. Примеч. редакции «Правды».

миться к созданию школы переходного типа, из которой в будущем вырастет идеальная трудовая школа».

Думается, что Наркомпрос совершенно напрасно взял на себя труд доказывать, почему он не смог объять необъятное, ввести (да еще «сразу») «идеальную школу», школу будущего, в настоящем. Это понятно без особых объяснений. Но что действительно остается непонятным и что Наркомпрос не желает нам объяснить, это то, почему понадобились целых два (вернее три) года опытов Наркомпроса для доказательства столь очевидной истины.

Но обратимся к школе переходного типа. В чем коренной порок нашего школьного строительства «идеального» периода.

Прежде всего, в безбрежности и расплывчатости заданий, облеченных в формы футуристической фразеологии, при полном отсутствии практического руководства, деловых конкретных указаний и, в частности, каких бы то ни было программ.

Такое положение дела давало превосходную ширму для саботажа, сбивало с толку добросовестные, но мало опытные элементы учительства, приводило трудовую школу к ее противоположности, т. е. к ничегонеделанию. Что сулит нам переходная школа?

Появившиеся «Программы по естествознанию» в этом отношении мало толкают дело вперед. Авторы «программы» отказываются даже более или менее точно очертить объем преподавания, они многократно подчеркивают, что предлагаемые программы только примерные, что они «пожалуй, слишком велики»; они (авторы) попрежнему ждут инициативы местных отделов НО, возлагают надежды на самостоятельное творчество учительства, ждут «материалов».

Уже эта половинчатость и нерешительность в этом важном вопросе школьного строительства показывает, что переходная школа в деловой постановке еще недалеко ушла от «идеальной», что ее руководители еще не совсем спустились с неба на землю, а скорее висят между небом и землей.

Как одно из оснований к откладыванию дела в долгий ящик выставляется то соображение, что «программы для трудовой школы во всероссийском масштабе создаются в первый раз». Однако, поскольку дело идет о программах по естествознанию, то Наркомпрос совершенно напрасно придает им столь торжественный характер и смысл великой реформы.

Высказанные в статье положения по части постановки естествознания, выяснения его методов и пр. не представляют

решительно ничего нового для старой буржуазной школы естествознания, как, напр., то, что «основа естествознания — это правильное наблюдение и опыт» и т. п. Некоторые из этих положений только не очень удачно формулированы, а иногда грешат явными промахами. Так, напр., отнесение дедукции к естественно-историческому методу (стр. 5) — сплошное недоразумение. Нельзя не порадоваться, что одно из главных сокровищ педагогического футуризма, так называемый «метод трудового комплекса» (метод, подготовляющий группировку образовательного материала к «трудовым заданиям»), сдается переходной школой в архив, хотя и не без оговорок.

Не вводя ничего существенного в буржуазную школу естествознания, авторы программы, очевидно, больше по привычке, усердно отмежевываются от этой школы посредством таких, напр., оговорок: вводимые в учебный план науки (физика, химия и др.) не должны быть представлены в виде особых школьных «предметов». Но ненавистный «предмет», изгнанный из трудовой школы, неожиданно появляется в формулировке самих авторов программы, да еще в «основных тезисах». Первый из этих тезисов гласит: «Естествознание (элементы физико-химических и биологических наук и т. д.) должно быть признано основным предметом школы. . .» (стр. 4).

Несерьезность, надуманность отмежевывания от старой буржуазной школы естествознания, беспочвенность устремлений ввысь «идеальной» коммунистической педагогики, оторванной от реальной обстановки, это только отсутствие исторической перспективы, марксистской точки зрения на школьное строительство и его современные насущные задачи. Буржуазная школа, как и вся вообще буржуазная эпоха, именно в области естествознания была в высшей степени революционной. Задача пролетарской революции в области народного образования вовсе не в «искании путей» и не в мелких поправках и оговорках, а в том, чтобы естествознание, созданное буржуазной эпохой в том виде, как оно есть, с его методами и приемами, как можно скорее стало достоянием рабочего класса. Об этом вопиют, прежде всего, «ненормальные» условия современного момента с его хозяйственной разрухой, с обострившимся вопросом о «спецах» и пр. Эта задача по преимуществу организаторская, и педагогическим футуристам тут делать нечего.

Но методы преподавания и школьные типы в своих разновидностях и оттенках отражают различные напластования

буржуазной эпохи. Беря готовые методы буржуазной школы, нужно, конечно, отправляться от ее высшего типа, типа, созданного крупным промышленным капиталом. Некоторые положения «программы по естествознанию» обнаруживают, что их авторы копируют не высший, а низший, отсталый тип буржуазной школы. Приведу следующее характерное место: «...ребенку надо прививать любовь к природе, что, несомненно, связано с воспитанием эстетического чувства у детей. Любовь к природе разовьет и стремление к изучению своего родного края, к охране его вымирающих особенностей и т. д.» (стр. 3).

Воспитание сентиментальных «любителей природы» (ландшафтов) как нельзя лучше соответствовало программам институтов для благородных девиц, а также вкусам и идеалам захолустного мещанства. Но совершенно очевидно, что оно ничего общего не имеет с познанием природы, лежащим в основе расцвета крупной капиталистической промышленности.

«Правда» № 2, 4 января 1921 г.

ЧЕГО МОГУТ ТРЕБОВАТЬ САМОУЧКИ-ИЗОБРЕТАТЕЛИ?

В комиссии по изобретениям при ВСНХ покоится до 10 000 заявлений об изобретениях, не получивших по разным причинам движения. Но нас интересуют не изобретения, а изобретатели.

Кому не известен тип изобретателя-самоучки, часто лишеного какого бы то ни было научного образования и с величайшим упорством работающего где-нибудь в захолустье над заветным вопросом? В былое время такой самоучка мог выдвинуться и выйти «в люди» только в том случае, если какому-нибудь досужему барину приходило в голову оказать ему покровительство. Такой необыкновенный случай приводил в умиление обывателя тем более, чем он реже имел место. В Советской России должно быть по-новому.

Возникающие рабочие факультеты и техникумы могут обслуживать пока ничтожную часть рабочих и крестьян. Вопрос о составе их слушателей получает поэтому первостепенное внимание. Принцип «ударности», поскольку он намечается в политехническом курсе народного образования, должен вы-

Н. Н. БАТУРИН

Фотография с хранящегося в Музее Революции СССР портрета работы
художника И. К. Пархоменко — 1921 г.

разиться, прежде всего, в подборе ограниченного состава слушателей. Но трудно было бы найти более «ударного» слушателя для настоящего момента, чем изобретатель-самоучка, не дождавшийся в старой России барина-покровителя. От рабоче-крестьянской власти он уже теперь может требовать образования. Поскольку он сам не заявляет о себе, его нужно выискать, выявить, извлечь из глухого угла и доставить ему все средства к образованию и к самостоятельным работам в области техники.

В комиссии по изобретениям проекты изобретателей снабжены, как водится, их анкетами. И эти анкеты (как это тоже водится) никем не рассматриваются. А они могут сказать о многом. Вместе с самыми проектами они представляют как бы произведенный конкурс на получение образования в первую очередь для тех, кто в нем нуждается.

Я предлагаю немедленно составить комиссию из представителей Наркомпроса, ВСНХ и ВЦСПС для просмотра анкет изобретателей и их проектов. Внимательное изучение этого материала даст возможность выделить и привлечь к техническому образованию наиболее ударную группу, выдвинуть десятки, если не сотни, наиболее способных или даже талантливых техников и ученых.

«Правда» № 23, 3 февраля 1921 г.

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ О ПЛЕХАНОВЕ И О БОЛЬШЕВИЗМЕ.

В только что появившейся в печати «Истории РКП (б)» В. И. Невского (Краткий очерк. Изд. «Прибой», 1926 г.) автор рекомендует в предисловии эту книгу, как краткий учебник, в котором «излагаются и освещаются факты и явления, главным образом, общеизвестные и твердо-установленные». Там же, в предисловии, он предупреждает, что это элементарное изложение нашей истории «особенно много уделяет внимания часто таким явлениям, какие давно выяснены и понятны старым членам партии и какие нужно объяснить молодой аудитории, для которой часто даже события вчерашнего дня являются далеким историческим прошлым».

Можно, конечно, только приветствовать такое внимательное отношение автора к молодой аудитории и такое строгое отношение к себе.

К несчастью, ознакомившись с книгой, приходится признать, что сурово-стариковский тон предисловия означал другое... Он может только объяснить нам ту удивительную смелость, с которой автор, на правах «партийной бабушки», рассказывает порою не помнящим вчерашнего дня партийным ребятишкам сказки и небылицы в лицах под видом «твердо-установленных фактов».

В короткой газетной заметке нет возможности дать сколько-нибудь полной характеристики названной книги (и в частности развитого в ней «исторического материализма»). Это должно быть сделано в другом месте. Я ограничусь здесь двумя примерами исторического изложения В. И. Невского. Они, по моему, настолько характерны, что даже если бы вся остальная книга была безукоризненной, то молодая аудитория в праве предъявить «партийной бабушке» самые серьезные обвинения.

Своей специальностью, как историк, В. И. Невский сделал искажение и уродование взглядов Плеханова. Это он показал уже в своих больших «Очерках ист. РКП(б)». ¹ Настоящий «элементарный» курс его истории отличается необычайной «элементарностью» приемов этого искажения.

Излагая взгляды Плеханова, В. И. Невский приводит следующую цитату из брошюры «Социализм и политическая борьба»:

«К счастью для России, у нас уже имеются элементы «для образования будущей рабочей социалистической партии». Эта партия и поведет Россию в царство социализма, добившись сначала демократической конституции на основе завоеванной политической свободы и затем уже, в соответствии с реальным фактическим соотношением сил, существующим в стране, приступит к введению социалистического производства». («История РКП(б)», стр. 40.)

Чтобы посмеяться над молодой аудиторией, В. И. Невский указывает страницу этой цитаты (т. II, стр. 80—81) по новейшему рязановскому, т. е. наиболее полному и тщательному изданию сочинений Плеханова. Но уже по суконному языку этой «цитаты» можно заметить, что она Плеханову не

¹ См. рецензию на эту книгу в «Пролетарской Революции» № 8—9 (31—32). См. стр. этого тома 380—392. Ред.

принадлежит. И действительно, ни на 80 — 81 стр., ни на какой бы то ни было другой странице названной брошюры приведенного места найти нельзя. Вся эта «цитата» от начала до конца сочинена В. И. Невским.

Посмотрим, в какой мере эта суконная фразеология В. И. Невского соответствует по смыслу тому, что действительно писал Плеханов в своей известной брошюре. На стр. 87 — 88 этой брошюры (т. II того же издания) он говорит:

«Промышленные рабочие... примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства».

Как видим, наш историк выворачивает наизнанку тогдашние (1883 г.) представления Плеханова о рабочей соц. партии и ее отношении к грядущей буржуазной революции. Плеханов 83-го года не мог давать рабочей социалистической партии задания «добиться демократической конституции на основе завоеванной политической свободы» по той причине, что и самое образование этой партии считал возможным только после завоевания политической свободы.

Правда, и сама партийная бабушка не помнит тех дней, когда писалась брошюра «Социализм и политическая борьба». Но кто же просит ее сочинять сочинения Плеханова по своему разумению и выдавать свои сказки за «общеизвестные и твердо установленные факты»?

Я спрашиваю, возможно ли, допустимо ли такое сочинительство в нашей печати вообще и в учебниках для молодежи в особенности?

Но историческое повествование нашей бабушки даже о более поздних днях меньше всего зависит от ее памяти. Решающее влияние оказывает то обстоятельство, что бабушка из рук вон плохо разбирается в важнейших вопросах партийной жизни, сохраняющих свое значение не только для вчерашнего, но и для сегодняшнего дня. К таким вопросам относится, несомненно, разница между большевизмом и меньшевизмом.

Разъясняя молодой аудитории большевистскую тактику в 1905 г., наш историк пишет буквально следующее:

«Центральным вопросом, обсуждавшимся на съезде (б-ков. Н. Б.) и конференции (м-ков. Н. Б.), несомненно, был вопрос о временном революционном правительстве... Это был вопрос о двух тактиках социал-демократов в буржуазно-дем. революции,

вопрос о том, кто будет гегемоном в революции — революционный пролетариат во главе с революционной соц.-демократией, или буржуазия во главе с царем и помещиками...» (стр. 263. Курсив мой).

Возможность выступления русского царя, возглавляющего «гегемонию в революции», может огорошить даже самую молодую пионерскую аудиторию: да уж не сошла ли с ума партийная бабушка? Но тот, кто внимательно познакомился с капитальным трудом нашего историка, его «Очерком по истории РКП(б)», а также с его полемическим выступлением по поводу этого труда (см. «Борьба классов», № 1 — 2, «Ответ моим критикам»), может успокоить аудиторию: бабушка с ума не сошла, но она абсолютно не понимает, что такое «гегемония в революции». Некоторое разъяснение «логики» нашего автора мы найдем, впрочем, уже в продолжение прерванной нами цитаты:

«... ибо три силы вступили в борьбу в эпоху первой русской революции: реакция, т. е. помещики, феодалы, крупные землевладельцы во главе с царем, они бились за «свои» земли и привилегии; либеральная буржуазия во главе с освобожденцами и кадетами (впоследствии конституционно-демократическая партия), они бились за буржуазный строй, за условия, наиболее благоприятные для развития этого строя; революционный пролетариат во главе с соц.-демократией, он бился за уничтожение феодального строя, за демократию, как необходимую предпосылку социализма».

Вопрос о скандальном поведении Николая II, как видим, вовсе уж и не так страшен. Царь, оказывается, уже во главе реакции, а не революции. Что же касается «гегемонии», то дело нужно понимать так: одной из трех борющихся в революции сил является реакция. Она может и победить, и, следовательно, ей-то и будет принадлежать «гегемония». А если так, то почему же и царю не возглавлять такую «гегемонию в революции»?

Но главное дело тут вовсе не в гегемонии. Взявшись разъяснять большевистскую тактику, историк — большевик видит только три силы, борющиеся в революции: помещика, буржуа и пролетария. Крестьянство, как революционная сила, в этом «большевистском анализе» совершенно отсутствует. Это тем более удивительно, что помещики «бились» за свои земли, а ведь «биться» им приходилось непосредственно с крестьянами. И тем не менее выходит, что помещики составляли силу, а кре-

стьяне никакой силы в эпоху первой русской революции не составляли. Какой же злой насмешкой над этим «большевизмом» сказываются те нотации нашего историка, которые он на дальнейших страницах читает меньшевикам и троцкистам за то, что они «недооценивали» крестьянство!

Вылетело ли крестьянство из головы у нашего историка при его «анализе», или он сознательно не вводит его в число борющихся сил? Несколькими строками ниже «анализа» он пишет: «Вопрос осложнялся еще тем, на какую чашку весов положит свою руку (!) огромная часть мелкой буржуазии — *революционное* крестьянство» (стр. 263. Курсив мой).

Для помещиков, бившихся за свои земли, не было ни малейшего сомнения в том, что крестьянство, налагая свою руку на эти земли, тем самым «налагало свою руку» (извиняюсь за «элементарное» выражение бабушки) на определенную «чашку весов». А вот для «большевистского» историка было большой загадкой: не положит ли свою руку *революционное* крестьянство на чашку «гегемонии царя и помещиков»?

Ну, разве это не карикатура на большевизм?

В других местах своей книги В. И. Невский приводит более или менее пространные выдержки (без искажений) из соч. Ленина «О двух тактиках». Но между этими выдержками и его собственным «анализом» нельзя найти решительно никакой связи, кроме того обстоятельства, что они, эти выдержки и «анализ», так неудачно сброшюрованы в одну книгу.

Но от такой «связи» с сочинениями Ленина «бабушкины сказки» о большевизме кажутся еще более нескладными, чем ее сказки о Плеханове.

«Правда» № 4, 6 января 1926 г.

«ИСКРА» И ЛЕНИН

О ТОМ, КАК РУССКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ВПЕРВЫЕ ПОВЕРНУЛИСЬ ЛИЦОМ
К ДЕРЕВНЕ

Если название нашей партии ВКП — самого недавнего происхождения, то маленькая буква «б», сопровождающая в скобках это название, воскрешает перед нами всю ее славную историю, как историю большевистской партии.

Появившаяся на свет 25 лет тому назад «Искра» была

колыбелью большевизма. Как ни велика была роль этой газеты в ее борьбе с «идейным и организационным разбродом» конца 90-х годов, как ни велико было превосходство «искровского» направления перед «экономическим», но для дальнейшей судьбы русской социал-демократии имел неизмеримо большее значение тот факт, что внутри самой «Искры», т. е. в среде наиболее видных, образованных и как будто наиболее «спевшихся» социал-демократов образовалась та трещина, которая обозначила глубочайшие принципиальные расхождения между «спевшимися» и фактически сделала «Искру» «собираательницей» не одной, а двух партий.

«Гвоздем» этого расхождения был вопрос об отношении к крестьянству.

В старой «Искре» сошлись два поколения русских социал-демократов.

Первое поколение — это группа «Освобождения Труда», поколение «основоположников» русского марксизма. Оно числило за собою огромные заслуги, его авторитет стоял так высоко, что без его участия нечего было и думать об основании «Искры», как собираательницы партий.

Каково же было отношение первых русских марксистов к крестьянству? На это отношение наложили свою печать два обстоятельства: 1) что все они вышли непосредственно из рядов народников и 2) что в борьбе за свои новые, социал-демократические взгляды они должны были очень долго вести борьбу с народничеством.

Как собственный плачевный опыт «хождений в народ», так и позднейшая марксистская критика народнических утопий, связанных с общиной, как социалистической ячейкой, и ролью крестьянина, как носителя социализма, — приводили их к полной противоположности народнических взглядов на крестьянство. Антинародническое по преимуществу содержание их марксизма приводило их к антикрестьянскому направлению их с.-д. пропаганды. Этот несомненный антикрестьянский уклон группы «Освобождения Труда» исторически не только может быть объяснен условиями появления на свет русского марксизма, но и оправдан теми конкретными задачами социал-демократической пропаганды, какие могли себе ставить первые русские марксисты.

В самом деле, первой задачей этой пропаганды было не что иное, как завоевание русской революционной интеллигенции для рабочего движения. Разъясняя этой интеллигенции, т. е.

народникам и народовольцам, основы марксизма, группа бросала им лозунг практической деятельности, который теперь можно было бы обозначить словами: «лицом к рабочим». Не только в теоретическом обосновании социализма, но и в постановке первых практических задач — подготовки элементов будущей рабочей партии — «рабочий вопрос» если не совершенно заслонял, то по крайней мере отодвигал на задний план какое бы то ни было отношение к крестьянству. Любопытно, что по крайней мере на протяжении 80-х годов антикрестьянское направление группы «Освобождение Труда» не ослабевало, а усиливалось. Это отразилось, между прочим, на редакциях первого (1884 г.) и второго (1888 г.) проектов ее программы.

В первом проекте призыв сосредоточить силы прежде всего на пропаганде среди рабочих сопровождается такой оговоркой:

«Само собой впрочем разумеется, что распределение сил наших социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение...»

«Стабилизация» самодержавия к концу 80-х годов, повидимому, приводит группу к крушению всяких надежд на возможность появления такого движения в крестьянстве, и соответствующая оговорка во втором проекте программы исчезает. Но и вся редакция этого проекта гораздо более определенно, чем первый проект, выражает безнадежное скептическое отношение к роли крестьянства в будущей буржуазной революции:

«Русское революционное движение, торжество которого послужило бы, прежде всего, на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства»... «Идеал общинника лежит позади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие»...

Антинародническое устремление первых марксистов приводило их, таким образом, к отрицанию революционной роли крестьянства не только в социалистической, но и в буржуазной революции.

В противоположность такому безнадежному скептицизму к революционной роли крестьянства, их оценку рабочего класса, как будущего могильщика самодержавия, нельзя теперь назвать

иначе, как утопической. В своей речи на Международном социалистическом конгрессе 1889 г. Плеханов, между прочим, заявил: «Задачи нашей революционной интеллигенции сводятся... по мнению русских социал-демократов к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия».

Таково было отношение виднейшего представителя группы «Освобождения Труда» к крестьянству в конце 80-х годов. Все его блестящие литературные выступления в 90-е годы, насколько нам известно, не внесли в это отношение никаких существенных изменений.

Другой составной частью старой «Искры» были наиболее видные и талантливые представители более молодого поколения русских марксистов, вышедшие из петербургского «Союза борьбы». Две особенности отличали их, как участников «Искры», от «стариков»: во-первых, опыт массового рабочего движения под руководством социал-демократии; во-вторых, та полоса небывалого общественного подъема, которой отличалось уже самое начало их революционного пути, на который они вступали, как марксисты. Эта новая полоса русской общественной жизни особенно резко обозначилась с середины 90-х годов, как эпоха «Николая последнего».

Старик Энгельс даже из Лондона сумел уловить тягу «свежего ветра» в России, и в год своей смерти в письме к В. И. Засулич приветствовал нового русского царя следующими пророческими словами:

«Уж если кого дьявол революции держит за шиворот, так это Николая II».

Как же могли отразиться эти условия на представителях второго, более молодого поколения марксистов, как участников «Искры»?

Изучая экономику России, в частности, ее аграрные отношения, как марксисты, и при этом в то время, когда революционное народничество уже сдало свои позиции, они могли рассматривать роль крестьянства без помощи как народнических, так и антинароднических очков. В то же время «дьявол революции» подталкивал их к переходу от теоретической разработки вопросов русского марксизма к политической их постановке.

Такая новая политическая постановка вопроса об отношении социал-демократии к крестьянству была уже дана в но-

мере 3-ем «Искры», в статье: «Рабочая партия и крестьянство». Здесь нужно сказать, что как политическая постановка этого вопроса, так и его предварительная теоретическая разработка были делом одного представителя нового поколения: В. И. Ленина. Но исторически этот факт обуславливался не только тем, что Ленин был самым талантливым представителем этого поколения, но также и тем, что он был самым талантливым представителем этого поколения.

В чем была новизна политической постановки вопроса о роли крестьянства? Прежде всего — в необыкновенно отчетливом выяснении двуединой классовой природы русского крестьянина:

... «В современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями; во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом».

Несомненно, что и для группы «Освобождение Труда» и для «первобытных» доискровских марксистов, воспитавшихся на ее литературных произведениях и привыкших сосредоточивать свое внимание на «классе будущего», все это было уже непривычно и ново. Однако, это было еще «терпимо». Но уже совершенно опрокидывали «первобытные» взгляды на крестьянство дальнейшие рассуждения Ленина:

«И, несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая (уходящая в прошлое! Н. Б.) противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение».

... «Наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неправомерности и принижении десятков миллионов «простанародья» — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса».

Итак, даже сельские рабочие, над которыми больше, чем

над прочим крестьянством, тяготел гнет капитала, призывались «Искрой» к борьбе прежде всего не против этого гнета, а против «общекрестьянских бедствий», против остатков крепостничества.

Агитация в среде крестьянства должна, конечно, исходить из «местных конкретных, наиболее назревших нужд крестьян». И в числе этих наиболее назревших нужд уже в этой статье указывалась нужда в возвращении крестьянам тех «отрезков, посредством которых продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т. е. на деле тот же крепостной труд».

Более полно эти взгляды Ленина были развиты и обоснованы в следующем году в его статье: «Аграрная программа русской социал-демократии», в 4-м номере «Зари». Только спустя много лет, только недавно из 3-го «Ленинского сборника» мы узнали, что пресловутые «отрезки» уже в этой статье Ленина, в ее первоначальной редакции, измененной по настоянию редакционной коллегии «Искры» и «Зари», вовсе не означали у самого Ленина предел достижений революционного крестьянского движения. Напротив, они были, по его мнению, только «дверью» к дальнейшим требованиям, и в известный революционный момент вполне допустимо и принципиально приемлемо для с.-д. требование национализации земли.

Уже в этих статьях Ленина, как видим, были очерчены основания большевистской аграрной программы, так тесно связанной с основой большевистской тактики.

Нелегко было переварить «первобытному» марксисту эту совершенно новую постановку вопроса об отношении к крестьянству, постановку, которую Ленин считал обязательной для «современной русской социал-демократии». Настолько нелегко, что в первое время сам Ленин был чуть ли не единственным, вполне «современным русским социал-демократом»... Даже его ближайшие принципиальные единомышленники, ставшие потом «твердокаменными» большевиками, далеко не сразу могли отряхнуть с себя прах «первобытного» марксизма.

Зато современные оппортунисты очень скоро угадали в этой новой постановке вопроса о крестьянстве корень глубочайших, непримиримых, принципиальных расхождений с обозначившимся направлением. Уже на первую статью в «Искре» посыпался целый град возражений. Но самым характерным признаком наметившегося раскола был тот жесточайший обстрел, которому подвергалась статья Ленина до ее напечата-

ния в «Заре» внутри самой редакции. Ровно 135 «редакционных» поправок главным образом по инициативе Плеханова, внесла почтенная коллегия! Подавляющее большинство этих поправок можно обозначить одним словом: буквоедство. Это буквоедство было характерным выражением растерянности, неподготовленности первых марксистов к ясной и определенной политической постановке важнейших современных вопросов движения и вместе с тем глухой и плохо скрытой вражды к принципиальному, но сильному и опасному противнику.

Все дальнейшее развитие, усвоение и политическое применение этих взглядов Ленина на роль крестьянства легло в основу «двух тактик» и, в конечном счете, двух партий.

Оборачиваясь впервые лицом к деревне, старая «Искра», руководимая Лениным, тем самым впервые выявляла свое «большевистское лицо».

Большевистское отношение к крестьянству и к революционному крестьянскому движению, порывая связь с современным «марксистскообразным» либерализмом, в то же время устанавливало эту связь с революционными традициями предыдущих революционных течений и, таким образом, замыкало ту диалектическую цепь развития взглядов на роль крестьянства, первое звено которой было сковано народниками.

Старое революционное народничество, как мы знаем, не грешило недооценкой крестьянства. Напротив, «переоценка» или, вернее, непонимание этой роли крестьянства в социалистической революции было причиной краха самого народничества.

Первые русские марксисты, вышедшие сами из рядов народничества, своей упорной борьбой с этим направлением неизбежно вносили в свои собственные марксистские взгляды на крестьянство известную (исторически вполне понятную) односторонность. Успешное сокрушение народнических утопий приводило их к огульному отрицанию всякого революционного значения крестьянства. Меньшевистская недооценка крестьянства в более зрелом периоде русской с.-д., идеологически опиравшаяся на эту односторонность первых марксистов, исторически объясняется, конечно, уже другими причинами — вполне сознательным отрывом от революционного движения и пролетариата и крестьянства, политическим самоопределением под лозунгом «лицом к кадетам».

Большевизм, зародившийся в старой «Искре», завязывал узел теснейшего союза рабочих и крестьян. В своей оценке

крестьянства большевики, как и первые марксисты, отбрасывали все социалистические утопии народников. Но вместе с тем они, нисколько не сходя с классовой позиции пролетариата, могли восстановить действительное революционное значение крестьянства.

Старая «Искра» была колыбелью большевизма. Правильная оценка крестьянства, которая легла в основу большевистской тактики, оказала решающее влияние на судьбы не только большевистской партии, но и русской революции.

25-летний юбилей основания «Искры» и годовщина смерти ее вождя должны быть посвящены оценке В. И. Ленина не только как вождя и основателя большевистской партии, но также как вождя революционного крестьянства, как продолжателя лучших традиций всех предыдущих революционных поколений, исполнителя их лучших заветов.

«Правда» № 17, 21 января 1926 г.

ЛЕВ ДЕЙЧ. РОЛЬ ЕВРЕЕВ В РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ.¹

Интересное заглавие, к сожалению, далеко не отвечает содержанию. В основу легли очерки о наиболее выдающихся русских евреях — революционерах, печатавшиеся в еврейском социалистическом журнале «Zukunft» в Нью-Йорке в 1913 — 1916 г.г.

Ближе к теме содержание краткого введения, рисующего положение евреев в России и выясняющего, главным образом, количественное участие их в разные периоды революционного движения. Наиболее интересно здесь выяснение культурного влияния «гойской» (т. е. русской) школы, русской литературы и, в частности, «нигилистического» направления на еврейскую молодежь, на ее просвещение и ее добровольное обрусение. Только эти влияния могли подготовить выделение известных кадров еврейской молодежи из недр искусственно изолированного, «ортодоксального» еврейства и участие этой молодежи

¹ Книга издана Госуд. издательством в 1926 г. Ред.

в таком специфически «русском» движении, как народническое.

Остальную часть книги составляют библиографии и характеристики отдельных евреев, имевших более или менее близкое отношение к революционному движению. Материалом послужили автобиографические записки, заботливо собиравшиеся автором в течение ряда лет, личные воспоминания и литературные источники.

Автор книги, принимавший деятельное участие в народническом движении (в «Земле и Воле», а потом в «Черном Переделе»), как известно, был одним из первых революционеров, вступивших на марксистский путь. Однако, очень скоро (менее, чем через год после основания гр. «Осв. Тр.») он был «изъят из обращения» царским правительством на очень продолжительное время. Понятно, что наиболее яркие впечатления молодости в более поздних воспоминаниях связаны у него именно с народническим движением. С другой стороны, крайне кратковременная и, повидимому, не очень основательная марксистская школа не произвела в старом народнике очень глубокого переворота. По крайней мере, в его литературных произведениях она почти ни в чем не выражается. Вот почему и данная книга Л. Г. Дейча отмечается всеми характерными чертами *позднейшей* народнической литературы этого рода. Один из характерных признаков этой литературы — неспособность понять, как мало революционного было в народническом движении. В воспоминаниях В. Н. Фигнер мы найдем, напр., трогательную картину народницы, подающей бедной старушке несколько медяков «на свечи», причем автор (т. е. В. Н. Фигнер) даже и не пытается критически отнестись к «революционному» смыслу такого рода «служения народу».

Такое же отсутствие чутья, не позволяющее отличить революционный энтузиазм от обывательского прекраснодушия обнаруживает порою и автор данной книги, сообщая, напр., следующий эпизод из жизни одного из своих героев (А. Бибергаль), жившего в ссылке в Благовещенске во время бомбардировки этого города китайцами.

... «Бибергаль остался в квартире и, несмотря на наши, товарищей его, просьбы оставить ее, ни за что не соглашался сделать это, так как, мол, в ней находилось кое-что из имущества общества «Надежда», которое он с опасностью для жизни считал себя обязанным оберегать». Этот весьма сомнительный героизм, по мнению автора книги, может внушить к нему (т. е.

к герою) только «расположение», причем, очевидно, разумеется расположение не только со стороны страхового общества «Надежда» (стр. 120 — 121).

Скудость революционного содержания народнического движения в народнической литературе с избытком восполняется персональной историей самих героев этого движения.

И эта особенность народнической историографии нашла выражение в книге Л. Г. Дейча. В его изображении собственно-революционной деятельности даже наиболее активных народников, как Аптекман, Каменская, Хотинский, мы не находим ничего, кроме весьма шаблонного повторения народнических сказаний о лишениях, самоотверженности и т. п. качествах, одинаково годных для характеристики любого из героев этого движения.

Еще менее интересны весьма пространные жизнеописания ряда лиц, которые, по свидетельству самого автора, имели или очень отдаленное отношение к движению, или даже только случайно, по недоразумению, были пристегнуты властями к «крамоле». Главной задачей своей книги автор считает опровержение преувеличенных представлений о роли евреев в революционном движении. Подробные описания «мирного жития» лиц, давно отошедших от движения, или даже революционеров по недоразумению, может быть и помогают автору выполнить эту задачу, но на самом деле они не выясняют, а затемняют суть дела. Дело ведь вовсе не в преувеличении или преуменьшении роли в революционном движении, а в социальном освещении этой роли. Некоторые приведенные в книге факты дают богатейший материал для такого освещения. Так Л. Г. Дейч упоминает, между прочим, об известном уже «скверном анекдоте» из истории «Нар. Воли» — о появлении в 1881 г. одной народовольческой погромно-антисемитской прокламации. Эта прокламация, по его свидетельству, оттолкнула от «Нар. Воли» немало евреев революционеров. Такую же антисемитскую тенденцию, как мы теперь знаем (из мемуаров Герцена), обнаружили и чернопередельческие писатели, и только протест и вмешательство евреев-работников подпольной типографии спасли эту партию от такого же позорного выступления.

В свете этих фактов положение и роль евреев в народническом движении и характер этого движения вырисовываются особенно ярко. Как евреи, они раньше, чем кто-нибудь, должны были выступить против беспринципной политической де-

магогии. Но как народники, они не сумели принципиально отмежеваться от этой демагогии. Доказательство — известное «Чигиринское дело» (попытка Стефановича поднять крестьян именем «батюшки-царя»), в котором, как мы теперь знаем, принял посильное участие сам автор книги и другие его соплеменники.

В современной политической фигуре еврея-народника, таким образом, гораздо нагляднее, чем в русской народнической среде, могли выявиться все противоречия, вся «социалистическая» фальшь народничества и его социальная ограниченность и неустойчивость, как буржуазно-демократического движения. И еврейский и крестьянский вопросы, в которых особенно сгустилось средневековое российское самодержавия, не могли быть не только решены, но даже сколько-нибудь правильно политически поставлены этим движением, и, может быть, ничто так ясно это не обнаружило, как участие в нем евреев.

К сожалению, сам автор, сообщаящий об этих интересных фактах, не пытается делать из них никаких выводов, сводя свою задачу к собиранию материала.

Этот материал все же представляет большой интерес. Особенно интересна автобиография И. Герцова, работавшего в Минской подпольной типографии «Черного Передела» и впервые сообщившего о работе этой типографии (между прочим, о напечатании ею прокламации «Северного Союза русских рабочих»). Но этот интересный документ уже был напечатан в сборнике № 1 гр. «Освоб. Труда».

Отметим, наконец, некоторую несовременность литературного стиля Л. Г. Дейча и его нынешних национальных настроений. Своих (даже современных) соотечественников не-евреев он величает «христианами». «Еврейскую проблему» считает «жгучим вопросом русской действительности не только в прошлом и настоящем, но, наверно, еще и в довольно далеком будущем». Такой трагизм «еврейской проблемы» в настоящем и будущем можно объяснить только тем, что автор, погруженный в свои воспоминания, упорно продолжает жить в прошлом, и нынешней Советской России не замечает.

«Правда» № 41, 19 февраля 1926 г.

ПАМЯТИ «МАХАЕВЩИНЫ»

«Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга».

Ленин, Детская болезнь левизны.

Недавно умерший и мало кому теперь известный Иван-Вацлав Константинович Махайский оставил в нашем рабочем движении довольно глубокую борозду, известную под именем «махаевщины».¹

«Махаевщина» была одной из разновидностей анархизма и, как особое «направление», была оригинальна разве только особенной нелепостью и нескладностью.

Острые своей анархической критики теоретики махаевщины (Махайский и его ученик Лозинский) направляли не столько против капиталистической эксплуатации, сколько против социализма, не столько против буржуазии вообще, сколько против интеллигенции, как представительницы умственного труда а в особенности, против социалистической интеллигенции.

Социализм — это дьявольская выдумка Маркса и прочих интеллигентов, призывающих рабочих к борьбе с абсолютизмом, а затем и к свержению власти буржуазии исключительно в своих собственных, интеллигентских интересах. Современная техника требует высоко квалифицированных, образованных руководителей. Но образование составляет монополию интеллигенции, которая, захватив в свои руки обобществленные средства производства, займет, таким образом, место нынешней буржуазии и создаст для рабочих новое, вечное рабство. Вот и вся нехитрая философия истории махаевщины.

Чего же должны добиваться рабочие для себя? Махаевцы предлагали им бороться исключительно за самые «непосредственные» интересы, за повышение своего дохода, до тех пор, пока этот доход не станет равным доходам «имущих классов» и интеллигенции. При этом рабочим решительно все равно,

¹ В. К. Махайский родился в Пиндове, Келецкой губ., в 1867 г. и начал свою революционную деятельность в Польше. Проведя много лет (с 1892 г.) в тюрьмах, в сибирской ссылке и в эмиграции, он последние годы при советской власти, жил в Москве, работая в ВСНХ техническим редактором «Народного Хозяйства» (позже «Социалистическое Хозяйство»). Умер 19 февраля с. г.

будет ли государство представлять абсолютную монархию, демократическую или социалистическую республику. В последнем случае, т. е. при «господстве интеллигенции», рабочие не должны также заниматься и такими пустяками, как организация производства.

Свои анархические взгляды махаевцы доводили до самого конца, т. е. до крайнего абсурда. Они отрицали не только централизованную социалистическую организацию производства, но даже самую примитивную анархистскую «коммуну». В то же время они не считали нужным и разрушать государство, так как своей «конечной цели», т. е. полного уравниения доходов, хотели достигнуть путем «предъявления требований» к государству.

Анархизм, в' виде бакунизма, пережил у нас, как известно, свой пышный расцвет еще в 70-х годах. Но анархические теории народников-бакунистов вырастали на идеализации мелкого крестьянского хозяйства. Махаевщина, как анархическая разновидность, была особенно вредна и реакционна именно тем, что пыталась привить свои мелкобуржуазные анархические теории пролетариату крупной промышленности, опираясь, конечно, на самые отсталые еще полукрестьянские его слои.

Нетрудно заметить, что исходным пунктом махаевщины был «экономизм», которым были уже заложены основные принципы этой «теории». «Рабочая Мысль» выдвигала исключительно «насушные интересы» рабочего класса, отодвигая в далекое будущее задачи политической борьбы. Махаевцы объявили политическую борьбу вредной и реакционной. «Рабочая Мысль» боролась против «опеки» интеллигенции в рабочих организациях; махаевцы провозгласили социалистическую интеллигенцию будущим эксплуататором рабочего класса.

Махаевщина зародилась в Сибири и более или менее безмятежно прозябала и в других медвежьих углах России. При попытках проникнуть в крупные рабочие центры она потерпела, конечно, неудачу. Вероятно, под влиянием этой неудачи махаевцы договорились до того, что объявили даже и рабочий класс «привилегированным», «реакционным» и потому уже развращенным социалистической пропагандой. Настоящим же «авангардом» они провозгласили безработных, босяков и даже хулиганов.

Несмотря на всю нелепость и явно черносотенный уклон, сближавший их с зубатовцами и независимцами (как известно, также усердно травившими «политиканствующую» интелли-

генцию), махаевщина даже в рабочих центрах пользовалась большой известностью, а иногда и мимолетным успехом. Обыкновенно при зарождении махаевского или даже подобного ему «направления» достаточно было разоблачить махаевщину, как «теорию», окрестить подобное ей течение, как махаевщину, чтобы вбить в него осиновый кол. Открытого боя махаевцы никогда не выдерживали, но, побитые в одном месте, они нередко оказывались героями на час в каком-нибудь другом углу.

В чем же был секрет этой относительной живучести махаевщины и ее хотя бы мимолетных, но довольно длительных успехов? Прежде всего она процветала в годы не революции, а самой злейшей реакции (1908 — 1912) и уже отсюда ясен мародерский характер ее «успеха».

Махаевщина даже в самых отсталых массах была сильна не своею силой, а слабостью рабочей партии, не своей нелепой теорией и программой (в которой отсталая масса разбиралась так же плохо как и в с.-д. программе), а своей критикой других партий и в том числе и критикой с.-д.

И нужно отдать справедливость махаевцам: как демагоги, они сумели нащупать самое больное место наших подпольных организаций. В своей травле социалистической интеллигенции они превосходно использовали те ненормальные отношения в подполье, которые существовали, например, между жестоко «законспирировавшимся», обыкновенно, интеллигентским центром и рабочей периферией. Здесь, кроме таких вполне законных оснований, как необходимость оградить центр от слишком частых провалов, а местами недостаток подготовленных рабочих-центровиков, наживой мародеров-махаевцев были, несомненно, и явные ошибки большевиков. Достаточно вспомнить, как упорно боролся В. И. Ленин за привлечение в комитеты рабочих и как туго подвигалось это дело.

И все-таки от большевизма махаевщина могла поживиться меньше всего и, как уродливость, меньше всего могла его «пополнять». Напротив, как отметил там же В. И. Ленин, — именно беспощадная борьба большевизма с оппортунизмом выбивала почву из-под ног анархизма.

Зато другая оппортунистическая — меньшевистская уродливость не упускала случая воспользоваться мародерскими «успехами» анархических уродцев в своей борьбе с большевиками.

В известном меньшевистском труде «Общественные дви-

жения» и т. д. Б. Горев, рассмотрев анархические течения в России и установив «отраженные влияния» их на с.-д., дал, между прочим, следующую классическую оценку большевизма, как жертвы этих анархических влияний:

«... Сюда же (т. е. к уступкам соц.-демократов большевиков максималистским, т. е. тем же анархическим влияниям. Н. Б.) относится и популярный в одно время (!!) лозунг: «Диктатура пролетариата и крестьянства» (т. III, стр. 534).

Так, анархические бредни, которые в лучшем случае могли быть, как уродливости, хорошим огородным пугалом для меньшевистских воробьев, превращались в трудах меньшевистских теоретиков в самую суть большевизма. В этом-то отраженном влиянии на меньшевизм, конечно, и заключался, может быть, главный «успех» золотушного анархизма в нашем рабочем движении.

«Правда» № 50, 2 марта 1926 г.

СТАТЬИ ИЗ «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

1923 — 1926 ГГ.

ГРУППА «БОРЬБА»

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНИИ ТОВ. СТЕКЛОВА¹

Статья т. Стеклова интересна, как характеристика позиции маленькой литературной группы «Борьба», в которой нашли тихое пристанище несколько т.т., оставшихся в стороне от подлинной, жестокой борьбы течений начала 900-х г.г.,—борьбы, решавшей судьбы нашей еще не сложившейся партии. Читатель без труда разберется в тех невылазных противоречиях, к которым приводила, в эпоху жестоких боев, эта позиция платонического марксизма, «принципиально» одобрявшего ортодоксальную и революционную линию и на практике уклонявшегося от всякой определенной линии, останавливавшегося на перепутьи, замыкавшегося в тесный кружок «чисто-литературной» группы, которую сам автор должен признать «мертворожденной».

Характерно, что сам т. Стеклов, отстаивая в своем повествовании чистоту и ортодоксальность своих взглядов в прошлом, повидимому, и теперь не замечает всей неустойчивости и противоречивости своей принципиальной позиции.

Будучи в ссылке, он с успехом сражается с появившимися там «молодыми» («экономистами»). Для него ясна связь «экономизма» с книгой Бернштейна,² за которую ухватились «молодые». Но перед самым отъездом из ссылки за границу т. Стеклов, прослышавший, что «молодые» появились и там и вступили в оппозицию группе «Осв. Тр.», оказывается не знающим, «в чем, собственно, заключалась сущность этих разногласий». Несмотря на незнание этой сущности, для т. Стеклова «было ясно», что он примкнет там (т. е. за границей) к группе «Осв. Труда».

¹ Статью тов. Стеклова — «В ссылке и в эмиграции» см. в «Пролетарской Революции» № 5 (17), 1923 г. стр. 193 — 250. *Ред.*

² Книга Эдуарда Бернштейна — «Предпосылки социализма». *Ред.*

Наконец, осведомленный за границей самим Г. Плехановым о сущности разногласий, т. Стеклов, несмотря на полное с ним, Плехановым, единомыслие и приятельские отношения... все-таки к плехановцам не примкнул.

То же самое повторяется в отношениях с группой «искровцев», приехавших за границу.¹ Несмотря на «полную солидарность» с этой группой, т. Стеклов уклонился от той огромной творческой работы партийного строительства, которая была предпринята «Искрой». От этой широко задуманной работы он сбежал в кустарную мастерскую своей «Борьбы».

Более характерны для т. Стеклова не столько самые эти колебания, сколько их мотивы. От вступления в плехановскую группу «Социал-Демократ», при расколе Загр. Союза, он уклоняется потому, что в «окружении Плеханова» он находит только юных и слабых членов Союза, прежние же соратники его по группе были уже старыми и больными. За «экономистами» же были прочные связи с российскими организациями, помощь Бунда, «державшего границу».

Защищая соглашение с п. п. эсовцами (в группе «искровцев»), т. Стеклов выставляет, как один из мотивов, то обстоятельство, что польская социал-демократия была в то время в упадке. Словом, принципиальная солидарность с той или иной группой в политической ориентации т. Стеклова стоит совсем не на первом месте.

Тов. Стеклов «до сих пор» недоумевает, почему Ленинская группа предложила ему «быть только ее парижским представителем» (т. е. не ввела его в редакцию). Это «только» и было причиной ухода т. Стеклова из организации «Искры», — причиной, как видим, совсем не принципиального порядка.

Но если тогда, при первом знакомстве с т. Лениным, т. Стеклов мог еще по недоразумению считать свою крайне противоречивую и шаткую позицию «вполне солидарной» со взглядами Ленина, то совершенно непонятно, почему «до сих пор», т. е. после всего того, что написано т. Лениным о кустарничестве и разброде, он так упорно настаивает на своей «полной солидарности» с автором «Что делать?».

Еще больше, чем своей «полной солидарностью» с ред. «Искры», т. Стеклов гордится своими разногласиями с нею (желая, таким образом, быть именинником и на Антона, и на

¹ Летом 1900 г. в Швейцарию прибыли Ленин, Потресов и Засуляч. *Ред.*

Онуфрия). С большим удовлетворением он отмечает свои выступления против «либерального уклона» «Искры» (попытка блока с либералами) и против знаменитых «отрезков» в ее проекте программы.

При том бешеном темпе политической жизни и развития классовой борьбы, который начинается с 900-х г.г., было невероятно трудно, даже невозможно определить и зафиксировать на длительный период очередные задачи партии. Не только практические лозунги, но и программы старели необыкновенно быстро. Если уже первая революция переросла нашу аграрную программу с ее «отрезками», то революция 1917 г. перешагнула через всю нашу старую программу-минимум. «Ошибки» и уклоны были неизбежны. Но они не были страшны тем, кто искал революционную линию не на голых высотах «чисто-литературной» ортодоксии, а в гуще конкретной политической борьбы, в постоянной переоценке соотношения сил; они, эти «ошибки», не помешали (а скорее помогли), начав с попытки блока с либералами против самодержавия, кончить диктатурой пролетариата, а от «отрезков» перейти к декрету о земле. Напротив, самая целомудренная ортодоксия в области голых формул (как это показали особенно 1917-й год и практика первых советов) отлично уживалась с самым безнадежным соглашательством, сводившим на-нет всю чистоту и ортодоксальность взглядов. В этом существенное преимущество «ошибок» старой «Искры» над принципиальной непогрешимостью ее критика.

«Пролетарская Революция» № 5 (17), 1923 г.

О «СОЦИАЛЬНЫХ КОРНЯХ» «ЭКОНОМИЗМА» И МЕНЬШЕВИЗМА.

ПО ПОВОДУ КНИГИ ТОВ. В. АСТРОВА: «ЭКОНОМИСТЫ — ПРЕДТЕЧИ
МЕНЬШЕВИКОВ»

Об этой интересной книге т. Астрова мы даем особую рецензию (см. отд. библиографии).¹ Здесь же мы хотим более подробно остановиться на некоторых необоснованных или просто неверных положениях автора, — тем более, что эти положения уже вызвали спор в печати (см. рецензию на эту

¹ См. стр. 442. Ред.

книжку т. Н. Л-ра в журнале «Под знаменем марксизма» № 6 — 7, 1923 г. и ответ т. Астрова в ноябрьской книжке «Спутник Коммуниста»).

Спор возник о так называемых «социальных корнях» «экономизма» и меньшевизма. Тов. Астров вполне правильно отмечает, что «экономизм», как оппортунистическое течение, мог опираться, с одной стороны, на отсталые полукрестьянские массы рабочих, с другой — на высоко квалифицированную «верхушку» рабочего класса, на его «аристократию». Вместе с т. Астровым мы отвергаем утверждение его критика. т. Н. Л-ра, что «экономизм» не был вовсе отражением полукрестьянских слоев пролетариата, что он *«фактически»* был *настроением целиком и полностью той зародышевой рабочей аристократии и полуаристократии, которая тогда имелась».* («Под знаменем марксизма», № 6 — 7, стр. 290.)

Создавая и проводя в жизнь свою «теорию стадий», свою «тактику — процесс», «экономисты», конечно, имели в виду широкие и отсталые полукрестьянские слои наших рабочих, и в этом смысле на них опирались и их «отражали». Однако же, природу этого влияния и его отличие от влияния «верхушки» т. Астров изображает далеко неудовлетворительно. На стр. 131 своей книжки он пишет: . . . «меньшевизм так же, как и «экономизм», опирается на слои рабочих, близких к мелкой буржуазии, питается *мелкобуржуазными* настроениями в рабочей среде. Два основных типа рабочих, связанных с мелкобуржуазной средой — вчерашний крестьянин и лучше оплачиваемая верхушка пролетариата, в общем и целом, остаются и впредь базисом меньшевистского влияния. В той или иной степени меняется лишь соотношение между ними. В то время как «рабочая аристократия» в лице печатников или «госзнаковцев», а затем и примкнувших к рабочему движению служащих разного рода, составляет более или менее *постоянный* оплот меньшевизма и революционизируется даже при обострении классовой борьбы довольно туго, широкая масса вчерашних крестьян легко поддается резким колебаниям влево. Если первая группа отражает в себе неподвижность и *консервативность* городского мещанина (городской мелкий буржуа часто также выступает за меньшевиков), то вторая — *неустойчивость* разоряющейся деревенской бедноты, мелкобуржуазные иллюзии которой рассеиваются так же скоро и неизбежно, как неизбежно ее превращение в чистый пролетариат».

Начнем с «широкой массы вчерашних крестьян». Мы уже сказали выше, что эта масса оказала несомненное влияние на «тактику — процесс» наших экономистов именно своей отсталостью. Однако, ведь отсталость может только задерживать движение, но еще не определяет его направления. Тов. Астров правильно указывает, как на характерный классовый признак этого слоя (поскольку он не порвал связи с крестьянством), на его неустойчивость, на его колебания влево (нужно только прибавить — и вправо. Ходатайства по начальству, 9 января, кронштадтское восстание и т. п. характерны для этого слоя так же, как и разнос фабрик, расправа с фабричным начальством и пр.). Политически этот мелкобуржуазный характер полукрестьянской массы у нас, как и на Западе, выражался *анархическим* уклоном в рабочем движении. В эпоху I Интернационала мелкобуржуазный состав рабочей массы определял даже не уклон, а преобладающее направление в международном рабочем движении (кроме английского). Но «экономизм», так же, как и меньшевизм, был законным детищем II Интернационала, уже в самом начале своего существования успешно закончившего борьбу с анархическими поползновениями. И самый строгий критик «экономизма» не только не найдет в нем этого анархического уклона, но даже должен будет признать, что он, «экономизм», этому уклону, в меру своего разума, противодействовал. Но, борясь против отсталых форм движения полукрестьянских масс, «экономизм» не хотел видеть его революционного содержания и нередко глушил революционные порывы этих масс водой либерального филистерства. Для «экономизма» характерно здесь не столько то, что он отражал (по-своему) мелкобуржуазную стихию, сколько то, что он совсем не отразил, не выявил, не учел революционного значения полукрестьянских масс и уже совершенно игнорировал крестьянские массы, как революционную силу при условиях царизма, в обстановке неразрешенных задач буржуазной революции. Революционный блок пролетариата с деревенской беднотой был выдвинут и четко обоснован уже в борьбе с меньшевиками, в противовес их упорному тяготению к блоку с либералами. Однако же эта основная тактическая линия большевизма намечается уже в борьбе с «экономистами», в статьях т. Ленина в «Искре» и «Заре» — в обоснование проекта аграрной программы с.-д. и, особенно, в его брошюре «К деревенской бедноте» (апрель 1903 г., т. е. до 2-го Съезда).

Существенно иным было влияние на «экономизм» «верхушки» рабочего класса. В приведенной цитате т. Астров нащупывает эту разницу (неустойчивость и колебания полукрестьянских масс и консерватизм «верхушки»). Но, различая эти две разнородные группы рабочих, он, как в приведенной выше цитате, так и во многих других местах своей книжки, совершенно неосновательно сваливает обе эти группы в одну общую «мелкобуржуазную» кучу, повторяя при этом широко распространенную ошибку.

Под мелкой буржуазией нужно прежде всего разуместь мелкого собственника, мелкого производителя. Полукрестьянские рабочие массы подходят под это понятие (да и то лишь крестьянской стороной своего двуединого классового бытия). Но говорить о «мелкобуржуазности» высококвалифицированного, обыкновенно «потомственного» пролетария крупного капиталистического предприятия можно только по недоразумению, только судя по «одежке» и т. п. внешним признакам, ничего общего не имеющим с его производственной ролью, с его классовыми интересами.

«Аристократические» интересы «верхушки» в важнейших вопросах экономической жизни (колониальная политика, покровительственные пошлины, государственные заказы и пр.) всегда связывались с интересами не мелкой, а крупной буржуазии.

Если полукрестьянские рабочие массы обнаруживали анархический уклон, то «верхушка» была проводником другого антипролетарского уклона, уклона либерального. «Экономизм», поскольку он опирался на «рабочую аристократию», был выражением именно этого либерального уклона. Даже самое воздержание «экономистов» от «политики» было не чем иным, как определенной политикой в интересах либеральной буржуазии, как это откровенно разболтали авторы «Credo».

Как проводник буржуазного влияния в рабочем движении, «экономизм» был также плотью от плоти II Интернационала. Успешно преодолев анархические поползновения, прочно поставив рабочее движение на рельсы организованной политической борьбы, этот Интернационал, как известно, основательно увяз в либеральной политике. Разумеется, что социальной базой этого либерального уклона II Интернационала была совсем не мелкая буржуазия.

Самым классическим образцом «верхушечного», либерального уклона в рабочем движении был английский «экономизм»

(трэд-юнионизм середины XIX в.). Его «социальным корнем» была не тонкая прослойка «рабочей аристократии», а весь английский рабочий класс. Но в виду особого, монопольного положения промышленного капитала Англии ее рабочий класс можно целиком приравнять к «верхушке» международного пролетариата.

В одном из своих писем к Марксу (1858 г.) Ф. Энгельс, удрученный этим длительным и прочным антипролетарским уклоном английского рабочего движения, писал: «Мне думается, что новый поворот Джонсона (вождя чартистов. Н. Б.) ... стоит в связи с тем, что английский пролетариат становится фактически все больше и больше буржуазным, так что эта самая буржуазная из всех наций, видимо, хочет добиться, чтобы рядом с буржуазией была бы буржуазная аристократия и буржуазный пролетариат. Нация, эксплуатирующая весь мир, имеет вполне законное основание этого желать». Энгельс видит таким образом в английском «экономизме» влияние не мелкой, а крупной буржуазии, той буржуазии, которая «эксплуатирует весь мир». Русский «экономизм» испытал и другие влияния, но, поскольку дело идет о его «верхушечном» корне, он также отнюдь не мелкобуржуазного свойства.

«Пролетарская Революция» № 2 (25), 1924 г.

О ВЛИЯНИИ МЕЛКОЙ И КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ НА РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

ОТВЕТ ТОВ. ЛЕЛЕВИЧУ ¹

I. НЕ СТОЛЬКО О «КОРНЯХ», СКОЛЬКО О СХОЛАСТИКАХ

Выступив на защиту «обычного марксистского взгляда», как единомышленник тов. Астрова, тов. Лелевич дал типичный образец весьма распространенных, «обычных», но совсем не марксистских суждений об оппортунизме в рабочем движении. В самом деле: ряд отдельных положений о «социальных корнях» «экономизма» и меньшевизма, о либерально-буржуазном уклоне I Интернационала и мелкобуржуазном — II, тов.

¹ Статья т. Лелевича «Еще о «социальных корнях «экономизма» и меньшевизма» напечатана в «Пролетарской Революции» № 5 (28), 1924 г., стр. 121 — 127. Ред.

Лелевич ухитрился свести к схоластическому вопросу: что есть оппортунизм?

Такой постановке вопроса у тов. Лелевича соответствует и его «метод исследования». Желая во что бы то ни стало установить «мелкобуржуазность» оппортунизма, с которой я, по его мнению, «не согласен», он усердно и обстоятельно выпи-сывает цитаты из Ленина (томы и страницы точно указаны), где Ленин называет оппортунизм мелкобуржуазным, причем он, тов. Лелевич, совершенно обходит или запутывает выдви-гаемый мною вопрос о том, в чем выражается влияние мел-кой и крупной буржуазии — и не на «оппортунизм вообще», а на различные непролетарские уклоны в рабочем движении в разное время и при различных обстоятельствах.

Возражая против «обычных» взглядов, я говорил, что вы-сококвалифицированного «потомственного» пролетария круп-ного промышленного предприятия нельзя валить в одну «мелкобуржуазную» кучу с полукрестьянской массой и что «ари-стократические» интересы «верхушки» в важнейших вопросах экономической жизни (колониальная политика и пр.) всегда связывались с интересами крупной, а не мелкой буржуазии.

А тов. Лелевич в защиту «обычных» взглядов дает нам следующие образчики схоластики:

1) Квалифицированного и т. д. пролетария нельзя называть мелким буржуа в точном смысле (значит, можно назвать в не-точном смысле? в каком?), но еще меньше его можно назвать капиталистом, и следовательно (!) этот довод (какой довод?) не выдерживает критики.

Итак, запомним: пролетарий есть пролетарий, но отнюдь не капиталист, и его только иногда (когда понадобится тов. Лелевичу) можно назвать мелким буржуа, да и то только в неточном смысле.

2) ... «мелкобуржуазный слой рабочих, смыкая свои ряды с мещанством, тем самым связывает свою судьбу с круп-ной буржуазией».

Казалось бы, что если исходным пунктом берется «мелко-буржуазный слой рабочих», то его «мелкобуржуазность» уже достаточно обличена и для доказательства «обычного» взгляда вовсе и не нужно «смыкать» его еще с мелкой буржуазией. Если эта схоластика чем-нибудь отличается от средневековой, то только недостатком логики!

Обратимся теперь к аргументам «от Ленина». В подтвер-ждение своих схоластических рассуждений тов. Лелевич по-

чему-то нашел нужным привести следующие слова Ленина о мелкой буржуазии: «... живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле места в общественном производстве), и в образе мыслей она идет за буржуазией». Казалось бы, что эти слова Ленина только подтверждают («с другого бока») то мое «необычное», по мнению тов. Лелевича, положение, что пролетария, да еще «потомственного» и т. д., нельзя валить в одну кучу с мелкой буржуазией, если судить по его «месту в общественном производстве» (или, как у меня сказано, по его «производственной роли»).

Так же мало убедительны и все многочисленные цитаты из Ленина, где оппортунизм называется мелкобуржуазным. Если тов. Лелевич, приписывая мне «отрицание» «мелкобуржуазности оппортунизма» хочет этим сказать, что я отрицаю какую бы то ни было роль мелкой буржуазии в рабочем движении, то он, конечно, взводит на меня сущую напраслину, так как *ничего подобного* из моей статьи вычитать нельзя. В этой статье я подчеркивал необходимость отличать либерально-буржуазный уклон «экономизма» и II Интернационала¹ от мелко-буржуазного уклона I Интернационала. Если в этом утверждении усмотрел тов. Лелевич отрицание мелкобуржуазности оппортунизма, то такой вывод можно объяснить только весьма распространенной привычкой просто отождествлять оппортунизм с мелкобуржуазностью, употребляя это последнее выражение не только в «неточном» смысле, но просто, как ходячее ругательное слово, совершенно оторванное от его содержания.²

¹ Под «социальной базой» этого уклона я разумел не попутчиков, берлинских трактирщиков и т. п., как понимает, повидимому, тов. Л., а известную социальную группировку внутри рабочего класса, т. е. «рабочую аристократию». Подробнее об этом ниже.

² Как пример того, до какой степени «неточно» восстанавливается забытое содержание этого ходячего ругательного слова, приведем следующее место из только что вышедших «Очерков по истории РКП» тов. В. И. Невского:

«... буржуазия, как общее правило, не работает, а получает прибыль угнетением трудящихся; средняя и мелкая буржуазия работает, но работа ее легкая, она заключается в помощи крупному буржуа, в помощи угнетать и обирать рабочего, получая награду от капитала» и т. д. (курсив мой). «Очерки», стр. 24. Мы раньше думали, что крестьянин, ремесленник, кустарь, в качестве «хозяина предприятия» нередко работает как каторжный, часов по 18, и что он сам подвергается жесточайшей эксплуатации крупного капитала. Теперь же оказывается, что «работа его легкая», что он должен всего-то навсего только помогать буржуазии (не работать).

Итак, отмечая либерально-буржуазный уклон во II Интернационале в отличие от мелкобуржуазного уклона в I, я вовсе не игнорирую той роли, какую играла мелкая буржуазия в рабочем движении, а напротив подчеркиваю, что эта роль (как и роль крупной буржуазии) существенно изменялась в разное время, а не выяснив этой разницы, мы с тов. Лелевичем не имеем никакого права толковать ни о мелкобуржуазности оппортунизма, ни о его буржуазности. Попытаюсь подробнее развить мое «странное» утверждение.

II. РОЛЬ МЕЛКОЙ И КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Посмотрим, в чем заключается «мелкобуржуазность» оппортунизма «по Ленину». Как в приведенных, так и в не приведенных тов. Лелевичем местах Ленин, многократно именуя меньшевиков, Керенских, Каутских и пр. мелкими буржуа, считает их в то же время проводниками либерально-буржуазных влияний, агентами буржуазии, на деле подчиняющими пролетариат буржуазному либерализму. Роль мелкой буржуазии в рабочем движении, конечно, не подлежит никакому сомнению. Но всегда ли ограничивалась эта роль такими скромными задачами, всегда ли мелкие буржуа были только проводниками либерально-буржуазных влияний?

Бакунизм, бланкизм, прудонизм, мютюелизм¹ и прочие течения в I Интернационале были выражением стремлений мелкобуржуазных элементов тех отсталых стран, где мелкое производство если не господствовало безраздельно, то, по крайней мере, оспаривало свое господство у крупного промышленного капитала. Все «революционные» требования и все «положительные» реформы этих мелкобуржуазных элементов (в роде ссудного банка для мелких производителей) сводились в общем к тому, чтобы загородить дорогу крупному капиталистическому производству, утвердить и увековечить мелкое производство с его мещанским укладом общественной жизни. Впрочем, такой же по существу уклон национальной политики, если не в столь «революционной» форме, мы замечаем даже в современных отсталых крестьянских странах.

¹ Мютюелизм или мутуализм — социальное учение Прудона о мирной социальной революции при посредстве особой системы безвозмездного кредита. *Ред.*

Таким образом роль мелкой буржуазии в рабочем движении далеко не всегда была такою, какой определяет ее Ленин, говоря об эпохе господства крупного капитала. В золотой век своего существования она была проводником не либерально-буржуазных, а своих собственных, мелкобуржуазных влияний, она на деле стремилась подчинить пролетариат интересам и идеалам не крупной, а мелкой буржуазии.

Эта реакционная роль мелкой буржуазии выражалась не только в ее влиянии на рабочее движение, но и в ее борьбе против крупной промышленности и крупной буржуазии. Отмежевание от мелкобуржуазной идеологии составляло главную задачу революционного марксизма в эпоху I Интернационала, причем марксисты нередко в своей практической политике оказывали поддержку буржуазному либерализму против апостолов мещанства, разоблачая их реакционные поползновения под революционной фразеологией.

Как известно, этой задачи — отмежевания от мелкобуржуазных, анархических течений в рабочем движении — I Интернационалу завершить не удалось, но она вполне успешно была осуществлена II Интернационалом, уже в самом начале его существования прочно поставившим рабочее движение на путь организованной политической борьбы. Это было большим шагом вперед в международном рабочем движении, в этом крупная *положительная роль* II Интернационала, которую мы не должны забывать не только при его исторической оценке вообще, но и в частности, при рассмотрении причин его упадка, при изучении «корней» его оппортунизма.

Простая ссылка на «мелкобуржуазность» этих «корней» нас уже потому не может удовлетворить, что, как мы только что отметили, именно II Интернационалу удалось то, с чем не мог справиться I Интернационал — решительно отмежеваться от мелкобуржуазных анархических течений.

Объективно этот успех II Интернационала выражал полную победу крупного капитала над мелким на континенте Европы. Но это уже победоносное шествие крупного капитала, ускорившее успешное разрешение главной задачи I Интернационала, таило в себе новые испытания, подготовляло и обуславливало новый непролетарский уклон в рабочем движении. С началом господства крупного промышленного капитала резко изменяется классовое соотношение сил крупной и мелкой буржуазии, а вместе с тем должны измениться роль

и значение мелкобуржуазных и буржуазных влияний на рабочее движение.

Именно теперь мелкобуржуазные идеологи играют роль не столько апостолов самостоятельных идеалов мелкой буржуазии, сколько проводников либерально-буржуазных влияний на рабочее движение. С другой стороны, поскольку крупный капитал изживает свое прогрессивное значение в экономической жизни, поскольку он все больше втягивается в хищническую колониальную и захватническую политику, постольку либерально-буржуазные влияния превращаются в реакционно-буржуазные. Эти новые обстоятельства эпохи II Интернационала, ставя перед рабочим движением новые задачи, обуславливали иную группировку внутри самого рабочего класса.

Если раньше разделение рабочего класса (в отношении его способности и воли к борьбе) шло по линии его «организованности и сознательности», то теперь это разделение идет более глубоко, по линии «аристократии» и «демократии».

Если раньше мелкобуржуазный и главным образом анархический уклон объяснялся недостатком организованности и пролетарского сознания даже у передовых слоев рабочих, то новый оппортунистический уклон во II Интернационале обуславливается особым характером «организованности и сознательности»... верхушки рабочего класса. Мощные (особенно своими кассами) профессиональные, а частью и политические, организации становятся достоянием, главным образом, рабочей аристократии, давая ей могучее орудие подчинения себе всей прочей распыленной рабочей массы, а новый оппортунистический уклон этих организаций объясняется не недостатком «сознательности», а сознательными уступками его аристократии — и не мелкобуржуазным, а либерально-буржуазным влияниям (кто бы ни был проводником этих влияний). С полным расцветом империализма, когда либерально-буржуазные влияния превращаются в реакционно-либеральные, «оппортунизм» выступает уже «социал-предательством».

Таким образом, выясняя «классовую природу оппортунизма», тов. Лелевич меньше всего близок к правильному пониманию этой природы, когда толкует о «мелкобуржуазном слое рабочих» и о «мелкобуржуазной природе» «рабочей аристократии». Не только в смысле места в общественном производстве, но и в смысле «близости к мелкой буржуазии» (формулировка в книжке Астрова) эта аристократия меньше

всего «мелкобуржуазна» в сравнении со всей прочей рабочей массой (особенно, с «полукрестьянскими рабочими массами», не изжившими мелкобуржуазных предрассудков).

Поэтому в своих собственных цитатах из Ленина тов. Лелевич мог бы заметить, что Ленин говорит не о «мелкобуржуазных», а о «верхних слоях» пролетариата.

Совершенно неправильно понимает тов. Лелевич и роль самой мелкой буржуазии в классовой борьбе. Как класс более разношерстный и наименее устойчивый, мелкая буржуазия еще более, чем пролетариат, подвержена внутренним группировкам и, несомненно, имеет свою аристократию и свою демократию, наиболее страдающую от капиталистической эксплуатации вообще и от империалистического разбоя в особенности. Если крупная буржуазия в империалистический период все более превращается из либеральной в реакционную, то низшие, беднейшие слои мелкой буржуазии, в особенности крестьянства, несомненно, все более решительно должны переходить на сторону пролетариата. Ведь известно же тов. Лелевичу, что основная тактическая линия Октябрьской революции (и III Интернационала) и заключается в теснейшем блоке пролетариата и крестьянства, т. е., главным образом, с мелкой буржуазией (в то время как в эпоху I Интернационала вполне правильной тактикой революционного марксизма могла быть поддержка крупной либеральной буржуазии против весьма «левых», но реакционных мелкобуржуазных элементов). Между тем, тов. Лелевич неизменно толкует о «заинтересованности рабочей аристократии и мелкой буржуазии» и об их союзе, как основе оппортунизма, совершенно не замечая опять-таки в своих собственных цитатах из Ленина, что там говорится в связи с основой оппортунизма только об «известных слоях мелкой буржуазии» или о «верхних слоях мещанства».

III. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК «ФАКТОР» ОПОРТУНИЗМА

Особенную «неверность моих взглядов» тов. Лелевич видит в том, что я не коснулся «такого важного фактора оппортунизма, каким является мелкобуржуазная интеллигенция в рабочем движении». И дальше, «без всякого труда», парой цитат, он устанавливает «мелкобуржуазный характер» «мелкобуржуазной интеллигенции».

Если объяснять оппортунизм мелкобуржуазностью — значит ничего не объяснять, то говорить об интеллигенции, как

об особом «факторе» оппортунизма и рабочего движения без всякой связи с динамикой классовой борьбы, как это делает тов. Лелевич, — значит безнадежно сбиваться с марксистской точки зрения на эс-эровскую. В самом деле, для эс-эров интеллигенция (на ряду с рабочими и крестьянством) была самостоятельным носителем социализма, особым «фактором» социалистического движения.

У тов. Лелевича разница с эс-эрами только в том, что эта интеллигенция, как особый «фактор» рабочего движения, является постоянным и неизменным врагом-соблазнителем рабочего класса, сбивающим его на путь оппортунизма.

Из истории нашего русского рабочего движения мы знаем, что даже народническая интеллигенция сыграла немалую революционную роль в этом движении, что при всей своей мелкобуржуазности она способствовала пробуждению классового сознания рабочих. О громадной революционной роли марксистской интеллигенции и говорить не приходится. Тов. Лелевич, так усердно цитирующий Ленина, напрасно не вспомнил о том, наделавшем в свое время много шума, «необычном» положении Ленина, что и самый социализм-то привносится в рабочее движение «извне», т. е. из той же мелкобуржуазной и даже буржуазной интеллигенции.

Это, конечно, не исключает того обстоятельства, что в известный момент и при известных условиях та же интеллигенция в общем становится оппортунистической, служит проводником буржуазных влияний. Но историк-марксист и должен здесь проследить, когда и при каких именно условиях борьбы самого рабочего класса та же самая интеллигенция превращается из «революционной бациллы» в «образованную слякоть» (как говорил Энгельс) или в «чуждый элемент» (как говорят сейчас у нас).

В доказательство важности названного «фактора» тов. Лелевич, злоупотребив лишний раз сочинениями Ленина, цитирует:

«Не слышал ли Б. Кричевский о том, уже подмеченном, факте», что именно широкое участие в социалистическом движении *последних лет* слоя «академиков» обеспечило такое *быстрое* распространение бернштейнианства? (Курсив мой.) Тов. Лелевич не замечает, что быстрота распространения оппортунизма в определенное время еще ничего не говорит о причинах его появления и успеха и что Ленин и здесь вовсе не склонен считать «академиков» каким-то самостоятельным

«фактором» оппортунизма. Напротив, по случаю этой цитаты, мы должны задать вопрос тов. Лелевичу:

Не слышал ли тов. Лелевич о том, уже давно известном, факте, что само-то бернштейнианство было попыткой подвести соответствующую теорию под уже определившуюся оппортунистическую практику в германском рабочем движении? Напомним только мудрый совет И. Ауэра (кстати, не «академика», а рабочего) Эд. Бернштейну по поводу разгоревшихся в связи с «бернштейниадой» споров: «Милый Эдде, ты осел. Об этом не говорят, это делают».

«Пролетарская Революция» № 6 (29), 1924 г.

О НАСЛЕДСТВЕ «РУССКИХ ЯКОБИНЦЕВ»

25-летний юбилей нашей партии оставил по себе след в виде ряда статей, посвященных происхождению большевизма, изысканию его «праотцев» в истории нашего революционного движения. Переоценка старого революционного движения на основе нового революционного опыта — явление вполне законное и желательное. Но беда в том, что беглый взгляд на пройденный путь с высоты занятых позиций (с «высокой горы», как выразился тов. Ленин в «Заметках публициста») нередко приводит к поверхностным аналогиям, жестоко искажая историческую перспективу. При этом «праотцы», подвергнутые повторному, весьма одностороннему пересмотру «с пристрастием», если не прямо уличаются в «большевизме», то, по меньшей мере, заподозриваются в «большевистских» повадках и поползновениях, как ближайшие предшественники современных большевиков. Образцом такой исторической напраслины может служить помещенная в № 6 — 7 (18 — 19) «Пролетарской Революции» статья С. И. Мицкевича: «Русские якобинцы».¹

«Как современны и близки нам взгляды Ткачева!» — восклицает тов. Мицкевич, поддаваясь обману зрения «с высокой горы». Из обширных цитат и рассуждений тов. Мицкевича в названной статье мы убеждаемся, что, доказывая

¹ Цитируя ниже эту статью, я указываю только страницы, не повторяя заглавия.

«близость» и «современность» взглядов «русских якобинцев», автор имеет в виду не только их якобинство, как организационный принцип, но прежде всего их взгляды, как взгляды русских якобинцев, их «философию истории». Так, в прокламации «Молодой России» (написанной Зайчневским) он находит «идеи Октябрьской революции» (стр. 8). Русских якобинцев он называет «провидцами будущего хода русской революции»: ... «они (якобинцы) сумели так гениально предсказать потому, что верно поняли те особенности русской истории, которые обусловили ход русской революции» и т. д. (стр. 25).

Указание тов. Мицкевича на гениальное понимание Ткачевым особенности русской истории кажется нам большой и интересной новостью после знаменитого открытого письма его (Ткачева) к Ф. Энгельсу и после той убийственной критики ткачевского «большевизма», которую дал Энгельс в своем ответе и которая легла в основу взглядов первых русских марксистов.

«У вас государство — действительная, а не кажущаяся только сила. У нас — как раз наоборот. У вас есть фабрики и заводы, а у нас есть... лапти. Наш народ — коммунист по традиции» — так поучал Ф. Энгельса наш русский якобинец Петр Никитич Ткачев. Стоит только вспомнить эту гнилую славянофильскую философию «особенностей» наших старых якобинцев (вполне совпадавшую, впрочем, с философией русских анархистов), чтобы оценить всю «гениальность» их предсказаний хода русской революции, всю «близость» их к большевизму, под которым мы привыкли понимать прежде всего марксизм.

Тов. Мицкевич не мог обойти молчанием этой весьма известной полемики с Энгельсом. Но замечательно, что он вспомнил о ней для того, чтобы и здесь взять под защиту русского якобинца и ввести существенную поправку к критике его взглядов, данной Энгельсом. Оказывается, что «была известная доля истины и в утверждении Ткачева, что правительство русское «висит в воздухе», в том смысле, что оно не поддерживалось множеством самостоятельных организаций крупной и мелкой буржуазии, как европейские буржуазные правительства» (стр. 16).

Таким образом, висевшие до сих пор в воздухе теории нашего отечественного якобинца обретают теперь твердую почву, в то время как бедный Энгельс, побитый аргументами «от

лаптя», перемещается в воздушное пространство. Тов. Мицкевич упустил, однако, одну мелочь: Ткачев говорил не о правительстве, а о государстве, «висящем в воздухе», не имеющем ничего общего с «существующим общественным строем» и пр. Именно против этого, по существу анархического взгляда «русского «якобинца» была направлена, главным образом, критика Энгельса.¹ Что же касается тогдашнего царского правительства, то Энгельс совсем не был склонен пророчить ему долговечность, когда он в том же ответе Ткачеву писал: «Нет сомнения, что Россия накануне революции».²

«Конечно, Ткачев, с нашей точки зрения, был утопистом» — говорит тов. Мицкевич, упорно не желая признать мелкобуржуазного характера ткачевских утопий, с нашей точки зрения. Но факт все-таки неопровержим — русская революция произошла в значительной степени по Ткачеву: путем захвата власти в заранее назначенный срок (25 октября), и партия, захватившая власть, «действует во многом по методу, который рекомендовал Ткачев» (стр. 16).

Остановимся прежде всего на «заранее назначенном сроке». Как известно, бланкистский «метод» назначения сроков заключался в том, что бланкист считал благоприятным для революции всякий момент, кроме момента, действительно благоприятного для революции. Как типичный бланкист, Ткачев развивал этот «метод» весьма обстоятельно: «Стоит только пробудить одновременно во многих местах накопившееся чувство раздражения и недовольства, которое ... вечно клокочет в груди русского народа...» и тогда «само собой...» и т. д. Известно также, что лозунгом, издававшегося под его редакцией «Набата», был истерический вопль: «Теперь, или очень поздно, быть может, никогда!» Не показывает ли «срок» Октябрьской революции, что она была прямым издевательством над бланкистскими методами назначения сроков не только тогда, когда она не наступала, но и тогда, когда наступила? В самом деле, когда пробил час этой революции, то именно этот момент оказался «неблагоприятным» для той породы мелкобуржуазных социалистов, которая с большим правом, чем тов. Мицкевич, может считать себя преемником ткачевских «методов».

¹ См., напр., Фр. Энгельс. Статьи 1871 — 1875 г.г., стр. 53 и др., изд. «Знание». 1906 г.

² См. там же, стр. 62.

Но обратимся к самому главному методу бланкизма, к захвату власти.

По Ткачеву, власть захватить должны... «люди передового меньшинства, революционеры, воплощающие в себе лучшие умственные и нравственные силы общества».¹ В доказательство сходства этого бланкистского метода Ткачева с методом Октябрьской революции тов. Мицкевич сопоставляет следующие рассуждения Ткачева и Ленина о двух (далеко не однородных) вещах в связи с государственным переворотом: о пропаганде и о привлечении на сторону пролетариата непролетарских слоев.

... «Не она (пропаганда. Н. Б.) должна предшествовать насильственному перевороту, а, наоборот, насильственный переворот должен ей предшествовать» — так говорил Ткачев.

А вот что пишет (совсем почти по Ткачеву!) Ленин:

... «Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию..., тогда пролетариат, одержавший победу, сможет привлечь на свою сторону поддержку большинства трудящихся, непролетарских масс, удовлетворяя их за счет эксплуататоров».²

Не правда ли, какое разительное сходство? Диктатура класса и диктатура горсти «критически мыслящих личностей». Несколько десятилетий пропаганды в рабочем классе до переворота и для переворота и переворот для социалистической пропаганды (если не говорить уже о самом содержании этой пропаганды, которая у Ткачева сводится к «поднятию уровня его (народа) нравственных идеалов»).

Но даже после многолетней пропаганды, в бурный 17-й год, когда рабочий класс ближе, чем когда-либо подошел к государственной власти, — какие методы борьбы проповедует Ленин?

«Пока мы в меньшинстве (в Советах Раб. Деп. Н. Б.), мы ведем работу критики и выяснения ошибок».

... «Надо особенно настойчиво, обстоятельно, терпеливо разъяснять... им их (оборонческую. Н. Б.) ошибку»... и т. д. (Письма о тактике.)

Но чтобы покончить с бланкизмом, как с методом Октябрьской революции, дадим заключительное слово Ленину.

«Кто желает думать и учиться, тот не может не понять,

¹ Цитирую по ст. т. М — ча, стр. 13.

² Цитирую сокращенно по ст. Мицкевича, стр. 14.

что бланкизм есть захват власти меньшинством, а Советы Рабочих и т. д. Депутатов заведомо есть прямая и непосредственная организация большинства народа. Работа, сведенная к борьбе за влияние внутри таких Советов, не может, прямо-таки, не может сбиться в болото бланкизма». (Письма о тактике.)

Гораздо более «гениальными» могут показаться приводимые тов. Мицкевичем пророчества русского якобинца о характере диктатуры пролетариата после переворота, о нынешнем советском строе. Приведем один из наиболее ярких примеров: «Все усилия современного цивилизованного человечества должны быть направлены к возможно большему уменьшению числа тунеядцев, к отнятию у них всяких прав, всякого общественного значения. Работники, действительно, должны сделаться единственным центром социального порядка: кроме них, никто не должен быть терпим в обществе; им принадлежат все права, и, кроме них, никто не может иметь никаких прав, никакого значения. . .», и далее в том же роде (стр. 11).

Приведя эту выдержку из соч. Ткачева по книжке Б. Козьмина, тов. Мицкевич находит «вполне правильным» и умозаключение этого автора: «Все эти... рассуждения Ткачева дают яркий образец того, насколько его идеи близки к нашей современности; не называя диктатуры пролетариата своим именем, Ткачев все время говорит о ней».

Диктатура вообще, диктатура класса, как проявление революционного (или реакционного) максимализма, не представляла и во времена Ткачева ничего нового в истории, и, чтобы говорить о ней, вовсе не нужно было быть пророком. Но чтобы открыть, что ткачевская диктатура, как результат усилий «современного цивилизованного человечества», похожа на диктатуру пролетариата, — для этого нужно особое вдохновение...

Насколько трудно понять (не сбиваясь на эс-эровское понятие «трудящихся») эту «диктатуру пролетариата» Ткачева, можно судить из слов самого тов. Мицкевича: «Беда русских якобинцев была в том, что они не усмотрели русского рабочего класса (который тогда только еще нарождался), его революционной роли и не могли с ним связаться» (стр. 25).

В другом месте (стр. 16) тов. Мицкевич говорит, что Ткачев «не дооценивал роли русского рабочего класса в революции», — и мы получаем, таким образом, полную картину ткачевских взглядов на ход русской революции (по Мицкевичу): не дооценивая роль русского рабочего класса, Ткачев отрицал

его существование в природе, что, однако, не мешало ему говорить о «диктатуре пролетариата». Эти противоречия, однако, исчезнут, если мы под революционной словесностью прощупаем классовое содержание ткачевских взглядов.

Что ткачевская «диктатура пролетариата» менее всего была бы страшна буржуазии, это ясно уже из того, что она, как мы видели, должна осуществиться усилиями «современного цивилизованного человечества». По Ткачеву, это — «люди, воплощающие в себе лучшие умственные и нравственные силы общества». Каков может быть действительный классовый состав этой идеальной группы? Мы едва ли сильно ошибемся, если расшифруем эту туманную романтическую формулу «лучших людей» при помощи прокламации 60-х годов «К молодому поколению». Здесь также говорится об «аристократии мысли», в произведениях которой «высказываются гений и все способности народа». И вот, к этой «аристократии мысли» прокламация причисляет литераторов, поэтов, ученых, художников, фабрикантов.¹

Революционная поэзия Ткачева, расшифрованная его современниками и единомышленниками, должна предстать перед рабочими, как самая скверная проза. Все то, что при бенгальском освещении тов. Мицкевича казалось красным, оказывается белым при обыкновенном дневном свете.

Как особенно убедительное доказательство близости русских якобинцев к большевизму тов. Мицкевич приводит следующие слова Ленина: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это, и есть революционный социал-демократ-большевик». (Из брошюры «Шаг вперед».)

Кому известно содержание названной брошюры (разбившей организационные разногласия с меньшевиками на 2 съезде), тому ясно, что под «якобинством» здесь разумеется организационный, централистический принцип, выдвигавшийся большевиками против организационного индивидуализма и анархизма меньшевиков. Но даже и в организационном отношении здесь вовсе не имеются в виду специально «русские» якобинцы. Что же касается всего идейного содержания якобинства-большевизма, то оно вполне ясно определяется его «связанностью с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы».

¹ См. брошюру М. С. Ольминского «Из прошлого», стр. 39.

Для тов. Мицкевича близость русских якобинцев в этом определении большевизма, данном Лениным, не подлежит никакому сомнению. Нам же кажется, что именно эта формулировка Ленина, при выяснении природы «русских якобинцев» (а не русских большевиков), прямо-таки подталкивает поставить вопрос: что же представляет собою якобинец, не связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы? И только в связи с этим вопросом мы можем определить, в чем заключается наша действительная преемственная связь с «русскими якобинцами».

Образование партии «Народная Воля» из бывших бунтарей-землевольтеров означало (с точки зрения нынешней пролетарской партии) не что иное, как скачок от анархизма к либерализму. Оба эти течения по своему классовому содержанию одинаково чужды современному пролетарскому коммунистическому движению. Но в истории русского революционного движения этот скачок был огромным шагом вперед, поскольку он означал переход от пропаганды мелкобуржуазных социалистических утопий к действительной политической борьбе против царизма. Именно по этой причине так горячо приветствовали «Народную Волю» Маркс и Энгельс.

Немалая заслуга в этом успехе революционного движения (как это правильно отмечает тов. Мицкевич) принадлежит «русским якобинцам», в частности П. Н. Ткачеву, который неустанно боролся с анархическими методами борьбы русских революционеров и с полным правом гордился тем, что образование партии «Народная Воля» было в значительной степени осуществлением его якобинских принципов.

Этих заслуг народовольцев, «русских якобинцев» (так же, как и более ранних поколений революционеров) и этой преемственной связи с ними в борьбе с царизмом русские революционные марксисты никогда не забывали. Достаточно вспомнить, что «Искра» избрала своим боевым девизом стих декабриста: «Из искры возгорится пламя». Но это не мешало той же «Искре» с первых же номеров вести отчаянную борьбу против эс-эров, как преемников ткачевского, мелкобуржуазного социализма. Эти позднейшие преемники «русских якобинцев» своей ролью в революционном движении гораздо ярче, нагляднее, чем сам Ткачев, показали, что представляет собой якобинец, не связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы.

Определение такого якобинца было дано уже давно. Применительно к эс-эрам оно гласило: «либерал с бомбой».

Несвязанность эс-эров с пролетариатом уже нельзя было, конечно, объяснить тем, что русский рабочий класс едва зарождался. Но она легко объяснялась ткачевским, т. е. мелкобуржуазным пониманием «особенностей русской истории», или, точнее, мелкобуржуазными особенностями понимания истории вообще.

«Пролетарская Революция» № 7 (30), 1924 г.

ПО ПОВОДУ КНИГИ ТОВ. В. И. НЕВСКОГО «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РКП (БОЛЬШЕВИКОВ)»¹

Книга тов. Невского представляет первую попытку дать обстоятельную сводку довольно уже обширного материала, накопленного и опубликованного Истпартом. На ряду с этим, главным образом, мемуарным материалом автор впервые мог воспользоваться для своей исторической работы богатейшим историко-революционным архивом в Ленинграде. В предварительной разработке и опубликовании части (пока ничтожной части) этого необъятного «жандармского» материала сам автор, как член Истпарта, принимал самое деятельное участие. Наконец, он пользовался и непосредственно жандармскими «делами» названного архива. Чрезвычайному обилию материала соответствует и широта раздвинутых автором рамок работы. Обширное введение (100 стр.) начинает историю с XVIII века и прослеживает развитие экономической жизни и революционного движения в России вплоть до появления на свет социал-демократии.

Широта задания и огромное количество привлеченного материала, — грандиозность намеченного объема и содержания предпринятой работы, — вот самое первое впечатление читателя, едва приступившего к чтению. Как же справился автор со своей обширной задачей? Начнем с некоторых замечаний теоретического порядка.

В библиографическом обзоре тов. Невский, между прочим, пишет: «Нечего говорить, что при нашей работе мы руковод-

¹ Вышла в Ленинграде в 1924 г. в издательстве «Прибой». Ред.

ствоваались методом Маркса. Мы исходим из того положения, что в основе всяческих исторических изменений лежит развитие производительных сил, изменение экономической структуры общества. Отсюда понятно, что мы старались объяснить развитие революционной истории нашего общества теми классовыми соотношениями, которые вырастали на фоне экономики данного времени» (стр. 518).

Мы думаем, что и нам «нечего говорить» о том, насколько несовершенно такое определение «метода Маркса». Конечно, автор и не обязан был давать такое определение. Но уже если оно дано, то мы в праве от него требовать, чтобы оно, по крайней мере, соответствовало историческому повествованию автора о судьбах этого метода в России. Удовлетворяет ли оно такому законному требованию? В своей собственной книге тов. Невский сообщает, что Плеханов, *оставаясь еще народником*, признавал, что «экономические отношения в обществе являются основанием всех остальных», что они суть коренная причина «не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов» (стр. 179).

Как видим, положение, высказанное народником — Плехановым, нисколько не «хуже» того положения, из которого «исходил» тов. Невский, и даже имеет некоторые преимущества. Народник-Плеханов, излагая «своими словами» одно из положений марксизма, конечно, был очень далек от «метода Маркса». Тов. Невский, поскольку он пытается применять термины Маркса, вносит явную путаницу, так как не различает «производительные силы» и «экономическую структуру», как «основу всяческих исторических изменений». Поэтому Маркс еще меньше удовлетворился бы таким изложением своего метода, так как «под экономической структурой» он прежде всего разумел те общественные отношения производства, которые сами изменяются в зависимости от известного уровня производительных сил.

Поскольку же тов. Невский также переходит на «свои слова» и изображает «экономику» «фоном», на котором... и т. д., то тут уж несомненно нужно отдать преимущество народнику-Плеханову, так как он более правильно определяет роль экономики.

Что мы имеем дело здесь не со случайной обмолвкой, а именно с путаницей понятий, в этом мы убеждаемся из всей дальнейшей путаницы там, где эти понятия применяются. Так, излагая в своей книге содержание брошюры «Социализм и

политическая борьба», т. е. взгляды того же Плеханова, но уже Плеханова-марксиста, тов. Невский навязывает ему такое положение: «Экономическая структура в конечном счете является основой всякого общества» (стр. 185, курсив мой).

Здесь тов. Невский явно подменяет понятие «производительных сил» понятием «экономической структуры», в чем Плеханов, конечно, неповинен.

Грубым искажением оказывается и дальнейшее изложение «своими словами» содержания названной брошюры Плеханова:

«Развитие человеческого общества ведет именно к торжеству рабочего класса не только в странах западно-европейского капитализма, но и в России и странах Востока и всего мира, так как капиталистический строй становится международным и, разрушая отсталые формы хозяйства, завоевывая отсталые страны, порождает и в них классовую борьбу пролетариата и буржуазии» (стр. 186).

Если бы тов. Невский внимательно прочитал ту главу (II) брошюры, которую он так излагает, он нашел бы там такое место: «Учению Маркса подсказывается тот смешной вывод, что Россия (не говоря уже о странах Востока! Н. Б.) должна пройти совершенно те же фазы историко-экономического развития, которые были пройдены Западом». (Соч. Г. В. Плеханова, т. I, Госиздат, 1920 г., стр. 119.)

Мы видим, как близко подошел тов. Невский, излагая Плеханова, к тем выводам, против которых боролся Плеханов. Приведем в точности то место из названной брошюры, которое «изложил» тов. Невский, чтобы читатель мог судить, какой, действительно, «смешной» вид оно получило в его изложении:

«Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей неосновательности». (См. там же, стр. 120.)

Излагая «своими словами» взгляды Плеханова-марксиста, тов. Невский жестоко отомстил ему за его прежнее народническое изложение «своими словами» взглядов Маркса...¹

¹ Отметим тут же, как свободно обращается автор даже с такими первостепенной важности источниками по истории партии, какими являются первые марксистские работы Плеханова. По Невскому, Плеханов в этой (II) главе утверждает, что «главной и ближайшей задачей русских

Такому изложению метода Маркса в книге тов. Невского вполне соответствует и его применение. Характерной чертой этого метода (тов. Невского) служит склонность объяснить «всяческие исторические изменения», отправляясь прямо и непосредственно от «развития производительных сил». Именно такую характеристику своего метода дает сам автор на стр. 211, где он, рассказав об издании закона 9 марта 1892 г. под напором рабочих волнений, поясняет: «Под его (рабочего движения. Н. Б.) влиянием, а стало быть, и под влиянием развития производительных сил в России начинает меняться и такая идеологическая надстройка, как законы, как юридические положения, закрепленные этим законом».

Такой метод, несмотря на марксистскую терминологию, методом Маркса назвать, конечно, нельзя. Это в лучшем случае — только «экономический материализм».

«Экономика» чередуется с «политикой», служа для последней, по удачному выражению автора, только «фоном» и не обнаруживая никакой более тесной с нею связи. Мы напрасно стали бы искать, напр., социологического объяснения даже такого важного факта, как появление на свет российской социал-демократии (если, конечно, не считать таким объяснением «развитие производительных сил»). Мы можем, поэтому, приступить к более подробному рассмотрению «экономики» и «политики» в отдельности, с тем большим удобством, что они выделены в особые отделы и главы.

Существенную часть «экономики» составляет подавляющая масса статистической цифири. Даже не подвергая сомнению доброкачественность этой цифири, судя только по ее количеству, нужно сказать, что автор далеко перешел за грань, где количество переходит в качество, или проще — добродетель в порок.

«К читателю надо иметь милосердие!» — вот первый вывод,

революционеров» должно быть создание «рабочей партии» (стр. 186). Ничего подобного в этой главе не говорится. В конце же брошюры Плеханов пишет: ... «единственной нефантастической целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России, — с другой». (Соч. Плеханова т. I, стр. 150).

Ничего не говорит Плеханов в этой главе и о разложении общины капитализмом, как пишет тов. Невский. Плеханов говорит здесь только (ссылаясь на Маркса и Энгельса) о возможности развития русской общины «в высшую коммунистическую форму».

который невольно сделаешь, усидев последнюю таблицу и утерев пот с лица.

Если же обратиться к качеству этой цифири (независимо от ее количества), то оно и само по себе окажется далеко не беспорочным. Для читателя, хорошо знакомого с статистической литературой, приводимые статистические данные почти совершенно обесцениваются (поскольку они вообще ценны) отсутствием указаний, откуда они взяты. Читатель же, не привыкший к статистической цифири, встретит еще большие затруднения. Беря цифры и целые таблицы из самых различных и разновременных источников, с различными и обыкновенно наперед оговоренными обозначениями измерительных единиц, с условными (и обязательно оговоренными) сокращениями больших чисел и пр., тов. Невский не потрудился даже технически обработать эту цифирь для своей книги, не говоря уже о какой-либо научной обработке. Так, напр., на одной и той же странице в таблице на стр. 117 (выплавка чугуна и добыча кам. угля) читатель из ряда голых цифр должен догадаться, что цифры, относящиеся к чугуну, означают тысячи пудов, а последний ряд цифр (кам. уг.) — миллионы пудов. Точно так же, из таблицы на стр. 342 (чистый сбор, вывоз хлебов и пр.) по голым цифрам нужно понять, что счет ведется в четвертях и что одни ряды означают миллионы четвертей, а другие — простые четверти. При этом сам тов. Невский, не вчитавшись в эту таблицу, делает такой комментарий к ней: «Не смотря... на страшный голодный год (1891) вывоз хлеба за границу продолжает возрастать» и т. д. Между тем, цифры чистого сбора за 1891 г. и соответствующего вывоза в таблице не выделены, а приведенный там средний годовой сбор за тот период, в который попал этот голодный год (1890/1 — 4/5), оказывается как раз больше среднего сбора других периодов. Комментарий таким образом совершенно не соответствует приведенным цифрам.

Статистическая цифирь и комментарий к ней на стр. 110 — 111 (конец первой и начало второй стр. — винокурение) представляют какой-то невообразимый сумбур. В чем же дело? Отыскав (неуказанный по обыкновению) источник тов. Невского (Ленин. «Развитие капит.» Собр. соч., т. III, стр. 227 — 228), выясняем следующее. Цифирь (число и выработку винокур. зав.) взята из таблицы Ленина, причем тов. Невский, не заметив оговорку: «в тыс. ведер», сократил выработку спирта в 1000 раз (так что на 1 зав. приходится

ок. 12 ведер спирта в год). Но это еще цветки. Комментируя дальше эту цифирь, тов. Невский начинает сопоставлять какие-то новые, не существующие в таблице Ленина, цифры, делая совершенно непонятные выводы. Оказывается, что эти новые цифры взяты из дальнейшего текста Ленина, где он перешел уже от общероссийских цифр к цифрам среднечерноземной полосы.

Предоставим желающим дальнейшее изыскание и проверку «экономики» тов. Невского, без которой она, как видим, даже в качестве «фона», не годится. Перейдем к «классовым соотношениям», которые вырастали на этом фоне. При первых же выступлениях автора в этой области мы наталкиваемся на теоретическую путаницу. Уже в введении, заканчивая обзор промышленного развития России в XVIII веке (доведенного до конца XIX в.), тов. Невский говорит, что приведенные им цифры «были необходимы, чтобы показать, что не праздная выдумка коммунистов — мысль о том, что Россия постепенно превращалась в капиталистическую страну, а в соответствии с этим изменялось и общество России. Ведь, что значит увеличение городского населения, числа рабочих, приказчиков, купцов, капиталов, железных дорог, служащих, образованных людей? Это прежде всего означает разделение населения на различные классы: на класс капиталистов... и т. д. (стр. 23).

По точному смыслу всех этих слов выходит, что население России до превращения ее в капиталистическую страну на классы не разделялось.

В полном согласии с таким учением о классах идет и дальнейшее изложение: «... Кроме того, есть многочисленное крестьянство, делящееся тоже на классы, батраков, с.-х. рабочих пролетариев (не слишком ли много классов? Н. Б.), полу-пролетариев, мелкое крестьянство, середняков и кулаков» (стр. 24).

Не признавая классового деления докапиталистического общества вообще, тов. Невский и здесь упускает из виду, что при царизме, до самого конца его существования, крестьянство, как целое, как крестьянское сословие, составляет особый класс, несмотря на указанные им расслоения. Об этом, впрочем, сообщит, вероятно, и сам тов. Невский, когда доведет свою историю до 1915 г. и должен будет изложить статьи Ленина о нашей аграрной программе. Но как он свяжет эти статьи Ленина со своим собственным учением о классах?

Грубую ошибку тов. Невского в определении производ-

ственной роли мелкой буржуазии (стр. 24) я уже отметил в одной из статей в «Пролет. Рев.» (см. «Пролетар. Рев.» № 6, «О влиянии крупной и мелкой буржуазии на рабочее движение», стр. 97, сноска 2). Не желая повторяться, отсылаю читателя к этой статье.¹

Но оставим, наконец, в покое исторический материализм и обратимся к историческому повествованию тов. Невского в более тесном смысле.

Из многочисленных местных с.-д. групп, весьма подробно обследованных тов. Невским, остановимся подробнее на «Товариществе» Точисского. Эта организация особенно заинтересует читателя как новизною сведений (опубликованных впервые совсем недавно в «Красной Летописи» и «Братской Могиле»), так и тем особенным значением, какое придает ей автор.

Эта организация существовала почти одновременно с Благоевской (1885 — 1888 г.г.). Взгляды Благоева и его сотоварищей вначале, до более полного сближения с группой «Освобод. Труда», были, как мы знаем, далеко еще невыдержанными. Сам Благоев характеризовал их позже, как смесь марксизма с лассальянством и лавризмом. Такая характеристика первой с.-д. группы в России вызывает к особенно осторожной оценке взглядов организации, выступившей почти одновременно с Благоевской. Тов. Невский признает сам, что материалов по делу группы Точисского «совсем мало». Устав «Товарищества» не сохранился. «Но, судя по тому, что говорит об этой организации один из активнейших ее членов, Брейтфус, это была *настоящая социал-демократическая организация, резко враждебная народовольчеству*». Так решительно заявляет тов. Невский (стр. 239, курсив мой). Дальше он приводит характеристику Брейтфуса. Однако, из этой характеристики мы можем твердо установить только то, что в отличие от народовольцев Точисский: 1) был против террора и 2) полагал, что «в России может быть пригоден для революции только пролетариат». Но из той же характеристики мы узнаем, что, возражая против террора, Точисский выдвигал следующие соображения: . . . «террор, в конце концов, лишь средство завоевать власть для вырастающего класса буржуазии. Народ настолько темен, настолько еще несознателен, что не в состоянии воспользоваться результатами героической

¹ См. стр. 365 — 373. Ред.

борьбы народовольческой интеллигенции; последняя, борясь во имя якобы народа, лишь могла бы помочь взять власть новым врагам народа». («Очерки», стр. 239.)

Да ведь это же — ни дать, ни взять — аргументация «настоящих»... народников-землевольцев против нарождавшейся фракции террористов! Как же мог вычитать тов. Невский свои решительные заключения «из того, что говорит Брейтфус»?

В связи с этим, нам кажется вполне вероятным сообщение Н. Л. Сергиевского (со слов того же Брейтфуса), что Точисский не был под влиянием группы «Освоб. Труда», хотя был знаком с ее литературой (см. «Красн. Летопись», № 7, стр. 341).¹

Группа Благоева как мы знаем, это влияние испытала. Отсюда можно полагать, что Благоевская группа с самого начала по своим взглядам стояла ближе к группе «Освоб. Труда», чем Точисский и его единомышленники. И все же, благоевцы далеко не считали себя еще «настоящими».

Сам тов. Невский признается, что о характере пропаганды Точисского 1885 г. «сказать трудно». Однако, он не затрудняется «сказануть» не более не менее, как то, что Точисский в своей пропаганде подчеркивал «роль пролетариата, как гегемона революции» (стр. 240). Откуда взял тов. Невский эту «гегемонию пролетариата», которую у нас решительно никто не «подчеркивал» до 900-х годов? Он просто переводит здесь более высоким слогом слишком простое сказание Брейтфуса о том, что Точисский находил, что «в России может быть пригоден для революции только пролетариат». Но если пролетариат был единственной революционной силой, то отсюда как раз и следует, что не было никаких других сил, над которыми пролетариат мог бы осуществлять свою гегемонию.

Еще более удивительны суждения тов. Невского о другом члене этой организации, А. Л. Брейтфусе. Его тов. Невский так же, как и Точисского, относит к числу интеллигентов-социал-демократов, «которые воздействовали на выработку мировоззрения рабочих, организовавших ядро «Рабочей Группы» Брусневской организации». Источник — тот же самый. Что же говорит Брейтфус о своих собственных взглядах?

¹ Названный автор, подметив некоторые особенности социал-демократических взглядов Точисского, характеризует их, как «самобытную марксистскую идеологию». Вот это — другое дело! Против такой характеристики мы не возражаем. Уж очень она хороша в сочетании всех трех слов (плюс, конечно, кавычки).

Да только то, что он «был под сильным влиянием народо-вольческих идей». Правда, он прибавляет, что он «чувствовал, что наступил роковой перелом» (какой же народоволец этого не чувствовал в то время?), и все же он не мог мириться «с фактом, искал приложения своих сил» и т. д. («Красн. Лет.», № 7, стр. 327.) Но ни в его собственных воспоминаниях, ни в опубликованном жандармском «деле» о Точисском и др. мы не находим решительно ничего, что говорило бы о социал-демократических взглядах А. Брейтфуса. Откуда же взял тов. Невский, что Брейтфус был с.-д.? К такому заключению его могла побудить след. фраза в воспоминаниях Брейтфуса: «Мне тогда представлялось (летом 1885), что учение революционных народников являлось альфой и омегой человеческих знаний». («Очерки», стр. 239.) Отсюда, правда, можно догадываться, что теперь это учение ему уже не кажется верхом премудрости. Но когда произошла эта перемена? Тов. Невский поспешил заключить, что она произошла очень скоро, под влиянием Точисского. (Хотя сам Брейтфус говорит об этом влиянии только то, что он был «удивлен».) Но я знал А. Л. Брейтфуса лет 10 — 12 спустя после ликвидации группы Точисского, и он еще тогда продолжал быть ярким народовольцем, не хотевшим и слышать о социал-демократии.

«Почему же, однако, организация Точисского не произвела такого шума, как, напр., «партия русских соц.-демократов», недоумевает тов. Невский (стр. 242). И вот, чтобы исправить эту историческую несправедливость, он на протяжении всей своей книги поднимает большой шум вокруг этой организации.

Загипнотизированный «организацией Точисского», тов. Невский совершенно не замечает: 1) что из приводимых им самим документов даже Точисского нельзя еще отнести к определившимся, «настоящим» социал-демократам; 2) что «организация Точисского», поскольку под ней разумеется «Товарищество С.-Петербургских мастеровых», не была идейно сплоченной группой; в нее входили заведомые народовольцы или сочувствующие «Народной Воле».

Правда, Точисский старался держать народо-вольческую интеллигенцию только на технических ролях (главным образом обслуживании библиотеки) и проводил свои антинародо-вольческие взгляды в своих рабочих кружках. Но это ему удавалось только до известной степени (см. воспом. А. Брейтфуса, «Красн. Лет.», № 7, стр. 332 — 333). Но, не говоря уже о

том, что антинародовольческую пропаганду самого Точисского во всяком случае нельзя было считать вполне социал-демократической, к этой организации примыкали отдельные рабочие и целые рабочие кружки народовольческого направления (см. там же, стр. 338).

Независимо от крайней предвзятости и тенденциозности, обращает на себя вообще невнимательное отношение к документам. Тов. Невский говорит, как об участниках организации Точисского, о трех братьях Брейтфуса: Людвиге, Генрихе и Эдуарде и в то же время — об Андрее Львовиче Брейтфусе. У читателя возникает вопрос: кто же этот Андрей Львович, четвертый брат или однофамилец? И только из жандармского «дела» можно узнать, что Генрих и Андрей Брейтфус — одно и то же лицо.

Я далеко не исчерпал всех замеченных погрешностей тов. Невского в изложении и оценке фактов, относящихся к этой организации, при сверке их с источниками. Они встречаются почти на каждом шагу. Продолжать эту египетскую работу над всем содержанием книги я не собираюсь, так как, во-первых, такая работа затруднена автором неуказанием в тексте, как общее правило, этих источников и, во-вторых, такая работа заняла бы слишком много места. В дальнейшем я ограничусь теми замечаниями, которые можно сделать при более беглом знакомстве с книгой.

Автор характеризует направление Чернышевского и руководимого им «Современника» и «Великорусса», как «либерально-демократическое» (стр. 57). Не говоря уже о том, что эти два слова вообще не вяжутся, особенно не подходят они в своем сочетании к Чернышевскому, так как именно последний в своих работах усиленно подчеркивал враждебность либерализма демократии.

В истории рабочего движения 70-х годов автор совершенно даже не упоминает о Петре Алексееве, хотя он имеет более близкое отношение к истории партии, чем, напр., подпоручик Черносвитов из кружка петрашевцев.

Говоря о роли народников в рабочем движении конца 70-х годов, тов. Невский непомерно преувеличивает эту роль, утверждая, напр., что они «научили рабочих вести дело организованно» (стр. 156). Ниже он сам приводит свидетельство Плеханова о характере работы народников: «Народническая интеллигенция могла лишь... рекомендовать рабочим-социалистам «агитацию», «агитацию» и «агитацию», да упрекать

их в том, что они, будто бы забывая об этой агитации, слушают «чтение о каменном периоде и о планетах небесных».

Рассказывая о Халтурине, тов. Невский сообщает, что Халтурин начинает свою революционную работу в Москве (в 1875 г.) и здесь же становится одним из основателей Северного Союза русских рабочих (стр. 168), тогда как на самом деле Халтурин был в Москве в 1875 г. только проездом в Питер.

Не посчастливилось П. А. Моисеенко. Его первоначальная фамилия была, как известно, «Мосеенок»; волостной писарь, с молчаливого согласия Петра Анисимовича, переделал его в Моисеенко, а тов. Невский дает ему третью фамилию: «Моисеенок». Родиной П. А. Мосеенка была дер. Обыденная, а не «Обыденова» (стр. 202).

О Морозовской стачке тов. Невский, между прочим, говорит: «И еще одно большое значение Морозовской стачки нужно знать и помнить каждому коммунисту в России: эта стачка была блестящим подтверждением того прогноза, какой давал Плеханов на основании учения Маркса по отношению к России о том, что если у нас будет революция, то эта революция будет рабочая» (стр. 210). Однако, если уж не «каждый коммунист», то, по крайней мере, историк Российской Коммунистической Партии должен знать, что этот прогноз Плеханова состоялся в 1889 г., а Морозовская стачка была в 1885 г. и потому прогноза подтвердить не могла.

Об ошибках тов. Невского в его повествовании о более поздних с.-д. организациях говорилось в рецензии тов. Ольминского [«Прол. Рев.» № 5 (28)]. Этих ошибок так много, что дополнять их список нет надобности. Скажем несколько слов об общем характере этих ошибок.

Изобилие источников не помогает, а мешает тов. Невскому разбираться иногда в самых простых вещах. Случайные, ничего не значащие факты неожиданно получают в освещении тов. Невского «огромное» значение, приводят к совершенно произвольным построениям. Натолкнувшись, напр., на сходство уставов бундовских и одесских рабочих касс, тов. Невский приходит к заключению, что последние были переработкой первых, занесенных в Одессу виленцами. Из приведенных текстов этих уставов мы, однако, никакой переработки не замечаем. Но допустим, что такой устав был привезен, действительно, из Вильно и даже не в переработанном виде, а в готовой редакции. Вносили ли виленцы этим уставом хоть что-ни-

будь новое в практику местного рабочего движения? Во всех центрах рабочего движения такие кассы существовали, как неотъемлемая принадлежность всякой подпольной рабочей организации и их уставы (за исключением пункта о взаимопомощи) ничем существенно не отличались. В частности, в Одессе такая касса появилась раньше, чем где бы то ни было, как главный элемент Южно-Российского Союза Рабочих. Товарищ же Невский из открытого им сходства уставов заключает: «Несомненно, виленцы оказали большое влияние на южно-русское рабочее движение»... (стр. 466). Вот уж, поистине, мышья родила гору!

В подтверждение этого открытия тов. Невский приводит, кроме сходства уставов, еще и такой факт: «Принесли они (виленцы) в Одессу и науку организовывать стачки. Айзенштадт во всяком случае еще в 1895 г. постарался научить этому одесских табачников». Дальше рассказывается, как на одной табачной фабрике в ответ на понижение расценок был распространен листок, вызвавший стачку (стр. 467). Но сам же тов. Невский раньше (стр. 162) рассказал нам, как в той же Одессе... «Заславский... провел две, а может и больше, стачки в 1875 году... причем стачкам предшествовала агитация и разброска прокламаций». Привезенная в Одессу наука была, таким образом, известна там по меньшей мере 20 лет тому назад.

Из дальнейшего описания партийной работы в Одессе и на всем юге мы можем видеть, до какой степени мертвым грузом является у тов. Невского его «экономика». В соответствующем отделе, в груде статистических данных мы можем, конечно, между прочим, узнать о громадном подъеме русской промышленности в 90-е годы, особенно, начиная с половины этого десятилетия. Но, рисуя оживление партийной работы с 1895 г., переход к массовой агитации и, в частности, руководство стачечной борьбой, тов. Невский и не думает поставить в связь этот сдвиг в партийной работе с мощным промышленным подъемом. Зато мы можем здесь найти поименный список всех 28 арестованных по делу Николаевского «Союза» и узнать, что именно в начале лета 1897 г. в Екатеринослав прибыли из Витебска Э. Шевелева, а из Гомеля — Б. Вольфсон. Столь обстоятельное исследование личного состава организаций и даже происхождения отдельных работников дает тов. Невскому благодарный материал для такого «анализа»: организация в Екатеринославе создается «под

влиянием трех элементов — социал-демократов... «туземного» происхождения... виленцев и витебчан и с.-д., приехавших из других мест России» (стр. 471).

Хотя эти изыскания об отдельных лицах менее всего интересны для истории партии, нельзя не остановиться на одном характерном для тов. Невского заблуждении. Он многократно обращает наше внимание на некоего П. Скворцова, как на великого теоретика и одного из основоположников социал-демократии. Как о теоретике марксизма читатель легко может составить себе понятие об этом писателе по одной из посвященных ему статей Ленина: «Некритическая критика» (см. Собр. соч., т. III). О социал-демократической работе этого марксиста сам тов. Невский не мог, собственно, сказать ничего, кроме разве того, что тот или другой партийный работник, или даже целое поколение были «под влиянием П. Скворцова». Но близко знавшие этого «основоположника социал-демократии», утверждают, что он даже не был социал-демократом. Так, по свидетельству т. М. Лядова, это был типичный «легальный» марксист (по статье Ленина — марксист-начетчик), который единственной формой «рабочего движения» считал изучение рабочими «Капитала» Маркса, поскольку же эта форма не могла осуществляться, — находил рабочее движение в России преждевременным.

«Пролетарская Революция» № 8—9 (31—32), 1924 г.

ЕЩЕ О ЦВЕТАХ РУССКОГО ЯКОБИНСТВА

В № 3 (16) «Каторги и Ссылки» появилась статья тов. Мицкевича — «К вопросу о корнях большевизма» (Ответ тов. Н. Н. Батурину). Отвечая будто бы на мою статью («О наследстве русских якобинцев»¹ «Пр. Рев.», № 7, 1924 г.), тов. Мицкевич преспокойно обходит почти все поставленные в этой статье вопросы и в существенной части своего «ответа» просто повторяет, вплоть до пространных цитат, свою первую статью, следуя, очевидно, мудрой римской поговорке: *repetitio est mater studiorum*. Мои возражения тов. Мицкевич не то, чтобы опровергает, а просто отправляет в кошелку на том основа-

¹ См. стр. 373 — 380. Ред.

нии, что я приписываю ему то, что им не написано, что я, следовательно, ломлюсь не в те двери.

Тов. Мицкевич уверяет, будто я приписал ему ту мысль, что якобинцы и большевики одно и то же, тогда как он считает якобинцев предшественниками большевиков; он вовсе не ставит между ними знака равенства, а проводит только аналогию.

Признаюсь, что это с моей стороны прямо возмутительно. Только... правда ли это?

В своей названной выше статье, говоря о некоторых исследователях корней большевизма (и в первую очередь — о тов. Мицкевиче), я, между прочим, утверждал, что беглый взгляд назад «с высокой горы» нередко приводит их к поверхностным аналогиям, причем некоторые «праотцы» нашего революционного движения совершенно напрасно записываются в ближайшие предшественники большевизма.

Таким образом, по счастливому стечению обстоятельств, я употребил те же самые выражения, которые употребляет тов. Мицкевич, восстанавливая истинный смысл своих суждений о русских якобинцах.

Конечно, тов. Мицкевич может не соглашаться со мной, что его аналогии поверхностны. Но он должен признать, что поверхностные аналогии еще меньше можно назвать «знаком равенства», чем аналогии глубокие.

Что касается отдельных суждений тов. Мицкевича, выходящих за пределы аналогий, то я приводил их везде в его подлинных словах, в точных цитатах. Но именно точное цитирование обнаружило, что тов. Мицкевич приписал Ткачеву то, чего тот не говорил. Так, мною было установлено, что в споре с Энгельсом Ткачев говорил не о русском правительстве (как передавал тов. Мицкевич), а о русском государстве, «висящем в воздухе».

Дело тут вовсе не в аналогиях, а в искусственной, предвзятой «большевизации» анархических взглядов русских якобинцев.

Но что сам тов. Мицкевич злоупотребляет «знаком равенства», это он в своем ответе достаточно хорошо показал. В своей статье я, между прочим, писал, что образование партии «Народной Воли» «из бывших бунтарей-землевольцев означало (с точки зрения нынешней пролетарской партии) не что иное, как скачок от анархизма к либерализму». По этому поводу тов. Мицкевич читает следующую мораль: «Ставить просто знак равенства между революционно-демократическим

течением, каким является партия «Народной Воли», и либерализмом значит смешивать в одну кучу». . . и т. д.

Нужно ли доказывать, что скачок к либерализму не значит превращение в либералов, что «к болоту» еще не значит «в болоте»? Казалось бы, не нужно. А тов. Мицкевич приводит длинные-предлинные доказательства (и даже Маркса тащит в свидетели), что народовольцы и либералы — две вещи разные.

Мы можем поэтому возвратить тов. М-чу его мораль: «Ставить просто знак равенства» в чужой текст, где такого знака и в помине нет, это значит уж слишком просто решать спорные вопросы.

Обратимся, однако, еще раз к существу нашего спора с тов. Мицкевичем о русских якобинцах.

«...Все это идеи Октябрьской революции, — пишет он про идеи Зайчневского, — не хватает только одного — пролетариата».

Не будем останавливаться на бьющей в глаза противоречивости такой характеристики (попробуйте-ка вылущить пролетариат из идеи Октябрьской, т. е. пролетарской революции!).

Постараемся выделить ту долю истины, которую правильно нащупывает тов. Мицкевич и которая приводит его к далеким от истины обобщениям и аналогиям.

Русские якобинцы были прежде всего законными наследниками якобинцев французских. От этих последних они заимствовали целиком не только централистский принцип организации, но и методы политической борьбы. В частности, за короткий век своего господства французские якобинцы дали тот образец классовой революционной диктатуры, с ее красным террором, которую Маркс назвал «плебейским способом» расправы с классовыми врагами.

Парижская Коммуна дала первый образец пролетарской диктатуры, но по части применения «плебейского способа» она осталась далеко позади якобинского образца.

Это, однако, нисколько не противоречит тому, что идеи якобинцев (включая и «плебейский способ») были идеями не Октябрьской, а Великой Французской Революции. И все то, что было действительно революционного в идеях русских якобинцев, не выходило из круга идей этой революции.

Возьмем, например, одну из самых ярких «Октябрьских»

идей Ткачева: «Разве в государстве могут существовать другие сословия, кроме сословия рабочих?»

Вот как ту же самую идею выражал на своем профессиональном языке адвоката французский якобинец: «Интерес народа — общий интерес; интерес богатых — частный интерес».

Как бы ярко ни высвечивала здесь революционность русского якобинца при сравнении его с французским, она, по своему содержанию, не могла ни на один волосок оказаться революционнее идей французского якобинства, так как выражала не что иное, как идею революционной мелкобуржуазной диктатуры.¹

Революционные идеи Зайчневского и Ткачева это вовсе не «корни» большевизма; это только цветы русского якобинства, последние цветы Великой Французской Революции на неблагоприятной русской почве.

Пусть не думает тов. М., что сравнением с французскими якобинцами мы умаляем революционность наших русских якобинцев. Напротив: если судить по действительной тактике тех и других, то русские якобинцы настолько же отстали от своих французских учителей, насколько старались превзойти их левизной своих деклараций.

Робеспьер начал свой революционный путь монархистом, а кончил непримиримым республиканцем, упорно отвергавшим всякое соглашательство с оппортунистической крупной буржуазией.

Русские якобинцы в общем проходили обратный путь. Начав с гордого отмежевания от самых непримиримых французских и иных революционеров прошлого,² они, в лице народовольцев, при малейшем соприкосновении с реальной политической обстановкой очень скоро идут на соглашательство с самыми умеренными элементами. Так, по выражению М. Н. Покровского (которого тов. М. склонен считать во взглядах на русских якобинцев своим единомышленником), В. Фигнер по вопросу о монархии и республике «унизились

¹ О том, что выражения: «рабочее сословие», «работники» и т. п. у Ткачева никоим образом не могут означать, что Ткачев говорит о диктатуре пролетариата (как это утверждал вместе с Козьминым тов. Мицкевич) об этом достаточно было сказано в моей предыдущей статье.

² См. начало прокламации Зайчневского, где он хочет быть «последовательнее не только жалких революционеров 1848 года, но и великих террористов 1792 года».

до освобожденческой идеологии» (выражая при этом не свое личное, а господствующее народовольческое мнение).

Здесь мы должны внести существенную поправку к мнению тов. Мицкевича об утопизме русских яacobинцев. Он склонен рассматривать русских яacobинцев, как провозвестников большевистских идей в утопической форме. Мы же полагаем, что русские яacobинцы, как идеологи буржуазно-демократического переворота, вовсе не были утопистами.¹ Маркс называет всякую идеологию искривленным отражением соответствующих классовых интересов. Идеологические «искривления» во взглядах наших яacobинцев мы никоим образом не должны приравнивать к утопизму.

Мы, однако, не хотим ставить «знак равенства» между Ткачевым и Робеспьером. Русские яacobинцы испытали сильное влияние социалистических учений середины прошлого века. Но именно в их социализме мы, в противоположность тов. М-чу, находим меньше всего «большевизма». Если революционные идеи русских яacobинцев нельзя назвать идеями Октябрьской революции, то их социализм вообще не революционен.

Чтобы не быть голословным, разберем здесь ту социалистическую программу Ткачева, которую так настойчиво рекомендует нашему вниманию тов. Мицкевич, перепечатывая ее вторично в своем «ответе». Изложив 6 пунктов этой программы, он спрашивает: «Разве все эти взгляды не являются элементами уже пролетарского социализма?»

Прежде всего некоторые пункты этой программы (о реформе воспитания «в духе любви, равенства и братства», о равноправии женщины и пр., см. п. 4-й и 5-й) не имеют отношения к какому бы то ни было социализму, так как решительно ничем не отличаются от соответствующих требований буржуазных радикалов, феминисток и т. п.

Не будем останавливаться также на 1 и основном п. ткачевского и вообще народнического социализма (преобразование крестьянской общины в коммуны), так как доказывать теперь отсутствие в нем элементов пролетарского социализма уже слишком несвоевременно.

Пункт 2-й этой программы говорит о «постепенной экспроприации орудий производства» и о «передаче их в общее

¹ Если не считать, конечно, известного утопизма революционного темперамента, всегда приближающего момент неизбежной революции.

пользование». Этот пункт можно было бы назвать самой общей формулой, всякого вообще (а не обязательно пролетарского) социализма. Но непролетарские его особенности просвечивают в двух местах: 1) поскольку дело идет об экспроприации у крупных собственников средств производства (а мелкие ведь вообще не экспроприируются), то эта экспроприация осуществляется пролетарским социализмом совсем не «постепенно»; 2) передача средств производства «в общее пользование» в понимании Ткачева (как и Зайчневского) вовсе не означает передачу их государству (как этого требует пролетарский социализм), а только рабочим данной фабрики или, в лучшем случае, — местной земельной общине. В связи с этим, «упразднение центральных функций гос. власти» (п. 6) у Ткачева означает упразднение не только административных и политических функций этой власти, но также и хозяйственных, регулирующих функций центральных органов социалистического общества.

И, наконец п. 3-й об организации обмена (см. его текст в статье тов. М-ча). Нужно ли доказывать, что в провозглашении голых принципов «братской любви и солидарности» в области обмена никакого пролетарского социализма еще нет? Но, если бы тов. Мицкевич захотел более объективно раскрыть содержание прекрасных ткачевских принципов, то он должен был здесь указать (как это сделал Козьмин в своей книжке о Ткачеве), что в числе учреждений, регулирующих обмен «в духе любви», у Ткачева значился и Прудоновский народный банк.

Отметим такую же беспочвенную «большевизацию» идей Зайчневского, которые тов. М. называет «идеями Октябрьской революции» (см. в начале его «ответа»). Большинство этих идей (национализация земли и пр.) можно найти в программах буржуазно-радикальных партий, у наших эсеров и пр. Предсказание, что России «первой выпадает на долю осуществить великое дело социализма» в понимании Зайчневского (и др. народников), означало не большевистский прогноз, а отрывку славянофильства. «Федеративная социалистическая республика» Зайчневского означала не федерацию республик разных национальностей, а федерацию земельных общин одной и той же нации и т. д.

Решительно никаких элементов пролетарского социализма в социалистических программах Зайчневского и Ткачева мы не найдем, сколько бы раз ни перепечатывал их тов. Мицкевич

и как бы их ни прихорашивал «своими словами». Зато мы найдем в них все признаки мешанских социалистических утопий. Между этими реакционными утопиями и большевизмом нельзя не только ставить «знак равенства», но и приводить какие бы то ни было аналогии.

Мы думаем, что беспочвенные аналогии тов. М-ча, его натяжки и прямые ошибки не случайны. Они, как нам кажется, находятся в теснейшей связи с довольно распространенным у нас *обособлением ленинизма и марксизма*.

«В действительности, — пишет тов. М., — «русский марксизм и большевизм в особенности был синтезом ряда предшествовавших революционных течений».

Мы не знаем, что разумеет тов. М. под «русским» марксизмом. Но марксизм, как учение Маркса, до известной степени был, действительно, синтезом предшествовавших течений и доктрин. По мнению самого Маркса, в создании марксизма приняли главное участие: 1) классическая политическая экономия, 2) диалектика Гегеля и 3) учения так называемых великих социалистов-утопистов.

Если мы присмотримся к теоретическим взглядам Ткачева, как «элементам» в создании «русского марксизма и большевизма в особенности», то мы найдем в них прямое отрицание всех упомянутых выше элементов марксизма: 1) классиков политической экономии он (подобно Сисмонди и прочим мелкобуржуазным экономистам) огульно отвергал, как «буржуазных», 2) диалектику Гегеля считал вреднейшей «чепухой» и 3) к великим социалистам-утопистам имел отношение своим собственным утопизмом, но резко отличался от них реакционностью своих мелкобуржуазных утопий. Таким образом русский марксизм и большевизм в особенности складывается (по Мицкевичу) из совершенно иных элементов, вырастает из других «корней», чем марксизм К. Маркса.

В другом месте происхождение большевизма изображается еще проще: «Старое якобинство связывается с рабочим классом — получается большевизм». Здесь, таким образом, весь «ряд предшествовавших революционных течений», из которых сложился большевизм, сводится исключительно к одному русскому якобинству, зато марксизм даже в виде «элемента» большевизма исчезает с лица русской земли.

Как на неопровержимое подтверждение такого взгляда на русских якобинцев тов. Мицкевич еще и еще раз ссылается на слова Ленина из брошюры «Шаг вперед, два шага назад»:

«Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ» — большевик.

Мы полагаем, что тов. Мицкевич так же злоупотребляет этой фразой Ленина, как это делали в свое время меньшевики. Разница с меньшевиками у него только в том, что те *ругали* Ленина якобинцем, а тов. Мицкевич преподносит ему это название, как лестную похвалу. Но он так же усердно выискивает и «доказывает» *идейное родство* большевиков с якобинцами.

По поводу шумихи, поднятой меньшевиками вокруг «якобинства» б-ков, Ленин уже в 1905 г. дал исчерпывающие разъяснения. В брошюре «Две тактики» он писал:

«Якобинцы современной социал-демократии — большевики, впередовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уж как сказать, хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особность. Они хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком.

Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа — программа-минимум Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса. Мы хотим только пояснить своим *сравнением*, что представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы». ¹ (Курсив мой.)

¹ Цитиров. по сборн. соч. Ленина — «Тактика б-зма», Изд. «Моск. Рабоч.», стр. 74 — 75. См. Ленин. Сочинения т. VIII, стр. 64 — 65. Ред.

Говорить после этого об идейном родстве большевизма и якобинства, казалось бы, не приходится. Но ведь Ленин говорит здесь о якобинцах 1793 года, а вовсе не о русских якобинцах, — возразит нам тов. Мицкевич. Совершенно верно. Но именно те же самые якобинцы 1793 года, а вовсе не «русские» якобинцы имелись в виду Лениным в той цитате из брошюры «Шаг вперед», которую так многократно приводит тов. Мицкевич в своих печатных и устных выступлениях («якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата»... и т. д.). На это я обращал внимание тов. М-ча уже в предыдущей статье, но что же поделаешь, если он в своем ответе проходит мимо того, на что он должен бы был ответить. А между тем, с устранением этого недоразумения рушится вся его «теория русских якобинцев», по крайней мере, поскольку она опиралась на Ленина.

В заключение тов. Мицкевич спрашивает меня, откуда же вышел, по моему мнению, русский марксизм и, в частности, большевизм, и кто был его предшественником. Тов. Мицкевич тут же наперед отвергает, как «нелепый», обычный ответ на этот вопрос, ответ, гласящий, что русский марксизм ведет свое происхождение от «Черного Передела». Как из самой постановки вопроса, так особенно из того ответа, который дает на него ниже сам автор, мы с удивлением открываем, что марксизм, как учение Маркса, совершенно исчезает в России и выпячивается в своем качестве «русского» марксизма и большевизма как синтез предшествовавших революционных течений в России. Своей главной задачей тов. Мицкевич ставит доказать, вопреки обычному мнению, что «в общем и целом идейное родство большевизма было более близкое с русским якобинством и народовольчеством», чем с группой «Черный Передел». Для посрамления этой последней группы он приводит суровый отзыв о ней Маркса, назвавшего ее принципы бакунистской пошлостью. На ряду с этим он напоминает похвальные отзывы Маркса о русских якобинцах (народовольцах). Если бы тов. Мицкевич захотел различать революционность русских якобинцев и их социализм, то он едва ли стал бы ссылаться на Маркса. Мы знаем, что Маркс и французских якобинцев хвалил, хотя те социалистами вовсе не были. Что же касается социализма Ткачева и народовольцев, то, как известно, он ничем существенным от социализма чернопередельцев не отличался и, если применить жесткое выражение Маркса, целиком сводился к «бакунистской пошлости».

Поскольку же эти «бакунистские пошлости» у народовольцев на деле все больше отходили на задний план, уступая место террору, постольку «русские» якобинцы превращались во французских.

Нисколько не меняет дела и программа рабочей группы «Народной Воли». Несмотря на отметки Маркса, ничего марксистского в ней нет (в чем сам Маркс сомневался, конечно, меньше всех). Основную мысль этой программы можно обозначить словами: «рабочие для революции».

Перевернуть эту формулу смогли только русские марксисты. Но это не могло произойти без радикального переворота во всем народническом мировоззрении.

Превращение горсти чернопередельцев (а позже и отдельных народовольцев) в марксистов означало вовсе не эволюцию взглядов той или иной группы мелкобуржуазной революционной интеллигенции (каковой было, например, образование «Народной Воли» из «Земли и Воли») и не синтез революционных идей разных групп. Нет, такое превращение было фактом гораздо большей важности. Оно означало пришествие рабочего класса, как самостоятельной революционной силы.

Еще не успев вырасти из народнических пеленок, передовой рабочий упрямо тянулся к пролетарскому социализму и к зап.-европейскому рабочему движению. Уже Петр Алексеев заявил в своей речи, что он «несколько знаком с борьбой наших европейских собратьев». Южно-Российский Союз Рабочих умудрился списать главный пункт своей программы с устава Международного Общества Рабочих. Целый ряд рабочих от станка, не довольствуясь народнической учебой, отправляется в Зап. Европу в поисках священного огня. Наконец «Северный Союз» вступает в открытую борьбу со своими учителями и пробивает первую большую брешь в народничестве.

Пролетарский социализм, таким образом, зарождается у нас раньше появления на свет группы «Освобождение Труда» и ее «предшественника» «Черного Передела». Не раньше этого пролетарского движения появляется и «Народная Воля». Таким образом, ставить вопрос о происхождении русского марксизма в виде родословной интеллигентских групп или партий, как это делает тов. Мицкевич, я считаю абсолютно невозможным и отвечать на его вопрос в таком виде не могу. Тов. М. явно смешивает здесь вопрос о происхождении рус-

ского марксизма с вопросом о происхождении первых русских марксистов.

Первые русские марксисты вышли из мелкобуржуазного «Черного Передела», и «нелепого» в этом столько же, сколько и в том, что Маркс и Энгельс вышли из буржуазной среды. Но русский марксизм (как и повсюду) самого пролетарского происхождения. По мере своего роста рабочее движение стало притягивать к себе отдельных лиц, отрывая их от мелкобуржуазных революционных течений, — точно так же, как раньше эти мелкобуржуазные течения увлекали за собой отдельных рабочих и целые рабочие группы. От своих новых руководителей рабочее движение неумолимо требовало самого решительного разрыва с «идейными родственниками» из мелкобуржуазных течений. Насколько добросовестно выполнял это требование Плеханов, видно из первых же его марксистских литературных работ: «Пролетарская революция никоим образом не может вырасти из того мелкобуржуазно-крестьянского социализма, проповедниками которого являются почти все наши революционеры». И именно эта резкость и непримиримость в борьбе с «мелкобуржуазно-крестьянским» социализмом русских народников вообще и «русских якобинцев» в частности была залогом успеха русского марксизма.

Независимо от неправильной постановки вопроса, самая родословная тов. Мицкевича полна противоречий. Он считает нелепым происхождение русского марксизма от «Черного Передела», как от группы архи-мелкобуржуазной и анархической. Для устранения этой нелепости он пытается провести и группу «Освобождение Труда» через чистилище «русского якобинства», ссылаясь на ее сближение с «Народной Волей» и на совместную работу с нею перед своим самостоятельным выступлением. Но ведь посвящение членов группы «Освобождение Труда» в якобинцы нисколько не устраняет факта их происхождения из «Черного Передела»; да к тому же и сама-то «Народная Воля» вышла из такой же архи-мелкобуржуазной и анархической «Земли и Воли».

Слияние группы «Освобождение Труда» с «Народной Волей» все же не состоялось: «все растущий уклон в марксизме мешал этому слиянию» — пишет тов. Мицкевич. С точки зрения «родословной» и сам-то марксизм оказывается только «помехой» к превращению старых народников в добрых русских якобинцев, как предшественников большевизма.

С другой стороны, даже после появления в России подлин-

ного марксизма русские якобинцы продолжают оставаться «предшественниками» и тем яснее-ясного показывают силу своего «идейного родства» не с марксизмом, а с «рядом предшествующих революционных течений».

Но все эти противоречия нисколько не могут смущать тов. Мицкевича, поскольку он считает русских якобинцев предшественниками не марксистов вообще, а именно большевиков. Превосходным подтверждением этой мысли мог бы служить интересный эпизод, недавно рассказанный Л. Г. Дейчем (и почему-то упущенный тов. М-чем). В 1882 г. эта группа получила от Исполнительного Комитета «Народной Воли» широко-вещательное послание, извещавшее о решении комитета в самом близком будущем «захватить власть» и запрашивавшее группу о ее позиции в виду этого важного события. Плеханов предлагал на это ответить народолюбцам, что они не имеют никакого понятия о современном социализме и зап.-европейском рабочем движении. И он был, конечно, прав. Но теорию русских якобинцев это обстоятельство нисколько не ущемляет и даже наоборот: пусть они, якобинцы, не были еще марксистами, но *большевизма*-то у них было больше, чем у самих тогдашних марксистов. Сам тов. Мицкевич такого вывода не делает, но ведь такой именно вывод неизбежно вытекает из всех его рассуждений и аналогий.

Наконец, необходимо отметить существенную разницу в происхождении русского марксизма и большевизма. Необходимо это сделать потому, что тов. Мицкевич фактически совершенно игнорирует русский марксизм до появления большевизма, замещая его (марксизм) русским якобинством.

Как ни труден был путь к усвоению марксизма в России, но самый-то марксизм, как результат опыта классовой борьбы передовых капиталистических стран, был, в своих главных очертаниях, ко времени появления его в России вполне законченной, цельной и стройной революционной теорией.

Большевизм, как продолжение марксизма, возникает на почве *русского* революционного опыта. . . «возникший на этой гранитной теоретической базе (т. е. на базе марксизма. Н. Б.) большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903 — 1917, историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной на свете». ¹

¹ Ленин, «Детская болезнь», Петерб. 1920 г., стр. 10. См. Ленин. Сочинения, т. XXV, стр. 175. Ред.

Если, таким образом, о русском марксизме можно говорить, как о наследстве (и уже, конечно, не русско-якобинском, а западно-европейском), то большевизм — это исключительно благоприобретенное достояние русских марксистов.

Таким образом, даже в русском марксизме до начала 1900-х годов никакого большевизма — Ленин не видит. Для превращения русского марксизма в большевизм не хватало именно невиданного раньше богатства революционного опыта. О каком же большевизме (или его «корнях», «элементах» и т. п.) можно говорить (не сходя с рельс исторического материализма и не злоупотребляя аналогиями) до появления русского марксизма, когда революционного опыта было еще меньше, а «гранитной теоретической базой» служили народнические предрассудки?

Р. С. В конце своей статьи, в сноске, тов. Мицкевич с удовлетворением отмечает совпадение своих взглядов в *общем* со взглядами М. Н. Покровского в его последней книжке «Очерки по истории революционного движения в России» и в других произведениях. Эти взгляды тов. Покровского он считает приемлемыми, а мои — «устарелыми».

В свое утешение я должен принять во внимание тот факт, что моим устарелым взглядам тов. Мицкевич противопоставляет взгляды не только М. Н. Покровского, но и Ткачева: «Как *современны*, как близки нам взгляды Ткачева!» — писал он в своей первой статье. Как ни неприятно мне прослыть отсталым человеком, но подновлять свои взгляды ткачевскими не собираюсь.

Что касается совпадения взглядов гг. С. И. Мицкевича и М. Н. Покровского, то оговорка «в *общем*» делает излишними всякие указания на многие и весьма важные расхождения между ними. Этих частных расхождений так много, что «общее совпадение» оказывается, по моему мнению, мало содержательным.

Я, однако, вовсе не хочу с своей стороны искать во всяком расхождении взглядов гг. М. Н. Покровского и С. И. Мицкевича подтверждение своих собственных взглядов. Здесь, конечно, не место останавливаться сколько-нибудь подробно на взглядах тов. Покровского на русских якобинцев. Но на одно суждение нашего авторитетного историка о Ткачеве я хотел бы обратить особое внимание тов. Мицкевича. М. Н. Покровский считает Ткачева «первым русским марксистом» («Очерки»,

стр. 62). С этим утверждением М. Н. Покровского я согласиться не могу. Но и тов. С. И. Мицкевич ничего подобного о Ткачеве не говорит, и я могу (признаюсь, не без злорадства) констатировать, что в этом пункте его собственные взгляды устарели так же, как и мои. Меня это обстоятельство мало смущает, так как кроме новизны никаких других преимуществ этот взгляд М. Н. Покровского не имеет.

Пролетарская Революция № 8 (43), 1925 г.

НА СВЕЖУЮ ВОДУ

КРИТИКА КРИТИЧЕСКОЙ АНТИКРИТИКИ В. И. НЕВСКОГО.

Еще в прошлом году в появившемся первом номере журнала «Борьба классов»¹ было напечатано обширное письмо в редакцию В. И. Невского: «Ответ моим критикам». С тех пор прошло много времени, утекло много невиской воды, но это литературное выступление нашего историка не вызвало никакого отзвука. Правда, виноват в этом невнимании и сам автор «Ответа». Развязный тон и сухаревская «словесность», которою так кокетливо он щеголяет в этом произведении, не располагают к дискуссии. И все-таки замолчать его «Ответ» было бы несправедливо. Поскольку В. И. Невский выдвигает, защищает и проповедует ряд своих теоретических и исторических суждений и при этом жалуется на взводимые на него «поклепы», — нельзя оставлять его в положении человека, вопиющего в пустыне, и отбивать, таким образом, всякую охоту к дальнейшим научным изысканиям. Само собой разумеется, что я ограничусь той частью «Ответа критикам», которая относится только ко мне.

В своей рецензии на книгу В. И. Невского «Очерки по истории РКП(б)»² я указал на путаницу понятий, которую обнаруживает автор в своем изложении «метода Маркса». Вот как разъясняет В. И. Невский эту путаницу в своем «Ответе»: «Путаницу тов. Батурин, между прочим, видит в том, что я называю экономику фоном, на котором вырастают

¹ «Борьба классов». Исторический журнал, 1924 г., Ленинград. Изд. Ленинградского отделения Централхива РСФСР под ред. В. А. Быстрянского, В. И. Невского, А. Е. Преснякова и Т. И. Харченко.

² «Пролетарская Революция» № 8 — 9 (31 — 32). «По поводу книги В. И. Невского». (См. стр. 380 — 392 этого изд. *Ред.*)

те классовые соотношения, которые характеризуют нашу историю». Далее весьма обстоятельно автор разъясняет мне «азы марксизма». «История всякого общества, в том числе и нашего, есть история борьбы классов; борьба классов становится понятной, когда выяснены классовые соотношения борющихся, а классовые соотношения суть отношения производственные, а производственные отношения, их сумма — это экономика, экономическая структура данного общества, т. е. то самое основание». . . и т. д.¹

Итак: классовые соотношения вырастают на фоне экономики или экономической структуры. Экономическая же структура — это производственные, т. е. классовые соотношения, их сумма.

После столь обстоятельной муштровки по части «азов» наш автор растолковал таки мне «суть марксизма»: классовые соотношения вырастают на фоне. . . классовых соотношений, их суммы. А еще говорят, что у Невского история без философии!

Так же удачно разъясняется и другая путаница: «Гов. Батурин в качестве примера моей путаницы приводит мою фразу, что «экономическая структура в конечном счете является основой всякого общества».² Слова «в конечном счете» я отметил в рецензии курсивом, подчеркивая, таким образом, где именно заключается путаница. В. И. Невский разъясняет дело чрезвычайно просто: эти подчеркнутые, так сказать, пальцем указанные ему слова он в своем «Ответе» просто «не замечает». С уморительной обстоятельностью он мусолит цитаты из Маркса, Энгельса, Плеханова, ходит вокруг и около, чтобы доказать правильность своей фразы без этих слов, т. е. то, чего никто и не думал бы оспаривать. Некоторым оправданием этой обстоятельности может служить разве только то совершенство в подыскании нашим автором нужных цитат, которое иному читателю может показаться даже невероятным: «Беру на удачу, — пишет он, — первую попавшуюся книгу (!) и открываю первое попавшееся место (!!) и читаю следующее». . .³ Но из первого же, попавшегося В. И. Невскому, места (из книги Бельтова) явствует, что экономическая структура, служа «основанием, на котором». . . и т. д. сама в последнем счете определяется состоянием соответственных произво-

¹ «Борьба классов» № 1 — 2, «Ответ», стр. 409.

² Там же, та же страница.

³ Там же.

дительных сил. Что-нибудь одно: или у Невского два «конечных счета», или он, излагая «метод Маркса», смешивает «экономическую структуру» и «производительные силы».

«Не заметив» этой, совершенно ясно указанной ему, путаницы, В. И. Невский, приведя цитату из Бельтова, хочет отделаться следующим неумеренно-наивным замечанием: «Тов. Батурин считает неправильной, немарксистской такую терминологию»¹ (т. е. терминологию Маркса в книге Бельтова!). Опровергать эти заведомые пустяки, конечно, нет надобности, но указать на них следует, как на особый прием спора, заслуживающий не очень лестной «терминологии».

В своей рецензии я отметил, что В. И. Невский так изобразил возникновение капитализма в России, что «по точному смыслу его слов выходит, что население России до превращения ее в капиталистическую страну на классы не разделялось». Опровергнуть это В. И. Невский не может, так как «точный смысл» и говорит сам за себя.² Уклонившись от точного цитирования, Невский в «Ответе просто разбалтывает свою прежнюю неудачную редакцию и жалуется, что я взвожу на него «нелепый поклеп». Была ли эта неудачная редакция простой случайностью? Но вот другое место из его книги: «... капиталистический способ производства стал господствующим (в России, в конце XIX в. Н. Б.) со всеми его отличительными признаками — ростом и концентрацией капитала, внедрением капитала в земледелие, дифференциацией деревни, ростом рабочего класса, классовой борьбой»... и т. д. («Очерки», стр. 332). Трудно выразиться более ясно и определенно: В. И. Невский считает классовую борьбу отличительным признаком капиталистического способа производства. Но такую философию истории стыдно не только писать, но и читать.

¹ Там же, та же стр. Что касается собственно терминологии (не Маркса, конечно, а Невского), то я отметил, как неудачное, его выражение «фон» вместо «основание». Но «фон — это значит основание» — поучает меня В. И. Невский. Вероятно, он имеет в виду происхождение этого слова от французского — *fond* — основание. Что иностранные слова в русском словоупотреблении получают специфический смысл — до этого нашему историку нет дела. Обратим его внимание на следующее обстоятельство. От того же французского слова *fond* происходит другое русское — фонд. Хотя грамматическая связь здесь еще более ясна, но если какой-нибудь грамотей на этом основании (или на этом «фоне», как сказал бы В. И. Невский) станет говорить о «фонде экономической структуры», то он будет выражаться не более удачно, чем наш историк.

² См. «Прол. Рев.» № 8—9 (31—32), стр. 154 (в настоящем издании стр. 385. Ред.) и «Очерки» Невского, стр. 23.

Наш историк не дорос до понимания исторических взглядов не только Маркса, но и его предшественников (так как классовая борьба в истории была открыта еще до Маркса).

Защищаясь против «поклепа», Невский упрекает меня, что я «не сказал ни слова, что все 22 предыдущие страницы (его «Очерков») говорят о различных классах и их борьбе и в допетровской Руси и в Екатерининскую эпоху». Но, во-первых, все эти 22 страницы посвящены почти исключительно допетровским фабрикам и заводам, и, во-вторых, те немногие строки, которые посвящены крестьянству и его борьбе с помещиками, не говорят ни слова ни о классах, ни о классовой борьбе. Сам Невский в своем «Ответе», несколько ниже, косвенно это признает: «Ясно, что, говоря о борьбе посессионных рабочих эпохи Екатерины, я тем самым говорил о классовой борьбе этой эпохи».¹ Замечательно, что даже в своем ответе на мой «поклеп» В. И. Невский указывает, как на пример классовой борьбы в крепостнической России, только на борьбу посессионных рабочих и на стачки времен Николая I!² Крестьянство, или, по крайней мере, самая многочисленная и типичная его часть, занятая в сельском хозяйстве, совершенно игнорируется Невским, как особый класс, даже до падения крепостного права. Но это и значит сбиваться на тот вульгарный марксизм, который гласит, что вся история человечества была историей борьбы пролетариата и буржуазии.³

Само собой разумеется, что классовую обособленность крестьянства в царской России после падения крепостного права наш историк уж совсем не в состоянии постигнуть. Как ни странно в наши дни такое заблуждение, но В. И. Невский и в своем «Ответе» стоит за него горой, причем *способы* защиты им своих взглядов вполне достойны глубины этих взглядов.

В своей рецензии я писал:

«В полном согласии с таким учением о классах идет и дальнейшее изложение: «... Кроме того, есть многочисленное крестьянство, делящееся тоже на классы: батраков, сельскохозяйственных рабочих, пролетариев (не слишком ли много

¹ «Ответ», стр. 411.

² См. «Ответ», стр. 410 — 411.

³ Именно в таком духе, как известно, «излагал» В. И. Невский взгляды Плеханова в брошюре «Социализм и политическая борьба». См. «Прол. Рев.» № 8 — 9 (31 — 32), стр. 151. (См. стр. 382. Ред.)

классов? Н. Б.), полупролетариев, мелкое крестьянство, середняков и кулаков».¹

Мое замечание, вставленное в скобки, как это очевидно из его места в тексте, относится исключительно к первым трем «классам» и для всякого толкового человека оно может означать только одно: что батраки, сельско-хозяйственные рабочие и пролетарии, в смысле классовой группировки, означают одно и то же и что нелепо ставить их в ряд, как особые «классы», вместе с кулаками, середняками и пр.

Приведенную выше выдержку из моей рецензии В. И. Невский в своем «Ответе» перепечатал целиком, не указав, по обыкновению, страницы,² но при этом вставленное в скобках замечание *выкинул*, а после этой цитаты пишет:

«Приведя это мое деление (стало быть, все деление до кулаков включительно. Н. Б.), тов. Батурин восклицает (в скобках): «Не слишком ли много классов?» («Ответ», стр. 411, курсив мой). Таким образом, в своем «изложении» В. И. Невский перекидывает это мое замечание из середины в конец, относя его к другим группам «своего деления», придавая ему тем самым другой, совершенно неожиданный смысл.

Проделав такую «операцию», историк торжественно заявляет, что это «свое деление» он взял у Ленина, и с удивительной развязностью спрашивает: «Не скажет ли и тов. Ленину тов. Батурин: не слишком ли много классов? Вероятно, скажет»...³

Единственно, что я могу сказать по поводу этой выходки развязному историку, это то, что Ленин в защите посредством передержек не нуждается.

Посмотрим теперь, в какой мере помогают В. И. Невскому эти героические приемы в защите его позиций? Он с ужасом цитирует мою фразу: «Крестьянство, как целое, как сословие, составляет особый класс». Без «операции» и здесь дело не обошлось. Из этой, приведенной им фразы, он *выкинул* (какой срам!) слова «при царизме». А дальше излагает дело еще проще: тов. Батурин считает сословие классом.⁴ «Возражать»

¹ «Прол. Рев.» № 8 — 9 (31 — 32), стр. 154. (См. стр. 385. Ред.)

² Характерно, что, «излагая» (своими словами) и даже «цитируя» (на свой манер) мою статью, Невский в своем «Ответе» нигде не указывает не только страниц, но даже заглавия статьи и журнала, в котором она была напечатана.

³ «Ответ», стр. 410.

⁴ Там же, стр. 411.

против такого «изложения» не приходится. Я, однако, думаю, что моя фраза о крестьянстве, «как сословии», даже в «изложении» Невского, могла бы произвести столь потрясающее впечатление только на марксиста, весь исторический кругозор которого ограничен «борьбой буржуазии и пролетариата». Наш историк, хорошо заучивший разницу между сословием и классом, совершенно не был бы потрясен и не пугал бы читателя этой фразой, если бы он, действительно, был знаком с тем, что писал Ленин о положении и роли крестьянства, как сословия, в обстановке царизма (а не заимствовал бы у него только «свое деление» на кулаков, середняков и пр.), если бы он прочитал и усвоил, например, следующие строки из его статьи: «Аграрная программа русской социал-демократии»:

«Остатки старого крепостного порядка страшно еще велики в нашей деревне. . . Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства, крестьянство продолжает еще оставаться *классом*, именно *классом* не капиталистического, а крепостнического общества, т. е. *классом-сословием*». (Курсив Ленина.)¹

Отсюда совершенно очевидно, что ограничиваться только указанием на классовые группировки (капиталистического порядка) *внутри* крестьянства, как это делает В. И. Невский в своих «Очерках», значит грубо исказить действительные классовые соотношения России конца XIX века. На эту ошибку Невского я и указывал в рецензии, говоря, что он «. . . упускает из виду, что при царизме, до самого конца его существования, крестьянство, как *целое*, как *крестьянское сословие*, составляет особый класс, несмотря на указанные им *расслоения*».²

В своем «Ответе» В. И. Невский, применив героические средства и защитив еще раз «свое деление» (на кулаков, середняков и пр.), т. е. то, чего никто не оспаривал,³ доказал только то, что своей грубой и притом уже указанной ему ошибки он не понимает. А не понимать *классовой обособленности* крестьянства, как *сословия*, значит, не понимать и его революционной роли в *буржуазной* революции.

Это непонимание действительных классовых соотношений в царской России составляет коренной порок «Очерков» В. И.

¹ Собр. соч., 1923 г., IX, 289.

² «Прол. Рев.» № 8—9 (31—32), стр. 154. (См. стр. 385. Ред.)

³ и что, кстати сказать, было известно еще до Ленина любому завалящему статистику.

Невского и распространяется не только на крестьянство, но и на рабочий класс. Всякая попытка нашего историка иллюстрировать не переваренный им «метод Маркса» на фактах рабочего движения, всякая теоретическая отсебятина являет пример удручающей вульгаризации марксизма.

По поводу издания фабричного закона (9 марта 1892 г.) под напором рабочих волнений В. И. Невский сделал в своих «Очерках» следующее глубокомысленное замечание, которое было отмечено мною уже в рецензии, как пример такой вульгаризации и которое наш историк с гордостью перепечатывает в своем «Ответе»:

«Под его (рабочего движения. Н. Б.) влиянием, а стало быть и под влиянием производительных сил в России начинает меняться и такая идеологическая надстройка, как законы, как юридические отношения, закрепленные законом».¹

До какой степени не попад пристегнуты здесь и производительные силы, и надстройки, ясно без особых разъяснений. Но наш историк в «Ответе критикам» старается еще углубить свое глубокомысленное замечание ссылкой на следующее положение из книги Бельтова («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»): «... Основная причина общественно-исторического процесса есть развитие производительных сил...».

Блаженной памяти «экономисты» в борьбе со старой «Искрой» защищали свои позиции, между прочим, следующим убийственным аргументом: Маркс-де учил, что человечество ставит себе только возможные задачи. Ну, так вот и они, «экономисты», «подобно человечеству», ограничиваются пока что требованием кипятку...

В. И. Невский в своем применении «метода Маркса», не ушел дальше наших «экономистов». Если основная причина общественно-исторического процесса есть развитие производительных сил, — рассуждает наш историк, — то ясно, что и издание фабричного закона царским министром, «подобно общественно-историческому процессу», объясняется той же основной причиной — развитием производительных сил.

Неудовлетворительность такого «метода Маркса» можно легко обнаружить на судьбах того же фабричного законодательства в России. Сам Невский в «Очерках», рассказав об издании фабричных законов 80-х годов, дальше сообщает:

¹ «Ответ», стр. 409.

«Очень скоро, а именно 24 апреля 1890 года и в 1893 году законы 1885 и 1886 годов были изменены: фабриканту опять предоставлялся огромный простор, и фабричная инспекция превращалась в послушный аппарат, защищающий интересы капиталистов».¹

Если нас спросят, что было основной причиной издания закона 1885 года, то «по Невскому» мы можем без запинки ответить: развитие производительных сил. Но если нам зададут вопрос, почему это «юридическое отношение, закрепленное законом» 1885 года, 24 апреля 1890 года, превратилось в мыльный пузырь, мы уже попадаем в немалое затруднение: прекратилось ли в этот момент развитие производительных сил, или общественно-исторический процесс не состоялся по каким-нибудь другим уважительным причинам?

В своей рецензии я характеризовал этот «метод» В. И. Невского (развитый на стр. 211 «Очерков»), как склонность объяснять всяческие исторические изменения, отправляясь прямо и непосредственно от «развития производительных сил». Я не считал при этом нужным разъяснять, что «производительные силы» действуют только через посредство классовых соотношений. Как же понимает дело В. И. Невский? Чтобы доказать, что он «не прямо и не непосредственно» объяснял изменения «идеологической надстройки», он указывает на то горячее участие в судьбах фабричного законодательства «разных групп капиталистов», о котором рассказано у него в другой части его книги (на стр. 332). «Таким образом, — говорит он в «Ответе» по поводу этого участия, — давление рабочего движения на правительство переплеталось самым причудливым образом с теми влияниями, которые оказывались на правительство разными группами капиталистов, а разное влияние этих групп, как видим, объяснялось различным уровнем техники и, в конечном счете, развитием производительных сил».²

Нетрудно видеть, что изображенное здесь «причудливое переплетение разных влияний» представляет собою только пародию на классовые соотношения в царской России. Автор и здесь неизменно сбивается на свой трафарет «борьбы буржуазии и пролетариата».

Классовые соотношения в России конца XIX века сложились на основе старых производительных сил земледельческой,

¹ «Очерки», стр. 332.

² «Ответ», стр. 410.

крестьянско-помещичьей страны, ничего общего не имевших с фабриками, заводами, железными дорогами и пр. Ни рабочее движение, ни рост производительных сил (рост фабрик, заводов и пр.) не могли изменять юридических и прочих надстроек, не сдвинув с места этих старых классовых соотношений. Еще меньше могли это сделать «разные группы капиталистов», «давление» которых на правительство, в силу сложившейся исторической обстановки, в общем и целом всегда было давлением реакционеров на консерваторов.¹ И характер рабочего движения (отсутствие профсоюзов, периодические стихийные «взрывы» и пр.) и судьбы фабричного законодательства в царской России (его неустойчивость, ублюдочность) показывают, что самодержавие никогда не могло приспособиться к росту производительных сил. Зато «разные группы капиталистов» с успехом приспособлялись к докапиталистическим классовым соотношениям и надстройкам. Вот почему, изображая законодательное творчество министерских канцелярий, под напором рабочих волнений, как «изменение надстроек», наш историк пишет сущие пустяки. Именно, в интересах сохранения существующих надстроек (боясь рабочих волнений), правительство русских помещиков издавало фабричные законы, нередко подавляя при этом не в меру реакционные домогательства русских фабрикантов. Не изменением надстроек было это ублюдочное законодательство, а выражением все более возрастающих противоречий между ростом производительных сил и старыми классовыми соотношениями и соответствующими надстройками.

Гвоздем исторического повествования (в более тесном смысле) «Очерков» В. И. Невского является «организация Точисского». Плохо разобравшись в источниках, наш историк со свойственным ему энтузиазмом и с большим шумом провозгласил эту интересную организацию 80-х годов «настоящей социал-демократической организацией».²

При внимательном знакомстве с источниками (пока еще скудными) можно было бы в кратких словах охарактеризовать направление тов. Точисского этого периода так: тов. Точисский был тем *народником*, у которого место крестьянства занял

¹ Известно, что министерство внутренних дел, призванное охранять устои самодержавия, в вопросах фабричного законодательства и вообще рабочего движения, считалось всегда «либеральнее» министерства финансов, обслуживавшего интересы капиталистов.

² «Очерки», стр. 239.

промышленный пролетариат. По крайней мере, основной и решающий вопрос социалистического движения 70-х и 80-х гг., вопрос об отношении социализма к политической борьбе Точисский решал в то время в первобытно-народническом духе, т. е. считал борьбу народовольцев с царизмом только средством к завоеванию власти новыми врагами народа. На это и было мною указано в рецензии. Что же мог возразить на это Невский? Он написал в своем «Ответе» по поводу Точисского целую страницу. Хлопотливо, старательно он перечислил и даже перенумеровал свои «аргументы» в пользу «социал-демократичности» организации Точисского и мои против «социал-демократичности». Более добросовестного «Ответа критикам» и представить себе нельзя. И вот, поди-ж, ты: о самом-то главном, о народническом отношении «настоящего» социал-демократа к политической борьбе, на которое было указано, наш историк *«забыл»* упомянуть. Захлопотался, бедняга!..

Какую же цену имеют «аргументы» Невского, взятые без всякой связи с этим основным вопросом? Берем для примера аргумент № 4 из общей кучи: «Он (Точисский) отвергал террор». Правда, социал-демократы террор отвергали. Но, по мнению Точисского, «террор, в конце концов, лишь средство завоевать власть для вырастающего класса буржуазии». ¹ Отвергая террор, Точисский, в основном вопросе движения, не дорос еще не только до социал-демократов, но и до народовольцев.

Но самым интересным из «аргументов» Невского является его аргумент, касающийся «гегемонии пролетариата». Эта «гегемония пролетариата», как и «классовые соотношения», не дается нашему историку, как заколдованный клад. В своих «Очерках» Невский приписывает Точисскому эту «гегемонию», исходя из его (Точисского) убеждения, что «единственным революционным классом в России является пролетариат». ² На неправильность такого умозаключения Невского было указано уже в моей рецензии: «если пролетариат был единственной революционной силой, то отсюда как раз и следует, что не было никаких других сил, над которыми пролетариат мог бы осуществлять свою гегемонию». Защищая в своем «Ответе» «гегемонию» Точисского, Невский поправляется

¹ См. «Очерки», стр. 239.

² См. характеристику А. Л. Брейфуса в «Очерках» Невского, стр. 239.

«из куля в рогожу»: ... «так как он (Точисский) думал, что единственным, самым революционным классом является пролетариат, то отсюда и вытекает то заключение, которое мной сделано, а именно, что, по мнению Точисского, в революции гегемоном будет пролетариат» (стр. 414). Протащив на глазах читателя новое (мною подчеркнутое) словечко («самым»), наш историк не замечает той нелепости, которая получается в результате его новой стряпни: ведь если пролетариат был самым революционным классом, то он не мог быть единственным революционным (ведь, были, значит, другие, менее революционные); если же пролетариат был единственным революционным классом (как действительно полагал Точисский и как излагает его взгляд сам Невский несколькими строками выше), то он не мог быть «самым революционным» (так как ведь его не с кем было сравнивать).

Но оставим в покое Точисского, ни о какой «гегемонии пролетариата» не говорившего. Посмотрим, правильно ли умозаключение нашего историка из посылок, им самим сочиненных, достаточно ли признать известный класс самым революционным, чтобы считать необходимой его гегемонию в революции? Маленькая справка с историей нашей первой революции даст нам вполне ясный ответ: Плеханов и меньшевики в 1904 — 1905 гг., несомненно, считали русский пролетариат самым революционным классом в России, и, тем не менее, гегемонию в революции они любезно предоставляли городской буржуазии.

После такой упорной защиты (с негодными средствами) Невский добился только одного: он показал своей «антикритикой», что самой сути вопроса о гегемонии пролетариата он не понимает.

Замечательно (по добросовестности) изложение моих «аргументов». «Забыв» упомянуть об отмеченном мною народническом понимании Точисским политической борьбы, добросовестный Невский приписывает мне взамен этого моего возражения против «настоящей социалдемократичности» целых 4 «аргумента»:

1) «выхватывание отдельных фраз». О каких фразах идет дело, Невский не сообщает и, тем не менее, возвращаясь к этому странному моему «аргументу», говорит: «О первом аргументе говорилось довольно». (!)

2) «утверждение, что до 900-х годов о гегемонии пролетариата в России никто не заикался».

Мы уже видели, что «гегемония» нашему историку не дается. Не возвращаясь по существу к злополучной «гегемонии», отмечу только нелепость состряпанного Невским «моего аргумента». Я утверждаю, что Точисский ничего не говорил о гегемонии пролетариата. Но, если и все социал-демократы также о ней не говорили до 900-х годов, то каким образом это обстоятельство может служить «аргументом» против «социал-демократичности» Точисского?

Аргумент 3-й: что я считаю А. Брейтфуса социал-демократом неправильно, *«потому что тов. Батури́н его встречал лет 10 после его участия в группе Точисского и Андрей Брейтфус не был социал-демократом»*. Подчеркнутые слова Невского представляют заведомую, махровую неправду. Я утверждал в своей рецензии, что А. Л. Брейтфус не был социал-демократом *во время* его участия в организации Точисского, а не «лет 10 после», как хочет изобразить историк. При этом я ссылался не на свою встречу с А. Л. Брейтфусом, а на его воспоминания (приводимые и Невским) и на жандармское «дело» о Точисском и др. О своей же встрече с А. Брейтфусом я сообщил совершенно в другой связи.¹

4-й «мой аргумент» не хуже трех предыдущих: он, Невский, «не сказал, что Генрих и Андрей Брейтфус одно и то же лицо». Правильнее было сказать: он, Невский, говорил в своих «Очерках» об Андрее и Генрихе Брейтфусах, как о двух отдельных лицах, хотя из жандармского «дела» он мог бы узнать, что это одно и то же лицо. Дело, однако, не в этой неточности. Это мое замечание о недоразумении Невского с двумя именами А. Брейтфуса историк пытается изобразить тоже, как «мой аргумент» против «социал-демократичности» группы Точисского. Назовись, например, А. Л. Брейтфус Еремой — и направление группы было бы иное. Таковую чушь мой антикритик пытается мне приписать, несмотря на специальную оговорку, что я рассматриваю указанную ошибку Невского «независимо от крайней предвзятости и тенденциозности, как образец вообще невнимательного отношения к документам».²

«Рассуждения тов. Батурина о группе Точисского, пожалуй, последние рассуждения, которые еще можно принимать во

¹ См. «Прол. Рев.» № 8—9 (31—32), стр. 157. (См. стр. настоящего издания 388. Ред.)

² Там же, стр. 158. (Стр. 389. Ред.)

внимание» — пишет дальше В. И. Невский. Как он «принимал во внимание» мои «рассуждения», мы только что видели, и если мой немилосердный антикритик находит, что там он еще слишком церемонился, то что же будет с моими прочими рассуждениями? . . . И, действительно, вот что гласит дальнейшая антикритика: «Остальная» критика «тов. Батурина напоминает критику того семинариста, который коротенько, за пять минут до окончания урока, *разбивал теорию Дарвина. Поэтому ограничусь только указанием на невежество тов. Батурина и на источники, где он может почерпнуть данные для пополнения своих знаний*» (стр. 415, курсив мой).

Признаюсь, что, когда я «разбивал» (выражаясь громко) даже самые фундаментальные теории нашего историка, теории «классовых соотношений» и «гегемонии пролетариата», то мне даже в голову не приходило сравнить их с теорией Дарвина. Это свое невежество я без всяких обиняков признаю. Не стану скрывать и того, что эти теории и, главным образом, способы их защиты напоминали мне не Дарвина, а нашего незабвенного соотечественника Ивана Александровича Хлестакова. Но так ли уж велико мое невежество? Ведь если я, не понимая аналогии между теориями Дарвина и Невского, грешил некоторой недооценкой научных достижений нашего историка, то, с другой стороны, я имел в виду целый ряд других его достоинств, так как, если уж на то пошло, наш земляк Иван Александрович Хлестаков имеет перед Дарвином целый ряд преимуществ (например, художественность языка, легкость в мыслях, способность управлять департаментом, увлекательность в изложении фактов и пр.).

И еще одно соображение в защиту моей аналогии: почему наш историк так (хотя и не очень скромно) «ограничился»? Почему бы ему не привести моих «невежественных» возражений и не обличить, таким образом, моего невежества, вместо того, чтобы просто «показывать язык»?

Перейдем к разбору остальной «антикритики». При этом я не ограничусь справкой с указанными мне «источниками», но приведу в точности мои «невежественные» замечания. Такая справка нам покажет, что приведенные В. И. Невским источники от неприведенных им «невежественных» возражений его не спасают.

«1) О направлении «Великорусса» и «Современника», — указывает источники Невский, — хотя бы у тов. Покров-

ского, стр. 150 и след. в томе IV его «Русской истории»... (первоисточников не указываю, все равно тов. Батурин не прочтет)». ¹

В своих «Очерках» Невский определял направление Чернышевского и руководимых им журналов, как «либерально-демократическое». Мною было указано в рецензии, что эти два слова вообще не вяжутся и «особенно не подходят они в своем сочетании к Чернышевскому, так как именно последний в своих работах усиленно подчеркивал враждебность либерализма демократии». ²

Пополнив свое образование 150-й страницей из «Истории» М. Н. Покровского, я нашел там следующую цитату из известной статьи Чернышевского («Борьба партии во Франции»):

«У либералов и демократов существенно различны коренные желания, основные побуждения. Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве, с одной стороны, уменьшить силу и богатство высших сословий, с другой, дать более веса и благосостояния низшим сословиям. Каким путем изменить в этом смысле законы и поддержать новое устройство общества, для них почти все равно. Напротив, либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям, потому что эти сословия по своей необразованности и материальной скудости равнодушны к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно, к праву свободной речи и конституционному устройству» и т. д.

Но ведь это как раз те рассуждения Чернышевского о враждебности либерализма демократии, которые я и имел в виду в своей рецензии. Зачем же было выдвигать *против* меня этот источник? Может быть, вчитавшись в этот невольный приведенный источник (в котором, кстати, и «недоступный» мне первоисточник оказался), В. И. Невский догадается, что «либерально-демократический Чернышевский» — это такой же вздор, такие же «сапоги всмятку», как и «классовые соотношения, вырастающие на фоне экономической структуры». Само собой разумеется, что ни на 150-й ни на следующих страницах своей «Истории» М. Н. Покровский «либерально-демократиче-

¹ «Борьба классов», стр. 415.

² «Прол. Рев.» № 8—9 (31—32), стр. 159, (См. стр. 389. Ред.)

ским» направление Чернышевского не называет и протащить этот вздор за его спиной Невский не сможет.¹

По поводу отмеченного мною преувеличения в «Очерках» организаторской роли народников в рабочем движении Невский рекомендует мне «повнимательнее прочесть» брошюру Плеханова «Русский рабочий» и «вспомнить, как Плеханов характеризует роль Халтурина в организации рабочих» (курсив мой). Я приводил уже в своей рецензии свидетельство Плеханова о характере работы народников: «Народническая интеллигенция могла лишь... рекомендовать рабочим-социалистам «агитацию», «агитацию» и «агитацию»...

И вот Невский, чтобы доказать «организаторскую» роль народнической интеллигенции, подкидывает мне рабочего — Халтурина, который-де сыграл большую организаторскую роль среди рабочих. Нет, как хотите, а Дарвины так не доказывают!

В своих «Очерках» Невский писал, что Морозовская стачка была «блестящим подтверждением» прогноза Плеханова «о том, что, если у нас будет революция, то эта революция будет рабочая». Я заметил на это в рецензии, что известный прогноз Плеханова состоялся в 1889 г. (на Парижском международном социалистическом конгрессе), а Морозовская стачка была в 1885 г. и потому подтвердить прогноза не могла.

По поводу этого «невежественного» замечания историк дает мне следующее компетентное указание: «Относительно того, что будто бы Плеханов до 1889 и вообще русские с.-д. до 1900 г. не делали прогноза, что в России будет рабочая революция, — прочесть повнимательнее «Социализм и политическую борьбу» и «Наши разногласия» и «Что такое друзья Ленина» (стр. 415).

Несколько выше, по другому поводу, Невский утверждает,

¹ Если В. И. Невского смутили указания Покровского на известную непоследовательность демократической линии Чернышевского (проект адреса царю в «Великоруссе» и пр.), которую он (Покровский) совершенно правильно объясняет недостатком «демократической базы» для демократов тех времен, то напомним нашему антикритику, что тем же грехом и по тем же причинам грешили даже более поздние революционные организации, напр., «Народная Воля» (ср. ее знаменитое «письмо к Александру III»). Мало того, известную непоследовательность демократизма (именно переоценку революционных сил «общества») можно отметить даже у группы «Освобождения Труда» в первые годы ее существования. Никто не назвал бы, на этом основании, эти организации «либерально-социалистическими».

что в тех же, названных им, брошюрах Плехановым было развито учение о гегемонии пролетариата (просто беда с этой «гегемонией»!). Мне уже раньше приходилось отмечать, как грубо искажал Невский взгляды и суждения Плеханова. Здесь, в этом компетентном «разъяснении» наш историк буквально щеголяет своим незнанием Плеханова.

Как далек был Плеханов в начале своего социал-демократического бытия от своего прогноза 1889 г., можно судить хотя бы по следующему месту из его брошюры «Социализм и политическая борьба»: «Промышленные рабочие, обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство, примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом, и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию».¹

Так же (т. е. по образу и подобию революции 1848 г.) представлял себе Плеханов ход русской революции и участие в ней рабочих в «Наших разногласиях»:

«...рабочие кружки не замедлят стать на правильную политическую точку зрения. Борьба с абсолютизмом войдет тогда в новый и последний фазис; поддержанные рабочей массой, политические требования передовой части нашего «общества» получат, наконец, столь давно ожидаемое удовлетворение».²

Или в другом месте той же книги:

«Несправедливо было бы целиком взваливать на плечи рабочего класса все трудности освободительного движения, но вполне справедливо и целесообразно было бы привлечь к нему, между прочим, и рабочих».³

Не правда ли, как все это похоже на прогноз о грядущей рабочей революции и, в особенности, на учение о гегемонии пролетариата?

Наконец, если бы историк хотел сохранить какую-нибудь связь своих «разъяснений и указаний» с моими «невежественными» возражениями (а не просто по-хлестаковски потрясать воздух чванной фразой), то он должен был бы оставить в покое Ленина и его книгу «Что такое друзья народа». Ведь если Морозовская стачка 1885 г. не могла быть «блестящим

¹ Соч. Плеханова, т. I, стр. 154. Гиз. 1920.

² Соч. Плеханова, т. I, стр. 372. Гиз. 1920.

³ Там же, стр. 376.

подтверждением» прогноза Плеханова 1889 г., то каким образом могла бы она подтвердить прогноз Ленина 1894 г.?

По недостатку места ограничусь только одним пунктом из прочей «антикритики» Невского:

«На замечание тов. Батурина, что я будто бы говорил, что Халтурин начал революционную работу в Москве, и отвечать бы не следовало: на стр. 168 моей книги, где тов. Батурин будто бы нашел это, даже с лупой такого утверждения не найдешь. Вероятно, и здесь тов. Батурин вывел самостоятельное заключение, как он сделал заключение»... и т. д. и т. д. (стр. 416).

Драматизм положения может вызвать у читателя слезу сочувствия. В самом деле: указанную страницу, где «будто-бы» «это» написано, наш историк обследовал самым добросовестным образом (даже в лупу смотрел!) и, «бия себя в грудь», он божится, что ничего подобного там нет. Один поклеп!

Как известно, незабвенный Иван Александрович Хлестаков тоже не был чужд драматических эффектов. Однако, некоторые слушатели Ивана Александровича умеряли свои впечатления от диковинных рассказов трезвым соображением: «не прилыгнувши, никакой речи не бывает». Но ведь нынешний читатель — не гоголевский обыватель, и, если будет судить по себе, то, наверное, поверит нашему историку на слово и справляться не станет. А на 168 стр. у нашего историка черным по белому написано: «Поездка (в Америку. Н. Б.) не удалась, и Халтурин один, без паспорта и без денег, оказался в Москве. Здесь он попал на железную дорогу, в мастерские, где и работал с тех пор как рабочий столяр, воспользовавшись той выучкой, какую он получил еще дома и в земской школе. В рабочей среде Халтурин и превратился в того замечательного русского рабочего, каким его знает история русского революционного движения» и т. д. Далее следует повествование о деятельности Халтурина в «Северном Союзе», о переходе к террористам и о смерти в 1882 г. в Одессе. («Очерки», стр. 168 — 169). Но даже самый образованный читатель не найдет в этом повествовании указания какого-либо другого места деятельности Халтурина, кроме Москвы и Одессы. А почему бы, в самом деле, нашему историку не привести такого указания, вместо того, чтобы «божиться», — подумает иной читатель. Но, предупреждаю, что задавать такой вопрос нашему историку крайне неуместно и бестактно. Ведь

потому-то он и «божится», что такого указания привести не может.

Как мы видели, наш историк в защите своих теоретических позиций и исторических суждений не преуспел. Но еще Энгельс заметил, что метод исследования важнее добытых им результатов. Антикритика В. И. Невского замечательна именно своим методом. Если его теории, даже после «Ответа критикам» мало напоминают дарвинизм, то о «методологии» его антикритики можно без всякой натяжки сказать, что это — чистейшая хлестаковщина.

Кисловодск, 15 ноября 1925 г.

Р. С. Недавно в газетах появилось объявление о выходе из печати 2-го издания (исправленного и дополненного) I т. «Очерков по истории РКП (б)» В. И. Невского. В продаже это новое издание пока не появилось, и как оно исправлено, мне неизвестно. Обращаю внимание читателя на то, что настоящая статья (так же, как и «Ответ критикам» В. И. Невского) имеет в виду первое издание названной книги.

«Пролетарская Революция» № 12 (47), 1925 г.

В. НЕВСКИЙ. ИСТОРИЯ РКП(б). КРАТКИЙ ОЧЕРК.¹

«Предлагаемая вниманию читателя книга — краткий учебник и ни на что большее не претендует. В нем излагаются и освещаются факты и явления, главным образом, общеизвестные и твердо установленные», — говорится в предисловии.

С этой меркой и нужно подходить к оценке книги.

Полнота, обилие и свежесть привлеченного материала составляют лучшую ее сторону. В ней нашли место такие, напр., новейшие материалы, как Ленинские сборники, переписка Мартова с Аксельродом и пр. Материал этот, впрочем, распределен непропорционально, о чем подробнее придется говорить ниже.

Слабую сторону книги и, притом, обесценивающую ее именно, как учебник, составляет недостаточная проработка этих материалов и в особенности — очень неудачное теоретическое их освещение.

¹ Издательство «Прибой». Ленинград. 1926 г.

Невыгодно отражается на изложении автора его пристрастие к статистическим таблицам. Плохо проработанный статистический материал оказывается часто слишком громоздким, а порою приводится не впопад. Приведем пару примеров. На стр. 326 говорится: «Как показатель изживаемого кризиса, характерно повышение цен на хлеб на внутреннем рынке». Дальше приводится таблица хлебных цен, из которой, однако, видно не повышение, а понижение этих цен в период подъема. А именно: за 1900 — 1909 гг. (т. е. за годы кризиса) средняя цена была 96,3, а за 1910 — 1914 (годы подъема) — 78,9. Приведенные же в начале таблицы цены за 1890 — 1899 гг. к изживанию кризиса 1900 — 1909 гг. вообще не имеют отношения.

Совершенно непоказательна и бесцельна также следующая таблица, которая будто бы говорит «о таком же процессе изживания кризиса». Таблица эта показывает последовательное увеличение вкладов в ссудо-сберегательные кассы и кредитные товарищества за 1912, 1913 и 1914 гг. Но так как за предыдущие годы, годы кризиса, соответствующих цифр не приводится, то никаких выводов из этой таблицы сделать нельзя. Таблица на 371 стр. «Сборы от рабочих групп за 1913 г.», помещенная без всяких объяснений, оказывается непонятной, так как не указано, что обозначают приведенные в ней голые цифры.

Теоретическая слабость книги обнаруживается прежде всего в попытке применения теории исторического материализма к объяснению исторических фактов. Так, подводя итоги всем историческим явлениям, вызвавшим революцию 1905 г., автор, между прочим, пишет:

«Таким образом, в самом строе, внутри которого зрели и развивались новые могучие производительные силы, они встречали препятствия и путы. Под напором этих новых производственных отношений рвались старые формы жизни, и рано или поздно разрушительные процессы должны были окончиться катастрофой» (стр. 240, курсив мой).

В этой попытке теоретизировать «по Марксу» русскую революцию даже в самых общих ее чертах, поражает грубое непонимание такого основного и вполне определенного марксистского термина, как «производственные отношения». По Марксу всякая революция выражается в том, что производительные силы перерастают старые производственные отношения. По Невскому же — «новые производственные отношения»

оказываются налицо еще до «катастрофы», т. е. до революции, которая еще только «рано или поздно» должна наступить.

Что этот цветок «исторического материализма» не случайный дар, можно заключить из таких же (но гораздо более многочисленных) теоретических выступлений автора в его капитальном труде — «Очерках по истории РКП (б)», к которым он нередко отсылает читателя учебника для более глубокого изучения истории.

Более наглядно обнаруживается эта теоретическая слабость автора там, где он от более отвлеченных теоретических формулировок переходит к оценке конкретных исторических сил русской революции, к «марксистскому анализу» классовых отношений.

Основным его грехом, как партийного историка, является непонимание классовой обособленности крестьянства при самодержавии. Отмечая этот грех В. И. Невского уже в его «Очерках», мы писали: ...«не понимать классовой обособленности крестьянства, как *сословия*, значит не понимать и его революционной роли в *буржуазной* революции». ¹ В настоящем учебнике автор как будто задался целью более наглядно, «популярно» разъяснить это свое непонимание.

Уже в описании упомянутых выше «разрушительных процессов», подготовлявших революцию 1905 г., обращает на себя внимание отсутствие крестьянского движения, как одного из важнейших процессов этого рода. Более определенно автор развивает свой взгляд на крестьянство, когда подходит вплотную к изложению самой революции 1905 года и к разъяснению большевистской тактики в этой революции. Рассказывая о большевистском съезде и меньшевистской конференции 1905 г., он пишет:

«Центральным вопросом, обсуждавшимся на съезде и на конференции, несомненно, был вопрос о временном революционном правительстве, так как в этом вопросе и выявилась вся глубина разногласий между якобинцами и жирондистами русской революции. Это был вопрос о двух тактиках социал-демократии в буржуазно-демократической революции, вопрос о том, кто будет *гегемоном революции* — революционный пролетариат во главе с революционной социал-демократией или буржуазия во главе с царем и помещиками, ибо три силы всту-

¹ См. «Пролет. Рев.». № 12, 1925 г., ст. «На свежую воду», стр. 231. (Стр. настоящего издания 410. Ред.)

нили в борьбу в эпоху первой русской революции: реакция, т. е. помещики, феодалы, крупные землевладельцы во главе с царем, они бились за «свои» земли и привилегии; либеральная буржуазия во главе с освобожденцами и кадетами (впоследствии конституционно-демократическая партия), они бились за буржуазный строй, за условия, наиболее благоприятные для развития этого строя; революционный пролетариат во главе с социал-демократией, он бился за уничтожение феодального строя, за демократию, как необходимую предпосылку социализма. Политически после 9 января это выразалось в том, что правительство, т. е. крупные помещики и царь, под ударами революции готово было созвать законо-совещательное собрание народных представителей, революционный пролетариат требовал полного перехода власти к Учредительному собранию, а либеральная буржуазия, не требуя всей полноты власти для Учредительного собрания, готова была поделить власть между буржуа и помещиком, пойти на сделку с царем, ограничиться конституционной монархией.

Вопрос осложнялся еще тем, на какую чашку весов положит свою руку огромная часть мелкой буржуазии — революционное крестьянство» (стр. 262 — 263, курсив мой).

Мы привели эту длинную выдержку, так как она дает наиболее полную характеристику взглядов автора, так как в ней выявилась «вся глубина» понимания большевистской тактики нашим историком «якобинцем».

Прежде всего здесь замечательна глубина понимания «гегемонии в революции». Не постигший этой глубины читатель с изумлением узнает из учебника В. И. Невского, что центральным вопросом «двух тактик» был вопрос о том, не выступают ли помещики и сам царь во главе гегемонии в революции? Что это удивительное толкование «двух тактик» не простая случайность и что она вытекает из понимания «гегемонии», мы знаем из той путаницы в рассуждениях о ней В. И. Невского, с которой мы уже имели дело в других его работах и по поводу которой мы писали, что «эта «гегемония» не дается нашему автору, как заколдованный клад». ¹ Но мы и тогда еще не думали, что эта путаница может предстать перед читателем в таком «популярном» виде в учебнике.

Но не менее замечателен и тот анализ движущих сил революции 1905 г., который кладется в основу большевистской

¹ См. «Прол. Рев.». № 12, стр. 234. (См. стр. 414. Ред.).

тактики. Как видно из этого «анализа», в числе трех «сил, вступивших в борьбу в эпоху первой русской революции» (помещики, либеральная буржуазия, пролетариат), совершенно отсутствует крестьянство.

Что крестьянство никакой силы в эпоху первой русской революции не составляло, — этому, думаем, не поверят не только большевики, но и... русские помещики, так как им-то хорошо известно, что они не только «бились», но и были часто биты за свои земли этой самой силой.

Пойдем дальше. Наличие трех указанных сил и их борьба «политически выражалась» непримиримой позицией пролетариата и взаимными уступками двух других сил. Здесь, повидимому, и кроется разгадка «анализа». Если крестьянство и составляло какую-нибудь силу, то эта сила политически не выражалась. Если понимать «политическое выражение» революционной силы только в смысле резолюций, деклараций и т. п., то, конечно, крестьянство из борющихся сил нужно исключить (по крайней мере для первого периода революции). Но ведь это и значило бы сбиваться не на большевистскую, а на меньшевистскую тактику.

Мы думаем, что и в этом случае русские помещики сумели правильное оценить революционную силу крестьянского движения, чем меньшевики и «большевистский» историк. Если реакция шла на уступки (не дожидаясь крестьянских деклараций), то эти уступки были «политическим выражением» не столько либеральной шумихи кадетских деклараций, сколько революционного, т. е., между прочим, и аграрного движения.

Дальше: наш историк уверяет, что при выработке тактики перед с.-д. стоял вопрос: «на какую чашку весов положит свою руку... революционное крестьянство?»

Поистине можно сказать, что большевикам при выработке их тактики пришлось предусмотреть самые невероятные возможности. Еще с полбеды, если царь станет во главе «гегемонии в революции». Но что прикажете делать, если революционное крестьянство «положит свою руку» на чашку реакции?

Мы находим, таким образом, полную и законченную мотивировку «анализа», исключаяющего крестьянство из числа борющихся в революции сил. Кроме его отсталости, неорганизованности, неспособности «политически выражаться», ему ставится в счет его политическая неустойчивость.

Такая оценка крестьянства несомненно вытекает из обычного (и притом схематического, трафаретного) представления

о мелкой буржуазии, как промежуточном классе в развитом буржуазном обществе. Но она совершенно неверна по отношению к мелкой буржуазии вообще, и к русскому крестьянству в частности в период буржуазной революции. Мы знаем, что во французской революции 1793 г. именно мелкая буржуазия, с ее якобинским авангардом во главе, оказалась наиболее последовательной и устойчивой в борьбе с реакцией и с неустойчивой крупной буржуазией.

Что касается русского крестьянства, то оно в 1905 г. выступало в гораздо меньшей степени в качестве мелкой буржуазии и в гораздо большей степени в качестве того «классасословия», т. е. «класса не капиталистического, а крепостного общества», о котором писал Ленин еще за несколько лет до революции 1905 года. Наконец, уже в 1905 г. в «двух тактиках» Ленин особенно настойчиво, особенно четко подчеркивал эту устойчивость революционной позиции крестьянства в демократическом перевороте, в противоположность неустойчивости буржуазии: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии».¹

Правда, В. И. Невский отмечает неустойчивость и буржуазии (готова была «пойти на сделку с царем»), но из той оценки крестьянства, которую он дает в своем «анализе», вытекает, что вопрос о борьбе с этой неустойчивостью буржуазии не разрешался, а именно только «осложнялся» союзом пролетариата с крестьянством.

Мы остановились более подробно на приведенном выше месте из учебника Невского, так как оно является наиболее полным, связным и самостоятельным изложением его взглядов на крестьянство. Но в книге имеется ряд других, более отрывочных его суждений по тому же вопросу, носящих характер комментариев к взглядам меньшевиков, троцкистов и к цитатам из соч. Ленина.

Мы видели, что самостоятельный «анализ» нашего автора сводится к полному игнорированию крестьянства, как революционной силы. После этого блестящего «анализа» замечания нашего историка о «недооценке» крестьянства меньшевиками и троцкистами, которые он делает на дальнейших страницах, оказываются чистейшим издевательством над собственной

¹ Собр. соч., VI, 371. (Ленин. Сочинения, т. VIII, стр. 96. Ред.).

«большевистской» точкой зрения. Но уже окончательно сбивают читателя с толку те отдельные, сбивчивые и противоречивые суждения автора о крестьянстве, которые он высказывает ниже.

На стр. 268 читаем:

«Главный же и самый уязвимый пункт их (м-ков. Н. Б.) тактики заключался в неправильной оценке движущих сил революции: в то время как большевики видели две главные движущие силы революции — пролетариат и *беднейшие слои крестьянства*, меньшевики полагали, что пролетариат и крестьянство без буржуазии революции не совершат».

Это суждение противоречит предыдущему «анализу», но в то же время искажает и большевистскую оценку крестьянства в 1905 г. Говоря о союзе пролетариата с крестьянством в демократической революции, Ленин повсюду имеет в виду привлечение к этому союзу всего крестьянства или «массы крестьянства», а вовсе не «беднейших его слоев».¹

На стр. 273 читаем:

«Появляются на политической сцене и представители *другой, кроме пролетариата, силы* — крестьянство, организуется «Крестьянский Союз». «Крестьянский Союз» в противоположность чисто либеральным организациям, в роде союза инженеров и адвокатов, или по преимуществу эсеровским, как сельские учителя, впитывает в себя крестьянскую беспартийную интеллигенцию, верхушки политически сознательного *крепкого крестьянства*, по природе своей мелкобуржуазного, но революционно настроенного».

В противоположность «анализу» крестьянство все же появляется в эпоху революции, как «новая, кроме пролетариата», революционная сила. (Исключение сделано здесь, повидимому, для «Кр. Союза», как «политического выражения» этой силы). Но этой силой оказываются уже не «беднейшие слои крестьянства» (как на стр. 268), а, напротив, «верхушка крепкого крестьянства».

На стр. 268, критикуя меньшевистскую резолюцию (об отношении к другим революционным и оппозиционным партиям), Невский пишет:

¹ В более ранних статьях (1903 г.) об аграрной программе Ленин даже особо оговаривает возможность привлечения к борьбе с самодержавием *богатого* крестьянина. Напр.: «От крепостнической кабалы страдают и пролетарий и богатый мужик. Против этой кабалы они могут и должны идти вместе». . . Собр. соч., IX, 381.

«Ставить так вопрос — это означало... затемнять революционно-классовую позицию пролетариата, ибо было ясно, что в решительном демократическом перевороте был заинтересован только один пролетариат, так как решительный, идущий до конца демократический переворот означал бы не что иное, как передачу власти в руки пролетариата, на что никакая группа даже самой радикальной буржуазии не пошла бы».

Просто непостижимо, каким образом эти строчки могли появиться среди цитат из Ленина о «двух тактиках». Утверждать, что решительный демократический переворот должен означать переход власти к одному пролетариату, т. е. к его разрыву с крестьянством, это значит вплотную подойти к троцкизму, который автор, немного ниже, раскритиковал в пух и прах; это значит ничего решительно не понять в тех выдержках из соч. Ленина об «общенародном характере демократического переворота», о «единстве воли в вопросах демократизма» и пр., которые тут же, вокруг и около, в изобилии приводятся самим автором.

И, наконец, на стр. 303, резюмируя аграрные прения на «Объединительном» съезде 1906 г., автор пишет:

... «вопрос этот (о муниципализации и национализации. Н. Б.)... сводился, в сущности, к тому, кто, какой класс, кроме пролетариата, в России является революционной силой, таким классом, который пойдет до конца в демократической революции. Большевики считали, что такой силой может быть крестьянство»...

Наконец-то!.. Весь этот букет «анализа» и отдельных суждений нашего автора о крестьянстве, вся эта далеко не диалектическая цепь положений и отрицаний замыкается, наконец, вполне правильным положением. Насколько я мог заметить, это единственное место во всем учебнике, которое очень коротко, но без ошибок излагает большевистскую точку зрения на роль крестьянства в буржуазной революции, и я еще раз его отмечаю: см. стр. 303 (триста три). Но к этому правильному положению В. И. Невский пришел, описав полный круг превращений, пройдя все оттенки меньшевизма, троцкизма и эсеровщины, смешав тактику 1905 и 1917 гг., и только объединение большевиков с меньшевиками на Стокгольмском съезде привело его к решению сжалиться над большевиками, отвести и им пару строк!

В связи с отмеченным пониманием большевистской тактики остановимся на оценке Ленина, как вождя революции.

Говоря о книге Ленина «Что такое друзья народа» (1894 г.), В. И. Невский, между прочим, пишет:

«Уже тогда Ленин наметил коммунистический характер русской революции»... (стр. 67).

Здесь, конечно, имеются в виду заключительные слова этой книги:

... «тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».¹

Эти слова дышат глубочайшей верой в будущую великую роль русского рабочего класса, как борца за коммунистическую революцию. И, тем не менее, приведенное выше утверждение В. И. Невского неверно, поскольку оно пытается изобразить Ленина, как «вещателя» именно русской коммунистической революции в отличие от других революций, роли русского пролетариата в отличие от пролетариата других стран (а именно так, и только так должно пониматься утверждение Невского).

Если мы посмотрим, на чем основывает Ленин свой прогноз, то окажется, что он исходит из рассмотрения самых общих условий жизни и борьбы рабочего класса в капиталистическом обществе. Прогноз Ленина в этом отношении ничем не отличается от прогноза, сделанного уже в Коммунистическом Манифесте. Замечательно, что те фразы, которые непосредственно предшествуют прогнозу Ленина в «Друзьях народа», почти повторяют положения этого Манифеста, напр.: ... «крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом»... «На класс рабочих и обращают с.-д. все свое внимание»... и пр. Ничего «русского» в этом обосновании нет. Вот почему и самый прогноз говорит о прямой дороге русского пролетариата «к победоносной коммунистической революции», а не к русской коммунистической революции. И, наконец, Ленин говорит об устремлении русского пролетариата к этой революции, на ряду с пролетариатом всех стран, а не впереди пролетариата всех стран, — как он должен был бы говорить, как «вещатель» русской коммунистической революции.

Так же неверно объясняет В. И. Невский связь между

¹ Собр. соч., I, 210. (Ленин. Сочинения, т. I, стр. 194. Ред.)

позицией Ленина в 1917 г. и его тактикой 1905 года. О тезисах 3 апреля он, между прочим, пишет:

... «позиция, на которой стоял Ленин, являлась естественным развитием того учения, которое было выработано Лениным уже давно, в предшествующие периоды нашей партии, так как одним из основных положений большевизма, как мы видели выше, было положение, вынесенное еще из первой русской революции, — это идея диктатуры пролетариата и крестьянства; эта же идея предполагала и все те выводы, все те меры, к которым неминуемо нужно было прийти, коль скоро партия была убеждена в необходимости и неизбежности пролетарско-крестьянской диктатуры».

Прежде всего здесь поражает тот странный «материализм», который пытается изобразить развитие революционного движения в России, как «развитие идеи». Оказывается, большевикам в 1917 г. ничего не оставалось делать, как развивать учение Ленина, которое «было выработано уже давно». Все выводы и все меры, принятые ими в 1917 г., вытекали из идей 1905 г. Коль скоро партия была убеждена в 1905 г. в необходимости диктатуры пролетариата и крестьянства, то уже она «неминуемо» должна была убедиться в необходимости диктатуры пролетариата в 1917 г.

Мы и здесь имеем, конечно, дело с добрым желанием «прославить» идеи Ленина 1905 г., как всеобъемлющий прогноз будущих великих событий. Но прежде всего у нас возникает вопрос: да неужели даже бурные события империалистической войны и Февральской революции не породили у Ленина никаких новых идей? Неужели такая, напр., его идея, как превращение империалистической войны в войну гражданскую, так-таки просто и «естественно» вытекала из его идеи диктатуры пролетариата и крестьянства в 1905 г.?

Если оставить в стороне этот новый образец применения «исторического материализма» в рассуждениях о позиции Ленина в 1917 г., то они, эти рассуждения, замечательны именно тем, что, «прославляя» Ленина, не только не выявляют, но прямо извращают самую суть ленинизма. Те самые «письма о тактике», в которых Ленин давал обоснование своей позиции 1917 г. (тезисов 3 апреля) начинаются такими словами:

«Марксизм требует от нас самого точного, объективного проверенного учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента... «Наше учение не догма, а руководство для действия», — так говорили всегда

Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных, в лучшем случае, лишь намечать *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой *полосы* исторического процесса». ¹

Достаточно только сопоставить эти строки Ленина с рассуждениями В. И. Невского о ленинской позиции в 1917 г., чтобы понять, как «метко» характеризует он Ленина, как вождя революции.

Еще меньше повезло в учебнике В. И. Невского более старому вождю, основателю русской социал-демократии — Г. В. Плеханову. Но здесь уже дело не в оценке, а в простой добросовестности передачи учения.

Излагая содержание брошюры «Социализм и политическая борьба», Невский приводит (в кавычках и с указанием соответствующих страниц) довольно пространственные цитаты из этой брошюры. При сверке их с подлинником, находим грубые искажения текста (неогворенные пропуски в тексте, произвольные перестановки слов и целых фраз и даже замена Плехановских выражений собственными). Но уже совершенно недопустимым искажением не только текста, но и смысла этой брошюры является следующая «цитата», от начала до конца сочиненная Невским:

«К счастью для России, — говорит далее Плеханов, — у нас уже имеются элементы «для образования будущей *рабочей социалистической партии*». Эта партия и поведет Россию в царстве социализма, добившись сначала демократической конституции на основе завоеванной политической свободы, и затем уже, в соответствии с реальными фактическими соотношениями силы, существующими в стране, приступит к введению социалистического производства». («История РКП(б)», стр. 40.)

Приведенная «цитата» взята в кавычки в самом учебнике, и в сноске указывается соответствующая страница по новейшему изданию соч. Плеханова Института К. Маркса и Ф. Энгельса: т. II, стр. 80 — 81. Каждый желающий может убедиться, что ничего похожего на эту «цитату» на указанных страницах нет.

После этой «цитаты» Невский уже «своими словами» сообщает:

¹ Собр. соч., XIV, ч. I, 27. (Изд. второе 1927 г., т. XX, стр. 100. Ред.)

«К организации такой рабочей социалистической партии и призывает Плеханов».

Начнем с последнего утверждения. На стр. 83 той же брошюры¹ Плеханов писал:

... «единственной, не фантастической целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России, — с другой».

Отсюда видно, что Плеханов в 1883 г. даже элементов будущей рабочей партии не находил, а призывал только к их «выработке». Призыв же к организации рабочей социалистической партии в то время он мог считать только «фантастическим».

На стр. 87 — 88 той же брошюры Плеханов писал:

«Промышленные рабочие... примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду в среде крестьянства».

В. И. Невский, в сочиненной им «цитате», ставит задачу завоевания политической свободы перед будущей рабочей социалистической партией, а Плеханов (1883 г.) считает самое образование этой партии возможным лишь после завоевания политической свободы — или, точнее, мыслит буржуазную революцию до образования этой партии.² Кстати сказать, в этой замечательной «цитате» историка Невского, «нарядившего Плехановым», выдает прежде всего его язык.

Немного лучше с изложением «Наших разногласий». Передавая содержание этой книги в более или менее отрывочных цитатах, В. И. Невский неожиданно заканчивает это изложение:

«Выводы, к которым приходит Плеханов, критикуя народо-вольцев, сводятся к следующему: Россия должна пройти стадию капиталистического развития, на основе которого и вырастет достаточно развитой и могущественный класс рабочих. Этот класс создаст свою рабочую социалистическую партию, которая, завоевавши политическую свободу, и начнет непосредственную борьбу за социализм» (стр. 41).

¹ То же изд.

² На это имеются указания и в др. местах названной брошюры.

Эти «выводы» также сочинены самим историком без всякой связи с содержанием книги Плеханова. И, нужно сказать правду, трудно было бы сочинить более плоские выводы из этой книги. Такие выводы могли бы только вполне оправдать те упреки, которые делали народовольцы марксистам в 80-е годы и позже: по вашему мнению, говорили они марксистам, революционная интеллигенция должна сидеть и ждать сложа руки, пока крестьянин выварится в фабричном котле. А ведь «Наши разногласия» были рассчитаны именно на революционную интеллигенцию. «О завоевании же рабочей партией политической свободы» здесь повторяется та же неправда, что и раньше.

Чтобы покончить с обоими вождями с.-д., отметим еще крайне неудачную защиту Ленина от Плеханова в их полемике в период реакции 1908 — 1910 г.г. (стр. 345):

«Называя Ленина гоголевским Осипом, который подбирает всякую веревочку... (намек на эмпириомонистов и богоискателей), Плеханов однако забывал, что и сам-то он был таким же Осипом».

Таким образом Плеханов и Ленин, по мнению Невского, — оба были гоголевскими Осипами... Думаем, что такая «историческая оценка» в учебнике неуместна.

Из отдельных периодов истории партии особенно подробно и обстоятельно описан «экономизм». Ему отведено даже непропорционально много места. Здесь широко использованы не только старые, но и новые работы и материалы, как напр., превосходная книжка об «экономизме» тов. Астрова, воспоминания рабочих участников «Рабочей Мысли» и «Рабочей Организации» и пр. Это обилие и свежесть материала делают интересными многие страницы, посвященные «экономизму», даже не для одних учащихся. Но и здесь, как повсюду в учебнике, портит дело самостоятельное теоретизирование автором «экономизма». Особенно неудачными, надуманными являются, по нашему мнению, его изыскания о «связи экономизма с народничеством». Автор неожиданно обращает наше внимание на то обстоятельство, что «виднейший деятель «экономистов»... Теплов вышел из пензенского кружка социал-демократов, где руководителем и учителем являлся Благодослов, бывший чернопеределец и основатель вместе с Благоевым «Партии русских социал-демократов» (стр. 89). Уличив Теплова в происхождении от мелкобуржуазного «Черного Пере-

дела» и указав на злобредное влияние мелкобуржуазных идей, В. И. Невский делает следующий странный вывод:

«Один из корней «экономизма», стало быть, находится в далекой седой старине русского революционного движения 70-х годов, утопического мелкобуржуазного социализма, который, эволюционируя через «Черный Передел», Благоевскую группу и социал-демократические кружки конца 80-х и начала 90-х годов, дошел до «экономизма» Теплова и его товарищепензяков. Это идеология самоопределяющейся мелкой буржуазии» (та же стр.).

Таким образом, мы имеем теперь следующую, твердо установленную, родословную нашего «экономизма»: седая старина родила «Черный Передел». Черный Передел родил Благоевскую группу. Благоевская группа — пензенский кружок. Пензенский кружок — Теплова. Так первородный грех мелкой буржуазии перешел из седой старины, от «Черного Передела» к «экономистам».

Но, при всех своих научных достоинствах, эта родословная совершенно не может нам объяснить такого, напр., факта, что все члены группы «Освобождение Труда» (не испытывавшие, правда, тлетворного влияния пензенского кружка, но зато сами вышедшие из нечестивого «Черного Передела»), все, как один, выступили против «экономизма».

Подобное изыскание мелкобуржуазных корней «экономизма» теряет всякую научную ценность именно тем больше, чем дальше проникает оно в глубь «седой старины». И мы наперед можем предсказать, что и все дальнейшие, еще более глубокие научные изыскания В. И. Невского в том же направлении приведут его к тому несомненному факту, что не только «экономист» Теплов, но даже, увы! — самый «чистокровный» пролетариат ведет свое происхождение от той же самой (не только доисторической, но и исторической) обезьяны — мелкой буржуазии.

Главным пробелом в нашей литературе по истории партии был до последнего времени период ее упадка после первой революции 1905 — 07 г.г, и дальнейшего ее нелегального существования до 1917 г. Не говоря уже о более или менее полных исторических очерках, какие бы то ни было печатные материалы о подпольной жизни партии за этот междуреволюционный период были очень скудны, мало известны и еще меньше — обработаны. Вот почему при чтении всякого нового более или менее полного исторического очерка интерес читателя

естественно сосредоточится на вопросе о том, насколько полно освещен именно этот, наиболее темный период истории нашей партии.

В этом отношении о книге В. И. Невского нужно сказать, что фактический материал, о богатстве которого мы выше говорили, именно в этой части оказывается непропорционально скуден. Особенно тощим и совершенно неудовлетворительным является освещение партийной жизни *на местах*.

Между тем, именно этот вопрос необходимо было бы осветить наиболее полно, так как он-то и представляет самый темный угол истории. Как известно, ликвидаторы, в числе своих доводов, между прочим, указывали на то, что ликвидировать-то в сущности нечего, так как кроме заграничных центров никакой другой нелегальной партийной организации не существует.

Та часть книги В. И. Невского (главы XIII—XV), которая посвящена междуреволюционному периоду, не только не освещает этого темного и особенно интересного вопроса, но, скорее, может только посеять в читателе сомнение: да уж не правы ли были ликвидаторы?

В самом деле, глава XIII (1907—1910 г.г.) не говорит о жизни местных организаций ни слова. В главе XIV (1910—1914 г.г.) имеется особый параграф: «Нелегальные и легальные организации эпохи 1910—1914 г.г.». Но здесь мы находим некоторые сведения о жизни профсоюзов и просветительных обществах, в которых с.-д. играли руководящую роль. Нелегальным же организациям большевиков посвящено здесь только несколько общих, совершенно пустопорожних фраз об умении большевиков сочетать легальную и нелегальную работу.

В главе XV (1914—1917 г.г.) целых два параграфа посвящены (по заголовку) большевистским организациям Петербурга и провинции. Но и здесь мы находим не столько сведения, сколько упоминание о существовании П. К. и Областных Бюро Ц. К. в Петербурге и Москве. Называется еще ряд городов, с которыми Бюро Ц. К. имело связи. Только некоторый намек о конкретной работе нелегальной партийной организации, да и то в одном только Петербурге, мы находим в виде отрывка из одной прокламации П. К. и упоминания об организации группой рабочих и интеллигентов кружка слушателей Лиговского народного дома. Эту пустоту содержания, это почти полное отсутствие сведений о действительном суще-

ствовании нелегальных организаций и каких бы то ни было конкретных признаках их жизни автор как будто старается «заговорить», «замазать» обилием общих, ничего не говорящих фраз, как напр.: ... «Полиция громила их (т. е. организации. Н. Б.), члены Комитетов и групп попадали в тюрьму, а комитеты и группы возникали снова и снова»... Но такое «замазывание» сути дела может не рассеять, а, скорее, только усилить сомнения в подлинном существовании «комитетов и групп» в период реакции.

Между тем, как старый, нелегальный, давно известный, но мало доступный материал по этому вопросу в виде ценнейших корреспонденций с мест в «Социал-Демократе», прокламаций и пр., так и новый, послеоктябрьский, в виде воспоминаний, исторических сборников и пр. дает нам уже полную возможность не только более или менее точно и полно установить действительное существование местных подпольных организаций, но даже очень живо рисует внутреннюю жизнь и работу этих организаций, державших знамя партии в самые мрачные и тяжелые годы.

Если В. И. Невский не удосужился просмотреть подлинные комплекты «Социал-Демократа» и другие редкие нелегальные материалы, то он с успехом мог бы воспользоваться теми томами хрестоматии Истпарта («Революция и РКП (б) в материалах и документах»), в которых эти корреспонденции перепечатаны. Там же, а также в других изданиях Центрального и местных Истпартов он мог бы без особого труда подыскать и использовать богатый послеоктябрьский материал о жизни местных подпольных организаций, который позволил бы ему облечь плотью тот тощий скелет, который представляет собою его внутренняя история партии за этот темный период.

Так как наша общая характеристика книги заняла уже слишком много места, отметим только некоторые наиболее важные ошибки более частного характера.

На стр. 22 сообщается, что Халтурин в 1875 г. поступил на ж. д. в Москве и здесь, как рабочий, начал свою революционную деятельность. На самом деле Ст. Халтурин был в Москве только проездом, по дороге в Петербург. Здесь он и поступил столяром на железную дорогу и только здесь он, как рабочий, начинает свою революционную деятельность.¹

¹ См. И. Халтурин. «Семейные воспоминания о Степане Халтурине». «Былое», 1921 г. № 16, стр. 52 — 53.

На стр. 50 о группе Точинского (1880 — 1888 г.г.) говорится, что «это была несомненно социал-демократическая организация». Это утверждение В. И. Невского необоснованно, т. к. из скудных источников о Точисском (главным образом воспоминания о нем А. Л. Брейтфуса) он тенденциозно выбирает и приводит только те данные, которые ему кажутся подходящими, и умалчивает о тех, которые противоречат его утверждению.¹

Но на следующей странице, вопреки такому решительному утверждению, автор говорит об организациях 80-х г.г. в Петербурге, т. е. о группах Точисского и Благоева, как организациях «переходного характера», «с социал-демократическим уклоном». Такие характеристики могут только сбивать с толку.

На стр. 61 Невский сообщает, что «Егор Афан. Афанасьев (кузнец) первые уроки марксизма брал у Точисского и Брейтфуса». Но (не говоря уже о Точисском) Брейтфус не мог давать уроки марксизма потому, что по его собственным воспоминаниям («Кр. Лет.», № 7, 1922 г.) находился тогда под влиянием «Народной Воли».

На стр. 349, говоря о разнице между отзовистами и ультиматистами, В. И. Невский не объясняет, в чем заключается тот «ультиматум», который ультиматисты хотели предъявить с.-д. думской фракции, и разница остается непонятной.

На стр. 362, излагая историю «Звезды» и перечисляя ее петербургских сотрудников, автор не называет почему-то самого главного из них Мих. Степ. Ольминского, вокруг которого объединялись все наши литературные силы в Питере.

В сообщении о 3-й общероссийской конференции 1908 г. (стр. 341) перепутан ее состав. Говорится, будто из приехавших 6 делегатов с мест 5 было от Центр.-Промышл. области (было всего от этой области 2), будто не приехали выбранные 2 делегата от Петербурга и 1 от Урала (все трое приехали). Принятые на конференции резолюции переданы поверхностно и неточно. Например, в изложении резолюции о социал-демократической думской фракции упущена самая суть дела: требование о подчинении ее ЦК Партии. Это требование (дважды подчеркнутое в резолюции) было одним из главнейших пунктов расхождения с ликвидаторами (мечтавшими сделать фрак-

¹ См. об этом подробнее в № 12 «Пр. Рев.» 1925 г., «На свежую воду», стр. 234. (Стр. 413 наст. изд. Ред.)

дию «организуящим центром» новой, легальной партии). Это же требование составляло «ультиматум» ультиматистов.

Так же поверхностно, сухо и «протоколно» (повидимому, только по одному сборнику резолюций Съездов и конференций) сообщается о конференциях в Праге в 1912 г. и, особенно, о совещаниях ЦК с партийными работниками в 1912 и 1913 г.г. Не называется, напр., поименно ни один участник Пражской конференции,¹ так что даже неизвестно, был ли, напр., на ней Ленин. А состав этой конференции особенно интересен тем, что выявил выступление новых партийных сил после разгрома 1908 — 1910 г.г. Совершенно не упоминается о резолюциях по таким важнейшим вопросам внутренней и внешней политики того времени, как вопрос о голоде, о революции в Китае, о нападении русского правительства на Персию и пр.

Также ничего решительно не говорится о резолюциях совещаний ЦК с партработниками, хотя они прекрасно освещают важнейшие вопросы партийной жизни вообще и большевистской тактики в особенности в период подъема.

При всех этих недостатках частного характера, учебник В. И. Невского достаточно богат фактическим материалом и в этом, как мы уже сказали, его лучшая сторона. Главный же порок книги, особенно как учебника, мы видим в совершенно неудовлетворительном теоретическом освещении этого материала.

Мы полагаем, что одним из завоеваний Октябрьской революции непосредственно для нашей собственной партии может и должна стать возможность более систематического, более основательного марксистско-ленинского образования в партшколах. Некоторые результаты этих новых возможностей мы замечаем уже теперь. Послеоктябрьская партийная школа выдвинула, правда, еще немногих, молодых теоретиков и писателей, которые по своему теоретическому багажу стоят не ниже, а выше многих «старых большевиков».² К числу последних, несомненно, нужно отнести и автора разобранного нами учебника.

Вот почему мы думаем, что применение этого учебника в

¹ Это, впрочем, не вполне точно. В примечании на стр. 367 говорится: «Харьковский делегат (В. Невский) был арестован в дороге».

² Само собой разумеется, что теоретическим багажом далеко не исчерпываются качества партийца. Но в партийной учебе этот багаж имеет решающее значение.

партийной школе, «равнение» по этому учебнику нашей партийной молодежи должно означать *принижение теоретического уровня* этой молодежи, и именно, как учебник, мы эту книгу не рекомендуем.

«Пролетарская Революция» № 1 (48), 1926 г.

ОТ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» К I СЪЕЗДУ

В нашей исторической литературе I Съезду Партии (РСДРП) до сих пор уделялось очень мало внимания. Поскольку же это внимание все же уделялось, — этот съезд встречал самое снисходительное отношение, вплоть до полного отрицания за ним какого бы то ни было значения, вплоть до признания его историческим недоразумением. Обычная же его оценка сводится к тому, что он положил начало «официальному» основанию партии, в противоположность «фактическому» ее основанию на II съезде.

Такая снисходительная оценка I съезда, несомненно, вытекает из сравнения этого съезда со II и только в этом сравнении такая оценка может найти для себя известную почву. Действительно, не говоря уже о программе партии, впервые принятой на II съезде, самый размах организационного строительства партии был на этом съезде неизмеримо шире, чем на I. Если II съезд поставил себе и более или менее удовлетворительно выполнил задачу борьбы с кустарничеством, организационное строительство I съезда, если бы оно даже не потерпело крушения от последовавшего вскоре после съезда жестокого полицейского разгрома, — в сравнении с задачами II съезда, на мерку этого II съезда, может казаться только полукустарническим.

Но такая снисходительная оценка неверна именно потому, что, сосредоточивая все внимание на последующих событиях, она совершенно затушевывает те условия и те задачи, которые стояли перед с.-д. движением до I съезда.

С другой стороны, поскольку II и все последующие съезды (до 1917 г.) пытались установить или восстановить единство с.-д. партии, именно они показали полную неосуществимость этой задачи партийного строительства в пределах российской социал-демократии. Напротив, после опыта этих

съездов мы можем теперь установить, что именно на I съезде и непосредственно после него российская социал-демократия в целом была более единой, чем когда бы то ни было позже.

Уже эта одна характернейшая особенность I съезда может быть понята только из рассмотрения предыдущего периода в развитии социал-демократии. Раскол партии на II съезде был связан с появлением на свет большевизма. Возникновение и дальнейшее развитие большевизма обуславливалось не только всем предыдущим внутренним развитием российской социал-демократии, но также исключительными особенностями развития России. У В. И. Ленина мы находим чрезвычайно яркую характеристику этих условий развития большевизма:

... «Возникший на этой гранитной теоретической базе (т. е. на базе марксизма. Н. Б.) большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903 — 1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического». ¹

I съезд был единственным съездом более раннего, до-большевистского периода, развития с.-д. Само собою разумеется, что, по богатству и разнообразию опыта, этот до-большевистский период истории социал-демократии не может идти в сравнении с последующим, так ярко очерченным Лениным, большевистским 15-летием. Уже отсюда ясно, что подходить к оценке I съезда с меркой II — невозможно. Это значило бы до крайности схематизировать и упрощать действительные достижения партийного строительства, представляя их в виде восходящей прямой.

Такой восходящей прямой, выражавшей по преимуществу количественный рост в условиях легального существования, изображалось обыкновенно развитие германской социал-демократии. ² С самого ее основания и до начала империалисти-

¹ Ленин. Сочинения, т. XXV, «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 175 (в первом издании т. XVII, стр. 119 — 120). Ред.

² Из германских историков, изображавших историю своей партии в таком свете, мы разумеем здесь не Ф. Меринга (доводящего свою историю до начала 90-х г.г.), а, главным образом, авторов «популярных» брошюр оппортунистического направления, в роде Кампфмейера, Ауэра, Шредера и т. п.

ческой войны ее развитие представлялось в виде почти непрерывного ряда успехов, т. е. непрерывного роста членов партии, числа с.-д. депутатов, числа поданных за с.-д. голосов, с.-д. газет и т. д. Даже так назыв. закон против социалистов (1878 — 1890 г.г.) не только мало искривил эту восходящую прямую успехов, т. к. меркой ее развития оставалось по-прежнему число поданных за с.-д. голосов (возраставших и после издания закона), но даже не изменил по существу ее организационную основу, сохранив, напр., избирательный округ, как основную «партячейку».¹

БИБЛИОГРАФИЯ

В. АСТРОВ. «ЭКОНОМИСТЫ — ПРЕДТЕЧИ МЕНЬШЕВИКОВ».

«ЭКОНОМИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ НА ПОРОГЕ XX ВЕКА».²

Выгодно выделяется эта работа тов. Астрова прежде всего основательной и всесторонней проработкой первоисточников и вообще относящихся к вопросу материалов, вплоть до последних изданий Истпарта.

В начале книжки автор предпосылает обстоятельный социально-экономический очерк конца XIX века («Предпосылки «экономизма»). В характеристике социальных отношений этого периода больше всего сказалось влияние исторических работ М. Н. Покровского, что, конечно, вполне естественно. Уже в этом вступительном очерке экономики 90-х годов автор, на ряду с общеизвестными источниками (как «Фабрика» Туган-Барановского и проч.) широко пользуется (в особенности для характеристики положения рабочего класса) редкими нелегальными изданиями. И только теперь становится очевидным, какое богатство материала сохранила

¹ Набросок этот напечатан после смерти Н. Н. в «Пролетарской Революции» № 2 (73), февраль 1928 г. Рукопись найдена в личном архиве тов. Батурина. Она очевидно представляет начало статьи «РСДРП на путях 2-го Интернационала» и относится к декабрю 1926 г. См. письмо на стр. 589. *Ред.*

² Книга тов. Астрова вышла в Москве в 1923 г. в издательстве «Красная Новь», под редакцией тов. М. Н. Покровского. *Ред.*

нам наша «скудная» подпольная литература, которую, по выражению одного героя Вересаева, можно было носить «в жилетном кармане».

Историю «экономизма» тов. Астров прослеживает издавна, с начала 90-х годов, излагая кружковой период, переход к агитации, деятельность Петербургского «Союза борьбы» и расширяя, таким образом, рамки своей работы до размеров очерка рабочего движения целого десятилетия. Об этом расширении темы жалеть не приходится, так как весь очерк читается с интересом.

Обстоятельный разбор всех характернейших «экономических» документов («Средо», «Рабочая Мысль», «Рабочее Дело» и друг.) дает читателю полное и верное представление об «экономизме» и хорошо выясняет его связь с зубатовщиной и его позднейшим преемником, меньшевизмом.

Менее удачно справился автор с вопросом о «социальных корнях» «экономизма» и «меньшевизма», т. е. о влиянии на эти течения различных слоев рабочего класса: его «верхушки», или «аристократии», с одной стороны, и отстающей полукрестьянской массы — с другой. Этому вопросу мы посвящаем особую статью.¹

Заметим еще, что тов. Астров хорошо бы сделал, если бы вычеркнул из своей книжки нижеследующее риторическое отступление, подходящее больше к духу и стилю «Истории Государства Российского» (Карамзина), чем к характеру серьезной марксистской работы: «История уже тогда, если так можно выразиться, позвав к практической борьбе российскую социал-демократию, передавала руководство ею от теоретика Плеханова — Ленину... «Экономизм» на один исторический момент перенял это руководство, когда оно выпало из рук Плеханова и не перешло к Ленину, очутившемуся в ссылке» (стр. 8). Если принять всерьез эту ненужную риторику, то она свела бы на-нет весь превосходно выполненный автором разбор объективных условий пышного расцвета «экономизма». Но читатель должен эту фразу о премудрой истории пропустить мимо ушей, и тогда мы смело рекомендуем эту книжку тов. Астрова, как лучшее и наиболее полное пособие по вопросу об «экономизме».

«Пролетарская Революция» № 2 (25), 1924 г.

¹ См. стр. 361 — 365. Ред.

С. ЛЕЩИНСКАЯ. ТКАЧ ПЕТР АЛЕКСЕЕВ. СТЕПАН ХАЛТУРИН¹

Маленькие, дешевые, хорошо изданные брошюры. Для детских библиотек — это хороший и интересный материал. Серия подобных брошюр должна знакомить «юного ленинца» с историей рабочего движения в самой доступной и интересной форме, в виде отдельных героических повестей, в основе которых лежит не «художественный вымысел», а простое и правдивое повествование о героях рабочего движения.

Биографические данные об этих первых героях остаются до сих пор крайне скудными. И тем более необходимо возможно более полное и точное их изложение. К сожалению, автор названных брошюр обнаруживает недостаточное знакомство даже с этим весьма скудным материалом.

Брошюрка о Халтурине написана исключительно по Плеханову («Русский рабочий») и потому повторяет его неполные и неверные биографические данные. Ст. Халтурин родился не в Вятке, как пишет автор, а в селе Большие Журавли Орловского уезда. Вятск. губ. «В ученье столяру» его не отдавали; столярное же ремесло он изучил в Вятской земской школе для подготовки техников-агрономов и учителей. Для рабочего того времени Ст. Халтурин получил таким образом относительно хорошее образование, а не только «посещал школу». Не указывается год рождения. Не сообщаются крайне интересные сведения о юношеских похождениях Халтурина (путешествие в Америку). Скудность материала приводит иногда автора к произвольным суждениям. Отметим, напр., следующую неудачную «отсебятину»: «Как лучший столяр, Степан имел доступ во все покои царя» (стр. 9). (Ведь можно подумать, что Зимний дворец и тогда был «Дворцом труда»!).

Брошюрка о П. Алексееве при описании роли первых народников-пропагандистов целиком усваивает фальшивый народнический тон, перенесенный, очевидно, из биографии П. Алексеева, написанной народником Волховским (и служившей, повидимому, единственным источником для автора). Такая же народническая «простота» взглядов звучит в следующих пояснениях автора: «Убийства царских слуг расстраивали царские порядки, а в широких народных массах про-

¹ Брошюры вышли в «Библиотеке юного ленинца». Изд. Всеукраинского об-ва содействия «юному ленинцу». Харьков, 1924 г.

буждали революционные чувства». . . и дальше: «Способ революционной борьбы через убийство отдельных лиц называется террором». . . («Ст. Халтурин», стр. 8.)

При всех этих недостатках названные брошюры все же дадут юным ленинцам хороший и интересный материал для чтения, и остается только пожелать, чтобы украинское издательство, продолжая свою серию, пользовалось более свежей литературой по истории рабочего движения.

«Пролетарская Революция» № 8—9 (31—32), 1924 г.

ЛЕВ ТИХОМИРОВ. ПЛЕХАНОВ И ЕГО ДРУЗЬЯ

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ¹

Читатель, знакомый с нашей последней литературой, не найдет в этой брошюре ничего нового ни о Плеханове, ни о его друзьях. Биографические данные о Плеханове пестрят грубыми искажениями и ошибками. Эти многочисленные ошибки тщательно исправлены П. С. Поповым в примечаниях, превращающих работу Тихомирова в Тришкин кафтан.

Что же касается характеристик, особенно Плеханова, то они представляют большой интерес, поскольку рисуют. . . Л. Тихомирова.

Совершенно не понял, не разгадал этой политической фигуры автор предисловия к брошюре П. С. Попов. Характеризуя послеоктябрьского Тихомирова и его брошюру, он, между прочим, пишет: «Для него все как бы удалилось в прошлое. Он умеет возвыситься над этим прошлым. Тихомиров не оставил своих националистических и религиозных взглядов реакционной поры. Но всякая напряженность тона отпала. . . Это выгодно отмечает писания Тихомирова последних лет.— Он, например, сумел очень высоко оценить Плеханова, отдавая ему должное. . . Тон у Тихомирова мягкий, и он подчас умеет подняться над страстностью пережитой борьбы и описывает многое беспристрастно» (стр. 9—10).

Как политическому деятелю, Л. Тихомирову исключительно не везло. Революционер-народоволец, после разгрома своей

¹ Книга снабжена предисловием и примечаниями П. С. Попова. Вышла в Ленинграде в из-ве «Колос», в 1925 г.

партии «разочаровался» в революции. Уверовав в непоколебимую силу самодержавия, он превращается в крайнего черносотенца. Но три революции, и в особенности последняя, если не превратили его снова в революционера, то, во всяком случае, заставили в значительной степени «разочароваться» и в силе самодержавия. Что же осталось от Л. Тихомирова, как политической фигуры? Главный интерес данной брошюры в том и заключается, как нам кажется, что она дает ответ на этот вопрос.

Освобожденное, наконец (судьбами революции), как от революционной, так и от реакционной фразеологии, это последнее произведение Л. Тихомирова сохранило нам в более чистом виде то, что было характерно для Тихомирова-революционера и Тихомирова-реакционера, то, что во всех стадиях его политического бытия делало его антиподом Плеханова — политическую беспринципность. Именно в этой беспринципности — секрет его «беспристрастия». Его брошюру правильнее всего было бы озаглавить: «Обыватель о революционере».

Самым характерным в оценке Тихомировым взглядов Плеханова, на ряду с грубым непониманием марксизма, является его отвращение к глубокой убежденности, последовательности и строго научному мышлению. Эти «грехи» Плеханова он характеризует, как узость, нетерпимость, непонимание «многогранности истины» и т. п. Отдавая должное уму и учености Плеханова, он по-своему, обывательски-невежественно, отмечает «дефекты» его ума: «Он понимал только то, что можно взвесить, измерить, и потому-то теория экономического материализма так пришлась ему по душе. Самостоятельной силы начала духовного и нравственного — он не представлял себе, и сложность человеческого существа для него была чужда. Он не интересовался ни философией, ни искусством (!!)....

«Он воспринял идеи К. Маркса умно, глубоко, сделал из них те выводы, которые сделаны немецкой социал-демократией, и это для него было непреложным символом веры — выражением безусловной и единственной истины» (стр. 27).

О том, как мог измерять этот обыватель, никогда не понимавший в марксизме «ни аза», глубину восприятия Плехановым идей Маркса, дает понятие, например, и такое повествование: ... «он (Плеханов) «принял» во главу прогресса рабочий пролетариат»... (стр. 35).

Глубоко комичными кажутся в устах Тихомирова его путные замечания о Лаврове: «Лавров, в сущности, ум эклек-

тический, не затруднился стать редактором его (т. е. «Вестника Народной Воли») (вместе со мной) (стр. 33). Ведь, если Лавров, действительно, был эклектиком в теории, то теоретическая и вообще идейная пустота Тихомирова была слишком плохой компенсацией эклектизма Лаврова.

Сам автор, как нельзя лучше, это доказывает, рисуя свою собственную позицию в редакции народовольческого журнала: он считал террор «гибельным для революции. Но говорить *против террора* — это значило бы восстанавливать против себя всю террористическую часть народовольчества, весьма сильную». Он не был и марксистом, но не хотел воевать против марксизма «тем более, что Лавров выражал Марксу глубокое почтение» (стр. 33 — 34).

Только такая чудовищная беспринципность может объяснить, почему «идейный руководитель» революционной партии не затруднился не только стать редактором ее журнала (на что у него было неизмеримо меньше данных, чем у Лаврова), но и превратиться в редактора «Московских Ведомостей».

Самым достопримечательным местом брошюры кажутся нам размышления нашего обывателя о трагедии последних дней жизни Плеханова: «Мне было очень грустно читать описание его последних дней, отравленных разочарованием. Но, правду сказать, справедливость не есть удел *нашей* жизни» (стр. 39 — 40) (курсив мой). Здесь сам автор уже как бы напрашивается на сопоставление.

Судьба последних дней Плеханова действительно глубоко трагична. Этот трагизм вытекает из его огромной революционной роли в прошлом, сохраняющей свое значение и для будущего. Что же касается Л. Тихомирова, то он со всеми его превращениями и «разочарованиями» войдет в историю, как в высокой степени комическая фигура. И его печальные размышления об уделе «нашей» жизни звучат, как не ко времени и не к месту поданная реплика шута...

Пролетарская Революция № 10 (45), 1925 г.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ПАР- ТИИ И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

1921 — 1925 ГГ.

КОНСПЕКТ-МИНИМУМ ДЛЯ ВОСПОМИНАНИЙ

1. В каких партийных организациях и когда (возможно точнее) вы участвовали или с какими организациями и когда находились в тесной и регулярной связи (например, сидя в тюрьме и пр.).

2. Ваша работа в этих организациях.

3. Кто из партийных работников участвовал вместе с вами и какую работу вел. Были ли профессиональные революционеры, их работа и характеристика.

4. Размеры и строение организации. Велась ли работа среди крестьян, солдат, женщин, учащихся.

5. Издавались ли листки и пр. нелегальная литература. На какие темы, кто был автором. Насколько часто и полно получалась заграничная литература. Что именно.

6. Как велась пропаганда. (Были ли кружки, их состав, число, кто их вел, программа занятий.) Какими легальными и нелегальными книгами пользовались и какие из них были больше в ходу.

7. Как велась агитация. (Устраивались ли массовки, митинги, демонстрации; темы, лозунги; кто выступал.)

8. Финансы организации.

9. Какая была «техника» и насколько успешно она работала.

10. Какие вопросы (организационные, тактические, программные, философские) были наиболее злободневными. Была ли фракционная борьба и как она велась (в особенности после съездов и конференций).

11. Ваши наблюдения и замечания в жизни организации, не входящие в предыдущие пункты.

Примечание. Если сведения об организации, хотя бы самые достоверные, получены вами не во время вашего личного участия в ней, то оговорите и укажите источник.

12. Как поддерживалась, насколько часто и в чем выражалась связь организации с ЦК, с заграничными центрами, с

соседними городами и областями. Были ли областные конференции. Как восстанавливались связи после провалов.

13. Если вы были участником партийного съезда (какого), то какие воспоминания у вас остались. Ваши разговоры и впечатления при свидании с виднейшими партийными работниками.

14. Ваша партийная работа в легальных организациях (в литературе, в профессиональных союзах, культурно-просветительных обществах, в больничных кассах, в Государственной думе, на легальных съездах и пр.) до 1917 г. и после февральской революции 1917 г., во время и после Октябрьского переворота.

«Бюллетень» Истпарта № 1, 1921 г.

КТО БЫЛИ ПЕРВЫЕ ПОМОЩНИКИ ТОВА. ЛЕНИНА В БОРЬБЕ ЕГО ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ

Василий Андреевич Шелгунов — один из немногих выдающихся рабочих-вожаков, уцелевших от преследований царского правительства и доживших до наших дней. При его участии зарождались первые рабочие организации нашей рабочей партии, на его глазах прошли выдающиеся теоретики и вожди этой партии, и редкому из них не пришлось поработать вместе с В. А. Шелгуновым или хотя бы слышать о нем. Хорошо знают В. А. Шелгунова и старики рабочие, особенно питерские.

Родители В. А. Шелгунова были псковские крестьяне. Его отец, Андрей Иванович, торговал красным товаром и держал кабак в деревне Славковичи, Псковского уезда. В этой деревне и родился Василий Андреевич в 1867 году.

В 1871 году, когда у Шелгунова-отца дела пошатнулись, он перебрался со всем семейством в Петербург и занялся там изготовлением швабр для железной дороги. Семья у него была большая: жена, 4 сына и 3 дочери. С 8 — 9 лет дети пристраивались отцом на питерские фабрики и заводы. Шелгунов-отец был человек крутой, своенравный и изрядно выпивал. К ученью детей он был равнодушен, но дети сами охотно учились, ходили, когда было можно, в вечернюю школу. Старшие братья, приходя с работы, по вечерам, стали учить гра-

моте и младшего Василия, когда ему было 7 лет. Потом Василий Андреевич поступил было в одну частную школу, где приходилось платить 1 р. в месяц. Но через 4 месяца ему пришлось школу бросить по слабости зрения.

В 1877 году, 9 лет от роду, Василий Андреевич поступил на чугунолитейный завод Петрова. Работать нужно было 11 часов, а плата была 65 коп. в день. Месяцев через 5 пришлось уйти с завода по болезни. В 1879 г. отец Шелгунова переехал в г. Остров, где он содержал харчевню. Василий Андреевич просился у отца в школу, но тот не пустил. Сын нужен был по хозяйству и в харчевне, где он служил половым. Когда дела у отца и здесь пошли плохо, он снова и уже навсегда переселился в Питер.

Василий Андреевич опять, конечно, должен был куда-нибудь наниматься. Просился он у отца поступить на завод, но отец не пустил, так как боялся, что парнишка избалуется среди заводских, и отдал сына в переплетную мастерскую. Хозяин там был человек строгий, да и баловаться было некогда. Работали с 3 часов утра до 7 вечера с самыми короткими перерывами, чтобы только поесть, а плата была — харчи и одежда.

Это было в 1881 г. Убийство царя Александра II, происшедшее в это время, сильно врезалось в память малолетнего В. А. Шелгунова. В «Петербургской Газете», которую ему приходилось фальцовать в мастерской, было напечатано длинное сообщение об убийстве царя. Прочитав это сообщение, В. А. Шелгунов разрезал его на кусочки и переплел в книжечку. Слышал он, конечно, тогда кругом много слухов, толков и пересудов. Мастерские бегали даже смотреть на казнь народовольцев. Но отношение у них к событиям было самое бессознательное или равнодушное. Говорили больше, что-де помещики подослали к царю убийц за то, что он крестьян освободил.

Работая в переплетной около книг и газет, В. А. Шелгунов приохотился к чтению и завел себе даже маленькую библиотечку, книжек в 30, которые сам переплел. Тут были Успенский и Некрасов, отчет Общества спасения на водах с картинками и разные двухкопеечные лубочные брошюры.

В 1885 г. В. А. Шелгунов окончил срок учения в мастерской, но по переплетной части не пошел. Его уже раньше тянуло на большой завод. Теперь ему было 18 лет, он мог исполнить свое давнишнее желание и поступил в Новое Адми-

ралтейство чернорабочим. Отцу пришлось при этом, как водится, дать взятку в 5 руб. жене мастера.

Заводская жизнь принесла Шелгунову больше досуга и простора. На заводе скоро представилась возможность заняться образованием. В. Шелгунов увидел объявление о вечерней школе. Там преподавались такие интересные вещи, каких не знала низшая народная школа: физика, химия, космография. В. А. Шелгунов с радостью ухватился за эту возможность и при помощи заводских товарищей, уже посещавших школу, записался туда сам. Горячо отдался он учению, и 4-летний курс прошел в 3 года. Эта школа и школьное товарищество сыграли большую роль в развитии сознательной жизни В. А. Шелгунова. Знакомство с наукой о природе расшатало ту библейскую мудрость, которою набивают темный народ с детства. Из уроков космографии ученики узнали о нелепости того «сотворения мира», о котором толковал батюшка в той же самой школе. Отсюда недалеко и до рассуждений об общественных порядках. В школе происходил подбор наиболее любознательных, передовых рабочих, завязывались первые нелегальные кружки. Будучи в 3 классе, В. А. Шелгунов получил от товарища первую нелегальную книжку: «Слово на великий пяток Тихона Задонского». Под таким душеспасительным заглавием была издана одна революционная книжка. За этой книжкой последовали другие: «Царь-Голод» и пр. С большим интересом читалась учениками легальная книжка: «Суд над цареубийцами». Отец Василия Андреевича вечернюю школу не одобрял и ругался. Домашние тоже косились на Василия Андреевича и его книжки и однажды ему заметили: «читай, читай; будешь много читать, — и тебя повесят».

80-е годы были годами глухой реакции, но даже самые слабые проявления общественного протеста чутко улавливались передовой рабочей молодежью и дружно поддерживались. Вместе с революционной интеллигенцией В. А. Шелгунов и его товарищи участвовали в маленькой демонстрации на кладбище по случаю десятилетия смерти Некрасова, на похоронах Щедрина, а позже подписывались под адресом умирающему писателю Шелгунову.

Ближайшим другом и первым руководителем В. А. Шелгунова был в это время Егор Афанасьевич Афанасьев, он же Климонов. Это был брат выдающегося рабочего вожака Федора Афанасьевича, известного в Иваново-Вознесенске под

именем «Отца». Начиная с 1887 года, Е. А. Афанасьев вместе с В. А. Шелгуновым организует уж правильные кружки из рабочих для революционной пропаганды. У Е. А. Афанасьева были некоторые знакомства с революционной интеллигенцией, больше из народовольцев, из них он подыскивал пропагандистов для рабочих кружков. Через Е. А. Афанасьева В. А. Шелгунов познакомился с молодым народовольцем А. Л. Брейгфусом.

Когда умер Е. Н. Андреев, основатель вечерней школы, послужившей гнездом для целого выводка передовых рабочих Петербурга, его бывшие ученики попытались организовать легальное общество взаимопомощи из бывших и настоящих учеников. При этом ставили себе целью улавливать и дальше посредством общества лучших рабочих, присматриваться к ним и объединять в кружки для революционной пропаганды. Сочинили устав и подали на утверждение. Для отвода глаз даже молебны отслужили, но правительство все-таки в благонадежность основателей не поверило и общества не утвердило. Часть участников после того отошла в сторону. Зато другие не отступили перед неудачей и положили основание нелегальному обществу взаимопомощи под именем «Борьба», с ежемесячным взносом в 25 коп.

В 1889 году В. А. Шелгунов был призван на службу и от революционной работы должен был отстраниться. Служа недалеко от Питера в Ораниенбауме, он все-таки поддерживал связь с питерскими товарищами. Приезжая на побывку в Питер, он даже участвовал на их вечеринках и тайных собраниях. Под адресом писателю Шелгунову он подписался: «солдат». Хотелось ему показать, что есть даже солдаты-революционеры.

По окончании службы В. А. Шелгунов возвратился в Петербург и работал на крупнейших питерских заводах: Путиловском, Балтийском, Обуховском. Из чернорабочих он стал уже слесарем. По прибытии из Питера он постарался разыскать старых знакомых, но многие из них были уже арестованы. Скорее В. А. Шелгунов заводит впервые знакомство с интеллигентами-марксистами, которых в то время было уже не мало. Первое знакомство состоялось так. Один из старых товарищей свел его с Германом Борисовичем Красиным (братом Леонида Борисовича Красина, бывшего потом членом Центрального Комитета Р. С.-Д. Рабочей Партии, а позже комиссаром путей сообщения). Из осторожности В. А. Шелгунов предупредил перед знакомством, что желает только под-

готовиться на звание учителя. Первые уроки Г. Красина были посвящены грамматике и арифметике. Но, присмотревшись друг к другу, учитель и ученик забросили учебники и стали вести политические разговоры. Учитель доставал нелегальные марксистские книжки, каких Шелгунову раньше читать не приходилось, например: «Наемный труд и капитал» К. Маркса. Г. Красин познакомил Шелгунова и с другими видными марксистами: Г. М. Кржижановским (впоследствии членом первого Центрального Комитета нашей партии) и Владимиром Ильичем Ульяновым (Лениным). Продолжая ходить для бесед к Г. Красину, Шелгунов заглаживал иногда и к В. И. Ленину, с которым беседовал и читал книжки. Он даже теперь хорошо помнит его тогдашний адрес (Казачий пер., д. 9).

Это было как раз в то время, когда первые марксисты заводили прочные связи с рабочим классом и когда первые вожаки из рабочей среды усваивали учение международного научного социализма и закладывали фундамент для рабочей партии. В числе этих первых рабочих-марксистов и был В. А. Шелгунов, который в это время выдвинулся как один из самых крупных организаторов и вождей питерского рабочего движения.

Но на ряду с марксистами вели усиленную работу в Питере и народовольцы: Сушинский, Зотов, Брауде, Александров (Ольминский, теперь коммунист) и другие. Марксистам приходилось вести упорную борьбу с их влиянием на рабочих. Даже самые передовые рабочие еще далеко не вполне разбирались во всех теоретических вопросах и, как вспоминает Василий Андреевич, чувствовали себя «дичью», на которую охотились с двух сторон.

Полагая, что споры между революционерами двух направлений будут вредно отражаться на малосознательных рабочих и раскалывать рабочее движение, рабочие вожаки сводили народовольцев с марксистами в своем тесном кругу и старались сами хорошенько разобраться. После одного такого собрания весной 1894 г. почти все участвовавшие в нем рабочие стали решительно на сторону марксистов. С марксистами установили они прочные связи. К ним привлекало рабочих то, что в основу своей пропаганды они ставили солидные научные знания экономической жизни. Народовольцев хотя и допускали в рабочке кружки, но им наперед указывали, о чем говорить, и приставляли к ним контролеров, чтобы в случае надобности их «одергивать».

Осенью 1894 года человек 20 передовых рабочих собрались в Галерной гавани, чтобы укрепить связь между районами. Выбрали центральный кружок из 4 человек, в том числе В. А. Шелгунова, поручили им правильное сношение с районами, стали регулярно собираться и заводить связи на заводах. При этом часто пользовались вечерними школами. Главная организаторская работа перешла постепенно к В. А. Шелгунову. Он работал главным образом за Невской заставой, но потом сносился и со всеми другими районами, а также с пропагандистами-интеллигентами, которых распределял по рабочим кружкам.

В кружки входили в это время Старков, Ванеев, Сильвин, Запорожец, Кржижановский; работа все больше разрасталась. Осенью 1894 года появились на заводах первые прокламации. Особенное оживление в работе началось с осени 1895 года. В этом году группа марксистов, которые вели пропаганду, окончательно сплотилась в постоянную организацию под названием «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». За подписью этого союза стали теперь распространяться хорошо отпечатанные листки, и агитация «Союза» стала захватывать все более широкие рабочие массы. Посредником между «Союзом» и рабочей массой была центральная рабочая группа во главе с В. А. Шелгуновым.

Затесавшийся в кружки марксистов провокатор зубной врач Михайлов скоро выдал полиции почти всех главных руководителей движения. В ночь на 3 декабря произошли первые большие аресты, были арестованы: В. И. Ленин, Ванеев и другие члены «Союза Борьбы», а также много рабочих, всего около 80 человек. Арестовали и В. А. Шелгунова. Эти аресты, конечно, на время расстроили работу. Но они произвели на рабочих сильное впечатление и сделали имя «Союза Борьбы» еще более известным и любимым среди самых широких рабочих масс. Они, эти аресты, много способствовали тому, что в следующем году так дружно и так организованно под руководством «Союза» была проведена небывалая еще в России по размерам стачка ткачей. В. А. Шелгунов просидел в тюрьме до февраля 1897 года, проводя время в чтении книг, которыми его сильно снабжали, и потом был сослан в Архангельскую губернию на 3 года. В ссылке Шелгунов работал на разных заводах и жил безбедно, так как в рабочих металлистах там была большая нужда и платили им хорошо.

По окончании ссылки в 1900 г. Василий Андреевич заехал

нелегально в Питер, куда въезд ему был запрещен, и, пробыв там с месяц, отправился на юг. Побывав в Луганске и Полтаве и повидавшись там со старыми питерскими товарищами (Норинским, Мартовым), В. А. Шелгунов поехал в Екатеринослав, куда его звали для партийной работы.

За то время, пока Шелгунов сидел в тюрьме и ссылке, рабочее движение широко разрослось по России. В 1898 г. отдельные «Союзы Борьбы» собрались на первый съезд и объявили об основании Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Во всех крупных промышленных городах образовались комитеты этой партии.

Был такой комитет и в Екатеринославе.¹ В. Шелгунов вступил в число членов Екатеринославского комитета и стал заниматься пропагандой в рабочих кружках. Социал-демократы теперь не только стачками рабочих руководили, но все больше стали разъяснять рабочим непригодность государственных порядков и поднимать их на борьбу с царским самодержавием. Кроме постоянных кружков комитет устраивал собрания из рабочих середняков (массовки), где социал-демократы вели устную политическую агитацию. У комитета была своя тайная типография, где печатались листки, призывавшие рабочих бороться не только с хозяевами, но и с правительством.

Рабочая масса уже дружно отзывалась на революционную пропаганду. Начиная с 1900 года, комитеты стали понемногу выводить революционное движение из подполья на широкую улицу, устраивать массовые протесты против властей — уличные демонстрации с красными знаменами, революционными песнями и даже с открытыми речами агитаторов. Несколько таких демонстраций было устроено Екатеринославским комитетом. Эти демонстрации были очень многолюдны, участвовало в них до 10 000 рабочих.

В январе 1902 года произошли большие аресты. Арестовали человек 50, в том числе и В. Шелгунова. Но просидел он в тюрьме на этот раз недолго, с полгода. Выйдя из тюрьмы в июле, В. Шелгунов съездил в Киев. Туда его вызывали для того, чтобы поместить надзирателем в тюрьму и подготовить при его помощи побег политических. Поступление Шелгунова на эту должность не состоялось, а побег немного позже удался, как нельзя лучше. В. Шелгунов вернулся в Екатеринослав, и

¹ Ныне Днепропетровск. Ред.

так как полиция его там знала уже хорошо, то он поехал работать на Кавказ.

Приехал В. Шелгунов в Баку к Леониду Борисовичу Красину, которому привез рекомендательные письма от товарищей, и через некоторое время вступил в члены Бакинского комитета партии. Здесь он работал организатором в Биби-Эйбатском районе (на нефтяных промыслах), ходил в кружки, выступал на массовках, помогал устраивать маленькую тайную типографию комитета. Бакинский комитет также вел тогда широкую революционную работу. Так, Первомайский международный праздник рабочих в 1903 г. был отпразднован в Баку на-славу.

Комитетом было устроено две первомайских демонстрации, по старому 18 апреля и по новому счету. Собиралось каждый раз тысяч 15 рабочих; особенно удалась вторая демонстрация. Были красные флаги, на которых красовалась самая ходовая в то время поговорка: «Долой самодержавие»; говорились речи на разных языках, потому что в Баку рабочее население разноплеменное. Не обошлось при этом без свалки с полицией, которая стреляла в толпу и ранила несколько человек. У В. А. Шелгунова оказалось простреленным пальто, но сам он остался целым.

В 1903 году летом, когда происходила всеобщая стачка на всем юге России, бакинские рабочие были первыми застрельщиками. Во время забастовки Бакинский комитет устроил большой митинг, на котором выступали члены комитета. Говорил и В. Шелгунов, убеждая рабочих добиваться политических прав.

В августе 1904 г. В. Шелгунов приехал в Питер. Еще в Баку, работая на регулировке дуговых ламп, он сильно повредил глаза и с весны 1904 г. слег в больницу. В Питере он поступил в Моховую больницу, откуда вышел в декабре почти слепым, а скоро и совсем ослеп.

Потеряв зрение на службе капиталу, Василий Андреевич Шелгунов поневоле должен был выйти из самой гущи партийной работы, но служить своему классу и отстаивать его интересы он и слепой не переставал.

Обладая большой начитанностью, он пользовался широкой известностью и большим уважением в рабочих кругах. Хорошо он был известен и питерским жандармам по прежней работе. В это время царский охранник Зубатов для борьбы с социал-демократами через своих провокаторов усердно размножал

по районам Петербурга легальные общества, в которых он дурачил и развращал темных или бесхарактерных рабочих. Во главе этой провокаторской затеи стоял поп Гапон. Зная, что В. А. Шелгунов пользовался большим влиянием на рабочих, Гапон и его подручные охранники стали ухаживать за ним, чтобы привлечь его в свою гапоновскую организацию. В. А. Шелгунов не раз имел свидание с Гапоном и по его приглашению бывал на нескольких гапоновских собраниях. Не выступая с резкими революционными речами перед темными гапоновскими рабочими, он осторожно, но настойчиво проводил свою линию и нередко портил обедню батюшке-провокатору. На одном гапоновском собрании забравшиеся туда социал-демократы разбросали свои прокламации. Поднялся шум: лови, лови! Шпики пользовались случаем, чтобы натравить темную толпу на социал-демократов. В. А. Шелгунов вмешался: не дело рабочих сыском заниматься; давайте лучше гласно прочитаем, что там в листках написано, не понравится, так порвем. Председатель, просмотрев листок, заявил, что прочитать его невозможно. В. А. Шелгунов вывел отсюда мораль: нужно таких порядков добиваться, чтобы возможно было читать все, что угодно, без страха. Все согласились, и шпионы остались в дураках.

Обратить В. А. Шелгунова в свою веру гапоновцам так и не удалось, а провокаторская игра в рабочие общества только подлила масла в революционный пожар, который поп Гапон зажег 9 января.

Приходилось Шелгунову выступать и против кадетов. Скоро после 9 января правительство захотело показать рабочим свое попечение о них и объявило о созыве комиссии из чиновников для обсуждения рабочего вопроса совместно с выборными от рабочих. По этому случаю кадеты устроили собрание, на которое пригласили рабочих. Кадетский профессор Чупров старался втолковать рабочим, что царское правительство стало уже на путь реформ, что у нас заводятся английские порядки. Ведь в Англии давно созываются такие комиссии для обследования положения рабочего класса. Выступив с возражением ученому профессору, В. А. Шелгунов разъяснил рабочим, что нам до Англии пока далеко. Там существует неприкосновенность личности, а у нас рабочих депутатов полиция хватает почем зря, чему Шелгунов и примеры привел, посоветовав прежде, чем депутатов выбирать, добиться политической свободы.

Во время первой революции 1905 года В. А. Шелгунов выступал оратором не раз, говорил на первом организационном собрании Совета Рабочих Депутатов, на разных митингах в учебных заведениях, а позже в клубах и профессиональных союзах.

В важных партийных делах рабочие организации Питера не раз привлекали его к совету. Так при выборах в III Государственную думу от рабочих был выставлен и проведен рекомендованный В. А. Шелгуновым путиловский токарь Н. Г. Полетаев.

В 1911 году В. А. Шелгунов был выставлен ответственным редактором-издателем рабочей газеты «Звезда», и когда газета не могла уплатить наложенных на нее денежных штрафов, то он должен был отсидеть за «Звезду» в тюрьме 2 срока под ряд (а всего 4 с половиной месяца).

Когда началась последняя революция 1917 г., В. А. Шелгунов также дома не сидел. Первого мая он выступил на митинге на Исаакиевской площади с речью в защиту своего старого учителя и вождя пролетарской революции В. И. Ленина, которого изо всех сил травили враги рабочего класса. Либералы, эсеры и меньшевики кричали тогда, что революционная агитация Ленина разлагает нашу армию. Возражая им, В. А. Шелгунов предсказывал тогда на митинге, что революция создаст такую армию, которой не страшны будут никакие союзы держав.

Незадолго до Октябрьского переворота В. А. Шелгунов уехал в Темрюк Кубанской области, где поселилась семья его друга Н. Г. Полетаева. Там пережил он смену разных правительств: Керенского, большевистского, деникинского. 28 февраля 1920 г. Темрюк был снова взят красными войсками. В. А. Шелгунов прожил там при большевиках до конца июня. В это время он зарабатывал себе на существование работой в типографии (крутил колесо).

13 июля 1920 г. В. А. Шелгунов приехал в Москву, где и живет во 2-м доме советов.

«Рабоче-крестьянский календарь на 1923 год».

ОТ «ЗВЕЗДЫ» К «ПРАВДЕ»

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОЛЬШЕВИКАХ И «ЛЕГАЛЬНЫХ
ВОЗМОЖНОСТЯХ»

«Звезда» и «Правда» отметили собою чрезвычайно яркую полосу в развитии нашего рабочего движения. Обе газеты были определенно большевистского направления и вели с меньшевиками-ликвидаторами ожесточенную борьбу, которая до той поры со стороны большевиков могла вестись только из подполья. Появление легальных большевистских газет, их неожиданная живучесть и та роль, которую они сыграли, — все это на первый взгляд представляло целый узел противоречий. Прежде всего возникает вопрос: каким образом большевики, эти закоренелые подпольщики, умудрились поставить легальную газету, не только опередив этим легальным почином ликвидаторов, но и жестоко побив их на той самой арене «легальных возможностей», где ликвидаторы сосредоточили все свои силы и средства, где они чувствовали себя господами положения.

Из предыдущих выпусков этого сборника¹ читатель знает, что «Звезда» не появилась вдруг, в готовом «большевистском» виде. «Легальные возможности» нащупывались постепенно и с оглядкой. Первые номера «Звезды» (с конца 1910 г. до лета 1911 г.) отразили на себе всю неуверенность первых шагов легального выступления. Едва ли не главным «боевым» материалом были отчеты о речах с.-д. депутатов в Думе. Кроме сугубой цензурной осторожности, мертвящий дух газете придавал ее блок с плехановцами. Передовицы плехановского представителя и главного руководителя газеты (Н. И. Иорданского), щепетильно выложенные под самый лучший «штиль», страдали всеми недугами золотушной интеллигентской «литературщины».

Из жизни фабрик и заводов в этих номерах не было ни малейшего отзвука. Тираж был бесконечно мал. От этих тощих и бесцветных номеров первой «Звезды» было как от земли до неба далеко до той боевой рабочей газеты, которая сделала целую эпоху в рабочем движении, эпоху «Звезды» и «Правды». В таком виде, без существенных изменений, «Звезда» просуществовала до лета 1911 г.

¹ «Из эпохи «Звезды» и «Правды» 1911 — 1914 г.г.» — сборник статей и воспоминаний. Издание Истпарта. Выпуски I и II вышли в 1921 г. Ред.

Осенью того же года, когда газета возобновилась уже без участия плехановцев, как большевистское издание, петроградские сотрудники решили во что бы то ни стало завести отдел рабочей жизни. Но непосредственных широких связей с заводами не было. Между тем, именно в это время происходил решительный перелом в рабочем движении. Забастовочное движение по числу участников, в сравнении с предыдущим годом, увеличилось вдвое, а по числу стачечных дней еще больше. Повышалось и революционное настроение. Воспрянувшее рабочее движение искало своей трибуны и скоро нашло ее на страницах «Звезды». Первые сообщения о более или менее крупных событиях на фабриках и заводах стали сочиняться сотрудниками под видом корреспонденций с заводов. Помню, как, пронюхавшие об этом, меньшевики зло смеялись над нашими «собственными корреспондентами». Однако, прием оказался весьма удачным. Рабочие, давно привыкшие к полнейшему равнодушию и дружному молчанию буржуазной печати о рабочем движении, теперь при каждом столкновении с предпринимателями жадно ловили всякое печатное слово о своей борьбе. Самая короткая заметка «о нашем заводе» придавала бодрость и решимость и гарантировала, что номер газеты с этой заметкой будет читаться там нарасхват. Понятно, что собственных корреспондентов долго ждать не пришлось. По мере роста забастовочной волны росла и связь «Звезды» с рабочими предместьями.

Мощный прибой в рабочем движении отразился и на содержании статей и скоро резко изменил литературный облик «Звезды». Сотрудники все чаще стали срывать с цензурного тона. Начались усиленные штрафы и конфискации, наносившие тяжелые удары тощей казне «Звезды». Главным «спецом» по части цензуры был у нас Н. Г. Полетаев, почти безошибочно определявший, какая статья пахнет конфискацией и какая «пройдет». Любопытно, что самые боевые по содержанию, но более или менее умеренные по выражениям статьи тт. Ленина и Зиновьева почти всегда проходили благополучно, тогда как более невинные статейки других сотрудников часто подводили под штраф или конфискацию из-за неосторожной «словесности». В видах экономии скоро выработалось такое правило: статьи заведомо нецензурные, но интересные и ценные приурочивались к одному номеру, который уж наперед обрекался на провал. О том, как «Звезда» приспособилась к распространению «конфискованных» номеров, было

уже рассказано в других статьях. Я хочу здесь отметить, что жестокую борьбу за существование «Звезде» приходилось вести не только с полицейским оком царизма, но и с той грязной газетной спекуляцией, которая в то время процветала. «Звезда» держалась почти исключительно розничной продажей. А эта продажа почти целиком была в руках 5 — 6 газетных артелей. Учитывая эту монополию, главари артелей стали откровенно требовать взятки. Не получая взятки, они, несмотря на определенный спрос на «Звезду» со стороны их же собственных газетчиков, стали прекращать заказ, а некоторые из правлений делали еще хуже: заказывали вдвое или втрое больше, чем продавали, возвращая через несколько дней громадное количество неоплаченных номеров. Подавляющее большинство газетчиков получали «Звезду», как и прочие газеты, только через экспедиции своих артелей, и только некоторые, торговавшие в районе «Звезды» (при огромных расстояниях Питера), могли получать ее самостоятельно. Для борьбы с воротилами газетных артелей пришлось снять на Лиговке крошечную лавочку для «Книжной и газетной торговли». В этом пункте были сосредоточены крупнейшие экспедиции питерских газет и сюда стекались ранним утром почти все газетчики. Для отвода глаз в окне лавочки была выставлена всякая книжная макулатура, на самом же деле сюда привозилась, и прямо из типографии, «Звезда» для продажи газетчикам помимо артелей (не совсем прав был тов. Ленин, когда заявил на съезде, что «торговать нас не учили»¹).

Всех этих полицейских и прочих скорпионов было слишком достаточно, чтобы утопить любую порядочную буржуазную газету даже с солидным капиталом. А «Звезда» все-таки сводила кое-как концы с концами. В чем же был секрет ее живучести?

Поставив легальную газету, большевики при этом вовсе не думали ставить ставку на легальность во что бы то ни стало. Напротив, они сумели сделать эту легальную газету голосом подполья, трибуной «неурезанных лозунгов». Но именно в этом и скрывалась причина необыкновенно дружной тяги воспрянувшего рабочего движения к такой легальной газете. Служа светочем для рабочего движения, «Звезда», в свою очередь, как безнадежное «коммерческое предприятие», могла

¹ На XI съезде партии, в марте 1922 г. См. Ленин. Собрание сочинений т. XVIII, ч. II, стр. 32. Гиз. 1923 г. Ред.

выезжать только на буксире этого движения. Этот секрет живучести путал все расчеты полицейских душителей и вместе с тем вскрывал банкротство ликвидаторской тактики. Эти господа, вползая в легальность, ради этой легальности, в своей пропаганде (за свободу союзов, печати и т. п.) добросовестно выскребли все «нелегальное», и перед «обновленной» царской властью они предстали такими же невинными младенцами, как и кадеты. Но царизм так же плохо ценил ликвидаторские жертвоприношения, как и кадетское холопство.

Как известно, даже кадеты, до самой Февральской революции, не были легализованы, как партия, и при всем своем холопстве оставались «нелегальными». К ликвидаторам же правительство было еще менее милостиво. С горькой обидой они жаловались, что их газету (как им казалось) штрафуют и конфискуют чуть ли не чаще, чем газету большевиков.

К весне 1912 г. роль «Звезды», как большевистской трибуны, как революционного знамени не только для питерского, но и для всероссийского рабочего движения, вполне определилась. Эта роль особенно выявилась в ленинских событиях, когда «Звезда», гораздо шире, чем это могли сделать подпольные большевистские организации, разнесла весть об этих событиях и объединила на своих столбцах бесчисленные голоса фабрик и заводов в один мощный протест рабочего класса России. До какой степени рабочие забывали о «легальности» этой газеты, можно судить по той резолюции о ленинском расстреле, в которой рабочие призывали к вооруженному восстанию.¹

Таким образом, начав в конце 1910 г. с довольно тощего большевистско-плехановского листка, благодаря революционному подъему, несмотря на отчаянные преследования, «Звезда» успела вырасти в огромную силу. Над первым тощим номером ее зло смеялось «Новое Время» в своем обзоре печати, не подозревая ее будущей роли. Но уже зимою 1911 — 1912 г.г. черносотенец Пуришкевич, бешено размахивая «Звездой» на Думской трибуне и цитируя из нее «возмутительные» статьи, жестоко разносил предрержащие власти за разгильдяйство и попустительство.

На этом коротком пути сама «Звезда» испытала значительные изменения. Собственно, нельзя даже говорить об «эпохе»

¹ Резолюция ремонтной мастерской землечерпательного каравана; напечатана в 33 № «Звезды». См. статьи т. М. С. Ольминского «Общий очерк эпохи» в первом выпуске «Из эпохи «Звезды» и «Правды», стр. 35. Ред.

«Звезды», т. к. «Звезда» оказалась на рубеже двух эпох, отразив в себе конец первой и начало второй.

Особенно непосредственно и ярко происшедший перелом отразился в стихотворениях «Звезды». Политическая обстановка, при которой впервые выступила «Звезда», нагоняла на ее поэтов еще жуткую тоску. Разгром революции 1905 г. и беспросветная тьма текущих дней — главный мотив в стихотворениях первых номеров:

Зашумят ли волны снова,
Или в сумраке глухом
Море мрачное сурово
Будет спать холодным сном...

(Январь 1911 г.)

Другой поэт тех же дней — не такой скептик — глубоко верит в будущий рассвет и втихомолку даже сочиняет на этот случай свои песни. Но он сам считает совершенно неприличным распевать свои радостные песни в это подлое время:

ПЕСНЬ РУДОКОПА

Я сложил эту песнь далеко от людей
Глубоко под холодной землей...
.....
Мы молчим, мы «покорны», и в наших сердцах
Глубоко затаили ее мы...
Эту песнь будем петь мы потом
В дорогие и светлые годы,
Загремит эта песнь торжеством
Долгожданной, но вечной свободы...

А осенью 1911 г., вместе с бурным потоком рабочих корреспонденций на страницы «Звезды» врывается и новая поэзия:

Сильный ветер — вольный вихрь
На кургане закружил,
И пошел гулять по миру,
Жизни море замутил...

(Октябрь 1911 г.)

Нужно заметить, что агитационное значение стихотворений было огромно, особенно для широкой рабочей массы. Рабочий массовик не без труда разбирался в политических статьях «Звезды», стихи же не только давались легко, но всегда забирали за живое даже отсталого.

Посещая трактиры предместий и наблюдая там читателей «Звезды», можно было заметить, что ее почти всегда начи-

нали читать со стихотворений. Мало того, на окраинах появились даже особые гастролеры, заучивавшие стихотворения из «Звезды» наизусть и декламировавшие их в трактирах и чайных.

Характерным показателем революционного подъема было также изобилие стихотворений, поступавших в редакцию со всех концов России. При этом поэт-профессионал терялся в массе поэтов-новичков, несомненно, впервые попадавших в печать, как это было видно и по самым стихам, и по письмам их авторов в таком, например, роде:

«Многоуважаемый г. редактор, очень вам благодарен за то, что напечатали мое стихотворение. Посылаю вам еще два»...

Внешним показателем «Звезды» и ее проникновения в рабочий класс было увеличение ее тиража, доходившего до 50 — 60 тысяч экземпляров, и более частый выход (до 3 раз в неделю). Но нарастающее рабочее движение предъявляло новые требования. Оно настоятельно предъявляло спрос на ежедневную дешевую и возможно популярную газету. Этих требований «Звезда» не удовлетворяла.

Даже развитой рабочий, постоянный читатель «Звезды», для ежедневного осведомления должен был покупать и другие, буржуазные газеты. Для массовика же «Звезда» была кроме того слишком тяжеловесна и дорога (5 коп.). Главными конкурентами «Звезды» были «Копейка» и «Современка» («Современное Слово»). Последняя представляла собою дешевое издание «Речи» и служила орудием своего рода кадетской «зубатовщины». Кадеты, кроме своих сотрудников, охотно «пропускали» в нее ликвидаторов, особенно по «рабочему вопросу». Сотрудничество ликвидаторских любителей марксизма не смущало кадетов, но оно помогало кадетской литературной лавочке торговать и в рабочих кварталах. И вот, в дни избирательной борьбы в Гос. думу, когда каждый лишний экземпляр газеты особенно ценен для каждой борющейся партии, этот «почти» марксистский орган по приказу хозяев грянул: «граждане, голосуйте за Милюкова».

Последний шаг для приближения рабочей газеты к массовому рабочему движению наконец был сделан. Такой газетой стала «Правда», унаследовавшая от «Звезды» ее принципиальное большевистское направление, ее роль «легального» голоса подполья и ее опыт практической изворотливости (вплоть до способа распространения «конфискованных» номеров).

В отличие от «Звезды», «Правда» с первых же номеров выступала под знаком новой, революционной эпохи, о чем бесхитростно свидетельствовали ее поэты, определенно отмежеввавшиеся от печальных муз безвременья и упадка.

Не печаль березок белых
Воспоем мы в песнях смелых,
Может быть и неумелых,
Неокрепших, незрелых,
Как дубков весенних лес.

Не хвалебный гимн природе,
Нет, мы песни о народе,
Гимны радостной свободе
Будем петь, хотя и в моде
Нынче песенки не те.

(«Правда, 13 июня 1912 г.).

Не уморив и «Правду» штрафами и конфискациями, правительство стало бороться с ней посредством провокации, и это обстоятельство, может быть, лучше всего доказывает, что царские власти были вынуждены приравнять ненавистную легальную газету ко всякой другой, подпольной большевистской организации.

Лично мне пришлось услышать такое суждение от самих жандармов. Осенью 1912 г., по прекращении «Звезды» (существовавшей некоторое время одновременно с «Правдой»), мне было предложено заняться исключительно редакцией «Правды». Через 2 недели моего редакторства меня арестовали. На мой вопрос в охранке, за что я арестован, жандармы сообщили: за редактирование «Правды».

— Но ведь «Правда» легальная газета, — возразил я.

— Знаем мы вашу легальную газету. Это орган вашей большевистской партии, — преспокойно отвечали охранники.

Я спорить не стал.

«Из эпохи «Звезды» и «Правды» 1911—1914». Вып. III.

ЛЕНИН — ВЫРАЗИТЕЛЬ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Неразрывная связь теории и практики, слова и дела — вот самая характерная черта Ленина.

«Что делать?» — так озаглавлена была брошюра, напра-

вленная против первых апостолов оппортунизма в нашем рабочем движении. И, кажется, нет такого произведения Ленина — будь то толстая книга, листовка, или письмо к товарищу, — которое не было бы вызвано теми или иными реальными потребностями рабочего движения, которое не отвечало бы на вопрос: что делать?

Такого практического и делового склада ума мы не находили у первого поколения русских марксистов. Самый крупный представитель этого движения Г. В. Плеханов, блестящий теоретик и публицист, был весьма авторитетным учителем, но никогда не был практическим вождем рабочего движения. Резкое разделение марксистов на «теоретиков» и «практиков» в начале нашего с.-д. движения было одним из последствий той отвлеченно-философской трактовки всех насущных вопросов рабочего движения, которая давалась в блестящих литературных работах Плеханова, никогда, однако, не дававшего «практику» прямого и ясного ответа на проклятый вопрос: что делать?

Могут, пожалуй, возразить, что ведь во времена группы «Освобождение Труда» рабочего движения-то у нас еще не было. Но это прежде всего неверно. Рабочее движение началось у нас до появления на свет русских марксистов и уже тогда ставило массу практических вопросов. Однако, у передовых представителей этого движения, современников и даже предшественников Плеханова, мы не найдем и тени той раздвоенности теории и практики, какая появляется позже.

Вот как характеризует, напр., Ст. Халтурина близко знавший его Плеханов: «мысль постоянно шла у него рука об руку с делом... Все внимание его было поглощено общественными вопросами, и все эти вопросы, как радиусы из центра, исходили из одного коренного вопроса о задачах и нуждах нарождавшегося русского рабочего движения».

Но, быть может, нам скажут, что первые вожаки рабочих были исключительно «практиками», что у них никакой еще теории не было? На это лучше всего может ответить программа «Северного Союза русских рабочих», впервые выставившего политические требования и перешагнувшего, таким образом, через архаические теории русских народников.

Не из народнических теорий, а из насущных потребностей русского рабочего движения вывели вожди «Северного Союза» свою программу. И что же? — Не вооруженные еще марксистской теорией, они оказались к ней гораздо ближе

народнических теоретиков. Не Плеханов, а Ст. Халтурин, П. Алексеев, П. Мосеенок — вот кто были истинными предшественниками Ленина, как вождя рабочего класса.

Но Ленин, конечно, имел перед своими предшественниками то огромное преимущество, что выступил во всеоружии марксизма. Однако же то, что резко отличало его от виднейших теоретиков марксистов 2-го Интернационала и что сближало его с нашими первыми рабочими вождями не марксистами — это его особое, *ленинское* отношение к теории.

«Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента...» — «Наше учение — не догма, а руководство для действия», — так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо изменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой полосы исторического процесса» (письма о тактике).

В этих немногих словах вся суть ленинизма.

Еще в конце 90-х г.г. П. Б. Аксельрод в предисловии к одной брошюре Ленина («Задачи русских социал-демократов», 1907 г.) характеризовал его, как «революционера, счастливо соединяющего в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором».

Эта характеристика, без каких-либо оговорок и возражений, неоднократно повторялась и в нашей коммунистической литературе...

Если мы хорошенько вдумаемся в суть ленинизма и, в частности, в приведенную нами цитату из «писем о тактике», то мы заметим, как поверхностна, как неуклюжа эта характеристика. Дело вовсе не в счастливом сочетании в лице Ленина теоретика и практика, а в его революционном понимании теории Маркса, в которой он всегда искал «руководства для действия», т. е. для революционного движения.

С точки зрения Ленина *хороший* практик вообще невозможен без «теоретического образования и широкого политического кругозора». Плеханов, в сознании своего теоретического превосходства над «практиками», не раз отечески журил их за «беззаботность по части теорий». Для Ленина пренебрежение теорией, сужение политического кругозора было не

только «беззаботностью», он клеймил эти качества «практика», как прямую измену социализму (см., напр., полемику с «экономистами» в «Что делать?»). Но, высоко ценя теорию марксизма, борясь против «кустарничества», против преклонения перед стихийностью в рабочем движении, Ленин не менее энергично обрушивался на те теоретические догмы и формулы, в которых видел уклон от революционных практических задач рабочего класса. Достаточно напомнить здесь меньшевистские формулы «буржуазной революции» или «ученый песок» Каутского, который тот «сыплет в глаза рабочим».

С другой стороны, разрыв теории и практики, намечавшийся, как мы видели, с самого основания русской социал-демократии и именно в среде ее основателей, вовсе не был какой-то временной, технической невязкой или несчастной односторонностью теоретиков и практиков. На самом деле он означал не что иное, как постепенное отступление от революционной линии и теории и практики.

Вспомним хотя бы нашу «кружковщину» первой половины 90-х годов. Теоретические занятия в кружках принесли огромную пользу первому поколению рабочих революционеров, с головой ушедших потом в рабочее движение.

Но мы знаем, что из таких кружков выходили и рабочие-начетчики, хорошо изучившие «Капитал» и... отставшие от рабочего движения. Не сумел ли пропагандист передать им революционный дух учения Маркса, или в них самих было слишком мало революционного духа — все равно. Если из наличия теории (в лице пропагандиста) и практики (в лице рабочего) не получилось «счастливого сочетания» того и другого в виде боевого революционера, то несчастное стечение обстоятельств состояло здесь исключительно в отсутствии революционного, «ленинского» отношения к марксизму у рабочего, пропагандиста или у того и другого.

Если не так явно, то еще глубже это отчуждение марксистской теории от практики рабочего движения пошло на Западе. В то время как теоретики, в роде Плеханова и Каутского, пеклись о чистоте марксистских риз и святости ортодоксальной «формулы», конкретная обстановка все более изменялась, и социал-демократическая практика под прикрытием старых «формул» все больше увязала в болоте оппортунизма.

Необыкновенно быстрый темп развития капитализма и вся революционная школа русского царизма поставили русский

рабочий класс в авангарде международного пролетарского движения еще задолго до Октябрьской революции.

Неразрывная, органическая связь теории и практики, слова и дела в такой же мере характерны для Ленина, как и для его предшественников, как для всего русского рабочего движения. Огромная жизненная сила этого движения сказалась в том, что вместе с Халтуриным оно перешагнуло через народнические догмы по пути к марксизму, а вместе с Лениным — через «марксистские» формулы вождей 2-го Интернационала.

Ленин был не только гениальным вождем рабочего движения, но также ярким выразителем его революционной мощи.

«Молодая Гвардия» № 2 — 3, 1924 г.

ИЗ ЖАНДАРМСКИХ АРХИВОВ О МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКЕ

Брошюра «Десятилетие морозовской стачки», изданная более 25 лет тому назад, была составлена, главным образом, по судебным отчетам «Московских Ведомостей» за 1886 г. В бывш. архиве департамента полиции (ныне Ленинградском историко-революционном архиве) сохранилось «дело» об этой выдающейся стачке, встревожившей не только местные, но и центральные власти, до царя включительно (VII секция, I отделение, арх. деп. полиции, 3 делопроизв., 1885 г., № 2, ч. 3 — 6. О беспорядках среди рабочих на Никольской мануфактуре Саввы Морозова и К^о в Владимирской губ.). Часть материалов этого дела, недоступного, конечно, для составителей названной брошюры, теперь уже опубликована. (См. «Сборник материалов и статей» вып. I, изд. Гл. упр. Архивным делом, 1921 г. и «Архив истории труда в России», кн. 2, изд. Петрогр. Губ. Сов. Профсоюзов, 1921 г.). Кроме приведенного уже текста «требований по общему соглашению рабочих»¹ мы помещаем ниже наиболее характерные отрывки из

¹ Текст требований приведен в первом томе хрестоматии «Революция и РКП (б) в материалах и документах» стр. 152. Изд. Истпарта ЦК ВКП (б) 1925 г. Впервые был опубликован в брошюре «Десятилетие Морозовской стачки», вышедшей нелегально в Женеве в 1897 г. с послесловием В. И. Засулич. Ред.

сохранившихся в архиве документов, обрисовывающих возникшие, по поводу Морозовской стачки, сношения между рабочими, фабрикантом, губернатором, министром и царем.

Владимирский губернатор Судиенко, выступавший перед рабочими беспощадным усмирителем, в своих сношениях с министром откровенно признает, что стачка была вызвана непомерной эксплуатацией рабочих фабрикой. В конце своего общего доклада министру он пишет:

В продолжение проведенных мною здесь десяти дней, путем неоднократного спроса рабочих, как из числа арестованных, так и ходящих на работы, я не мог не прийти к убеждению, что поводом к прискорбным событиям, начавшимся 7 января, послужило то крайнее угнетение, которому подвергаются рабочие, поступающие на эту фабрику.

Далее следует подробное описание обирательства рабочих посредством штрафов.

Еще более откровенно губернатор мог вести переговоры с владельцем фабрики, Морозовым, которого он пытался склонить к необходимым уступкам. В том же донесении министру о событиях 8 января он пишет:

В 4 часа пополудня прибыл в Никольское Морозов, с которым прокурор судебной палаты и я имели продолжительное совещание о способах прекращения забастовки, признавая, с своей стороны, необходимым сделать некоторые облегчения для рабочих, действительно крайне теснимых фабричной администрацией. Вместе с сим я решительно потребовал удаления с фабрики Шорина, как лица, против коего высказано было общее озлобление. Это требование мое было исполнено. После возражений г. Морозова, что всякое облегчение в настоящее время было бы уступкой грубому насилию и дурным примером, поощряющим к новым беспорядкам, нам удалось, однако, убедить его на некоторые, хотя, к сожалению, весьма незначительные, льготы для рабочих.

В донесении от 9 января губернатор, указывая на серьезность положения, продолжает напирать на необходимость уступок со стороны Морозова:

Озлобление рабочих отчасти справедливо... Толпы на улицах убеждений не слушают. Ожидаю прибытия казаков для принятия более решительных по обстоятельствам мер. Повидимому, без новых уступок со стороны Морозова умиротворить не удастся. Подстрекательств извне пока не обнаружено.

Что касается владельца фабрики, Тимофея Морозова, то он, конечно, еще лучше губернатора знал о причинах «беспорядков». Однако, он обнаруживает, даже по сравнению с властями, наиболее непримиримое и злобное отношение к забастовщикам.

Уже в день начала забастовки, 7 января, от него полетела телеграмма министру внутренних дел:

На фабрике товарищества Никольской мануфактуры... рабочие волнуются, производят беспорядок, бьют стекла. Сообщив об этом владимирскому губернатору, правление товарищества почтительнейше просит ваше сиятельство не оставить приказать принять меры к прекращению беспорядка.

Таким образом, Морозов, не пожелав даже вступить в переговоры с рабочими, пытался прежде всего добиться ликвидации стачки путем усмирения военной силой.

Вечером того же дня Морозовым была послана министру повторная телеграмма в том же роде, с той же «почтительнейшей» просьбой о «мерах».

Вызванный губернатором из Москвы, и согласившись под его давлением на некоторые уступки, он телеграммой от 12 января красноречиво убеждает министра, что стачку надо прекратить ежовыми рукавицами, а не уступками, которые-де только поощряют бунтовщиков:

...Они требуют расчета по ценам высшим, существовавшим до Пасхи 1884 г. Притом по Пасху 1885 г. Значит, здесь была и есть стачка с разрушением и разграблением имущества. Некоторые рабочие желали бы стать на работы, но большинство других не допускают под угрозой мести. Явившиеся на работы разгоняются бунтовщиками, объясняющими, что они заставят удовлетворить за прогульные дни. Удовлетворить этого требования, а также того требования, о котором сказано выше, нельзя. Требования эти незаконны. Удовлетворить их — значит награждать за бунт и поощрять к новым беспорядкам. Оставаясь без дела, рабочие с каждым днем теряют заработок. Отказ в удовлетворении незаконных их требований может породить большое в них недовольство и дело обострится.

Итак, удовлетворить нельзя и отказать нельзя. Остается только усмирить. И Тимофей Морозов еще и еще раз ласково просит о ежовых рукавицах.

Такая крайность — заканчивает он телеграмму — вновь заставляет правление товарищества — сметь почтительнейше просить сиятельство о защите к прекращению беспорядка теми мерами, какие вы изволите признать необходимыми.

Полной противоположностью этим витиеватым и нескладным (от избытка почтительности к начальству) реляциям Тимофея Морозова является объявление рабочих, расклеенное ими в ответ на его уступки:

Объявляется Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики никак не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь

расценюк, то дай нам расчет и разочти нас по Пасху, а то если не разочтешь нас по Пасху, то мы будем бунтоваться до самой Пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то ежели не согласишься, то и фабрики вам не водить.

В «высших» сферах телеграммы Морозова с воплями о «бунте» произвели большее впечатление, чем донесения владимирского губернатора, указывавшего на причины «прискорбных событий». Если центральная власть и пошла потом на уступки морозовским стачечникам изданием закона 3 июня 1886 г., то во время самой стачки настроение напуганной власти было в пользу «решительных мер».

Министр внутренних дел, граф Д. Толстой, в ответ на просьбы Морозова о «мерах к прекращению беспорядков» лично телеграфировал владимирскому губернатору:

«Потребуйте побольше войск из Москвы».

К командующему Московским военным округом:

«Послать на фабрику Морозова войска, сколько потребует Владимирский губернатор».

В зашифрованной телеграмме владимирскому губернатору министр дает ему, кроме того, практический совет по части искусства усмирения:

Имейте в виду, что при упорстве рабочих весьма полезно последовательно отделять уроженцев других губерний и уездов и немедленно отправлять их на родину. Мера эта принесла пользу во время недавних беспорядков рабочих в Московской губернии.

С такой же «пользой» эта мера была применена и против морозовских стачечников.

Не мало тревог причинили морозовские ткачи и царю Александру III, еще не успевшему успокоиться от страха перед террором «Народной Воли». На докладе министра об этой стачке, составленном на основании первых телеграмм, Александр III отметил:

Я очень боюсь, что это — дело анархистов. Пожалуйста сообщите мне все подробности, которые получите от губернатора и жандармского начальства.

Уступкам в пользу рабочих царь, как и Тимофей Морозов, совсем не сочувствовал.

На донесении (от 10 янв.) о том, что правление фабрики,

кроме сделанных уступок, ничего в облегчение рабочих сделать не может, царская отметка гласит:

«Какие облегчения еще?»

Наконец, на сообщении 20 января о том, что «порядок восстановлен вполне», Александр III отмечает:

«Дай бог, чтобы так и продолжалось».

«Революция и РКП (б) в материалах и документах (Хрестоматия)», т. I. II изд. Москва. 1925 г.

ОРГАНЫ ГУБЭКОНОМСОВЕЩАНИЯ

ОБЗОР

Органы губэкономсовещания представляют совершенно новый тип провинциальных изданий. Таких органов не было в провинции не только до революции, но и до самого последнего времени. Казенная экономическая литература («Торгово-Промышленная Газета», «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», «Ежегодники М-ва Финансов» и пр.), а также частный орган русских капиталистов («Промышленность и Торговля») существовали в центре. Их главное содержание — торговые бюллетени, грубый статистический материал и т. п. — было приспособлено к интересам крупных промышленных тузов, спекулянтов, да разве еще и узкого круга ученых экономистов.

Уже самые первые экономические издания Советской России, так же как и экономические статьи общей ежедневной печати, как небо от земли, отличаются от своих буржуазных предшественников. Только в этих органах экономические вопросы, т. е. вопросы производства и распределения, получают освещение, как вопросы подлинного народного хозяйства.

Гражданская война, а также старый курс экономической политики, с его крайним централизмом, в высшей степени мешали выполнению главной задачи нашей экономической печати: втягиванию широких масс в круг народно-хозяйственных интересов. Не только широкие рабочие массы, но и ответственные руководители предприятий и хозяйственных органов на местах ставились в положение исполнителей заданий центра. Всякая инициатива в деле развития местных производи-

тельных сил таким централизмом убивалась в корне. Задания же центра тем меньше могли воодушевлять местных работников, чем больше выяснялась их несогласованность. А расчеты и планы, определявшие эти задания, могли быть ясными и убедительными разве только для кабинетных работников центра, заблудившихся в чаще собственных бюрократических «аппаратов» и в горах отчетов и анкет. Жестокий провал Главтопа больно резанул по всему производству и транспорту и послужил, может быть, последним испытанием старого курса, последним наглядным уроком.

Старый курс сдан в архив. Значительная часть задач, полномочий и ответственности в деле руководства местной хозяйственной жизнью возлагается теперь на местные хозяйственные центры. Созданные и создающиеся губ- и у-эконом-совещания получают огромное значение. На них возлагается главнейшая задача по части излечения старых недугов. Они должны внести порядок, согласованность, а иногда (скажем без обиняков) и здравый смысл в работу местных хозяйственных ведомств.

Губэкономсовещания существуют совсем недавно. Проматривая их протоколы, невольно обращаешь внимание на очень частое употребление слова «немедленно»: немедленно принять меры, немедленно составить комиссию для обследования... Уже одно это изобилие немедленных мероприятий показывает, что большая часть работ ведется в «пожарном» порядке, что настоящее плановое хозяйство будет вырабатываться только медленно. Но подготовка к такому хозяйству ведется уже теперь. Уже первые номера появившихся печатных органов сделали много для этой подготовки.

Здесь, прежде всего, нужно отметить такое систематическое, полное и всестороннее обследование и освещение хозяйственной жизни края, какого никогда не давалось ни до революции, ни после — в центральных экономических органах. Так, напр., вопрос о состоянии главнейшего нашего промышленного района, Донбасса, вот уже несколько месяцев не перестает нас волновать и занимает столбцы экономической и общей печати. Из всех этих статей, большею частью поверхностных и противоречивых, составлялось только очень смутное и сбивчивое представление. Но вот уже из первых номеров органа Донецкого губэкономсовещания (перед нами только № 2 «Хозяйства Донбасса») мы можем обстоятельно разобратся в том, что, собственно, творится во «всероссийской

кочегарке», каковы условия ее работы, где коренятся причины ее упадка и в чем предпосылки возрождения.

Ряд обстоятельных статей и обзоров («Перспективы восстановления Донбасса» Н. Шишкина, «Каменно-угольная промышленность Донецкого бассейна в первом полугодии 1921 г.» В. Ренке и Л. Моница, «Котельное хозяйство Донбасса» Юрилина) дают яркую картину положения вещей. Здесь чувствуется близкое знакомство с производством, с его технической и бытовой стороной. Как резко отличаются эти обстоятельные и деловые статьи от сухих и голых таблиц в «Экономической Жизни», извлеченных из очередных докладов заведующих отделами ВСНХ и снабженных ничего не стоящей отсебятиной.

Ценным вкладом в нашу экономическую литературу нужно признать ряд превосходных обзоров местных естественных богатств. Отметим в том же «Хозяйстве Донбасса» (№ 2): «Соляные богатства Бахмутского района» Ив. Гусарова и «Разработки фосфорита в Курской губернии» В. Купинского и Е. Берестецкого («Наше хозяйство» орган Курского гёса).

Большую пользу должны принести журналы гёсов широким осведомлением о работе местных хозяйственных органов, и прежде всего они должны дать подробный отчет о деятельности самого главного нерва хозяйственной жизни — губэкономсовещания. К сожалению, целый ряд губэкономсовещаний (Курское, Астраханское, Петроградское областное, Владимирское) ухитрились в своих органах ни словом не упомянуть о собственной работе.

Систематические обзоры, характеризующие целые отрасли промышленности, составляются, как общее правило, лицами, стоящими во главе соответствующих хозяйственных органов. Это вполне естественно, но этого недостаточно. Органы гёсов, как мы сказали, должны втягивать массы в круг хозяйственных вопросов, а, следовательно, они должны проникнуть в рабочую и крестьянскую библиотеку и там найти живой отклик в виде писем, корреспонденций, запросов и пр. Нельзя, конечно, требовать этого от первых же номеров этих журналов. Да и сами издатели отмечают в своих редакционных воззваниях потребность в расширении круга сотрудников. Но уже из самых этих воззваний можно заметить, что издатели слишком суживают свои задачи, сокращают размах работы. Не случайность, конечно, что все прочитанные нами редакционные воззвания такого рода обращаются исключительно к «эконо-

мическим работникам» (Астрахань), к работникам хозяйственных органов (Курск) или к государственным организациям, принимающим участие в хозяйственно-экономической жизни и т. д. (Тверь). При такой постановке дела «Наше Хозяйство», напр., в Курской губ., при всем его добром желании, навсегда останется органом «наших хозяйственных ведомств», не станет тем, чем экономические органы никогда не были, чем они теперь, больше, чем когда-либо, должны стать: органами народного хозяйства в прямом смысле, т. е. хозяйственными органами трудящихся. Это давно усвоила наша политическая печать еще до революции (см., напр., «Правду» 1912 — 14 г.г., наполовину наполнявшуюся корреспонденциями, статьями, стихотворениями рабочих). Это должны усвоить с самого начала и органы гэсов.

Что самый объективный обзор или отчет представителя ведомства не может заменить критического ока постороннего наблюдателя (иногда кровно заинтересованного в экономической политике этого ведомства), это доказывают сами органы гэсов. Так, обстоятельные статьи в «Хозяйстве Донбасса» с очевидной убедительностью доказали, что главная вина — упадок каменноугольной промышленности — лежит не на местных, а на центральных органах (Укр. Наркомата). Вопиющую несогласованность и отсюда бесхозяйственность в работе некоторых главков (Главторфа и Главлескома) показывает т. В — ский в органе Владимирского гэса («Торфяные разработки и дровозаготовки»): в виду установленных в том ведомстве продовольственных норм заготовка 1 пуда торфа во Владим. губ. обходится в 10 раз дороже заготовки 1 п. дров (приблизительно равного, по тепловым качествам, 1 пуду торфа). Органы гэсов сумели усмотреть ряд прорех в работе центров. В этой критической работе их несомненная заслуга. Разработка же местных хозяйственных вопросов, критика местных хозяйственных органов (первая и главная их задача) — будет успешно осуществляться только тогда, когда круг их читателей и сотрудников станет шире, когда «объективные» отчеты ведомств войдут в полосу перекрестного огня дискуссий и всесторонней критики. Пока же о прорехах местной работы можно судить по отчетам, которые ясно говорят сами за себя.

Как на пример сугубо-ведомственной литературы можно указать на статью т. А. Лифанова во Владимирском «Нашем Хозяйстве». Автор рассказывает печальную повесть о судьбах

профтехнического образования в губернии. В течение многих месяцев работа Губпрофобра сводилась лишь к приведению в известность учреждений по профтехническому образованию и к приисканию специалистов для заведывания подотделами и секциями. «Однако, усилия по приисканию сотрудников не привели почти ни к чему». Не успев еще организовать, Губпрофобр подвергся реорганизации, после которой он остается в самом плачевном состоянии: отсутствуют полностью такие основные подотделы, как подотдел технического и сельско-хозяйственного образования, «нет ни канцелярии, ни даже машинки». Как ни скверно стоит дело с «аппаратом», но, оказывается, самое-то дело профтехнического образования все не так плохо: «оно осуществлялось и осуществляется довольно энергично», только вот «аппарат» тут не при чем. Оказывается, что «инициатива в этом деле была проявлена со стороны педагогического персонала технических учебных заведений, профсоюзов, фабрично-заводских управлений, кооперации и отчасти экономических органов губернии».

Самая злая критика не могла бы изобразить работу Владимирского Губпрофобра в таком жалком и смешном виде, в каком изобразил ее заведующий Главпрофобром. Как жаль, что редакция «Нашего Хозяйства» не привлекла в сотрудники вместо заведующего педагогов, работников профсоюзов и пр. Ведь сумели же эти люди без машинки проявить инициативу. Они, наверное, сумели бы и для журнала написать кое-что поинтереснее, чем «история аппарата» и голый список учебных заведений, приведенный в заключение т. А. Лифановым.

В тесной связи с этим «ведомственным» недостатком журнала стоит другой, который можно обозначить одним словом: сырье. Этим грехом страдает «Экономическая Жизнь», хотя ей-то, как центральному органу, этот грех меньше всего к лицу. Недостаточная обработка сырого материала заметна в некоторых органах гэсов.

Но мы должны особо отметить один журнал, который как будто взялся показать всем своим содержанием, как не нужно издавать органы гэсов. Это — «Бюллетень Донского Областного Экономического Сопещения». Он целиком состоит из подробнейших протоколов ведомственных совещаний и заседаний, — длинейших описей учета материалов, сухих, чисто канцелярских отчетов разных отделов ДСНХ, инструкций и т. п. Для кого и для чего публикуются такие материалы во

всеобщее сведение. Ничтожная горсть ответственных руководителей хозяйственных органов, которой эти списки и таблицы нужны, обыкновенно знакомится с ними до напечатания, по подлинным ведомственным документам. Из прочих же читателей, наверное, не найдется в Днобласти ни одной души, которая осилила хотя бы четверть столь делового журнала. Правда, редакция оговаривается, что этот (1-й) номер журнала выходит по техническим условиям без статей, с одним лишь информационным материалом. Но ведь и в области информации нужно иметь к читателю милосердие. Т.т. донцы, информируйте, но не до бесчувствия.

Нам остается рассмотреть еще один пункт, имеющий, по нашему мнению, чрезвычайно важное значение при выработке губернского экономического журнала. Это — разработка технических вопросов. О теснейшей связи техники с экономикой производства говорить не приходится, недостаток этой связи — больное место всего нашего хозяйственного строительства. Достаточно напомнить недавнее распоряжение ЦК о проведении кампании по ликвидации технической (с.-хоз.) безграмотности крестьян. Пришлось начать с организации сельскохозяйственных курсов для политических работников, которые должны эту кампанию проводить. Тем самым выдано свидетельство о технической безграмотности нашим политическим работникам.

«Учитесь у спецов», — уж сколько времени долбит нам об этом Ильич. Но в том-то и дело, что технические вопросы у нас трактуются или только для посвященных (сюда относятся ученые труды Научно-Технического Отдела ВСНХ) или непосвященных (сюда относятся технические экскурсии в нашей общей политической печати). Напомним хотя бы восторженную, но — увы! — совсем не компетентную статью тов. Беякова об электропугах в «Известиях». В этом не только наша беда, но и наша вина.

Нужно, однако, отметить, что некоторые политические газеты сумели сделать почин в деле ликвидации политической безграмотности. Вспомним только, сколько пользы принесла в этом деле «Беднота», привлекая к сотрудничеству ряд первоклассных специалистов по сельскому хозяйству.

Само собой понятно, что наши экономические органы должны гораздо больше заниматься разработкой техники производства, чем общая ежедневная печать. И, однако, наши центральные экономические органы до сих пор не сделали

ни одного шага в этом направлении. Можно сказать, что «Научно-Технич. Отдел ВСНХ не имеет ни малейшего отношения к последней «Экономической Жизни» (теперь орган Сто) и «Народному Хозяйству». Дело, тут, конечно, не в недостатке специалистов, а в чрезвычайно стройной логической системе аппарата ВСНХ. Зачем путаться Научному Отделу, когда есть Издательский. Да притом же спецы ВСНХ — слишком ученый народ, чтобы выступать перед читателем из простого звания. Припомним, сколько было случаев, когда в повседневной печати всплывал и страшно дебатировался какой-либо интересный технический вопрос, но ВСНХ и его Научный Отдел хранили гордое молчание. Мало того, я помню, как года 1¹/₂ назад Научный Отдел сумел отмолчаться, когда его определенно «потянули за язык» в «Известиях» по поводу изобретения Уфимцева (инерционный аккумулятор). Благодаря такому «разделению труда» важнейшие технические достижения остаются совершенно неизвестными широкой публике, а в то же время, напр., пресловутый электро-поезд Махонина размусоливался в печати чуть ли не как гениальное изобретение, пока съезд электротехников не разъяснил его как никчемную и дорогую затею.

С полным удовлетворением можем отметить, что большинство органов гэсов не пошло по пути своих старших братьев. Технических специалистов там, конечно, гораздо меньше. Но они успели уже дать ряд превосходных технических статей и обзор, притом тесно связав их с экономикой края. Отметим здесь только некоторые, наиболее интересные и характерные. В «Хозяйстве Донбасса»: Д. Кромаренко «К вопросу о механизации работ в Донбассе»; М. Фюнер «К вопросу об использовании тощих углей». В астраханской «Экономической Жизни»: «Засуха и борьба с ней в условиях Астраханской губернии», и целый ряд других статей по сельскому хозяйству. В Курском «Нашем Хозяйстве»: «Об употреблении угольной пыли при отоплении паровых котлов». В том же журнале особо нужно отметить интересную статью А. Уфимцева «Об использовании энергии ветра». Эта статья с величайшим интересом читалась бы не в одной Владимирской губернии. Невольно вспоминается, какие героические меры были приняты для широкого осведомления о докладе по электрификации России. Члены ВЦИК были использованы, как книгоноши в своих губерниях. Между тем, этот проект в силу своей грандиозности и технической сложности может

практически осуществляться только органами государственных сооружений. Самое восторженное отношение читателя к этому докладу может быть все-таки только пассивным.

Всеобщее распространение статьи А. Уфимцева «Об использовании энергии ветра» могло бы принести большую практическую пользу в деле широкой пропаганды электрификации, так как применение ветряных двигателей для получения тока по техническим условиям доступно самым маленьким хозяйственным коллективам.

Будем надеяться, что статья А. Уфимцева подвергнется дальнейшей практической разработке в органах гэсов, даст толчок к технической инициативе местных хозяйственных органов, которым новый курс развязывает руки.

«Печать и революция». Книга первая, 1922 г.

ЧЕМУ УЧИТ СЕМЕННОЙ КРИЗИС ¹

1. ЕВАНГЕЛЬСКИЙ СПОСОБ ПОСЕВА И РЯДОВАЯ СЕЯЛКА

Яровая посевная кампания прошла под знаком острого недостатка семян. Не меньший семенной кризис ожидается и при посеве озимых. Семенной кризис и борьба с недосевом должны побудить нас самым внимательным образом изучать наш сельскохозяйственный фронт, выяснить его слабые пункты, сосредоточивая на них главные силы.

Здесь мне хотелось бы обратить внимание товарищей (в особенности местных работников) на один из таких пунктов нашего сельскохозяйственного фронта, на котором мы из года в год несем огромные бесцельные жертвы, жертвы, которые в годы голода становятся невыносимыми.

Благодаря первобытному способу посева из лукошка, ведущему свое начало с весьма древних времен (вспомни притчу о сеятеле!), мы теряем бесплодно колоссальное количество отборного посевного зерна. Малая всхожесть семян при таком способе посева достаточно понятна каждому, т. к. она была прекрасно объяснена еще в упомянутой притче, по которой только одно из трех или четырех зерен попадает в благодарные

¹ Редакция помещает данную статью, как имеющую огромное значение в общероссийском масштабе. *Примеч. редакции «Борьба».*

условия и дает плод. И тем не менее наша техника посева со времен евангельских не подвинулась ни на шаг!

Попытаемся хоть приблизительно прикинуть убыточность евангельского посева, по сравнению с посевом рядовой сеялкой.

Если принять норму посевного зерна в 10 — 12 пудов на десятину для ручного посева и в 8 — 10 пудов для рядовой сеялки, то экономия рядового посева может достигнуть 4 пудов на десятину. Применяя широкорядный посев (с пропашкой), можно высевать только 4 пуда на десятину, т. е. в $2\frac{1}{2}$ или в 3 раза меньше, чем при ручном посеве. (Заметим в скобках, что некоторыми агрономами широкорядный посев с пропашкой рекомендуется, как лучший способ посева в засушливых местностях). При меньшей трате семян рядовой посев дает, сверх того, лучший урожай, но эту выгоду мы не можем сейчас даже приблизительно исчислить, и потому оставляем в стороне (хотя она, во всяком случае, должна составить несколько лишних пудов на десятину).

Если считать среднюю экономию рядового посева только в 3 пуда на дес., то рядовой посев губернской посевной площади, напр., в 1 мил. десятин, мог бы сохранить для губернии 3 миллиона пудов зерна. Принимая посевную площадь всей Республики для 1921 года в 38 мил. дес., нужно считать потерю зерна при ручном посеве в 114 мил. пудов. Эта цифра равна почти половине продналога и почти в 3 раза покрывает семенную площадь населения за тот же год (44 мил. пудов).

Посмотрим теперь, каковы должны быть затраты на рядовой посев, и сравним эти затраты с его выгодами. Одна сеялка может обслужить за один посевной сезон около 30 дес., за все лето (яров. и озим. посев) — 60 дес., и, следовательно, дает экономию семян в $3 \times 60 = 180$ пуд. Таким образом, за один только сезон одна сеялка может заменить собою 90 пудов зерна. При настоящем соотношении цен (считая сеялку в 50 руб. и 1 пуд хлеба в 3 руб. золотом), сеялка должна обойтись в 5 раз дешевле сберегаемого ею за один сезон зерна и в 10 раз дешевле зерна, сберегаемого за два сезона, т. е. за один год.

Первый вывод, который напрашивается сам собою после пережитого тяжелого семенного бедствия, гласит: помощь населению семенами должна быть в значительной степени заменена помощью сеялками. Так, например, из 44 мил. пудов зерна, выданных на обсеменение в 21 году, около 10 мил. п.

могли бы быть заменены сеялками, которые стоили бы государству около 3 мил. руб. зол., вместо 30 мил.

Если при всей очевидной выгоде рядового посева отдельный крестьянин и даже мелкий крестьянский коллектив все же не в состоянии перейти к рядовому посеву, по недостатку средств, то центральные и даже губернские хозяйственные органы по тем же самым основаниям (очевидная выгода и недостаток средств для полного ручного посева) могут и должны взяться за это дело.

2. К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РЯДОВОГО ПОСЕВА

Приведенный мною расчет выгоды рядового посева сделан в очень грубом виде. Но и самый точный математический расчет далеко недостаточен для практических достижений. Несомненно, что главным препятствием, смущающим наши центральные органы, не решающиеся ввести рядовую сеялку в план посевной кампании, служит отсутствие в деревне такой организации, которая гарантировала бы правильное распределение и полное и, след., выгодное использование этой машины. Вот эту-то организационную задачу и должны взять на себя местные губернские органы. Попытаемся наметить главные линии этой организационной работы.

Вопрос о рядовых сеялках должен быть выделен из общей массы предметов ведения земотделов в особую ударную задачу, с особым небольшим и подвижным аппаратом (тройка).

Если нас спросят, почему такая честь именно сеялкам, не в пример всем прочим с.-х. машинам, мы ответим: причина тому — семенной кризис.

Если все машины равноценны, поскольку они сокращают человеческий труд, то сеялка, помимо этого общего свойства, обладает еще другим, которое при нынешних обстоятельствах приходится оценить особо: такие машины, как например: веялка, жатка, молотилка, при всех свойственных им достоинствах, не прибавляют ни одного зерна к урожаю крестьянина. Хороший плуг, заменяя первобытную соху, способствует, конечно, и лучшему урожаю. Но сеялка, обладая тем же свойством (которое нами здесь не учитывается), имеет то преимущество, что позволяет реализовать ее техническое превосходство, так сказать, авансом, т. е. за несколько месяцев, а при озимом посеве почти за год) до снятия урожая. А этот аванс при постройке организации на хозяйственных началах, как

увидим ниже, значительно облегчает практическое решение вопроса в самой трудной — финансовой его области.

Из всех прочих технических улучшений в сельском хозяйстве введение рядового посева в план посевной кампании является, таким образом, не только самой настоятельной, но и наиболее легко осуществимой задачей.

С другой стороны, этот специальный вопрос сельского хозяйства ни в коем случае не должен замыкаться в круг ведения и попечения одного Губземотдела. Этот вопрос успешно может быть разрешен только при содействии всех губернских хозяйственных органов: Совнархоза, Финотдела, Центросоюза и др. под ближайшим наблюдением и руководством Губэко. Ибо первый же (если не главный) вопрос, на который натолкнется посевная организация, гласит: откуда взять сеялки? Ясно, что собственными силами ни один земотдел этого вопроса не разрешит.

Подготовка необходимого инвентаря должна быть начата с учета и проверки уже имеющихся в губернии сеялок. Все лишние, поломанные или по каким бы то ни было причинам бездействующие или только частично используемые сеялки на складах, в совхозах, в прокатных пунктах и пр. должны быть взяты на учет и пущены в оборот в ближайший посев. Прекрасным образцом того, как не следует вести организационную работу, может служить Московский Совет, сдавший в прошлом году в архив 110 тракторов «за ненадобностью» (и это при ужасающей убыли рабочего скота).

Самым надежным способом обеспечения местного сельского хозяйства машинами и, в частности, сеялками было бы производство их на месте.

Приспособление одного из местных механических заводов или хотя одного заводского отделения к производству рядовых сеялок не только прочно устраивало бы дело посева, но и обеспечивало бы заводу быстрый и выгодный сбыт на месте, о чем многие наши заводы, с переходом на хозяйственный расчет, могут только сладко мечтать.

Наконец, остается еще покупка за границей. Этот способ менее надежный (напомним историю с заграничными железными косами) и более сложный. Местные органы здесь не могут обойтись без посредничества центральных: Наркомзема, Внешторга, что неизбежно связано с большой проволочкой. Но и этот способ не нужно упускать из виду, особенно при полной невозможности поставить производство на месте.

Но не менее важной задачей, чем приобретение сеялок, является правильное и полное их использование, которое только и может оправдать хозяйственный расчет. Крестьянин не только не может приобрести сеялку, но не может с нею обращаться, не говоря уже о его полной беспомощности в случае поломки.

Практическое же обучение его этому делу потребовало бы больше времени и хлопот, чем самый посев его полосы.

Отсюда очевидно, что вместе с сеялкой нужно в деревню двинуть и обученного сеятеля. Гораздо легче слесаря научить сеять, чем крестьянина обращаться с машиной. Самым подходящим элементом для мобилизации на посев были бы рабочие завода, изготовляющего сеялки. Но их, конечно, не хватит. Достаточно, если на каждый отряд в 10 — 20 сеялок (для одной волости) было бы по одному слесарю-монтеру, хорошо знающему машину и снабженному небольшим комплектом инструмента на случай мелкого ремонта. Остальной персонал отряда, также, по возможности, из мастеровых, должен быть обучен работе с сеялкой, хотя бы на самых краткосрочных курсах (в 1 — 2 дня).

Даже там, где обслуживание сеялками явится бесплатной или займообразной помощью населению, рабочие-сеяльщики должны быть хорошо оплачиваемы за короткое время интенсивной посевной работы за счет посевной организации. Если же посев производится в благополучной по урожаю местности, не только оплата рабочего, но и погашение стоимости сеялки должно производиться владельцем панки при самом посеве, натурой, сдельно, примерно по следующему расчету: из 3 пудов экономии посевного зерна на 1 дес. 1 пуд остается в пользу крестьянина. (Приучив и приохотив население к рядовому посеву, эту «премию» можно сократить наполовину или вовсе уничтожить).

1 пуд идет на вознаграждение рабочего и 1 пуд на погашение сеялки.

При интенсивном использовании сеялки она заработает на свое погашение около 30 пуд. зерна, т. е. с избытком покроет свою стоимость. В следующий посев вся отработавшая партия сеялок (может быть после мелкого ремонта) может быть пущена в оборот на тех же началах, но оплата за прокат будет уже не погашением стоимости, а чистым доходом, который должен идти на поддержку и расширение производства сеялок или закупочной операции.

Намеченный здесь план организационной работы, конечно, далеко не полон. Я упускаю массу технических и прочих вопросов, весьма существенных для дела (напр., необходима предварительная пропаганда в деревне, предупреждение о том, что для рядового посева земля должна быть хорошо проборонена и пр.).

План кампании рядового посева должен быть основательно продуман, тщательно разработан и практически подготовлен. Но такой всесторонне разработанный план, во всяком случае, должен удовлетворять следующим условиям:

1) Крестьянин должен быть избавлен от непосильных расходов и хлопот. 2) Наличное число сеялок должно быть интенсивно использовано. 3) Завод с.-х. машин или закупочный аппарат должен иметь возможность быстрого и выгодного сбыта. 4) До очевидности ясный и жизненный вопрос о рядовом посеве не должен утонуть в море государственных соображений и забот наших многочисленных и громоздких советских органов.

«Борьба», №№ 717 и 718, 4 и 7 июня 1922 г. Сталинград.

НА ОБСУЖДЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

ВОРОНЕЖУ НУЖЕН РАБОЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В Воронеже в настоящее время сосредоточены три ВУЗа и ряд техникумов. Отражается ли это скопление учебных заведений (помимо их прямого назначения, как рассадников специалистов разного рода) на интересах местного населения? Конечно, отражается. Можно отметить, например, успешное обследование профессорами естественных богатств края, участие их в работах Облплана, участие студентов в предстоящей переписи населения и пр.

Но если административные и хозяйственные учреждения сумели более или менее воспользоваться наличием научных сил, то нельзя этого сказать о тех местных организациях, которые по своему назначению ближе всех стоят к культурно-просветительной работе (как, например, Губоно, культурно-просветительные отделы комсомола и в особенности профсоюзов). Можно сказать, что местное, в частности, рабочее на-

селение в культурно-просветительном отношении выигрывает от скопления в городе ВУЗов не больше, чем население Курска или Борисоглебска...

Отсюда само собою выдвигается в порядок дня вопрос: нельзя ли приблизить местные ВУЗы к местному населению, нельзя ли приоткрыть двери и окна этих ВУЗов таким образом, чтобы «свет науки» хоть немного распространялся за их стенами?

Думаем, что долго ломать голову над этим вопросом не нужно, так как практика наших крупнейших научных и промышленных центров давно дала его решения в виде рабочих университетов.

В Москве таких университетов уже шесть и их успех не подлежит сомнению.

Та же практика достаточно выявила и наиболее практичный и жизненный тип этих учреждений (минимальная предварительная подготовка, максимальная популярность преподавания, вечерние занятия и пр.) и их задачи: поднятие культурного уровня и повышение квалификации.

Можно теперь же наметить для Воронежа две главнейшие профессиональные группы, которые могли бы обслуживаться соответствующими циклами научных курсов в рабочем университете: группа металлостов (курсы математики, физики, механики, черчения и пр.), группа пищевиков (курсы химии и биологии, бактериологии, гигиены и пр.).

Если по части политграмоты у нас дело стоит более или менее сносно, то распространение в массах самой элементарной грамоты естествознания представляет еще непочатый угол.

Такой уклон в нашем советском просвещении и известные достижения в этом направлении являются вполне законным наследством эпохи Октябрьской революции и обостренной гражданской войны. Отказываться от этого наследства или расстраивать его мы и теперь не имеем никаких оснований. Но та полоса усиленной борьбы на хозяйственном фронте, в которую мы уже несколько лет вступили, предъявляет новые задачи.

Распространение естествознания затрудняется (и еще долго будет затрудняться) недостатком преподавательских и технических средств.

Сосредоточение трех ВУЗов и нескольких техникумов в Воронеже создает здесь относительно более широкую культурно-просветительную базу для рабочего университета, чем

в самых крупных промышленных центрах, и это обстоятельство необходимо учесть.

Что же касается потребности в таком культурно-просветительном центре, то едва ли кто-нибудь станет спорить, что Воронеж в этом отношении немного уступит самым передовым центрам культурной отсталости (если можно так выразиться).

Рабочий университет может и должен стать (помимо всего прочего) самым действительным средством для отвлечения рабочей молодежи от пьянства и хулиганства, для борьбы с религиозным дурманом и пр.

Кстати, нашим антирелигиозникам давно пора усвоить ту истину, что только известный минимум естественно-научных знаний может окончательно вырвать почву из-под обывательской, невежественно-библейской философии и исключить всякую возможность успеха черносотенно-поповской пропаганды. Одной политической агитации тут недостаточно.

Исключительно благоприятные возможности и настоятельные потребности вопиют о создании в Воронеже рабочего университета.

Слово за профсоюзами.

«Воронежская Коммуна» № 202, 9 декабря 1926 г.

Л Е К Ц И И

1919 и 1926 гг.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ

1-Я ЛЕКЦИЯ 5 АПРЕЛЯ 1919 Г.

Приступая к изучению истории социалистического движения в России, необходимо выяснить понятие современного социализма-коммунизма.

Коммунизм, как учение, возникает с очень раннего времени. Под коммунизмом мы разумеем известный экономический и политический порядок или же под коммунизмом можно понимать общность имущества. Если мы посмотрим, как на протяжении веков возникло и развивалось коммунистическое движение, то увидим тесную связь его с общественными условиями каждого данного исторического отрезка времени.

Древний коммунизм не похож на то, что мы понимаем под современным научным социалистическим или коммунистическим движением. Коммунизм зарождается еще в глубокой древности. Напр., зачатие его мы видим у древних ессеев.¹ Они уже стремились осуществить общность имущества: составляли общины, в которых по-братски делились собственностью. Коммунистическая община ессеев была вкраплена в чуждый ей окружающий мир, ничего общего с ней не имеющий.

Другой пример мы находим в платоновском учении, оно также стремится создать общность имущества. Но платоновский коммунизм является коммунизмом господствующих классов, так как низшие слои — рабы были на положении рабочего скота и никакие учения не имели их в виду. Между тем теперешнее понятие о коммунизме совершенно не вяжется с тогдашним. Мы с вами понимаем его как революционно-демократическое движение угнетенных классов, которое стремится свергнуть иго господствующих классов и ведет борьбу под коммунистическим знаменем. Платоновский коммунизм — это стремление создать некоторое уравнивание и организовать

¹ Ессен — иудейская секта; возникла во II веке до нашей эры; поведывала аскетический образ жизни и общность имущества.

господствующие классы, чтобы они могли наилучшим образом осуществить свое классовое господство.

Позднее и в древности возникает демократический коммунизм — древне-христианский. Он опирается на религиозную идеологию учения Христа. Христиане пытались осуществить в жизни коммунистические начала, т. е. общность имущества. Чем же характеризуется этот демократический коммунизм? Он ставит своей задачей братскую взаимопомощь, стремление помогать друг другу, но он не касается условий производства.

Общины возникали искусственно, случайно и были непрочны. Первые христиане подвергались жесточайшим преследованиям, их тайные общества должны были скрываться. В интересах самозащиты и тайной пропаганды христиане должны были спланиваться. При таких условиях возникает более прочная хозяйственная спайка; она становится естественной необходимостью. Если бы христиане не преследовались, они жили бы дома, у них не было бы общины, не было бы хозяйственной организации и общности имущества. Мы и в настоящее время видим, как в исключительных условиях люди, совершенно не склонные к коммунистическим началам, сближаются друг с другом. Люди, привыкшие к эгоистическому образу мыслей, в несчастии сближаются хозяйственно. Почвой для этого служили и христианские догматы.

Оба упомянутых вида коммунизма — демократический и аристократический — не имеют отношения к производству и способам производства. В платоновском коммунизме производство и его способы остаются частным делом. Платон стремится организовать коммунизм господствующих классов, а производство касается жизни низших классов. Христианские общины точно также никогда не задавались вопросами реформы хозяйственного строя.

Древний коммунизм не преследует общность производства, обобществление труда, которое мы мыслим, как непрменный признак коммунизма. Следовательно, здесь мы имеем дело с коммунизмом потребления. Таким образом, под понятие «общности имущества» могут подходить и продукты потребления, и орудия производства, и накопленный производительный или денежный капитал, который для современной эпохи является орудием угнетения. Вот в чем разница между старым и современным коммунизмом.

В средние века периодически под влиянием гнета и преследований католической церкви, под влиянием феодального

гнета, и в позднейшую эпоху — гнета торгового капитала, возникает целая коммунистическая идеология, и иногда зарождаются коммунистические организации. Но все они характеризуются теми же общими чертами, которые присущи античному и христианскому социализму.

Обыкновенно, поборники христианского учения проповедуют любовь, братство, равенство всех людей. Таковы апостольское братство, анабаптисты и др. Идеологически, они строятся на христианском учении, но действительной хозяйственной и социальной почвой, на которой возникают эти общества — является социальный гнет церкви, феодализма, торгового капитала. (Дальше я укажу вам разницу между торговым и промышленным капиталом). В эпоху торгового капитала и на заре промышленного — мы не находим почвы для развития коммунизма в современном смысле. Только XIX век порождает такие условия. Современное революционное движение не вызывается какой-нибудь гениальной теорией в общественных науках, нет, оно создается новыми хозяйственными формами производства. Между старым миром и новой эпохой открывается глубокая пропасть, образуемая так называемым промышленным переворотом в Англии в XVIII в. и Великой Французской Революцией.

Первый положил начало новым формам производства. Это был век изобретений и усовершенствований техники, которая создает новые промышленные формы. Развивающаяся фабричная промышленность сгоняет громадное количество пролетариата на фабрики и заводы. Здесь его эксплуатируют так, как никогда не эксплуатировали раньше, даже во времена феодализма. Так создается новый общественный строй. Вот чем характеризуется промышленный переворот XVIII века.

Политическое поле для развития начавшегося в Англии процесса расчистила Великая Французская Революция. Политический строй во Франции зиждется на до-капиталистических способах производства. Произошедший во Франции взрыв Маркс определил так: «Производственные силы, т. е. рабочее — бунтуют, восстают против известных общественных условий производства». Эпоха, которая создается этими новыми производственными отношениями, характеризуется колоссальной революционностью. Если мы сравним старую историю средневековья и первые события новой эпохи, то увидим, что общественная жизнь последней бьет ключом. В ней нет больше той угнетенности, какая была в жизни древних и

средних веков. К новой эпохе относятся главным образом те черты, которые буржуазные историки-идеологи привыкли называть «цивилизацией» и «прогрессом». Именно, с конца XVIII и начала XIX века начинается расцвет того, что привыкли называть европейской культурой.

XIX век — эпоха промышленного капитала. Он создает колоссальные богатства: железные дороги, банки, громадные здания; расцветают искусства и науки — все то, что привыкли подразумевать под именем цивилизации или культуры. Но если мы посмотрим, в чем заключается эта цивилизация, понятие которой устанавливает буржуазия, пользующаяся ее благами, какой прогресс происходит во всем капиталистическом обществе, то увидим, что сумма гнета, страданий и унижений пролетариата в значительной степени возрастает. Здесь важно не то, что низшие классы бедны материально, а дело в том, что противоречия между богатыми и бедными становятся острее, в огромной степени увеличиваются.

Революционность новой эпохи заключается в том, что она свергает все старые способы производства. Нарождающаяся буржуазия является чрезвычайно революционизирующим классом, но вместе с тем начинает вести борьбу против пролетариата. Во время Великой Французской Революции буржуазия уже торжествовала свою победу над феодализмом. Новые общественные отношения расчищали дорогу для свободного капитала. Но они же таили в себе и гибель его; буржуазная идеология этого не понимала; и вот появляется пророк, который возвещает гибель буржуазного строя. Это чрезвычайно характерно для всей истории революционной эпохи промышленной буржуазии.

В конце 90-ых годов, на ряду с революционерами Робеспьером и Дантоном, появляется коммунист Гракх Бабеф. Он изобличает свободы буржуазной революции, которые ни к чему не приведут и не дадут благ народу. Эти свободы совершенно не смогут удовлетворить его революционных стремлений. В так называемом «Манифесте Равных», выпущенном Бабефом, говорится: «Нам нужно это равенство не только написанное в «Декларации прав человека и гражданина», мы хотим, чтобы оно было среди нас под кровлей наших жилищ. Мы не можем дольше терпеть, чтобы подавляющее большинство людей трудилось в поте лица своего ради выгод и удовольствия незначительного меньшинства».

Вот, таким образом, в лице первого представителя соци-

алистического учения, уже во время Великой Французской Революции, буржуазия нашла своего обличителя. Он разгадал эту буржуазную идеологию, которая воображала создать равенство, он показал, что под этим воображаемым равенством кроется глубочайшее социалистическое бесправие. В настоящее время полностью оправдались пророческие слова Манифеста: «Французская революция — «только предтеча другой, более величественной революции, которая будет уже последней». Бабеф и его последователи не были политическими деятелями, они представляли собой маленькую кучку коммунистов, затерянную в огромном море мелкобуржуазных масс.

Этот протест против торжествующей буржуазии со стороны угнетенных классов не мог быть подавлен навсегда. Прошло не мало времени и целый ряд великих умов работает над анализом хозяйственного строя, который принес с собой новый буржуазный строй. В начале XIX века появляется в литературе одно замечательное имя: Сен-Симон.

Сен-Симон происходил из среды богатой французской аристократии.¹ Он подверг в своих сочинениях критике не только Французскую Революцию, но и все общественные движения, происходившие в древние и в средние века. Основная мысль его, которая доказывается и современными коммунистами, заключается в том, что движущей силой всей истории человечества является классовая борьба. С этой точки зрения он разбирает и Французскую Революцию и доказывает, что события предыдущей эпохи сводятся главным образом к классовой борьбе. Эта мысль является величайшей заслугой его перед современным учением. Нужно еще заметить, что Сен-Симон, создавая свое учение, жил в таких условиях, когда общественные формы классовых противоречий еще не достигли такой ясности и определенности, какую они получили позднее — во время Маркса. Дальше — Сен-Симон указывает на прогресс научных открытий и говорит, что именно буржуазия является прогрессивным элементом, хотя она и несет социалистический гнет. Философская и историческая концепция его сводится к тому, что человечество стремится к всемирной ассоциации. В самых общих чертах он нарисовал картину развития социальной борьбы и гибель буржуазного строя.

Другой гениальный ум, Шарль Фурье² — продолжает дело

¹ Родился в 1760 г., умер в 1825 г.

² 1772 — 1837 г.г. Жил во Франции.

С. Симона и доводит критику буржуазного строя до такой остроты, какой не достигал никто до него. Он был фабрикантом, имел большое состояние, которое впоследствии потерял, и принужден был служить в приказчиках. Присмотревшись к капиталистическим условиям, к новой индустрии и торговле, он, как человек с острым умом и проницательностью — высмеял и обличил язвы всего капиталистического мира.

Прежде всего он указал на несовершенство и противоречия капиталистического фабричного производства, на нелепость многих денежных затрат, на непроизводительность ряда общественных слоев, которые хотя в современном строе и составляют необходимый элемент, на самом же деле в хозяйственном отношении являются тунеядцами. Для примера можно привести целую таблицу. Она и сейчас поражает своей проницательностью, хотя была составлена 100 лет назад, когда противоречия капиталистического строя не были еще так ясны, как теперь. Фурье относит к лишним классам-паразитам следующие категории: первая категория — домашние паразиты, как-то: женщины, дети и прислуга. На первый взгляд это кажется странным. Но в буржуазном строе женщина действительно является в высшей степени непроизводительным элементом. В высших слоях буржуазии она служит, кроме продолжения рода, лишь для развлечения. В мелкобуржуазной семье женщина занимается хозяйством, а Маркс говорил, что в буржуазном строе, где каждая женщина занимается своим домашним хозяйством, растрачивается колоссальное количество человеческого труда. Общественное питание организуется гораздо дешевле и продуктивнее, а между тем маленькая семья готовит отдельно для себя пищу. Непроизводительность детей в буржуазном хозяйстве особенно велика. Если в пролетарских семьях не могут работать только маленькие дети, то в понятии буржуазии детский возраст простирается до 20 — 25 — и даже 28 лет. Сначала дети пребывают, в продолжение 8 — 9 лет, в гимназии, затем поступают в университет. За время учения эта часть населения никакой пользы обществу не приносит. Наконец, непроизводительность прислуги понятна сама собой. К паразитам Фурье относит армию, всяких агентов, фабрикантов, купцов, буржуазные суды, рабочих, занятых в бесполезных для общества производствах, безработных и т. д.

В Англии появляется еще другой великий представитель утопического социализма — Роберт Оуэн.¹ Он был фабрикан-

¹ 1771 — 1858 г.г.

том, но сумел отрешиться от собственных интересов и занялся организацией рабочих на своей фабрике. Много внимания Оуэн уделял и улучшению быта рабочих. Организовывал кухни, рабочие школы, следил за воспитанием нового молодого поколения. Все это проводилось на общие средства работающих на фабрике. Такую деятельность мы называем в настоящее время кооперативной.

Роберт Оуэн был родоначальником кооперации. Он был коммунистом и понимал, что секрет недостатков общественного строя заключается в противоречиях капитализма, хотя по буржуазной терминологии каждая сделка капиталистов с рабочими заключается на началах свободы. Каждый рабочий свободен продать или не продавать свой труд. Но на самом деле здесь происходит эксплуатация, потому что не добрая воля, а экономическая необходимость заставляет рабочего продавать свой труд дешевле, чем он стоит. Когда Оуэн просмотрел приходо-расходные книги торговли и промышленности и увидел, что миллионы рублей вместо того, чтобы оплачивать труд рабочего, попадают в карманы предпринимателя и его компаньонов, то он понял, в чем заключается капиталистическая эксплуатация. В 1883 году Роберт Оуэн основал «Союз национального возрождения». «Союз» ставил своей задачей «совместными усилиями предпринимателей и рабочих ввести с первого марта 94 года 8-ми часовой рабочий день». В общем учение Оуэна сводилось к классовой солидарности, отрицанию стачечной борьбы и мирному вращению в социализм.

Вот почему все его начинания, хотя он и был коммунистом, не увенчались успехом. Эти неудачи характеризуют вообще всех утопистов и утопический социализм.

Заслуга утопистов-социалистов в том, что они указали причины социального гнета и единственно возможный выход из него — построение социалистического общества. Но средства борьбы для уничтожения этих причин и достижения конечной цели — социализма указывались ими неправильно.

И великие утописты, сделав огромное дело для создания нового движения за социализм, за его торжество, не указали, не могли указать средств для этого. Сен-Симон обращался для осуществления своих проектов за помощью к Наполеону и королям. Фурье обращался к миллионерам. Роберт Оуэн сам являлся могущественной персоной, и на собственном примере доказал, что одними лишь миллионами рублей ничего нельзя сделать положительного в этой области.

Вот, таким образом, мы пришли к началу зарождения некоторой основной истины современного коммунистического учения. Прошло не мало времени, пока этот новый коммунизм отлился в научные формы. Следовательно, то, что мы понимаем под утопическим социализмом, является началом научного социализма.

После утопического социализма возникает новая теория общественного учения, которое мы определяем, как мелкобуржуазный социализм и анархизм.

В первой половине XIX века социалистические учения в значительной степени множатся, возникает много социалистических теорий. Но то, что мы разумеем под мелкобуржуазным социализмом резко отличается от научного социализма. Стремления мелкобуржуазного социализма сводятся к тому, чтобы новый вид общественного производства втиснуть в старые формы. Этот социализм построен на идеологии мелкой буржуазии, которая страдает от крупного капитала, как, напр., страдают мелкие ремесленники от предпринимателя фабриканта. На основе гнета мелкого капитала крупным возникает известная оппозиция. Я к сожалению не могу подробно касаться развития мелкобуржуазного социализма. Скажу только, что крупнейшими идеологами этого учения являются Сисмонди¹ во Франции и Грей в Англии. Их идеал — мелкое частное производство. Мелкобуржуазный социализм является реакционным в том смысле, что отвергает все усовершенствования техники и все крупное производство.

Мелкобуржуазный социализм играет большую роль в развитии современного коммунизма своей критикой капиталистического строя. Его заслуга еще и в том, что он, в отличие от утопического, стоит ближе к рабочему движению.

Все перечисленные социалистические учения вышли из господствующего и промежуточного классов. Сен-Симон и Шарль Фурье хотя и имели своих последователей, но широкого общественного движения в своем классе они не произвели, а к рабочему классу их учение не имело никакого отношения. Сами утописты обращались за поддержкой к богатым, сильным людям и менее всего интересовались рабочим классом, как активной силой, имеющей громадное значение. В Англии, уже в это время, в начале XIX века, прокатывается волна стачек, извест-

¹ 1773 — 1842 г.г.

ных в истории под названием «голодных бунтов».¹ Рабочие разносят фабрики, бьют машины. Но в этот же период у них зарождаются, правда стихийно, организации и возникает протест против существующего общественного строя.

Подводя итоги процессу образования современного коммунистического движения в первой половине XIX века, можно отметить следующее: социализм и социалистические теории уже существовали, но они ничего общего не имели с рабочим движением. Последнее возникало стихийно и никакого отношения к этим доктринам не имело. И только во второй половине XIX века, когда общественные противоречия выясняются больше, когда социалистические теории можно учесть, как опыт всего экономического и умственного развития, только тогда появляется теория, которая и сейчас написана на нашем знамени. Это марксизм; он ставит в 48 г. крупную вежу. Это новое учение, которое создает современный коммунизм в собственном смысле этого слова.

Только учению Маркса и Энгельса удастся слить воедино два социалистических течения — научную мысль и практическое рабочее движение. Научный коммунизм говорит, что его носителем может быть только единственный класс — революционный пролетариат. Но и это учение долго еще не могло быть осуществимо. Каким образом оно боролось с остатками старых утопических и других теорий, мы увидим далее. Прошло много времени, пока, наконец, жизнь заставила пролетариат признать это учение своим.

¹ Рабочие, объявили стачку, обрекали себя и свою семью на голод, так как материальной поддержки им не от кого было ждать.

ИСТОРИЯ КОММУНИЗМА

1-Я ЛЕКЦИЯ

ПЕРВОБЫТНЫЙ КОММУНИЗМ

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА. — ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. — РОДОВОЙ БЫТ: КРОВНОЕ РОДСТВО И ПОЛОВОЙ СОЮЗ. — ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОДА. — ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПЕРВОБЫТНОГО РОДОВОГО КОММУНИЗМА

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

До последнего времени история изучалась только по письменным памятникам, т. е. по запискам современников, как свидетелей, или по записанным ими устным рассказам, воспоминаниями и народным преданиям. Так, например, русскую историю начинают, обыкновенно, с «призвания варягов». Это было предание, записанное русскими летописцами, т. е. первыми появившимися на Руси грамотными людьми. Период истории до появления письменности и письменных памятников, был очень долго скрыт от исторической науки из-за недостатка средств для изучения его, и поэтому его принято называть «доисторическим». Этот «доисторический» период оставался темным местом и потому, что европейские историки были еще слишком необразованны, чтобы понимать значение первобытной истории человечества.

В последнее время материалом для изучения этой ранней истории служат раскопки древних могил, первобытных построек и пр. Этот скудный и отрывочный материал стали дополнять более тщательным изучением языка, обычаев, обрядов, песен наиболее отсталых народных масс, сохранивших более прочную связь с седой стариной, проникающих гораздо глубже эпохи письменных памятников. Но самым главным материалом послужило наблюдение над современными дикарями и варварами.

Первое знакомство европейцев с дикарями начинается уже очень давно, со времени открытия Америки (1498). Первые мореплавателей были большей частью авантюристы, искавшие в сношениях с туземцами легкой наживы. Но и более поздние наблюдатели не обладали достаточной научной подготовкой,

были заражены религиозными или классовыми предрассудками и подходили к изучению с предвзятой точки зрения. Так, напр., миссионеры прикладывали церковную мерку. Буржуазные ученые, подгоняя все то, что они наблюдали, под свои классовые понятия, часто не понимали или искажали факты. Большинство из них стремилось привить европейской публике взгляд на индейцев, как на диких животных, и подготовить, таким образом, почву для самой варварской эксплуатации туземцев жадной европейской буржуазией. Знакомство американских варваров с цивилизованной буржуазной Европой, приносило им рабство, которого они до этого не знали.

Первым большим шагом вперед в деле изучения первобытных народов было исследование американского ученого Морган, появившееся во второй половине XIX века.¹ Морган большую часть своей жизни провел среди американских варваров и состоял даже членом одного из туземных племен. Замечательно, что Морган, посвятивший свой многолетний труд изучению первобытного общества и присущего ему первобытного коммунизма, в своих взглядах на развитие человеческой истории, очень близко подошел к взглядам Маркса и Энгельса. В основе исторического развития он видел хозяйственный процесс — способ добывания человеком средств к существованию. «Искусство в производстве жизненных средств, говорит Морган, определяет степень власти человека над силами природы; из всех живых существ один только человек может почти неограниченно увеличивать свои жизненные средства, и с их умножением совпадают главные эпохи человеческого прогресса».

В зависимости от завоеваний человека в хозяйственной жизни, вся история человеческой культуры делится на три главных периода: дикое состояние, варварство и цивилизация. Первые два периода и составляют «доисторическую эпоху».

Своим исследованием американских туземцев Морган не только впервые установил в главных чертах этапы развития этой темной до него «доисторической» эпохи, но и много помог уяснению важнейших вопросов «писанной» истории.

Дикое состояние. В этом первом периоде своего развития человек едва выделяется от животных. Он живет в тропических лесах, большею частью на деревьях. Это помогает ему спастись от хищных более сильных, чем он, животных. Питается

¹ Морган. «Первобытное общество». Лонд. 1877 г. Есть русский перевод.

он плодами, орехами, корнями. Первым крупным завоеванием человеческой культуры в этот период является *членораздельная речь*. (Нечленораздельные звуки свойственны многим высшим животным и служат им для общения). Разумеется, этот успех не был «изобретением»; он был достигнут путем очень долгого приспособления человеческих звуков к потребностям жизни и потребовал, вероятно, тысячелетий. Разумеется также, членораздельная речь была вначале очень бедна и состояла из немногих звуков современной речи.¹

Следующим крупным этапом было открытие способа добывать и употреблять огонь,² а также добывание пищевых продуктов из рек и озер: рыбы, раков, моллюсков и других водных животных. Эти новые способы добывания жизненных средств гораздо более обеспечивали первобытному человеку существование и открывали ему возможность к более далеким переселениям. Рыболовство способствовало расселению по берегам рек, а применение огня — из тропических стран в северные области.

Последняя, высшая ступень дикого состояния отмечается изобретением очень сложного инструмента: *лука и стрел*. Заменяя дубину и копье, они вместе с тем свидетельствуют уже о накоплении огромного опыта, наблюдательности и мастерства.

Период варварства открывается изобретением *гончарной посуды*. Самым важным культурным завоеванием этого периода было *укрощение и приручение животных* и возделывание растений. На этой ступени развития находились наиболее

¹ Впрочем даже у отдельных современных культурных народов в речи отсутствуют некоторые согласные звуки, существующие у других. Напр., у немцев нет Ж, у французов Х и Ч и т. д.

Наиболее богат звуками русский язык. Но совершенство современных культурных языков определяется не богатством звуков, а упрощенностью грамматических форм. Из трех главнейших европейских языков, английского, французского и немецкого, наиболее совершенным нужно признать первый, наименее — последний. В то время как, например, в немецком языке 3 рода, во французском их 2 (мужской и женский), а в английском совсем нет деления на роды. *Примечание Н. Батурина.*

² Вероятно человек раньше научился поддерживать огонь, с которым он мог познакомиться при самовозгорании лесов, при пожарах от молнии и пр. Во всяком случае даже после открытия примитивных способов добывания огня (посредством трения палки, высекания искры из камня и пр.) практиковалось больше поддержание огня или жара в очаге, а не добывание. Указанием на это могут служить некоторые религиозные установления более поздних времен, напр. обязанность римских весталок поддерживать неугасимый огонь. *Примечание Н. Батурина.*

культурные американские племена ко времени завоевания Америки европейцами. Первобытное земледелие и особенно скотоводство получили значительно большее развитие у варваров Старого Света, особенно у арийцев и семитов.

Высшая ступень варварского периода отмечается изобретением плавения железной руды. Применение железа для изготовления орудий, особенно в земледелии, значительно подняло уровень техники производства жизненных средств. Эту высшую ступень варварства мы находим только в Старом Свете.

С изобретением письменных знаков варварство переходит в цивилизацию. Быт древних греков, изображаемый в древнейших письменных памятниках Греции — «Илиаде» и «Одиссее», соответствует высшей ступени варварства.¹

Уже из краткого обзора видно, какое огромное значение в развитии культуры имела так называемая «доисторическая» эпоха. Период дикости в области хозяйственной жизни характеризуется, правда, присвоением человеком готовых произведений природы, что еще нисколько не отличает его от животного. Но выработка человеческой речи, относящаяся к этому периоду, заложила прочные основания для всего дальнейшего культурного развития, сделала человека «общественным животным».

Период варварства положил начало земледелию и скотоводству, т. е. тем отраслям труда, которые теперь, в период цивилизации, составляют основу экономической жизни огромного большинства народов. Отсутствие письменных памятников служило внешним препятствием для изучения первобытной истории, чрезвычайно богатой по содержанию. Но письменность сама по себе вовсе не представляет еще непроходимой пропасти между «исторической» и «доисторической» эпохами.

Таковы главные этапы технического прогресса доисторической эпохи. Но они ничего не говорят нам о социальной структуре первобытного общества, к которой мы теперь обратимся.

Родовой быт. Необходимым признаком первобытной общины служит связь двоякого рода: 1) кровное родство, т. е. союз родителей и детей, братьев, сестер и других более дальних родственников по крови; 2) половой союз, т. е. союз мужчин и женщин.

¹ Поэмы «Илиада» и «Одиссея», автором которых считали Гомера, были на самом деле народными былинами. Они очень долгое время заучивались наизусть и распевались народными певцами. Только позднее они были записаны (может быть Гомером) и, таким образом, сохранились до наших дней. *Примечание Батурина.*

В самую раннюю эпоху дикости половой союз между мужчинами и женщинами вовсе не исключал их кровного родства. Существовала полная свобода полового общения между всеми мужчинами и всеми женщинами племени. Такой беспорядочный групповой брак возникал частью под влиянием полового подбора (инстинктивной или сознательной заботы о здоровье потомства), частью по хозяйственным соображениям. Но постепенно он переходит к парному браку. Сначала групповой брак в пределах племени ограничивается мужчинами и женщинами одного поколения, т. е. из него исключаются родители и дети, затем братья и сестры, еще позже более дальние родственники по крови и даже свойственники.

Случайная и временная парная семья возникает еще при групповом браке. Муж выбирает из многих жен одну, главную, для которой он также является первым между многими. Такая случайная семья зарождается на рубеже двух периодов — дикости и варварства. Позднее, на средней ступени варварства, она развивается в более прочную единобрачную семью. Окончательное же ее закрепление (сперва обычаем, потом религией и законом) относится к периоду цивилизации.

Так как при групповом браке твердо может быть установлена только мать ребенка, а не отец, то кровное родство определяется только по женской линии. Когда прекратились браки между единоутробными братьями и сестрами, а также более дальними родственниками по материнской линии, то обособившаяся группа лиц, происходящих от одной матери, составила *род*. Отличительным свойством рода было запрещение половых сношений между его членами. Обычай, а потом и религиозные установления постепенно закрепили такой родовой союз и все больше обособляли один род от другого в пределах единого племени. Первоначальный род, происшедший из группового брака, ведет свою родословную по женской линии. Мужчина, вступая в брак (групповой, а потом и парный) покидал свой род и переходил в род жены.

Отношения к женщине, как к родоначальнице, на ряду с ее очень важной хозяйственной ролью в первобытной родовой общине, создают ей соответствующее положение. Она не только свободна, но и пользуется почетом.

Общественная организация рода, которая регулирует очень несложные внутренние и внешние его отношения, подробно изучена Морганом у племени ирокезов. В существенных чер-

тах она одинакова для всех варварских племен Старого и Нового Света и сводится к следующему.

Род выбирает старшину и военачальника. Старшина избирается только из членов рода и его должность постоянна. Военачальник же избирается только на время войны и может быть и не членом рода. Власть старшины чисто нравственная, никаких принудительных мер он принимать не может. Как старшина, так и военачальник могут быть смещены родом во всякое время.

Брак между членами рода воспрещается. Это правило составляет существенную черту кровного родства, обособляющего род. По смерти члена ему наследует род. Наследство могло состоять из очень незначительных и малоценных вещей, бывших в личном употреблении умершего, как одежда, украшения, оружие и пр. Наследуют только кровные родственники и притом по женской линии. Жена не наследует мужу и муж жене, дети наследуют только матери, но не отцу.

Члены рода взаимно обязаны помогать и защищать друг друга и мстить кровью за обиды родичу со стороны члена другого рода. Каждый род носит особое имя, которое только он может сообщить своим членам.

Род имеет право принимать в свою среду чужеземцев, напр., военнопленных. Слабые роды иногда усиливались массовым включением членов другого рода с его согласия.

Все религиозные обряды связаны с родовыми учреждениями. Священнослужителями являются по должности старшины и военачальники.

Каждый род имеет свое собственное кладбище. Умершего провожает на кладбище весь его род.

В каждом роде есть свой совет, т. е. сходка, в которой участвуют все взрослые члены, мужчины и женщины, с одинаковым правом голоса. Совет избирает и смещает старшину и военачальника, постановляет «виру» за убитого члена или кровную месть.

Род составляет основную общественную организацию. Несколько родов объединяются в высшие, не менее прочные группы. У многих американских племен несколько родов составляют *фратрию* (название, данное Морганом по аналогии с подобной же греческой группой). Организованное выступление фратрии ограничивается главным образом обрядовой стороной и имеет место только в исключительных случаях, как,

напр., собрание общего совета племени, похороны выдающихся членов, случаи убийств и пр.

Единство всего племени выражается общим именем, владением определенной территории, особым диалектом, утверждением выбранного родом военачальника и старшины и их смещением, общими религиозными верованиями, общим советом племени (из старшин и военачальников всех родов), и иногда выбором общего военачальника.

Племя было высшей формой объединения для большей части американских индейцев. Родственные племена иногда заключали временные союзы племен, которые распадалась по миновании надобности.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПЕРВОБЫТНОГО РОДОВОГО КОММУНИЗМА

Кровное родство и половой союз служили первоначальной социальной связью первобытного общества. Но эта связь поддерживалась и укреплялась необходимой трудовой сплоченностью в борьбе за существование. Труд первобытного человека по необходимости был трудом общественным. Совместные усилия родовой общины были необходимы для защиты от врагов, при охоте посредством облавы, при подъеме больших тяжестей, при постройках и пр. Но даже при разрозненных занятиях удача одного члена общины могла спасти от страдания и гибели остальных. Например, счастливый охотник, убивший зверя, мог спасти от голодной смерти своих менее удачливых товарищей. Чем труднее, неувереннее и опаснее было существование первобытных людей при их крайне примитивных способах производства жизненных средств, тем теснее должен был становиться их трудовой союз. Не только отдельный человек, но целый род, недостаточно сплоченный, был обречен на гибель или на постепенное вымирание.

Тесная трудовая сплоченность первобытных людей характеризуется в самый ранний период полным отсутствием *разделения* труда. Не только все мужчины, но и все женщины одинаково хорошо владеют примитивными орудиями. Дети дикарей развиваются гораздо раньше, чем дети цивилизованных народов, и очень скоро принимают участие в общей работе. Первобытный родовой коммунизм является прежде всего *коммунизмом производства*. Равенство членов в пользовании общим жилищем, совместное питание и пр. служит только необхо-

димым следствием коммунистического производства. Общественное потребление служит только продолжением общественного труда.

Разделение труда в производстве появляется сперва между полами. Мужчины занимаются больше охотой, женщины — домашним хозяйством и, вероятно, примитивным земледелием. Но социальные последствия такого разделения еще не разрушают коммунистического строя и оказываются более благоприятным для женщин. Вот как описывает, например, один миссионер хозяйственный строй американской общины ирокезов — Сенека: «Что касается того времени, когда они жили в старых длинных домах (коммунистическое хозяйство нескольких семейств), то в это время у них преобладал какой-либо один клан (род), и жены выбирали себе мужей из другого клана... Обыкновенно домашним хозяйством распоряжались женщины, все припасы были общие и горе тому мужу или любовнику, который по лености или неспособности ничего не внес в общий продовольственный запас...» Но изгнания из родовой общины за нерадивость или преступления не были исключены, конечно, и по отношению к женщинам, и описанный миссионером порядок вовсе не означал еще неравенства полов.

Одинаковое участие в производительном труде всех членов рода было причиной отсутствия классов в пределах родовой общины. Социальное равноправие внутри рода объясняется, конечно, не какими-либо особыми коммунистическими добродетелями первобытных людей и даже не их родством или половым союзом: оно коренится в самых условиях производства, оно покоится на полнейшем отсутствии условий для эксплуатации чужого труда.

Труд первобытного человека, при его жалких орудиях производства, был трудом, только необходимым для его существования, и не давал никакого излишка. Вот почему не только внутри рода не возникало побуждений к эксплуатации одних его членов другими, но даже победа в войне одного племени над другим не могла порождать соблазнов такого рода. Победленных или изгоняли из занимаемой ими местности, или включали в род победителей на равных правах. Такое отношение к побежденным чужеродцам указывало между прочим на то, что кровное родство служило только внешней, формальной связью внутри рода, как трудового союза. Условия труда первобытной общины властно диктовали коммунистические начала и не могли породить социального неравенства даже к

чужим по крови, даже к враждебным элементам. Отдельная личность, будь то кровный родственник или чужеземец, одинаково растворялась в первобытной коммунистической общине, поглощалась ею.

Описанный нами родовой быт повторяется в существенных чертах у всех диких и варварских племен Старого и Нового Света. Он создает не только определенный гармонический уклад общественной жизни, который так ярко и так выгодно отличает его от общества, раздираемого классовой борьбой, — он вырабатывает также высокий нравственный тип отдельной личности. Вот что говорит о нем Фр. Энгельс: «И какой чудный уклад этот родовой быт, несмотря на всю его несложность и простоту! Нет ни солдат, ни жандармов, ни полицейских, нет дворянства, царей, наместников, губернаторов, нет ни судей, ни темниц, ни процессов, а все идет своим порядком. Всякий спор и раздор разбирается теми же, до кого он относится, — родом, племенем или несколькими родами; в крайних, редких случаях действует кровная месть, более цивилизованную форму которой составляет ныне практикуемая смертная казнь, со всеми присущими цивилизации преимуществами и недостатками. Хотя в родовом быте гораздо более дел, касающихся всего общества, — общее домашнее хозяйство целого ряда семейств, общее владение землею, за исключением небольших огородов, предоставленных домашнему хозяйству, — но в этом быте нет даже следов нашей сложной и запутанной административной системы. Дела решают в них заинтересованные и, в большинстве случаев, на основании тысячелетних обычаев. Бедных и нуждающихся нет; коммунистическое хозяйство и род исполняют свою обязанность относительно старых, больных и изувеченных на войне. Все равны и свободны, не исключая и женщин. Для рабства нет еще почвы, нет и поработенных племен. Когда ирокезцы около 1651 г. победили эриев и «нейтральную нацию», то только тогда изгнали их из занимаемой ими области, когда те отказались вступить равноправными членами в ирокезский союз. И каких мужчин и женщин воспитывает такое общество!»¹

¹ Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

ЕРЕТИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

6-Я ЛЕКЦИЯ 5 ИЮНЯ 1919 Г.

В конце средневековья, на почве экономических условий (см. предыдущую лекцию) ¹ стали развиваться учения, получившие название «еретического коммунизма». Социальным базисом этого учения явился вновь народившийся класс — городская буржуазия. Этот класс, развиваясь, вступал в ожесточенную борьбу с феодализмом и средневековой папской церковью. Первыми проповедниками этого учения были «вальденсы», получившие свое название от богатого лионского купца Петра Вальдуса. ² Он роздал все свое имущество нищим и основал первую общину, занимавшуюся благотворительной деятельностью. Община скоро превратилась в секту «гумилиатов» («низших») или «лионских бедняков»; состояла она преимущественно из ремесленников, особенно лионских ткачей. Секта делилась на «совершенных» и «учеников». «Совершенные» должны были жить в полном коммунизме и безбрачии. Для учеников допускались частная собственность и брак, причем им вменялось в обязанность содержать на свои средства «совершенных».

Лозунгами секты были возврат к первым векам христианства и полное равенство женщин. Вообще же учение это носило все характерные черты монастырского коммунизма. Проповедь велась тайно, в путешествиях; при встрече проповедники узнавали друг друга по условным знакам.

Мировое распространение учения вальденсов напугало папу. Он объявил секте войну. С 1208 до 38 г. продолжались альбигойские войны, получившие свое название от г. Альби — центра начавшегося движения. Папа действовал не в одиночку, а в союзе с королями Франции. Но когда короли почувствовали свою силу, — они обратились против папы. По их требованию постоянной папской резиденцией отныне должна была быть Франция. Это было так называемое Вавилонское пленение пап.

¹ Этой лекции нет. По курсу «История коммунизма» сохранились лишь две лекции: эта и предыдущая «Первобытный коммунизм». См. Предисловие.

² Движение возникло в последней четверти XII века.

Но еретическое движение вальденсов было задушено. Остатки секты бежали в горы и долины Савой и Пьемонта; там движение получило мелко-крестьянско-демократический характер и в такой форме сохранилось до последнего времени.

В северной Италии, в XII веке, аналогичным коммунистическим движением явилось движение «апостольских братьев» или «тряпичников». Руководителем его был Джерардо Сегарелли. Когда его не приняли в орден францисканцев, он роздал свое имущество нищим и стал проповедывать собственное учение, заключавшееся в самой строгой бедности, нищенстве и воспрещении брака. Сторонники его, «по примеру первых христиан, называли друг друга братьями и сестрами. Они жили в строгой бедности и не должны были иметь ни собственных домов, ни запасов на завтрашний день, ни чего-либо, служащего для удобств и комфорта. Если они были голодны, они просили у первого же попавшегося лица без всяких расчетов на что-нибудь определенное, и ели, не разбирая, все, что бы ни подали им. Состоятельные люди, вступавшие в их общину, должны были отречься от владения своими благами и передать их в братство для общего употребления». Так писал о них Морсгейм в трех книгах своей «Истории еретиков». Апостольским братьям разрешалось возить с собой в путешествиях, с целью распространения учения, сестер во Христе, но они не могли быть их женами.

Секта стала очень быстро распространяться, что очень встревожило пап. В Германии последователи секты стали так многочисленны, что в 1287 г. на соборе в Вюрцбурге, в присутствии императора, секта была запрещена. Сегарелли был арестован, затем выпущен, но изгнан. Он стал путешествовать и продолжал свою проповедь. Тогда его снова арестовали и в 1300 г. сожгли.

Его продолжателем был Дольчино, более отважный и решительный агитатор. Дольчино сначала готовился в священники, но затем бежал из дому и поступил послушником в монастырь, где и познакомился с учением апостольских братьев. В одном женском монастыре он познакомился с монахиней Маргаритой; они решили вместе бежать и проповедывать учение апостольских братьев. Оба были чрезвычайно энергичные и сильные духом люди. Когда на них начались гонения, Маргарита организовала женщин в дружины, дравшиеся с папскими войсками на ряду с мужчинами. Дольчино не соглашался с монашеским коммунизмом. Он считал, что коммунизм должен

распространяться на весь народ. С целью распространения своего учения, он спустился с гор в Ломбардию. Тогда папы объявили против него крестовый поход. Когда учение Дольчино скоро нашло себе сочувствие среди крестьян, он во главе вооруженной толпы вторгся в Пьемонт, чтобы начать открытую борьбу против церкви, государства и общества. Это была первая попытка вооруженного коммунистического восстания.

Таким образом, еретический коммунизм явился знаменем для протеста крестьян против притеснений феодализма. Ту же роль он сыграл и в других странах.

Крестовый поход, объявленный папой, встретил отчаянное сопротивление со стороны других, собранных вокруг Дольчино и состоявших, главным образом, из монахов, беглых солдат и крестьян. Сначала папские войска терпели постоянные поражения, но потом, вероятно вследствие некоторых уступок, сделанных феодалами в пользу крестьян, последние перестали оказывать поддержку Дольчино. Это было началом гибели движения. Папские войска загнали остатки дружин в горы, путем продолжительной осады принудили их сдаться и почти всех перебили. Дольчино и Маргариту взяли в плен. Его долго пытали, требуя, чтобы он отказался от своего учения и, не добившись этого, наконец сожгли его. Маргариту также сначала утонченно пытали и мучили, заставили ее присутствовать при сожжении Дольчино, а затем сожгли и ее.

Итак, это движение подобно предшествующему было задумано. Но остатки секты апостольских братьев разбрелись по разным странам и в дальнейшем оказали влияние на развитие в них еретического коммунизма.

Так во Фландрии появилась секта «бегардов». Бегарды отличались от апостольских братьев, главным образом, тем, что в их движении участвовали преимущественно ремесленники. Во Фландрии очень рано развилась торговля, товарное производство, главным образом, ткачество, а затем и промышленность. Ткачи в Нидерландах уже очень рано были порабощены капиталом и ткацкое производство начало получать капиталистический характер. И вот ткачи являются основателями «холостых общежитий» — зародышей коммунистического учения. В Брюгге, в конце XII — в начале XIII вв. существовала, например, община бегардов. Это были 13 холостых ткачей, которые жили благочестиво, по-братски, на выручку от общей работы. Они не были связаны каким-либо обетом и не подчинялись строгим правилам, они носили только одинаковое

коричневое платье. Излишки, получившиеся от большой производительности труда и экономной жизни, бегарды отдавали тем, кто нуждался материально.

На ряду с этой общиной возникали другие из более аристократических слоев населения, которые называли себя «братьями совместной жизни». Занимались они преимущественно перепиской книг и главное внимание обращали на просвещение народа, т. е. на духовные нужды его: распространяли книги, устраивали школы. В деле подъема общего культурного уровня они достигли больших результатов. «Братство было внутренне сплоченным, но свободным товариществом. Вступление было добровольным и не связывалось обетом на всю жизнь. Братья не были подчинены строгим, доходящим до мелочей предписаниям, как у монахов. . . Обычное устройство братского дома было следующее. В доме жило вместе до 20 братьев; у них была *общая касса и общий стол*. . . Приему в братство предшествовал год строгого искуса. От принимаемого ожидали, что он отдаст на общую пользу всю долю наследства. . . Горе тому, кто, живя в общине, отыскивает, что принадлежит ему, или говорит, что нечто принадлежит ему».¹ Братья эти были более мирно настроены по отношению к церкви, чем революционеры бегарды, в их среде развивался более строгий коммунизм. Братья разделялись на секты. Когда их учение стало преследоваться, они ушли в тайную проповедь. Идеи их получили широкое распространение и попали в Англию через выписываемых туда фландрских ткачей.

И в Англии точно также учение еретического коммунизма послужило толчком к началу крестьянских восстаний, носивших название «виклефского движения». Виклеф был священником и профессором Оксфордского университета. Но он был скорее противником церкви вообще и стоял за ее реформу в интересах господствующих классов. Экспроприацию имущества он требовал только у духовенства. Ересь его сводилась к тому, чтобы господство церкви и папы, а вместе с ними и все богатства церкви передать в руки короля и аристократии. В сильном английском государстве движение против папства сделалось национальным. В свержении папской власти были заинтересованы все национальные слои страны: дворянство и король, буржуазия и крестьянство и даже само духовенство.

¹ См. Каутский. «Предшественники новейшего социализма», т. I, стр. 259.

Более демократическим продолжателем Виклефа был Джон Болл. Сущность проповеди его сводилась к общности имущества, уничтожению дворянства и господ. Под влиянием его проповеди крестьяне восстали (1381 г.) и дивнулись на Лондон, ворвались в него через открытые их сообщниками ворота, сожгли дома епископов, одного епископа убили. Но в то же время они жестоко боролись против грабежей. Молодой 15-летний король заперся со своими приближенными во дворце и тщетно пытался вести с повстанцами переговоры. Восстание хотя и кончилось для крестьян не вполне удачно, но все же кое-чего они добились. Были отменены все привилегии феодалов и хотя последние время от времени пытались вновь восстановить их — слишком явно пользоваться ими они все-таки боялись.

Как мы уже видели, все еретические учения получали еще более широкое распространение после их подавления: замирая в одном месте, они возрождались в другом.

В тесной связи с предыдущим движением, в XVI веке возникло еретическое учение — «анабаптизма». Оно зародилось в Швейцарии и оказало могучее влияние на крестьянские войны. В своем течении оно захватило и другие слои общества. Коммунистическая сторона этого учения была развита городским слоем населения.

Анабаптисты делились на секты. Главным догматом учения анабаптистов (это греческое слово, означает перекрещенцы) являлось утверждение, что обряд крещения должен производиться над человеком в зрелом возрасте, когда он является сознательным. Были еще кое-какие разногласия с господствующей церковью: анабаптисты, например, признавали кроме внешнего еще и внутреннее откровение. Сектанты требовали уничтожения податей, десятины, церковных налогов. В Германии и Швейцарии в это время происходили реформы Лютера и Цвингли. Реформация Лютера и Цвингли сводилась к освобождению от влияния папы, стремлению создать собственную национальную церковь, которая бы зависела от государства, а не от папы. Главным побуждением реформации было отобрание церковных имуществ и переход религиозного авторитета церкви к государственной власти. Эта борьба власти советской и духовной происходила во всех странах. В России, например, Петр объявил Синод независимым от константинопольского патриарха, но вполне зависимым от него — Петра.

Но и анабаптисты, хотя и шли они дальше реформаторов,

все же не были достаточно революционны, чтобы поддержать поднятое ими движение. Вскоре они отходят от него под прикрытием своих догматов. Тем не менее влияние их на Швейцарию было очень велико. В 1525 г. Цюрихский городской совет издал постановление о непременном крещении детей. Анабаптисты демонстративно не подчинялись этому. Их подвергли гонениям и они принуждены были уйти в тайные общины. К этому же моменту относятся попытки анабаптистов «осуществить коммунизм на практике. Они были того мнения, что все вещи должны быть общими, что их надо сложить вместе, чтобы каждый мог брать все, в чем он чувствует нужду».¹

Гораздо более широкое развитие их учение получило в Германии и Моравии. В Богемии еще до них Гус произвел реформу. Гуситское движение разбилось на два направления — аристократическое и демократическое. Последним была, главным образом, подхвачена коммунистическая сторона проповеди. Но, преследуемые законом, некоторые последователи Гуса бежали в Венгрию. Главным апостолом анабаптизма Моравии был Петр Ридеман. Он проповедывал отказ от имущества по примеру Христа.

Очень интересным является то общественное устройство, при посредстве которого анабаптисты пытались осуществить коммунистическую сторону своего учения. Так, возникшие в некоторых городах общины ремесленников пытались претворить в жизнь не только потребительский, но и производительный коммунизм. При вступлении в общину члены все свое состояние передают ей; община их всем снабжает; причем все предметы потребления, нужные ее членам, выделяются в самой общине. Если община очень разрасталась, то излишек членов отделялся и образовывал свою самостоятельную общину. В каждой общине был хозяин или управляющий, который делал все закупки за общий счет и потом делил купленное между всеми. Ели в общине все вместе. Каждое ремесло в общине имело своего руководителя. Он закупал все материалы, распределял работу, принимал готовую и ведал продажей ее. Общины такого рода процветали.

Анабаптистское движение в Моравии известно под названием «движения Моравских братьев». Вначале правительство покровительствовало им, но потом начались гонения. Все же

¹ См. Каутский. «Предшественник новейшего социализма», т. II, стр. 137.

общины просуществовали около столетия и дали образец цветущего коммунистического хозяйства.

Во второй половине средневековья коммунистическое движение возникло под влиянием гнета со стороны папы и католического духовенства, но основой его все же является известное социальное неравенство.

Еретический коммунизм сходен с коммунизмом монастырским, потому что оба основаны на учении Христа. Но по своему содержанию еретический коммунизм значительно отличается от коммунизма древних христиан. В то время как последний являлся коммунизмом потребительским, первый пытался осуществить коммунистическое начало и в производстве, — бегарды и анабаптисты.

ПРОГРАММА ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ШКОЛЕ СОВЕТСКОЙ И ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ. — ОБЩИЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КУРСЫ.

I. 70 ГОДЫ

Народники и рабочее движение. Первые стачки. Кружки долгушинцев и чайковцев и их пропаганда среди петербургских рабочих 1871 — 72 г.г. Пропаганда среди московских рабочих в 1874 — 75 г.г. и первые революционеры-рабочие П. Алексеев, Агапов. Южно-русский рабочий союз 1875 г. в Одессе, Ростове н/Д. Пропаганда землевольцев среди петербургских рабочих в конце 70-х г.г. Северный Союз русских рабочих. Его обособление от народнического социализма и сближение с зап.-европейской соц.-демократией. Степан Халтурин.

II. 80 ГОДЫ

Распадение «Земли и Воли» — «Черный Передел» и «Народная Воля». Переход чернопередельцев к марксизму. Образование группы «Освобождение Труда». Опыт русского рабочего движения и знакомство с научным социализмом и западно-европейской социал-демократией. Борьба группы «Осв. Труда» с народничеством. «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» Плеханова. Программа группы «Осв. Тр.» (85 и 87 г.г.). Группа Благоева в Петербурге (84 г.), ее программа. Сближение с группой «Осв. Тр.». Газета «Рабочий». Социал-демократические кружки в других городах.

III. 90 ГОДЫ

Голод 1891 — 92 г.г. и отношение к нему марксистов и народников. «Всероссийское разорение» и «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» Плеханова. С.-д. кружки начала 90-х г.г. Переход от пропаганды к агитации. Брошюра «Об агитации» Мартова. «Союзы борьбы за освобождение

рабочего класса» в Петербурге (1895 г.), в Москве (1896 г.), в Киеве, в Харькове и Екатеринославе. Заграничный союз русских социал-демократов. Бунд. Петербургская стачка ткачей 1896 г. и расширение с.-д. агитации в рабочих массах. Прокламации. Первый съезд партии 1898 г. Экономизм. Влияние западно-европейского ревизионизма и русского либерализма. Промышленный подъем и успехи стачечного движения.

IV. НАЧАЛО 900 Г.Г. «ИСКРА» И 2-Й СЪЕЗД ПАРТИИ

Борьба с «экономизмом» группы «Освобождение Трудя», «Vademecum» Плеханова. Революционная организация социал-демократов «Искра» (1900 г.), ее организации за границей и в России. Промышленный кризис 1900 г. Подъем революционного движения. «Обуховская оборона» (1901 г.). Ростовская стачка (1902 г.). Всеобщая стачка на юге (1903 г.). Зубатовщина. Победа «искровского» направления в России. Революционная агитация. Демонстрации. Подготовка 2-го съезда. «Организационный комитет». 2-ой съезд (1903 г.). Программа партии. Разногласия на съезде по организационному вопросу. Большинство и меньшинство. Организационный раскол. Рост революционного движения и углубление разногласий. План «земской кампании» новой «Искры». Отношение большевиков и меньшевиков к либеральной буржуазии и к крестьянству.

V. ПАРТИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ 1905—1907 Г.Г.

Особый характер русской революции и своеобразие развития российской рабочей партии. 9 января и расширение базы партийной работы. III съезд и конференция меньшевиков (1905 г.). Обособление тактики большевиков в революции. Отношение к временному правительству, к вооруженному восстанию. Диктатура пролетариата и крестьянства. Отношение к организации профессиональных союзов. Октябрьская забастовка и Совет Рабочих Депутатов в Петербурге и других городах. Декабрьское вооруженное восстание в Москве. IV-й, «Объединительный» съезд партии. Выборы в 1-ую и 2-ую Г. думы и с.-д. фракции первых двух Дум. Военные с.-д. организации. V-ый Лондонский, съезд партии. Разгон 2-ой Г. думы и Всероссийская конференция партии в Выборге.

VI. РЕАКЦИЯ 1907 — 1912 ГГ.

Отзовизм и борьба с ним. Ликвидаторство, Партийная конференция в Париже (1908 г.). Оценка политического положения и определение задач партии. Бегство интеллигенции из партии. Отношение большевиков и меньшевиков к с.-д. фракции 3-й Г. думы и борьба политических направлений в самой фракции. Выступление Плеханова против ликвидаторов. Борьба фракций в России и за границей. Партийные школы на о. Капри и в Болонье. Пленарное собрание Ц. К. партии. Усиление фракционной борьбы. Бойкот Ц. К. меньшевиками. Обособление отзовистов — их орган «Вперед». Общепартийная конференция в Праге в январе 1912 г. и конференция меньшевиков и националов в Вене в августе 1912 г.

VII. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ 1912 — 1914 ГГ.

Возрождение легальной большевистской печати. «Звезда» — как орган блока большевиков и плехановцев против (конец 1910 г.) ликвидаторов. «Звезда». Ленское событие, как начало революционного прилива. Борьба с ликвидаторами в легальной печати. Поддержка и участие рабочих в «Звезде». Кампания за основание ежедневной газеты (рабочей) и ее направление. Возникновение «Правды» при дружной поддержке рабочих. Избирательная кампания в IV Гос. думу и оценка роли разных классов и партий большевиками и меньшевиками. Победа большевиков по рабочей курии. Раскол в с.-д. фракции Гос. думы. «Объединительная» конференция летом 1914 г. Рост революционного движения перед объявлением войны.

Большевизм и меньшевизм в развитии РКП.

Моменты наибольшего расхождения и сближения.

Роль марксизма в общественных движениях России.

90-Е ГОДЫ

ЛЕКЦИЯ 23 ИЮЛЯ 1919 Г.

В прошлой лекции мы рассмотрели движение 80 годов.¹ Мы видели, что, несмотря на злейшую реакцию, социал-демократическое учение проникло в Россию и стало приобретать опору в фабричных центрах. 90 годы в противоположность 80 представляют период большего общественного подъема.

Главным толчком к пробуждению общества послужил голод 1891 — 1892 г.г. Либеральная часть населения заговорила о том, что в России неблагополучно. Она стала осуждать политику правительства, которое довело страну до такого состояния. Мощный самодержавный организм был объявлен «колоссом на глиняных ногах». Критика и оппозиционное настроение еще больше проникли в ряды демократической буржуазии. Но мы видели, что эта буржуазия была еще в 80 годах в своем большинстве народнической. Как отнеслись народники к этому общественному бедствию — жестокому голоду и эпидемиям? Большинство учащейся молодежи бросилось опять в народ. Движение в народ возобновилось, но характер его был уже совсем другой. Одни последователи «Народной Воли», уже в значительной степени облинявшие и потерявшие свое содержание, шли в народ заниматься благотворительностью и просвещением: накормить голодных, предостеречь и уберечь от болезней и т. п. Другие элементы народничества, более революционные, говорили, что нужно не только заниматься благотворительностью, но необходимо по-побуждать крестьян к восстанию против правительства, к бунтам. Как отнеслись к этому бедствию марксисты, которые были еще в меньшинстве? Они осуждали оба эти направления, как благотворительное, так и бунтарское. Относительно благотворительности марксисты говорили народникам и народнической интеллигенции: «Вы можете сколько вам угодно итти в народ заниматься лечением, кормлением, служить адвокатами,

¹ Лекция о движении 80 годов, прочитанная 17 июля, как и ряд других лекций (22 мая, 10 июля, 6 и 27 августа), почти дословно повторяющие некоторые «Очерки» истории с.-д. и рабочего движения опущены здесь. См. Предисловие.

учителями. Вы можете оказать некоторую пользу народу, но не думайте, что в этом заключается ваша общественная роль революционеров. Этой деятельностью вы, может быть, можете услугу только правительству и буржуазии. Русская буржуазия заинтересована в том, чтобы народ не голодал, чтобы не было эпидемий. Но ваше подвижничество и вашу службу в деревне как нельзя лучше использует только председатель земской управы и все ему подобные, чтобы получать солидные оклады. Действительной пользы народу вы вашей благотворительностью не принесете». Точно так же отрицательно относились марксисты и к бунтарскому направлению. Они говорили, что вызвать крестьянские бунты на почве голода можно, и такие бунты случались во время холерной эпидемии, но из таких беспорядочных бунтов революции не выйдет. Крестьянство вообще является классом отсталым. Оно темно, не подготовлено. Выяснить связь между его бедственным положением и всем политическим строем невозможно применительно к одному случаю. Нужна длительная пропагандистская работа, и работу эту должно вести в рабочем классе, как классе более развитом, более подготовленном и революционном.

В начале 90 годов, во время голода, Плеханов выступил, как блестящий публицист. Сперва появилась его брошюра «Всероссийское разорение» и вслед за ней вторая — «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». В этих брошюрах он выступил с марксистской критикой народнического учения в разрезе практических задач переживаемого момента.

Возникшее общественное оживление очень сильно отразилось на работе первых русских социал-демократов. Уже в конце 80 годов во всех промышленных центрах существовали социал-демократические пропагандистские кружки. 90 годы характеризуются тем, что с самого начала этого десятилетия, движение мало-по-малу переходит из области пропаганды, из подготовительной стадии, к задачам широкой массовой агитации. В 91 году в некоторых городах — Москве, Петербурге и в Северо-западном крае — праздновали 1-е мая. Во что мог вылиться пролетарский праздник? Разумеется, не в широкие демонстрации и митинги. В небольших собраниях, в кружках произносились речи, подводились итоги всей работы и ставились задачи на будущее. Уже в этих речах слышится неудовлетворенность кружковой работой. Одна из практических работниц на первомайском собрании говорит: «Чаша

переполнилась, дальше так продолжаться не может. Наша покорность и безропотность ни к чему не приведут. Мирным путем мы ничего не сделаем. Мы должны каждый раз соразмерять свои силы. Нам приходится бороться с ближайшими врагами — с нашими хозяевами. Чтобы не было между нами такой разрозненности, чтобы объединиться, мы должны устраивать частые сходки. Все должны стараться основать кассы и заботиться о их расширении. Мы должны устраивать стачки». Социал-демократическая пропаганда в эти годы ограничивалась устной и кружковой работой. Когда возникали случайно, помимо инициативы социал-демократов, волнения и стачки, то, руководясь чувством самосохранения, кружки от них устранились. Сознательных рабочих социал-демократов, работавших на фабриках, было крайне мало, ими приходилось очень дорожить, и вот из боязни провалов их отстраняли от всякой практической работы и агитации. Они ограничивались исключительно подготовкой товарищей-рабочих для дальнейшей деятельности высшим руководством. В общем эта тактика, конечно, была правильна. Однако, нужно заметить, что она иногда давала совершенно нежелательные результаты. Среди рабочих, под влиянием такой книжной подготовки и пропаганды, вырабатывались иногда начетчики: люди, хорошо знающие теорию, хорошо осведомленные в марксистской литературе, но совершенно оторванные от практической жизни и мало-по-малу все дальше уходившие от нее.

Значительное влияние на расширение работы, на захват ее с практической стороны оказала брошюра «Об агитации», появившаяся впервые в Вильне (в 1894 г.) в рукописном виде. Она была составлена несколькими авторами.¹ «Задачей социал-демократов, — говорится в брошюре, — является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией, борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и, в конце концов, поставит перед ними более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный, таким образом, к более серьезной борьбе рабочий класс приступит к решению своих нужд и вопросов, а агитация на почве этих вопросов должна иметь целью выработку классового самосознания. А классовая борьба создаст

¹ Написана Кремером и Мартовым.

почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса».

Как вы заметили, вероятно, здесь выставляется своеобразная «теория» агитации. Главная мысль авторов заключается в том, что нужно перейти к практической работе, к агитации, не ограничиваться одной пропагандой. Но как ставится вопрос об агитации? В брошюре впервые была выставлена теория так называемых «стадий», которые играли важную роль. Агитацию нужно вводить постепенно, давать ее в микроскопических дозах, по каплям. Сперва нужно агитировать на почве самых мелких нужд, затем более широких потребностей и, наконец, перейти к политической агитации; но опять-таки в области самых необходимых свобод (напр., свободы печати, собраний) и в области тех вопросов, где рабочие более всего ощущают острую нужду; и только потом, очевидно, по прошествии нескольких стадий, можно перейти к агитации в настоящем смысле.

Уроdlивость этой теории ясна сама собой: нельзя вести агитацию по особому расписанию. Агитация именно характеризуется тем, что она возникает и осуществляется при наличии какого-нибудь экстраординарного, выходящего из ряда случая, и тогда на почве этого возникшего вопроса агитация расширяет кругозор рабочего. Какая разница, вообще говоря, между агитацией и пропагандой? Пропаганда ставит своей задачей разъяснить целый ряд вопросов в систематическом порядке. Она ограничивается только узким кругом рабочих. Напротив, агитация захватывает широкие слои, но в то же время содержание ее гораздо уже; причем разъясняется только один какой-нибудь вопрос в связи с общим политическим положением. Уроdlивость и неестественность этой теории «стадий» бросается в глаза особенно в настоящее время. Тогда она была не так заметна, и брошюра «Об агитации» сыграла все-таки свою очень важную роль: она побудила многих и очень многих социал-демократов перейти от пропаганды к агитационной работе. Она имела значение, главным образом, в Северо-западном крае и в собственно-коренной России. В главных центрах — в Петербурге и Москве — социал-демократы стали переходить к агитации раньше появления этой брошюры.

Одним из очень важных средств агитации, как воздействия на массу, совершенно не привлеченную к социал-демократической организации, были листки и прокламации. Первый опыт

с прокламациями был в Петрограде сделан в середине 90 годов на заводе Семянникова. Размножение листов при помощи гектографа имело большой успех, и этот способ агитации получил всеобщее распространение. В Москве агитация посредством листов возникла еще раньше — в 1894 году. Московская социал-демократия справляла маевку. На тайном собрании присутствовало несколько сот человек, но на другой день выпущен был листок, в котором приводились речи, сказанные на собрании, и разъяснялся смысл Первомайского праздника. Листок имел огромный успех среди московских рабочих.

На ряду с развитием агитации, социал-демократические кружки, возникшие и существовавшие отдельно, параллельно, независимо друг от друга, начинают мало-по-малу объединяться и спланиваться.

Первая крупная организация возникает в Петербурге, а затем и в Москве. В 94 году отдельные с.-д. кружки объединились под именем «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Еще в начале 90 годов социал-демократия боролась с остатками народовольческой организации. Народовольцы дожили до середины 90 годов (но это было жалкое подобие былого) и мало-по-малу под влиянием роста рабочего движения их кружки переходили на социал-демократическую почву. Если народничество оказало влияние в 70 годах на борьбу рабочих, на их организацию, то к 90 годам оно само оказалось под влиянием рабочего движения. Очень любопытно отметить следующий факт. Во время стачки в Петербурге в 96 году одна народовольческая группа выпустила, на ряду с социал-демократами, свой листок. Побоявшись выпустить под своей собственной народовольческой фирмой, она подписала «Рабочий союз». Так, народничество было увлечено рабочим движением и сдавало свои позиции.

Во главе Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» был центральный кружок, состоявший главным образом из интеллигентов. Впервые здесь принимает участие Владимир Ильич Ленин, затем Мартов, Потресов и др. видные социал-демократы. Развитию этой новой петербургской организации очень благоприятствовало сильное стачечное движение 96 года. Забастовало около 30 тысяч ткачей и прядильщиков. Это была стачка до сих пор небывалая в России по своим размерам, по своему характеру, по выдержке, которую обнаружили рабочие. И социал-демократическая организация «Союза борьбы» немедленно приступила к руководству

стачечным движением. Это был первый блестящий опыт практического руководства массовым рабочим движением. За время стачки «Союз борьбы» выпустил до 25 прокламаций. В них говорилось как об общем гибельном положении стачечников, так и о порядках на отдельных фабриках. О петербургской стачке ткачей заговорили даже за границей. Некоторые организации (английский трэд-юнион) прислали значительные суммы денег для поддержки стачечников. Вообще стачки с радостью приветствовались западно-европейскими рабочими. В стачечном движении они видели первое пробуждение угнетенного класса, который примыкает к пролетарскому движению.

О деятельности «Союза борьбы» принуждено было заговорить даже само правительство. В «Правительственном вестнике» оно горько жалуется на социал-демократов, которые стараются «придать стачкам социальный характер и в этом смысле руководить забастовщиками». Правительство в этом случае усвоило тот язык и тон, который оно впоследствии применяло: «сами стачечники, мол, народ безвредный, но вот социалисты-агитаторы все дело портят». Однако же эти агитаторы получили широкую популярность в тысячных народных массах. Листки, получавшиеся на фабриках, горячо приветствовались. Появление их было настоящим праздником. Рабочие тех фабрик, куда не проникло еще влияние «Союза борьбы», только о том и говорили, чтобы как-нибудь к «ним пришли на помощь от «Союза». «Союз борьбы» сильно и быстро укрепился.

Однако в 96 году последовал первый крупный провал, первые крупные аресты, которые изъяли самых видных вождей петербургского «Союза». Несмотря на этот сильный провал, социал-демократическое движение уже не могло быть остановлено, как это было раньше, как это было с благоевской группой и др. Оставшаяся в Петербурге группа, главным образом, за Невской заставой, где работал наш старый, один из выдающихся рабочих Шелгунов¹ (в настоящее время слепой старик), объединила вокруг себя уцелевших после провала. В лице этой группы, таким образом, «Союз» продолжал жить и работать. Немедленно было приступлено к организации районов во всех частях города. Зимой 97 года стачка возобновилась с новой силой, вместе с тем расширилась и работа «Союза

¹ Подробно о Шелгунове см. стр. 452 — 461.

борьбы». Стачка имела огромное практическое значение: в результате ее был издан один из важнейших фабричных законов — 2 июня 97 года. Этот закон, как известно, ограничивал рабочее время, устанавливал его максимум в $11\frac{1}{2}$ часов.

В 95 же году возник «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и в другом крупном рабочем центре — в Иваново-Вознесенске. Здесь «Союз» оказался, однако, на первых порах очень слабым. Он не решился руководить возникшей в том же году стачкой под своей фирмой. Но отдельные члены с большим успехом руководили движением. В следующем году образовался уже целый ряд таких «Союзов борьбы»: в Киеве, Харькове, Екатеринославе.

В 97 году из отдельных заграничных социал-демократов организовался заграничный «Союз русских социал-демократов». Он занялся, главным образом, изданием популярной революционной литературы и переправкой ее в Россию. «Союз» обслуживал все российские организации. Пока еще не было общепартийной организации, пока не было общего руководящего центра, заграничный «Союз» заменял и играл до известной степени роль центрального комитета, поскольку он объединял эти отдельные организации и помогал им сноситься между собой.

В этом же 97 году сложилась еще одна очень большая и крепкая организация, а именно: «Всеобщий еврейский рабочий союз в Польше и Литве», под названием «Бунд». Таким образом, под влиянием рабочего движения марксистское движение сделало огромные успехи. Это выразилось в росте социал-демократической организации. То, чего не могла добиться группа «Освобождение Труда» в 80 годах очень скоро и успешно достигнуто в середине 90 годов, благодаря подъему русской промышленности и расцвету стихийного рабочего движения. Размножение и укрепление социал-демократических организаций само собой вызывало вопрос об объединении всех организаций в одну общую. Вопрос о создании единой социал-демократической партии был поднят уже в 97 году. По инициативе киевских социал-демократов, в Киеве должен был состояться съезд главнейших, возникших тогда, «Союзов борьбы». Но в Киев приехали только представители петербургского и московского «Союзов», и съезд не состоялся. Киевским товарищам было поручено озаботиться созывом съезда в следующем году.

Первый съезд российской рабочей партии состоялся в

марте 98 года в Минске. На нем приняли участие: петербургский, киевский, екатеринославский и московский «Союзы борьбы», группа, издававшая «Рабочую газету», «Всеобщий еврейский рабочий союз» — «Бунд». Съезд занялся прежде всего организационными вопросами. Выбрал центральный комитет, определил точно его функции. Центральный комитет должен был озаботиться объединением всей работы, представлять партию с другими заграничными или российскими организациями; верховным органом партии, получившей название «Российская социал-демократическая рабочая партия», утверждался съезд. Программу съезд не успел выработать. Центральным органом партии была избрана «Рабочая газета».

Съезд продолжался всего три дня. Полиция очень хорошо выследила его и не арестовала только потому, что хотела установить более прочные связи делегатов с организациями. И действительно, разъезд делегатов по местам указал дорогу жандармам. Вскоре после съезда были произведены колоссальные аресты. В общей сложности было арестовано более 500 человек, т. е., другими словами, весь цвет и вся соль только что сложившейся партии. Особенно сильно отразились аресты в Киеве: было арестовано 176 человек.

Но и этот очень чувствительный удар социал-демократия перенесла в России с успехом. Очень скоро после съезда, уже 1 мая, киевская организация выпустила прокламацию. Таким образом, даже самые жестокие провалы уж не могли остановить рабочего движения, не могли прекратить существования организации.

Семь делегатов съезда (а их было 9 человек) были арестованы. Оставшиеся не решились восстановить и пополнить центральный комитет. Партия осталась до следующего съезда без центрального руководящего органа, т. е. задача организационного объединения осуществлена не была.

Однако, несмотря на жестокий провал, несмотря на то, что партии не удалось организационно сплотиться и объединить разрозненные организации в единое целое, первый съезд имел все-таки огромное значение. Прежде всего чисто моральное: впервые было провозглашено существование единой социал-демократической партии в России.

Недостаток работы съезда, т. е. непринятие им партийной программы, был до известной степени восполнен опубликованием манифеста, составленного, под руководством Петербургской организации, Петром Струве. Последний в то время при-

мыкал к социал-демократам, а потом, как вы, вероятно, хорошо знаете, оказался теоретическим идеологом русской крупной буржуазии. Я прочитаю некоторые выдержки, чтобы ознакомить вас с характером манифеста (*читает*).¹ Так заканчивался манифест социал-демократической партии.

Несмотря на быстрый успех социал-демократии в 90 годах, это движение все-таки к концу столетия испытало известный уклон от революционного пути. Возникло направление, получившее название «экономического». Это название происходит от того, что некоторые, собственно говоря, большинство из руководителей социал-демократии конца 90 годов, стали опираться и сосредоточиваться, главным образом, на экономической стачечной борьбе, отодвигая на задний план политические задачи.

Главными руководителями этого движения выступили за границей: Кричевский, Мартынов, Акимов, Вайнштейн и др. В России постоянным сторонником этого движения стала группа социал-демократов, объединившаяся вокруг газеты «Рабочая мысль». Она долее всех держалась экономического направления.

Чем объясняется такой оппортунистический уклон в социал-демократии? Прежде всего тем, что на место старых, более опытных, прошедших солидную марксистскую школу, товарищей явились молодые, на которых отразилось влияние западно-европейского ревизионизма. Это было во время расцвета его в Германии. В 99 году Бернштейн выпустил свою известную книжку «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», в которой он, как ему казалось, разносил теорию Маркса и устанавливал положение, что буржуазный строй является крепким и необходимым установлением. Пересмотр (отсюда «ревизия», «ревизионизм») учения Маркса сводился к теории примирения классовых противоречий, к возможности достижения социализма путем его постепенного вращивания в капиталистический строй. Но главной причиной и пружиной этого расцвета были условия действительной русской жизни. Чем характеризуются эти условия? Прежде всего экономикой, расцветом промышленности. Российский капитал в то время переживал лучшие времена: казенные заказы и широкий сбыт их делали фабрикантов более податливыми по отношению к рабочим, которые требовали улучшения условий труда. Вполне

¹ См. стр. 97 в «Очерке истории с.-д.».

естественно, что рабочее движение направлялось по линии наименьшего сопротивления в сторону «стачкизма», причем задачи широкого социалистического движения отодвигались на задний план.

К экономизму, поскольку его выражали руководители социал-демократии 90 годов, вполне сознательно примазывалось чисто либеральное движение. Если молодые социал-демократы из интеллигентов по недоразумению склонялись к мысли, что единственной задачей является стачка и экономическая борьба, то многие, вполне сознательные либералы старались привить рабочим мысль, что экономическая борьба составляет единственную задачу рабочих. Задача же политической борьбы всецело должна быть предоставлена либералам. Такая формулировка нигде откровенно не приводилась, но она была рассеяна во всех писаниях русских легальных марксистов. С развитием либерального марксизма появилась обширная литература. В 97 году вышла книжка Струве, потом появились марксистские журналы, в которых передовые писатели трактовали, с «марксистской» точки зрения, недоговоренные до их революционного конца положения теории Маркса. Эта недоговоренность превратилась в систему экономического направления и играла на руку чисто буржуазным стремлениям. Буржуазия желала видеть в рабочем классе и его движении только придаток своей собственной политической организации. Вот каким образом в экономизме сказалось влияние идеологов капитализма.

К концу 90 годов экономизм достиг большего распространения, но в то же время потерял в своем содержании и измельчал под влиянием тех условий, о которых я говорил. К этому времени русской социал-демократией еще не был разрешен на практике вопрос, который так долго волновал народников, о который они сломали свои зубы и который был блестяще разрешен в теории — это вопрос об отношении социализма к политической борьбе.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 — 1907 ГГ.

ЛЕКЦИЯ 10 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

Товарищи, прошлый раз мы остановились на результатах II съезда. Мы видели, что расхождение между фракциями большинства и меньшинства очень определенно выразилось в организационных вопросах. Большевики формулировали направление меньшевиков, как оппортунизм.

Многие меньшевики-революционеры очень зло осмеивали эту формулировку. «Что такое оппортунизм в организационных вопросах? — спрашивали они. — Оппортунизм может быть выражен в программе и по меньшей мере в тактических вопросах. Большинство все это выдумывает, раздувает разногласия». Так оценивали меньшевистские деятели партийный раскол. Однако оппортунизм, выразившийся на II съезде только в организационных вопросах, очень скоро стал проявляться в вопросах более глубоких, в тактике.

1904 г. проходит в партийной жизни под знаком ожесточенной политической и фракционной борьбы. Он был предшественником 905 г. Одновременно с внутрипартийной борьбой завязывалась в России борьба различных общественных слоев. К концу года, осенью, особую деятельность проявила либеральная прослойка общества. Открылась серия так называемых банкетов: земские заседания, различные либеральные собрания выносили резолюции с конституционными требованиями.

Партия должна была отозваться на это движение. В своей программе она еще раньше формулировала, что партия рабочих поддерживает все революционные или оппозиционные движения, поскольку они стремятся к ниспровержению существующего политического строя. Меньшевистская «Искра» в развитие этого взгляда выработала целый «план земской кампании». В общих чертах он сводился к следующему. Создавшиеся на местах организации должны отозваться на земское движение. Каким же образом? Они должны выбрать особых лиц, которые вступили бы в связь с земскими деятелями, являлись бы на их собрания и половинчатыми буржуазно-либеральными лозунгами противопоставляли свои более революционные. Со-

циал-демократы при этом должны входить в соглашение с левыми элементами земских собраний. Но в то же время социал-демократические организации должны были стараться не отпугивать земство и вообще либералов своими слишком решительными требованиями и действиями. Таким был меньшевистский «план земской кампании». С одной стороны, нужно было противопоставить либерализму революционное крыло, революционные требования, с другой — во всех действиях меньшевистского плана проскальзывало стремление, во что бы то ни стало итти в ногу, притти в соглашение с земскими деятелями, не запугивая, не отталкивая их своими революционными требованиями.

Любопытнее всего то обстоятельство, что меньшинство ставило себе целью не прямо заявлять правительству о своих требованиях, а побудить либералов принять более радикальные политические требования и, таким образом, воздействовать на правительство. «Искра» и меньшевики называли это демонстрацией, так сказать, «высшего порядка», в отличие от прежних более примитивных демонстраций, когда пролетариат, под руководством с.-д., выступал с революционными лозунгами, красными знаменами и громко заявлял о своих требованиях на улице.

Этот план очень ярко характеризует самое существо меньшевистской тактики. Меньшевики и в первой революции прочно усвоили идею: политическое главенство принадлежит буржуазии вплоть до будущего, бесконечно отодвигаемого, социалистического переворота. Они исходят всегда из старых форм и выводов прежних революций. Так, например, Мартов в своей книжке «История с.-д.», объясняя и оправдывая «план земской кампании «Искры», говорит, что он был скопирован с политического положения Германии в 70 г.г., когда Лассаль призывал рабочих примкнуть к либеральному конституционному движению. Но Мартов указывает и на разницу между этими двумя эпохами и даже очень большую. Тогда пролетариат фактически плелся в хвосте либеральной буржуазии, за буржуазной демократией, которая действительно представляла некоторую революционную силу. У нас же такой силы в образе какой-нибудь прочной демократической буржуазии нет. Пролетариат наш имеет традиции самостоятельной политической партии. И тем не менее этот план земской кампании был, вопреки, так сказать, легко проводимой самим меньшевиком-автором разницы в положении германского и

русского пролетариата, скопирован со времен очень отдаленных, когда положение пролетариата было гораздо более отсталым, чем в России. С наклоном меньшевиков проводить сравнение со старыми временами, с такой аргументацией их мы столкнемся еще впоследствии.

Большевики, и прежде всего тов. Ленин, выступили с жестокой критикой «плана земской кампании». Они определенно указывали, что такой тактикой меньшевики стремятся просто-на-просто поставить пролетариат, как политическую силу, в хвосте буржуазно-либерального движения. Напротив, указывали большевики, для того, чтобы побудить либерализм к более решительным действиям, необходимо самостоятельное выступление пролетариата: только тогда, когда буржуазия увидит сознательность и твердость пролетариата, она сама рискнет продвинуться дальше налево. Эта большевистская тактика в ходе первой революции уже получила свое полное оправдание. Нужно заметить, что при этом первом крупном тактическом разногласии между большевизмом и меньшевизмом от меньшевиков откололась значительная группа, именно: Парвус, который до этого поддерживал меньшевиков, и Троцкий. Последний выступал с резкой критикой меньшевистской тактики. Парвус и Троцкий рассматривали этот уклад меньшевистской тактики, как направление оппортунистическое.

Таким образом, 1904 г. заканчивается в партийной жизни ожесточенной фракционной борьбой; в сфере этой борьбы партия и вступила в памятный 1905 г., в год нашей первой революции. Эта революция и роль нашей партии в ней характерна под углом зрения пережитой нами Февральской и Октябрьской революций. Революция 905 г. была предшественницей позднейшей революции 1917 г. Но характер политического положения, общее классовое соотношение сил определились уже тогда и именно в том же самом направлении, в каком они определялись и в наши дни.

Революция 905 г. явилась самой запоздалой буржуазной революцией: она по своим объективным задачам стремится как будто только устранить, расчистить путь для капитализма, создать современные капиталистические формы, покончить с допотопными докапиталистическими учреждениями. Но в то же самое время она обнаруживает необыкновенную, непримиримую борьбу между пролетариатом и всеми имущими классами.

Революция 905 г. начинается с известных всем событий

9 января. Что представляют собой эти события? Обычно представление о них сводится к тому, что в этот знаменательный день, 9 января, в это красное воскресенье, рабочий класс Петербурга получил боевое крещение. Отсталые массы, которые верили в батюшку-царя, внезапно, под влиянием выстрелов, превратились в революционные отряды, в революционный класс. Такое обычное представление слишком упрощает дело. Вовсе не так наивен был петербургский пролетариат, когда он шествовал ко дворцу с знаменами и хоругвями. Несмотря на всю патриархальность и как будто реакционную внешность, события 9 января полны глубокого революционного смысла. Многие не замечают его и в настоящее время.

События эти разыгрались следующим образом. Огромную роль сыграли Гапон и Зубатов. Гапон был священник, организовал с разрешения начальства общество рабочих, которое образовало порайонные отделы. К концу своего существования гапоновское общество разделилось на 11 районных отделов; каждое представляло нечто в роде объединения рабочих групп. Здесь собирались рабочие. Гапон и ближайшие его помощники говорили речи, читали газеты и трактовали о политических вопросах, держась в рамках либеральной программы. Сам Гапон заводил связи с либеральным лагерем. Некоторые из его помощников были пожилые рабочие, иногда прошедшие школу социал-демократической организации, но с течением времени отставшие от политической борьбы, по крайней мере в революционной форме. Это были умеренные элементы. Движение характерно тем, что оно произошло с ведома и благословения властей, которые иногда даже сами покровительственно произносили демагогические речи. Так, например, градоначальник при открытии некоторых отделов произносил речи, что правительство, мол, сочувствует борьбе рабочих с капиталистами и будет поддерживать всякое требование рабочих против капиталистов. Конечно, это было прямое вранье и шарлатанство. Прямая задача правительства была, собственно говоря, смягчить остроту классовой борьбы, которая давала знать себя правительству. Оно вполне сознательно шло на попустительство рабочему, чтобы принудить капиталистов к экономическим уступкам, так как боялось, что рабочее движение, разрастаясь, придет к политическим требованиям. Так правительство предполагало, с одной стороны, утихомирить рабочих, с другой стороны, нажать на господ капиталистов. Вот с какой целью были созданы зубатовско-гапоновские

организации. Но движение перешло те границы, которые были поставлены ему.

Сам Гапон был человек в высшей степени беспринципный, отличался крайним авантюризмом. Его программа изменялась соответственно ходу событий: Гапон начал с либеральных вождельний и требований, а под конец движения примкнул к более революционным лозунгам. Вернее сказать, Гапон, как авантюрист, проходимец, не руководил движением, а плелся за ним; он был внешним символом, той точкой, вокруг которой объединились легальные рабочие массы Петербурга.

В самом конце 904 г., в декабре, на Путиловском заводе возникло большое волнение по случаю увольнения четырех рабочих. Путиловцы предъявили требование о возвращении на завод уволенных рабочих. Когда оно не было удовлетворено, весь завод сразу стал. Стачка совершенно стихийно начала разрастаться по всему Петербургу; уже в первых числах января к стачке примкнуло 144 тысячи человек. Таким образом, январские события совершенно независимо от кровавых безрассудных расстрелов сами по себе носили характер очень крупного пробного выступления пролетариата.

Очень характерно для этого движения то обстоятельство, что рабочие уже в начале стачки заявляли, что возрастающее движение имеет огромное политическое значение не только для петербургских рабочих, но и для всей России. Некоторые рабочие, участники 9 января, писали, что на надвигавшиеся события они смотрели в том смысле, что идут «добывать правду для всей России». Это значит, что в таких примитивных формах рабочими выражалась вполне определенная мысль: она сводилась к тому, что наступит наконец момент решительного объяснения рабочего класса с властью.

Что означает собственно налет религиозного настроения во время событий 9 января? Пение песен «спаси господи» и др., несение хоругвей — выражает не что иное, как примитивную старинную веру первобытного человека. «Вера и царь», однако, в борьбе политической приобретают особенный характер. Когда задавали вопрос рабочим, что будет, если царь их не послушает, они отвечали: тогда нет у нас царя. Эта формулировка не ясна. За ней нужно читать то обстоятельство, что рабочие шли на открытое объяснение, на крупный разговор с царем, определенно предусматривая, что этот крупный разговор может окончиться крупным расколом, кровавыми событиями. В описании 9 января вы можете подметить характерные

моменты: когда появилась из-за угла одна из колонн казаков и солдат, рабочие стали громче петь «спаси господи». Почему такое наитие, религиозное чувство? Неужели казаки вызывают такое божественное настроение? Нет. Сознание возможных кровавых расправ вызывало повышенный энтузиазм рабочих, который выражался вполне естественно в некоторых религиозных формах. Важна не эта старинная, ветхозаветная форма, а важно содержание этого сознания. Я утверждаю, самый взрыв движения имел чисто революционное содержание. Этого не нужно забывать. Не нужно упрощать представление об этих событиях, как делается в социал-демократической литературе: рабочие, мол, были черносотенцами, а в один прекрасный день, под влиянием выстрелов, сделались революционерами. В чем выразилась эта революционность? Общий характер известен. Рабочие приняли петицию о введении конституции через Учредительное собрание.

Говорят, что выстрелы по мирной толпе поразили всю Россию. Так выражаются у нас теперь в социал-демократической литературе. По тому, как я изложил психологию этого движения, вы можете согласиться с тем, что выстрелы никого не поразили. Но, они, действительно, имели колоссальное значение, сыграли колоссальную роль. Рабочий класс хотел наглядно показать всей России, что у него нет никаких точек соприкосновения, никакого способа соглашения с властью; чтобы перейти Рубикон, нужно встать на путь революционной борьбы. И борьба эта началась. В тот же день, 9 января вечером, на Васильевском острове, ставились баррикады, разгромлялись оружейные магазины. Агитация социал-демократов, встречавшая в гапоновском обществе враждебный прием, теперь имела большой успех. Руководство движением перешло к ним. Это начавшееся стихийное разрозненное революционное восстание было очень скоро подавлено, но значение его было огромным.

«9 января» нашло отзыв буквально по всей России. Начались забастовки, многие сопровождались демонстрациями и столкновением с войсками. Открылись совершенно новые горизонты. Революционные лозунги сразу распространились на колоссальную массу неорганизованных рабочих. Широчайшие неорганизованные массы стали принимать участие в революционном движении. Вот смысл и значение «9 января».

Какую роль сыграла с.-д. в этом движении? Эти события

нагрянули сравнительно неожиданно. С.-д. предупреждала рабочих, что дело не окончится благополучно, что весьма возможна именно кровавая развязка. Но я говорю, что рабочие отлично предугадывали такую развязку, и однако это обстоятельство их не удерживало. Насколько ошибочно представление о том, что раз люди шли ко дворцу на объяснение, тем самым они как будто были примитивными, забитыми, верующими в батюшку-царя, совершенно ясно указывает то обстоятельство, что в шествии «9 января» сознательно принимали участие многие с.-д., их-то не заподозрят в вере в батюшку-царя; они разделяли с рабочими смутное сознание того, что «9 января» — это начало российской революции. Многие рабочие с.-д., как известно, были убиты во время массовых расстрелов. 9 января открылись для партии совершенно новые горизонты. Она увидела, что с таким политическим кустарничеством в подпольной организации, с таким куриным размахом дальше идти нельзя. Движение должно было опираться на широчайшие массы.

Непосредственно после 9 января в Петрограде наступило сравнительное политическое затишье. Массовые расстрелы вызвали временную реакцию в рабочих массах. Революционные выступления в течение всего лета 1905 г. дают себя знать, главным образом, в провинции. В отдельных частях государства появляются революционные вспышки: колоссальные забастовки в Иванове-Вознесенске, в Лодзи и, наконец, самое важное событие — восстание Черноморского флота в июле. Это событие вам, конечно, известно. Во флоте социал-демократический кадр матросов был подготовлен давно. Под влиянием революционной атмосферы, матросы Черноморского флота, как и Кронштадтского, не могли сдерживать революционного настроения и по незначительному поводу поднялось восстание. На восставший броненосец «Потемкин» проник член Одесского Комитета. К «Потемкину» присоединилось еще одно судно, броненосец «Георгий», которое потом отстало. «Потемкин» в течение 11 дней путешествовал по Черному морю, приставал к городам и заставлял отступать и звал на присоединение военные суда, вышедшие для усмирения его.

Выступление черноморских матросов не было поддержано всеобщим революционным восстанием. Оно должно было окончиться ничем. Однако, оно дает повод с.-д. вплотную поставить вопрос об организации вооруженного восстания. И здесь и в других вопросах оказалось сильное расхождение

большинства с меньшинством. Весною 905 г. большинство и меньшинство, уже раньше значительно разошедшиеся по некоторым существенным вопросам тактики, формулировали свой взгляд на вооруженное восстание более определенно на III, большевистском, съезде и всероссийской меньшевистской конференции.

Я уже говорил раньше, что раскол, начавшийся еще в 904 г., и организационная борьба выразились в захвате меньшевиками центрального органа партии. Таким образом, оба партийные центра — «Искра» и ЦК — оказались в руках меньшевиков. Большевики объявили такое положение дела совершенно не соответствующим духу постановления II съезда. Центральный комитет нарушил его волю и призвал партию к созыву нового съезда. Меньшевики всячески замазывали принципиальные разногласия, боролись против созыва съезда. Тем не менее III съезд был созван, так сказать, революционным путем. Большевики организовали свое «Бюро комитетов большинства», которое проделало огромную работу по подготовке съезда. В последнюю минуту Центральный комитет присоединился к Организационному комитету и отправил на съезд своих делегатов.

III съезд состоялся в апреле 905 г. На съезд прибыли представители от 31 организации. Явились точно также и меньшевики, но, выяснив, что они остаются снова в меньшинстве, не пожелали принять участия в съезде и составили свою меньшевистскую конференцию. Большевистский III съезд и меньшевистская конференция подвели итоги тем организационным и тактическим разногласиям, которые накопились за время со II съезда партии.

Ход революции и роль партии представлялись обеим фракциям неодинаково. Уже в своей программе партия определила, что в переходный период от самодержавия к новому политическому строю управляющим государственным органом должно быть временное правительство, который явится в результате вооруженного восстания. Нараставшие революционные события требовали практического оформления этого пункта программы. Как же формулировали ближайшие задачи партии большевики и меньшевики? Отражением меньшевистского взгляда служит резолюция их конференции о завоевании власти и участии во временном правительстве. В этой резолюции говорится следующее (читает).¹ Таким образом, здесь

¹ Текст резолюции см. в «Очерке истории с.-д.», стр. 131 — 132.

меньшевики отступают от выработанного раньше взгляда на возможность успешного исхода революции. Они говорят: победа над царизмом может явиться или в результате победоносного народного восстания, или же путем инициативы народного представительства, которое создаст Учредительное собрание.

В этих немногих строках сказывается радикальнейшая разница между революционной тактикой большинства и меньшинства. По существу меньшевики в этом пункте приближаются к тактике либералов. Как это народное представительство, фактически не захвативши реальную власть, может созвать Учредительное собрание? И если Учредительное собрание даже и созовется, то кто же даст гарантию, что оно может что-то такое учредить? Мы знаем из опыта германской революции 1848 года, что в то время, как учредительное собрание либералов было созвано во Франкфурте на Майне, прусские короли топили корабли и потом, в конце концов, всех разогнали. Решительная победа революции над самодержавием могла быть, и действительно оказалась возможной, только в результате вооруженного восстания, в результате победы материальной силы революции над материальной силой царизма. Инициативу созыва Учредительного собрания, и вообще верховное руководство революцией, меньшевики вполне определенно предназначили никому иному, как либеральной буржуазии. Они, в случае создания временного правительства, совершенно определенно отказывались от участия в нем. Вопрос об участии во временном правительстве имеет соответствующее место в меньшевистской резолюции.

Совершенно по иному формулируют свою точку зрения большевики на III съезде. Они говорят (*читает*).¹ Далее говорится о том, что необходимым условием этого участия должен быть строгий контроль партии над представителями с.-д. в революционном собрании и т. д. Таким образом линия практического поведения совершенно по иному определялась разными фракциями. В сущности говоря, меньшевистская тактика — победа может осуществиться путем инициативы какого-то всенародного собрания — сводилась к следующему (это неясно выражено, нужно читать между строк): с.-д. должна будет примириться, пойти на компромисс либералов со старым царским правительством. Большевики напротив

¹ Большевистскую резолюцию см. на стр. 132 — 133. *Ред.*

подчеркивали, что они все-таки добьются полного крушения этого правительства, и выставляли минимальные требования своей программы.

Что касается участия во временном правительстве, то и здесь дело не ограничивается только формальным участием с.-д. Меншевики предоставляли руководство либеральной буржуазии. Кадетская партия, только что зарождавшаяся, притягивала внимание меньшевиков и с ней меньшевистская фракция хотела войти в соглашение. Напротив, большевики совершенно определенно стремились к союзу с крестьянством. Мелкобуржуазное крестьянство, говорили они, до сих пор не осуществившее своих аграрных требований, по существу является слоем наиболее демократическим и наиболее революционным.

Таким образом, и большевики и меньшевики совершенно ясно отдавали себе отчет, что пролетариат не является единственным звеном в революции, что окончательно вершать судьбу революции не он один будет, что еще другие классы общества имеют огромное значение. Но союз с другим, не пролетарским слоем общества, рисовал себе большевизм и меньшевизм совершенно по-иному. Меншевики тяготеют к либеральной буржуазии, большевики — к союзу с демократическим мелкобуржуазным крестьянством, который при данной ситуации является классом наиболее революционным.

Вот основная тактическая линия расхождения между двумя фракциями, которая определяет их поведение в первой революции и имеет решающее значение в последней революции.

Тактика большинства и меньшинства во время революции 1905 года значительно расходится. Большевики, особенно после восстания в Черноморском флоте, указывают, что стихийное революционное движение еще не может иметь успеха, что именно партия, как наиболее сознательная, как наиболее организованный авангард всего пролетариата, должна быть призвана встать во главе движения, и не только в смысле идейном. В самый роковой момент борьбы с царизмом партия в целом, как организация, должна практически руководить всем движением пролетариата. Меншевики, напротив, предоставляли решение вопроса о материальной победе стихийному ходу вещей. Большевики указывают совершенно определенно, что партия должна приложить все силы к тому, чтобы организованно подготовить пролетариат к выступлению (создание боевых отрядов, экспроприация оружейных магазинов, казарм

и арсеналов) и фактически осуществить руководство боевым выступлением его. Меньшевики предпочитают идею самовооружения, т. е., другими словами, они предоставляют народу вооружаться, как он хочет, и то лишь в том случае, если он понял необходимость вооружения. Все руководство со стороны централизованной организации таким образом отпадало. Неорганизованные выступления и революционные вспышки на протяжении огромной России таким образом должны были растратывать силы народных масс.

Вот крупнейшие различия в области практического осуществления революционных лозунгов. В течение 905 г. меньшевики в своей деятельности напирают на организацию профессиональных союзов. Большевики указывают, что профессиональные организации рабочего класса необходимы, что их созданием нужно заняться, но не в этом центр тяжести партийной работы в революционный момент. И действительно, мы видим, что в то время, как меньшевики занимаются этой легальной и полуполюгальной работой, большевики сосредоточивают внимание на организации вооруженного восстания. В начале 905 г. при Центральном комитете партии было создано техническое бюро с отделениями московским и кавказским. Бюро занимается изготовлением оружия, распространением его по организациям и вообще выяснением условий и задач подготовки к вооруженному восстанию.

Революция 905 г. проходит сравнительно спокойно: отдельными частичными разрозненными революционными вспышками. Наивысшего подъема она достигает в конце года в московском вооруженном восстании. При этом нужно отметить особую роль организации, возникшей в Петербурге, а потом распространившейся на другие города, которая получила колоссальное значение в 905 г. и особенно грандиозное — в позднейшей революции. Организация, являющаяся отличительным знаменем российской революции, как вы верно догадываетесь, это — Совет рабочих депутатов. Он сыграл своеобразную роль в русской революции, отличив ее от западно-европейских.

Что представлял собою Совет рабочих депутатов и, прежде всего, каким образом он возник? Его предвестником была одна московская организация. В сентябре 1905 г. забастовали работники в печатном деле у Сытина. Стачка распространилась на другие типографские предприятия и сопровождалась многочисленными митингами. Инициаторами стачки были типографские рабочие; они же непосредственно возглавляли

руководство этой стачкой. Стачка перекинулась из области типографского производства в другие. В октябре забастовки вспыхнули с новой силой, в особенности на железных дорогах. Так возникла мало-по-малу знаменитая октябрьская стачка, которая является центральным пунктом всей нашей революции 905 г. Седьмого октября стала Московско-Казанская железная дорога. На почве грандиозной железнодорожной забастовки, к которой стали примыкать другие отрасли производства, возникла эта знаменитая организация Совета рабочих депутатов.

Что она представляла собою? Мы знаем давно, с начала стачечного движения, что рабочими избирался стачечный комитет. Впоследствии из него и возник Совет рабочих депутатов. Он является не чем иным, как забастовочным комитетом, который должен руководить небывалой всеобщей российской забастовкой, но без каких бы то ни было политических функций. В революционной атмосфере из этого стачечного комитета создали своеобразное учреждение — Совет. Это прежде всего профессиональный орган, но в обстановке политической борьбы он явился центром политического руководства. Вот что особенно важно.

13 октября в Политехническом институте в Петербурге было первое депутатское собрание с представительством по одному человеку на 500 от каждого предприятия. Собрание окончательно объявило забастовку вплоть до осуществления всех революционных требований, т. е. программы-минимум с.-д. В процессе этой стачки к собранию депутатов примыкали все новые и новые производства и наконец Петербургский Совет объединял 562 депутатов от 147 фабрик и заводов, от 34 мастерских и более мелких предприятий и 16 профессиональных союзов. Совет рабочих депутатов сразу стал в высшей степени значительным органом среди рабочих. И любопытно, как центральная власть начинает относиться к нему. Она все больше теряется, стушевывается перед Советом, тогда как он все больше выступает вперед.

Характернейшей особенностью Совета рабочих депутатов уже в первой русской революции является то, что он не только руководящий профессиональный орган, но и зародыш органа государственной власти. Вот что именно важно для всей нашей революции 905 г. Доказательств этому мы имеем бесчисленное множество. Не только рабочие организации беспрекословно повиновались Совету, как своему революционному органу, но даже другие, непролетарские, исполняли все его

распоряжения. С ним стали считаться все частные предприятия и даже казенные учреждения. Даже судебные учреждения обращались в Советы рабочих депутатов за разъяснением — распространяются ли на служащих те или иные его распоряжения. Мало того, когда прекратилась железнодорожная забастовка, то обыватели из высших кругов обращались в Совет с просьбой разрешить им выехать из Петербурга «по семейным обстоятельствам». В общем Совет рабочих депутатов носил характер органа государственной власти.

По типу Петербургского Совета организовывались советы и в провинции; они были почти во всех крупных городах. Носилась идея объединения Советов, были приняты даже некоторые шаги к этому. Таким образом идее и организации власти Советов было положено прочное основание уже в первую революцию. Уже первый Совет отмечен всеми характерными чертами органа пролетарской государственной власти. По мере того, как стусевывалось правительство, Петербургский Совет получал все больше полномочий и в дальнейшем ходе революции приобретал вполне определенный характер органа диктатуры пролетариата.

Особенностью истории Петербургского Совета является то обстоятельство, что главными его застрельщиками были меньшевики. Но сущность этого учреждения стала совершенно иной, чем та, к какой они стремились. Они видели в Совете рабочих депутатов наиболее подходящий орган для подтверждения правильности своей тактики. Но тот оборот, который приняла революция, и вместе с тем и Совет рабочих депутатов, совершенно не входил в их расчеты. Нечего и говорить, что руководящую роль в Совете рабочих депутатов как в петербургском, так и во всех других, хотя они и являлись беспартийными учреждениями, играли с.-д. Большинство депутатов Совета были социал-демократы; Исполнительный комитет состоял главным образом из них и, наконец, издания Совета рабочих депутатов также редактировались ими.

Совет развил огромную агитационную деятельность, выпустив до $1\frac{1}{2}$ мил прокламаций. В области практического проведения программы-минимум сделана была попытка осуществить 8-часовой рабочий день. Последнее решительное выступление, которое окончательно определило соотношение сил не в пользу революции, был манифест 2 декабря, которым призывали народ требовать заработную плату золотой монетой, брать из сберегательных касс свои вклады и не допускать

царских долгов по займам. Этим манифестом предполагалось вызвать государственное банкротство и взорвать материальную основу самодержавия. Однако, с этого момента начинается как раз убыль революционного прилива. Революция 905 г. дошла до своего предела и с декабря начинается отлив.

Я не буду входить в задачи, какие ставил себе Совет, ограничусь рассмотрением той роли, которую он играл в эту революцию. Напомню в кратких чертах события. Когда правительство подошло вплотную к опасности революции, оно стряхнуло свою растерянность, собралось с силами и стало решительно готовиться к нападению. Предстояла битва с самодержавием, которая окончательно должна была решить судьбу революции. Петербургский Совет рабочих депутатов арестовывается. Вместо него стихийно возникает второй Совет. Стачки в Москве не прекращаются и переходят во всеобщую. Московский партийный комитет для руководства революционным движением выделяет Исполнительную комиссию из трех человек. В ее состав входят еще три представителя от меньшевиков. Образовавшийся на коалиционных началах Федеративный комитет становится руководящим политически-революционным органом.

В начале декабря, чтобы организованно провести вооруженное восстание, был составлен манифест-обращение «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам», с призывом к всеобщей стачке и восстанию. И начавшаяся 8 и 9 декабря всеобщая забастовка стала стихийно переходить в вооруженное восстание. Руководить им должен был коалиционный комитет из представителей большевиков, меньшевиков и с.-р.

Но восстание было подавлено. Боевых дружин было мало. Борьба с вооруженной силой самодержавия оказалась для них не под силу. Правда, дружинники во многих пунктах одерживали частичные победы над войском. Судьбу восстания окончательно решил Семеновский полк, присланный из Петербурга для подавления его. Дольше всего восстание держалось на Пресне. Декабрьское восстание заканчивает наиболее яркой полосой все движение 1905 — 07 гг.

Партия должна была подвести итог своим революционным достижениям. Оценка результатов московского и других восстаний опять-таки совершенно различная у меньшевиков и большевиков. Правильна ли была тактика вооруженного восстания? Меньшевики, в частности Плеханов, громко говорили, что нечего было браться за оружие, раз не было силы.

Революция 905 г. явилась репетицией для последующих революций. Неудача ее нельзя отнести за счет неподготовленности пролетариата. Пролетариат, можно сказать, был вполне готов; если бы вся Россия состояла из одних пролетарских городов, тогда революция окончилась бы диктатурой пролетариата. Но в том-то и дело, что крестьянство, наиболее революционный после пролетариата класс, не поспевало за этим движением. Аграрное движение также имело огромные размеры, но оно выступило поздно, когда пролетариат был уже разбит; выступления этих классов были несогласованными, разрозненными. Эта отсталость крестьянского движения и несогласованность с пролетарским сыграла роковую роль в движении 905 г. К разбору значения вооруженного восстания и оценке тактики партии мы перейдем в следующей лекции.

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД ПАРТИИ И ОТНОШЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ И МЕНЬШЕЕВИКОВ К ГОС. ДУМЕ

ЛЕКЦИЯ 15 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

В прошлой лекции мы проследили события 905 г., которые представляют собою период наивысшего подъема первой революции. Опыт этой революции был подведен различными фракциями, каждой со своей точки зрения. В апреле 906 г. состоялся 4-й так называемый «Объединительный» съезд партии.¹

Оценка событий 1905 г. и формулировка тактики партии для текущего момента получили на этом съезде наиболее полное, наиболее выдержанное выражение со стороны обеих фракций. Поэтому для изучения истории партии и развития фракционных разногласий, для изучения самой революции чрезвычайно важно остановиться внимательнее на разборе резолюций, представленных обеими фракциями. Всякая резолюция представляет не случайное, высказанное кем-нибудь, мнение, нет. Это всегда продукт коллективной работы, во-первых, и продукт работы, зрело обдуманной, во-вторых. Поэтому резолюция

¹ IV, Объединительный, съезд партии собрался в Стокгольме. Накануне съезда легальная большевистская газета «Новая Жизнь» писала (в № 20, 1905 г.): «Партийное слияние большевиков и меньшевиков фактически уже совершается — самопроизвольно и революционно. Низы партии объединяются, не заботясь о том, идут ли на это верхи. Верхи уступают давлению снизу».

«Ни для кого не тайна, — писал тов. Ленин в 14 № «Новой Жизни» 16 ноября 1905 г., — что громадное большинство рабочих социал-демократов крайне недовольно партийным расколом и требует объединения. Ни для кого не тайна, что раскол вызвал некоторое охлаждение рабочих социал-демократов к социал-демократической партии. Мне сдается, что теперь настала пора, когда сознательные рабочие социал-демократы могут и должны осуществить свое намерение», т. е. объединиться в одну партию (см. Собр. соч., т. VII, ч. 1, 16, изд. первое).

До созыва съезда, в ноябре 1905 г. состоялись отдельные конференции большевиков (в Таммерфорсе) и меньшевиков. Таммерфорсская конференция приняла резолюцию о немедленном слиянии центральных комитетов и литературных органов на началах равенства, а также о слиянии на местах параллельно существующих организаций. Согласно решениям обеих конференций был создан Объединенный Центр. комитет. Последнему было поручено подготовить съезд.

является главным материалом при изучении нашей партийной истории.

Объединительный съезд отличается и выделяется от других прежде всего тем, что на нем решающее большинство получила фракция меньшевиков и это меньшевистское большинство наградило партию рядом резолюций и обязательных постановлений, имевших силу до следующего съезда.

На съезде было представлено 57 организаций. Делегатов с решающим голосом было 111 и с совещательным 39. Меньшевиков оказалось больше на 16 человек.¹ Это большинство носило до известной степени случайный характер. Во время революций, как мы знаем и по опыту нашей последней революции, в партию нахлынула масса новых, вчерашних членов. Этими вчерашними членами, главным образом, оказались, конечно, по преимуществу меньшевики, поскольку они вышли из рядов интеллигенции. Кроме того, некоторые меньшевистские организации показали на съезде совершенно ни с чем не связанное число представителей. Выборы на съезд производились на широкой демократической основе пропорционального строительства: 1 делегат избирался на 300 человек. И вот тифлиссские меньшевики послали на съезд 11 делегатов — ровно столько же, сколько послал Петербург. Мы знаем, что Тифлис меньше Петербурга в 10 раз и заводская промышленность его, примерно, во столько же раз меньше развита. Наряду с таким тенденциозным выбором по части количества делегатов, нужно отметить еще одно важное обстоятельство, имевшее влияние на судьбу решений съезда. На съезд приехали делегаты не только русской части партии, но также делегаты «Бунда», польской с.-д., Литвы и латышской социал-демократической партии.² Нужно отметить, что «Бунд» всегда стоял близко к меньшинству, вернее сказать, это всегда была сплошь меньшевистская организация. Но польская и латышская партии до этого были, и в настоящее время являются, чисто пролетарскими партиями и, как таковые, в российской обстановке всегда поддерживали большевизм. Меньшевики,

¹ Большевиков было 46, меньшевиков — 62. Остальные — центр или примиренцы представляли ничтожную группу, которая никакой самостоятельной роли не играла и тяготела больше к меньшевикам.

² На съезд прибыли представители следующих национальных организаций: от с.-д. Польши и Литвы, Латышской и «Бунда» по три делегата, Украинской с.-д., Финляндской рабочей партии и Болгарской с.-д. по одному. Все они имели совещательный голос.

как друзья всего заграничного, ненавидели большевизм, по самой его природе, указывая, что это продукт российский, это своего рода азиатчина. Себя они считали представителями европейского рабочего движения. Поляков и латышей, живущих совершенно не так, как русские, в обстановке, близкой и примыкающей к Западной Европе, в этой азиатчине меньшевики заподозрить не могли. Тем не менее, на протяжении истории нашей партии польская и латышская с.-д. всегда поддерживали большевиков. Так как нужно было ожидать, что эти партии будут поддерживать фракцию большевиков, то меньшинство, имея перевес в 16 голосов, добились того, что вопрос об объединении с национальными партиями (с.-д. Польши и Литвы, латыши, «Бунд») был поставлен последним, после того, как съезд уже принял все резолюции.¹ Таким образом, большевики лишены были возможности опираться на эти пролетарские большевистские национальные фракции, которые поддерживали их в последующих съездах.

Вот этими обстоятельствами и обуславливается этот своеобразный «объединительный» съезд, который наградил партию меньшевистскими директивами до следующего съезда.

Проследим теперь все разногласия, которые выявились в прениях и подвели итоги истекшему революционному опыту.

В центре дебатов, на первом месте стояла аграрная программа. Мы знаем, что программа партии, принятая II съездом, в аграрной части была признана большевиками неудовлетворительной.² III съезд, исключительно большевистский, не успел исправить ее.³

¹ Вокруг вопроса об объединении с национальными с.-д. организациями на первых же заседаниях съезда развернулись горячие прения. Представители этих организаций требовали обсуждения этого вопроса одним из первых, «чтобы иметь возможность принять активное участие в работах съезда. Они резко расходились с меньшевиками по тактическим вопросам. Чтобы не дать им решающего голоса и не поколебать своего преобладания на съезде, меньшевики перенесли вопрос об объединении на самый конец, причислив его к организационно-техническим» (см. Предисловие тов. О. А. Варенцовой к «Протоколам Объединительного Съезда», стр. X, а также и самые «Протоколы». Издание Истпарта, 1926 г.).

² На II съезде по аграрному вопросу была принята резолюция об отрезках или прирезках крестьянам определенных участков помещичьих земель. Крестьяне же и тогда уже предъявляли более радикальные требования и шли значительно дальше отрезков.

³ Третий съезд (происходил в Лондоне в конце апреля — в начале мая нов. ст. 1905 г.) принял только тактическую резолюцию: поддерживать крестьянское движение вплоть до конфискации всех помещичьих, удельных, казенных, церковных, монастырских и проч. земель.

На «Объединительном съезде» были выдвинуты три главных направления в области аграрной политики. Первое — национализация земли, второе — муниципализация и третье — представленное небольшой группой с разделистом¹ во главе, стояло за раздел конфискованных земель в собственность крестьян — социализацию. Автором проекта о муниципализации, выдвинутого меньшевиками, был Маслов. Развивал и защищал его, главным образом, Плеханов. В отличие от национализации, муниципализация сводилась к тому, что земли кабинетские, частно-владельческие, помещичьи и проч. должны были поступить в распоряжение не государства в целом, а отдельных крупных местных органов самоуправления. Причем предполагалось, что такое местное самоуправление будет демократическим органом. Плеханов доказывал, что муниципализация предупредит реставрацию, т. е. восстановление старого порядка, возврат к дореволюционному времени. Как пример, он приводил реставрацию во Франции, во времена Бурбонов: Французская революция обезземелила помещиков и передала их собственность в руки мелких крестьян; но восторжествовавшая монархия возвратила эти земли крупным землевладельцам. Большевики вполне резонно указывали, что такие доводы не имеют никакого значения уже по тому одному, что именно во Франции не была проведена национализация и земли были распылены. Замечу еще, что, критикуя эту меньшевистскую программу муниципализации, большевики указывали вместе с тем на то, что передача земли в распоряжение местных органов, хотя бы и демократических, нисколько не гарантирует возврата к старым временам. Если государство останется реакционным, если во главе его останутся царь, Дубасовы и проч., то это центральное правительство во всяком случае сумеет отобрать земли от демократических местных органов и вернуть их помещикам.

Разделисты стояли ближе к большевикам. И большевики готовы были голосовать за разделистскую программу против меньшевистской муниципализации, в том случае, если бы не прошла их собственная программа национализации земли.²

¹ Борисовым.

² «В переживаемый момент национализация предпочтительнее раздела, — писал тов. Ленин. — Она более соответствует умонастроению крестьян, среди которых нередко бродит идея общественной собственности на землю... Против помещичьей собственности, за крестьянскую собственность при существовании частной собственности на землю вообще.

Большевики указывали на преимущество национализации, как это особенно ясно доказано Марксом в «Капитале». За ней целый ряд преимуществ экономического прогресса вообще. Она может оказать выгодное влияние на понижение цен на хлеб, на свободу конкуренции, проникновение капитала в земледелие.

Программа, принятая «Объединительным» съездом, не передает последовательно ни одной из этих трех точек зрения. Она представляет из себя смесь, собственно говоря, всех трех направлений. Она говорит, во-первых, как общее положение, о передаче конфискованных частновладельческих, церковных, монастырских, кабинетских и т. д. земель крупным органам местного самоуправления. Затем предусматривается случай, подходящий под понятие национализации земли, а именно: «земли, необходимые для переселенческого фонда, а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, передаются во владение демократического государства».

В случае неблагоприятных для муниципализации или национализации условий, программа считает допустимым «раздел между крестьянами тех помещичьих земель, на которых ведется фактически мелкое хозяйство или которые составляют необходимые для округления угодья».

После принятия аграрной программы съезд перешел к обсуждению второго вопроса: оценка текущего момента и классовые задачи пролетариата. В этом наиболее, собственно, жгучем вопросе, само собою разумеется, большинство и меньшинство больше всего и расходилось. Докладчиком выступил Мартынов,¹ который очень долго говорил о положении вообще, но конкретно не сравнивал проекты резолюции, выдвинутые большинством и меньшинством. В общем рассуждения меньшевиков сводились к необходимости использовать так называемые «легальные возможности». Такой легальной возможностью, прежде всего, представлялась Государственная дума. Отношение к Государственной думе безусловно ради-

Против частной собственности на землю, за национализацию земли при определенных политических условиях». (См. «Протоколы» IV съезда, стр. XII.)

¹ Докладчиков было два: Ленин и Мартынов. Основного доклада тов. Ленина в «Протоколах» съезда нет. Нет его и в Институте Ленина. В «Протоколах» имеется лишь заключительное слово его. Очевидно, первым докладчиком выступал Ленин, вторым Мартынов: заключительные слова были предоставлены ораторам в обратном порядке.

кальным образом разделяет большевиков и меньшевиков. Вообще говоря, меньшевики — высоко ценили Думу, как парламентский орган. Они считали Думу возможным «общенациональным» политическим центром, в котором организованный пролетариат и организованная буржуазная демократия могли бы объединить, координировать свою борьбу со старым режимом». Меньшевикам было ясно, что после декабрьского восстания «наступит период усиленной организации и мобилизации политических сил, которые будут совершаться на почве выборов в Государственную думу». Большевики же указывали, что Дума представляет жалкое подобие парламента, что по существу избирательное право обеспечивает партии имущих классов подавляющее большинство. Но главным образом большевики напирали на то, что в настоящее революционное время не Дума должна являться руководящим центром и представителем движения, а работа вне Думы должна сосредоточивать все силы социал-демократов.

С резолюцией о текущем моменте произошел характерный курьез. Меньшевики, выяснив крупное разногласие с большевиками в этом вопросе и чувствуя себя слабыми по части защиты своих взглядов, решили в последнюю минуту никакой резолюции по текущему моменту, самому важному вопросу дня, не принимать.¹ Меньшевики таким образом спасовали.

Наконец, на съезде обсуждался еще один очень важный вопрос — о вооруженном восстании. Разногласие по этому вопросу уже совершенно определилось во время III съезда партии и меньшевистской конференции. Я напому только, что большинство уже во время III съезда считало обязанностью с.-д. не только идейно, но и практически руководить вооруженным восстанием, которое является единственной гарантией, единственным возможным путем к победоносной революции, к решительной победе над царизмом. Меньшинство провело свою идею самовооружения народа.

Съезд принял меньшевистскую резолюцию. В ней ярко вылилось отлынивание меньшевиков от повседневной конкретной работы, а еще больше их оппортунизм. Вот эта резолюция:

«а) основной задачей партии в настоящий момент является развитие революции путем расширения агитацион-

¹ Поименное голосование, произведенное по требованию группы большевиков, в том числе Ленина, Ярославского и Владимирского, дало такие результаты: «большинством 62 против 44 при 4 воздержавшихся решено резолюцию не принимать».

ной деятельности в широких слоях пролетариата, крестьянства, мелкой городской буржуазии и среди войск и вовлечения их в активную борьбу с правительством постоянным вмешательством соц.-дем. и руководимого ею пролетариата во все проявления политической жизни страны; выполняя эту свою основную задачу, партия тем самым содействует и подготовке условий для победы восстания, приводя массу населения к сознанию невозможности всякого соглашения с царем и его правительством и необходимости вооруженной силой добиться осуществления своих политических требований;

б) партия, как организация, не может принимать на себя возбуждающего ложные надежды обязательства вооружения народа и должна ограничить свои задачи содействием самовооружению населения и организацией и вооружением боевых дружин, которые были бы способны внести инициативу и планомерность в повстанческую борьбу;

в) на обязанности партии лежит противодействие всем попыткам вовлечь пролетариат в вооруженное столкновение при неблагоприятных условиях, чем бы такие попытки ни вызывались».

И на самом деле впоследствии обнаружилось, что организация меньшевиками вооруженного восстания сводилась до минимума. Кроме того, меньшевики, признавая в принципе необходимость вооруженного восстания или самовооружения, не связывали его с опытом предшествовавшей революции. И в этом наиболее слабый пункт их резолюции. Большевицкая резолюция, наоборот, подвела итоги истекшему революционному опыту. Декабрьское восстание нашло в ней логическое завершение. Стачки играют революционную роль только до известного момента, дальше которого оказываются бессильными и недостаточными, чтобы повлиять на правительство и правящие классы. Поэтому вооруженные восстания в последующей пролетарской борьбе необходимы и неизбежны.

Соответствующий пункт большевицкой резолюции, который дает оценку этим событиям, гласит следующее. Впрочем, так как эта резолюция представляет наибольший интерес, пожалуй, я процитирую первую ее половину целиком:

«1) Вся история современной демократической революции в России показывает нам в общем и целом неуклонный подъем движения ко все более и более массовым, охватывающим, решительным наступательным формам борьбы против самодержавия;

2) октябрьская стачка, отбросив Булыгинскую думу и принудив самодержавное правительство к провозглашению начал политической свободы, показала гигантскую силу пролетариата и возможность единодушного политического выступления его, даже при всех недостатках классовой организации;

3) мирная всеобщая стачка оказалась при дальнейшем росте движения недостаточной, а частое применение ее недосягающим цели и растрачивающим силы пролетариата;

4) все революционное движение с стихийной силой привело к декабрьскому вооруженному восстанию, когда не только пролетариат, но и новые слои городской бедноты и крестьянства брались за оружие, чтобы отстоять завоеванные народом свободы;

5) декабрьское восстание выдвинуло новую, баррикадную тактику и доказало возможность вооруженной борьбы народа даже против современного войска;

6) в народных массах, благодаря введенной, несмотря на конституционные обещания, военно-полицейской диктатуре, зреет сознание необходимости борьбы за реальную власть, овладеть которой революционный народ может лишь в открытой борьбе с силой самодержавия;

7) самодержавие ослабляет и деморализует свои военные силы, употребляя их на покорение вооруженной рукой того населения, частью которого они являются, не выполняя назревших и требуемых всеми честными элементами армии реформ в военном деле, не принимая мер к облегчению отчаянного положения запасных и отвечая лишь усилением полицейско-казарменных строгостей на требования солдат и матросов».

Дальше следует резолютивная часть, которая сводится к тому, что партия должна взять руководство вооруженным восстанием в полном смысле слова. Большевицкая резолюция подводит итоги истекшему опыту вооруженного восстания и намечает план действий на будущее время. Это не затея легкомысленного большинства, как говорил Плеханов. Большевицкая резолюция извлекает соответствующие выводы из опыта пережитого. Она указывает, что не только члены партии пролетариата, но и массовые слои народа усердно примыкали к движению, усердно строили баррикады. Это массовое восстание имело неудачный исход, но оно показывает в то же время, что массы настроены революционно и первый опыт их выступления имел огромное значение.

Одним из главных защитников позиции меньшевиков на

этом съезде явился Георгий Валентинович Плеханов. Его положения, некоторые тезисы и мотивировки были настолько явно оппортунистичными, что от них вынуждены были отказаться даже некоторые меньшевики. Характерная, напр., была история с резолюцией о вооруженном восстании. Плеханов в одном месте проекта меньшевистской резолюции, которая говорила о необходимости «вырвать государственную власть» из рук правительства, заменил эти слова выражением «вырвать народные права». Таким образом, вместо требования власти, завоеванной революционным классом, меньшевики ясно и открыто, как Плеханов, шли на компромисс. В своем представлении о революции и о роли правительства в ней они могли считать себя удовлетворенными не полной победой: не завоеванием власти, а получением известных прав, т. е., другими словами, известной уступки со стороны существующей власти. Здесь Плеханов, так сказать, проговорился. Меншевики, правда, не так уж последовательно защищали свою оппортунистическую позицию, но по существу дела вся меньшевистская линия клонилась именно к тому, что так открыто, может быть случайно, по ошибке, высказал удачно Плеханов.

Ряд резолюций съездом был принят в полном согласии с большевистской фракцией. Основные пункты резолюции о партизанских выступлениях формулировали вопрос следующим образом:

«Признавая на ряду с подготовкой революционных сил к грядущему восстанию, в основе которой лежит организация рабочих масс, неизбежность активной борьбы против правительственного террора и насилий черносотенцев, необходимо:

а) бороться против выступлений отдельных лиц с целью захвата денег под именем или девизом соц.-дем. партии;

б) избегать нарушений личной безопасности или частной собственности мирных граждан, за исключением тех случаев, когда это является произвольным результатом борьбы с правительством или, как, например, при постройке баррикад, вызывается потребностями непосредственной борьбы; съезд отвергает экспроприацию денежных капиталов в частных банках и все формы принудительных взносов для целей революции;

в) разрушение и порчу казенных зданий, железных дорог и др. сооружений казенных и частных производить только в тех случаях, когда с этим сопряжена непосредственная боевая цель;

г) капиталы Государственного банка, казначейств и других правительственных учреждений не захватывать, кроме как в случае образования органов революционной власти в данной местности и по их указанию; причем конфискация народных денег, собранных в казенных учреждениях, должна происходить гласно и при полной отчетности.

Оружие и боевые снаряды, принадлежащие правительству, захватывать при всех представляющихся возможностях».

Затем была принята резолюция о временном правительстве. По этому вопросу, как известно, большинство и меньшинство диаметрально расходились. Отношения к нему определились на III съезде и меньшевистской конференции. Большевики указывали на возможность участия, при известном сочетании сил, во временном правительстве. Меньшевики ни в коем случае не допускали этого участия, указывая, что партия с.-д. всегда должна остаться партией оппозиции. Эту линию они, как известно, не выдержали во время последней революции.

Следующей работой съезда было объединение национальных партий латышей и поляков с РСДРП. Слияние состоялось на таких организационных основаниях, которые предполагали для каждой входящей национальной части известную территориальную автономию. Скажу яснее: польская с.-д. выступает как автономная единица, но в предназначенной ей области ведет революционную агитацию среди населения всех национальностей. С.-д. группа русских или латышей, находящихся в сфере деятельности польской с.-д., должна примыкать к польской организации. Точно так же и другие национальности в других областях.

Что касается «Бунда», то тут произошло отступление. «Бунд» был принят в партию не как известная территориально-автономная единица, а как «с.-д. организация еврейского пролетариата, не ограниченная в своей деятельности районными рамками». Здесь имело место выступление явно националистического мещанского стремления «Бунда». Такие национальные объединения, как с «Бундом», не соответствовали смыслу и духу программы и всей нашей тактики. Организация, основанная на объединении только национальных групп без территорий, совершенно недопустима. Нужно объединять пролетариат в одну партию, а не дробить его на национальностям. И нужно заметить, что партия и съезд вполне сознательно отдавали отчет, что идут на известный компромисс, чтобы

облегчить на первых порах практическое сближение с «Бундом». В будущем считали необходимым проводить принцип не национальный, а территориальный. В добавление ко второму пункту условий объединения: «Бунд принимает программу РСДРП» съезд принял следующее примечание: «Вопрос о национальной программе остается открытым, в виду нерассмотрения его Объединительным съездом».¹

Таким образом, эта резолюция показывает, что съезд вполне сознательно шел на компромисс, а не выражал в выработке этих условий свою принципиальную позицию.

Наконец очень важное значение IV съезд имел по части организационного строительства. В основу нового устава был положен большевистский принцип демократического централизма. Съезд, однако, не покончил с очень громоздкой организацией — двоецентрием. Большевики предлагали главное политическое руководство сосредоточить в руках Центрального комитета и предоставить ему право назначать редакцию Центрального литературного органа. Меншевики настаивали на избрании редакции ЦО съездом. Предложение большевиков было провалено. Съезд избрал ЦК и ЦО. При обсуждении важных политических вопросов ЦК должен был совещаться и принимать решения совместно с членами ЦО. В ЦК было выбрано 7 меньшевиков и 3 большевика. Нужно заметить, что при обсуждении организационного устава как раз было меньше всего разногласий. Первый параграф устава, который вызвал, как вы помните, столько разногласий на II съезде партии и так обострил борьбу, был принят Объединительным съездом в редакции большинства. Меншевики, таким образом, после основательной критики молчаливо признались в этом пункте побежденными. Они наконец поняли, что партия не должна обволакиваться обывательским элементом. Побеждала большевистская точка зрения.

Объединительный съезд был одним из крупнейших событий в партийной жизни за 1906 год. Посмотрим, как отра-

¹ «За Бундом признается право сохранить свою программу по национальному вопросу, принятую на 6 съезде Бунда». Эта программа состоит в проекте национально-культурной автономии. Можно не разделять точки зрения этого проекта и в то же время оставить за Бундом право пропаганды своих взглядов по национальному вопросу. Это вполне допустимо, поскольку идейная борьба в рамках единой партии будет способствовать установлению правильной точки зрения». (Из доклада об объединении с Бундом. См. «Протоколы Объединительного съезда», стр. 292.)

зились постановления меньшевистского Объединительного съезда на дальнейшей жизни партии. Характер работы партии, начиная с 1905 г., со времени так называемой свободы, уже значительно изменился. Партия вышла из подполья, открыто вела агитацию и пропаганду. 1906 г. представляет уже период некоторого упадка, некоторого отлива революционного движения. Совет рабочих депутатов больше не существует открыто, партийная организация также не может больше существовать легально. Но в то же время нужно заметить, что, несмотря на значительное усовершенствование полицейского механизма, относительная свобода в партийной деятельности все же была. Пропаганда в период относительной свободы партии перешла от мелких кружков и бесчисленных пропагандистов к массовым формам: организации лекций с большой аудиторией, куда приглашались лучшие силы. Пропаганда была концентрирована. Масса пропагандистов оказались ненужными: работа в значительной степени облегчалась фактически завоеванной свободой печати. Легальным большевистским органом была газета «Новая Жизнь», меньшевистским — «Начало» (потом газеты выходили под другими названиями). Огромное значение имело издание социал-демократической литературы. В 1905 г. явились издательства, распространявшие колоссальное количество литературы, раньше считавшейся запрещенной: переводная, главным образом немецкая литература и оригинальные брошюры. Изобилие легальной литературы, излагающей основы марксизма, в огромной степени облегчило задачи пропаганды. Нужно однако заметить, что даже революционная пропаганда оказалась в период первой революции в руках предпринимателей-капиталистов. Правда, издавая революционные книжки, они оказывали большую пользу рабочему классу, но все же эти издательства были отравлены духом спекуляции, товарного хозяйства. Они имели свои типографии и наживали на революции сотни тысяч и миллионы. Одним из таких шарлатанских издательств был «Молот». Буржуазия и здесь приложила свою руку. Тем не менее изобилие революционной марксистской литературы в высшей степени облегчало пропаганду, и она несколько отходит на задний план. Соответственно революционному подъему, первое место заняла агитация, и 1906 год проходит под знаком свободы митингов. Социал-демократические агитаторы без препятствий устраивают на заводах митинги, где выступают без всякого стеснения и цензуры.

На основании постановления съезда на местах произошло фактически слияние большевистских и меньшевистских организаций. Несмотря на преобладание на съезде меньшинства, в московской и петроградской организациях большевики были в большинстве. Центр массового движения, таким образом, оказался в руках большинства, как и следовало ожидать. Меньшевики преобладали в тех районах, где было развито мелкое производство: в Северо-западном крае, на Кавказе и т. д. Выборы комитетов происходили так: районное собрание выбирало делегатов на городское, а последнее избирало комитет совместно с большевиками и меньшевиками. Раньше таких выборов не было. Комитеты создавались сами собою, пополняли свой состав кооптацией преимущественно членов бывшего комитета.

На ряду с легальным средством борьбы, каким представлялась легальная литература, у партии явилась другая легальная возможность — Государственная дума. Отношение к Государственной думе стоит в это время в центре всех партийных вопросов и всей революционной борьбы.

Первую Думу большевики бойкотировали, они говорили: если революция смела в свое время Булыгинскую думу, то эта же революция, которая все еще продолжается, сметет точно также и Государственную думу, представляющую небольшой шаг вперед по сравнению с Булыгинской. Вопрос о бойкоте Думы, следовательно, обуславливался оценкой момента. Ко времени выборов во 2-ю Думу, когда революция окончательно была побеждена, большинство уже пришло к необходимости принять в ней участие. Меньшевики же стояли за участие и в первой Думе, и когда большевики решили участвовать в выборах во вторую Думу, меньшевики считали это своей победой. Вот большевики, говорили они, путем опыта убедились, что оказалась правой меньшевистская точка зрения. Я повторяю, что большинство смотрело на это участие или неучастие исключительно с точки зрения момента и учитывало его соответствующим образом. Большевики остались верны тактической резолюции о бойкоте, которую предложили Объединительному съезду, но которую съезд отверг.¹

¹ Вот важнейшие пункты этой резолюции:

«... в) участие в выборах переносит центр тяжести внимания пролетариата с революционного движения, идущего помимо Думы, на правитель-

Первая с.-д. фракция Государственной думы возникла почти стихийно. Некоторые рабочие с.-д. были выбраны в Думу до Объединительного съезда. Выборы осталось провести на Кавказе, где преобладали соц.-демократы меньшевики. На выборах они одержали победу во многих пунктах и фракция 1-й Думы состояла почти на половину из представителей кавказских меньшевиков.

Отношение к работе Гос. думы у большинства и меньшинства было опять-таки совершенно различно, оно определяло оценку роли самой Думы. Меньшевики все время настаивали на том, что Дума может явиться организующим центром, что она явится поборницей в дальнейшем созыве Учредительного собрания. В этом смысле центральный меньшевистский комитет давал директивы образовавшейся соц.-дем. фракции, работой которой руководил по уставу.

Заканчиваю лекцию кратким изложением дальнейших событий, ибо у меня слишком мало времени и я не успею сказать все, что хотел.

Первая с.-д. фракция Гос. думы проявила некоторую деятельность. Она выступила с краткой кадетской и вообще

ственную комедию, переносит центр тяжести широкой агитации в массах на мелкие кружки выборщиков;

г) наше участие в выборах не может помочь соц.-дем. воспитанию наиболее темных слоев массы, идущих в Думу, притом исключительно законным путем, на который не может теперь стать РСДРП;

д) уход части выборщиков с губернских избирательных собраний не мог ни сорвать Думы, ни вызвать широкого народного движения;

е) участие в выборах при данном критическом положении заставит соц.-дем. либо устраниваться, не принося никакой пользы движению, либо фактически опуститься до роли безгласных пособников к.-д.

Мы признаем и предлагаем съезду признать:

1) что РСДРП должна решительно отказаться от участия в Гос. думе;

2) что РСДРП должна решительно отказаться от участия в выборах в Гос. думу, на какой бы ни было стадии;

3) что РСДРП должна самым энергичным образом использовать все и всяческие связанные с выборами собрания для изложения взглядов соц.-дем. вообще, для беспощадной критики Гос. думы, в частности для призыва к борьбе за революционный созыв всенародного Учредительного собрания;

4) что РСДРП должна использовать также агитацию по поводу Думы для ознакомления возможно более широких масс народа со всеми тактическими взглядами партии на весь переживаемый революционный момент и все вытекающие из него задачи».

либеральной декларацией, в которой призывала пролетариат к поддержке Думы.¹

В оценке роли Гос. думы большевики совершенно с меньшевиками расходились. Вот почему сейчас же по образовании думской с.-д. фракции в самом Петербурге возникла отчаянная фракционная борьба. Так, например, члены думской фракции возымели желание войти в непосредственное сношение с петербургскими рабочими. Петербургский комитет, состоявший из большевиков, запротестовал против созыва помимо него таких собраний и взял организацию совещаний в свои руки. Успеха меньшевики не имели. Вообще положение с.-д. фракции Гос. думы внутри большевистского Петрограда оказалось очень незавидным.

Одним из главных видов революционной деятельности партии за 1906 г. является создание военных боевых организаций. Как большевики, так и меньшевики были все-таки убеждены, что упадок в революционном движении временный и что дело идет к быстрому его росту. Поэтому, в особенности большевики, ставили своей главной задачей приступить к планомерной подготовке вооруженного восстания.

Еще в 1905 г. при ЦК зародились боевые центры, которые организовывали, готовили и руководили работой по части

¹ Приводим часть декларации, наиболее характерную в оппортунистическом смысле:

«Фракция признает, что Государственная дума является центром общенародного движения против полицейского самодержавия в настоящий момент, и ее победа над безответственными палачами и насильниками, терзающими Россию, может явиться этапом в борьбе народа за Учредительное собрание. Поэтому социал-демократическая фракция будет поддерживать все усилия Гос. думы подчинить себе исполнительную власть и тем положить начало переходу всей государственной власти в руки народа.

Но, чтобы достигнуть этого и сыграть указанную роль, Гос. дума должна в своих столкновениях с правительством искать поддержки у широких народных масс и поддерживать эти массы в их организованных выступлениях на борьбу за свободу и за свои экономические интересы. Пробным камнем серьезности стремлений разных партий к народовластию мы будем поэтому считать их готовность содействовать народным массам в деле организации их для планомерной борьбы против экономических и политических угнетателей. И мы, представители пролетариата в Государственной думе, будем настаивать на том, чтобы она пользовалась своим положением высшего государственного учреждения и своим авторитетом в глазах народа для того, чтобы брать под свою защиту граждан во всех тех случаях, когда их попытки к организации и к расширению уступленных им на бумаге прав будут встречать противодействие со стороны правительства».

вооруженного восстания. Эту деятельность, главным образом, приобретение оружия, большевики продолжали и после Объединительного съезда. Правда, этот большевистский боевой центр военных и боевых организаций, пользовавшийся раньше поддержкой ЦК, теперь, когда центральный комитет стал меньшевистским, должен был значительно сократить размеры своей деятельности. Тем не менее боевые и военные организации получили огромное развитие. Они поддерживались и развивались почти исключительно большевиками. Во многих местах были образованы Советы солдатских депутатов. В некоторых пунктах военные организации достигли особенного развития, как, напр., в Финляндии, где была сосредоточена масса русских войск; этому способствовали особенные условия политической жизни в Финляндии: фактически в Финляндии было больше политических свобод, чем в России. Поэтому там среди русского гарнизона работали военные организации и достигли наибольшего расцвета. Центром был Гельсингфорс. Были созданы ячейки, куда солдаты сходились получать литературу, где происходили беседы, дебаты и т. д. Словом, с.-д. пропаганда в войсках получила огромные размеры.

Непосредственный результат высоко развитой работы военных организаций в Финляндии среди солдат и моряков скоро сказался в Свеаборгском и Кронштадтском восстаниях. В июле 1906 г. по незначительному поводу свеаборгские моряки подняли во флоте настоящий бунт. Их поддержали кронштадтские моряки и финляндские рабочие. Последние были отлично вооружены и дружно выступили против власти вместе с русскими матросами. Восстание это, разросшееся вначале очень сильно, скоро было подавлено. Оно было одним из больных мест революции 1905 — 1906 гг. Это была отдельная революционная вспышка, разъединенная временем от других, не приуроченная к одному моменту. Революционные восстания, как мы говорили на прошлой лекции, возникали то там, то здесь; наибольшим было декабрьское восстание в Москве. В 1906 г. отдельные революционные вспышки продолжаются, но они меньше, чем декабрьское восстание, могли рассчитывать на успех. В Гельсингфорсе в ноябре, по инициативе большевиков, состоялась конференция военных и боевых организаций, вопреки меньшевистскому ЦК, которая подвела итоги работы, выдвинула идею объединения всей работы в одном руководящем центре, наметила организационные формы.

Наконец, нужно заметить, что в период относительного

упадка революционного движения в меньшевистских кругах появляется идея так называемого рабочего съезда. Это их общее, так сказать, на протяжении истории партии слабое место. Всегда и везде меньшевики стремились во что бы то ни стало выйти из подполья, превратиться в широкую легальную партию. На общепартийной конференции в ноябре 1906 г. П. Б. Аксельрод высказывает мысль о необходимости созыва широкого беспартийного рабочего съезда, который положит начало новой рабочей партии. Вот до чего докатились меньшевики: в лице их представителей, Аксельрода и Юрия Ларина, они договорились до того, что новая широкая партия должна была бы представлять эсеров, с.-д. обеих фракций и, наконец, беспартийных передовых рабочих, которые не входили ни в какую организацию. Таким образом, впервые были заложены основы движения, которое получило название ликвидаторства. Особенное развитие ликвидаторство получило в дальнейшем периоде, когда реакция окончательно восторжествовала. О нем мы будем говорить позже.

Идею рабочего съезда и широкой рабочей партии большевики встретили штыком. Они говорили авторам, что на такой рабочий съезд явятся такие партии, которые будут разбалтывать революционную с.-д. программу и лозунги в широкой массе отсталых, умеренных или несознательных обывателей. Конференция эта, созванная, между прочим, по настоянию Бунда, представлявшая 30 с лишним организаций и имевшая чисто совещательный характер, по вопросу о рабочем съезде вынесла такую резолюцию: партия без съезда не должна предпринимать никаких шагов в этом направлении. Если бы такой съезд состоялся, то как на этом съезде, так и вообще на всех беспартийных съездах партия должна по возможности руководить движением, но добровольное вызывание к жизни такого съезда является нарушением основ идеи партии. Итак, в 1906 г. идея рабочего съезда, идея заведомо оппортунистическая, ликвидаторская, не получила своего осуществления. На этом пока, товарищи, я заканчиваю.

ЛОНДОНСКИЙ СЪЕЗД ПАРТИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.-Д. ФРАКЦИИ В ГОС. ДУМЕ

ЛЕКЦИЯ 3 ОКТЯБРЯ 1919 Г. ¹

Такого рода примиренчество представляет из себя, конечно, дешевое, ничего не стоящее замазывание разногласий, которые рано или поздно должны быть вскрыты. Наконец, меньшевикам, при содействии отчасти Бунда и других национальных фракций, удалось провалить постановку на очередь дня вопроса о вооруженном восстании. Очень характерна мотивировка меньшевиков. Самая постановка вопроса о вооруженном восстании, говорили они, есть возведение политической партии на уровень заграничных тайных обществ. Таким образом, меньшевики всегда, умышленно или неумышленно, добросовестно или по-фарисейски, смешивали в одну кучу метод вооруженной борьбы, вооруженного восстания с заговорщичеством. ²

На V съезде ³ присутствовала с совещательным голосом новая партийная организация, которая в предыдущей жизни нашей партии не существовала: это фракция II Государственной думы. Фракция, образовавшаяся при содействии меньшевистского центрального комитета, послала трех официальных

¹ Между предыдущей и этой лекцией, очевидно, тов. Батуриным были прочитаны еще две лекции: о выборной кампании во вторую Гос. думу и о подготовке V-го съезда партии.

² Меньшевики также сняли с повестки дня, предложенную большевиками «Оценку современного момента». Обсуждение порядка дня на съезде заняло почти четыре заседания. Съезду было предложено три проекта повестки дня: проект ЦК, большевиков и польской делегации. Но съезд все их отверг и выработал новый: 1) Отчет ЦК., 2) Отчет думской с.-д. фракции, 3) Отношение к буржуазным партиям, 4) Государственная дума, 5) Рабочий съезд и беспартийные организации, 6) Профессиональные союзы и партия, 7) Партизанские выступления, 8) Экономическая борьба, локауты, безработица и т. д., 9) Организационные вопросы, 10) Международный конгресс в Штутгарте и 11) Разное.

³ Пятый съезд партии происходил в Лондоне (отсюда и название его «Лондонский») с 13 мая до 2 июня н. ст. 1907 г. Всего делегатов было — 336. Из них большевиков — 105, меньшевиков — 97, бундовцев — 57, польских с.-д. — 44, литовских с.-д. — 29, от думской фракции — 10. Решающих голосов было 305.

представителей: Церетели, Белоусова и Джапаридзе. Остальные приехали добровольно. Всего членов Думы было десять.

Лондонский съезд начался жесточайшей критикой деятельности меньшевистского ЦК и тактики соц.-демократической фракции в Гос. думе. В предыдущей лекции я уже говорил о политической линии меньшевистского ЦК.¹ Лондонский съезд указал ЦК на все его колебания, тенденции к соглашательству и примиренчеству. В упрек ЦК ставили прежде всего его оппортунистическую заповедь — «берегите Думу». Этот лозунг был пущен либералами и меньшевиками. Все меньшевики — думские и внедумские дружно поддерживали его, согласно всей своей меньшевистской примиренческой тактике. Большевики указывали, что задачей с.-д. фракции должно быть не бережение Думы в целом, а использование ее как трибуны для указания угнетенным массам революционного пути и, между прочим, того простого положения, что главный удар царизму должен быть организован вне Думы. Опять-таки, благодаря примиряющему влиянию «Бунда» и колебаниям поляков, Лондонский съезд не только не вынес осуждения с.-д. фракции Гос. думы, но признал в резолюции, что фракция «в общем и целом, стояла на страже интересов пролетариата и революции», и выразил «уверенность, что она и впредь будет служить делу российского пролетариата».

Лондонский съезд подытожил опыт революционной борьбы и дал оценку всем буржуазным и вообще не пролетарским партиям. Съезд охарактеризовал монархические и черносотенные

¹ Политическая линия меньшевистского ЦК на основных этапах сводилась к следующему. В думском вопросе: конфликты между Думой и правительством и в самой Думе между классовыми партиями, вопреки постановлениям Объединительного съезда не обострялись; был образован блок с кадетами во имя фиктивной черносотенной опасности; выставлены лозунги «ответственного министерства» и «за Думу как орган власти». Все это ясно показывало, что политика ЦК была не политикой пролетарской классовой борьбы, а политикой, зависимой от либеральной буржуазии (см. сборник статей «Пятый съезд партии», стр. 16). В организационном вопросе: с местными организациями ЦК не сумел связаться; все силы он направил на борьбу с Петербургским большевистским комитетом, которая привела к расколу в Петербурге. В аграрном вопросе делал попытки заменить конфискацию земли без выкупа требованием отчуждения земли.

Предложенная большевиками по отчету ЦК резолюция, вскрывавшая всю его оппортунистическую сущность и полную организационную неспособность, была отвергнута меньшевиками при поддержке «Бунда». По отчету ЦК съезд никакой резолюции не принял.

тенные партии: союз русского народа, монархистов, совет объединенного дворянства, как контр-революционные, отношение к которым должно сводиться к непримиримой борьбе. К таким партиям съезд относил и партию 17 октября. Съезд разоблачил предательскую политику кадетов, отвернувшихся от революции и стремившихся к прекращению ее путем сделки с контр-революцией. Относительно других нерабочих партий — народнической, социал-революционеров, трудовиков, народных социалистов, съезд в своей резолюции отметил два положения. Первое — «неуклонно разоблачать их ложно-социалистический характер и бороться с их стремлениями затушевать классовую противоположность между пролетариатом и мелким хозяйчиком». Второе, — стараться «всеми силами вырывать их из-под влияния и руководства либералов, заставляя их бороться вместе с собой за доведение революции до конца». В этом вопросе одержала победу большевистская оценка. Вы припоминаете, вероятно, что на прошлом съезде у меньшевиков была обратная бухгалтерия. Они в высшей степени тяготели к кадетской буржуазии, особенно по части всяческих блоков. В политических кампаниях (напр., выборы в Думу и др.) они стремились теснее всего примкнуть именно к кадетской партии. Большевики, напротив, видели своего главного и должного союзника в крестьянстве. Несмотря на свою мелкобуржуазную сущность, крестьянство, не совершившее еще аграрной революции, оставалось классом революционным.

Главным гвоздем дебатов на Лондонском съезде, как я отмечал раньше, был коренной вопрос этого периода — Государственная дума. Что представляет собой Дума? Какова должна быть тактика по отношению к выборам, к самой деятельности депутатов? Этот центральный вопрос политического момента был разрешен лондонской резолюцией в большевистской редакции. Так как резолюции всех партийных органов, как я уже говорил раньше, а съездовские в особенности, представляют из себя наиболее точное и обдуманное партийное решение, наиболее высокую оценку в положении вещей, то я прошу вашего внимания и терпения выслушать эту резолюцию полностью.¹

¹ Нижеприведенный тов. Батуриным текст представляет проект большевистской резолюции. Принятая съездом резолюция шире проекта. Все четыре пункта последнего включены в резолюцию дословно: первый пункт в начале резолюции и последние три в конце.

1. «Непосредственно политическими задачами социал-демократии в Думе являются: а) выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства; б) выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, и выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма и борьбы, имеющей целью обеспечение полноты победы, — переход власти в руки народных масс и созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

2. На первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандистская, агитационная и организационная роль социал-демократической думской фракции, как одной из наших партийных организаций, — именно этим, а не непосредственным законодательным целям должны служить и законопроекты, вносимые с.-д. думской фракцией. Общий характер думской борьбы должен быть подчинен всей внедумской борьбе пролетариата, причем особенно важно использование массовой экономической борьбы и служение ее интересам.

3. Борясь не только с самодержавием, но и с предательским буржуазным либерализмом, который, во имя лозунга «беречь думу», фактически предаёт народные интересы на жертву черной сотне, социал-демократическая фракция и с.-д. партия, считаясь исключительно с ходом развивающегося вне Думы, в силу объективных условий революционного кризиса, не должна ни вызывать несвоевременных конфликтов, ни искусственно предотвращать или отсрочивать конфликт путем понижения своих лозунгов, способного лишь дискредитировать в глазах массы социал-демократию и оторвать ее от революционной борьбы пролетариата.

4. Принимая во внимание, что «подчинение» исполнительной власти, данной Думе (в форме так называемого ответственного министерства и т. п.), выражая непосредственно стремление либеральной буржуазии к сделке с самодержавием, могло бы на деле осуществиться лишь при революционном напоре, недостаточно сильном для победы, — с.-д. не может ни выставить, ни делать своими подобными лозунгов, затемняющих демократическое сознание масс и затрудняющих этим борьбу масс».

Лондонский съезд в своей большевистской резолюции дал

вполне точную оценку той роли, которую должна играть пролетарская партия в Государственной думе как во время выборов, так и в самой работе в ее стенах. Будущая революция победит вне Думы, путем революционного выступления и восстания масс. Но думская трибуна для социал-демократов может служить орудием борьбы. С этой трибуны с.-д. должна указывать народу верный путь, предостерегать его от вредных убаюкивающих надежд, от «конституционных иллюзий», как говорили в то время. Последний пункт резолюции — требование ответственного министерства, социал-демократия не может выставить при настоящем составе Думы. Этот пункт является ответом на лозунг, выдвинутый крайними оппортунистами. Именно Плеханов, очутившийся на крайнем фланге меньшевизма и сумевший разойтись даже с оппортунистами-меньшевиками, выдвинул лозунг: «полновластная дума». Революция, по мнению Плеханова, может выйти не только из недр вооруженного восстания, но и из недр некоего собрания национальных, народных представителей, которое выдвинет временное правительство и возьмет в свои руки власть. Таким образом, Плеханов подменял вполне определенное понятие Учредительного собрания этим жалким его суррогатом, Государственной думой, созданной на основе крайне куцого и смехотворного избирательного права. Лозунг «полновластной Государственной думы» был отвергнут даже меньшевиками, как явно оппортунистический. Но любопытно, что он был отвергнут и кадетами, для контакта с которыми меньшевики его выдвинули. Кадеты совершенно определенно заявили, что такого лозунга они принять не намерены. Меньшевистский лозунг «берегите Думу» означал не больше, не меньше, как «входите в сделку», примиряйтесь с царизмом, с черносотенными думскими фракциями». Таким образом, Плеханов остался в полном одиночестве, что, впрочем, случалось в его жизни неоднократно.

Нужно заметить, что еще одно предложение большевиков провалилось благодаря неустойчивости национальных фракций. Лондонский съезд окончательно высказался против партизанских выступлений. Он официально положил им конец и высказал пожелание об усилении работы в военных организациях.¹

¹ Съезд принял следующую резолюцию: 1. «Партийные организации должны вести энергичную борьбу против партизанских выступлений и экспроприаций, разъясняя рабочим массам всю несостоятельность этих средств в борьбе за политические и экономические интересы рабочего

Жаркие дебаты вызвал пункт порядка дня о профессиональных союзах. Здесь также восторжествовала большевистская точка зрения.¹ Мы знаем, что большинство меньшевиков, если не поголовно, стояли за беспартийные профессиональные союзы. Плеханов особенно горячо это отстаивал. В своем «Дневнике»² он писал: Россия является страной настолько отсталой, что ее нужно приравнять к Германии 60 годов, когда Маркс стоял за основание беспартийных профессиональных союзов.³ Эту точку зрения поддерживали и развивали все меньшевики. Большевики же говорили, что и профессиональные союзы, как классовые организации, неизбежно должны в горячей атмосфере русской революции вести революционную борьбу и могут вести эту борьбу только в ближайшем контакте с социал-демократической партией. Но революционные настроения массы профессиональных союзов подавлялись их вождями. Верхушка союзов всегда состояла из меньшевиков. И эта рабочая бюрократия яростно встретила постановление Лондонского съезда. Резолюция съезда требовала не только идейного руководства партии в профсоюзах, но и организационной связи между ними. Последнее особенно возмущало теоретиков, так сказать, профессионального движения, всеми силами отстаивавших независимость профессиональных союзов.

Обсудив политические вопросы, съезд перешел к организационным. Я постараюсь кратко изложить эту часть работ съезда. Прежде всего съезд пересмотрел партийный устав. Этим уставом, окончательно принятым в большевистском духе,

класса и весь их вред для дела революции. 2. Какое бы то ни было участие в партизанских выступлениях и экспроприациях или содействие им воспрещается членам партии под угрозой исключения из нее.

Все специальные боевые дружины, имеющиеся при партийных организациях, должны быть распущены».

¹ «Съезд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них — содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установлению принципиальной связи с ней и необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь».

² «Дневник Социал-Демократа» — сборники плехановских политических и полемических статей. Выходили с 1905 до 1912 г. с некоторым перерывом. Всего вышло 16 номеров.

³ См. сочинения Г. В. Плеханова, т. XIX, стр. 175, прим. первое. Вообще же Маркс определял профессиональные союзы, как «школу социализма»,

партия руководствовалась почти до Февральской революции. Лондонский съезд установил единый центр. Мы знаем, что II съезд положил начало существованию двух центров: ЦК и ЦО и над ними установил еще Совет. Такая громоздкость и двоецентризм лишь способствовали развитию фракционного раскола. IV съезд пошел на некоторый компромисс. Он предусматривал случай, когда ЦО и ЦК собираются вместе, но решительно отверг упразднение двух центров. Лондонский съезд постановил: во главе партии стоит ЦК, который и руководит всеми предприятиями, имеющими общепартийное значение, и назначает редакцию ЦО. Таким образом, мы изжили очень неуклюжую организацию наших партийных центров.¹

Другие резолюции съезда не имеют большого значения.²

ЦК был выбран в следующем составе: 5 большевиков, 4 меньшевика, 2 поляка, 2 бундовца и 2 латыша. Из большевиков были избраны — Иосиф Гольденберг, Рожков, Дубровинский Иннокентий (умер в 1910 г.), Ногин и Теодорович.³ От меньшевиков: Исув, Никифор, Джордания, Мартынов; из поляков: Дзержинский, Варский и др.

Если в центре внимания партийной жизни стояло отношение к Государственной думе, то и партийная организация, имеющая отношение к этой Думе, т. е. с.-д. фракция, точно также выступала в этот период на первый план. Мы видели, что в I Думе фракция составила совершенно случайно, в то время, когда партия еще окончательно не высказалась в целом за участие в выборах, когда в ней происходили колебания. Эта фракция была незначительная по числу и состояла из кавказских депутатов. Во II Государственной думе, выборы которой прошли при участии всей социал-демократии, фракция выступила в гораздо более солидном составе. В выборах социал-демократы победили в целом ряде городов, особенно

¹ Кроме этого изменения, Лондонский съезд ввел в устав еще один новый пункт: «Для обсуждения наиболее крупных вопросов партийной жизни ЦК созывает не реже одного раза в 3—4 месяца совещание из представителей областных союзов, организаций Бунда, с.-д. П. и Л., с.-д. Латвийского края... с расчетом по одному делегату на каждые 5000».

² Резолюции эти следующие: об отношении думской фракции к ЦК, о национальном вопросе в Гос. думе, о народной демократии, о рабочем съезде и беспартийных рабочих организациях, объединении с армянской с.-д., о займе.

³ Кандидатами к ним избраны: Ленин, Богданов, Красин, Рыков, Таратура и друг.

на Кавказе, благодаря пестроте национальностей. Скажем мимоходом, что этот успех не соответствовал действительному развитию экономической жизни и развитию капитализма на Кавказе; он был случайным счастливым сочетанием обстоятельств. Кавказская, главным образом грузинская социал-демократия никогда не отличалась особой устойчивостью своих взглядов. Из ее рядов вышли наиболее яркие, наиболее характерные выразители соглашательства (Церетели, Рамишвили, Джордания и др.).

В состав с.-д. фракции III Гос. думы вошло 54 человека с решающим голосом. Они прошли по официальной социал-демократической платформе, выставленные партией, как ее кандидаты. К фракции примкнули еще те, которые заявили себя социал-демократами уже после выборов. Меншевиков во фракции было 33, большевиков только 15. Выдающуюся роль среди меньшевистских депутатов играл Джордания (официальный лидер) и Церетели — главный оратор фракции. Большевики такими крупными силами не обладали. Главную роль играл, печальной памяти, Алексинский;¹ в то время, однако, он был очень искренним и твердым большевиком. В самом начале работы фракции сказались разногласия и фракционная борьба. Руководимая меньшевиками, фракция считала своей задачей отстаивать классовые интересы пролетариата, мобилизовать передовую интеллигенцию и защищать самую Думу, как целое. Все это предполагало известную согласованность действий с буржуазией и царизмом. Таким образом, меньшевистская фракция ставила себе задачу: согласовать несогласуемое и обнять необъятное. То есть, пролетарскую тактику согласовать с действиями буржуазно-либеральной партии, которая вновь в это время шла на примирение с царизмом. Меншевики затеяли отметить открытие II Думы однодневной забастовкой. Большевики, в особенности Петербургский комитет, сейчас же восстали против этой затеи. Такое выступление, говорили они, слишком связало бы народ-

¹ Г. А. Алексинский, после роспуска II Гос. думы и ареста с.-д. фракции, бежал за границу. Был одним из активных организаторов отзовистской группы «Вперед», — левой оппозиции большевиков. С начала империалистской войны стал махровым шовинистом, редактировал вместе с Плехановым и правыми с.-р. оборонческий «Призыв», одновременно сотрудничая в кадетских изданиях. В Февральскую революцию дал контрразведке свою подпись о Ленине, как немецком шпионе. При советской власти эмигрировал; примкнул к белогвардейскому движению.

ные массы с Гос. думой, что не соответствовало действительной роли Думы. Меншевики отличились также в момент выбора президиума Думы. В числе их оппортунистических грехов числится постыдная отдача своих голосов кадетскому представителю — Головину. И это в то время, когда кадетская партия, в ходе революции, совершенно определилась как партия предателей пролетариата.

Соц.-демократическая фракция все же под давлением окружающих большевистских настроений и прямых и недвусмысленных выступлений рабочих масс, более или менее осуществляла возложенные на нее партией задачи. За короткое время своего существования¹ она сделала не мало в смысле агитации, пропаганды и организации революционного движения. В ее деятельности отметим следующие моменты. По вопросу о голоде фракция выставила требование, чтобы члены Гос. думы, помимо царских бюрократов, разъехались на места и установили точно размеры голода. Требование, конечно, было провалено. По вопросу о безработных фракция добилась установления комиссии. Наконец, при обсуждении аграрного вопроса она твердо и определенно потребовала отобрать без всякого выкупа земли удельные, кабинетные, монастырские и помещичьи.

При этом фракция, в особенности большевики, участвовала во всякого рода революционных подпольных делах; посещала по возможности, конечно, все партийные собрания (одно такое совещание, помню, состоялось здесь, в Москве, в лесу по Николаевской жел. дороге с участием Рамишвили), связалась организационно, по преимуществу большевики, и с самыми нелегальными организациями (военными). Члены фракции принимали бесчисленное множество наказов от крестьян, солдат, не говоря уже о рабочих.

Однако, когда представители социал-демократической фракции вернулись с Лондонского съезда в Петербург, Государственная дума была уже обречена. Правительство, учтя разгром революции, не пожелало оставить даже ту уступку, которую оно сделало народу в виде Гос. думы, и решило сузить ее права. Главным, конечно, раздражающим обстоятельством в этой Думе была социал-демократическая фракция. При помощи провокаторства она была обвинена в составлении заговора. Столыпин потребовал предать суду 16 наших товарищей.

¹ С.-д. фракция II Думы была арестована в конце мая 1907 г.

Дума не согласилась, и правительство издало указ о роспуске ее. Все обреченные товарищи (кроме Алексинского, который скрылся) были арестованы и судимы. Большая часть из них пошла на каторгу. Некоторые были освобождены только в Февральскую революцию. Трое умерли в тюрьме.

Царизм таким образом разгромил Государственную думу и засадил в тюрьму главного своего врага — социал-демократическую фракцию, которая, несмотря на преобладающий меньшевистский состав, под давлением революционных масс, все-таки шла по революционному пути.

Третьего июня правительство издало новый избирательный закон, который изменял и совершенно уродовал даже то жалкое избирательное право, которое было дано раньше. Этот момент составляет поворотный пункт вообще в истории нашей политической жизни, в частности, в истории нашей партии. Третьего июня носители конституционных иллюзий, соглашатели разных оттенков распрощались со своими лучшими надеждами. Правительство, придя, так сказать, в чувство после истерики, в которой оно пребывало в революционные годы (1905 — 6), набралось силы, мужества, смелости и наглости, чтобы окончательно порвать со всеми остатками революционных организаций, которые легально или полупо-легално продолжали существовать.

Партии загоняются в подполье, партийная жизнь как будто замирает; в самой партии начинается величайший кризис, какой она когда-либо испытала. На почве реакции возникают два основных течения. Первое — крайнее оппортунистическое — меньшевики. Они все больше и больше ударяются в легализм, тянут в сторону примирения с существующим положением вещей во что бы то ни стало; у них возникает равнодушие, а иногда даже отвращение к старой нелегальной организации. Это течение получило название ликвидаторства. Второе течение, возникшее на почве той же реакции, отчаяния, разочарования, неуверенности в силах пролетариата и в успехе организованной борьбы, известно под названием отзовизма. Это течение очень близко напоминает, по своему уклону, анархическое. Анархизм всегда вербовал себе сторонников, главным образом, из рядов мелкой буржуазии, не имевшей основы и опоры ни в какой государственной и партийной организации. Этот уклон в сторону от правильной революционной тактики, от массовой борьбы, вышел уже из недр большевистской организации. Отзовизм просуществовал недолго, несколько

лет, и сравнительно скоро был изжит партией. Ликвидаторство являлось наиболее ярко выраженным, на протяжении всей истории партии, оппортунистическим направлением. Можно сказать даже больше. Ликвидаторство является уже не разновидностью революционной борьбы внутри партии, нет, оно характеризуется тем, что порывает и заканчивает всякие счеты с партийной организацией и вычеркивает себя из истории нашей коммунистической партии.

Под влиянием всех этих условий, 21 — 23 июля 1907 года партия созвала в Выборге всероссийскую партийную конференцию. Она должна была разрешить ряд текущих вопросов. Отношение к Государственной думе после 3 июня составляло один из коренных вопросов политического момента. В среде большевиков появилось так называемое бойкотистское течение. В сторону бойкота Думы ударились некоторые эсеры и народнические партии. Соотношение сил на конференции было таково: из 26 участников — 9 большевиков, 5 меньшевиков и по столько же поляков и бундистов и два латыша. Из большевиков только Ленин и Рожков высказались за участие в выборах. Остальные большевики стояли на позиции бойкота Думы. Бойкотистские настроения основывались не на политических расчетах, а на обывательском раздражении. Об этом мы еще будем говорить дальше.

В ноябре в Гельсингфорсе состоялась III общерусская конференция. На ней присутствовало 27 делегатов: 10 большевиков, 4 меньшевика и представители национальных фракций. Последние голосовали частью за большевиков, частью за меньшевиков. Конференция приняла резолюцию о необходимости использовать Думу, как легальное учреждение, для популяризации среди пролетариата взглядов партии. В период дискуссии вышла брошюра Ленина и Каменева «За и против бойкота III Думы». Точка зрения Каменева, за бойкот, среди большевиков имела много сторонников.

Чем же объяснить, что партия в эти горькие дни все же приняла решение участвовать в выборах? Чем это решение диктовалось? Об этом мы будем говорить дальше.

Теперь отметим только еще один факт. К концу 1907 года произошло одно важное событие, которое служило и внешним симптомом положения вещей, как в политике вообще, так и в партии. Центральный комитет, после разгрома вооруженного восстания, местом самой работы выбрал Финляндию. Здесь он пользовался относительной свободой. Но начавшиеся

после роспуска II Думы репрессии царского правительства заставили ЦК переехать за границу. В России вместо себя он оставил представительство из нескольких товарищей. Таким образом, вся свободная, открытая, легальная и полулегальная жизнь как будто пошла на смарку. Спиридович,¹ который написал историю этого периода, говорит, что партия как бы пришла к тому положению, которое существовало до 1905 г. В следующий раз мы увидим, что жандарм Спиридович жестоко ошибался.

¹ Спиридович, А. И. — жандарм, работавший в охранке и написавший по ее материалам две книги о революционном движении в России: «Российская социал-демократическая рабочая партия» и «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники». Вышли в Петербурге в 1914 — 16 г.г.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ ПО КУРСУ «ВКП(Б) И ОСНОВЫ ЛЕНИНИЗМА» В ВОРОНЕЖСКОМ С.-Х. ИНСТИТУТЕ¹

Товарищи!

Приветствую ваше вступление в советский Вуз, как шаг, который вводит вас в новую полосу зрелой, сознательной жизни. Я хочу прежде всего обратить ваше внимание на особенности той новой исторической эпохи, той новой полосы общественной жизни, в которую все мы, молодые и старые, только что вступили, которая для всех нас является своего рода Вузом в сравнении с «рабфаком» или «9-летней», — т. е. дореволюционной эпохой.

Правда, новизна этой исторической эпохи все более теряет свою свежесть в индивидуальной обыденной жизни людей, уже свыкшихся с новым советским строем. Особенно это верно для тех молодых поколений, которые старого дореволюционного строя сознательно не переживали. Уже недалеко то время, когда поколения будут знакомиться со старой эпохой только по книжкам, точно так же, как более старые поколения только по книжкам старались составить себе понятие о том новом строе, с которым теперь мы уже свыклись.

Но если годы стирают свежесть новизны новой эпохи в повседневной, обыденной жизни, то свежесть восприятий молодых советских поколений, и прежде всего советского студенчества в его общественной жизни, в его научной работе порукой тому, что именно эти поколения могут скорее уловить, понять и осмыслить всю огромную разницу между старым и новым. Если, например, вы, только что вступившие в этот институт, постараетесь осмыслить ваше собственное общественное положение, хотя бы только в качестве студентов, вы, наверное, обратите внимание на то, что подавляющее большинство из вас в старой дореволюционной России в этот институт

¹ Эта лекция, как и следующая, найдена в архиве тов. Батурина. Написаны они его рукой и представляют, очевидно, предварительную подробную запись лекций.

никогда бы не попало. Вы убедитесь также, что дело тут не в одном только падении царизма, но и в других, гораздо более глубоких социальных переменах.

В «демократической» Швейцарии за учебу в Политехникуме нужно платить сотни рублей в год, не считая собственного содержания. Уже поэтому для большинства из вас, как и для трудящихся классов Швейцарии, такой Вуз совершенно не «демократичен». Еще более характерна и поучительна для нас идеологическая сторона жизни современного буржуазного Вуза. Я имею в виду те удивительные примеры религиозной терпимости и «свободы» науки, которые так громко противопоставляются «деспотизму» большевиков и пролетарской диктатуре. В Соединенных штатах, т. е. в другой, не менее «демократической» стране, студента не принимают на медицинский факультет за то, что он в анкете откровенно признался в своем неверии в бога. В той же республике профессора выгоняют из университета за то, что он излагал учение Дарвина о происхождении человека от обезьяны, что составляет гордость и славу буржуазной науки.

Если вы далее попытаетесь осмыслить ваше будущее общественное положение, как советского агронома, то заметите, что этот агроном, в отличие от старого, — слуга государства, а не более или менее привилегированный приказчик частного предпринимателя. Втягиваясь в советскую общественность, которой насквозь пропитана советская агрономия, он становится не только техническим, но также и идеологическим проводником экономической политики Советской власти.

Если вы, наконец, бросите взгляд на более отдаленное будущее, на те более счастливые времена, до которых вы, молодые советские работники, наверное доживете, когда будут изжиты нынешние невзгоды переходного времени, когда единственная борьба, которую будет вести человечество, будет борьбой за порабощение природы, то вы поймете, что вам, как высоко-квалифицированным работникам, должна принадлежать важнейшая роль в тех ЦИКах и Совнаркомах, которые будут управлять не государством, оно исчезнет вместе с классовой борьбой, а только общественным производством.

Но если даже для трудящихся масс, кровно заинтересованных в переходе к новому строю, затруднение и невзгоды переходного времени заслоняют основные черты грядущей новой эпохи, затушевывают разницу между старым и новым, то непримиримые враги нового строя и защитники старого поги-

бающего буржуазного строя превосходно понимают, какая непроходимая пропасть лежит между старым и новым миром. Лучшим доказательством служит та бешеная борьба, которую ведут против СССР самые «передовые» капиталистические государства. Но чем яростнее ведется эта борьба, тем больше сочувствия вызывает Советская страна как со стороны пролетариата самих империалистических стран, так и со стороны целых наций, поработанных империализмом, с небывалым раньше мужеством борющихся за свое национальное освобождение.

То знамя, под которое все теснее собираются все силы, борющиеся против империализма как в самом СССР, так и вне его, все больше становится известным под именем *ленинизма*.

Можно сказать, что борьба империализма с ленинизмом является в наши дни той осью, вокруг которой вращается вся мировая политика.

Как особое, новое течение в истории международного рабочего движения, ленинизм, в его основном содержании, прежде всего представляет революционный опыт классовой борьбы, опыт Февральской и Октябрьской революций, диктатуры пролетариата и социалистического строительства в СССР.

Но такое определение ленинизма далеко недостаточно. Оно ничего не говорит о его происхождении и о степени новизны этого учения. Новизна ленинизма заключается не в том, что он порвал связь и преемственность с революционным пролетарским движением предыдущей эпохи (II Интернационала), а именно в том, что он сохранил эту преемственность в новой исторической обстановке: *ленинизм есть не что иное, как марксизм империалистической эпохи*.

Эта новая эпоха принесла величайшие испытания для всех рабочих партий, стоявших под знаменем марксизма. С момента объявления мировой войны она дала самую неожиданную переоценку их действительного революционного значения.

В чем заключается суть столь неожиданного и столь быстрого краха большинства партий II Интернационала?

Диалектика превращения передовой партии этого Интернационала — германской социал-демократии, — диалектика превращения добродетели в порок, — заключалась именно в том, что эта партия упорно желала оставаться такой же «хорошей» в эпоху империализма, какой она была в период расцвета капитализма. Ее беда была в том, что, оставаясь

такой же при новых условиях, она тем самым переставала быть «хорошей».

Изучая ленинизм, мы прежде всего можем отметить, как самую характерную его черту, — полную противоположность этой окостеневшей добродетели. Сам Ленин охарактеризовал эту черту следующим образом:

«Наше учение не догма, а руководство для действия», — так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся всегда над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь наметить *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического прогресса». ¹

Это тот основной руководящий принцип ленинизма, применение которого мы найдем в постановке и решении любого политического вопроса.

Исторической задачей ленинизма и его огромной заслугой является ниспровержение догм II Интернационала, которые заключались в мирной парламентской практике. Догмы эти еще задолго до мировой войны перестали быть руководством для революционного действия. С началом же войны принципы эти стали приспособляться обанкротившимися теоретиками и вождями II Интернационала к оправданию их ренегатства, к примирению пролетариата с буржуазией и ее империалистической политикой.

Революции империалистической эпохи, революции в России, Германии и Австрии, впервые поставили в порядок дня вопрос о диктатуре пролетариата.

Обоснование, осуществление и защита этой диктатуры — главнейшая историческая задача ленинизма, впервые в истории им успешно разрешенная.

Степень падения и банкротства вождей II Интернационала измеряется их выступлением против пролетарской революции, против диктатуры пролетариата.

Против этой диктатуры они выдвинули «марксистскую» догму «демократии». О добросовестности их ссылок на Маркса можно судить уже по тому, что в интересах мирного парламентского преуспевания социал-демократии ее вожди, как это обнаружилось в самое последнее время, держали в течение

¹ См. Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 100, изд. второе (в первом издании — т. XIV, ч. I, стр. 27). *Ред.*

десятилетий под спудом важнейшие письма и неизданные статьи своего учителя о диктатуре пролетариата. Эти документы обличают всю ложь собственных «демократических» догм вождей II Интернационала.

Таким образом учение пролетариата, как необходимое условие пролетарской революции и его победы, было создано в основных чертах уже Марксом. Конкретная же историческая форма этой диктатуры, как это указано Лениным, была выдвинута в России самой рабочей массой в революциях 1905 и 1917 г.г. Но это нисколько не умаляет роли ленинизма, как организующей и руководящей силы победоносной пролетарской революции. Его гигантской задачей, выполнение которой обусловило победу этой революции, было: 1) восстановление подлинного учения Маркса о диктатуре пролетариата, 2) об отношении ее к старому буржуазному государственному аппарату, 3) изучение новейшей, империалистической фазы капитализма и ее оценка, как той новой, особой полосы исторического развития, которая ставит в порядок дня пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата, как ее орудие, 4) выяснение смысла и характера созданных рабочей массой Советов, как конкретной исторической формы диктатуры пролетариата, 5) проверка, дополнение и развитие учения Маркса — на основе опыта империалистической эпохи.

Другим важнейшим вопросом, выдвинутым борьбой империализма и ленинизма, является *национальный вопрос*.

В числе мертвых догм II Интернационала, унаследованных им от живого марксизма, мы найдем, конечно, провозглашение принципа «равноправие национальностей и самоопределение наций».

В практике II Интернационала национальный вопрос занимал третьестепенное место. Во-первых, он стоял особняком, не имел никакой связи с повседневной борьбой против капитала. Принцип этот провозглашался лишь в торжественных декларациях, в резолюциях сочувствия той или другой угнетенной нации. Во-вторых, даже такое платоническое сочувствие и внимание II Интернационала привлекали к себе только так называемые культурные нации, как, например, поляки, ирландцы, венгры и т. п. Для отсталых колониальных народов II Интернационал никогда не решался требовать полного национального освобождения, отделения от угнетающих капиталистических государств. Он ограничивался лишь требованием

• *

такой «свободы и самостоятельности, которая соответствует уровню их развития».

Такая половинчатость и фальшь II Интернационала в национальном вопросе обуславливали возможность участия в нем явно националистических партий, как ППС, дашнакцутюн и др.

Ленинизм дает совершенно новую постановку национального вопроса. Он устанавливает теснейшую связь этого вопроса с мировым движением против империализма.

Особенностью международных отношений империалистической эпохи является небывало резкое разделение населения всего земного шара на горсть цивилизованных наций, эксплуатирующих посредством финансового капитала большинство человечества и угнетающих путем прямого насилия и всю эту остальную громадную часть.

Ленинизм разоблачает национальную политику II Интернационала, как замаскированную рассуждениями и ссылками на отсталость и некультурность колониальных народов, а на самом деле поддерживающую порабощение и ограбление колоний империалистическими государствами.

В противоположность этой лицемерной политике ленинизм провозглашает необходимость единого фронта пролетарского движения в передовых странах капитализма и уже начавшегося, пробужденного мировой войной, национально-освободительного движения в колониях.

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И МАРКСИЗМА В РОССИИ

Революционная эпоха новейшей истории, эпоха господства капитализма, в течение одного столетия изменившая мир больше, чем его изменяла предыдущая тысячелетняя история, эта революционная эпоха застаёт Россию конца XVIII и начала XIX века, как самую отсталую страну Европы в экономическом, культурном и политическом отношениях. Царское самодержавие первой половины XIX века выражало неограниченное господство помещика-крепостника, эксплуатировавшего на своей земле подневольный труд крепостного крестьянина. Все европейские революции первой половины XIX века, распространяясь по Европе, неизменно останавливались у границ Российской империи.

Но капиталистическая эпоха, в отличие от предыдущих, характерна именно тем, что она революционизирует самые отсталые страны. Победив Наполеона и восстановив монархию во Франции (1815 г.), задушив революцию в Венгрии в 1848 г., помещичья крепостная Россия не могла устоять против высоких цен на хлеб на рынке капиталистического Запада. Втягиваясь все больше в круговорот товарного обмена с грешной Европой, она должна была терять прежнюю патриархально-крепостническую невинность.

Так называемые «великие реформы» 60-х годов, в отличие от буржуазных революций Запада, не только не устранили и даже не умилили власти крупно-земельного собственника, как господствующего класса, но даже были проведены прежде всего в его интересах. Но революционное значение их не подлежит сомнению. Они делали уступку росту производительных сил — правда, не столько в самой России, сколько в капиталистическом Западе, ставшем выгодным покупателем русского хлеба и сырья. Эти реформы были, таким образом, неизбежным следствием западно-европейских буржуазных революций в самом отсталом захолустьи Европы.

В то же время эти реформы, помимо воли реформаторов, должны были дать сильнейший толчок к дальнейшему революционизированию отсталой страны, так как открывали более

широкий простор для крупного капиталистического производства в сравнении не только с дореформенной Россией, но и с дореволюционной Европой. Такие крупнейшие капиталистические предприятия, как постройка железных дорог, портов, речного флота и пр., а затем и все связанные с этими предприятиями, как металлургические и др. заводы, вызывались к жизни уже ближайшими интересами русских помещиков, как поставщиков хлеба на международный рынок.

Вот почему Фр. Энгельс, считавший старую, крепостную Россию «европейским Китаем», в то же время полагал, что «освобождение крестьян в 1861 г. и развитие крупной капиталистической промышленности, связанные между собой, отчасти как причина, отчасти как следствие, бросили эту страну, более консервативную, чем всякая другая, этот европейский Китай, в непрерывную экономическую и социальную революцию».¹

Эти условия возникновения и развития капитализма в России наложили свою печать на классовые соотношения и на политическую группировку в русском революционном движении. Русская буржуазия становилась все более консервативной по мере того, как крупная промышленность в своем быстром развитии не только не встречала препятствий со стороны правительства, но даже пользовалась всяческим покровительством.

Крупное земельное дворянство, оставаясь господствующим классом, сохранив свои земли и большую часть своих сословных привилегий, все больше входило во вкус капиталистической эксплуатации. Быстрое развитие крупного капитализма в его позднейших, более развитых формах (акционирование предприятий и пр.), а также особое покровительство государства (субсидии, так называемые гарантированные акции и т. п.) избавляли богатого землевладельца не только от непривычных для него хлопот капиталиста-предпринимателя, но даже от предпринимательского риска.

Вот почему крупное земельное дворянство уже с начала XX века является в то же время крупной буржуазией, а его наиболее привилегированная верхушка — придворная камарилья или просто «высокопоставленные особы» — оказывается не только аристократией, но и плутократией, распределяющей

¹ Гр. «Осв. Труда», Сборник № 4, Фр. Энгельс, «О военной мощи России», стр. 353 — 354. Примечание Н. Батурина.

дивиденды наиболее выгодных привилегированных предприятий, участвующей и вдохновляющей разного рода финансовые аферы и политические авантюры.

Такой переходный, смешанный, противоречивый характер общественного и государственного строя пореформенной России всею тяжестью своих противоречий давил на низшие классы населения: крестьянство и рабочий класс.

Крестьяне вышли после реформы «освобожденными» от лучших кусков своей земли, закабаленными, поработоченными помещиком. Они попрежнему оставались низшим, бесправным «податным» сословием, лишенным элементарных прав буржуазного общества, и, как сословие, продолжали оставаться угнетенным классом старого крепостного общества. Поработоченное остатками крепостничества крестьянство должно было испытывать гнет капитала как торгового, так и промышленного. Развивающийся капитализм быстро разрушал натуральное хозяйство крестьянина и жестоко эксплуатировал его и как покупателя товаров и как продавца своих с.-х. продуктов и своей рабочей силы в отхожих промыслах и, наконец, как постоянного неоплатного должника у своего местного деревенского кулака.

Русские рабочие, особенно крупной промышленности, были, конечно, классом вырвавшегося в старой России буржуазного общества. Непосредственно он подвергался эксплуатации не крепостника-помещика, а русского буржуа. Но остатки крепостничества, поработавшие крестьянство и весь тот азиатско-деспотический строй самодержавия, опиравшийся прежде всего на порабощение и забитость крестьянства, прямо и косвенно давили на положение рабочих.

Разорявшееся крепостниками крестьянство массами прибывало в города и своей конкуренцией ухудшало до крайних пределов условия найма уже занятых рабочих. Но даже более обученные рабочие, не страдавшие от этой конкуренции деревни, царским правительством выдавались с головой русской буржуазии, так как при отсутствии права собраний, союзов и пр. они не могли организованно отстаивать свои интересы. В беспощадной классовой борьбе это политическое бесправие русского рабочего переводилось русской буржуазией на чистоган, в огромной степени повышало обычный в буржуазных странах уровень капиталистической эксплуатации.

Наглядным показателем чрезмерной эксплуатации русского рабочего и колоссальных барышей русской капиталистической

промышленности в отсталой, полукрепостнической стране был обильный приток в нее иностранного капитала.

Если таким образом крупное земельное дворянство все более входит во вкус капиталистической эксплуатации, то русская, а потом и иностранная буржуазия научается понимать и ценить докапиталистические порядки царизма, как источник своих обильных сверхприбылей.

Уже во время первой русской революции иностранный, главным образом, французский, капитал финансирует не только русскую промышленность, но и самое самодержавие.

Все эти условия экономического развития пореформенной России нисколько не устраняли с пути этого развития задач буржуазной революции, — свержения самодержавия, но они временно задержали эту революцию, значительно изменив и усложнив классовую и политическую группировку революционного движения в России, в сравнении с прежними буржуазными революциями на Западе.

В то время как в Западной Европе, при всей пестроте политических комбинаций, центральной осью классовой борьбы было противоречие интересов буржуазии и феодального дворянства, в России в процессе революционного движения все более ясно обозначались две борющиеся силы: буржуазия и помещики, с одной стороны, и рабочие и крестьяне — с другой.

При всех этих крайне тяжелых условиях своего развития рабочее движение имело одно преимущество. При своем позднем появлении на свет оно уже могло опереться на весь почти опыт классовой борьбы в старейших капиталистических странах и на ту могучую революционную теорию Маркса и Энгельса, которая была создана ими на основе этого опыта.

Если в начале рабочего движения в России его задачи сводились, главным образом, к усвоению этого богатого западно-европейского опыта, его теории и его форм, то уже с начала XX века опыт классовой борьбы в самой России, по своему богатству, сложности классовых группировок, разнообразию форм движения, значительно превосходит западно-европейский и американский опыт революционного движения, обнаруживает недостаточность этого опыта — сначала только в условиях российского самодержавия, а потом и в общих условиях империалистической эпохи — выдвигает *большевизм*, как продолжение революционного опыта всего предыдущего международного рабочего движения.

П И С Ь М А

1926 — 1927 гг.

Дорогой Михаил Степанович!

Я думаю, что Ваш ответ составлен очень хорошо. Что касается моего ответа, то после вчерашнего разговора с Вами я составил его (в голове). Но думаю, что его стоило бы напечатать только с определенным указанием на *передержки* Невского (называя вещи своими именами) и не в «Пролетарской Революции» (ведь исторического значения полемика Невского не имеет!), а в «Правде» — как один из вопросов «быта».¹

Ваш Батурин.

3/IX-26

Дорогой Федор Никитич!²

Получил я от Истпарта дополнительный том Ленина, свидетельство о службе и жалованье. Спасибо. Жду 2-ой том Ленина 3-го издания (в 2-х экземплярах). Нужно ли посылать деньги или можно вычесть из жалованья? Мне еще нужен ряд книг: «История трех Интернационалов» (точно не помню заглавия и автора) и «Историю 1-го и 2-го Интернационалов» (тоже не помню автора).

Я бессовестно болею почти целый месяц по приезде в санаторий.³ В каком положении отчет зав. Истпартом? Что у Вас нового?

Всего доброго.

С товарищеским приветом

Н. Батурин.

¹ Записка адресована тов. М. С. Ольминскому. Речь идет о напечатанной в журнале «Борьба классов» статье тов. В. И. Невского «Ответ моим критикам». С протестом против издания журнала, статьи и указания в числе сотрудников их имен выступили в «Правде» гг. М. Н. Покровский, М. С. Ольминский и М. Н. Лядов (см. письма в редакцию в «Правде» № 2 и 3, 1925 г.). Тов. Батурин выступил против статьи тов. Невского не в «Правде», а в «Пролетарск. Революции». См. стр. 405 — 422.

² Письмо написано тов. Ф. Н. Самойлову из санатория в местечке Хреново (в 60-ти километрах от Воронежа).

³ Следующие несколько слов опущены: в письме, плохо сохранившемся, оторван угол.

3

Воронеж, Сельско-хозяйственный институт. 2/XI-26 г.

Дорогой товарищ, Федор Никитич,

Готовясь к лекциям и просматривая 2-й том Хрестоматии Истпарта (1902 — 1904 г.г.), с изумлением открыл, что в нем отсутствует программа партии, принятая на II съезде. Между тем, Хрестоматия называется: «ВКП(б) в материалах и документах». Это ли не важнейший документ? Ведь у нас в I томе Хрестоматии даже программа благоевской группы приводится (а также Северного и Южного Рабочих Союзов). Это непростительное упущение. В частности и мне приходится за него расплачиваться, так как, указывая Хрестоматию, как универсальное пособие к курсу, приходится считаться с этим пробелом.¹

Кстати уж и о недостатке III-го тома. Там приводится статья Сверчкова о Питерском совете и ничего не говорится об Иваново-Вознесенском Совете. Таким образом, поддерживается глупенькая меньшевистская версия, по которой Советы были открыты меньшевиками и ими «организованы». Как жаль, что эта меньшевичья чушь, которая до сих пор вдохновляет тт. Сверчкова и Троцкого, не вытравлена и во 2-м издании III тома! Когда выйдет ваша книга (о суде над депутатами)?² Очень прошу Истпарт купить и выслать мне за мой счет XIII том соч. Плеханова, который уже вышел, а также брошюру «Зиновьев и Каменев» — факты и документы. Вступил ли Гусев в обязанность.³ Жду с нетерпением ответа и книг.

Крепко жму руку.

Н. Батурин.

¹ И это письмо также плохо сохранилось: следующие за этим шесть строчек редакции восстановить не удалось. Из отдельных слов видно, что тов. Батурин писал о необходимости пополнить 2-й том при переиздании его.

² Ф. Самойлов, «Процесс большевистской фракции IV Государственной Думы». Издание Истпарта. Книга вышла в начале 1928 г.

³ С. И. Гусев был назначен заведующим Истпартом.

4

Воронеж, Сельско-Хозяйственный Институт, 14/XII-26.

Уважаемый товарищ.¹

Я закончил наконец курс лекций в сельско-хозяйственном Институте. Сказать по правде, мне это стоило не малых усилий. После каждого «выступления» (двухчасовые лекции в неделю) я отлеживался до следующего выступления. В последнее время я на лекции ездил, хотя расстояние до Института саженой 100. Я не жалею об этом «выступлении», так как пришлось самому проработать и обработать курс истории ВКП(б) до самого конца и притом в том объеме, какой действительно необходим и возможен в Вузах. Думаю, такой курс задним числом записать и издать. На практике преподавания я убедился, что у нас нет до сих пор ни одного подходящего руководства для Вузов. Но это позже. Сейчас берусь за статью о 1-м съезде. Думаю ее озаглавить: «РСДРП на путях 2-го Интернационала» и рассматривать 1 съезд, как итог достижений на этих путях, реализовавший все положительные стороны 2-го Интернационала (тогда как «экономизм» отразил его упадочные стороны).

С наступлением холодной погоды чувствую себя лучше. Но в общем сильно ослабел и все время лежу. Так как я лекции закончил, а писать статью могу где угодно (надеюсь, что Истпарт мне не откажет помогать справками), то я решил просить лечебную комиссию об отправке в санаторий в Сухум. Я взял удостоверение от местного врача о необходимости санаторного лечения и пересылаю Вам вместе с заявлением в лечебную комиссию ЦК с просьбой передать по назначению. Дадут ли мне путевку, или заставят персонально явиться на освидетельствование — вот вопрос, для меня весьма важный.

Убедительно прошу написать, как дела в Истпарте, собирается ли Совет (и существует ли он еще?), как здоровье М. С. Ольминского и Гусева, принимают ли они участие в работе Истпарта² и, наконец, нужно ли мне приехать в Москву на съезд провинциальных истпартов или по каким-либо другим делам?

¹ Ф. Н. Самойлов.

² Тов. С. И. Гусев, назначенный заведующим Истпартом, вследствие болезни, к работе приступить не мог.

Привет М. А. Савельеву.

Кстати, если он вступил в обязанности в Истпарте, то моя просьба относится и к нему, а потому передайте ему пожалуйста это послание для прочтения.

Еще одна просьба: деньги, книги и проч. корреспонденции я прошу присылать по почте *прямо* мне (конечно, на мой счет), а не посылать жене с курьером, во избежание двойной возни и промедления.

Жму вашу руку.

Н. Батулин.

5

Уважаемый товарищ, Федор Никитич.¹

Я переехал в Ялту, так как в Гульрипше² оказалось очень сыро. Кончил я там плевритом и бронхитом. Сообщаю вам и Истпарту новый адрес: Ялта, Санаторий «Пролетарий».

Прошу купить за мой счет и выслать мне книгу: А. Вышинский. Очерки по истории коммунизма, ч. I и II. Краткий курс лекций. Гиз. 1925 г.

Всего доброго

Н. Батулин.

6

Санаторий Эриклик, 12 июля — 27 г.

Дорогой товарищ, Максимилиан Александрович.³

На днях я послал в Истпарт рукопись Лившица «Мих. Вилонов». Он отравил мне жизнь этим произведением. В Москве я несколько раз возвращал ему его работу (1-ю часть) с просьбой не писать историю партии вокруг М. Вилонова. Тем не менее из 1-ой, проредактированной мною части (40 стр.) пришлось вычеркнуть около $\frac{1}{4}$. Остальная часть рукописи была бы давно проредактирована, но она оказалась в сумбурном состоянии — с неперенумерованными и перепутанными страницами. Дело было так: незадолго до отъезда ко мне пришел Лившиц и сообщил, что его призывают в Красную армию. В походном порядке он сдал окончательно руко-

¹ Ф. Н. Самойлов. Письмо автором не датировано. Из Ялты отправлено почтой 15 марта 1927 г.

² Гульрипш — санаторий в 10 км от Сухума.

³ М. А. Савельев.

пись. Я уложил ее в чемодан, не просмотрев. Оказалось, что литератор Лившиц, как малограмотный мужичок, не догадался даже пронумеровать страницы. Порядок же страниц оказался нарушенным, черновики и дубликаты вкраплены в общий текст и пр. Я пробовал подбирать листы, но это оказалось египетской работой. Поэтому я ограничился просмотром той части, которая оказалась в порядке. Лившиц писал мне сюда и просил ускорить редакцию, но (тоже как малограмотный мужичок) не сообщил своего адреса для ответа и присылки ему рукописи. Я послал, поэтому, рукопись в Истпарт, в расчете, что вы сумеете ему передать. Он очень торопит с изданием, ссылаясь на нужду в деньгах. Он говорил (моей жене), что хотел бы продать эту рукопись какому-либо издательству. Я думаю, что этого допускать нельзя. Я предлагаю дать ему только 2-ю часть рукописи для приведения в порядок. Если рукопись будет представлена в полном порядке, то ему можно будет выдать аванс. В таком случае присылайте ее опять ко мне. Я могу проредактировать ее в 1-2 недели.¹

Сейчас получил 6 (65) книгу «Пролетарской Революции», прочитал статью Горица.² Понравилась, только язык кое-где хромает. О себе и своих перспективах напишу после.

У меня был Ф. Н. Самойлов.

Крепко жму руку
Н. Батулин.

P. S. Прошу Истпарт обратить внимание на адрес: нужно писать: Ливадия, Эриклик (а не Ялта).

7

Эриклик, 14/IX-27 г.

Уважаемый Гавриил Сергеевич.³

Недавно я подал в с.-х. Институт «прошение об отставке», о чем вы, как член Правления, вероятно уже знаете. Недавнее постановление консилиума, категорически запретившего

¹ Книга С. Лившица «Михаил Заводской» вышла в 1929 г. в издательстве политкаторжан.

² Статья тов. Горина «Ошибки» истории и «непогрешимость» тов. Троцкого». «Прол. Рев.» № 6 (65), июнь 1927 г.

³ Г. С. Окулов.

мне лекторскую работу, было для меня в значительной степени неожиданным. Врачи все лето надеялись (или только меня обнадеживали) на лучшие результаты. Сам же я, несмотря на явную слабость, по скверной человеческой природе питал самые радужные надежды и до последнего времени собирался ехать в Воронеж. Решение врачей меня до сих пор удручает. Мне жаль расставаться с с.-х. Институтом и с Воронежем. Я стал выписывать воронежские газеты (В. К. и Н. Г.).¹

19 сентября.

Землетрясение, которое мне лично не доставило не только вреда, но даже беспокойства (наш домик — небольшой деревянный), дает себя знать до сих пор. Ялта вся живет на улице. На набережной, на улицах — кровати, примусы и т. п. Впрочем, даже несколько не пострадавшие непосредственно от землетрясения пришли в расстройство. Обычное российское разгильдяйство находит превосходное «оправдание». Почта работает через пень колоду, хотя дороги в порядке. Даже повар и завхоз настолько «потрясены», что обеды и завтраки, черт знает, на что похожи. Это, так сказать, бытовые наценки на стихийное бедствие.

Не нужно ли вам в Воронеже (в с.-х. Институте, Коммунохозе, кооперативах) бухгалтера? Получил из Москвы письмо от одного сокращенного режимом экономии, остающегося на зиму на бобах с семьей.

Меня хотели перевести осенью в Ливадию. Но так как повсюду все разрушено, и продолжает понемножку потряхивать, то ближайшего своего местопребывания указать не могу. Пишите по старому адресу. Привет. Н. Батурин.

Р. S. Воронежские дела меня попрежнему интересуют. Буду вам очень обязан, если при случае осведомите меня:

Строится ли студенческое общежитие в с.-х. Институте?

Закончен ли постройкой салониновый завод Химкомбината?

Проведен ли трамвай по Плехановской?

Каково число жителей в Воронеже по переписи? (Я уехал во время переписи.)

Н. Б.

¹ «Воронежская Коммуна» и «Наша Газета».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЕДИНЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА¹

С утра и весь день — непрерывный дождь... Вода сверху, вода снизу. Казалось, в такую погоду празднование рабочими дня 1-го мая не могло выразиться ничем, кроме забастовок.

Полиция все-таки насторожилась. Газета «Россия» ручалась, что при содействии властей торжество 1-го мая может представить из себя только нарушение общественной тишины.

Несмотря на все это день 1-го мая 1912 г. в Петербурге приходится отметить, как день настойчивых попыток публичного выступления рабочих.

Что же касается забастовок, то они прошли в высшей степени дружно.

Буржуазные газеты определяли число бастующих в Петербурге в 210 000 человек.

Не менее единодушно прошло забастовочное движение 1-го мая и в Москве.

День 1-го мая — день братания пролетариата всех стран. В этот день пролетарии всех стран соединяются в единую семью, крепкую своей солидарностью, и демонстрируют на глазах всего мира свои растущие силы.

И чем могут справедливо гордиться наши западно-европейские товарищи, так это тем, что каждое новое первое мая показывает снова и снова, что *организации рабочих неуклонно растут*, что к пролетарской борьбе присоединяются все новые кадры рабочих, что в пролетарскую семью входят все новые стороны в лице организованных рабочих.

Теперь празднование 1-го мая сделалось истинно международным. В этот день солидаризируются рабочие не только Германии, Франции, Англии, Австро-Венгрии, Италии, Бельгии, С.-А. Соед. Штатов, но и рабочие Турции, Китая, Японии, Персии и многих других стран, объединенных в социалистическом Интернационале.

Первое мая воистину «праздников праздник» рабочих!

На первом посту стоят германские рабочие, которые могут гордиться своей политической организацией, социал-демократией, объединившей вокруг себя во время январских выборов больше 4 миллионов голосов. Но и профессиональные союзы в Германии имеют первостепенное значение, особенно так называемые «свободные», социал-демократические, объединяющие сотни тысяч рабочих.

Английские рабочие имеют тоже крупнейшие профессиональные союзы, тред-юнионы, но и политическая организация становится за последнее время на ноги, и там начинает успешно развиваться социал-демократия.

¹ Статья напечатана за подписью «Двое». См. в биографическом очерке стр. 23. *Ред.*

Французское же рабочее движение не имеет германского единства, но представлено тоже сильной объединенной социалистической группой в парламенте, а экономические организации — сплоченными профессиональными союзами, синдикатами рабочих.

Бельгийские, итальянские, австрийские, шведские, норвежские и другие европейские рабочие тоже успешно ведут и политическую и экономическую борьбу. У них есть необходимые для этого орудия: сильная социал-демократия и крепкие профессиональные союзы.

В России и организации рабочих и празднование ими первого мая все еще считается властями за «нарушение общественного спокойствия» и за преступное нарушение основ.

Однако, ни отсутствие организаций, ни полицейские стеснения не задержали мощного проявления пролетарской солидарности.

С бодростью в душе, с верой в свои силы и в лучшее будущее вернулся после дня 1-го мая этого года петербургский и московский пролетариат к повседневной будничной работе.

Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой!

«Невская звезда» № 2, 3 мая 1912 г.

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

I

Нет уголка на земном шаре, за исключением разве пустынь необитаемых, или глухих дебрей, куда бы не проникла теперь пропаганда социализма, где бы не имели о нем никакого представления. Миллионы участвуют в социалистическом движении, и нет людей, которые бы относились к нему равнодушно. Одни с ужасом, другие с надеждой, упованием и воодушевлением смотрят на красное знамя социализма, воздвигнутое твердой рукой пролетария.

Самое слово «социализм» впервые было сказано в 1834 году Пьером Леру и обозначало все то, что противоречит индивидуализму, т. е. личному частному труду, личной частной собственности и личному пользованию всеми продуктами труда. Несмотря на противоречивые определения, можно установить, что социализм предполагает ввести в жизнь такой хозяйственный порядок, при каком все люди одинаково должны участвовать в общественном труде с правом пользоваться плодами этого труда. Производство и потребление жизненных продуктов должно быть организовано так, чтобы была исключена всякая возможность эксплуатации одних членов общества другими. Для этого устраняется частная собственность и свободная конкуренция, частный интерес подчиняется общественной пользе, а производство и потребление продуктов отнимается из ведения частных лиц и передается всему обществу.

Такой порядок принято иногда называть коллективизмом в противоположность коммунизму. Коллективизм стремится регулировать производство, распределяя продукты труда не каждому в одинаковом количестве: каждый получает сообразно со своими способностями, пропорционально тому, что он может дать обществу по силе своего таланта. Коммунизм требует полной свободы потребления без всяких ограничений: каждый получает то, в чем чувствует потребность.

В росте социалистических учений, в их истории намечаются два течения, резко различных друг от друга: социализм утопический и социализм научный.

Утопия — нечто далекое от жизни, не имеющее с нею никаких корней; это — мечта уединенного мыслителя, задумавшегося над неправдой жизни, стремящегося исправить жизнь путем изобретения новых порядков. Великие утописты верили во всемогущество человеческой мысли, в силу идей; они думали, что достаточно изобрести совершенный общественный строй, как механик изобретает новую машину, и человечество сразу сознает ложь своей жизни, сразу изменится в духе открытого мыслителем строя, перестанет эксплуатировать друг друга.

Научный социализм не верит и не может верить в силу идей. Его выводы основываются на возможно точном изучении самой человеческой жизни, особенно ее хозяйственных сторон, как главных двигателей мировой истории. Изучая производство жизненных продуктов и производительные силы, рассматривая сущность капиталистического присвоения производимых благ, научный социализм приходит к заключению, что исторический процесс человечества неуклонно и неизбежно идет к

социалистическому строю. При этом носителем нового порядка является только пролетариат, единственный класс, не могущий быть по своей природе эксплуататором.

Социалистическое учение не следует смешивать с анархизмом, являющимся полной противоположностью той широкой общественности, какая положена в основу социализма. Анархисты отрицают общественную организацию, требуют полной свободы личности от всяких влияний общества, отрицают право даже социалистического государства, или вообще каких бы то ни было общественных союзов, вмешиваться в личную жизнь человека. Если человек захочет, он может вступить с другими лицами в какие угодно отношения, но совершенно свободно, без всякого давления со стороны. Словом, учение анархистов представляет самый крайний индивидуализм, а следовательно является полной противоположностью социализма.

Среднее место между этими двумя учениями занимает новое движение, начавшее распространяться в последнее время среди французских рабочих, так называемый — синдикализм. Основное в этом движении — государство не может играть никакой роли в преобразовании общественных отношений. Это преобразование может быть только результатом постепенного расширения профессионального рабочего синдиката, представляющего строго замкнутый лагерь рабочего класса.

II

Не нужно думать, что социализм, или вернее — коммунизм является новым открытием, сделанным людьми в последнее время. Напротив, он насчитывает многовековую историю, имеет свои корни в жизни первобытных доисторических народов, живших небольшими общинами, связанными между собой узами родства. В очень отдаленные времена наши предки жили родовым бытом, т. е. такими небольшими общинами, какими и до сих пор живут многие дикие народы Африки, Америки и Австралии. Человек в те времена чувствовал себя безопасным только под защитой рода и потому крепко держался своей общины, не разделяя своих личных интересов от интересов других членов, и мстил за обиды, причиненные роду так, как за свою личную обиду. Родовая община была спаяна первобытным коммунизмом. Все было общим: труд, охота, потребление пищи и защита интересов.

Но когда люди размножились, когда прочно осели на землю, перестали бродить в поисках добычи, а занялись земледелием и у них появились постоянные поселки (маленькие государства-города), тогда постепенно стала развиваться идея частной собственности. Сначала на продукты, возвращенные землей, а потом и на самую землю. Начало создаваться неравенство. Люди разделились по достаткам: одни богатели, другие стали бедными. Первобытный коммунизм исчез на земле. С разделением на богатых и бедных исчезло и равенство: богатые захватили в руки власть и стали пользоваться ею для эксплуатации неимущих.

При делении народа на богатых и бедных торговля служила средством обогащения исключительно для первых. Раньше других европейских государств Греция, особенно Афины, достигла задолго до христианской эры цветущего состояния, главным образом благодаря своей обширной торговле, развитой по всему Средиземному морю. Пропасть между богатыми и народом (демос) ширилась по мере роста афинского

могущества, подчинившего своему влиянию много островов Средиземного моря. Афины стали крупной по тому времени морской державой. Несмотря на большое влияние народа на политическую жизнь государства, экономическое положение демоса нисколько не улучшилось. Громадные государственные доходы, распределявшиеся в значительной части между нуждающимися, развращали их, отучали от работ и обессиливали все население. Афиняне возбудили общую ненависть остального населения Греции, как жадные эксплуататоры. Вспыхнула длительная 30-летняя, так называемая Пелопонесская война, когда враги афинян объединились под главенством Спарты, самого аристократического государства Греции. Власть в Спарте была сосредоточена в руках незначительной группы крупных землевладельцев.

Могучий рост Афин, неожиданно закончившийся полным упадком, резкое противоречие между богатством и бедностью привлекло внимание греческих философов того времени. Как улучшить положение народа? Как лучше управлять государством? Эти вопросы стали предметом их изучения.

В IV веке до нашей эры Платон, талантливейший ученик знаменитого Сократа, написал книгу о государстве («Политея»), где нарисовал образец коммунистического строя. Правда, коммунизм Платона несколько своеобразен. Народ в этом идеальном государстве разделен на части: «стражи государства» или правители и остальное население. Платон вводит коммунизм только для правителей. Они лишены права иметь частную собственность, потому что она ведет к гибели. Благодаря ей народ всегда разделен на два лагеря, постоянно враждующих друг с другом (бедных и богатых). Правители, лишенные собственности, не будут притеснять трудящийся народ, а станут защищать его. Для этого стражи государства должны жить от остального населения совершенно особо, своего рода — «за китайской стеной», и оттуда управлять народом. Сами они ничего не производят, а кормятся за счет остального населения, продолжающего жить на прежних основаниях, владея частным имуществом. Таким образом коммунизм Платона может быть назван только коммунизмом потребления: он предполагает только общность предметов потребления, а не средств производства. К этому надо добавить, что среди правителей предполагается общность жен и детей: ни ревность, ни родительские чувства не должны мешать им быть всегда справедливыми. Правители делятся в свою очередь на два класса: воинов и философов. Только последние являются подлинными правителями государства.

Платоновский коммунизм потребления в этом пункте близок к коммунизму первых христиан, точно так же имевших в виду только общность предметов потребления, а не орудий производства.

Разросшаяся до небывалых по тому времени размеров Римская империя представляла разительный пример крайней противоположности между бедностью и богатством. В то время как богатые римляне (оптиматы) владели огромными земельными угодьями (латифундиями), многочисленными рабами, доходными домами в Риме и денежными капиталами, накопленными с помощью широких завоеваний, простой народ все больше и больше превращался в пролетариев, не имевших ни земли ни вообще какой бы то ни было собственности. Попытки улучшить экономическое положение народа разбивались о противодействие богатых. Не раз восставало в Риме крестьянство, постоянно разоряемое необходимостью пополнять ряды римских легионов и совершать походы в далекую Азию

только для того, чтобы еще более обогатить оптиматов. Богачи захватывали земли легионеров, сгоняли с других земель свободного хлебопашца-крестьянина и мелкого арендатора и заменяли их привозным рабом. Количество рабов было громадно; положение их — невыносимо — хуже скота. В 73 г. до христианской эры они восстали под начальством фракийца *Спартака*, мечтавшего о свободе для всех обездоленных. Восстание было подавлено; все осталось по-старому. Народ беднел, его нищета приняла характер общественного бедствия. Все это и создало благодарную почву для распространения учения о пришествии «спасителя мира», помазанника божия (*Христа*). Он придет, чтобы уничтожить зло, нищету, насадить «царство божие» на земле.

Учение распространялось среди бедноты, главным образом, в больших городах, где различие между бедностью и богатством особенно резко бросалось в глаза и, как религия нищих, требовало вначале полного коммунизма, распределения имуществ поровну между всеми желающими.

Христианство, религия нищих (лumpенпролетариата), мало заботилось о способах производства жизненных благ, обращая все внимание только на пользование уже существующими богатствами; как они добыты, до этого христианину дела нет.

Оставляя в неприкосновенности старый порядок жизни, частную собственность, прежний индивидуализм в производстве, новая религия, несмотря на широкое распространение, быстро утратила свойственные ей первоначально черты коммунизма. Богатые христиане ограничивались раздачей излишков; существовавшие в первое время общие трапезы исчезли, превратились в простое кормление бедных.

Руководители первых христианских общин (епископы и пресвитеры), выбиравшиеся верующими из своей среды, не могли извлекать никаких выгод из своего положения, пока общины были немногочисленны и бедны. Но когда они разрослись, разбогатели, епископы перестали заниматься своими обычными житейскими делами, все время отдавая служению общине. Появились расходы помимо помощи бедным: на содержание домов для собраний, должностных лиц церкви и самих руководителей. Епископы сосредоточили в своих руках церковные имущества, а со временем, когда христианство стало господствующей религией (IV в. после христианской эры), когда была введена десятина, определенная подать в пользу церкви, они бесконтрольно стали распоряжаться церковными богатствами. Установилось правило, что все церковные расходы разделяются на четыре части, причем только одна идет на раздачу бедным, а остальные три — епископу, прочему духовенству и на богослужение.

Понемногу церковные иерархи совершенно оторвались от верующих, образовали самостоятельную организацию, эксплуатирующую народные массы. Впоследствии папа, высшее духовенство и монастыри приобрели огромные земельные имущества, превратились из «нищей братии» в крупных богатейших землевладельцев, а когда на юге Европы (Италия и южная Франция) развилась широкая торговля с востоком, они приобрели и значительные денежные капиталы.

Богатство южных французских городов особенно привлекало алчность пап уже с конца XI в., а в следующем столетии там разгорается борьба против папства, поставившая целью возврат к первоначальному христианству с его коммунизмом. Конечно, папы объявили всех, стремящихся к старому христианству, еретиками. Однако, ереси (особенно — *вальденсов*) широко распространялись и, чтобы подавить их, папам при-

шлось организовать ряд крестовых походов против еретиков, гнездившихся в южных городах Франции.

С конца XII и в XIII вв. Европа всюду переживала перелом в народном хозяйстве. Начавшееся развитие торговли и тесно связанный с ней расцвет городов создали и рынки для продуктов промышленности и земледелия. Появились деньги, — товар, прежде редкий и мало распространенный в широких кругах населения. Крестьянство тоже втянулось в денежные обороты, благодаря чему прежние платежи натурой, даваемые помещикам, стали заменяться денежными оброками. Местами сами крестьяне охотно заменяли свои повинности взносом денег. Но это было только вначале. Жадность дворянства не знала пределов; больше и больше стараются помещики выжать из подвластных крестьян денежных оброков. Естественно, они встречали среди крестьянства отпор и стремление совсем освободиться от повинности. У помещиков в свою очередь росло противоположное желание: прикрепить крестьян возможно теснее к барскому двору. Все это неизбежно вызывало борьбу, выразившуюся в ряде крестьянских восстаний.

Пылкие мечтатели, видя рознь классов и неправду жизни, снова и снова выдвигают первоначальный христианский коммунизм, как идеал, к которому должно стремиться все человечество. Всюду присоединяются они, конечно, к угнетаемым, к крестьянам и мелким городским рабочим: кустарям, терпящим также от эксплуатации папских священников-князей. Вот почему во всех восстаниях на рубеже средневековья можно найти зерна коммунистических стремлений.

Раньше всего восстания вспыхнули в Италии, где смелый, энергичный и решительный *Фра Дольчино* вместе с апостольскими братьями — коммунистической сектой, тесно связанной по своим взглядам с учением вальденсов, поднял знамя бунта против папы, государства и общества (1303 — 1307 г.г.). С XIII в. в Нидерландах, где об руку с торговлей шло развитие ткацкого ремесла, появилась среди ткачей коммунистическая секта *беггардов*, проникшая и в Англию. Здесь под именем *лоллардов* они принимали деятельное участие в крестьянском восстании, поднят Уоттом Тайлером (1381 г.).

Ярко коммунистическую окраску носило движение *таборитов* в Богемии. Крестьянские общины и ремесленники, больно затронутые в своих интересах развивавшимся, благодаря значительной добыче серебра, в стране товарным производством, основались в коммунистическом городке Таборе и вели отсюда, под предводительством *Жижки*, сначала с большим успехом, борьбу против господствующей церкви и властей (20 и 30 годы XV в.).

Позже других началось восстание крестьян в Германии (1525 г.), где вождями движения *Пфейфером* и *Мюнцером* была основана в городе Мюльгаузене коммуна, существовавшая всего два месяца. А через 9 лет (1534 г.) прославили себя геройской защитой Мюнстера *анабаптисты* (перекрещенцы), секта, зародившаяся сначала в Швейцарии, а затем распространившаяся в Германии и Нидерландах. Вожди *мюнстерцев*, *Ян Матис*, *Йоганн Лейденский* и *Книппердоллинк*, запечатлели свою приверженность к коммунизму геройской смертью. Первый пал в бою при защите города, вторые два были жестоко замучены врагами после взятия Мюнстера.

С падением Мюнстера закончился христианский социализм, как сила, игравшая видную роль в общественной жизни. Человечество в Европе

с XVI столетия вступило в новую полосу хозяйственного развития, сложившегося впоследствии в современное капиталистическое государство. Это обстоятельство не замедлило сказаться и на социалистических учениях.

III

ТОМАС МОР (1478 — 1535)

Ученый и философ, известный адвокат и экономист, а затем и первый министр (лорд-канцлер) Англии Мор с гениальным умом теоретика соединял и мудрость практического дельца.

Крестьянство тогдашней Англии переживало с начала XVI в. период жестокого обнищания, связанного с широким развитием английской торговли шерстью. Лорды, крупные дворяне-землевладельцы, стремятся всякими способами захватить возможно больше земель для создания крупного овцеводства. Крестьян безжалостно сгоняют с земельных участков. Есть сведения, что в Англии в начале XVI в. было разорено таким образом 50 000 крестьянских хозяйств. Число бездомного и безземельного пролетариата выросло до небывалых размеров и продолжало увеличиваться, несмотря на ряд изданных королем «кровавых законов», требующих, чтобы каждый работал во что бы то ни стало под страхом смертной казни. Это было своеобразное «дарование» пролетариям «права на труд», чрезвычайно выгодное для имущих классов, потому что они могли на законном основании за гроши вербовать на работу «этих нищих воров и мошенников, не желающих трудиться».

Т. Мор, описывая жизнь острова «Утопии» (греческого «У» — нет; «топос» — место),¹ исходит тоже из понятия права каждого человека на труд. Только он думает, что это право может быть осуществлено при отсутствии частной собственности и обобществления средств производства. Основа труда на Утопии — земледелие. Каждый должен работать в течение двух лет без перерыва в земледельческой общине, а затем может жить в городе, где продолжает работу в той или иной отрасли промышленности. От работы освобождаются только лица, решившие посвятить себя науке и то — по строгому выбору и при контроле сифогрантов или филархов, начальников, выбираемых по одному от каждых 30 фамилий.

Продукты земледелия и промышленности свозятся в города в специальные склады, откуда всякий берет все, что нужно, по мере надобности (без денег, так как их совершенно не существует). Стол общий: каждые 30 семейств сходятся для еды во дворец филарха, расположенный тут же среди других более скромных домов. Особые старейшины заведуют распределением продуктов между городами и округами, собирая сведения о том, где чего недостает. Во всем — простота и умеренность, полное отсутствие роскоши. Семья и брак продолжают существовать на Утопии, но, в силу экономической независимости, женщины самостоятельны и равноправны с мужчинами. На их долю выпадают только более легкие работы.

¹ Книга эта вышла в 1516 г. в Лёвене на латинском языке под заглавием: «Золотая книжка о лучшем устройстве общежития и о новом острове Утопии». Первая часть ее посвящена критике социальных и политических условий тогдашней Англии; вторая часть — какой могла бы быть Англия при коммунистическом строе. *Ред.*

Мор во многом не мог отрешиться от взглядов своей эпохи. Он не представляет себе государства без короля, правда, умного и просвещенного: на Утопии выбирается тайным голосованием филархов пожизненный монарх, поставленный, впрочем, в условия, при которых невозможен насильственный переворот в сторону тирании. Есть на Утопии и еще один пережиток старины: рабство. Мор не мог представить, чтобы свободные и счастливые люди выполняли сами грязные и черные работы, а потому ввел, в виде исключения, рабов для низменного и грязного труда. Коммунизм Т. Мора носит централистический характер: все регулируется государством, все исходит от него.

С такой же централистической точки зрения изображает коммунистическую жизнь и другой великий утопист *Томазо Кампанелла*, живший в Италии в XVI и начале XVII вв. (1568—1639). «Государство солнца» — так назвал он свой труд, где описана жизнь идеального общественного порядка. Как человек своего времени и католический монах, Кампанелла представлял свое «солнечное государство» в виде теократической монархии с идеальным папой во главе. Правда, этот папа («солнце») скорее ученый и философ, чем священник, и его деятельностью руководит разум, направленный ко благу солнечных граждан. Вместе со своими 3 помощниками — Силой, Мудростью и Любовью — он производит дележ продуктов среди жителей, так как частная собственность отсутствует, а следовательно никто не может иметь ничего помимо государственного распределения. «Государство солнца» представляет удивительную смесь теократического и монастырского уклада с языческой жизнерадостностью и преклонением перед всем здоровым и прекрасным.

Теократическая основа лежит и у *Д. Верасса* (1677), нарисовавшего идеальное государство в книге «История Северамбов». Здесь монархия также соединена с народным управлением при общем обязательном для всех коллективном труде. Тут же встречаем и три знаменитых восьмерки: восемь часов труда, восемь для отдыха и восемь для развлечений.

Бурное время английской революции, вспыхнувшей в XVII в., несмотря на дворянско-буржуазный характер переворота, заставило всплыть на поверхность житейского моря и коммунистические мечты. Появился старый сектантский коммунизм средневековья, но на ряду с ним и идеи естественного закона, природного права человека на свободу и равенство (рационализм). Эти идеи были ярко выражены в утопии *Уинстэнли* («Закон свободы как политическая программа и восстановление истинного правления». 1651 г.). Природное право на свободу Уинстэнли понимал не в узком смысле свободы политической. Он рассматривает естественное право чисто коммунистически: требует отмены частной собственности, обязательного труда всех до 40-летнего возраста, совместного всеобщего обучения детей и коммунистического распределения продуктов. В утопии Уинстэнли характерна его защита мелкого производства, ведущегося с помощью собственных мастерских: в те времена не было еще ни машин, ни парового двигателя, ни крупных капиталистических предприятий.

Рационализм вообще был широко распространен в XVII и XVIII столетиях. Развившийся всюду абсолютизм, покоившийся на пережитках феодальной старины, давно пережил сам себя, везде являясь помехой для развития начинавшегося капитализма. Естественно, что буржуа, так называемое третье сословие, представители вновь нарождающейся экономической силы, громко заговорили о стеснениях и произволе монархии,

произвели на свет теорию о естественном праве на политическую свободу и равенство. Утописты восприняли идеи рационализма, но расширили их, понимая свободу, как право жить, т. е. пользоваться своей долей в благах жизни. Так думал и французский священник *Жан Мелье* (1664 — 1729), утверждавший, что пользоваться благами жизни для каждого возможно лишь с уничтожением частной собственности. Мелье однако нигде не упоминает о государстве как целом большем установлении, способном ввести коммунистические порядки. По его мнению, люди должны объединяться в общины, в большие семьи, где все должно быть общим. В общинах не нужно никакой религии, потому что религия — источник народного невежества; духовенство в руках королей, как позже в руках буржуазии, являлось носителем народного угнетения. Мелье призывает в своем произведении «Мое завещание» народы всего мира объединиться на борьбу против угнетателей за право каждого на блага жизни. И этот призыв звучит у него так же широко и величественно, как современное: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Философ XVIII в. *Мабли* также проповедник федералистического коммунизма, как и Мелье: не государство основа общественной жизни, а небольшая, исключительно земледельческая община со скромными и ограниченными потребностями. Мабли утверждает, что счастье может заключаться только в строго нравственной жизни. Самая ужасная безнравственность — жадность, а она основана на праве частной собственности, поэтому ее и не должно быть в общинах.

Во второй половине XVIII в. вера в разум и нравственный закон природы как бы носится в окружающей атмосфере. На нее опираются все мыслители, задумывающиеся над ненормальными условиями жизни. Особенно сильна эта вера у *Ж. Ж. Руссо*, не бывшего социалистом, однако высказывавшего мысли, резко критикующие собственность и покоящийся на ней общественный порядок. «Первый, — говорит Руссо в своей работе «Неравенство среди людей» (1753 г.), — кто напал на мысль, огородивши участок земли, сказать: «это мое», и нашел глупцов, которые ему поверили, был истинным основателем гражданского общества». Неравенство отсутствует при естественном состоянии. Нелепо, неразумно и противоречит закону природы то обстоятельство, что глупый властвует над мудрецом, старший слушается младшего и т. д. Руссо все-таки думал, что права частной собственности — священные. Раз уклонение от закона природы произошло, надо найти такую форму человеческого общежития, чтобы она защищала отдельную личность. В свою очередь личность должна поступиться естественными правами для прав политических («Общественный договор», 1762 г.).

Несколько иначе думает современник Руссо — *Морелли*. «Единый непреложный закон, говорит он («Кодекс природы», 1760 г.), — это закон, вышедший уже совершенно готовым из недр природы». Поэтому бессмысленно и нелепо издавать всякие другие законы. В силу природного закона никто не может владеть собственностью. Труд обязателен, каждый работает для общества и содержится обществом. Утопия Морелли сыграла выдающуюся роль во время французской революции; она способствовала возникновению партии бабуистов, сторонников Бабефа. Бабеф — централист, предполагал все существующие богатства соединить в руках республики, затем уничтожить собственность и заставить всех здоровых граждан работать сообразно с их способностями и привычками; для всех продуктов устроить общие склады, откуда всякий будет

поровну получать все необходимое. Словом, Бабеф предполагал изменить строй так, чтобы ни у кого не было надежды разбогатеть или получить большее влияние и почет.

Великая французская революция сломала старый порядок во имя свободы и равенства, но, когда она закончилась, оказалось, что политические свободы узаконили еще одну свободу специально для рабочего класса: свободу умирать с голоду. Оказалось, что политическое равенство вполне совместимо с рабством экономическим. Естественно, что со времени революции социалистические идеи получили широкое развитие.

Великие утописты XIX в. Сен-Симон, Фурье и Оуэн полагали, что люди эксплуатируют друг друга, т. е. поступают против истины и справедливости просто потому, что до сих пор не знали их. Достаточно изобрести соответствующую систему, сделать ее широко известной людям, и все пойдет по-хорошему. Нужны творцы нового истинного учения, нужны гениальные пророки. Назвав свое учение «Новым христианством», Сен-Симон (1760—1825), очевидно, и считал себя таким гением. Впрочем, сам Сен-Симон не был истинным социалистом, так как не уничтожал вполне собственности, а только преобразовывал ее, полагая, что владельцы должны превратиться в хранителей, распределяющих жизненные продукты между рабочими. Тем не менее С.-Симона обычно считают творцом централистического коллективизма, так как его последователи — Базар и Анфантен — развили положения своего учителя, наметившего путь преобразований с помощью государственной власти, правда, не современной, а другой. Современное государство должно уступить место мирной организации общественного труда, государству-общине с религиозным характером, где и будут сосредоточены все средства производства. Государство регулирует спрос и предложение. «Каждому по его способностям, каждой способности по ее заслугам», таков лозунг с.-симонизма. Другими словами — государство вводит всеобщий труд, причем должно указать каждому то место, какое ему больше всего соответствует и в его личных интересах и в интересах общества, а сообразно с этим и распределить продукты потребления не поровну, а по достоинству каждого. Таким образом, неравенство остается, но оно обуславливается ценой личных заслуг и таланта: средние, ничем не возвысившиеся над общим уровнем, люди должны подчиняться авторитету талантливых.

К с.-симонистам примыкает по своим взглядам Пекер. Однако он далек от принципа авторитета, полагая необходимым равенство оплаты труда независимо от его качественного различия.

В противоположность с.-симонистам, централизующим власть в руках будущего государства, Фурье (1772—1837) и его школа (Виктор Консидеран) возвращаются к типу общинного (федералистического) социализма. Основа будущего социализма — фаланга (община), объединяющая по возможности все виды труда, как земледельческого, так и промышленного. Частная собственность в фаланстерах (социалистических общинах) Фурье не отменяется; преобразуются только права пользования доходом. Продукты делятся на три части: $\frac{4}{12}$ идут в пользу капитала, $\frac{5}{12}$ — на долю труда и $\frac{3}{12}$ — на вознаграждение таланта. Каждый совершенно свободно выбирает в общине род занятий сообразно со своими наклонностями и получает оплату труда сообразно с участием в производстве. До сих пор никто из утопистов не указывал на противоречие между трудом и капиталом, между буржуазией и рабочим классом. Не представляя себе ясно такого противоречия, утописты были далеки от

того, чтобы проповедывать классовую борьбу. Фурье с отвращением относился ко всякой революции, а его ученик Консидеран, хотя и признавал классовые противоречия, но отрицал классовую борьбу.

Между тем развитие капитализма в XIX ст. шло гигантскими шагами, и уже в 20—30 г.г., благодаря появлению паровых двигателей и машин, эксплуатация рабочих дошла до ужасающих размеров. «Человек, по словам Оуэна (1771—1858), был низведен до положения машины второго ранга». Это вызвало резко отрицательное отношение пролетариата к машине и пару, «страшному царю, потомку молоха с железной рукой и огненным чревом, пожирающего детей». В Англии вспыхивают восстания, сопровождающиеся разгромом машин; в 30 годах движение превратилось в чартизм, более двенадцати лет колебавший государственный порядок Англии (название произошло от выставленной в 1837 г. народной программы — хартии, где требовалось осуществление ряда радикальных политических реформ).

Еще до чартистского движения Оуэн перестал «смотреть на рабочих, как на живых машин», и старался «способствовать их совершенствованию», сначала чисто филантропическим путем. Впоследствии он пришел к выводу, что современные государства должны исчезнуть, а место их займут независимые друг от друга общины, находящиеся между собой в добровольных союзах. В общинах, где семья сохранится только для воспитания, частная собственность на средства производства и потребления отсутствует. Вся земля покрывается такими общинами, и вместо больших городов, обреченных на уничтожение, вырастут дворцы общин, выстроенные среди садов и полей на лоне природы.

Практические попытки организовать как фаланстеры Фурье, так и общины Оуэна (в Америке, Ирландии и др.) потерпели полную неудачу.

Замечательный современник и отчасти ученик Оуэна Вильям Томпсон примыкает к своему предшественнику во всем, что касается практического осуществления социализма. Но теоретически далеко оставляет его за собой, являясь предтечей Маркса. Томпсон исходит из основной мысли, что *ценность всякого продукта есть результат вложенного в него человеческого труда*. Отсюда следует, что производитель (т. е. рабочий) является единственным хозяином продукта. В действительности же он получает только незначительную часть стоимости произведенной вещи, достаточную только для поддержки его существования. Капиталисты, владельцы земли и орудий производства, получают остальную часть — земельную ренту и проценты на капитал. Уничтожить вред, приносимый рабочему классу отбиранием части его труда паразитическими классами, могут только социалистические общины, основанные по принципу Оуэна. Томпсон вводит только некоторые исправления в систему государственного устройства: оно остается на ряду с ассоциациями, главным образом, для того, чтобы облагать их определенным налогом, пропорционально плодородию местности, где расположены общины; этим уничтожается между ними естественное неравенство.

Если Оуэн и его последователи, несмотря на утопический характер их учения, стремились все же к практическим целям, то Карлейль ограничивается исключительно общими рассуждениями («Чартизм», 1840 г., «Прежде и теперь», 1843 г.). Он также находит положение рабочего класса в Англии невыносимым; «рабочий класс богатого английского народа дошел или скоро дойдет до такого состояния, подобного которому буквально никогда еще не бывало». Отчего это происходит? От свобод-

ной конкуренции, оттого, что люди все меряют на деньги, между тем как они (деньги) далеко не единственное звено, связывающее человека с человеком. «Эгоизм, как бы он ни был просвещен, не может быть руководителем человеческой жизни. Человек обладает душой, и ее потребности неизмеримо выше его материальных потребностей». Фабриканту Карлейлю советует найти бога, найти душу, «быть благородным господином благородных рабочих», призывает к покаянию. Призыв этот не имел, конечно, ни малейшего практического значения, однако способствовал развитию социальных идей. Под сильным влиянием Карлейля находилась группа лиц, называвших себя «христианскими социалистами».

Во Франции развитие машинного производства не осталось без ответа со стороны пролетариата. Здесь рабочие массы принимают деятельное участие в Июльской революции 1830 г. Это обстоятельство побудило социалистов оставить мирную тактику распространения социалистических идей, как это делали С.-Симон и Фурье, и стать на путь политической борьбы и революции. Так и сделал Бланки (1805 — 1881). Однако, он питал недоверие к народным массам, вследствие неосознанности и неорганизованности пролетариата и взамен массовых движений выдвигал заговор организованного меньшинства. Отсюда заговорщический характер, применяемый в революции, и принято называть «бланкизмом».

Представителем так называемого *группового* (или *корпоративного*) социализма является Луи Блан, главная деятельность которого падает на 40-е годы XIX в. Л. Блан не верит в возможность государства руководить всем общественным хозяйством; производство должно находиться в руках отдельных рабочих организаций с определенной отраслью труда в каждой из них. Продукты обмениваются на рынке между рабочими ассоциациями, а чистая прибыль поступает членам рабочего союза за вычетом доли, следуемой государству. Практически осуществляя свою мысль, Л. Блан предполагал отдать в руки государства также крупные предприятия: железные дороги, рудники, банки и страховые учреждения; чистая прибыль с них должна составлять бюджет рабочих организаций, идти на содержание мастерских, рабочих союзов.

В Германии, в связи с ее промышленной отсталостью по сравнению с Англией и Францией, самостоятельная разработка социалистических идей появилась только в середине XIX столетия. В 1842 г. вышла книжка Вейтлинга «Гарантия гармонии и свободы», бывшая долгое время катехизисом немецкого коммунизма. Утописты до Вейтлинга не связывали свои реформы с деятельностью и стремлениями рабочего класса, полагая, что за их идеями последует все человечество: богатые откажутся от своего богатства, капиталисты добровольно не пожелают быть эксплуататорами, господствующие классы сами откажутся от власти. У Вейтлинга нет доверия к господствующим классам. В этом его существенная разница от других утопистов. Кроме того Вейтлинг широко проповедует идею интернационализма. По его учению, человечество должно соединиться в большую семью, устранив национальные, религиозные и сектантские различия. Всеобщим должны быть как труд, так и потребление продуктов труда, воспитание детей, одинаковые права и обязанности. Право наследования и частная собственность уничтожаются. К. Маркс в молодости очень увлекался трудами Вейтлинга и считал их гениальными. Таково было влияние этого утописта на лучшие умы своего времени.

Все великие утописты XIX века вглядывались в мрачные стороны жизни и, наблюдая крайнее противоречие между богатством и нищетой,

не могли понять той простой истины, что богатые никогда не откажутся от своих капиталов, не пойдут навстречу обездоленным. Происходило это оттого, что утописты никогда не занимались исследованием исторически сложившихся причин, породивших буржуазный порядок с его эксплуатацией. Кроме того сами они, принадлежавшие к буржуазным классам по своему положению, привычкам и воспитанию, не могли переплотиться и стать на точку зрения тех, за кого они ратовали, т. е. на точку зрения угнетаемого рабочего класса.

Удалось это сделать только К. Марксу, с именем которого связан глубокий перелом в истории социалистических идей.

НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

I

Великие утописты XIX столетия видели отрицательные стороны современной им жизни, чувствовали глубокое противоречие между распределением труда и капитала среди населения, когда трудящийся производитель всех жизненных благ остается нищим, убогим и невежественным, а владыка капиталов, ведущий сплошь и рядом паразитический образ жизни, — чрезмерно пользуется всем.

Почему это произошло, какими историческими путями человечество пришло к такой вопиющей несправедливости? На эти вопросы утописты не могли ответить, потому, главным образом, что не придавали им должного значения. Они только «придумывали», как бы исправить нелепость и несправедливость современной жизни.

Жизнь показала, что в целях преобразований недостаточно открыть всю мерзость бытия, все его отрицательные стороны. Нужно их внимательно изучить, открыть и оценить действительные исторические причины, породившие уклад жизни, и в нем самом указать на те новые ростки, какие могут способствовать перемене общественных отношений. Не изобретать новые социальные проекты, как делали утописты, а только вскрыть совершающийся исторический процесс и, поняв его, помогать ему воплотиться в жизнь.

В конце 1847 г. К. Маркс (1818 — 1883) писал в «Коммунистическом манифесте»: «Теоретические положения коммунистов ни в каком случае не основываются на идеях или принципах, придуманных или открытых каким-нибудь изобретателем мирового обновления. Они являются только общим выражением реальной, происходящей в действительности классовой борьбы совершающегося перед нашими глазами исторического движения».¹

Этим положена глубокая пропасть между утопическим социализмом и основными идеями К. Маркса. Весь вопрос, следовательно, в том, чтобы изучить «реальные условия происходящей в действительности классовой борьбы». Но к изучению их надо было подойти с такой точки зрения, которая помогла бы вскрыть истинную сущность исторических явлений, в высшей степени запутанных и сложных. Маркс выдвигает новый метод изучения истории — *исторический материализм*.

Согласно этому методу, «первопричину социальных преобразований и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в расту-

¹ См. «Коммунистический Манифест», издание ин-та К. Маркса и Ф. Энгельса, М. 1923 г. Стр. 79. Ред.

щем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменении способа производства и обмена; другими словами, — не в философии, а в экономике данного периода».

На страдном пути исторического развития человечеству пришлось пережить несколько таких хозяйственных форм.

II

Когда племена, свободно кочующие по земельным пространствам, плотно оседают на землю, в их общественном укладе происходит ряд существенных перемен, разлагающих первобытный родовой союз и тесно связанный с ним первобытный коммунизм. Меняется прежде всего способ добывания источников к существованию, постепенно переходящий от промыслов — звероловства, рыболовства, лесного пчеловодства к земледелию. Обладание землей становится самым ценным, самым необходимым для пропитания. Постепенно вырабатывается мысль о праве частной (личной) собственности на землю в особенности у лиц, пользующихся властью среди своих племен — у вождей и дружинников. Все богатство таким образом состоит в обладании земельными угодьями, так как они могут принести достаточное количество хлеба, мяса, звериных шкур и т. п. О деньгах в эту эпоху человечество имеет очень смутное понятие, и, если племенам приходится обменивать какие-нибудь продукты, мена эта происходит или непосредственно, или с помощью какого-нибудь определенного продукта, играющего роль денег. Известно, например, что у многих народов вместо денег скот, шкуры зверей и пр. представляли меновую денежную единицу.

Самый обмен продуктами в жизни отдельных семей не играл почти никакого значения, так как все необходимое производилось дома, начиная с пищи и кончая одеждой, обувью и сельскохозяйственными орудиями. Хозяйство было замкнутым в самом себе, *натуральным*, не нуждавшимся ни в продаже своих продуктов, ни в привозе товара со стороны.

Ремесло находилось в зачаточном состоянии, хотя уже в глубокой древности существовали специалисты-ремесленники, занимающиеся выделкой оружия: бронзовых топоров, мечей и пр.

Характер натурального хозяйства, покоившегося на земледелии, превращал человека из воинственного кочевника и охотника в мирного хлебопашца, у которого не оставалось времени для воинственных набегов, битв и сражений. Между тем оборона земли, постоянно находившейся под угрозой захвата в целях грабежа со стороны соседей, требовала сил и постоянного отпора наседавшему врагу. Происходит разделение труда: из состава населения выделяются специалисты-воины во главе с вождем-князем или королем, занятые исключительно обороной страны. Жизнь поставила перед этим новым классом трудную задачу обороны, но зато она освободила его от труда зарабатывать себе пропитание. Об этом должны были заботиться хлебопашцы, избавлявшиеся при этом от военной повинности.

Не трудно понять, что воинственный класс — король и его дружина — не ограничился обороной страны от врагов, а захватил власть в свои руки, превратив остальное население в подданных, обязанных его содержать.

Так постепенно на основе сельскохозяйственного хозяйства вырабатывался порядок, ярко выразившийся в эпоху средневековья (V — XIV века) и получивший название *феодализма* (от слова фео́д, т. е. поместье, земельное

владение, которое рыцарь-феодал получал от короля или другого крупного сеньера за свою службу).

Население резко делилось на два класса: рыцарей или дворян (с примыкающим к ним духовенством) и крепостных крестьян, различными способами прикрепленных к земле, обязанных содержать высший класс, платя оброки и работая барщиной, т. е. выполняя разнообразную работу в поле и во дворе своего господина.

Стремление землевладельцев выжимать с крепостного крестьянства возможно больше дохода особенно усилилось, когда в сферу натурального хозяйства проникли деньги, появлявшиеся все в большем и большем количестве благодаря торговле, развивавшейся с Востоком. Восток привозил главным образом предметы роскоши, доступные только высшим классам, и они, поддаваясь моде и тщеславию, выколачивали деньги со своих крепостных, заставляя, таким образом, и крестьянство войти в круговорот денежных сделок, вообще перейти к денежному хозяйству, продавать свое сырье на рынке, чтобы заплатить деньгами оброки.

Естественно, что аппетиты дворян вызывали отпор крестьянства, сопровождавшийся рядом крестьянских восстаний, вспыхивавших в разное время по всей Европе.

На ряду с борьбой крестьян шла и борьба ремесленников, довольно быстро освободившихся от крепостной зависимости.

Незначительное развитие ремесла естественно в период натурального хозяйства. Толчок к развитию оно получило вместе с усилением крепостного права, когда помещик совершенно отрывал от земли искусного мастера, заставляя его работать в области какого-нибудь ремесла не только на себя, но и на других, на заказчиков со стороны.

Вблизи больших барских дворов, служивших резиденцией королям, герцогам и епископам, куда обычно стекалось много народу — войско, свита и пр., — быстро стали расти поселки. Они превратились мало-помалу в рынки, куда съезжались заморские купцы с диковинными товарами. В таких местах росло народонаселение; они укреплялись, становясь хорошо защищенными городами, дававшими возможность населению безопасно заниматься ремеслом и торговлей.

Население городов, первоначально зависимое от землевладельцев, постепенно освобождается от этой зависимости. Оброчные ремесленники, поселенные в города своими господами, освобождаются от неволи, выплачивая сначала вместо оброков натурой — денежную подать, а затем добиваются полной независимости.

В борьбе за независимость городу много помогало с одной стороны увеличивающееся богатство и приток населения, с другой — *цеховое устройство ремесленников*. Еще раньше, при больших господских дворах рабочие одного и того же ремесла объединялись в союз или товарищество с мастером во главе. Делалось это для облегчения управлением работы и для улучшения производства. Впоследствии эти организации сохранились и в городах и стали играть огромную роль в борьбе рабочих за независимость. В XII — XIII веках повсюду в Западной Европе появляются эти свободные союзы, сначала наиболее богатых профессий — купцов, суконщиков, портных, а затем и остальных: сапожников, пекарей, кузнецов, мясников и пр.

Для ремесленнического хозяйства характерно то обстоятельство, что техника ремесла в общем крайне первобытна. Она не требует ни особенно дорогих инструментов или сложных орудий производства, ни совмест-

ной работы нескольких лиц, ни запасов сырья. Обычно сырой материал доставляется мастеру заказчиком; ремесленник за определенную плату только перерабатывает его, очень часто даже не у себя в мастерской, а в доме заказчика. Следовательно, ремесленники средневекового периода не обладали большими капиталами и не содержали огромных мастерских с большими штатами подмастерьев и учеников. Правда, у мастеров были ученики-подмастерья, жившие не в роли батраков, а в качестве членов семьи. Так как обзавестись нехитрыми орудиями ремесла не составляло особого труда, такие ученики со временем становились сами мастерами, приобретая все права цехового мастера.

Однако, начиная с XIV столетия, а в Италии даже значительно раньше, обстоятельства изменились. Развитие международных сношений, в связи с торговлей, породило в высших сословиях жажду к роскоши, а следовательно и к деньгам и вызвало стремление выколачивать как можно больше доходов со своих подданных. Князья, дворянство начинают тяготеть к городу, как центру, где бьет ключом торговая жизнь, а вместе с ней насаждается новая культура, отличная от грубости и невежества средневекового феодала-рыцаря. Это тяготение к городской культуре создает небывалый рост ремесла: оно становится самым выгодным занятием. Цехи богатеют, начинают играть в городах самую видную роль, но зато замыкаются в себе, — доступ в цех все более и более затрудняется, получить звание мастера, выбиться из учеников и подмастерьев становится все труднее, даже невозможно, если ты не сын мастера или не женат на его дочери.

Нарождается многочисленный класс батраков-подмастерьев, утративших надежду, благодаря цеховой замкнутости, попасть в мастера. Выгодность ремесла заставляла хозяина-мастера постепенно отходить от участия в производстве. Гораздо прибыльнее было вместо того, чтобы работать самому, нанять возможно больше батраков и эксплуатировать их труд, только надзирая за ходом работ. Мастера превращаются в надсмотрщиков. В связи с этим ухудшается положение подмастерьев и вызывает в них стремление дать отпор эксплуататорским действиям хозяев.

В эту эпоху истории намечается зарождение пролетариата и пролетарски той классовой борьбы, какой суждено играть со временем исключительную роль в судьбах человечества. Но до нее еще далеко, еще не создан окончательно тот класс, который впоследствии вступит в такой острый конфликт с рабочими массами, нет еще буржуазии. Вернее — она уже есть, но только нащупывает почву, делает лишь первые младенческие шаги. Она начинает поднимать голову и крепче становится на ноги с того момента, когда торговый капитал нарастает, не ограничивает себя одними торговыми оборотами, а вступает в самое производство, поняв, что гораздо выгоднее не только торговать уже сделанными кем-то другим товарами, а самому производить их.

Вступив на путь производства, торговый капитал сразу внес в него существенные изменения. Прежде всего обладатель капиталов имел большую возможность, чем какой-нибудь цеховой мастер, нанять большее число рабочих, а, стало быть, и получать больше прибыли, выжимая прибавочную стоимость, т. е. доводя до минимума заработную плату, удлиняя рабочий день.

Имея достаточное количество рабочих, хозяин не замедлил дифференцировать труд, раздробить производство одной вещи на несколько самостоятельных процессов. Прежде ремесленник делал всякий предмет

от начала до конца, теперь он стал специализироваться только на какой-нибудь определенной части. Это значительно увеличивало производительность труда, а следовательно приносило лишний доход хозяину.

Так создались мануфактуры, пока еще небольшие предприятия, зародыши будущих обширных фабрик с тысячами занятых в них рабочих. Человечество вступило на путь капитализма.

Конечно, в силу замкнутости цеховых организаций, благодаря тому, что в них было строго регламентировано производство, так что мастеру не позволялось, например, иметь больше определенного количества учеников и подмастерьев, мануфактура не могла развиваться внутри цехов. Развилась она вне их и, главным образом, под покровительством королевской власти, дававшей хозяевам мануфактур большие привилегии. Короли вступили на путь, приведший впоследствии их к неминуемой гибели. Они сами старательно насаждали мануфактуры, думая таким образом обогатить королевскую казну. В XVII и начале XVIII столетий господствовал взгляд, являющийся естественной мечтой торгового капитала (меркантилизм): для обогащения страны нужно как можно больше вывозить из нее товара за границу, чтобы увеличить количество денег; предполагалось, что в них основное богатство государства. Но вывозить сырье невыгодно, гораздо прибыльнее продавать уже переработанный продукт. Этим и объясняется стремление государственной власти насаждать фабрики и заводы, вообще покровительствовать мануфактуре.

Однако, с рождением капитализма, королю неминуемо пришлось вступить в конфликт с буржуазным классом, носителем нового способа народного хозяйства. Король, продолжая оставаться крупным землевладельцем, не мог порвать со старыми феодальными порядками, с преобладанием в государстве дворянства и с поддержкой всех привилегий, какими пользовался этот первый класс, — «цвет и опора» государства.

Между тем развивающийся капитализм требовал отмены всяких привилегий, стесняющих производство, и прежде всего свободы политической в том смысле, как понимала ее буржуазия. Прежде всего требовалось раскрепощение крестьянских масс, ведь только из них могли набираться кадры рабочих, необходимых для развития мануфактур.

Сообразно с новым способом производства возникла новая либеральная идеология. Целая серия философов и ученых XVIII ст. провозгласили принцип свободы человеческой личности, основываясь на «вечных и неизменных законах природы».

Человек рождается свободным — таков закон природы. Дело общества — слепо повиноваться этому закону. В Англии, опередившей другие страны в промышленном отношении, появились и соответствующие экономические теории, созданные так называемыми классиками политической экономии — *Адамом Смитом*, *Мальтусом* и *Рикардо*. Первый провозгласил полную свободу хозяйственной деятельности, свободу торговли и промышленности, как самое верное средство экономического прогресса, а эгоизм личности объявил основной движущей силой в области народного хозяйства.

Рикардо объявил человеческий труд таким же товаром, как и всякий другой; расценивается он, как и прочие товары, издержками, необходимыми для того, чтобы рабочие могли существовать и размножаться с таким расчетом, чтобы число их не превышало необходимой нормы. Наконец Мальтус, указав, что люди размножаются гораздо быстрее средств к существованию, тем самым лишил рабочих места на жизненном пиру.

Для бедного пролетария не приготовлено прибора на пиру природы. Ее высший и неизменный закон предоставляет бедняку только право умирать с голоду.

Экономисты-классики освятили принцип полного невмешательства государственной власти в экономическую жизнь: «предоставьте всему итти своим чередом» — таков основной лозунг буржуазных либералов.

Великая французская революция смела старый феодальный порядок, препятствовавший развитию буржуазно-капиталистического хозяйства; в Англии и других странах он пал, отмененный частью законодательным путем, частью революционным. Капитализм получил полную свободу и стал развиваться с поражающей быстротой. Открытия в области техники производства следовали одно за другим, ручной труд заменился машиной, приводившейся в действие силой пара, а потом и электричества. Производительность труда достигла небывалых размеров. Если раньше для того, чтобы превратить 5 тонн железа-сырца в кованое железо, тратили с помощью обжигания $1\frac{1}{2}$ недели, то посредством подугливания на это стало уходить полдня (теперь путем бессемиривания на это требуется всего 20 минут).

Но вместе с поразительной производительностью труда капитализм принес и *анархию производства*.

Когда-то ремесленник-мастер работал на заказчика, т. е. на определенного потребителя, а, стало быть, продукты труда выпускались по мере надобности в том количестве, в каком чувствовалась в них потребность. С переходом к капиталистическому производству между производителем продуктов и их потребителями образовалась целая пропасть. Капиталист не знает своего потребителя; он выпускает товар на рынок для неизвестных ему лиц, не сообразуясь с тем, найдется ли покупатель. И, если его нет, если количество выпущенных продуктов превышает спрос на них, наступает кризис в области той или иной промышленности. Разумеется, кризис не бывает вечным: через определенный промежуток времени товары снова находят массовый сбыт, как только у потребителей почувствуется недостаток в продукте. Но за время кризиса останавливаются предприятия, на улицу выбрасываются тысячи, десятки тысяч рабочих, более ненужных капиталисту после остановки производства. Время кризиса необходимо переждать, а это могут сделать только крупные предприятия, мелкие же неминуемо разоряются. Таким образом, происходит накопление или концентрация капиталов в руках немногих крупных капиталистов, и этот процесс идет тем быстрее, чем чаще случаются кризисы. Разорение ремесленников и мелких предпринимателей следует по пятам за кризисами и концентрацией капиталов, все большее число людей пролетаризируется, лишается орудий производства, поступает на службу к крупному капиталу. Таким образом, производители труда служат для обогащения немногих, а на их долю выпадают лишь крохи в виде заработной платы.

Вследствие этого классовая борьба, столь характерная для всех исторических эпох, как только на арене истории появились различные общественные группы, принимает в эпоху капитализма самый острый характер. Теперь борются две группы: буржуазия и пролетариат, и последний не замедлит победить не только в силу своей многочисленности, но и благодаря тому, что капиталистический строй с его анархией производства, являясь тяжким бременем для пролетаризированных масс, изживает сам себя.

III

Изображенный здесь в общих чертах процесс исторического развития стал понятным только благодаря идеям К. Маркса. Утописты, его современники, не изучали хода истории, не вглядывались в него с такой пылкостью, увлеченные философскими рассуждениями; они не уясняли себе ни причин классовой борьбы, ни явлений быстро развивающегося тогда капитализма; в классовой борьбе они не видели решающего момента, являющегося двигателем истории. Чисто философское отвлеченное понятие — народ — заслоняло перед ними сущность происходящих событий. Вот почему они думали, что достаточно всему народу дать соответствующую научную формулу, разъяснить ее, и тем самым будет разрешен социальный вопрос. На такой точке зрения покоятся и все рассуждения одного из основателей анархизма Прудона, высказанные им в «Системе экономических противоречий или философии нищеты» (1846). В ответ на это сочинение Маркс написал резкую критику «Нищета философии», где впервые высказал свой взгляд и установил метод материалистического понимания истории.

«Общественные отношения, — пишет он здесь, — тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свои способы производства, а изменяя свои способы производства, способы обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе; паровая мельница — промышленно-капиталистическое общество».

Естественно, что Фр. Энгельс, ближайший друг и последователь К. Маркса, так определяет задачу научного социализма: «Она состоит не в создании наиболее совершенной формы общества, а в анализе исторического хода хозяйственного развития, благодаря которому появились пролетариат и буржуазия и создался антагонизм между ними, и в отыскании средств для разрешения конфликта в самом экономическом положении. Социализм до Маркса критиковал, правда, существующий капиталистический способ производства и его последствия, но не мог объяснить его, а потому не мог ничего с ним сделать».¹

В первом томе «Капитала» Маркс и произвел «анализ исторического хода хозяйственного развития», о котором говорит Энгельс. Здесь рисуется процесс развития форм производства, начиная с цехового, ремесленного, зарождения мануфактуры и кончая современным капитализмом, создавшим анархию производства. Происходит эта анархия оттого, что капиталы (т.е. орудия производства) находятся в руках отдельных лиц, владеющих ими на правах частной собственности. Вот почему наблюдается коренное «противоречие между производительными силами и способами производства, между общественным производством и капиталистическим присвоением».

Возможность избавиться от этого противоречия, а вместе с тем и от эксплуатации одного класса другим, указана самим ходом истории.

«Со времени разложения первобытного общинного владения земель, — пишут Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» (вышел

¹ Фр. Энгельс, «Развитие социализма от утопии к науке». В издании Гиза 1928 г. на стр. 57 цитата эта начинается словами: «Его задача заключается в том»,... и кончается: «...объявить его никуда негодным». Ред.

в свет в начале 1848 г.), — вся история была историей классовой борьбы, борьбы между классами эксплуатируемыми и эксплуатирующими, поработанными и господствующими на различных ступенях общественного развития; эта борьба достигла однако теперь такой ступени, когда класс эксплуатируемый и поработанный пролетариат не может освободиться от эксплуатирующего его и господствующего над ним класса буржуазии, не освободив вместе с тем все общество навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы». ¹

Капитализм, развивавшийся в 40 годах в Западной Европе с невероятной быстротой, разрушая старые формы хозяйства, концентрируя капиталы и вследствие этого выбрасывая тысячи безработных, лишенных заработка, обреченных на голод, казалось, приближался к своему естественному концу. Казалось, неизбежна ужасная катастрофа. Великие основатели научного социализма переоценили момент, приняв детский болезненный рост молодого капитализма за его естественный конец. Они думали, что не далек час пролетарской революции, час «экспроприации экспроприаторов». «Коммунистический манифест» полагал, что предстоящая в Германии «буржуазная революция может быть только непосредственным прологом пролетарской революции».

Действительность не оправдала этих надежд. Наступила тьма реакции, начавшая рассеиваться только к 60-м годам. К этому времени относится деятельность блестящего агитатора и неутомимого работника в деле организации пролетариата — *Фердинанда Лассалья* (1824 — 1864).

В серии блестящих речей Лассаль высказывал взгляды, очень близкие авторам «Коммунистического манифеста». Он указывал, что, соответственно с изменением в способе производства, общество постепенно преобразовывалось из феодального в капиталистическое; после землевладельцев-дворян видную роль стала играть буржуазия; сменить ее призван рабочий класс, который наложит свой отпечаток на дальнейший ход развития человечества.

Пролетариат прежде всего должен вести политическую борьбу, чтобы с ее помощью иметь влияние на государственную власть и попытаться оградить себя от «железного закона заработной платы» (указанного уже ранее Рикардо), «в силу которого средняя заработная плата держится на уровне потребностей, необходимых для существования рабочего и продолжения рода». ²

«Единственный, открытый рабочему народу выход из пустыни, — думает Лассаль, — свободная рабочая ассоциация, опирающаяся на поддерживающую руку государства». ³ А чтобы добиться влияния на государственную власть, необходимо требовать всеобщего и прямого избирательного права. В вопросе о рабочих ассоциациях Лассаль не отрешился еще от утопических взглядов, близко подходя к идеям Л. Блана, представителя корпоративного или группового социализма.

Но в организации пролетариата ему удалось достигнуть существенных результатов основанием в 1863 г. «Всеобщего германского союза», соединившегося впоследствии (1875 г.) с «Союзом германских рабочих обществ». Они положили основание германской социал-демократии.

¹ См. «Коммунистический манифест», стр. 49.

² См. Ф. Лассаль, Сочинения, т. II, стр. 59 и 77. Из-во «Круг».

³ См. там же, стр. 73 и 119.

Между тем рост капитализма способствовал усилению классовой борьбы, принявшей указанный ей Марксом интернациональный (международный) характер. В 60-х годах в Лондоне образовался при непосредственном участии Маркса и Энгельса «Интернационал» — «Международное товарищество рабочих». Лозунгом его остается все тот же клич, провозглашенный «Коммунистическим манифестом»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Во временных статутах, выработанных Марксом и приложенных к Интернационалу, указывалось: «что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих; что экономическое порабощение рабочих собственниками орудий труда есть основная причина политического, материального и морального рабства и что освобождение труда, представляя собой не местный национальный, а международный вопрос, должно охватить все страны».

Научному социализму пришлось выдержать упорную борьбу со старыми утопическими взглядами, приведшую между прочим к распаду Интернационала (главным образом, благодаря анархисту Бакунину), пока утопический социализм окончательно не сошел со сцены.

Чисто пролетарское движение «Парижской Коммуны» в 1871 г., не шедшее, правда, под знаменем марксизма, ясно показало, что рабочий класс, даже такой передовой в промышленном отношении страны, как Франция, был далеко не организован для победы. С другой стороны, оргии безумной и дикой жестокости, проявленные буржуазией при подавлении парижского восстания, дали яркую иллюстрацию крайней непримиримости и обостренности классовой борьбы.

К сожалению, уроки истории были учтены вождями пролетариата не всеми в одинаковой степени. С конца прошлого столетия в рядах социал-демократии, целиком строившей свою программу на идеях марксизма, появились люди с определенными оппортунистскими, соглашательскими стремлениями. К числу последних относится и так называемый *ревизионизм*, творцом которого является *Бернштейн*.

Ревизионизм указывает на необходимость пересмотра всего учения Маркса (отсюда его название), подвергает критике материалистическое понимание истории, считая значение экономического фактора преувеличенным. Не согласны ревизионисты и со взглядом Маркса на социальную революцию: по мнению Бернштейна, будущий социализм явится не результатом пролетарской революции, а следствием чрезвычайно медленного постепенного развития человечества. Поэтому для современников — «движение все, цель — ничто».

Сообразно с этим и тактика ревизионистов лишена революционности, стоит на пути соглашения с буржуазными партиями.

Ортодоксальный марксизм отстаивает идеи Маркса во всей их чистоте.

Особенно много сделали в смысле популяризации марксизма К. Каутский и наш соотечественник Плеханов. Однако, в тактическом отношении и они отошли от прямолинейной революционности рабочего класса.

В России до 90-х годов прошлого столетия среди интеллигентских кругов общества безраздельно господствовали утопические теории, естественные при экономической отсталости страны. Сначала народолюбцы, затем социалисты-революционеры, с их духовными отцами Михайловским и Лавровым, занимали доминирующее положение в кружках русской революционной молодежи.

Образование с.-д. партии связано у нас с именем Плеханова, В. Засулич и Дейча, организовавших за границей пропагандистскую группу «Освобождение труда», и с именами Ленина, Бабушкина (расстрелян в 1905 г.) и др., создавшими в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Вначале нераздельная партия раздробилась на два крыла: «меньшевиков» и «большевиков». Названия эти чисто случайны. На втором съезде РСДРП в 1903 году одна группа во главе с Мартовым осталась в меньшинстве, откуда и произошли названия. Первоначально меньшевики восставали против организационного централизма, развивавшегося в партии благодаря ее вынужденному подпольному существованию. В дальнейшем, указывая на противоречие между классовыми задачами партии и интеллигентским характером ее личного состава, они настаивали на созыве «рабочего съезда» и на усилении среди рабочих деятельности по устройству беспартийных организаций: профессиональных союзов, кооперативов и т. д. Все это предполагалось создавать для того, чтобы в рамках царского режима иметь открытую рабочую партию взамен подпольных организаций (за это меньшевики получили название «легалистов» и «ликвидаторов»).

В вопросах революционной тактики в эпоху революции 1905 г. между двумя крылами партии произошло также большое расхождение. В то время как «большевики» с Лениным во главе считали необходимым для социалистической партии, опираясь на пролетариат и крестьянство, оттеснить либералов и взять на себя всю задачу политических и социальных преобразований, «меньшевизм» склонен был только помогать либеральной буржуазии в ее попытках оттеснить от власти реакционные элементы общества.

Меньшевики называли попытку захвата власти «бланкистской» утопией.

Ленин считал тактику меньшевиков оппортунистской и неуклонно шел по раз намеченному пути революционной борьбы пролетариата без тени какого бы то ни было соглашательства с либеральной буржуазией. Экономизму и тактике меньшевиков, приспособляемой к либерализму, «большевики» противопоставляли тактику доведения революции до конца, ведя при этом за собой демократическое крестьянство.

В наши дни расхождение двух частей партии окончательно определилось, приняв острый характер.

Тактика большевиков (коммунистов) находит блестящее подтверждение в развертывающихся на Западе событиях.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ПО ИЗДАНИЮ СОВЕТСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Присутствовали: т.т. Батурин, Бронский, Горький, Гржебин, Еремеев, Сосновский, Старк, Каплан.

Горький. В виду того, что словарь должен иметь агитационный характер, изложение должно быть, несмотря на краткость — ясным, потому общее редактирование литературным отделом взять на себя не решился бы. Не потому, что будут «ругать», хотя, конечно, тяжело, если ругань справедливая, но главное в том, что для общего редактирования нужен человек литературно более грамотный. Взять могу на себя форму изложения — язык; хотя работа тягостная, но, что же делать, — она нужна.

Батурин. Не считает возможным найти человека более компетентного для литературного отдела, чем Горький: «Кто же знает лучше народные запросы, чем Максим Горький?»

Горький. Ведь понятия и смысл всех слов в будущем словаре изменяются и углубляются, все принимает другой колорит. Вы, люди, более гибкие и способные углублять пропасть и старого и нового; ведь редактор должен направлять и гнуть определенную линию.

Батурин. Возьмите, Алексей Максимыч, отдел искусства вообще.

Горький. Скульптура, живопись, — ведь это все громадные отделы. Надо дать о них полное понятие, чтобы была ясна и проста и школа и техника; здесь нужны знатоки, специалисты.

Батурин. Нужно общее. Прежде всего нужно перечеркнуть понятия о «великих земли русской».

Горький. Правда, нужно освободиться от старого хлама, нужна новая оценка, сильная, краткая. Но... чем кратче, тем труднее.

Батурин. Надо писателей знать хорошо, надо любить их, любить литературу, чье же имя может стать рядом с Горьким?

Горький. Желательно придать книге авторитет солидным научным именем.

Сосновский. Только не авторитет этих тяжелых имен.

Еремеев. Понятие у нас об авторитетах другое, авторитет для нас не профессор Овсянко-Куликовский, а Горький.

Горький. Я мог бы указать научно знающего и образованного человека, он был бы и для вас приемлем, это — Строев.

Сосновский. Я считаю лучше всего предоставить Алексею Максимовичу подыскать группу сотрудников.

Батурин. Главное, чтобы в художественно-литературном отделе был свой компетентный человек.

Горький. Решая конструкцию одного отдела, решаем с этим и конструкцию других; тут надо подойти к вопросу серьезно. Одно изложить какое-нибудь понятие, не скрывая сложности вопроса, а другое написать статью теоретически правильно. Я здесь попадаю в область сомнения, что для редактора недопустимо. Надо строить так: заведывание каждым отделом должно быть возложено на одно лицо соответствующей авторитетности. Но залог успеха, — если сверх-редактором будет Ильич, который

возьмет на себя окончательную шлифовку. Я постараюсь убедить Ильича в необходимости его надзора. Сейчас же нужно наметить отделы и редакторов.

Б а т у р и н. При составлении отделов нужно принять во внимание новые понятия, перечеркнуть все старое и балласт выбросить.

Б р о н с к и й. Предлагает обратить внимание на нужды крестьянства, так как в настоящее время уже нет нужды агитировать за нашу власть. Система уже укреплена, теперь ищут практического указания; теоретические обоснования придут во вторую голову; теория системы теперь мало интересует, а вот практическое сельское хозяйство крестьянина очень интересует, и ему надо уделить место и много места.

Б а т у р и н. Можно сказать заранее, что мы не можем уделить место специальностям, и вряд ли в наш словарь пойдут искать ответы на специальные вопросы. Если взять даже большой словарь Брокгауз и Эфрон, и там специалист не найдет ответа на интересующие его вопросы, а должен будет обратиться к специальным источникам и словарям.

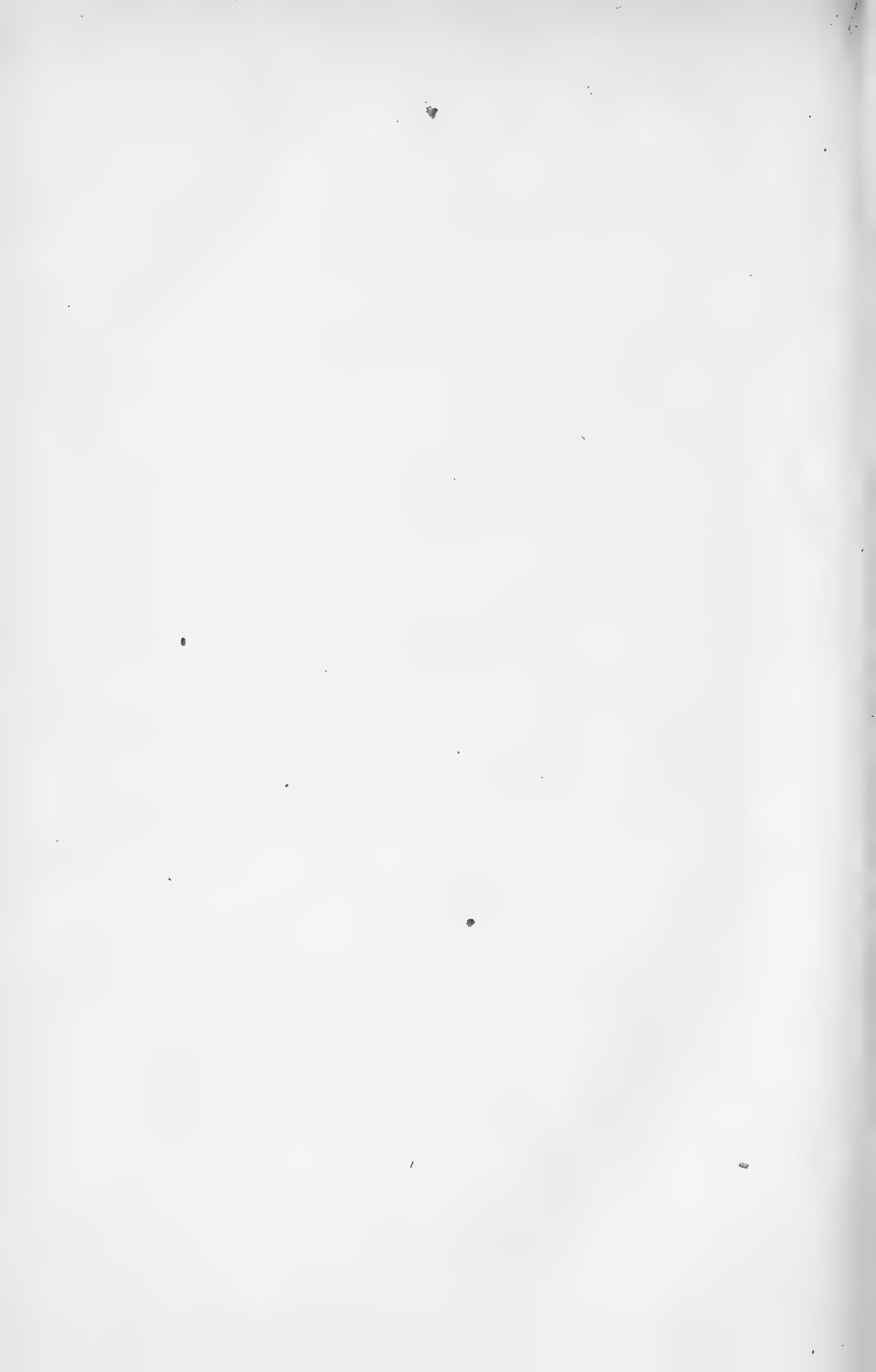
С о с н о в с к и й. Потребности крестьянства в знании практического сельского хозяйства должен удовлетворить Крестьянский отдел ЦК, мы же должны взять направление на общественность.

Г о р ь к и й. По вопросам специальным можно отсылать к источникам.

Б а т у р и н. Важна общественная сторона, потому что в старых словарях многих слов и понятий нет, например: под словом «Ленин» обозначено местечко где-то в Австрии, а те слова и понятия, что есть, отравлены ложью и извращены.

Г о р ь к и й. Полагаю, что вряд ли между редакторами и сотрудниками возникнут по этому вопросу разногласия.

В результате обмена мнений приняли решение создать инициативную редакционную группу в составе товарищей: Батурина, М. Горького, Каменева, Сосновского.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрамович Р. А. — 83
 Авксентьев Н. Д. — 318
 Агапов — 518
 Акимов (Махновец) В. П. — 103, 123, 529
 Аксельрод П. Б. — 61, 71, 82, 125, 127, 136, 195, 198, 292, 422, 470, 562
 Алексеев П. А. — 95, 155 — 160, 166, 170, 171, 389, 401, 444, 470, 518
 Алексинский Г. А. — 570, 572
 Аптекман В. О. — 350
 Астров В. — 311, 362, 363, 370, 434, 442, 443
 Афанасьев Е. А. — 438, 454, 455

Б

Бабеф Гракх — 496, 497, 603
 Бабушкин И. В. — 615
 Бакунин М. А. — 59, 62, 64, 614
 Бардина С. — 160
 Бебель Август — 95, 197
 Бельнский Г. — 332.
 Белоусов Т. О. — 233, 239, 564
 Бельтов — см. Плеханов
 Бердяев Н. А. — 101, 106
 Бернштейн Эдуард — 359, 373, 529, 614
 Бисмарк Отто — 283
 Благоев Д. Н. — 81 — 83, 174, 386, 387, 434, 438, 518
 Блан Луи — 605, 614
 Бланки Луи Огюст — 605
 Блох Роза — 272 — 274
 Бобринский А. А. — 262
 Богданов А. А. — 569
 Болл Джон — 515

Брантинг К. Я. — 329
 Браудо В. И. — 456
 Брейтфус А. Л. — 386 — 389, 414, 416, 438, 455
 Бронский М. Г. — 616, 617
 Бруснев М. И. — 83
 Булгаков С. Н. — 87, 106
 Быстрянский В. А. — 405

В

Вальдус Петр — 511
 Вайнштейн С. Л. — 529
 Ванеев А. А. — 457
 Ванновский А. А. — 96
 Варский А. С. — 569
 Вейтлинг Вильгельм — 605, 606
 Вигдорчик Н. А. — 96
 Виклеф — 514, 515
 Вильгельм II — 297, 300 — 302, 305 — 307
 Вильсон Вудро — 296 — 298, 304, 305, 318
 Винниченко В. К. — 326, 327
 Виноградов С. — 161, 166
 Витте С. Ю. — 110, 249, 250, 254
 Владимиров С. — 150
 Водовозов В. В. — 101
 Волков В. С. — 166, 176 — 185
 Волховский Ф. — 158

Г

Гаазе Гуго — 321, 329
 Гапон Г. А. — 460, 534, 535
 Гегель Г. — 398
 Гед Жюль — 50
 Гендерсон Артур — 329
 Герцен А. И. — 64, 350
 Гильбо Анри — 291
 Гильфердинг Рудольф — 197

Гинденбург Пауль — 306 — 309, 324

Годнев П. В. — 233, 234

Головин К. Ф. — 571

Гольденберг И. П. — 569

Горев Б. — 355

Горин П. — 596

Горький А. М. — 616, 617

Гоц А. Р. — 207

Грабер — 288, 290, 291

Гредескул Н. А. — 263, 264

Грей — 500

Грейлих Герман — 50, 272, 292, 299

Гримм Роберт — 277 — 289, 291

Гринберг Елена — 229, 230

Гус Ян — 516

Гусев С. И. — 588, 589

Гучков А. И. — 197, 202, 206, 208, 229, 240

Д

Дан Ф. И. — 210

Дантон Ж. — 496

Дарвин Чарльз — 417, 419, 576

Джонсон — 365

Джордания Н. Н. — 569, 570

Дзержинский Ф. Э. — 569

Дегаев (provokator) — 61

Дейч Л. Г. — 58, 61, 70, 71, 105, 349 — 351, 403, 615

Дольчино Фра — 512, 513, 599

Дроз Г. — 279

Дубровинский Иннокентий — 569

Ж

Жарков А. (provokator) — 58

Желябов А. И. — 56, 60

З

Зайчневский П. Г. — 374, 395, 397

Запорожец И. К. — 299, 300

Заславский Е. О. — 77, 391

Засулич В. И. — 58, 61, 71, 94, 106, 127, 344, 615

Зиновьев Г. Е. — 463

Зотов Р. — 456

Зубатов С. В. — 110, 112, 459, 534

Зюдекум Альберт — 299, 300

И

Игнатов В. И. — 61

Исуп И. А. — 569

К

Каледин А. М. — 214

Каменев Л. Б. — 573

Караулов М. А. — 226

Каутский Карл — 70, 95, 197, 322, 368, 471, 614

Квятковский А. — 183

Керенский А. Ф. — 208, 218, 295, 304, 307, 318, 368

Клемансо Ж. — 326

Козьмин Б. — 377, 395

Коковцов В. Н. — 249, 252

Корнилов Л. Г. — 206, 214, 215

Кравчинский (Степняк) С. М. — 61, 161

Красин Г. Б. — 455, 456

Красин Л. Б. — 455, 459

Кржижановский Г. М. («Травинский») — 122, 456, 457

Кремер А. — 96, 98

Кричевский Б. Н. — 372, 529

Кропоткин П. А. — 59, 161

Крупп А. — 297

Кюльман Рихард — 322

Л

Лавров П. Л. — 61, 65, 447, 615

Ларин Ю. — 562

Лассаль Фердинанд — 76, 81, 82, 95, 532, 613

Лафарг Поль — 50

Лелевич Г. — 365 — 368, 370 — 373

Ленгник Ф. В. («Васильев») — 122

Ленин В. И. — 105, 106, 122 — 127, 135, 189, 204, 290, 294, 341, 345 — 348, 352, 354, 360, 363, 366 — 368, 371 — 373, 376, 378, 379, 384, 385, 392, 398 — 400, 403, 404, 409, 410, 419 — 421, 427 — 434, 439, 441, 443, 456, 457, 461, 463, 464, 468 — 472, 525, 532, 549, 573, 578, 615

Либер М. И. (Гольдман) — 210

Либкнехт В. — 50

Либкнехт Карл — 323 — 325, 328, 329

Людендорф Э. — 306

Люксембург Роза — 123, 197, 329

Лютер Мартин — 515

Лядов М. Н. — 392

М

- Мабли — 602
 Мальтус Т. — 610, 611
 Марков 2-й — 229
 Маркс Карл — 50, 59, 60, 63, 64, 66, 71, 81, 82, 86 — 88, 95, 105, 128, 352, 365, 379, 381 — 383, 390, 392, 394, 396, 398, 400 — 402, 405 — 408, 411, 423, 432, 446, 447, 456, 470, 471, 495, 497, 498, 501, 503, 529, 530, 550, 578, 584, 604, 606, 607, 612 — 614
 Мартов Л. — 105, 122, 125, 127, 422, 458, 518, 525, 532, 615
 Мартынов А. С. — 103, 134, 529, 550, 569
 Маслов П. П. — 549
 Махайский В. К. — 352
 Мелье Жан — 602
 Меринг Ф. — 441
 Миллюков П. Н. — 200, 202, 205, 206, 208, 213, 236, 467
 Михайлов А. — 162
 Михайловский Н. К. — 86, 615
 Мишкевич С. И. — 373 — 379, 392 — 404
 Монроэ — 302, 303
 Мор Томас — 600, 601
 Морган — 503, 506, 507
 Морелли — 602
 Мосеенок П. А. — 75, 164, 175 — 177, 180, 181, 183 184, 390, 470
 Мутник («Глеб») — 96

Н

- Наполеон I — 499, 581
 Невский В. И. — 337 — 339, 341, 367, 380 — 392, 405 — 440
 Некрасов Н. А. — 174, 453, 454
 Николай II — 200, 295, 300, 302, 303, 305, 340, 344
 Ногин В. П. — 569
 Норинский К. — 458
 Носков В. А. («Глебов») — 122

О

- Обнорский В. — 161, 166, 167, 183
 Окулов Г. С. — 591

Н. Н. Батурич.

Ольминский М. С. — 438, 456, 487, 489

Осинский В. А. — 183

Оуэн Роберт — 498, 499, 603, 604

П

- Парвус (А. Л. Гельфанд) — 533
 Перовская С. Л. — 60, 161, 183
 Петлюра С. — 318, 320, 321
 Петрусевиц К. А. — 96
 Пилсудский — 318
 Платон — 494, 497
 Плеве В. К. — 311
 Плеханов Г. В. — 57 — 65, 69 — 71, 73, 82, 83, 86, 95, 103, 106, 122, 127, 134, 162, 171, 175, 183, 184, 195, 338, 339, 341, 344, 347, 360, 381, 383, 389, 390, 401 — 403, 406 — 408, 411, 419, 420, 432 — 434, 443 — 447, 469 — 471, 518, 549, 553, 567, 614, 615
 Покровский М. Н. — 395, 404, 405, 417 — 419, 442
 Полетаев Н. Г. — 461, 463
 Попов П. С. — 445
 Потресов А. Н. (Старовер) — 105, 127, 525
 Пресняков А. Е. — 183, 405
 Прокопович С. Н. — 106
 Прудон Пьер Жозеф — 612
 Пуришкевич В. М. — 465

Р

- Радченко С. И. — 96, 98
 Рамишвили И. И. — 570, 571
 Ревентлов — 305, 306
 Ридеман Петр — 516
 Рикардо Давид — 610, 611, 613
 Риттинггаузен М. — 70
 Робеспьер М. — 396, 496
 Рогачев Д. М. — 161, 183
 Родичев Ф. И. — 239
 Рожков Н. А. — 569, 573
 Руссо Ж. Ж. — 602
 Рыков А. И. — 569

С

- Савельев М. А. — 590
 Сазонов Г. П. — 229
 Самойлов Ф. Н. — 191 — 193, 587 — 591

Сверчков Д. Ф. — 193 — 195, 588
 Сегарелли Джерардо — 512
 Сен-Симон — 497, 499, 500, 603, 605
 Серафимович А. — 185
 Сильвин М. А. — 457
 Сисмонди — 398, 500
 Скоропадский П. П. — 325
 Смит Адам — 510
 Сократ — 597
 Сосновский Л. С. — 616, 617
 Спиридонович А. И. — 574
 Спиридонова М. А. — 328, 329
 Старков В. И. — 457
 Старовер — см. Потресов.
 Стеклов Ю. М. — 359, 360
 Степняк — см. Кравчинский.
 Стефанович Л. — 58, 351
 Столыпин П. А. — 237—239, 240, 571
 Струве П. Б. — 86, 87, 101, 106, 129, 264, 528, 530
 Сушинский М. — 456

Т

Таратута — 569
 Теодорович И. А. — 569
 Тихомиров Л. А. — 56, 61, 69, 445 — 447
 Ткачев П. Н. — 64, 373 — 379, 393, 395 — 398, 400, 404
 Тома Альберт — 206
 Точисский П. Л. — 386, 388, 389, 413 — 416, 439
 Троцкий Л. Д. — 218, 294, 533, 588
 Туган-Барановский М. И. — 87, 442
 Тучапский П. Л. — 96

У

Успенский Гл. И. — 453

Ф

Фигнер В. Н. — 349, 395
 Фурье Шарль — 497 — 500, 603 — 605

Х

Халтурин С. Н. — 78 — 80, 166, 169 — 173, 183, 185, 390, 419, 437, 444, 445, 469, 470, 472

Ц

Цвингли — 515
 Цед-м Вл. (Цедербаум) — 235
 Церетели И. Г. — 206, 210, 564, 570

Ч

Чарушин Н. — 161, 170
 Череванин Ф. А. — 134, 135
 Чернов В. М. — 213, 318
 Чернышевский Н. Г. — 64, 389, 418, 419

Ш

Шелухин Ф. А. — 178 — 180
 Шейдеман Филипп — 296, 297, 321, 323, 324, 328, 329
 Шелгунов В. А. — 452 — 461, 526
 Шер — 298
 Шишко Л. — 161
 Шульгин В. В. — 229

Э

Эберт Фридрих — 296
 Эдиссон Томас — 303
 Эйдельман Б. Л. — 96, 98
 Энгельс Фридрих — 63, 66, 71, 95, 128, 244, 365, 372, 374, 375, 379, 383, 393, 402, 406, 422, 432, 470, 501, 503, 510, 578, 582, 584, 612 — 614

Ю

Южаков С. Н. — 105

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аграрная программа РСДРП — 137, 361, 410, 548, 550
- Аллианс — 52
- Анархизм, анархические организации, анархисты — 52, 110, 180, 182, 328, 353, 374, 393, 500, 572, 596, 613

Б

- Бакунизм — 368, 401
- Бернштейнианство — 372, 373
- Бланкизм, бланкисты — 218, 368, 375 — 377, 605
- Блок меньшевиков с либералами — 363
- Блок пролетариата с деревенской беднотой — 363, 371, 399
- Боевые дружины — 544
- Бойкот Гос. Думы — 136, 573
- Брест-литовский мир — 294, 298, 310, 316, 321, 322, 328
- Брошюра «Vademecum» («Путеводитель») (Плеханов) — 103, 519
 - «Всероссийское раззорение» (Плеханов) — 95, 518, 522
 - «Две тактики» (Ленин) — 399, 427, 429
 - «Десятилетие Морозовской стачки» — 472
 - «Задачи русских социал-демократов» (Ленин) — 470
 - «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» — 95, 518, 522
 - «За и против бойкота III Думы» (Ленин, Каменев) — 573
 - «К деревенской бедноте» (Ленин) — 363
 - «Credo» (Кускова) — 365, 443
 - «Наши разногласия» (Плеханов) — 64 — 66, 69, 86, 419, 420, 433, 434

- Брошюра «Об агитации» — 90, 91, 99, 107, 518, 523, 524
 - «Парижская Коммуна и идея государства» (Бакунин) — 59, 65, 66
 - «Рабочее движение и социал-демократия» (Аксельрод) — 70
 - «Русский рабочий» (Плеханов) — 419, 444
 - «Социал-демократы и рабочий класс» (Мартынов) — 103
 - «Социализм и политическая борьба» (Плеханов) — 53, 61, 338, 339, 387, 406, 419, 420, 432, 518
 - «Что делать» (Ленин) — 106, 107, 360, 468, 471
 - «Что такое друзья народа» (Ленин) — 419, 420, 430
 - «Шаг вперед, два шага назад» (Ленин) — 126, 398, 400
- Булыгинская Дума — 553, 558
- «Бунд» — 94, 96, 112, 121, 123, 519, 527, 528, 547, 548, 555, 556, 563, 564
- Бюро комитетов большинства — 120, 538

В

- «Великорусс» — см. прокламация
- Военно-революционный комитет — 218
- Вооруженное восстание — 119, 210, 545, 551 — 554, 561, 563, 567, 573
- Восстание Декабрьское — 519, 541, 544, 552, 553, 561
 - Кронштадтское — 561
 - Свеаборгское — 561

Г

- Газета «Basler Vorwärts» — 271
 - «Беднота» — 481

Газета «Berner Tagwacht» — 277

- «Биржевка» («Биржевые Ведомости») — 240
- «Welt am Montag» — 305
- «Вперед» (1905 г.) — 130
- «Вперед» (1909 г.) — 520
- «Голос рабочего» — 96
- «Дейтше Тагесдейтунг» («Deutsche Tageszeitung») — 305
- «Заря рабочего» — 79
- «Звезда» — 235, 237, 242, 438, 461 — 468, 520
- «Земщина» — 203
- «Зерно» — 59, 62
- «Известия» — 481
- «Искра» — 58, 102, 105 — 110, 112, 113, 121, 126 — 130, 341, 342, 344, 346, 348, 360, 361, 363, 379, 519, 532, 538
- «Копейка» — 242, 467
- «La Sentenelle» — 276
- «Луч» — 266, 267
- «Манчестер Гардиан» («Manchester Guardian») — 297
- «Московские Ведомости» — 447, 472
- «Народное Право» — 272
- «Начало» — 557
- «Наш Путь» — 241
- «Neue Zeit» — 123
- «Новая Жизнь» — 557
- «Новое Время» — 465
- «Петербургская Газета» — 453
- «Правда» — 211, 256, 262, 263, 265 — 267, 462, 467, 479, 520, 587
- «Правительственный Вестник» — 526
- «Пэи» — 295
- «Рабочая Газета» — 95, 98, 528
- «Рабочая Заря» — 167
- «Рабочая Мысль» — 96, 98, 99, 103, 107, 443, 529
- «Рабочее Знамя» — 104
- «Рабочий» — 83, 518
- «Речь» — 209, 235, 263, 264, 266, 267, 467
- «Русские Ведомости» — 151
- «Русское Знамя» — 203
- «Современное Слово» — 241, 467
- «Tägliche Rundschau» — 297
- «Торгово - Промышленная Газета» — 476

Газета «Vorwärts» — 244, 303, 306, 308

- «Экономическая Жизнь» — 478, 480, 482
- «Южный Рабочий» — 104
- Гегемония пролетариата — 414 — 417
- Голод 1891 — 1892 гг. — 85, 86
- Государственная Дума I — 550, 551, 558, 559
- — II — 558, 565 — 567, 569 — 572, 574
- — III — 223 — 229, 232 — 240, 245 — 247, 573
- — IV — 199, 201, 214, 250, 251, 467

Государственное совещание — 214

Государственный совет — 239, 240, 249, 254, 262, 263

«Группа Благоева» — 518, 588

- «Борьба» — 122, 359, 360
- «20-ти» — 98
- «Освобождение труда» — 53, 61 — 64, 66 — 72, 79, 81, 82, 86, 95 — 97, 103 — 105, 121, 122, 174, 342 — 344, 349, 359, 386, 387, 401, 419, 435, 440, 469, 518, 519, 527, 615
- «Рабочая группа» — 387
- «Рабочая Мысль» — 98, 104, 353, 434
- «Рабочее Знамя» — 98, 104, 116
- «Самоосвобождение рабочего класса» — 98
- «Социал-Демократ» — 104, 360, 437
- «Социалист» — 98, 104, 116
- «Черный Передел» — 56, 58, 174, 349, 351, 400 — 402, 434, 435
- «Южный рабочий» — 121 — 123

Д

Дашнакцутюн — см. партия армянских рев. националистов

Девятое января — 425, 534 — 537

Декабрьское вооруженное восстание — см. восстание

Декларация прав человека и гражданина — 45, 496

Демонстрация апрельская (1917 г.) — 206

— июльская (1917 г.) — 209

Демонстрация первомайская — 115, 116, 595
 — рабочая, массовая — 115, 117, 207, 209
 — студенческая — 114
 Диктатура буржуазии, демократии — 189, 216
 — класса — 376, 377
 — пролетариата — 197, 317, 328, 329, 361, 377, 378, 394, 431, 577 — 579

Думская социал-демократическая фракция — см. РСДРП, фракция Гос. Думы

Ж

Жирондисты — 399, 424
 Журналы: «Борьба классов» — 340, 405, 406, 418
 — «Вестник Народной Воли» — 58, 61, 62, 65, 447
 — «Вестник финансов, промышленности и торговли» — 476
 — «Вехи» — 264
 — «Жизнь» — 105
 — «Заря» — 69, 70, 105, 106, 108, 122, 346, 347, 363
 — «Земля и Воля» — 55, 57, 59, 62, 79, 165
 — «Красная Летопись» — 386 — 388
 — «Новое Слово» — 87, 105
 — «Отечественные Записки» — 76, 152
 — «Пролетарская Революция» — 338, 386, 392, 407 — 410, 416, 418, 424, 425, 438, 587, 591
 — «Рабочее Дело» — 103, 113
 — «Современник» — 389, 417
 — «Черный Передел» — 58, 59

З

Закон 3-го июня — 251
 Зубатовщина, зубатовцы — 110 — 112, 118, 353, 443, 467, 519

И

Идея четвертого сословия — 76, 77
 Издательство «Буревестник» — 95
 — «Всеукраинское общество содействия «Юному ленинцу» — 444

Издательство «Колос» — 445
 Интернационал I — 49, 50, 52, 53, 363, 365, 367, 368, 369, 371, 614
 — II — 50 — 52, 189, 329, 363 — 365, 367 — 370, 470, 472, 577 — 580
 — III — 329, 371
 Июльские дни (3 — 5 июля) — 213
 Июньское наступление — 209, 210

К

Кадеты — 201, 213, 214, 235, 239, 240, 264, 267, 300, 425, 467, 540, 565, 567
 Кантональный совет — 273, 275
 Коалиционное правительство — 208, 209, 213, 218
 Коммуна. Парижская — см. Парижская Коммуна
 Коммунизм — 62, 65, 596
 — древне-христианский — 494, 599, 600
 — еретический, монастырский, средневековый — 511 — 513, 517, 601
 — первобытный — 502, 598, 609
 — платоновский, коммунизм потребления — 493, 597
 — современный, научный — 494, 500, 501
 — федералистический — 602, 603
 «Коммунистический манифест» — 47, 48, 49, 51, 52, 60, 71, 430, 606, 613, 614
 Конгресс Парижский (1889 г.) — 52
 Конституция — 82, 111, 338, 339, 536
 Конференция Выборг. (июль 1907 г.) — 573
 — Гельсингфорская — 561, 573
 — комитетов большинства — 129
 — комитетов «меньшинства» — 131, 201, 424, 519, 538, 555
 — объединительная (лето 1914 г.) — 520
 — Парижская (1908 г.) — 520
 — Пражская (1912 г.) — 198, 520
 Корниловщина, корниловцы — 307, 308
 Красная армия — 330, 331
 «Крестьянский союз» — 428
 Кризис марксизма — 87
 — промышленности — 81
 Кронштадтское восстание — см. восстание

Л

- Лавризм, лавристы — 161, 386
 Лассальянство — 386
 Легальный марксизм — 65, 86, 87, 100, 101, 105, 106
 Либерализм, либералы — 84, 240, 347, 361, 368, 369, 394, 398, 418, 519, 530, 539, 564 — 566, 615
 «Лига Революц. русск. соц. демократии» — 107, 108, 121, 122, 131
 Ликвидаторство, ликвидаторы — 198, 266, 436, 462, 467, 520, 562, 573, 617
 Лионские ткачи — 46

М

- Максимализм — 377
 Манифест 2-го декабря (1905 г.) — 544
 «Манифест равных» — 45, 496, 497
 Манифест Российской Соц. Демокр. раб. парт. — 97 — 99
 Марксизм революционный, ортодоксальный — 87, 88, 122, 189, 369, 371, 379
 Махаевщина, махаевцы — 352 — 354
 «Международное товарищество рабочих» — 49, 138
 Муждународный социал. конгресс Амстердамский — 120
 — Парижский — 120
 Министры капиталисты — 206, 214
 — «социалисты» — 209, 214
 «Молодая Россия» — см. прокламация
 Морозовская стачка — 89, 174 — 176, 181 — 183, 390, 419, 420, 473
 Муниципализация земли — 549, 550
 Мютюелизм — 368

Н

- «Народная Воля» — см. партия «Народной Воли»
 Народолюбцы, народолюбчество — 53, 59, 62, 63, 68, 81, 172, 173, 379, 386 — 388, 394, 400, 401, 414, 446, 455, 456, 525, 615
 Народники, народничество — 53 — 55, 62 — 65, 76, 77, 81, 85 — 87, 100, 106, 109, 166, 342, 381, 387, 390, 397, 413, 419, 469
 Народные социалисты — 565
 Национализация земли — 549, 550

Национализация промышленности — 218

Национальный вопрос — 579, 580
 Национальное собрание — 323, 324

О

- Обуховская оборона — 112, 519
 Общество «Земля и Воля» — 54 — 70, 72, 77, 162, 163, 171, 349, 401, 402, 518
 — «Народной расправы или топора» — 52
 Общинное землевладение — 54, 64
 Октябристы — см. партия 17 октября
 Освобожденцы — 425
 Отзовизм — 520, 572

П

- Парижская Коммуна — 49, 141, 394, 614
 Партия армянских националистов революционеров (Дашнакцутюн) — 380
 — «Народной Воли» — 56, 57, 60, 61, 65, 67 — 69, 81, 84, 87, 88, 97, 173, 174, 350, 379, 388, 393, 394, 401 — 403, 419, 438, 475, 518
 — польских социалистов (ППС) — 380
 — 17 октября, октябристы — 238 — 240, 565
 — Российская Коммунистическая (большевиков) — ЦК — 332, 333
 — МК — 332, 333
 Петрашевцы — 389
 План земской кампании — 130, 519, 531 — 533
 Программа минимум РСДРП — 399, — РСДРП — 189, 538, 556, 588
 — Северн. Русск. Рабоч. Союза — 78
 Прокламация «Великорусс» — 389, 417, 419.
 — «К молодому поколению» — 387
 — «Молодая Россия» — 374
 Протофис (Союз промышленников, торговцев и финансистов в Киеве, во времена Скоропадского) — 311
 Проект аграрной прогр. с.-д. — 363
 — программы РСДРП — 121
 — — русских соц.-демократов — 66, 68, 69, 72
 Прудонизм — 368

Р

- Рабочая аристократия — 362, 365, 371
 Рабочий контроль — 218
 — съезд — 562
 Революция аграрная — 565
 — буржуазная, демократическая —
 45, 47, 53, 141, 195, 217, 218,
 293, 393, 410, 424, 427, 428,
 471, 581, 584, 613
 — в Австрии — 578
 — в Англии (XVII век) — 601
 — в Венгрии (1848 г.) — 581
 — Великая французская — 45, 46,
 141, 394, 395, 495 — 497, 602,
 603, 611
 — германская (1918 г.) — 313, 314,
 325, 328, 329, 539, 578
 — июльская 1830 г. — 605
 — Октябрьская — 371, 374 — 376,
 394, 397, 439, 461, 472, 489,
 533, 577
 — социалистическая, коммунистиче-
 ская, пролетарская — 47, 51,
 189, 197, 324, 327, 328, 402,
 430, 461, 578, 579, 613, 614
 — 1905 года — 191, 195, 198, 424,
 533, 534, 541, 542, 544 — 546,
 615
 — Февральская — 465, 533, 569, 572,
 577
 Ревизионизм — 519, 614
 Резолюции 1-ой конференции РСДРП —
 131
 — III съезда — 132
 Реформы 60-х годов — 581
 — экономические — 83
 РСДРП — Военные организации — 561
 — группы — николаевская — 120
 — — одесская — 120
 — — саратовская — 120
 — комитеты: Донской — 117
 — — Екатеринославский — 100,
 120
 — — Иваново-Вознесенский — 120
 — — Киевский — 107, 114, 120
 — — Московский — 120, 544
 — — Петербургский — 112, 116,
 120, 560
 — — Харьковский — 115, 120
 — Организационный комитет — 121,
 130, 519, 538

РСДРП — Фракция Государственной
 Думы — 559, 560, 563 — 565,
 567, 569, 570, 572

С

- Самодержавие — 85, 351, 361
 Самовооружение народа — 551
 Сборник «Братская могила» — 386
 — «Листок Работника» — 95
 — «На родине» — 60
 — «Работник» — 95
 — «Социал-демократ» — 70
 Свеаборгское восстание — см. восстания
 «Северный союз русских рабочих» —
 72, 77 — 81, 84, 88, 164 — 168, 172,
 175, 351, 401, 421, 469, 518, 588
 Съезд германских Советов — 323 — 325,
 329
 — РСДРП I — 96 — 99, 123, 137,
 440, 441, 458, 519, 527
 — II — 102, 121 — 129, 137, 139,
 440, 441, 519, 531, 538, 548,
 556, 588, 589, 615
 — III — 130 — 132, 137, 519, 538,
 539, 548, 551, 555
 — IV Объединительный — 429, 519,
 546 — 550, 556 — 559, 561, 569
 — V Лондонский — 519, 563 — 569,
 571
 — Союза русских соц.-демократов —
 103
 Синдикализм, синдикаты — 596, 598
 Совет партии — 122, 129, 130
 — съездов — 254 — 256
 Социал-демократическая рабочая пар-
 тия Германии — 51
 Социализм научный, пролетарский —
 47, 51, 60, 62, 66, 71, 81 — 83,
 138, 142, 396, 397, 401, 403,
 456, 493, 595, 596, 612, 614
 — утопический — 47, 53, 396, 499,
 595, 606, 614.
 — христианский — 495, 605
 Социалисты-революционеры, эсеры, —
 119, 200, 328, 372, 380, 397, 562, 565,
 615
 «Союз борьбы за освобождение рабо-
 чего класса» — 94, 96, 98, 105, 345,
 443, 457, 458, 519, 525 — 527, 615
 «Союз германских рабочих обществ» —
 614
 — коммунистов — 48, 49, 128

«Союз национального возрождения» — 499

«Союз русских социал-демократов» — 94, 95, 103, 104, 107, 108, 112, 121, 122, 360, 519, 527

Т

Тактика: анархистская — 62
— народовольцев — 59, 68, 81
— социал-демократии — 99

Троцкисты — 427, 429

Трудовики — 208, 239, 240, 565

Тред-юнионизм, тред-юнионы — 365, 526, 595

У

Учредительное собрание — 135, 142, 218, 311, 313, 315, 328, 329, 425, 536, 539, 565, 567

Ф

Федеративная социалистическая республика — 397

Федеративный комитет (в Москве 1905 г.) — 544

Феодализм, феодалы — 511, 513, 608, 609, 611

Х

Хартия — 46, 604

Ч

Чартизм, чартисты — 46, 47, 365, 604

Чернопредельцы — 60, 64, 81, 82, 400, 401

Чигиринское дело — 351

Э

Экономизм, экономисты — 99 — 105, 107, 108, 120, 123, 136, 198, 353, 359, 361 — 365, 367, 411, 434, 435, 443, 471, 519, 530, 615

Эрфуртская программа — 95

Ю

«Южно-русский рабочий союз» — 77, 175, 391, 401, 518, 588

Я

Якобинство, якобинцы — 373 — 375, 378, 379, 392, 394 — 396, 398 — 400, 402 — 404, 424

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
Предисловие	3
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ БАТУРИН (ЗАМЯТИН)	9
Curriculum Vitae	41
ОЧЕРК ИСТОРИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ	43—14
Введение. Социализм и рабочее движение	45
I. Группа «Освобождение труда»	53
II. Рабочее движение 70-х и 80-х гг.	72
III. Социал-демократия и рабочее движение 90-х годов	84
IV. «Искра» и II съезд партии	102
V. «Большинство» и «меньшинство»	123
Заключение. Буржуазная революция и социал-демократия	141
ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ 70-х И 80-х ГОДОВ	145—186
Первая стачка	147
П. А. Алексеев. 1849—1891	155
Социалисты народники и Северный союз русских рабочих	161
С. Н. Халтурин. 1857—1882	169
Морозовская стачка	174
Петр Анисимович Мосеенок. <i>Краткая автобиография</i>	183
БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ КАК ОРГАНЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ	187—219
СТАТЬИ ИЗ «ЗВЕЗДЫ», «НЕВСКОЙ ЗВЕЗДЫ» И «ПРАВДЫ»	221—267
1910—1912 гг.	221—267
Государственная Дума. Итоги сессии. «Вермишель»	223
Движение женской прислуги в Европе	229
Оздоровление Петербурга	231
Кадеты об оздоровлении Петербурга	235
Государственная Дума. Оздоровление Петербурга. — «Идея самоуправления» и «идея государственности». — Ставка на городскую бедноту. — Партийные группировки	237

	СТР.
Очередной вопрос	240
Рабочая газета	242
3-я Дума перед судом промышленников	245
Рынок труда в России в 1911 г.	247
Великая питейная реформа	249
Профессора и казенка	251
Рост заработной платы и производительности труда рабо- чего в России за 1900 — 1908 гг.	252
С точки зрения производителя	254
Воинствующий капитализм	256
Доходность южно-русских металлических заводов	258
Прилив русских и иностранных капиталов в промышлен- ность за 1911 год	259
Ответ Д. Бехтереву	261
Письмо в редакцию	262
Перелицовка	—
Маленькая справка	263
Кто победил?	265
На «противоположной позиции»	266

СТАТЬИ ИЗ «ПРАВДЫ». 1918—1926 г. 269—355

Письма из Швейцарии.

Демонстрации протеста против голодного режима. <i>Письмо второе</i>	271
Всеобщая «голодная» демонстрация. — Верхи и низы рабо- чего движения. <i>Письмо третье</i>	274
Бильские беспорядки. <i>Письмо четвертое</i>	277
Испытания швейцарской демократии. — Большевизм идет! — «Швейцарский закон против социалистов». <i>Письмо пятое</i>	280
«Всеобщий рабочий съезд». — Социал-реформизм или бур- жуазная революция. <i>Письмо шестое</i>	284
Что случилось?	294
Лига народов или 3-й Интернационал	296
Из Милана в Киев	299
Вильгельм последний	300
Американский империализм	302
Последние холопы Вильгельма последнего	305
Германская корниловщина	306
Новая карта Европы	308
Украина на распутье	310
Советские меньшевики и германская революция	313
Красно-белая демократия	316
На Украине	319
Свобода самоопределения и единый фронт	321

	СТР.
Голос из мусорного ящика русской революции	323
Новая Скоропадия	325
Меньшевицкая двусмыслица	328
Наши победы	330
Районная самостоятельность на Московской конференции . . .	331
Педагогический футуризм и задачи советской школы . . .	333
Чего могут требовать самоучки-изобретатели?	336
Бабушкины сказки о Плеханове и о большевизме	337
«Искра» и Ленин	341
Лев Дейч. Роль евреев в русском революционном движении	348
Памяти «махаевщины»	352

СТАТЬИ ИЗ «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ». 1923—1926 г. 357—447

Группа «Борьба». По поводу воспоминаний тов. Стеклова	359
О «социальных корнях» «экономизма» и меньшевизма.	
По поводу книги тов. В. Астрова: Экономисты—	
предтечи меньшевиков	361
О влиянии мелкой и крупной буржуазии на рабочее движе-	
ние. Ответ тов. Лелевичу	365—373
I. Не столько о «корнях», сколько о схоластиках	365
II. Роль мелкой и крупной буржуазии в рабочем движении	368
III. Интеллигенция как «фактор» оппортунизма	371
О наследстве «русских якобинцев»	373
По поводу книги тов. В. И. Невского, Очерки по истории	
РКП (большевиков)	380
Еще о цветах русского якобинства	392
На свежую воду. Критика критической антикритики	
В. И. Невского	405
В. Невский. История РКП (б). Краткий очерк	422
От группы «Освобождение труда» к I съезду	440

Библиография

В. Астров, Экономисты — предтечи меньшевиков	442
С. Лещинская, Ткач Петр Алексеев, Степан Халтурин . .	444
Лев Тихомиров, Плеханов и его друзья	445

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ПАРТИИ И РЕВО- ЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ 1921 — 1925 гг. 449—490

Конспект-минимум для воспоминаний	451
Кто были первые помощники тов. Ленина в борьбе его	
за освобождение рабочих	452
От «Звезды» к «Правде»	462
Ленин — выразитель русского рабочего движения	468
Из жандармских архивов о морозовской стачке	472
Органы Губэкономсовещания. Обзор	476

	СТР.
«Чему учит семенной кризис»	483
На обсуждение читателя. <i>Воронежу нужен рабочий универ-</i> <i>ситет</i>	488
ЛЕКЦИИ 1919 и 1926 г.	491—584
История социализма в России. 1-я лекция 5 апреля 1919 г.	493
История коммунизма. 1-я лекция	502
Еретический коммунизм средневековья. 6-я лекция 5 июня 1919 г.	511
Программа лекций по истории российской коммунистиче- ской партии	518
90-е годы. Лекция 23 июля 1919 г.	521
Революция 1905 — 1907 гг. Лекция 10 сентября 1919 г. .	531
Объединительный съезд партии и отношение большевиков и меньшевиков к Гос. Думе. Лекция 15 сентября 1919 г.	546
Лондонский съезд партии и деятельность с.-д. фракции в Гос. Думе. Лекция 3 октября 1919 г.	563
Вступительная лекция по курсу «ВКП(б) и основы лени- низма» в Воронежском с.-х. институте	575
Условия развития рабочего движения и марксизма в России	581
ПИСЬМА, 1926 — 1927 г.	585—592

ПРИЛОЖЕНИЯ

Единение пролетариата	595
История социализма	597
Организационное заседание Комиссии по изданию Совет- ского энциклопедического словаря	618
Указатель имен	623
Предметный указатель	627

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Н. Н. Батурин. Фотография редакции «Правды» к пят- надцатилетнему юбилею газеты—1927 г.	1
Н. Н. Батурин. 1905 г.	между 160—161
Н. Н. Батурин. Снимок Охранного отделения—1910 г.	между 224—225
Первая страница рукописи статьи Н. Н. Батурина «Голос из мусорного ящика русской революции».	между 320—321
Н. Н. Батурин. Фотография с хранящегося в Музее ре- волюции СССР портрета работы художника И. К. Пархоменко —1921 г.	между 336—337

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Альбом портретов В. И. Ленина. (Только для членов XIII Съезда РКП.)

Каталог рукописей В. И. Ульянова (Ленина). (Только для членов XIII Съезда РКП.)

Ленин В. И.—*Грозящая катастрофа и как с ней бороться.* Факсимиле рукописи 1917 г. (Только для членов XIII Съезда РКП.)

Ленин В. И.—*О диктатуре пролетариата.* Факсимиле рукописи 1920 г. Ц. 50 к.

Ленин В. И.—*Товарищи рабочие! Идем в последний решительный бой!* Факсимиле рукописи 1918 г. Ц. 1 р. 35 к.

Алексеев В. и Швер А.—*Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887).* Под редакцией и с примечаниями А. И. Ульяновой (Елизаровой). С 12 снимками в тексте. 68 стр. Ц. 35 к.

Аросев А.—*Основные вехи жизни В. И. Ульянова (Ленина).* Краткая выдержка из календаря жизни Владимира Ильича. 32 стр. Ц. 15 к.

Ленин В. И.—*Маркс—Энгельс—Марксизм.* Сборник статей. 112 стр. Ц. 55 к.

Ленин В. И.—*Об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрократизмом и волокитой.* 93 стр. Ц. 30 к.

Ленин В. И.—*О революции 1905 года.* 24 стр. Ц. 10 к.

Ленин о Чернышевском. Под ред. И. И. Скворцова-Степанова, с предисл. и примеч. Арк. Ломакина. 130 стр. Ц. 75 к.

Ленин В. И.—*Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический.* 20 стр. Ц. 10 к.

Ленин В. И.—*Письма Максиму Горькому. 1908—1913 г.* (Женева—Париж—Краков—Берн—Поронин). 80 стр. Ц. 30 к.

Ленин В. И.—*Письма А. Г. Шляпникову и А. М. Коллонтай. 1914—1917.* 106 стр. Ц. 40 к.

Ленин В. И.—*Рабочее движение в России в эпоху первой революции.* 32 стр. Ц. 10 к.

Ленин В. И.—*Сочинения. Тт. I—XV, XVII—XXIII, XXV.* Изд. второе, исправленное и дополненное. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева.

Ленин В. И.—*Сочинения. Тт. I—XV, XVII—XXIII, XXV.* Изд. третье, перепечатанное без изменений со второго исправленного и дополненного издания. Под ред. Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева.

Лениниана. Том I. *Библиографический обзор русской литературы за 1924 год.* Под редакцией И. В. Владиславлева. XVI+528 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Том II. *Библиографический обзор русской литературы за 1925 год.* Под редакцией И. В. Владиславлева. XII+772 стр. Ц. 6 р.

Том III. *Библиографический обзор русской литературы за 1926 год.* Под редакцией И. В. Владиславлева. VIII+532 стр. Ц. 5 р.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

Том IV. *Библиографический обзор русской литературы за 1927 год.* Составлен Библиотекой Института Ленина. VIII + 523 стр. Ц. 5 р.

Любимов И. Н.—*Революция 1917 года. Хроника событий. Том VI. Октябрь—декабрь.* VIII + 498 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Ольминский М.—*Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ 1911—1914 гг.* Издание второе, дополненное. 352 стр. Ц. 1 р. 90 к.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП Август 1917—февраль 1918. Под общей редакцией М. А. Савельева. Подготовил к печати В. Рахметов. VII + 309 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Указатель к Ленинским сборникам I—VII. Составлен Библиотекой Института Ленина. 56 стр. Ц. 50 к.

СБОРНИКИ:

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА I. 184 стр. Ц. 1 р. 25 к.

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА II. 176 стр. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА III. 154 стр. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК I. 264 стр. + 6 иллюстраций. Ц. 2 р. 30 к.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК II. 520 стр. + 9 иллюстраций. Ц. 3 р.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК III. 588 стр. + 7 иллюстраций. Ц. 3 р. 20 к.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК IV. 464 стр. + 2 иллюстрации. Ц. 3 р. 30 к.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК V. 610 стр. + 4 иллюстрации. Ц. 4 р. 50 к.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК VI. 360 стр. + 1 иллюстрация. Ц. 3 р. 50 к.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК VII. 397 стр. + 2 иллюстрации. Ц. 3 р. 50 к.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК VIII. 374 стр. + 2 иллюстрации. Ц. 3 р. 25 к.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК IX. 320 стр. + 2 иллюстрации. Ц. 3 р.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК X. 373 стр. + 2 иллюстрации. Ц. 3 р. 25 к.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XI. 432 стр. + 2 иллюстрации. Ц. 3 р. 25 к.

О ЛЕНИНЕ. Сборник воспоминаний I. 160 стр. Ц. 60 к.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Бюллетень Института Ленина при ЦК РКП(б) № 1.

Бюллетень Института Ленина при ЦК РКП(б) № 2.

Институт Ленина при ЦК РКП(б). Отчет XIV партийному съезду.

Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет XV партийному съезду.

Каталог изданий Института Ленина.

Проект правил издания трудов В. И. Ленина. Составил С. Н. Валк.

Проспект Института Ленина.

То же, на английском языке.

То же, на немецком языке.

То же, на французском языке.

Путеводитель по музею Института Ленина. 109 стр. Ц. 50 к.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Ленин В. И.—*Сочинения. Т.т. XVI, XXVI, XXVII.* Издание второе, исправленное и дополненное. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева.

Ленин В. И.—*Сочинения. Т.т. XVI, XXVI, XXVII:* Издание третье, удешевленное, печатаемое без изменений со второго исправленного и дополненного издания. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева.

Ежемесячный орган Института Ленина при ЦК ВКП(б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

IX ГОД ИЗДАНИЯ

Под редакцией: В. В. Адоратского, Д. А. Баевского,
П. О. Горина (зам. отв. редактора), С. П. Коршунова,
М. С. Ольминского, М. А. Савельева (отв. редактор).

Журнал „Пролетарская Революция“ посвящен изучению ленинизма, истории ВКП(б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал „Пролетарская Революция“ публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партийных организаций.

Отделы журнала: 1) Статьи. 2) Воспоминания. 3) Материалы. 4) Трибуна. 5) Доклады в Институте Ленина. 6) Критика и библиография. 7) Хроника.

К сотрудничеству в журнале привлечены лучшие партийные и научные работники.

Журнал „Пролетарская революция“, являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкие кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушателей вузов и комвузов и т. п.

Из отзывов прессы о журнале „Пролетарская Революция“:

Журнал „Пролетарская Революция“ выполняет весьма полезную работу подготовки материалов по истории революционного движения в России, истории ВКП(б) и Октябрьской революции...

Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более строгий его подбор завоевывает „Пролетарской Революции“ видное место среди существующих научных марксистских журналов...

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма.

„Книга и Революция“ № 1. 1929 г., стр. 44—45.

С тех пор как „Пролетарская Революция“ стала органом Института Ленина при ЦК ВКП(б), центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и именем В. И. Ленина. Это придает выдающийся интерес почти каждой книжке журнала.

„Историк-марксист“, том XII, 1929 г., стр. 269.

Цена на год—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—3 руб.

Цена отдельного номера—1 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3; Ленотгизом, Ленинград, пр. 25 Октября, 28; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР; у уполномоченных, снабженных удостоверениями; во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграфных конторах, а также у письмоносцев. По Москве и Московской области подписку надлежит направлять Мосотгизу „Московский Рабочий“, Москва, Неглинный пр., 9.

8 р. 25 к. Переплет 75 к.